

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ТРЕТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.Я. МАРР

Я З Ы К
И
О Б Щ Е С Т В О

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 3 4

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ

*С. Н. Быковского, акад. И. И. Мещанинова, **акад. С. Ф. Ольденбурга***

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. В. Аптекарем

Ответственный редактор *Ф. В. Кипарисов*. Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Рисунки для переплета, титула и контртитала работы *В. Д. Дворяковского*
Форзац авторизованная *Е. Г. Дорфман*. Супер-обложка по макету *Г. Г. Гильо*
Рисунки (сатири) работы *Н. К. Шведе-Радловой*

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград. Р. С. Ф. № 12

Сдано в набор 3 января 1934 г. — Типографский номер 33 сентября 1934 г.

Литератур. № 1857. Бумага: формат 72 x 110, длина 57 см. — Т. н. вышед в свет 54800. — Заб. № 2357

Предисловие к третьему тому

I

Согласно общему плану, принятому для издания «Избранных работ» Николая Яковлевича Марра, третий том, озаглавленный «Язык и общество», служит продолжением второго, поскольку в нем также освещаются кардинальные проблемы «нового учения» о языке, но уже в их увязке с вопросами исторической науки.¹ Основным стержнем всех трудов Н. Я. Марра, включенных в настоящий том, является созданная Н. Я. Марром материалистическая палеонтология, противопоставленная им идеалистической палеонтологии индоевропейцев.

Все работы Н. Я. Марра, вошедшие в состав тома, соединены в четыре группы. Вне группы стоит лишь одно исследование «Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах)», которая хотя и связана с работами третьей группы, однако имеет специфические черты и генетически скорее относится к филологическим трудам Н. Я. Марра по изучению памятников грузинской и армянской средневековых литератур.

В первую группу вошли те обобщающие работы Н. Я. Марра, в которых им изложены общие проблемы палеонтологии языка, как исторической дисциплины и которые позволяют судить о том принципиально-новом, что внесено основоположником нового учения о языке в эту исключительно важную для всей науки о развитии человеческого общества область знания. Конкретно первую группу составляют: статья, популяризирующая достижения нового учения об языке, преимущественно в части палеонтологии, «Об яфетической теории», речь, читанная в годичном собрании Государственной Академии истории материальной культуры в 1926 г., «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры», и, наконец, доклад, прочитанный на открытии подсекции материалистической лингвистики секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии, озаглавленный «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории».

Из названных работ первая опубликована в 1924 г., последняя доложена 27 октября 1928 г., и хотя их разделяет период только в четыре года, однако даже неспециалисту легко заметить качественную разницу в общих методологических установках и соответственно в трактовке одних и тех же вопросов. Если в работе «Об яфетической теории» Н. Я. Марр, уже отбросивший расовое объяснение происхождения индоевропейских языков, продолжает еще считать разра-

¹ Избранные работы, т. I, стр. IX.

ботанное им яфетическое языкознание лишь дополнением к индоевропейской лингвистике в части изучения древнейших эпох языка, хотя и предвидит, что совместная работа яфетидологов с индоевропейцами вряд ли возможна и что «борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно важных проблем. так, переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно поработанных народностей и выяснение основ будущего действительно единого языка человечества, содействие в ускорении этого неизбежного мирового процесса усовершенствованием лингвистической техники», — то в «Актуальных проблемах и очередных задачах яфетической теории» он четко и резко противопоставляет свое новое учение о языке старому буржуазному компаративизму. Теперь вопрос стоит для Н. Я. Марра не о том, чтобы в том или ином виде добиться признания достижений яфетидологии у работников индоевропейской лингвистики: «нас тревожит и волнует другой вопрос, — заканчивает он свой доклад в Коммунистической академии, — а именно — удастся ли нам реализовать в темпе актуальной потребности скрещение новых языковедных достижений яфетической теории с обществоведческим историко-материалистическим методом? А это основная сейчас проблема из проблем, задача из задач, первоочередная и актуальнейшая, яфетической теории». Практика последующих лет напряженной работы, как известно, полностью оправдала надежды Н. Я. Марра, и в настоящее время новое учение о языке не только использует основные положения исторического материализма, но и внутренне перестраивается, включившись в общий фронт марксистско-ленинской науки.

Параллельно изменению общей методологии работ Н. Я. Марра не менее коренным образом перевооружалась яфетидология и в части своей лингвистической техники. На смену старой фонетической технике индоевропейцев с формальным анализом отдельных звуков в разрыве от содержания пришел лингвистический анализ по четырем элементам, давший возможность практически увязать содержание и форму в изучении языковых явлений. Касаясь последнего момента, Н. Я. Марр в работе «Семантическая палеонтология в языках не яфетических систем» отмечает, что уже со времени первого изложения своих новых теоретических взглядов в докладе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры», он «почувствовал, что у яфетической теории уходит почва из-под ног, поскольку она орудует все-таки пережиточной техникой старого учения». «Но можно ли было до открытия четырех элементов технически справиться с наметившимися в той работе новыми проблемами и проработать имевшиеся достижения во всех подробностях, а иногда и по существу, как мы теперь то понимаем?» спрашивает Н. Я. Марр и, отри-

цательно отвечая на этот вопрос, предупреждает, что «одни лингвистические элементы не могли и по установлении их в числе четырех явиться поворотным пунктом в направлении яфетической теории... Творческая мощь четырех элементов в исследовательском деле — это семантика, порожденная на различных стадиях в различных путях различными орудиями производства. Семантика дала добрый шаг за шагом палеонтологическую речь до процесса организации языкового материала, проникнуть в нее. Благодаря ей четыре лингвистических элемента открыли новый путь увязки, уже увязали даже отрешенные фонетические нормы, как производные, с идеологией общественности, как производительницы, в путях диалектического материализма».

Новый, в основе своей материалистический и диалектический подход Н. Я. Марра к проблемам семантики и к палеонтологии языка в свою очередь привел к тому, что самое содержание палеонтологии речи, дисциплины, разработывавшейся еще основоположниками индоевропейского языкознания (достаточно вспомнить хотя бы замечательную «Историю немецкого языка» Гримма), в корне изменилось.

Осуществляя мысль Лейбница о том, что «ничто не проливает больше света в исследованиях происхождения древних народов, чем сравнение языков»,¹ уже современники Боппа пытались при помощи сравнительного изучения языковых фактов воссоздать древнейшую культурную историю индоевропейских народов и с помощью палеонтологии языка построить науку, которая наряду с археологией позволяла бы историку спускаться в глубины прошлого, лишенного еще письменных памятников. Проблема палеонтологии речи в основных своих моментах была сформулирована Фридрихом Шлегелем в его сыгравшей историческую роль книге «О языке мудрости индийцев» (Гейдельберг, 1808 г.), принципы которой были широко использованы Боппом в «Сравнительной грамматике». Именно Фр. Шлегелем, этим подлинным духовным отцом индоевропеизма, значение и заслуги которого младограмматики всячески пытались умалить, были указаны те пути, идя по которым палеонтология языка индоевропейцев, с одной стороны, очень быстро смогла дать столь близко пришедшую по сердцу буржуазным историкам картину идиллической доистории «арийцев», картину, в существенных чертах оставшуюся неизменной и поныне, а, с другой, — почти столь же быстро исчерпала себя в качестве исследовательского метода и стала в резко-противоречивые отношения с фактами других вспомогательных исторических дисциплин — антропологии, археологии, этнографии.

¹ «Nihil majorem ad antiquas populorum origines indagandas lucem praebere, quam collationem linguarum».

Причины быстрого расцвета и сменившего процветание длительного кризиса индоевропейской палеонтологии следует искать прежде всего в классовом ее содержании. Выступая, как и все индоевропейское языкознание в целом, в качестве идеологического продукта буржуазии, развиваясь под сильнейшим влиянием реакционного мировоззрения немецкого романтизма, палеонтология языка в буржуазной науке не столько служит методом для исследования, сколько является своеобразным вариантом уже заранее выбранной тем или иным ученым, той или иной фальсифицированной в классовых интересах эксплуататоров буржуазной исторической концепции. В работах индоевропейцев палеонтологии языка является лишь малоценным для подлинного научного знания результатом нанизывания тенденциозно подобранных и очень часто совершенно превратно толкуемых языковых данных на готовую, вятую напрокат историческую канву.

Конечно, лишь в некоторых случаях, как, например, по отношению к «трудом» созданной кардиналом Вильгельмом Шмидтом школы воинствующего католицизма (журнал «Anthropos») или к «исследованиям» одной из наиболее фашистски выдержанных академических группировок, сконцентрированной волею журнала «Mannus», можно и следует ставить вопрос о сознательном извращении фактов с целью получить заранее намеченные выводы. Однако и у лучших, вполне объективно подходящих к лингвистико-палеонтологическим штудиям ученых их классовое сознание заставляет их видеть материал только в тех аспектах, которые выработаны методологами буржуазной исторической науки. В лучшем случае эти работы возвышаются до добросовестного сбора материалов и до установления правильных частных заключений по отдельным вопросам, при чем нередко сам исследователь подчеркивает невозможность сделать конкретные обобщающие исторические выводы вследствие противоречивости лингвистических данных.

Совершенно другого качества палеонтология речи, разработанная Н. Я. Марром. В трудах лингвиста-материалиста и диалектика палеонтология действительно превратилась в мощное орудие лингвистического исследования, а добытые при его помощи выводы и факты служат ценнейшим историческим источником для изучения древнейших стадий человеческого общества. Новая палеонтология языка позволила не только проникнуть в тайны происхождения индоевропейских языков, но благодаря ей удалось вплотную подойти к решению проблемы о происхождении языка, которую современные эпигоны сравнительно-исторического языкознания выбросили, как неразрешимую, за борт своего изношенного судна.

В то время как у индоевропейцев даже палеонтология языка скована гнетущими узами расово разграниченных «семейств» языков, у Н. Я. Марра, ко-

торый совершенно справедливо считает, что «наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком»,¹ палеонтология языка неразрывно связана с учением об единстве глоттогонического процесса и внимательно испол: зовывает все доступные исследованию факты языков мира. Прослеживая в сокровищнице мировой речи человечества многообразные отложения всех стадий глоттогонии, палеонтология нового учения спускается в глубочайшую древность, для изучения и научного восстановления которой историк не располагает ни письменными, ни вещественными памятниками. «В палеонтологии звуковой речи, — говорит Н. Я. Марр, — человек охватывается с первого момента его существования и раскрывается по сигнализации языка. Этого не дает ни одна историческая наука, ни естественная, ни общественная. Раскрывается, как человек сам себя создал, перекраивая себя из зверя в домашнее, общественное животное, а из животного в человека». ² С древностью сигнализированных языком исторических данных могут поспорить разве только древнейшие ископаемые остатки самого человека.

С полным основанием отмечает Н. Я. Марр, что исследовательские достижения в области палеонтологии языка и неразрывно с нею связанной семантики являются основными лингвистическими достижениями нового учения о языке: «Вопрос не в новизне терминов, — указывает он в «Актуальных проблемах и очередных задачах яфетической теории», — а в новизне того, что пришлось под напором фактических данных уже вложить в их понимание, т. е. вопрос стоит об их реальном содержании. Это строго закономерная изменчивость значений слов и строго закономерная устанавливаемость каждого из них не эмпирическим путем, зависящим от практики употребления их в той или иной среде, тем или иным автором, или в какой-либо мере случайной коллективной санкцией в быту, а от норм увязанности значений с хозяйственно-общественной жизнью и ее запросами, закономерны меняющимися на различных ступенях стадийного развития».

Этот же вопрос поднимает Н. Я. Марр и в своей работе «Язык и современность». «Термин «палеонтология», — говорит он там, — сбивает с толку многих и специалистов. Воинствующие идеалисты-языковеды, формалисты по своему вкусу различных толков, то бесспорные правые, то сомнительные левые, охо-

¹ Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, стр. 1.

² Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 13.

тая за каждым лыком, чтобы поставить его в строку против нового учения об языке... пользуются и этим словом, чтобы дискредитировать яфетическую теорию, которая как будто изучает бесполезные для современности древности. Если бы дело шло лишь о словах, ну хотя бы о благозвучии или красоте термина, то оставалось бы выразить готовность принять любую полноценную его замену... Нас более смущает то, что самым звучанием своим слово это ничего не говорит ни уму, ни сердцу масс, какой бы они национальности ни были, между тем осмысливающим его содержанием оно необходимейшая часть нового учения: оно сигнализирует узловые революционные звенья в цепи исторического развития материальной базы, а за нею и надстройки — языка... Палеонтология речи нового учения об языке не имеет ничего общего с палеонтологией старого учения об языке, где термин также использовался в применении к эволюционному развитию уже сложившихся языков или вообще отвлеченно по формальным признакам сочиненного общего языка, да еще в пределах одной позднейшей стадии, и с палеонтологией там, действительно, связывается интерес исключительно к древнейшему состоянию языка или групп языков той же самой стадии. Палеонтология речи и нового учения об языке также считается в порядке своего подхода с древнейшим состоянием языка человеческих обществ, но и здесь учитывает оно коренные сдвиги и смены по стадиям».

Для человека, воспитанного на индоевропейских этимологиях, где сближение слов проводится в узких рамках родственных «семейно» языков и по жестким нормам механистических «фонетических законов», где анализ многообразных значений какого-нибудь слова проводится, строго следуя метафизическому формально-логическому мышлению и по привычным для современного «здорового смысла» связям, — палеонтологические результаты исследований Н. Я. Марра кажутся не только странными, но они абсолютно неприемлемы по своему резкому противоречию всем незыблемым, казалось бы, присущим человеку во все времена «древнейшим» фактам — своего рода аксиомам.

Идеалистические измышления, почти нераздельно господствующие в семантических исследованиях индоевропейцев и являющиеся лишь перепевом начального стиха евангелия от Иоанна «в начале было слово», и попытки вульгарных материалистов «отыскать» у обезьян, собак, даже петухов и галок «естественные слова», — терпят полное и жалкое поражение, и на материалах истории семантики полностью подтверждается правильность марксистско-ленинского подхода к проблеме сознания. «Никаких натуральных слов не существовало, — показывает Н. Я. Марр в своей работе «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». — Слова создавались с тех пор, как стала слагаться звуковая речь в удовлетворение потребностей, возникавших с развитием хозяйственной жизни и со-

циальной структуры коллективов в путях достигнутой в то время техники и в зависимости от мышления тех же эпох». Материалистическая палеонтология языка Н. Я. Марра раскрывает сложные процессы общественной истории слов.

Совершенно очевидно, однако, что история семантики не может быть построена только на генеалогии отдельных слов, — необходимо все эти генетические линии происхождения и развития лексики, палеонтологически прослеживаемые в различных частях словаря языков мира, классифицировать, свести в одно целое, вскрыть закономерности в развитии семантики, исследовать специфические явления, присущие семантике отдельных эпох, показать обусловленность их исторической сменой развитием и сменой различных стадий в истории мышления, найти реальные связи трансформации слов с исторически сменяющимися друг друга мировоззрениями человечества, отражающими лежащий в их основе диалектический процесс развития материального производства.

Необходимо изучить также диалектику развития языковой формы, понять законы ее движения в связи с изменениями семантического содержания. Весь язык, как целое, должен быть изучен в его историческом развитии, как качественно-сложное явление. «Сравнительный метод индоевропейцев, — отмечал по этому поводу Н. Я. Марр в «Чувашах-яфетидах», — оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значение слов, но и основы распределения значения и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни».

Голому синхронистическому описанию лингвистических явлений, сменившему у современных формалистов-эпигонов неудавшиеся классикам-творцам индоевропейской лингвистики попытки создать историю языка, Н. Я. Марр противопоставляет свою палеонтологию речи — материалистическое изучение диалектики языка-мышления, где центральное место занимает история семантики. Палеонтология языка в учении Н. Я. Марра материалистически выявляет не только общественную историю отдельных слов, она показывает также социальный генезис и развитие всех вообще явлений языка. Новый, в основе своей диалектико-материалистический метод нового учения о языке позволил Н. Я. Марру не только наметить все перечисленные выше задачи, но и значительно продвинуться вперед, установив многие конкретные законы семантики и дав историческое объяснение явлениям синтаксиса, морфологии и фонетики на основе имеющего принципиальное значение положения о стадивальности в развитии языка-мышления.

II

«Старое учение о языке, — говорит Н. Я. Марр, — правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления... в старом учении существовали законы фонетики (законы звуковых явлений), но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла. Законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе и слов. Значения слов не получали никакого общественно-идеологического обоснования».¹ Новое учение Н. Я. Марра, определяя язык как идеологическую надстройку, проблемы языка ставит и разрешает лишь в диалектической связи с мышлением. Ленинская мысль «история мысли = история языка» облекается в трудах Н. Я. Марра в кровь и плоть, и новое учение о языке вносит свой крупный вклад в построение материалистической теории познания.

В круг важнейших проблем о взаимосвязи языка и мышления вводят исследования Н. Я. Марра, составляющие вторую группу работ настоящего тома: «К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова», «Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'» и доклад, прочитанный на чрезвычайной сессии Академии наук СССР в Москве 26 июня 1931 г., «Язык и мышление», резюмирующий основные выводы Н. Я. Марра.

Буржуазное языкознание знает и признает лишь одну формальную логику, руководствуясь принципами которой оно пытается понять закономерности в изменении семантики и строя языка. Наталкиваясь на многочисленные в любом языке пережитки более ранних эпох, очень часто пережитки древнейших стадий человеческой истории с их особой структурой и содержанием мышления, резко отличными от современных форм, лингвисты-индоевропейцы не могут понять их специфики. Они поэтому либо попросту отбрасывают их, как «исключения», либо в корне извращают, нередко самым фантастическим образом, или, наконец, вслед за французским ученым Люсьеном Леви-Брюлем ссылаются на «дологическое» мышление, как на их основу. Если первый путь — путь «исключений» — является откровенным признанием полного своего бессилия разрешить проблему, а второй свидетельствует лишь о смелости и изобретательности, но отнюдь не о реальном понимании предстоящих задач, то попытки превратить «дологическое» мышление в якорь спасения, хотя в зародыше и содержат правильное решение, тем не менее также оказываются несостоятельными. Дело в том, что все буржуазные исследователи первобытного мышления, и Леви-Брюль в том числе, абсолютно не в состоянии, с одной стороны, вскрыть сущность этого

¹ Язык и современность, стр. 12.

«мистического» мышления, — оно для них в основах своих остается загадочным, — а, с другой стороны, они не могут найти перехода от мышления «дологического» к логическому. Тем самым «дологическое» мышление выполняет в работах языковедов-идеалистов ту же направленную к уничтожению материализма функцию, которая в родственных языкознанию областях науки возложена на «интуицию» Бергсона, «подсознательное» Фрейда и т. д.

Было бы, однако, в корне неправильным в борьбе против идеалистического, одностороннего, преувеличенного, неправильного истолкования первобытного мышления становиться на позиции полного отрицания каких бы то ни было положительных моментов в исследованиях Леви-Брюля и других ученых, исследующих проблемы «дологического» мышления, а тем более отрицать наличие специфических различий исторических форм мышления и брать последние не в их диалектическом движении, а в метафизической статике, игнорируя самую проблему первобытного мышления. «Реакционные поползновения порождаются самым прогрессом науки», учил В. И. Ленин, давая блестящие примеры того, как нужно диалектически и материалистически усваивать достижения буржуазной науки, решительно борясь в то же время против всяких попыток протащить под флагом этих достижений реакционную контрабанду идеализма и поповщины.

Конкретный палеонтологический анализ древнейших слоев яфетических языков позволил Н. Я. Марру критически подойти к концепции Леви-Брюля и дал возможность разрешить многие загадки первобытного мышления, устраняя идеалистические извращения позитивистско-дюркгеймовского толка в объяснении фактов этого мышления у Леви-Брюля. Так, лингвистические факты, добытые палеонтологией языка нового учения, выяснили грубое противоречие действительности метафизически данного у Леви-Брюля противопоставления «дологического» мышления мышлению логическому. «Слепой «смазывающий» конкретное положение термин «дологический», так нас многих пленяющий с легкой руки Леви-Брюля, — говорит Н. Я. Марр в «Языке и мышлении», — имеет быть исторически разъясненным в своем обусловленном бытием установлении. Новое учение о языке, базируясь на огромном фактическом материале, добытом палеонтологией речи, раскрывает, что мышление, предшествовавшее логическому, в свою очередь прошло целый ряд ступеней-стадий со сменой на каждой из них закономерностей и техники».

Уже в 1928 г. в «Актуальных проблемах и очередных задачах яфетической теории» Н. Я. Марр следующим образом резюмировал опыт своих исследований по вопросу о стадияльных сменах языка-мышления: «принадлежность различных систем морфологии к различным периодам языкотворчества опирается не непосредственно на тот или иной тип техники, хозяйственной и социальной

структуры, а при посредстве мышления. Мышление не стабильно. В нашем распоряжении, как будто всего-навсего две ступени в стадийном развитии мышления: одна ступень — это то, что Леви-Брюль называет дологическим мышлением, а на наш взгляд мышление образное, и оно намечается к определению во времени длительностью громадного измерения, намечаемого многими десятками тысяч лет. Другое мышление — логическое . . . Для нас по истории развития звуковой речи громадной важности вопросом является процесс смены дологического мышления логическим. Мы не можем никак мириться с непосредственностью следования этих двух в корне различных систем мышления . . . Нам пришлось бы изменить всей увязываемой системе построения яфетической теории, если бы мы допустили такой механический порядок чередования одного мышления с другим, ибо мы были бы вынуждены тогда прибегнуть к чуждым нашему построению источникам, призвать на помощь какую-либо таинственную силу, как чудесную создательницу новой системы, и отказаться от социально-экономических факторов. При предпосылке же социально-экономических факторов наступление нового мышления и отход старого мыслимы при выделении первым из себя второго в порядке раздвоения или диалектического процесса. Нам подсказывают возможность прорастания дологического мышления логическим, но такой выход не устраивает палеонтологию речи, поскольку есть система языков, не отвечающих своей структурой логическому мышлению, и языковедные факты требуют отведения ей места перед периодом возобладания целиком логического мышления, и в то же время исключается возможность вместить ее в более ранний период господства дологического мышления».

Что касается вопроса о качественном различии мышления древнейших эпох — мышления образного, «дологического», и мышления логического, — то Н. Я. Марр неоднократно в разных своих трудах подчеркивает, что логическое мышление есть в сущности лишь формальное мышление, что логичность отнюдь не исключается и в мышлении образном, которое также является логическим, но что последнее в противоположность так наз. мышлению логическому характеризуется не аналитичностью, а синтетичностью. В то же время образное мышление носит более наглядный, менее абстрактный характер, теснее связано со своей материальной базой. Общий процесс развития мышления идет, как отмечает Н. Я. Марр в «Языке и мышлении», «в своих сдвигах не от материалистического восприятия к идеалистическому и не от идеалистического восприятия к материалистическому, а от нерасчлененного материалистическо-идеалистического к расчлененному с уточнением материалистическому, производственно-идеологическому и техническому». Движущую силу в процессе перехода от мышления образного к логическому Н. Я. Марр усматривает в образовании общественных классов.

В своей палеонтологии языка Н. Я. Марр отмежевывается не только от ярко выраженного идеализма Леви-Брюля, он резко ограничивает свои позиции: и от взглядов вульгарного материализма, нашедшего свое классическое оформление в многочисленных высказываниях покойного А. А. Богданова, в частности в одной из последних его работ «Учение о рефлексгах и загадках первобытного мышления» (1925 г.), с критикой которой и выступил Н. Я. Марр.

Н. Я. Марр показывает, что попытки А. А. Богданова абсолютно несостоятельны, как в своей конкретной, так и в общеметодологической части, и основаны на механистическом сведении высших форм к низшим, на биологизировании социальных явлений и на более чем слабом знакомстве с фактическими данными современного языкознания. Под ударами его сокружительной критики валятся, как карточные домики, все богдановские семантические изыскания, которые он позаимствовал в арсеналах индоевропеистики. Ни теория звукоподражания, ни теория эмоциональных междометий, ни даже теория трудовых криков, выдвинутая Людвигом Нуаре и представляющая собою вершину достижений механистического языкознания, не могут спасти А. А. Богданова, эклектически соединяющего их отдельные элементы. На ярких примерах Н. Я. Марр разоблачает также весьма характерный для Богданова антиисторизм.

В буржуазной лингвистике вопросы языка-мышления, семантики языка, никогда в плоскости изучения исторических закономерностей, специфических для каждой конкретной социально-экономической формации, не ставились, да и не могли в сущности быть поставлены, поскольку господствующий метафизический метод является прямым отрицанием всякого историзма. Антиисторичность, присущая буржуазной науке вообще и отчетливо выступающая даже при решении специально вопросов о происхождении тех или иных явлений, приводит к тому, что «не только языковедам старой школы, но и всем этнографам и археологам, интересующимся генетическими вопросами бытовых народных мировоззрений и верований, представляется, что в языке изначален или первичен ряд обычных ныне в нашей речи слов, возникших лишь по установлении так называемых первичных представлений, ныне кажущихся и научно трактуемых как также изначальные в данной категории явлений, тогда как новое учение о языке сигнализирует их принадлежность к значительно поздней и позднейшей стадиям развития. Происходит это, поскольку речь об этнографах, от голого эмпиризма, который обосновывается на одном статическом положении дела у так называемых первобытных народов» («Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'»).

В свою очередь, глубокий исследовательский интерес Н. Я. Марра к отдаленному прошлому, к вопросам происхождения языка и к древнейшим стадиям глоттогонии вызывается не мертвящим отрывом нового учения о языке от живой.

действительности, от ее проблематики, устремленности и темпов, не пристрастием к академическому гробокопательству, не отрешенным от жизни самодовлеющим псевдоисторизмом, который за пылью и ветошью прошлого не замечает настоящего и ненавидит будущее, постоянно грозящее его разрушающимися сокровищам. Наоборот, подлинно-революционный историзм Н. Я. Марра является именно крупнейшим достоинством нового учения о языке, качеством, обусловленным совершенно правильным диалектическим подходом к задачам настоящего, задачам, которые для своего разрешения в интересах пролетариата требуют и четкой перспективы будущего и обязательного учета прошлого. И как раз отличительным свойством всех работ Н. Я. Марра является его способность, достойная подражания, превращать все изучаемые им вопросы, даже самые, казалось, не актуальные и отвлеченные, далекие от нашей современности, в животрепещущие, полные огромного теоретического и практического интереса.

III

Работы, вошедшие в третью и четвертую группу, непосредственно связаны с работами первых двух групп, но в то же время они имеют свои специфические отличия, заставившие сконцентрировать их внутри данного тома особо. В третью группу нами отнесены три исследования Н. Я. Марра, которые, хотя посвящены более узким вопросам, чем проблемы, трактованные в ранее перечисленных его трудах, но которые разрабатывают крайне важные для историка-марксиста и лингвиста-марксиста темы.

Первая из работ третьей группы «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры)» была написана Н. Я. Марром еще в 1925 г. и на конкретном материале группы важнейших терминов предваряет те положения, которые несколько позже и в более широком аспекте составили основу речи «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры».

Анализируя круг названий животных, использованных людьми для передвижения — 'лошадь', 'собака', 'слон', 'верблюд', 'олень', названия средств передвижения — 'телега', 'колесо', 'колесница', 'лодка', 'корабль' и т. д., термины производства — 'топор', 'камень' и др., Н. Я. Марр в этой работе отчетливо противопоставляет палеонтологию языка нового учения старой индоевропейской палеонгологии. Обрасывая излюбленный индоевропейцами классического периода метод мифологического толкования терминов материального производства, поскольку «мир религиозно-космических представлений, созданный человечеством на значительно высокой уже ступени развития, сам нуждается в разъяс-

нениях, и мифологический путь менее всего призван разрешать преемственную связанность начальных эпох материальной культуры с ее словотворчеством и их последовательность», Н. Я. Марр не принимает и пришедшего на смену мифологическому естественноисторического подхода, который доминирует у языковедов-механистов. «Наш подход, — формулирует он основное методологическое положение материалистической палеонтологии языка, — это третий подход — хозяйственно-общественный... Корни человеческой речи не на небесах и не в преисподней, но и не в окружающей природе, а в самом человеке, однако не в индивидуальной физической его природе, даже не в глотке, как и не в крови его, не в индивидуальном его бытии, а в коллективе, хозяйственном сосредоточении человеческих масс, в труде над созданием общей материальной базы».

Теснейшая связь языкознания с историей материальной культуры, взаимное оплодотворение исследовательских работ в области этих наук становится не только лозунгом, но и творческим методом всей дальнейшей работы Н. Я. Марра. «Основной подход к разрешению... языковой проблемы, — пишет он, заканчивая «Средства передвижения», — возможен лишь путем изучения первобытной общности, путем установления эволюций ее форм и мировоззрений по памятникам материальной культуры». В одном из последних своих трудов, в книге «В тупике ли история материальной культуры?» Н. Я. Марр подчеркивает свою мысль, указывая, что «в целом история языка и история материальной культуры сходятся в одну науку в диалектическом единстве, и, следовательно, для работы над историей языка, следовательно и теорией, мы вооружаемся по-новому». Язык, мышление и материальная культура являются лишь различными сторонами одного социального целого.

Следующая работа, включенная в третью группу, — доклад «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», читанный Н. Я. Марром на первой всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве зимой 1928—1929 г. В этой работе Н. Я. Марр на анализе ряда интересных и почетных примеров показал, какая опасность угрожает марксистской исторической науке при некритическом пользовании языковедными «фактами» индоевропеистики. Взятые в основном из истории античной Греции и Рима, эти примеры подчеркнули искусственность и тенденциозность буржуазного языкознания и были использованы Н. Я. Марром для иллюстрации органических связей классического культурного мира с его древним «варварским» окружением.

Последняя из работ третьей группы — «Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений» — является лингвистическим экскурсом-иллюстрацией к словам Ф. Энгельса о том, что «варвары», стадийно родственные северо-американским индейцам, с такой полнотой и углубленностью

описанным Морганом, являются непосредственными предшественниками классических римлян. В части конкретного лингвистического содержания и общих положений эта работа продолжает дальше развитие мыслей и доводов «Стадии мышления при возникновении глагола 'быть'».

Работы, посвященные отдельным конкретным вопросам палеонтологии семантики, составляют последнюю, четвертую группу данного тома. Сюда вошли: сообщение, сделанное Н. Я. Марром византийской секции V Международного Исторического конгресса в Брюсселе в июне 1923 г. «Некоторые архитектурные термины, означающие 'свод' или 'арка'», доклад, прочитанный 10 мая 1926 г. на заседании Научно-исследовательского Института книговедения при Государственной Публичной библиотеке «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории», исследование «О числительных (к постановке генетического вопроса)» и, наконец, специальная монография «Иштарь (от богини матриархальной Афревозии до героини любви феодальной Европы)». Не останавливаясь здесь более подробно на содержании этих трудов Н. Я. Марра, отметим, что первая из названных работ на русском языке появляется впервые (французский текст ее был опубликован в 1923 г. во втором томе «Яфетического сборника»).

Небольшая филологическая работа «Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах)», как было сказано выше, не входит в состав ни одной из вышеперечисленных групп. Она является, однако, прекрасным образчиком того, какие важные для исторической науки выводы может сделать исследователь, вооруженный методом нового учения о языке. Достаточно сравнить этот блестящий этюд с ранними филологическими трудами Н. Я. Марра, чтобы получить наглядное представление о том, насколько далеко вперед продвинулся Н. Я. Марр в возглавляемой им науке кавказской филологии.

Так же, как и к предшествовавшему первому тому, мы даем в приложениях шесть указателей (1 — упоминаемых в тексте трудов Н. Я. Марра литературных работ и источников, 2 — терминов, разбираемых или упоминаемых в тексте, включая термины этнические, топонимические и личные имена, 3 — именной, 4 — мифологических имен, 5 — географических названий и 6 — предметный). В составлении этих указателей мне помогал ряд товарищей, которым приношу здесь глубокую благодарность.

Перевод работы «Некоторые архитектурные термины, означающие 'свод' или 'арка'» сделан В. А. Миханковой и просмотрен в рукописи Н. Я. Марром.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Об яфетической теории¹

Наука о человеке, как общественном деятеле, весь XIX век прошла, поскольку дело касалось отложений в памятниках речи пройденного им пути исторической жизни, под углом зрения индоевропейской лингвистики. Даже те, которые в процессе работы над вещественными памятниками исторической культуры расходились в корне с построениями лингвистов-индоевропейцев, не могли освободиться от основных положений, внушавшихся им теорией или их разысканиями по ней. Достаточно вспомнить крайне отрицательное отношение выдающегося французского археолога Соломона Рейнака (Reinach) к индоевропейской лингвистике, как к своего рода бедствию в изысканиях по доистории, как к одной лишь помехе в деле правильной постановки изучения памятников материальной культуры, и в то же время он же, Рейнак, весь пропитан основными взглядами теории о расовой классификации народов, которую индоевропейцы излагали в качестве достижения общего языкознания, исходя, однако, главным образом лишь из статического сравнительного изучения языков, притом одних индоевропейских языков.

Что же говорить о людях, так сказать, «с улицы», как, например, о пресловутом Чемберлене (Chamberlain), которые это «расовое» различие языков с отнесением индоевропейских, разумеется, к высшей от начала веков «расе», точно созданий изначально единого (подразумевай, следовательно, от бога исходящего) творчества, использовали для поддержания своих классовых или так называемых национальных, понятно, европейских интересов, чтобы идеологически оправдать судьбу гонимых племен и народов. Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропейцы, между тем сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой. Хотите конкретное доказательство? Вот вам факт: посмотрите, как много сделано всеми европейскими нациями по санскриту, потому что он сроден с европейскими, потому что он письменен, древнеписьменен, потому что он великокультурен и выявлял, казалось, великое культурное начало европейских языков, — как много сделано в смысле его изучения, сравнительно хотя бы с дравидскими языками все той же Индии.

Однако за индоевропейской лингвистикой громадная заслуга теоретического характера. Это создание научной техники формального теоретического языкознания, проистекшее в путях опять-таки империалистического развития Европы. Дело не только в том, что то военные успехи (например, Наполеона в истории дешифровки письменных памятников на египетском языке), то интересы торго-

¹ [Напечатано в журнале «Новый Восток», № 5 за 1924 г., стр. 303—339. В издательстве Всесоюзной научной ассоциации востоковедения вышло отдельной брошюрой. М., 1924 г. Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 190—243.]

вых связей для обеспечения своего материального и политического благосостояния (так в случае с открытием письменных памятников древнего Ирана) изыскания ученых направляли вдаль, в страны добычи и наживы, вслед за жадной до захватов Европой, собственно, ее еще от средних веков господствовавших классов и в их мировоззрениях воспитанных и продолжавших воспитываться национальностей. Вопрос в том, что сама наука росла экстенсивно, без материального самоуглубления. Отсюда Восток, имею в виду Восток переднеазиатский, в некоторых отношениях изучен лучше, чем Запад. Это факт, входящий уже в сознание многих независимых умов среди ученых. Некоторые любопытные подробности из признания этого факта интересующийся может найти в предисловии к немецкому переводу моей работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры»,¹ где приведены слова известного немецкого ученого, раскопщика городища Numantia на Пиренейском полуострове, Шультена (Schulten): «между тем как на Востоке соревнование всех наций вскрывало одни исторические места за другими, Испания оставалась terra incognita».² На изучение колониальных или намеченных для колонизации далеких стран все цивилизованные народы Европы и Америки раскошеливались охотно, цари и короли соревновали с богатой феодальной и буржуазной знатью, да и с церковными организациями пропаганды, поддерживая всякие соответственные научные предприятия, но никогда или сравнительно нищенски мало — исследования внутренние, своих собственных недр, если они намечались, как первоочередные для изысканий, чисто научными потребностями, а не соображениями по так называемым национальным интересам господствовавших классов и народностей. Соответственно, в смысле научных достижений, например, по этрусскому или баскскому языкам, в западной Европе хоть шаром покати. До последних лет не было вовсе, да по существу до сих пор, собственно, нет ни одной кафедры, до сих пор нет никакой научной школы, никакой теории по единственному, как многим кажется, чудом сохранившемуся европейскому доисторическому языку, именно, баскскому.

Яфетическое языкознание нас возвращает во внутрь, в свои европейские же недра, как основной источник (следовательно, в этом смысле ex Occidente lux вместо ex Oriente lux) для изучения европейских, в числе их и самих индоевропейских языков и в связи с ними и для изучения памятников материальной культуры Европы. И для изучения памятников одной ли материальной культуры? А эпоса? Ведь даже такой сравнительно поздний средневековый памятник, как роман Тристан и Исольда, оказался наследием эпоса, сродного с гомеровским, и вместе с ним наследием доисторического сказания тогда, конечно, не о влюбленных, а о космических героях, боге и богине любви, солнце-Тристане и воде-Исольде, доисторической Афродите *Oὐρανίη*, в Средиземноморье этрусской Туран, в Передней Азии Иштари. Кстати, пусть возмущаются или смущаются

¹ [Русский перевод этого предисловия см. ИР, т. I, стр. 149—157.]

² N. Marr, Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur. Aus dem Russischen übersetzt von F. Braun, Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1923, стр. 19 [см. ИР, т. I, стр. 157].

противники яфетидологии, но факт, что все это имена одной и той же богини любви, кроме Афродиты, т. е. и Исольда, и Иштарь, и Туран и др., закономерные разновидности одного и того же слова; это такой же факт, как то, что земля вертится.

С яфетическим языкознанием и его теорией мы сосредоточиваемся не на одной речевой стороне человеческой культуры. Вопрос идет не об языке, далеко не об одном языке, но и о вещах, о вещах материальных, объективно существующих в природе или существующих в ней же по представлению человека. Ведь, для человечества существует лишь то, что оно осознало или осознает. Элементарно, что у доисторического человека осознание вытекало не из точных, исторически приобретенных впоследствии знаний материальной сущности предмета, а оно возникало и двигалось вперед от восприятия природным инстинктом видимости предмета, видимости соотношений предметов, силой воображения и в образах раньше, чем в отвлеченных самостоятельно выкристаллизовавшихся понятиях. Доисторический язык — это особое лишь доисторическое общественное мышление, это доисторические верования и эпос, доисторическое художественное творчество, доисторические формы хозяйственной жизни и продукции. Следовательно, языкознание, которое вскрывает нам своей палеонтологией такое доисторическое состояние человеческой речи до стадии развития, когда слово и вещь вскрываются образно покрывающими друг друга в общественном мнении, когда шло буквально мифотворчество, т. е. творчество со словом и сказания в образах, мифах, — это языкознание есть не только этнология, ее существенная часть, но и важнейшая часть археологии, археологии не в смысле науки о старье, хотя бы старине и древностях, а науки о началах, как то значит греческое слово *ἀρχή*, причем яфетическая палеонтология речи нас уводит далеко за пределы времени, вскрываемые рукотворными памятниками материальной культуры, до появления древнейших из них в мире. Человек мыслил, образуя еще стадное общество, на грани с общественностью животных, не творя еще вещей, а лишь используя дары природы в готовых формах. Человек еще тогда обладал речью, зачатками звуковой речи.

Само собой понятно, что никакого единого языка на заре человечества не было и, как вскрывает яфетическое языкознание, о таком едином языке только первобытная наивность может ставить вопрос. Начальная речь это зачаточное стадное звукоиспускание различных видов человеческих творений, как животных, у различных видов различные звуки или нечленораздельные звуковые комплексы. Собственно, самой речи еще нет до возникновения племен в путях скрещения различных стадных объединений человеческих тварей различных видов. С племенем, всегда скрещенным и располагающим, уже в соединении, естественными животными звуками различных видов, начинается обогащение языковых средств и очеловечение звуковой речи с ее осмыслением, возведение звуковой речи на уровень осмысленного, уже человеческого взаимобщения, происходившего при посредстве линейного или графического языка, жестов и мимики. Но у каждого племени, какое бы оно ни было скрещенное и сложное по речи, свой особый язык; общи у различных племен на этой стадии доистори-

ческого развития человечества лишь типология и семантика речи, т. е. построение речи и в ней осмысление немногих находившихся в распоряжении племени слов, но сами звуковые комплексы, самый звуковой язык у различных племен изначально различны. Общий язык ряда племен, тем более единый язык, есть позднейшее достижение, впрочем, не вполне осуществленное, а давшее различные семьи языков. Само образование семей языков есть позднейшая стадия в развитии языков многоплеменного человечества, в числе их образование индоевропейской семьи есть последний пока пройденный этап на этом пути изначального множества языков к единому языку. И не только единый праязык индоевропейской семьи языков есть фикция, но самое определение этой семьи, как расово отличной речи, есть такая же фикция. Как наметилось за последние месяцы, в результате учета материалов из европейских яфетических языков, в первую очередь баскского, в работе над яфетическими языками вообще, особенно по их палеонтологии, индоевропейская семья вовсе не является расово особой по языкам, а результатом нового скрещения доисторических языков Европы, яфетических языков, последовавшего в результате коренного переустройства общности. Скрещение это последовало от переворота в хозяйственной жизни вследствие, повидимому, открытия и особенно широкого практического использования металлов. Названия металлов созданы еще в те доисторические эпохи жизни Европы, когда еще не было на свете индоевропейских языков: названия те яфетические и от яфетидов унаследованы языками новой типологической трансформации, именно, индоевропейской.¹

Но что это за яфетические языки? Кто эти яфетиды? Если кто хочет получить общее представление об яфетидах и яфетическом языкознании, в частности о проблемах общего значения, выдвигаемых яфетическим языкознанием, и источнике его возникновения, именно, массово вскрывшемся материале, тот может познакомиться с ними по моим двум статьям: 1) «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в соиздании средиземноморской культуры», в серии изданий Академии Наук «Материалы по яфетическому языкознанию», кн. XI (Лейпциг, 1920 г.);² немецкий ее перевод в серии *Japhetische Studien* (кн. II, Лейпциг, 1923 г.) снабжен новым предисловием, где пришлось констатировать, что развитие теоретических положений яфетического языкознания требует переизложения некоторых частей основного текста, за это время успевших устареть. Таков, между прочим, вопрос о миграции яфетических племен. Сейчас представляется пережиточной мысль о переселении яфетидов с Кавказа, где они сохранились в языковом отношении массово, на запад, или, наоборот, из Испании на Кавказ, или в оба названные района с Памира, на склонах которого еще в 1916 году опознано одно-одинешенько яфетическое по языку племя вершиков, или буришников. Произведенная работа нам дает основание считаться, как с конкретным фактом, что с незапамятных времен одни и те же яфетические племена-примитивы, все те же, от пяти до семи, одинаково везде были сплошь расселены по всей средиземноморской территории до Кавказа и далее. 2) Для общего

¹ [См. Индоевропейские языки Средиземноморья, ИР, т. I, стр. 185—186.]

² [См. ИР, т. I, стр. 79—124.]

ознакомления, быть может, годится моя другая статья «Яфетиды» в первой книжке издающегося в Ленинграде «Востока».¹

Такого же общего осведомительного характера службу может сослужить работа проф. Ф. А. Брауна (F. Braun) на немецком языке «Первоначальное население Европы и происхождение германцев»,² где рядом с выделяемой им из общего вопроса об яфетическом субстрате индоевропейского населения Европы специальной проблемой об яфетическом происхождении неразъясненных элементов в германских языках Ф. А. Браун дает суммарные сведения о составе яфетических языков и их классификации.

Можно очень суммарное представление получить и по подложной статье в шесть страничек в «Der Neue Orient», 1923 г., стр. 262—268.³

Конечно, желание более углубленно войти в яфетическую теорию не может быть удовлетворено без знания хотя бы одного из яфетических языков в освещении сравнительной грамматики яфетических языков. Нормальный же круг языков, минимально необходимый для яфетидолога-специалиста, помимо мировых языков, хотя по одному из семитических и индоевропейских, и древнему и новому, это грузинский и баскский языки, как чистые яфетические, и армянский, собственно два языка Армении, древнелитературный и новый, как два вида гибридных или переходных от яфетического состояния к индоевропейскому совершенному типу.

Яфетические языки, в настоящее время представляющие реликтовые виды доисторического состояния речи первоначального сплошного населения Европы, Африки и Азии, прежде всего Передней Азии, уже давно за трансформациею ее путем скрещения в разноплеменную речь индоевропейского типа остаются оазисами по одному живому языку на Пиренеях (и с испанской, и с французской стороны) и на Памире и большой группой в весьма сложных разнообразных взаимоотношениях на Кавказе. Что может дать простой перечень этих яфетических языков Кавказа и их классификация по сравнительной фонетике, когда читатель не может себе представить реально даже наличного состояния языка яфетической природы? Можно разве констатировать, что существует деление их на три изначальные ветви: сибилантную, спирантную и сонорную, что основано на соответствии звуков порядка *s* одной ветви (сибилантной) звукам порядка придыхательного *h* (спирантная ветвь) и звукам порядка плавных и губных (сонорная ветвь); сибилантная в свою очередь делится на две группы, что основано на соответствии звуков порядка *s* (свистящая группа) звукам порядка *ш* (шипящая группа). Однако эти строгие закономерные соотношения характеризуют причитивы, которые самостоятельно до нас не дошли. Дошедшие до нас языки, сами яфетические, уже скрещенные типы, таковыми были и в доисторические

¹ [См ИР, т. I, стр. 125—136 сл.]

² Die Urbewolkerung Europas und die Herkunft der Germanen, Japhetische Studien, I, Leipzig.

³ В названном немецком ежемесячнике помещена статья «Die Japhetiden» за моим именем, не принадлежащая мне, хотя не имею основания возражать против изложенных в ней мыслей. Возражаю и протестую против приписывания мне статей, которых я не автор, и против замечания редакции того же журнала (стр. 262, прим.), будто по грузинскому языку не сделано даже такой подготовительной работы, как вывлечение чуждых ему, заимствованных из различных языков элементов.

эпохи. И лишь определенные слои, отложившиеся в сохранившихся до нас языках, проявляют эти закономерные соотношения примитивов. Следовательно, лишь по характеру господствующего в каждом из них слоя они относятся к той или иной группе, к той или иной ветви, как, напр., грузинский относится к свистящей группе сибилантной ветви, а мегрельский и чанский — к шипящей группе той же ветви, а когда в языке за господство борются без решительного перевеса два отложившиеся в нем слоя различных ветвей, то это уже язык-гибрид, как бы двуприродный. Таков, напр., сванский — скрещенный спирантно-сибилантный язык, или, если отразить в термине достигнутое уточнение сибилантного слоя, — спирантно-шипящий.

Согласные в яфетических языках коренные, как в семитических, а гласные образуют слово, характеризуют его форму. У различных племен иногда менялась лишь форма, т. е. происходила перегласовка; так, есть группы акающая и окающая и даже экающая, напр. 'десять' — аџ (груз.), *оџ [|| *иџ] → wџ (мегр., чанск.) и уешџ (сванск.). В каждом целно сохранившемся яфетическом языке наблюдаются три вида любого ряда согласного: губного, зубного, гортанного и т. п.; по степени озвонченности; напр., три простых зубных t, d, џ, и три сложных зубных, аффрикатов t', d', џ' и т. п. Но, думаю, вся эта важнейшая техническая сторона, при отсутствии знания этих языков, нам едва ли поможет найти общий язык. Даже искушенные языковеды-индоевропейцы не всегда сразу воспринимают (а часто — никогда) наши сообщения о самых простых явлениях, о простых звуках. Естественно, что более сложные, кстати, более древние, иногда пережиточно-архаичные, как еще не дифференцированные звуки доисторического состояния, как, напр., абх. џ, только сбивают ученого лингвиста, восстанавливающего в так называемом праязыке простые звуки, как первоначальные.

И вот именно в отношении состояния различных эпох яфетические языки распределяются различно; они в наличном виде дают ту диахроническую перспективу речи, которую Соссюр (Saussure), известный французский лингвист, с наиболее чутким восприятием жизни самого языка, хотел установить теоретически путем сложных изысканий. В яфетических языках эта сторона дела обстоит так, что вместо одной сравнительной грамматики вы имеете ряд сравнительных грамматик, так как различные круги яфетических языков стоят на различных ступенях типологического развития, не переставая сохранять совершенно определенные связи родства от одного круга языков к другому. Так, есть круг языков, куда относится, напр., абхазский язык, синтетического или аморфного типа; есть, не говоря об агглютинативном строе, круг флективного строя с тем отличием от индоевропейского или даже семитического флективного состояния, что у яфетидов даже в наиболее совершенном флективном типе наблюдается еще живучесть агглютинативности и даже аморфности типа. В отношении флективности яфетические языки, которым она присуща, проявляют две ступени развития: первая, когда слово-имя само аморфно, склоняется же относящееся к нему местоимение, вторая — когда окончания перевесены непосредственно на склоняемое слово, органически слиты с ним, но и в таких совершен-

ных уже флективных языках, даже в грузинском, рядом с органическим флективным образованием падежа вы наблюдаете в действии и пережиточное местоименное склонение с аморфным еще состоянием самого подлежащего склонению слова. Таково положение и в отношении состава корней. Трехсогласие корня, наблюдаемое в яфетических языках, как в семитических, оказывается результатом восприятия третьего функционального согласного, как коренного; часто тот же трехсогласный корень у яфетидов в одном и том же языке появляется в цельном виде слова в составе всего двух согласных. Обыкновенно третий согласный, оказавшийся функциональным, есть показатель множественности, имеющий разнообразные функции и в именах, и в глаголах. Касательно имен достаточно сказать, что множественное число есть первичное нормальное состояние слова: доисторический человек лишь в процессе долгой работы дошел до восприятия единичного предмета, еще позднее до восприятия себя вне стада, вне племени, как индивидуума в ед. числе. И все это имеет отображение в яфетической речи реликтивно до сегодняшнего дня, тем более в яфетических переживаниях индоевропейских языков, напр., основы греческих слов οὐρανός 'небо' и χρόνος 'время': ἄραν и ἄρον представляют одну и ту же форму мн. числа по двум диалектам, акающему и окающему. Кстати, 'небо' — 'круг' и 'время' — 'год' яфетически выражаются одним и тем же словом, и основы названных греческих слов ἄρ (собственно ὄρ) и ἄρ (стянутый из ἄρον) — две лишь диалектические разновидности одного и того же слова. Что касается показателей множественности, ставших, казалось бы, третьим согласным корней, они имеют историю, вскрываемую самими яфетическими языками, благодаря наличным в них более древним их формам, когда они были цельными словами. Показатели множественности вышли из слов, означающих 'дети', но первично эти же слова означали 'племя', притом каждое такое функциональное слово, обращавшееся в один функциональный согласный, означало определенное племя. Все это и еще многое другое дает совершенно исключительную палеонтологическую перспективу. К этому богатству материала диахронического порядка надо присоединить богатства районных типологических образований, в числе их фонетических разновидностей, особенно пышно представленных потому, что мы имеем дело с первобытным состоянием речи, хотя бы пережиточно, да еще в большинстве своем на материалах живых, часто бесписьменных языков. В этом отношении индоевропейист Соссюр совершенно прав, когда говорит: «Непрерывность эволюций от нас часто скрыта вследствие того, что мы внимание отдаем литературному языку. . . Это не он, литературный язык, может нам выявить, в какой степени подвержены изменениям языки в натуральном состоянии, свободные от всякой литературной регламентации».¹ Однако в живой речи также есть свои нормы. Конечно, если быть совершенным босоножкой в учении об яфетическом словообразовании, морфологии и не знать строго закономерных звуковых соответствий порядка и диахронического, т. е. различных эпох, и геоэтнического, т. е. различных территориально-племенных объединений,

¹ Cours de linguistique générale, 1922, стр. 192—193 [русск. изд. 1933 г., М., Соцэкгиз, стр. 134].

непосвященного в яфетидологию (даже искушенного лингвиста господствующей школы) берет оторопь, естественно и сомнение, когда, напр., мы утверждаем, вовсе не с ветра, ужасные вещи, как следующее: не только слова или звуковые комплексы $rip \leftarrow rop$, $foyn \leftarrow fop-1$, $span$, но и tan , $шп$, даже $seyd$ ($\leftarrow sed-1$) || sid и т. п. слова, использованные прежде всего как основы племенных названий и неразрывно связанных с ними названий тотемов, впоследствии обычно богов, и названий мест, гор, морей, рек и населенных пунктов, все суть разновидности одного и того же звукового комплекса. они все одинаково представляют разновидности более нам привычного термина $иона$ (собственно $yon = йон$), спирантного типа, со своими не менее расходящимися многочисленными видами, и потому в освещении яфетидологии отождествляются не только $foyn-1k$, т. е. финикияне, пуны и испаны (естественно, в доисторические времена, когда вовсе это не были первые — семиты, а последние — народ романского племени), равно Понт, название и моря, и страны и т. п., или город $Sidon$, бог $Poseidon$, или города $Sid-on$ и $Sin-op$, но и города $Sin-op$, $Sid-on$ и даже бог $Ro-seid-on$ с терминами $Yawn$ или $Qawn$, у басков нарицательно означают 'Господь', 'господин', первоначально тотем ионян, понятно, ионян-яфетидов или йонов.

Более живой интерес могли бы вызвать такие общие положения яфетического языкознания, как то, что различные виды языков возникают от скрещивания различных племен, что самое зарождение человеческой речи имеет предпосылкой скрещивание различных племенных видов, что от скрещивания возникали не только новые формально виды одной и той же семьи языков, но и новые типологически по природе своей структуры языки, особая, казалось бы, так называемая расовая семья языков.

Для правильного подхода к языковому материалу имеет существенное значение то положение яфетического языкознания, что историческим фактам нельзя предоставить в какой-либо мере решающей силы в постановке вопросов о доисторическом состоянии речи; исторические даты не играют ровно никакой роли в определении генетического момента той или иной языковой формы или явления. Мы все говорим об исконном родстве языков той или иной семьи и, несмотря на, разумеется, условную исконность, вместе с тем говорим о характерных переживаниях этого исконного родства в наличных языках. Однако эти древнейшие переживания находим не только в доступных нам языках, древнейших и лишь письменных, но и в современных, в большинстве и поныне совершенно бесписьменных. При этом на примерах, вернее, на отдельных типичных словах, не раз может быть показано, что более древние формы, следовательно, древнейшие переживания, часто бывают представлены в современных живых языках, тогда как их не досчитываемся в более древних, даже в наиболее древней письменной речи.

Это положение столь важно для истории языка, для самого метода ее исследования (хотя для яфетидолога оно — азбучная истина), что для иллюстрации я приведу один пример на типичном слове со значением 'вода'. Беру случай при наличии перегласовки двух групп, акающей и окающей, по сибилантной ветви,

следовательно, наблюдаемой, в частности, в свистящей группе, как акающей, при шипящей группе — окающей, но такая перегласовка налична и в спирантных или спирантизованных языках. Так, в спирантных слоях баскского живого языка и древнейшего в мире письменного языка — шумерского — слово 'вода' мы находим в указанных соотношениях перегласовки: по окающей группе *ur* (← *hur*, resp. *hor* → *or*) в баскском, по акающей группе «а» в шумерском, т. е. здесь с бесследно утраченным исходным плавным (был ли он тот же *g*, т. е. слово звучало **ar*, или, как полагалось бы при акающем примитиве — *l*, т. е. слово звучало **al*), более того, с окончательной потерей и начального спиранта (*h*), так как архетип данного слова *hal* || *har* ↗ *gal* и т. п., откуда не только нарицательное слово 'вода', 'речка' в чанском или лазском языке *gal*-*l*, но и в топонимике занимавшегося некогда предками или предшественниками современных чанов района Малой Азии, где *Gal-is* (Ἐλαγος, *Halys*) — название известной реки. В баскском также утрачивается исходный плавный, напр., в составном *u-dagara*-а 'выдра', буквально 'воды собака',¹ *u-golde* (гипуск.) || *u-holde* (лабурд.) 'поток', 'потоп', букв. 'воды масса'; но баскский все-таки самостоятельно всегда сохраняет плавный исход *g* — *ur* 'вода'. Более того, в производных, иногда и составных, баскский восстанавливает утраченный начальный спирант *h*, т. е. слово появляется в полном виде *hur*, так 'поливать водой', 'примешивать воду' — *hur-ta*, *hur-ta-tu*, 'водонос' — *hur-kari*, даже 'поток' или 'потоп', по-баскски одинаково выражаемый составным со словом *ur* 'вода' термином, при утрате исходного *g* в первой его части, в гипускуанском наречии — *u-golde*, в лабурдинском наречии — *u-holde*, нижненаваррское наречие дает вид того же термина, сохраняющий не только исходный плавный *g*, но и начальный спирант *h* — *hur-olde*. Итак, тогда как древнейший письменный язык в значении слова 'вода' сохранил от всего слова лишь его огласовку «а», утратив бесследно коренные согласные: и начальный спирант, и исходный плавный (**hal* || **har*), современный живой баскский язык, с XV в. по р. X. литературный, свой равнозначный термин *hur* проявляет то в непечатом виде, то с потерей начального спиранта (*ur*), то как шумерский, только в виде лишь его огласовки (*u*-), а вовсе бесписьменный современный чанский язык иначе, как полного вида этого слова — *gal* ↙ (*yal* || *hal*) 'речка' не имеет, т. е. по этому термину древнейшую или наилучше сохраненную форму без колебания дает живой бесписьменный язык (чанский или лазский), с колебанием — живой новолитературный язык (баскский), позднейшую или наиболее пострадавшую форму — древнейший литературный язык (шумерский).

Это положение касается не только лексики, но и морфологии. Никто не думает оспаривать, что романские языки, в числе их и французский, до нас дошли в новом состоянии, но отсутствие в них склонения вовсе не представляет нового явления сравнительно с флексией латинского языка. Совершенно наоборот, романское склонение с помощью члена — это пережиток более архаической нормы, совершенно независимой от латинской. Это пережиток, предшествующий

¹ N. Marr, Le terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 21.

возникновению склонения и восходящий к яфетическим языкам переходной типологии от аморфной к органически-флективной, именно к яфетическим языкам с местоименным флективным склонением, как, напр., в доброй части баскский. Это такой же пережиток доисторического состояния речи, такой же яфетидизм, как то, что французы говорят вместо 'семидесяти' — 'шестьдесят десять' (soixante-dix), вместо 'восемидесяти' — 'четыре двадцать' (quatre-vingts) и т. п. Органическое склонение, как и органическое спряжение, есть в жизни языков позднейшее достижение; помещение вообще склонения, тем более органического склонения, в праязыке есть *nonsense*, извращение реальной истории человеческой речи. В яфетических языках не только склонение, но и спряжение органическое отсутствует, есть спряжение с помощью местоименных аффиксов, без которых у яфетидов глагол перестает быть глаголом, т. е. имя и глагол, собственно, не различаются. Естественно, что отсутствие флексии, когда его кое-где наблюдаем в индоевропейских языках, есть пережиточное состояние, и в этом отношении грань между языками отнюдь не есть непреодолимая. В только-что полученной мной работе лейденского профессора Уленбека (С. С. Uhlenbeck) на испанском языке «Об агглютинации и флексии», отдельном оттиске из трудов III конгресса баскских изысканий,¹ предлагается вовсе отказаться от деления языков на агглютинативные и флективные; по его утверждению, агглютинативные языки столь же флективны, как индоевропейские и семитические. Это не совсем так, но совершенно верна основная мысль голландского ученого, что так называемые флективные языки пользуются агглютинацией, добавим, как пережиточным явлением, ибо флексия и агглютинация, как и аморфно-синтетическое состояние, — три хронологически последующие трансформации, причем среди них флективная трансформация представляет наиболее развитой тип человеческой речи.

Однако, если факты исконого родства нам доступны, понятно, и в древних, но часто более ярко и в современных живых, даже вовсе бесписьменных языках, можем ли мы забывать, что первоначальные зачаточные разновидности человеческой речи были родственны лишь типологически, в звуковом же отношении они обретались в полном расхождении друг с другом, т. е. можем ли мы забывать, что вначале в этом смысле существовал не один, а множество языков-примитивов, и необходимо, следовательно, в отношении звукового состава возводить наши языковые материалы не к одному праязыку, которого вовсе не было, если интересуемся действительно первоначальным состоянием звуковой человеческой речи, а к целому ряду праязыков. Ведь, переживания этого разнообразного праязычного состояния не менее должны сказываться и в древних, уже мертвых, и в новых, современных живых языках, чем переживания исконого родства языков данной семьи, сравнительно с человечеством всегда позднее возникшей, почему, естественно, индивидуально языки иногда менее отражают нормы того благоприобретенного единства семьи, чем более природное наследие состояния человеческой речи на примитивной стадии ее развития, когда было множество

¹ Tirada a parte de III Congreso de Estudios Vascos. Recopilación de los trabajos de dicha Asamblea Celebrada en Guernica de 10 al 17 de setiembre de 1922. Publicación de la Sociedad de Estudios Vascos. San Sebastian 1923.

языков, в звуковом и лексическом отношении не имевших ничего общего между собою.

И вот, яфетическое языкознание не только утверждает о таком положении дела в длинном, очень длинном ряде случаев, но и разъясняет его уже сейчас при наличной, пока, разумеется, не законченной разработанности теории.

Типичен пример с понятием 'хороший' или 'добрый'. В русском языке «хороший», что даже в славянских не имеет повсеместного распространения (укр. «харный», «гарный», болг. «харен», «харно»), и 'добрый', в германских gut, в романских с латинским bon (bonus, buono, bon и т. д.), греч. αγαθ (ἀγαθός). Существующие этимологии настолько своевольно построены на одном созвучии слов, что удовлетворить это может лишь тех, кто не имеет никакого представления о действительной палеонтологии речи. Исследователи-индоевропейцы исходят из сродных столь же отвлеченных общих понятий, как понятие 'хороший' или 'добрый'; они не учитывают реальную предисторию самого значения, не учитывают того, что эти сравниваемые ими понятия сами по себе абсолютно не отождествимы и имеют каждое свою особую филиацию и генезис, даже тогда, когда восходят, действительно, к единому семантическому прототипу, весьма опасному для исследователей, если перегибают искание, не осознавая пределов нужного им углубления значимости самого прототипа, так как действительное прототипное значение звукового комплекса, называемого словом, — нуль или все, в зависимости от контекста. В результате, не всегда учитывают они исчерпывающе даже материалы одного языка, напр., русск. «добрый» сопоставляют с немецк. «tafer», но забывают про «храбрый», др.-русское «хоробрый», анализируя это слово с точки зрения его палеонтологии совершенно варварски, точно основа «храб», «хороб», а суффикс — лишь «р». Естественно, если работники по индоевропейской сравнительной грамматике, абсолютно не поддерживаемые в таких случаях материалами из других родственных языков, поскольку речь идет о значении 'хорош' || 'добр', беспомощно бьются, как рыба об лед, или дают даже по языкам, превосходно исследованным ими же, наилучше изученным, нечто невероятное и настолько невразумительное, что неловко в XX столетии повторять их в целях серьезного учета. Желаящий может заглянуть по индоевропейстическому анализу лат. bon-us 'хороший' у Вальде (Walde, Lat. Et. Wörterbuch), где это латинское прилагательное совершенно правильно отождествляется с др.-лат. duen-us ← duen-os, как bellum и duellum, но без отчета о том, что и как их связывает, когда делается попытка bonus произвести из duenos. Касательно греческого ἀγαθός 'хороший' в сводном труде Бузака (Boisacq) «Dictionnaire Étymologique» толкование, по крайней мере, начинается вразумительной фразой: «Étymologie souvent cherchée» и, прибавим, так и не найденная и в старых путях обреченная всегда оставаться «в нетях» и в дебрях звуковых корреспонденций, не дающих ни одной искры действительного света по настоящему положению дела; точно замалчивается тот факт, что индоевропейская семья языков не имеет общего термина даже для такого обыденного повседневного понятия, как 'хороший', тот факт, что каждая сколько-нибудь ярко сохраняющая свою изначальную природу группа языков или даже особый язык имеет для данного

понятия свое собственное слово. У этого слова могут быть созвучные слова в других языках, даже такие бесспорно созвучные, которые, повторяю, восходят своим звуковым обликом к одному прототипу со словом 'хороший', однако все-таки вовсе не имеющим и не имевшим у других народов этого именно значения. Словом, перед нами здесь открывается пережиточная картина первоначального многоязычия человеческого рода, существования первоначально языков-примитивов, в чистоте своей природы не имевших общего произносимо-звукового материала. Ведь, таково положение не только в индоевропейской семье языков, но и яфетической, даже в тесном, казалось бы, кругу яфетических языков Кавказа. Здесь и сейчас, что ни народ или племя, то особый собственный термин для обозначения понятия 'хороший': так, у сванов — *qo-ḡa*, у мегрелов — *ḡgig-1*, у лазов или чанов, которые, как известно, представляют, казалось бы, то же по существу племя, что мегрелы, лишь культурно-исторически дифференцированное (мегрелы — христиане с грузинской культурой, чаны, они же лазы — мусульмане с османской культурой, а раньше христиане с византийской культурой), — так, у этих лазов или чанов слово *ḡgig* — в виде *ḡg1* — имеется в составе сравнительной степени — *u-ḡg1sh* 'лучший', но обычное общеупотребительное слово в значении 'хороший' *uors-1*, иногда *vtos-1*, у грузин, древних (говорят в образованных кругах и теперь) *keḡ-11-1*, ныне — *kaḡg-1*, у абхазов *bzia*, у армян в древности *baḡ-1* (ныне *law*, что в древности означало 'лучший'), у лезгин различно в различных племенах: так, у ботлихцев *ḡwaḡab*, у дидойцев в Кидеро — *uḡu*, у удин — *shel*, у чеченов — *d1qu* (м), *d1q1ḡ* (н), *d1qu* (и), у цоватушин или бацбиев *daḡ1 aḡwze* || *ḡaze* (↷→ *aḡze*), а у пиренейских яфетидов, называемых басками (месхами) или евскалдунами (этрусками) — *on* (← **hon*) → *hun* и т. д., и т. д. Для разгрузки перечня я уже опустил ряд основ того же значения, появляющихся специально в сравнительной и превосходной степенях, преимущественно у исторических народов с древним культурным достоянием в качестве национального добра и с хорошей бытовой традицией по общеплеменной жизни.

Вероятно, вас начинает тревожить призрак надвигающегося с этими материалами беспорядочного хаоса. Не надо робеть! Это не хаос, а жизнь, и в ее многоликой форме есть естественно-хозяйственный порядок, общественно-психологический закон, который сказывается и в звуках или созвучиях, но при непременно условии не простой письменно-исторической регистрации, а их палеонтологического учета, когда значения слова исторических эпох при искании его происхождения возводятся к доисторическому предназначению. Для 'добрый' или 'хороший', как и 'злой', 'дурной', в качестве предназначения яфетидологическую устанавливается то, что впоследствии стало 'богом', первичный 'этнический бог', следовательно, тотем того или иного племени. Теперь будет понятно, почему так цепко каждый индивидуальный язык держится своего собственного термина в значении 'хорошего' || 'доброго': он отстаивает, хотя бы бессознательно, 'своего бога', 'свой тотем', т. е. 'себя самого', так как при первоначальном состоянии, подлинном или пережиточном, племя есть язык, естественно, особый племенной язык.

Еще больше интереса может, пожалуй, представить то положение яфетического языкознания, что язык не только орудие исторической общественности, но он — создание доисторической и протоисторической общественности. Потому в самых формах грамматических категорий язык отражает строй общественности тех далеких творческих эпох. Тем ярче это замечается в развитии значимости слов, семантике. Так, сделано частное наблюдение, что названия сословий происходят от названия племен, скрестившихся в данном народе. В грузинском названии 'крестьянина' оказалось названием славных колхов, к которым в мифические времена греки стремились за золотом. Латинское, следовательно, уже индоевропейское слово *plēbe-s* 'плебей' оказалось совершенно правильной яфетической формой, равнозначащей 'пеласгу' или 'этруску'.¹ Плебейское сословие выработалось, следовательно, из племени пеласгов или этрусков. Чистая основа *lē* (← **leh*) ~ *les* — то же, что еще и *ges'ы* или *e-ges'ы*. Не только латинский, но и греческий и другие индоевропейские языки полны разновидностей этого племенного названия в различных значениях тотемного и также племенного порядка.

Однако речь идет не о таких одиночных или массовых вкраплениях яфетических элементов в индоевропейские, а о восхождении всего индоевропейского к яфетическим праформам или прототипам. Остановлюсь дольше на том же положении об отражении общественного строя в структуре речи, пользуясь палеонтологическим анализом затронутых мною слов, означающих 'хороший' и возводимых, как было разъяснено, к тотемным терминам.

Однако, тут же надо оговориться, что между словотворчеством тотемного племенного происхождения, эпохи не первичной, не космической, но все-таки непосредственно соседящей с ней, и словотворчеством эпох исторической культуры, включая и современную, есть особая в семантическом отношении важная эпоха еще творческой для языка сословной общественности, когда племенные термины, в числе их и тотемные, получают переоценку, расцениваются по социальному положению тех или других племен, скрестившихся в процессе образования новых этнических видов народов и обратившихся в их сословия. В связи с этим, как уже приходилось не раз разъяснять, социальные термины, не только сословные звания, представляют прежние племенные названия. Словом, от тотемного словотворчества в порядке выработки значений нас отделяет сословное словотворчество человеческой речи, и надо это учитывать в наличном теперь репертуаре терминов для обозначения понятия 'хороший'; напр., у грузин, казалось бы, трехсложный корень в огласовке свистящей группы, к которой принадлежит грузинский язык по природе своего основного слоя, *glāq* в значении 'дурного', 'плохого' употребляется с окончанием *-ak* → *-a*: *glāq-ak* → *glāq-a*. Не есть ли это термин тотемной эпохи словотворчества, когда название божества, собственно, племенного тотема, давало имена двух противоположных значений: 'хорошего', 'удачного', 'правого', с одной стороны, и 'дурного', 'несчастливого' или 'рокового', 'левого', с другой стороны? Едва ли. В случае с *glāq-a* мы

¹ [См. Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пелазги, ИР, т. I, стр. 137—148].

имеем производное от сословного уже звания низшего, в которое успел обратиться лишь в определенном новом этническом образовании этот термин, по шипящей группе долженствующий звучать гогоḡ или Когоḡ.¹ Это то же, как уже разъяснено, что 'колх', между тем, действительно, со сванской огласовкой это же племенное название у грузин же gleḡ-и значит 'крестьянин', 'раб'. Естественно, за время, когда известный древнему миру господствующий народ колхов обращался в крестьянское сословие gleḡ, или по акающей группе, следовательно, glaḡ, значение 'дурной' за glaḡ-а получалось независимо от первичного семантического раздвоения тотемного термина на 'хороший' и 'плохой', что было связано с представлением о племенном божестве, вообще с доисторическими космическими представлениями.

Грузинское древнее keḡ-и-и 'хороший', 'добрый' представляет, с использованием формы мн. числа -и-и в качестве прилагательного, основу keḡ — десциблованный вид архетипа keḡ, со сванской огласовкой разновидности kaḡ → gaḡ, в десцибиляции kaḡ → gaḡ, на низшей ступени kaḡ → gaz, наличное у бацбиев в виде ḡaz-e (∞ → aḡze) 'хороший'. У древних грузин gaḡ был 'бог', тотемный бог, общий у них со скрестившимся с ними другим племенем; собственно, это в подъеме kaḡ, тотем племени kaḡ'ов или каспов, гнездившихся на Кавказе, но имевших издревле большое распространение по Средиземноморью, по Европе, вплоть до Британских островов.

Грузинское вульгарное kaḡ-gi 'хороший' представляет в основе также форму множ. числа с заднеязычным показателем множественности -g, природным для спирантных языков; чистая основа же kaḡ — название и племени, и племенного бога или тотема. О распространении этого бога и на Востоке, и на Западе — особо. На Кавказе то же название бога имеется и со сванской огласовкой «е», как keḡ-и-и, т. е. keḡ, с губным множ. числом keḡ-p, в яфетическом произношении и с полным окончанием ḡer-beḡ ↘ ḡer-meḡ 'бог', а по свистящей группе сибилантной ветви taḡ-maḡ (↘ saḡ-maḡ), у грузин 'бог', ставший, по принятии ими христианства, означать у них же 'языческого бога', 'идола', 'поклонника того же бога', т. е. 'язычника'. Национальное название грузин qaḡ + ḡ-vel, как теперь выяснилось, содержит в основе это же слово qaḡ, на третьей ступени озвонченности от kaḡ → gaḡ → qaḡ, причем ступень gaḡ также сохранилась в племенном названии gaḡ + d-maḡ, фонетически лишь разновидности грузинского qaḡ + ḡ-vel (← -ven || -men), т. е. kaḡ-g и название племени, и его тотем, впоследствии бог.²

Армянское vaḡ-и 'хороший', 'добрый', это с яфетическим именным окончанием -ḡ, чистая основа vaḡ-↘ vaḡ-, в армянском имеющая лишь значение 'доброе начало', а в грузинском в составе формы сравнительной степени vaḡ-es-и || u-[v]aḡ-es-и 'худший', в форме спирантного множ. числа, как г. kaḡ-g, у грузин же vaḡ-g 'годный' — vaḡ-g-a 'годится'. Это vaḡg || maḡg — широко распространенная

¹ Откуда, как уже известно, с перебоем k в t — Тогоḡ, название реки Чорох и др.

² Ср. Н. Я. Марр, Определение языка 2-й категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, СПб., 1914, стр. 76—77, где речь о названии того же бога с губным мн. числом — kaḡ-pi || kuḡ-pi.

основа племенного названия, употребляющегося у кавказских яфетидов и в значении сословия 'дворян', так, у сванов с их мн. числом — *vaḡ + g-āg*. Слово яфетически во мн. числе могло бы звучать и **vaḡ-en + g*.¹

Но наличие в армянском чистой основы *vaḡ-1* со значением 'добрый' в акающей разновидности при отсутствии окающей,² равно неоформленность в отношении мн. числа подсказывают, что это слово из шипящей группы яфетических языков, и в таком случае в свистящей группе мы должны бы иметь *bel-* или, при перекрестном воздействии шипящей группы, *ber*, а *bel-* или *ber-* уже хорошо известны, как по яфетическим языкам Кавказа, так по яфетическим переживаниям в индоевропейских языках и, отчасти, также по пиренейскому яфетическому языку. Это, во всяком случае, усеченный вид, на низшей ступени *mel* || *vel* спирантизованного архетипа *gvel* 'змея', звериного тотема иберов в сибилантной ветви, на низшей ступени *spel* || *sper* ↘ *smel* || *smeg* и т. п., хорошо известные по отложениям как в топонимике Кавказа,³ так и в давно разъясненном уже составном названии 'бронзы', также 'меди' — г. *spil + en-ā* и др.

Как племенное название, *mel* || *mer* представлены: *mel* у армян в форме зубного мн. числа *Mel-te* эпонимным героем сказания о построении древнего города Куара тремя героями армянской легенды, параллельной русскому преданию о построении Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом, у грузин — прямо-таки племенным названием *1-mer* (/ *1-ber*), откуда *Imer-e-ḡ-1* 'Иберия', ныне Имерия.⁴

У абхазов же чистая основа *bas* → *baz*, с потерей огласовки — *bz*: *bz1* (← *psi*-) означает 'хороший', но эта именно разновидность на третьей ступени озвонченности *ps* — в форме губного мн. ч. с обычным абхазским префиксом *a* — *a-ps-wā* значит 'а-баски' или 'абхазы', т.-е. это прилагательное, отложение племенного названия абхазов и некогда их тотема.

Сванское *ḡo-ḡa* представляет форму сравнительной степени (*ḡo-*) от основы *ḡa*, усеченного представителя архетипа *ḡag*,⁵ разновидности *kaḡ*, все того же племенного названия бога *kaḡ*, в непочатом яфетическом произношении на трех ступенях *kaḡ* → *ḡaḡ* → *ḡaḡ* и т. п.

Лезгинское по ботлихскому языку слово *ḡwaḡ-ab* представляет требуемую форму с губным суффиксом *-ab* от основы *ḡwaḡ-*, восходящей к архетипу *ḡoḡ-*, окающей разновидности акающей основы *kaḡ-* и т. п.

¹ При этом слог *-en* может быть отнесен к основе, и тогда составное слово *vaḡ + en* означало бы 'иверо-чан'. С другой стороны, у разновидности *vaḡ-g* || *maḡ-g* есть не разъясненные еще окончательно связи с племенным названием *vas-k* || *mas-k*, т. е. басков, мосохов или месхов, по типу восходящих к ней производных арм. *maḡ-g-aḡ-eu* = г. *te-maḡ-e* 'пророк' || м. *mas-ur* 'гороскоп', 'проридатель', во это очень сложный вопрос, затрагивающий и пиренейские иберо-баскские отношения.

² В значении 'зла' тот же корень с функциональным третьим согласным появляется с огласовкой «о», при этом с полногласием — *borot* 'злой', и это слово, шипящей группы по природе, сохранено грузинским, где, как в языке свистящей группы, мы ожидали бы **bart* или **brat*, что, впрочем, также оставило свои следы.

³ Напр., в бассейне Чороха город *Sper*, он же *I-sprig* (← **Hi-sprig* ~ *Si-sprig*).

⁴ Принято по недоразумению по-русски называть «Имеретия». От *imer'a* есть и *imer-el* 'имерец' (по принятой в русском передаче «имеретин»).

⁵ Как *-shə* вместо *-shag* в св. *ḡo-sha* 'большой', 'старший', 'великий' ← **ḡo-shag*, ср. арм. *ḡo-shog* 'крупный', 'большой', г. *ḡo-shog* 'средней величины', ново-эл. *1ḡ-shag-a* 'величайший', 'старший'. См. Н. Я. Марр, Определение языка 2-й категории ахеменидских клинообразных надписей и т. д. ЗВО, т. XXII, стр. 52.

Мегрельское $\text{dgi}-1$ представляет сравнительно новый вид прототипа $\text{dgi} \sim \text{dgi}n$, который с утратой исходного носового в виде $\text{dgi}- \sim \text{dgi}n$ находим в сравнительной степени у чанов, или лазов, $u-\text{dgi}$ -ши 'лучший', у мегрелов $u-\text{dgi}$ -ши 'лучший'. Разновидность же dgi или dgi , на низшей ступени ski или ski с первого взгляда могла бы показаться основой названия 'скиф', с зубным множественным оформлением $\text{sknt} \leftarrow \text{skot}$,¹ по спирализации свистящего s ($\sim h \rightarrow -$) с озвончением начального согласного — $\text{got} \rightarrow \text{gut}$, о чем речь будет особо. Но мегрельский и чанский $\text{dgi} \sim \text{dgi}$, как сказано, восходят к прототипу с носовым исходом, $*\text{dgi}n \sim \text{dgi}n$, на vizшей ступени $\text{skin} \sim \text{skin}$. Это хорошо известный у кавказских яфетидов архетип названий железа и орудий из железа. Как уже известно, со спирализацией kin -а и с перерождением сибиланта n в плавный r — $gkin$ у грузин значит 'железо', с префиксом «е» — $egkin$ 'небо' у армян-хайев, т.-е. ионов или ионян, не только в связи с представлением о 'небе', как о 'железе' (это явление позднейшее), а в качестве ионийского 'тотема-неба', 'бога', в семантическом разрезе 'воинства', 'борца', отсюда 'вторник' у чанов, т.-е. у ионян, 'день неба', 'день воинствующей силы' — $e-gkin$ - dgi || $e-kin$ - dgi , собственно 'день ионского неба', 'ионского тотема'. Между прочим, эта же разновидность skin со спирализацией лежит в основе слова с яфетическими префиксом a - и суффиксом $-ak$, т.-е. $a-kin-ak$, что должно было означать 'железо', всякое 'железное орудие', 'железный клинок' и т. п. Греки сохранили его в виде $\acute{\alpha}\kappa\iota\nu\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$ в значении обоюдоострого меча персов или скифов, а индоевропейцы считают его иранским словом, тогда как это яфетический термин, специально ионийское или ионское железо, ионийский, следовательно, меч! О фонетической стороне этого этнического термина, одной из многочисленных разновидностей племенного названия ионов, или, что то же, чанов, здесь долго было бы говорить. Но и сибилантная разновидность skin или skin также сохранилась с префиксовым образованием a -, как $\acute{\alpha}\kappa\iota\nu\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$, но у Гомера: это гомеровское $\acute{\alpha}\xi\iota\nu\eta$ 'топор', 'боевой топор', собственно, ионийский термин 'железо' — 'топор'. Та же сибилантная разновидность skin 'ион' сохранилась в другом значении не только с префиксом a - — $*a-skin$, но и с префиксом ew - (тем же, кстати, что и в названиях $Ew-g\bar{o}-p-os$, $Ew-g\bar{o}-pa$, термина также яфетического происхождения, название ли это, вообще, географическое, или старой части света, или богини, вообще, мифического существа).² И вот в обеих формах $*a-skin$ и $*ew-skin$ мы имеем тотемное название — ионское — вообще 'моря', в частности 'ионийского' моря или Понта, т. е. Черного моря, которое греки, восприняв в своей передаче sk как ξ ($aqsin$ и $ewqsin$), по недоразумению толковали, действительно «не без искусства», в смысле позднейших греческих слов $\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ 'негостеприимный' и $\epsilon\upsilon\acute{\xi}\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ 'гостеприимный'.

¹ Н. Я. Марр, Термин «скиф», ЯС, т. I.

² Есть курьезнейшие толкования индоевропейцев с негодными средствами для этих доисторических названий, все одинаково очень забавные. Впрочем, Фик (Fick) вынужден был отказаться от индоевропейского толкования тех же терминов в следующих словах (Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für Geschichte Griechenlands, 1905, стр. 21): «От толкования как $Ew-g\bar{o}ros$, так $Ew-g\bar{o}ra$ из греческого мы, конечно, должны отказаться: названия эти именно лишь грецизированы, хотя и не без искусства (nicht ohne Geschick)». Для палеонтолога по яфетическому языкознанию здесь нет никакого искусства, а одно грубейшее нарушение норм доисторической семантики и, в лучшем случае, ловкость любителя чужого достояния.

Однако, мегр.-чанск. $\check{d}g\check{p}$ - фонетически представляет семантическую дифференциацию основы $\check{d}gu$ -, эквивалента по свистящей группе; так, в грузинском языке $\check{d}u$ - или $\check{d}v$ -, в полной форме $\check{d}uen$ ($\check{d}ven$), что со словом mag - 'рука' означает 'десницу' — г. $mag-\check{d}uen-e$ || м. $mag-\check{d}gwan$. Вообще слово означает и усеченно $mag-\check{d}ue$ 'удачу', 'удачное', 'хорошее', отсюда производное $gamag-\check{d}oba$ 'победа' и самостоятельное $\check{d}ob-s$ 'превосходит', 'лучше', да и в форме сравнительной степени $u-m + \check{d}ob-eys-i$ 'лучший'. И полная форма $\check{d}uen$ и усеченная $\check{d}ob$ с десцибиляцией $\check{d}uen$ и $\check{d}ob$ интересны не для одних яфетических языков.¹

Чанский язык рядом с основой $\check{d}gin$, восходящей к ионийскому племенному названию, в значении 'хороший' имеет прилаг. $v-ogs-i$ || $v-gos-i$, что представляет с губным префиксом v - || m - племенное название этрусков, или русов, а это гармонирует уже со вторым племенным названием тех же чанов, именно laz , которое в конце концов разъясняется, давно разъяснено как закономерная свистящая разновидность $las \rightarrow laz$ того же племенного названия gos , собственно гош, т. е. пеласгов, или этрусков.

Было бы странно, чтобы в странах сильного проявления этрусского племени на Кавказе, особенно в районе сплошного расселения лезгин, собственно, $lezg'$ ов или $lazg'$ ов, спирантизованно iek' ов или lak' ов, т. е. носителей племенного названия пеласгов, или этрусков, ни у одного из многочисленных племен не сохранилось этрусского тотемного термина в значении 'хороший'. Таковой действительно имеется, но спирантного вида с огласовкой i , т. е. $gi[h]$, эквивалента gis , но вопрос: имеем ли в этом « i » обычное сужение небного гласного « e », т. е. налицо спирантный эквивалент сибилантного ges , хорошо известного по фракийским и греческим этническим культовым терминам, топонимике, или это также обычная перебой первичного губного гласного « o » → « u ». т. е. восходит к основе $go- \rightarrow gi-$? Признать ли прототипом это $go[h]$ - или $ge[h]$ -, наличная лезгинская основа gi -, эквивалент сибилантного gis -, употребляется со значением 'хороший' также в форме спирантного мн. числа в Дагестане у дидойцев в селе Кидеро с окончанием $-gu$ || $-gi$: $gi-gu$ || $gi-gi$.

Избегая вовлечения читателя в изложение более сложных звуковых переорождений, пропускаю термины остальных яфетидов Кавказа, заметив, что в них не достигаемся привычных нашему слуху более простых видов того же тотемного термина ионов. Между тем, uon || hon это древнейшее племенное название на Кавказе, наличное и сейчас в многочисленных разновидностях. Кроме того, это племенное название определенного звериного тотема — коня, в связи с чем и сохранилось древнелитературное грузинское название лошади $hun-e$, равно $hon-e$ (в подъеме $kon-e$).²

В пределах расселения ионов на верховьях Риона и Ипоса 'Коня', или Цхенис-цхал'а, тотемное значение 'лошади' археологически явствует также из изображения жертвенного алтаря перед нею, как божеством, на серебряном блюде из клада в сел. Бори, и это доказывает своей убедительной интерпре-

¹ Разновидность $\check{d}ob$ ($\leftarrow \check{t}ob$), десцибилованно $\check{d}ob$ ($\leftarrow \check{t}ob$), имеет встречу с основой другого племенного названия, что требует особого разъяснения (см. отчасти ниже).

² Отсюда $opa-gig-i$ или $upa-gig-i$ 'седло'.

тацией проф. И. А. Орбели. Это, впрочем, район расселения не только ионов, но и расенов, или этрусков, также имевших тотемом лошадь, и предстоит еще уточнить, понский или этрусский тотем — лошадь на кавказском блюде из села Бори. Ионское племенное название, несомненно, также имело значение божества и на Кавказе, являлось в том или ином виде тотемом ион в, и, следовательно, существовало соответственное прилагательное со значением 'хороший', при этом не у одних мегрелов и лазов. Это ясно из того, что сибилантиная разновидность этого племенного названия шоп, у грузин с их свистящим произношением — son (сохранилось у армян), откуда и груз. svan, в подъеме *šop* означало 'хороший', 'добрый', 'милый', почему и находим производный от этого прилагательного *mo-m-e-topa* 'мне понравилось', буквально, 'для меня || мне хорошо было то'. По семантическому раздвоению та же основа служила и для выражения противоположного значения — 'злого', 'дурного', 'неодобрительного', но во избежание путаницы язык произвел в ней дифференциацию сужением губного гласного «о» в «и»,¹ и вот *šop-i* значит 'недобрый', 'дефектный', отсюда глагол *da-i-šupa* 'он не одобрил'. Спирантная разновидность этого же племенного названия тотема в значении 'хороший', также, впрочем, сохранилась у яфетического народа, но западноевропейского, т.-е. у басков, называющих себя самих *euskal-dun'*ами, т.-е. этрусками. Использование ионского племенного названия в значении 'хороший' у басков в разновидностях *hun* и *on* (← **hon*) находится в связи с тем, что в них имеется и ионская помесь, потому же ионское племенное название в другой разновидности, впрочем, также спирантной, *uawn-a* || *šawn-a* по-баскски значит 'господин', 'Господь', некогда тот же тотем ионов. Однако *hon* → *hun*, находясь в несомненном родстве с кавказско-яфетическими *hon-e* → *hun-e* и сибил. *šop* (*son* → *swan*), в подъеме *šop-* → *šup-*, не разрывает связи вовсе ни со звонким его губным представителем *šup-*, в первичном яфетическом произношении *šup-*, ни с губным его представителем *hup-*, первично с глухим губным *rop-*. Последний звуковой комплекс — спирантизованная разновидность сибилантиных по двум группам основ *srop* и *srap*, названий европейских сванов или ионов; *rop* в основе греческого слова и названия *ῥόν-τ-ος*, равно в названии финикиян (*φουν-ίκ*) и пунов (*рун-*), то же самое. Семитам финикиянам-пунам предшествовали финикияне-пуны не-семиты, как выяснял и не яфетидолог Отран (*Autran*);² это были яфетиды-ионы. То же *rop*, как и *hon* — тотемное прилагательное племени ионов, и было бы странно, если бы греки в этом круге понятий остались без тотема ионян, первоначально тех же яфетидов-ионов; дела не меняет, что, тогда как основа *hup-* по-латыни означает 'хороший', основа *rop-* у греков, у них с суффиксом *-ēr*, также яфетическим формативом плавного мн. числа, по не раз иллюстрированному семантическому раздвоению имеет противоположное значение — *ῥον-ῥ-ός* 'злой', 'скверный', 'дурной', 'с изъяном', в частности, *ῥον-ῥ-ός* LXX говорит об ином семантическом источнике, чем физически толкуемое индоевропейцами

¹ Явление относится к семантической фонетике, предмету особого отдела в яфетическом учении об языке.

² С. Autran, Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire de la Méditerranée, Париж, 1920. Работа сильна в отрицательной части, в установлении того, что древнейшие финикияне — не семиты.

в связи с *κόπος*, 'труд', 'страдание', которое, впрочем, того же происхождения в отношении звукового состава, но из семантической филиации другой группы слов.

Для значения 'хороший' у греков есть прилагательное *ἀγαθός*: в яфетической своей части *a-gaθ*, доиндоевропейской, у этого прилагательного тот же префикс *a-*, что в *a-kin-ak*, *a-qsin-ē*, в племенном названии *a-qaу* или в названии богинь *A-θēn-a*, *A-stēr-ia* и др., что же касается чистой основы *gaθ*, то, как мы уже видели, это племенное название каспиев, или каситеров, т. е. касов, тотемный бог которых *gaθ* от них был унаследован на Востоке, между прочим, грузинами.

Сибилантичная разновидность, как *top*, resp. *ʃop* на Кавказе с озвончением *ʃop*, уже на Кавказе утратившая сибилантичный элемент, появляется в виде *ʃop*, откуда (с назализацией гласного у *baθbnev dθ*, с перебоем *o*, resp. *u* и *v*) у чеченцев-нахчиев *ʃin*, с полной потерей носового и ослаблением гласного в неопределенный звук у ингушей — *də*, у всех в значении названия 'лошади', первоначально у *понов* — естественно в роли тотемного зверя. На Кавказе слово кое-где все-таки сохраняет африкатность, всегда с потерей носового исходного звука *p* — арм. *dī*, абх. *a-θθ* из *a-θi*, как сохранили его грузины в смысле обращения к лошади и понукания. На Западе начиная с юга России, в полном ли виде архетипа *ʃop* или усеченном *do-*, с утратой носового исхода, фрикативность зубного уже не восстанавливается ни в виде *ʃ*, ни в виде хотя бы *ʃ*, а в значении 'добрый' на Западе *ʃop* притом дало две разновидности: одну по чеченскому развитию *o* → *uo*, присущему итальянскому, в др.-лат. *duon-us*, другую по сванскому (равно испанскому) раздвоению, в более древнем итальянском *Duen-os*. Впрочем, с этим мы, как будто, вторглись в чужую область, уже индоевропейскую. Нет, мы идем за яфетическим *добр*ом, захваченным, как сказали бы мы раньше, индоевропейцами невольно в доисторические эпохи скрещения, или унаследованным, как скажем мы теперь, ими же, индоевропейцами, в процессе трансформации их речи из яфетической в индоевропейскую.¹

Не думая исчерпать объяснением сейчас все примеры из перечисленных языков, я все-таки останавлиюсь на русских словах «хороший» и «добрый». Привлекаемый сюда «храбрый» интересен в том отношении, что брать ли его в др.-русск произношении «хоробр» или обычном «храбр», перед нами основа «хор» → «хра», а «-бр» ← «-пр» есть известный форматив, тот же, что в «серебро» и ряде других терминов, в числе их в топонимике (именно, в названиях рек, напр., «Днепр»), а основа «хор-», появляющаяся и с усеченным губным мн. числом на *-iv* в имени эпонимного героя «Хор-ив», одного из легендарных строителей Киева,² представляет племенное название, наличное и в составе «хор-ват», и вместе с ним является спирантным эквивалентом по окающей группе основы «сар»; в частности же «хор-ват» в целости, т. е. в составе основы «хор» и суффикса «ват», есть разновидность всего оформленного этнического термина «сармат». Таким образом, прилагательное «храбрый» — сарматский термин, отложившийся в рус-

¹ [См. Индоевропейские языки Средиземноморья, ИР, т. I, стр. 185—186.]

² [См. Н. Я. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИРАИМК, т. III, стр. 282.]

ском и других славянских языках. От той же основы происходит и «хорощ», с двумя природными признаками шипящей группы яфетических языков, именно с показателем множественности «ш» и оканием, причем вполне разъясняется яфетидологически законность его отождествления со ст.-сл. «харь» (*gratia*), украинск. «харвый» и «гарный», болг. «харень» и т. п. вплоть до греч. *χάρις* и латинск. *gratia*. Более того, сюда же относится арм. *gaḡsh*, также с шипящим показателем множественности, в таком случае в порядке семантического раздвоения тотемного термина, так как слово это по-армянски значит 'гадкий', 'противный'. От отождествления с богом-солнцем Хорсом я бы предостерег, так как этот термин может восходить к яфетическому *q̄-gos*,¹ племенному названию русов или этрусков, их тотему 'лошади', как в германск. *q̄-gos*, что у яфетидов означает также 'утренняя заря', 'солнце'.

Что касается «добрый», то подход к нему возможен двоякий: во-первых, как к тотему шумеров, тогда суффикс — один плавный звук *r*, и основа *dob-* представила бы дессибилонанную разновидность уже известного нам из грузинского яфетического термина *ḡob* 'лучший', 'хороший'. Здесь затруднение в том, что *ḡob* истолковывается и как усеченная форма ионийского племенного названия *ḡuen*. Нельзя сказать, чтобы мы не улавливали признаков сильного и раннего распространения иберского племени в России. Между прочим, как правильно устанавливает молодой яфетидолог А. Н. Генко, «ибер» есть разновидность племенного названия «кимер» (*κίμῆριοι*); если Гомер помещал их (*Od.*, 11, 14 сл.) совершенно правильно на крайнем западе, следовательно, в направлении испанской Иберии, попадавшей тогда в сказочный мир мрака, а Геродот описывал как исторический народ, вытеснявшийся с Таврического полуострова и из Сарматии скифами в VII веке, то это вовсе не значит, что ни раньше, ни позднее эти кимеры-иберы в тех же пределах не водились. Доисторическое наличие иберов в России для нас не новость: оно выступает из доисторической топонимики. Кроме того, с тотемом иберов 'волк', 'змея' в форме *gor* (|| *gur* ← *gwer*) связано не только название *Georgia*,² но и Георгий, resp. Егор Змееборец, о чем готовит исследование другой молодой яфетидолог К. Д. Дондуа.

Русь же нам сохранила сибилантную разновидность *smeg* (✓ *spg*) термина *1-ber* в форме зубного мн. числа *smeg-d*. Русская не только речь, но и общественность, термин этот унаследовала, как сословную кличку, что есть обычная судьба доисторических племенных названий, как, напр., «плебеи» из «пеласгов» на Апеннинском полуострове, «глехи» из «колхов» на Кавказе у грузин и т. д. Большинство историков и историков права «считают, что термин *смерд* есть помет *genegale* для всего древнерусского крестьянства и является, следовательно, однозначимым с термином «крестьянин» московской эпохи».³ Соглашаясь с тем, что *смерды* — сельские люди, а не горожане, проф. Юшков признает

¹ См. Н. Я. Марр, 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции, *ИС*, т. I, стр. 133—136; его же, К вопросу об яфетидизмах в германских языках, там же, стр. 47.

² Н. Я. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием (Арабская версия), *ЗВО*, т. XVI, стр. 169, там же и прим. 2.

³ С. В. Юшков, К вопросу о смердах, Саратов, 1923, стр. 6.

недоказанной однозначностью термина «смерд» с термином «крестьянин», употреблявшимся для обозначения всего сельского населения. По его мнению, это одна только группа сельского населения, один его разряд, «хотя, быть может, и наиболее значительный».¹ Группу отличало от других особое юридическое положение, т. е. наличие целого ряда ограничений в праве смерда, как свободного человека.² Объем этих ограничений был глубже и шире, чем это можно установить; часть их восходит к обычному праву и не могла быть отражена в дошедших до нас памятниках.³ Местами смерды — точно пришлые элементы или гости, они не обладатели собственной земли,⁴ как будто это хизаны в Грузии. Впрочем, нас не касается и вопрос о позднейшей сущности смердовства⁵ и ее эволюции, как во времени, так и территориально (в южном и северном народоправстве, здесь с выступлением города в роли князя в отношениях к смердам).⁶ Впрочем, проф. С. В. Юшков также поворачивает результат своих достижений в сторону освещения глубин и корней смердовства, заключая свою интересную заметку так: «Благодаря признанию смердов, составляющих один из значительнейших разрядов сельского населения, зависимыми, полусвободными людьми, как бы отодвигается в глубь веков начало тех процессов, которые привели к возникновению крестьянской крепости и которые, по литературной традиции, датируются концом XIV, началом XV в. Этим как бы удлиняется и расширяется историческая перспектива и дается новый, более сложный и красочный фон картине социальных отношений Руси X—XV вв.». Но у смердов корни, несомненно, более глубокие. Социальные отношения — это, в известной мере, детище этногонии. Может быть, и в правовом отношении смердов Руси было бы полезно сравнить с полусвободным сословием Армении, носившим также этническое название именно шпакан, т. е. ионское. Эти ионский (шин'ский) в Армении и иберский (смерды) на Руси слои населения напрашиваются, с точки зрения доистории, в вопросе этногонии и позднейших процессов скрещения, и потому, что иберо-ионы, у грузин — бердзены (ber-den), есть специальное название уже нового этнического образования, индоевропейского, именно греков. Зубной показатель множественности — обычно пережиток ионийского этнического термина, в полной форме по группам при дессибилляции — dan || don (↘ din) || den. Пережитки этого суффикса имеем и с основой smer → zmer (отсюда, кстати, zmeu «змея», как и 'волк', тотем иберов), причем сама основа в трех групповых перегласовках smog-dī || smur-dī (→ zmur-dī) и в полной форме smar-don (smar-don-es),⁷ т. е. тот же 'иберо-ион', если переводить буквально, а не усматривать во второй части служебный элемент для выражения мн. числа. Случай представляет при нынешней постановке этногонической проблемы общий интерес, так как по яфетидологии процесс перевоплощения имеет промежуточные ступени, и необходимо везде проследовать лингвистические пере-

¹ Ук. с., стр. 11—12.

² Ук. с., стр. 30.

³ Ук. с., стр. 31.

⁴ Ук. с., стр. 24.

⁵ Ук. с., стр. 14.

⁶ Ук. с., стр. 18—19.

⁷ Сельское население средневековой Силезии, Пруссии, Померании, о Рюгена и других славянских земель германской колонизации». См. ук. с., стр. 32.

smer-
zmer,
zmer

ходные типы, если где нащупывается, не только в хеттском районе, но и в России вообще, в славянских землях и далее тогда, когда речь идет о переходном типе, при дальнейшем осложнении скрещения дававшим исторические народы, не только греческий, но и тот или иной определенный славянский, тот или иной определенный иранский и т. п. Естественно, приходится отказаться от мистической этногонии конкретных индоевропейских языков, вытекавших из не менее мистического чистилища, надуманного их праязыка.

Иберская прослойка славян, в частности и русского населения, имеет свое подтверждение на Западе и в русско-романских лексических встречах, выделяющих их из прочих индоевропейцев в важнейших культовых терминах речи, сохранивших при том то же фонетическое соотношение эквивалентов, какое свойственно было тем же словам и в доисторические эпохи, когда они принадлежали еще яфетидам, иберам-яфетидам.

Таковы русск. «смерть», «мертвый» и лат. *mors*, *mortuus*, отделяющие славян с литовцами и романские народы от греческого мира, в известной степени и от германского. «Смерть» стоит в генетической связи со словом «сумерки», «сумрый», и оба они, по яфетическим представлениям, — с третьим подземным небом, и «с» в них вовсе не приставка, а коренной согласный, исчезающий в спирантизованных разновидностях, как то «мрак» и т. п. В исчезновении начального «с», собственно в его спирантизации, мы здесь имеем то же явление, что и в имени ахемена *Smer-di* (resp. **Smel-te* ~ *Mel-te*), сына царя Кира; в первой разновидности то же племенное название, в данном случае в значении тотема бога и, в связи с этим, и имени члена династии, в значительной мере также переходной этногонической среды, хотя и более поздней эпохи.

Как эти, так и целые ряды других лексических категорий в русском, специально смердского или иберского племенного происхождения, и мы имеем не только основание, но и неотвратимый долг эту чреватую последствиями этногоническую по иберам связь, доиндоевропейскую, русской земли и с Ираном, равно Кавказом, и с Пиренеями, искать в первичном виде или пережиточно в памятниках материальной культуры соответственных стран; тем не менее, надо считаться с тем фактом, что весь юг русский покрыт реками, соименными с ионским племенем. Эти реки наречены именно диалектическими разновидностями термина *dob*, его названия по сибилантной ветви, нарицательно означавшего у яфетидов: и 'реку' или 'воду' и 'кона'. Мы уже видели различные его формы и тотемные значения, но если брать конский тотем, в числе разновидностей есть рядом с *dob* и форма с утратой исходного *n*, т. е. *do-*, и основательнее в «добр» признать суффикс «br» ← «ber» || * «bor» (как в «хра-бр» «хоро-бр»), и в основе его «do-» получим отложение тотемного прилагательного яфетидов-ионов северо-кавказского типа.

Кстати, такое решение нас пододвинуло бы вплотную к аятам, столь важному и по изысканиям славистов этническому элементу в составе русского племенного образования.

Таким образом, в результате беглого обзора судьбы понятия 'хороший' в его звуковых воплощениях у различных народов, мы получаем наглядное фактиче-

ское свидетельство не только того, что одного общего слова нет и не было для его выражения ни у индоевропейцев Европы, ни у яфетидов, но и того, что, напротив, каждое племя имело свой термин тотемного происхождения, и к этим тотемным терминам сарматов, ионов, иберов, басков, этрусков, скифов восходят не только в яфетических, но и в индоевропейских языках слова, означающие 'хороший' и т. п. Но этого мало. В ряде языков, во всех лучше сохранившихся языках, для понятия 'хороший' различные основы существуют и у одного и того же народа, когда он выражает различные степени 'хорошего', с чем (связаны так называемые степени сравнения традиционной грамматики.

Интерес представляет сравнительная степень греческого слова *ἀγαθός* 'хороший', именно *βελτίων* и т. п. Возводить понятие 'лучший' к понятию 'сильный', как это делают индоевропейцы, совершенно невозможно. Прав Вальде (Walde), когда по этому поводу пишет (s. v. melior): «Freilich ist die Bedeutung «besser» = «stärker» bei dieser Sippe anderweitig nicht nachweisbar, wie auch bonus nicht auf dem Begriffe «stark» beruht» [Lat. Etym. Wörterbuch].

Яфетическая часть греч. *βελτίων* в форме зубного мн. числа *bel-te* или *bel-t* совершенно покрывает армянское племенное название, представленное эпонимным героем-змием *Mel-te*, и в то же время это, без окончания мн. числа *-te*, лишь разновидность *mel-1*, основы латинского *mel-ior*. Что иберский тотемный термин (мы уже видели палеонтологию основы *bel*, resp. *ber* || *bar*, resp. *bal* ↘ *val* || *var* или *mal* || *mar*) в греческом и латинском языках служит основой для образования сравнительной степени, имеет уже не одно грамматическое, а социологическое значение. Племенное название, означавшее к тому же, как мы видели, и 'змея', 'чудовище' на Кавказе (это можно проследить и на Западе в связи и со словом *belua* || *bellua* и т. п.), т. е. означающее божество — зверя, тотемного, в обычном противоположном семантическом преломлении и здесь дает рядом с 'лучшим' значение обратное 'зло' — *mal-um*, с семантической перегласовкой. В армянском, где в значении 'хорошего' этот термин появляется, наоборот, с огласовкой «а» — *bag-1*, в значении 'зла', отсюда 'изъяна', 'греха', употреблялась разновидность с огласовкой «е» в форме мн. числа *mel-q*.¹

Правда, этот случай не говорит о разности языков двух стран, греческой и римской, но он говорит о более важном по нашему вопросу, а именно о разности языков одной и той же страны в различных социальных, некогда племенных слоях. Превосходство, выражаемое определенной основой со значением 'хороший', говорит о господствующем значении бога-тотема, отпрыском которого это прилагательное является, и, следовательно, о преобладающем или господствующем значении соответственного племени, — племени, тотемом которого является нарекаемый тем словом предмет.

Это превосходство или сословное распределение тотемных терминов по ступени сравнения, грамматически положительной, сравнительной и превосходной, особенно ярко выступает у народов со сложным историческим прошлым; так, у греков еще превосходная степень 'хорошего' — *ἄριστος*. Превосходство в самом

¹ Ср. Bogot, выше, стр. 15, прим. 2.

основе этого слова, а не в окончании *-ist*, которое лишь по одному созвучию с *βέλτιστος* можно отделять от основы.¹ Этимологи-индоевропейцы, впрочем, совершенно правильно отождествляют с ним не только *ἀριστερός* 'левый', но и *ἄριστον* 'завтрак', не имея, однако, представления ни о действительном происхождении этих терминов и их составе, ни о семантической палеонтологии. Дело в том, что отсечением не *-istos*, а лишь греческого окончания *-os* (которого пока не касаемся), мы в *ἄριστος*, *ἀριστερός* и *ἄριστον* имеем яфетические слова из языка вроде армянского или баскского, не терпевшего начального *r*, почему звуку *r* вначале предпослан гласный *a*-, здесь, значит, не именной префикс, а фонетический придаток. Основа числая — *gis*, двойник основы *ges-*, *-t* и *-ter* суффиксы, также яфетические, причем *-t* уже известный нам показатель множественности, используемый для образования прилагательного. Основа *ges-*, разновидность племенного названия этрусков, эквивалент спирантного *gh*, который в виде *gi-*, как мы уже видели, существует у кавказских этрусков, или пеласгов, в форме мн. числа *gi-gu* || *gigi* в значении 'хороший'. У греков также имеется спирантная разновидность в виде *ge[h]* в основе *ἀρείων* (*are-ion*) сравнительной степени того же слова. Это первоначально тотемный термин, почему мог бы означать не только 'хороший', 'удачный', 'доблестный', но и 'нехороший', 'funestus', 'роковой', 'левый'; вот почему та же основа *gis* с эквивалентным суффиксом *-ter* у греков же означает 'роковой', 'левый'. Но в греческом этническом образовании *arist-* «этруск» уже сословно стал выразителем 'хорошего' в превосходной степени, очевидно, до индоевропеизации «греков», когда речь была еще чистой яфетической, и во главе этнического образования в стране стояло господствующее самосознающее племя *relas-g'*ов или, что то же, *a-gis-t'*ов.²

Что касается *ἄριστον* 'завтрак', то и его яфетическая основа *a-gis-t* происходит от племенного названия *gis* с известными уже формативами *a-* и *-t*; это вовсе не составное слово из 'утра' и 'еды', как не составное слово у русских «завтрак», «утренник». Дело в том, что, как уже разъяснено, основа этрусского племенного названия *gh* || *gh*, *resp.* *gis* и т. п. означает 'тотем-лошадь', специально 'красную лошадь', 'зарю-утро', т. е., значит, и 'утро'. В частности *gis* на Кавказе имеет спирантный эквивалент *gh* в значении 'утра', так именно у сванов, и отсюда *ἄριστον* значит 'утренник', в данном слове, быть может, не с простым фонетическим придатком, а с префиксом *[h]a-*, эквивалентом сибилантного префикса *sa-*, как в грузинском от *dil-*а 'утро' *sa-dil-i* 'утренник', 'обед'.

В различных работах у нас даны разъяснения основы *gis*, первоначально *gh* ← *gh* и различных ее видов, то с *l* (*losh* → *luh*), то с другими изменениями в значении и 'лошади-зари', 'румяной зари', 'света-солнца' и т. п.

¹ Для яфетидологического толкования, как увидит внимательный читатель, абсолютной помехи не ставят и это окончание *-ist*, если признать таковым и *-ist*, *resp.* *-st*, в греч. *ἄριστος* (преформа *a-gi-[i]st*), ибо *gi* || *ge* есть спирантная разновидность *gis* || *ges*, но ряд других фактов, в числе их и связь термина с *ἄριστον* 'завтрак' и т. п., побуждает нас исходить в данном случае из сибилантной основы *gis*.

² О возведении этой формы к ариям смешно даже говорить, когда *ari* того же этнического происхождения. Пока касательно принятого даже Эд. Мейером (Ed. Meyer), впрочем, с оговоркою, наивного истолкования «ариев» в смысле 'благородных' (это в доистории!!) см. Н. Марр, Сена, Сона, Лютеция и т. д., ИР, т. I, стр. 144, прим. 10.

Как в топонимике России мы находим массовые отложения племенного названия «рус» в самых разнообразных видах, от эпох доисторических, ни в какой зависимости не могущих стоять от каких-либо русских, двигавшихся на юг с севера в эпохи исторической жизни Руси, так, вообще, про русский словарь, как в значительной мере, вообще, славянский, можно в буквальном понимании сказать известный стих: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», Русью, разумеется, еще яфетической; естественно, племенное название русов появляется и в другой разновидности $lu\delta$, но в форме сравнительной степени «луч-ше». Основа «луч» не только в данном значении, но и в значении 'луча-света' — тотем этрусский, как и у родных чистокровных их соплеменников, яфетидов, от которых получено в наследие индоевропейцами этрусское племенное слово l в значении 'света'. Таким образом, к различным тотемным терминам, принадлежащим различным яфетическим племенам, восходят слова, выражающие различные степени прилагательного 'хороший', причем источник такого разностепенного восприятия терминов, означающих просто 'хороший', именно в том, что прилагательные, распределенные по трем степеням сравнения, являются принадлежащими природно трем соответственно социально расположенным различным сословиям, выработавшимся из трех племен, тотемными названиями которых по принадлежности являлось каждое из подлежащих прилагательных. Существо грамматической категории степеней сравнения, с ее где двух-, где трехстепенной семантикой, вскрывается как отображение общественного строя народа. При этом выясняется, что обратившиеся в сословия или классы племенные слои сами по себе отнюдь не были простыми примитивами, они также были составные или скрещенные, с чем находится в связи наличие двух таких племенных тотемных прилагательных для положительной степени у греков: $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omicron}\varsigma$ и $\kappa\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$, особенно же для сравнительной степени $\beta\epsilon\lambda\tau\acute{\iota}\omega\nu$ и $\acute{\alpha}\mu\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\nu$. Однако классовая или сословная градация значимости племенных тотемов, как прилагательных, в яфетических языках, и то в более развитых, бывает лишь двухстепенная, как по существу находим это и в русском, так как искусственное оформление или описательное выражение превосходной степени представляет вторичное явление. И это чередование за двухстепенностью трехстепенности также дает диахроническую перспективу развития речи, и естественно три ступени налицо там, в тех лишь индоевропейских языках, где сложнее и интенсивнее было племенное скрещение — греческом и латинском — и больше наблюдается отход от доисторического яфетического состояния.

В то же время, очевидно, у греков степени сравнения с тремя различными основами и в их трехстепенной семантике — $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omicron}\varsigma$ 'хороший', $\beta\epsilon\lambda\tau\acute{\iota}\omega\nu$ 'лучший', $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\omicron}\varsigma$ 'наилучший', собственно с тремя племенными названиями — касситским, иберским и этрусским, или пеласгским, — в основе унаследованы еще от яфетидов, иначе в положение высшего сословия не попадали бы пеласги, превосходной степени не представляло бы то слово со значением 'хороший', которое является названием пеласгов-этрусков, названием их же тотема.

Естественно, мифическим, по дошедшим до нас представлениям, пеласгам приходится выступать, благодаря яфетическим языковым раскопкам, в роли творцов

одного слоя подосновы, целиком яфетической, пока лишь исторически изучаемого греческого языка. Разъяснения вскрывают, между прочим, такие тотемные термины пеласгского племени, как *pelasg* в значении 'моря', он же в значении 'журавль', пережившие в греческом языке в виде *πέλαγος* 'море', *πέλασγός* 'журавль' и т. п.

Пеласги, следовательно, веками, тысячелетиями жили там, где сложился впоследствии греческий народ, воспринявший в себя все культурное наследие и этого яфетического племени в этнографических путях, как римляне — этрусское. Ведь, и этруски — в основе вовсе не впоследствии иммигрировавшее в Италию племя, как то склонно большинство ученых утверждать, ставя себя в зависимость от показаний Геродота. Данные историков, даже безупречные, для доисторика-лингвиста не имеют отнюдь в какой-либо мере решающего значения. Этруски, они же пеласги, под тем же названием в форме *plēbe* в пережиточной своей части составившие особое сословие у римлян, в Италии автохтонны с незапамятных времен. В этом отношении яфетидолог предпочел бы остаться в одиночестве и в том случае, если бы его не поддерживал археолог Шухардт (*Schuchhardt*), впрочем, находящий единомышленника в Виламовице (*Wilamowitz*), говоря: «Насколько я вижу, в настоящее время Виламовиц¹ единственный, который верит в прочные корни этрусков в их стране. Опираясь на изыскания Шульце (*Schulze*), он ударяет на то, что этруски сильно воздействовали на итальянские наречия. Топонимика и фамильные названия обнаруживают этрусский отпечаток в широкой мере даже там, где мы не постигаем, как туда могли проникнуть этруски. Совершенно исключается, чтобы этот народ появился на тосканских берегах впервые в VII веке» (*Alteuropa*, стр. 200).

Вопрос, однако, не во времени появления этрусков, как племени-примитива, а в их этнически уже скрещенном состоянии, как народа. Сложившийся уже разноплеменный народ, этруски и претворились в латинян с их индоевропейскими наречиями, на каковой новой основе намечается возникновение классического латинского языка. Что же касается исторических этрусков, или расенов, они такие же пережитки первоначального этрусского населения Апеннинского полуострова, как баски до наших дней — пережитки сплошного баскского населения от Дутеции-Парижа до глубин, а не до северной лишь каймы Пиренейского полуострова, где в то же время баски так же не представляли своей речью одного баскского племени-примитива, как этруски на Апеннинском полуострове не представители одного своего тезка-племени. В басках сидят лингвистически и другие яфетиды: ионы или ионяне, этруски, иберы и т. д. Баски сами себя называют этрусками, как вскрыл окончательно последний анализ их национального названия *Euskaldun* (*Euskaldun* или *Eskualdun*), где основа *eusk* с ее двойником *awsk* представляют баскский вид (с непроизошением начального *г* и с раздвоением окающей огласовки *о* → *и* в *aw* || *ew*) термина *gošk* → *rušk*, идеального архетипа этого племенного названия. В свою очередь, разновидности без начального *г* (баски, как их тезки армяне-хайки на Востоке, не могут произносить на-

¹ Staat und Gesellschaft der Griechen, 1910. стр. 11 и 12.

чального г) этого племенного названия awsk || ewsk в устах тех же басков появились с перемещением полугласного w — askw || eskw, откуда, с одной стороны, и ныне живое баскское слово с суффиксом -aldun — eskw-aldun 'баск', буквально 'этруск', eskuara 'по-баскски', буквально 'по-этруски' и т. д. С другой стороны, со спирантизацией s от awsk такая же перемещенная основа akw, с яфетическим суффиксом мн. ч. -tan, между прочим, тем же суффиксом, что в Tris-tan — Aqu-tan, наличное в хорошо известном названии области Aquitania, про которую еще в 1877 году писал Люшер (Luchaire) в своей монографии «Les origines linguistiques de l'Aquitaine» (стр. 18), резюмируя свои топонимические изыскания: «Методологические исследования собственных имен и, особенно, топонимии Аквитании, сообщаемых нам авторами и памятниками древности, разъясняют и оправдывают утверждения Цезаря и Страбона. Они дают право заключить о факте, скорее указанном, чем доказанном Гумбольдтом, именно, о существовании в пределах Аквитании Цезаря не кельтского языка, а языка родственного иберскому языку Испании и нынешнему евскарскому (т. е. баскскому)». И вопрос не в анализе лишь названий населенных пунктов, хотя бы столь важного термина, как Аквитания, а в выявлении яфетических основ, именно, вообще яфетических основ, а не одних лишь баскских или иберских элементов романских языков. Отстранение себя от этой работы для лингвиста так же антинаучно, как утверждение в отношении греческого, где даже основы сравнительной степени и материально, и общественно-идеологически яфетического происхождения, будто иберский, лигурский, этрусский, пеласгский и сродные с ними языки Средиземноморья с ним (греческим), как индоевропейским, не имеют ничего или имеют очень мало общего, так как они доиндогерманские языки.¹ Такое и раньше неосторожное предрешение вопроса становится прямо-таки заведомо антинаучным теперь, после вскрытия яфетических основ в доиндогерманских и умножения с часу на час все ярче и ярче выступающих их связей.

Для нашей страны, в частности РСФСР, яфетическая теория имеет громадное значение не только потому, что выясняется первоначальное население страны, яфетическое, и не столько потому, что к племенному составу этого доисторического населения в числе прочих относятся и сарматы, и скифы, отнюдь ниоткуда не приходившие в своих массовых слоях, а потому, что эти яфетиды, первоначально так же не-иранцы, как и не-турки, никуда в массе своей не уходили. Они пережиточно налицо в русских. Они вместе с иберами и ионами-яфетидами выступают скульптурно в славянах. Их речью приправлены (и только ли речью?) европейские народы района кельтского расселения, далеко за пределами славянских земель. Самое название «славянин» оказалось одной из разновидностей племенного названия «скиф» или, что то же, — «сколот». Скифское предание вскрыто во вставленной в русские летописи легенде о построении Киева Кием, Щеком, Хоривом. Найдена армянская параллель этого скифского предания, занесенная в Армению скифами и приуроченная к доисторическому строительству армян в бассейне Ванского озера, к основанию города Куара, тождественного по названию

¹ G. Schuchhardt, Alteuropa, стр. 338.

с Киевом (Куйябом).¹ Скифы всплыли в Закавказье и Мидии задолго до исторически свидетельствуемых их походов в эти края. Дело, впрочем, не в племенных названиях и не в легендарных преданиях, хотя бы и народных, а в языках древнейших клинописных надписей; это целый мир, вскрывающийся теперь не графично только, но живословно, и мной совершенно опущенный, как опущены мной, вообще, и западноевропейские мертвые яфетические языки — этрусский, различные иберские и т. п. Дело, однако, и не в этих мертвых письменных языках, теперь восстающих или начинающих восставать в своей звуковой живой реальности, а в самом русском языке, полном то скифских, то сарматских племенных слов, то новских и даже иберских, так, в частности, названий металлов: «золото» оказалось скифским этническим термином, как и немецкое «Gold»; это две разновидности одного и того же скифского слова, согласно самым строгим законам сравнительной грамматики яфетических языков; «серебро», как и немецкое «Silber», гот. «sil-ubr», яфетическое слово уже сарматского племени, как и родной термин европейских яфетидов-басков *zilhar* («zilhar») из **sil-bar*, означающий то же самое. Эти сопоставления вызваны не одним созвучием, часто в таких случаях обманчивым. Основательность их оправдывается не соответствием лишь их отличий строго закономерным звуковым соотношениям, установленным сравнительной фонетикой яфетических языков, а, в части формальной, и сравнительной морфологиею. Независимо от сравнительной грамматики, палеонтология нам вскрыла, что этот термин — составной, он сложен из двух племенных названий, и в каком бы смысле ни понимать вторую составную часть, также в племенном или функциональном, т. е. в смысле признака множ. числа (племенные названия вскрылись во всех окончаниях множ. числа), перечисленная группа ближайше сродных названий 'серебра' означает, держась формальной передачи составного из двух племенных названий термина, — «сармато-ибер». Из средиземноморских народов Европы греки и римляне сохранили тот же термин со спирантной разновидностью первой части (*har* вместо *gar*) и с удержанием первого коренного (гортанного *g*) во второй, именно *gent*, что соответственно звуковым законам в доисторических еще яфетических языках, давало два подвида: один *gent*, отсюда латинск. *ar-gent-um*, другой — *gur*, основа племенного названия с префиксом *h*, т. е. «лигур», которые, как выяснила палеонтология доисторических племенных названий Европы, есть лишь разновидность «ибера». И вот, сочетание *har-gur*, т. е. 'сармато-ибер', есть тот первоначальный вид, к которому восходит и греч. ἄργυρον 'серебро'. В самых чистых яфетических языках Кавказа, так, в грузинском, мегрельском и других, 'серебро' носит то же составное племенное название, но в обратном порядке, именно, 'иберо-сармат'; и любопытно, что на самом крайнем Западе европейского мира, именно, на Пиренейском или Иберийском полуострове испанцы сохранили в своей речи эту яфетическую разновидность (*plata*) того же составного термина, которая, как теперь вскрыла палеонтология, на первом месте ставит слово, оказавшееся видоизменением 'ибера' (*pla-*), а в целом, подобно кавказским яфетическим

¹ [См. Н. Я. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 257—287.]

названиям, означает 'иберо-сармат'. Мы и без того вошли чрезмерно в детали, и потому прохожу мимо обоснования сделанных сопоставлений в деталях (это — предмет специальной работы). Мы, казалось, с большим правом на внимание могли бы остановиться на реальной стороне, т. е. на связи названия с тем, что Иберия действительно и была наиболее известна богатыми залежами серебряной руды. Характеризуя предметы из раскопок Шлимана (Schliemann) и Дерпфельда (Dörpfeld) в Трое, Микенах и Тиринте, Шухардт в своей реконструкции материально-культурной обстановки древней Европы пишет: «Я бы не удивился, если бы в один прекрасный день обнаружилось, что большие серебряные вазы [из этих раскопок] были в том виде, как они есть, вывезены в Трою из Испании, именно на том основании, что сделаны из серебра, в добыче и сбыте которого в те ранние эпохи Испания выступает на первый план».¹

С другой стороны, рядом с 'железом' по истории материальной культуры 'серебро' называется главным металлом славян,² равно викингов.³ Если «золото» у славян, как «Gold» у германцев, без колебания — достояние скифского племенного слоя в их речи, то «серебро», «Silber (silubr)» вызывает колебание, внесено ли оно сарматским или иберским слоем, словарно и реально, раз в термине «серебро» слились, в каком бы конкретном значении они ни воспринимались, племенные названия и сарматов (ser-, sil-), и иберов (-ibr-, -ubr, ср. bar ~ har в баскском).

Двуплеменным является, как уже разъяснено, по его яфетическому прототипу, и название «бронзы», означающее 'иберо-иона'.

Однако надо быть очень осторожным с географическим приурочением названий металлов, особенно на основании одного языкового освещения. Археологи и лингвисты-индоевропейцы очень субъективны в решениях вопросов этого порядка, не работая в такт и потому не располагая регулирующим началом. Надо учесть и то, что наш перевод термина «сармато-ибер», или «иберо-сармат», лишь формальный. Мы не можем не утверждать, что «сармато-иберский» по примитивам — этнический термин, но племенное название означало и 'небо', а по диссоциации 'часть неба', а одной из долевых эпифаний неба представлялось 'солнце', и возможно, что это именно понятие входило у яфетидов в представление о 'серебре'; говорю об этом потому, что в идеограмму 'серебра' по клинописи входит именно знак солнца.

Понятно, в славянах, в частности в русских, переживают не одни иберы, скифы и сарматы из яфетического доисторического населения страны. Соответственно в русском языке имеется словарный вклад и тех яфетических племен, как-то: яфетидов-ионян, яфетидов-рушов или этрусков и других. Между прочим, название лошади: и «конь» (но не «комонь»), и «лошадь» — отложения племенных яфетических языков, первое, «конь», — ионского, второе, «лошадь», также «лошак», — этрусского. Более того, эти основные яфетические племенные языковые материалы вскрываются в русском вовсе не в однообразии единой этрус-

¹ Alteuropa, стр. 209.

² Ук. м.: «Sie entwickeln die gotisch-fränkische Kultur im Norden weit'r. Ihr Schmuckmetall ist reichlich Silber wie bei den Slaven».

³ Alteuropa, стр. 331.

ской речи, а в разнообразии ее диалектических разновидностей. С этим находится в связи уже разъясненный термин «тризна», представляющий также этрусский тотемный термин и означающий реально 'конские игры', 'бега', собственно, чествование тотемных лошадей или рес'ов.¹ Эти яфетические элементы не одиноко вкраплены, а представляют слои клубком сплетенных разноплеменных яфетических слов из различных доисторических яфетических языков и их наречий или говоров. Со словами идут, точнее, неразрывно связаны, путы мышления, техника восприятия, сначала внешнего и затем внутреннего мира. Образы, творчество. Здесь источник своеобразного граниения художественных форм, когда бы и где бы эти формы ни возникали. С этим вместе палеонтология яфетической речи идет на помощь и истории памятников материальной культуры. Выяснению их генезиса и выяснению генезиса, часто доисторического происхождения, даже известных позднее популярных литературных сюжетов.

Яфетическая палеонтология не имеет себе параллели в изучении других языков, даже в индоевропейской лингвистике. Так называемая палеонтология индоевропейской лингвистики — это целиком, с корня до верхушки, проблематическое построение, обоснованное на изучении исторических языков, более того, на историческом подходе к такому изучению. У индоевропейцев в распоряжении нет языков, иллюстрирующих доисторическое состояние речи. Доистория индоевропейских языков фактически выходит за пределы, освещаемые реально ими. Когда по вопросу об окончании «-ох» слова «скоморох» проф. В. А. Брим пишет: «Индоевропейская грамматика едва ли сумеет объяснить появление этого конечного элемента»,² то он, индоевропейец, выдвигает конкретно частный случай нашего положения о беспомощности индоевропейской лингвистики в вопросах доисторического порядка. И В. А. Брим еще более приближается к тому же очевидному для яфетидолога положению, когда выдвигаемому им конкретному случаю он придает уже принципиальное значение, видит в нем признак явления более общего характера, наминая, что именно термины международной культуры отличаются подобными странными фонетическими или морфологическими несоответствиями, как, например, «соль», готск. «salt»; «серебро», -готск. «silubr».³ И вот, яфетидология разъясняет и эти для установленных ею лингвистических норм вовсе не «странные фонетические и морфологические несоответствия» не только, как мы видели, в отношении русского «серебра» с готск. «silubr», во и в отношении русск. «соль» — готск. «salt»; ибо этот термин также усвоен индоевропейцами от эпохи доисторического состояния их языков, т. е. от яфетических языков, по нормам которых salt есть зубная форма множ. числа, обычная для имен, особенно названий сыпучих тел, от основы sal, находящейся с основой sol, собственно sol-e, в отношениях акающей группы к шипящей — окающей; ибо sol-e представляет подвид, возникающий в результате скрещения и восходящий к архетипу *шог-е, что в форме шог отложился в персидском в значении 'соле-

¹ [См. Н. Я. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна». Ленинград, 1921. стр. 54.]

² Термин «скоморох», ЯС, т. II, стр. 86.

³ Ук. м.

ный, равно в армянском и т. д., окончание же $-t$ свойственно данному слову в акающей форме и в спирантизованном виде, так, в армянском, где рядом с ед. числом $a\dot{t}$ ($\leftarrow *hal$) 'соль' сохранена и та же форма множ. числа $a\dot{t}-t$ в собирательном значении 'соляные копи', 'залежи соли' и т. п., а палеонтология термина нам открывает, что значение 'соль' связано со значением той же основы в одном из двух ее семантических разрезов: или 'воды' \rightarrow 'моря' \rightarrow 'морской соли', или 'камня' \rightarrow 'каменной соли'. Решение и выбор той или иной филиации зависит уже от истории материальной культуры.

Когда вместо *etruscum* (*etruscum nomen*) умбры говорили *turskum* (*turskum nimen*), то это они повторяли две разновидности одной и той же основы *et-gusk* || *t-urs-k* ($\leftarrow *t-gus-k$), стоящие в закономерных соотношениях двух диалектов, точнее — уже говоривших одним и того же яфетического языка; и полное извращение действительного положения вещей, когда, как то излагает Карл Шухардт, говорят, будто греки из этой разновидности сделали *Τῦρσῆνοί*; это уже разновидность другого языка, притом основа вовсе не *turs*, ибо *t* префикс, как в названиях Трои, как в имени Тристан, как в русском термине «тризна» и т. д., и т. д., но форма с префиксом *t* — *t-urs*, восходящая к архетипу *trosh* \rightarrow *truш*, употреблялась самостоятельно как племенное название, ибо по семантической палеонтологии в яфетических языках племенное название есть в то же время слово, означающее 'небо', а одним из семантических дериватов 'неба' является 'столп', 'башня', и греческое *τῦρσις* 'башня', как и лат. «*turr-is*» *vm. turs-is*, сохранили это именно племенное название *turs*, и греки были правы, когда они *τῦρσις* 'башня' сопоставляли с племенным названием, но, конечно, глубоко ошибались, когда название этрусков производили обратно от *τῦρσις*, точно этруски были народ, живущий на башнях или в башнях.

Нельзя, значит, вскрыть одними индоевропейскими языками всю полноту доистории, когда вся природа их строения, все этапы их трансформации замыкаются в исторические эпохи. Два-три тысячелетия, отведенные индоевропейскими языками для их изучения, захватывают время уже сложившихся языков, и не дают ни в какой мере наблести пройденные этапы доисторического развития речи, конкретно представить себе по ним процесс ее зарождения и роста. Отсюда тот поразительный факт, что, если изобразить в рисунке, яфетическая палеонтология, хотя бы в отношении вопроса о привычном состоянии человеческой речи, вообще, о сложении и развитии языков, дает фигуру диаметрально противоположную той, которая рисуется по палеонтологии индоевропейской лингвистики. По яфетическому языкознанию, зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно праязычного состояния, в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций, к вершине, т. е. к единству языка всего мира. У индоевропейской лингвистики, с ее единым праязыком, палеонтология сводится к пирамиде, поставленной на вершине основанием вверх.

Особую силу яфетического языкознания составляет семантика, учение о значении слов. Индоевропейская семантика обоснована на объяснениях житейского,

порою исторического характера, в пределах логических связей, отвлеченных. Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически сложившихся социальных условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими отвлеченными теоретическими постройками, оказывающимися в основе воздушными замками, ни нашими материальными восприятиями, анахронистически переносимыми на общественное мышление доисторического человека. Общественный строй человечества, однако, разного типа в различные стадии развития и в доисторические эпохи. Есть эпоха этнического словотворчества, есть эпоха ему предшествующего космического, когда звуковых слов так мало, притом означавших конкретно в живых образах воспринимаемые космические силы, что ими выражали множество осознавшихся постепенно в своем самостоятельном бытии существ. В противовес привычной нам с исторических эпох ассоциации идей, происходила диссоциация идей — выделение из единого общевоспринимаемого образа отделившихся уже в сознании частных его видов, или мифологических перевоплощений. Так, напр., выяснилось, что птицы воспринимались как 'небо', как его часть, его долевая эпифания, и потому оказалось, что названия птиц, как выясняет яфетическая палеонтология, как общие, так и частные или видовые, означают, собственно, 'небо', 'небеса', лишь впоследствии, по выработке уменьшительных форм, 'небесята'.

Это одно недоразумение, когда Карл Шухардт уверяет, будто наука об языке не доходит результатами своих изысканий до древнейших эпох вещественной культуры. Индоевропейская лингвистика, действительно, не достигает вообще доистории, но яфетическое языкознание идет многими десятками тысячелетий древнее и неолита, и палеолита, и, исходя из фактов, выясняемых для тех действительно первичных эпох, дает основания для поправок в истории и материальной культуры. Когда на основании изучения круглой и четырехугольной форм домов Шухардт определяет средиземноморский круглый тип, как каменную архитектуру, и северный тип, как деревянную архитектуру, и на этом строит генезис 'дома', время того или иного типа и принадлежность его той или иной расе, то он усекает перспективу в начальное строительство человечества, в дальнейшем в глубину времен прослеживаемую его реальную филиацию в связи с нормами общественности и органически вытекающих из нее мировоззрений, а не какими-либо расовыми особенностями. Выбор того или иного строительного материала, это победа человека над природой, но не творческий стимул, вытекающий из общественности. Потому-то основные архитектурные термины доисторического происхождения вовсе не от материальных форм. Археология считается с круглыми и ломаными линиями, зависящими от каменного и деревянного строительного материала, и изучает формы домов, храмов, погребений, исторически засвидетельствованные или открытые раскопками в приращение источников по истории материальной культуры, а язык заходит в своих изысканиях за эти позднейшие формы строительства и вскрывает генезис понятия и вместе с ним слова 'дом', когда вовсе не было ни каменных, ни деревянных построек, и человек видел в доме не формы, а назначение: защиту, покров, 'небо'. Возьму

случай из другого мира понятий. Если бы вздумали 'постель' или 'лежанку' производить от ее формы или от материала, то с терминами 'лежания' из языков доисторического склада, т. е. яфетических языков, мы никогда не справились бы, следовательно, не выявили бы генезиса терминов. Так, на яфетических языках 'лежать' совпадает с понятием 'жечь', и, напр., в грузинском *tva-t'va* 'лежал', *da-t'va* 'сжег', *sa-to-l-l* 'лежанка', но ни 'лежанка', ни 'лежать' не имеют никакого отношения к форме и материалу, к представлению о предмете: и 'огонь', и 'лежанка' связываются с одним и тем же словом *tav*, означающим 'небо', как верхнее 'небо' — 'огонь' (отсюда отыменный глагол 'жечь'), так нижнее 'небо-земля' (отсюда 'лечь', 'лечь на землю', как бы 'уземиться'). Хочу сказать, что в повседневную бытовую речь даже нынешних яфетидов вторгаются пережитки космических представлений.

Для 'сестры' в индоевропейских языках — специальное слово; так, в лат. *sor-ōr*, арм. *quq* и т. п., и это отождествляется с др.-инд. *svasār*, авест. *qvanhar* 'сестра', как составное слово и выставляется праязычный индогерм. **sue-sōr* из возвратного местоимения **sue-* и *sōr* 'жена'. Технически хорошо, но семантически не совсем так. В самом деле, вначале было лишь слово общее и для 'брата' и для 'сестры', и различали понятие 'сестра' прибавлением слова 'женщина' к слову 'брат', 'брат + женщина' = 'сестре'. В латинском или по достаточной дифференцированности 'брат' отпал, и осталось лишь слово *sor-* в форме мн. числа *sor-ōr*, что представило бы идеально точное воспроизведение яфетического слова по шипящей группе *шог* (/ *ḡur*) 'женщина', или, приняв в данном случае восстанавливаемое индоевропейцами так называемое праязычное **sue-sōr*, составное слово должно быть истолковано **sue* 'брат' + *sōr* 'женщина', что вполне могло бы удовлетворить и нас, так как **sue* действительно может быть истолковано в значении 'брат', как *sōr*, *resp.* *sor* 'женщина', и 'брат + женщина' яфетическое архетипное композитум для выражения 'сестра'.

Казалось бы, чего лучше. Индоевропейская лингвистика не может не признать, что она есть наука об языке за исторические эпохи. В вопросах генетических, ведущих в доисторию человеческой речи, она бессильна что-либо сделать непосредственно. Ее достижения не имеют никакого отражения, никакой поддержки в новых фактах, вскрываемых открытием протоисторического мира Средиземноморья, ничего общего с выдвигаемыми в связи с ним проблемами этнологии и доисторической археологии. Своим, без учета эволюции самих основ семантики, значимости слов и типологии грамматических категорий, искусно построенным праязыком, мертворожденным созданием, никогда не существовавшим, она вошла в тупик, откуда нет иного выхода, как признание своей некомпетентности по генезису и доисторическому развитию языков. В таком случае, должна последовать подача дружеской руки технической помощи молодому яфетическому языковедению для углубления его изысканий и совместной двухсторонней работы. Но это иллюзия. Я же не питаю никаких иллюзий, как нет у нас ни малейшего сомнения в том, что спасти обреченного нельзя, как нельзя задушить замалчиванием, игнорированием, насмешками новое, вызванное к жизни лежавшими раньше в пренебрежении материалами учение, а еще меньше тупым равнодушием

и самоуверенными, чтобы не сказать больше, утверждениями, прикрывающими абсолютное незнание нашего предмета, да одного ли нашего предмета? Борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно важных проблем, так, переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно поработанных народностей и выяснение основ будущего действительно единого языка человечества, содействие в ускорении этого неизбежного мирового процесса усовершенствованием лингвистической техники. Борьба же должна кончиться тем, что для всякого серьезного языковеда-теоретика, в дополнение к бесспорным стяжаниям индоевропейской лингвистики, знание одного из яфетических языков, в освещении обоснованной на них теории, станет предпосылкой подготовки действительно компетентного специалиста по общему языкознанию, а знакомство с положениями яфетической теории должно быть у каждого историка культуры, каких бы эпох он ни был специалистом, так как яфетическое языкознание освещает те этнографически действовавшие силы, учет которых при интересе к генетической истории творчества одинаково важен, относится ли это творчество к доистории, к современности, или к средним векам.

Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры¹

Wer will was Lebendigs erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist heraus zu treiben,
Dann hat er die Teile in seiner Hand,
Fehlt leider nur das geistige Band.

Goethe

Независимо от желания почтить наше общее годичное собрание, наше торжество, многочисленная аудитория собралась, вероятно, в надежде услышать новую сказку из яфетической теории, позабавиться новым разбойничьим разрушительным словесным наездом на сказочном яфетическом коне в мирные и спокойно от веков сложившиеся условия реальной научной работы и реального научного быта. Предупреждю, для таких ожидавий мы готовим полное разочарование. Яфетический конь при нас, мы и теперь бережно смотрим за ним, конечно, не за его сиротливостью: он окружен вниманием ряда привязанных к нему конюхов и ездоков; мы теперь особенно бережно смотрим уже не за сохранностью его, а за чистотой, определенностью и твердостью его походки, особенно интимно и любовно жмемся к нему. Однако это уже не сказочный, а настоящий, реальный яфетический конь. Шесть лет тому назад, когда я читал впервые публично об яфетической теории,² как мне казалось, в масштабе интересов Академии Истории Материальной Культуры, этот реальный яфетический конь стоял лицом на запад — и я поехал к баскам. Сейчас он стоит лицом на восток — готовлюсь сесть для поездки на восток, в Сибирь, а, может быть, и дальше. Яфетический конь не только довозит куда следует, как об этом приходилось здесь читать при вскрывании в Киеве или Куйябе³ кичеров, как оказалось, а не скифов (в тонкой, полной дizeзов и бемолей музыкально-мозаичной ткани сложных генетических взаимоотношений яфетического мира с индоевропейским, в частности русским, я не учел сразу полужвука или, вернее, учел тогда в термине *sku-za* вторую часть как формалист, а не как палеонтолог). Наша рабочая теория, как всякая живая здоровая теория, не только гонит вперед, но и осаживает, сама же создает задерживающие центры. Яфетический конь и отвозит тогда, когда для того бьет совершенно реальный осмысленный час. А тем временем Академия Истории Материальной Культуры уже начала жить полной жизнью, и, заслушав содержательный отчет об ее деятельности, пожелаем ей жизни и процветания и далее.

¹ [Речь, читанная в годовом собрании Государственной Академии Истории Материальной Культуры 18 мая 1926 г. Напечатана в СГАИМК, т. I, Ленинград, 1926, стр. 37—70.]

² [Доклад «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры», прочитанный в ГАИМК 9 июня 1920 г. См. ИР, т. I, стр. 79—124.]

³ [См. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИРАИМК, т. III, стр. 257—287.]

Из года в год мы слышим, что сделала или делала Академия за отчетный год. Наш ученый секретарь с неизменным спокойствием летописца и с привычной ему методической пунктуальностью заносит на скрижали истории резцом неумолимого счетчика наших дней, ангела жизни и смерти, деяния Академии. Есть от чего прийти в бодрое настроение, набраться духу, новой энергии на наступающий отчетный год, чтобы в будущем году дать новый перечень добрых дел. Хороший обычай, конечно, не только тогда хороший, когда прожито много и чутся наступление грани жизни. Однако ни разу я не слышал, чего *не сделала* Академия ни за отчетный год, ни за все годы своего долголетнего существования и чего, как будто, и не думала делать в целом.

Есть Академия Истории Материальной Культуры; но есть ли планомерное строительство по истории материальной культуры? Есть ли общий план нашей работы по истории культуры, для которой вещественные памятники лишь база, а не предмет культового обращения, фетиши? Да понимаем ли мы все, работники Академии, одинаково если не возникновение, — оставим вопрос о начале начал, — то хотя бы дальнейшую эволюцию в истории материальной культуры, самый процесс смены одного типа культуры другим? В 1920 г. я предложил первую формулировку построения истории эволюции культуры человеческой речи не без оглядки на смены форм общественной и материальной культуры в пределах европейского, вернее афреазийского Средиземноморья (ведь, есть и американо-азиатское Средиземноморье, за последние годы и месяцы идущее мирной, но методически твердой поступью скрестить оружие с европейским Средиземноморьем, как оно освещается яфетической теорией). Это была речь, вернее доклад «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры». С тех пор мир наш совершил вокруг солнца в своем неуклонном движении не менее шести полных поворотов, в яфетическом же языкознании произошло не меньшее количество сдвигов, да и поворотов. Однако самый важный и самый чреватый поворот не из того порядка, который вынуждал развиваться экстенсивно. По экстенсии мы, как будто, дошли до последних пределов. С американистами мы готовы скрестить оружие, палеоазиатисты, давно вовлеченные в американистское исследовательское дело, сами скрепчивают с нами оружие для совместной мирной работы. Китай входит, уже вошел, в круг непосредственных языковедных интересов яфетической теории.¹ Вскрытием этого факта обнаружилось совершенно неожиданное обстоятельство: в китайском языке, как в технике письма, так в самой речи открылась неисчерпаемая жатница явлений, иллюстрирующих наши палеонтологические изыскания. То, что мы доказывали путем методически веденных раскопок в различных, все более и более глубоко лежащих пластах человеческой речи, прежде всего в яфетических языках, то в китайском оказалось существующим по сей день и в живой и в письменной речи как реальность. При известном отношении наших друзей, лингвистов с того берега, мы опасаемся, как бы не обвинили нас, яфетидологов, в том, что мы сочинили китайский язык: в такой степени он выявляется как реперторий самых ярких

¹ Н. Я. Марр, Яфетическая теория и семантика китайского языка, ДАН, 1926, стр. 39.

фактических иллюстраций к положениям яфетической теории, особенно палеонтологии речи. Дело идет, однако, не о типологии лишь, но и о материальном воплощении самих типических явлений. Когда выяснилось, что положение наше о восхождении в яфетических языках объективного падежа, дательного и винительного (в яфетических языках они не всегда и различаются), к постановке слова 'рука' при склоняемой основе и китайский язык выявил наличие такого факта именно для образования винительного падежа слова — постановку при нем глагола 'держать', или 'давать' (что в свою очередь, по палеонтологии речи, происходит обязательно от 'руки'), то для нас важно было учесть средство не только типического явления, как отвлеченность, но и самих начертаний, самих слов, даже звукового комплекса *ba* 'давать' с этим берским племенным словом, и в яфетических языках означающим также 'руку'.¹ Знаете ли какую кривую образует при нынешних наших знаниях распространение этого слова? — Китай, чуваш, хетты и берская или иберская подоснова французской речи. Однако несомненный интерес представляют для генетики и типологические встречи, отнюдь не случайности. Когда в «Заметках по яфетическим клинописям», помещенных в наших «Известиях»,² под заглавием «Шумерское представление о 'слезе'», я трактовал, с привлечением мне тогда известных примеров, этот термин как 'воду очей' и так разъяснял сами яфетические термины со значением 'слеза', казавшиеся также монолитными цельными словами, тем не менее расчлняя их на простые элементы, также самостоятельные слова, то, конечно, разъяснение давалось искаженно, поскольку материал привлекался с отбором, поскольку ни слова не было упомянуто о том, что то же самое наблюдается еще, напр., у юкагиров: у них по сей день наглядно описательно — *aŋd̪ á-d-ǝd̪-gi* 'его (gi) слезы'. Это важно уже типологически, хотя бы потому, что констатирует тот факт, что мышление творцов великих культур, шумеров, египтян, греков и т. д., абсолютно ничем не отличается в переживаниях первобытного словотворчества от мышления юкагиров. В отношении данного термина существует определенный семантический закон, установленный яфетическим языкознанием, — общечеловеческое восприятие, и потому, кто всерьез интересуется корнями величайших культур человечества, должен считаться с данными юкагирской этнической культуры, какова она ни есть. Повторяю, это стоит вне зависимости от того, на каком фонетическом материале юкагиры воспроизводят этот общечеловеческий закономерный типологический постулат по семантике. А когда дело идет дальше? Когда сами слова отнюдь не изолируют юкагиров, как изолировало их отрешенное от жизни научное мировоззрение, когда, напр., юкагирское слово *ǝd̪i* 'вода' оказалось скрещенным термином, скрещенным из двух племенных слов, салского и ионского, ионское на втором месте в разновидности (*d̪i* ← **d̪in*) той же, что у грузин в основе глагола 'течь' (*d̪in-*) и имени 'река' (*m-d̪in-ar-e*), спирантно в ен.-ост. (*ym-k*) и самоед. (*y1*) 'вода', а по архетипу (**d̪in* ~ **d̪un* ↔ **d̪on*) той же, что отложилось в названиях рек Черноморья (*Dun-au*, *Dop*), салское на первом месте в разно-

¹ Полный вид *baŋ* ← *paŋ* (отсюда чув. *paŋ-áv* 'давать', сюда же относится *pə* в рш-берском скрещенном термине — абх. *a-na* + *pə*).

² ИРАИМК, т. III, стр. 289.

видности (б̄ из *og ← *ʁog ↔ *ʁng) той же, что в баскском (u- ← ug ← hur), да и в ряде языков финской системы, сибилантно на Кавказе и у армян (dur). — А когда, более того, юкагиры оказываются и на Востоке отнюдь не изолированными в отношении элементов, входящих в состав их родного слова позднейшей формации, поскольку оно уже скрещенное, когда для разъяснения этих элементов юкагирский не нуждается ни в кавказском, ни в пиренейском, ни в материале из Скифии, ибо у соседящих, можно сказать, палеоазиатов оказывается тот же элемент в точной баскской форме, именно у коттов и енисейских остяков, у последних в симском диалекте, можно ли без учета юкагирской, да и енисейско-остяцкой этнической культуры всерьез строить генетику европейских великих культур, хотя бы античной, которая реально не мыслима в трактовке по ее генезису без учета связей не только с пеласгами и этрусками, но и с иберами-басками на Пиренеях, в части римской, и иберами-месхами Кавказа, вообще с Кавказом и Черноморьем, в части эллинской, неразрывно сплетенной с Кавказом и Черноморьем многоцветной гирляндой древнейших своих популярнейших мифов, представляющих большую важность по культурно-историческому их значению?

Нам говорят: скифская культура есть эллинское насаждение. Да разве это касается генезиса европейской культуры? В генетической же работе по средиземноморской культуре не наступило ли время уже не для вопроса, а для конкретной работы над тем, что... вы думаете — я собираюсь сказать: «архаичная эллинская культура есть дело скифских колоний в Греции»? Ничего подобного. Мы утверждаем, что пока не будет осознана необходимость конструктивного в истории человечества использования совместной проработки элементов этнических культур Кавказа и сродных с ними культур Пиренеев и всего Севера (со включением далекого Севера и Востока), в том числе и юкагирской, «вымирающей» енисейско-остяцкой и почти вымершей на наших глазах коттской и т. д., нельзя говорить серьезно ни о каком методе, ни о какой прочной планировке исследовательских работ по генезису культуры человечества.

Как далеки те времена, когда мы думали одним сравнительным наездом привязать баскский язык к казавшейся триумфальной колеснице яфетидологии! Всего шесть лет, и мы отброшены на Восток. Чтобы расстаться с баскским? Нисколько. Чтобы, неожиданно для себя, вскрыть полностью тот источник, которого нет ни на Западе, ни на Востоке, ни на Юге, ни на Севере.

Вопрос вовсе не в том, чтобы еще далее расширить круг языков и населяемых ими стран, вовлекаемых в исследовательское поле зрения яфетидологии. Вопрос не только не в юкагирском или енисейско-остяцком, но даже и не в китайском, как он сам по себе ни безгранично богат и безгранично ценен. И на Западе вскрытие родства, здесь баскского уже непосредственно с яфетическими языками Кавказа в той степени, что его пришлось признать одним из яфетических, не само по себе было важно, как не имело для нас особого значения то, что почти таким же пришлось признать чувашский (во всяком случае, в степени его изолированности, чувашский язык на Волге пришлось разъяснить как яфетический).¹

¹ [См. Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, ИАН, 1925, стр. 951 — 964; Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН,

Не имели значения и самые факты родства, ни те их неизбежно выросшие последствия, что с баскским оказался органически связанным весь романский мир, а чувашский открыл органическую связанность его и с финской, и с турецкой, и дальнейшими группами языков на почве общности доисторического яфетического населения, своего собственного в районах каждой из групп. Примерно, из финских мордовский в сторону яфетических так освещается, что поражаюсь, как мы могли изучать кавказские языки, особенно армянский, без мордовского, и обратно. И все-таки не все это важно, как и не то, что на почве языкового родства доисторического населения Европы, мира романского с великобританским, вскрылась общность эпоса западной Европы и Кавказа; так наличие в средневековой феодальной среде Англии и Франции романа, претворенного из доисторического мифа о космических силах, о солнце и воде, именно о Тристане и Исольде, двойнике персидского романа «Виса и Рамин», также наследия эпоса доисторического населения, яфетического, Ирана и соседних стран. обломки какового наследия перед нами выступают в сохранных историками отрывках армянского эпоса об аланской царевне Сартенике, той же Исольде.¹ Не в этом всем дело, а в том, что совершенно конкретные взаимоотношения столь разбросанных языков, казалось бы, генетически ничего общего между собой не имеющих (так продолжает твердить господствующая лингвистическая теория и по сей день), открыли настежь путь в совершенно неведомую сторону, не на восток, не на запад, не на юг или на север, а вниз, вглубь, в бесконечную даль времен организованного человечеством творческого труда, единственного источника не только эволюции и прогресса, но и перевоплощения общественности, мировоззрений, типов и форм, в порядке диалектического развития в себе самом, без чьей бы то ни было сторонней помощи.

Первыми в порядке такого внутривнегнего процесса творческой работы выявились индоевропейские языки, именно конкретно индоевропейские языки, вышедшие из яфетических, каждый отдельно, а не в порядке их выделения из готового общего рода, общей семьи. Это и дало сразу и плоть и кровь всем тем теоретическим положениям, как скрещение, изменчивость морфологии и звуковых законов, а отнюдь не стабильность, важность не формы, не одной формы, а и содержания, увязанного с историей и материальной культуры, и общественности, ее мировоззрений, т. е. исключительная важность учения о значениях слов, о семантике.

Работа над значимыми словами, как формой их, так, естественно, и значением, дала возможность вскрыться словам-элементам, первичным словам, и технике их сложения.

В результате яфетические языки Кавказа оказались в таком тесном родстве о каком никто не мог себе позволить и думать. Даже между грузинским и абхазским оказалась чрезвычайно близкая связь. Конечно, эта связь по диахро-

1925, стр. 673 — 698; Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике, Чув. Госиздат, Чебоксары, 1926; Чуваши-яфетиды, Чув. Госиздат, Чебоксары, 1926.]

¹ [См. Иштартъ, здесь, стр. 307 — 350.]

ническому разрезу сверху донизу, до глубин времен — до тех глубин, которые соответствуют почти полностью стадии типологического развития, на какой стоит китайский язык. На самом Кавказе оказалось возможным проследить все ступени развития человеческой речи от синтетического до индоевропейского, почти до индоевропейского. В глубину времен семантический анализ нас заводит за межу начала звуковой речи, вводит органической связью этапов развития семантики в эпохи существования одной линейной речи. Древность, вскрываемая яфетическими языками Кавказа, превосходит древность обитаемости Кавказского перешейка. Очевидно, яфетиды внедрились на Кавказ впоследствии.

Вместе с этим внутри яфетического языкознания, в порядке диалектического развития, произошло расслоение, отпочковалось учение о языке вообще... и получились две науки. Рядом с яфетическим языкознанием, в новой стадии развития, сложилось общее учение вообще о языке, новая теория. Найдя путь к постановке сравнительной работы между языками, до сих пор разобщавшимися исследовательскими работами самих ученых, она, однако, помимо сравнительного метода, пользуется, открыв первичные элементы, палеонтологическим анализом с их помощью. И выходит, что хотя курица, лебедь и коршун друг на друга, как птицы, и их яйца друг на друга, как овалы, более похожи по форме, если хотите, и стило, чем все эти птицы на их яйца, тем не менее, когда речь идет о генезисе, то соответственная связь имеется именно между менее похожими типологически названными птицами и их яйцами, собственно между каждой из перечисленных птиц и именно ее яйцом.

Не представляют ли, если не все, то некоторые из этих положений хотя бы те, которые бесспорно проработаны на достаточном для их обоснования фактическом материале, тоже своего рода достижения? И, поскольку они, как никак, имеют довольно существенное отношение к истории культуры, следовательно, к истории и материальной культуры, не следовало бы ли уже мне занести также их, эти достижения, ну хотя бы с известной осторожностью и требуемой от ученого скромностью, но решительно, на скрижали истории в сегодняшней моей речи, которую имею честь держать в исполнение воли Совета Академии, по выбору и предложению Этнологического ее отделения? Увы, нет. Не следовало бы и не следует, ибо на самом деле нет никаких в отношении интересов истории материальной культуры в линии наших работ достижений; наоборот, есть недостижения, и не скрою, что эти недостижения, с точки зрения интересов самой Академии, нас интересуют больше, чем достижения, кажущиеся нам таковыми с нашей колокольни. Потому прошу полного списхождения обвиняемому, именно разрешения быть до конца откровенным. Достижением можно было бы считать результат нашей работы, если бы произошла ее увязка с историей материальной культуры. Такой увязки не только не произошло, но, думаю (рад бы ошибиться), не может произойти, а, может быть, правы индоевропейцы — и не должно произойти. Особенно огорчаться и нам нечего: для утешения у яфетидолога, располагающего рабочей теорией, большое раздолье. Под рукой яфетический конь, сел и умчался. А пока что, не мешает обозреть, что сделано по поставленному вопросу.

Представителями отвлеченного языкознания, с его статической или морфологической теорией, пока мало или ничего не сделано. Если исключить эпоху Sturm und Drang'a индоевропейской лингвистики, когда мы видим опыты построения языковедов на основании достигнутых или, вернее, достигавшихся в те дни результатов по реальному, казалось, изучению языка, а заодно с ними исключим и их эпигонов, продолжавших или продолжающих углубление, как то представлялось, на самом деле подрывание основ формулированного в самом начале учения о происхождении речи, усмотренном в так наз. генетическом родстве, на самом деле лишь социально установившейся в верхах системе закономерных взаимоотношений, воспринятых формально в их статической ценности, то мы докатимся с быстротою шара, пущенного по чистому полю, до ног вождя, общепризнанного вождя старой теории о языке, талантливейшего французского ученого проф. Мейе (Meillet), который 16 декабря минувшего года сделал во Французском институте антропологии доклад «Niveau social des mots».¹ Мы из этого чрезвычайно поучительного доклада узнаем, как сравнительное изучение индоевропейских языков открывает касательно начальной их общей части, что она — та часть индоевропейской речи, которая является общей для совокупности индоевропейской аристократии, перенесшей свой язык со своими институтами на новые территории. Индоевропейский словарь, переживший (от начальной стадии), принадлежит, следовательно, господствующим группам населения. Этим, мол, и объясняется факт, что названия, обозначающие точным образом отношения в семье в широкой мере устойчиво сохранили свое древнее значение. Истинный смысл слов в роде лат. pater не 'родитель' (celni qui a engendré), но 'глава семьи'. Вот почему это имя прилагается главе богов, Юпитеру. Домашние животные не рассматриваются с точки зрения взрастителя: их названия обозначают лишь формы богатства. Такие греческие имена, как hippos 'лошадь', bovis 'вол', ovis 'овца', не воспринимают ни пола, ни возраста. Этот аристократический характер индоевропейского словаря никогда не должен упускаться из виду, когда хотят строить его историю. В общем, заключает проф. Мейе, изучая историю словаря, надо думать о факте, что каждое слово имеет свой «социальный уровень».

«Добро пожаловать в наш стан, стан яфетической теории», хотели было мы сказать в первый момент. Увы, нет! Необходима еще большая чистка. И в самом деле, общая часть словаря так наз. индоевропейских языков или общиндоевропейский словарь есть словарь индоевропейской аристократии; каждое слово имеет свой социальный уровень. Но дело не в общих положениях. Не только об уровне, но и о происхождении социального речи говорилось еще в XVIII веке, когда не было даже индоевропейской лингвистики. Дело заключается в восприятии самих языковых фактов, вытекающем из изучения их самих. Если бы нам держали речь об общиндоевропейском словаре лишь как таковом, т. е. общем, а то, ведь, утверждается без всяких оговорок, что эта часть одновременно начальная, начальная хотя бы для так наз. индоевропейских языков. Это презумпция, ничем до сих пор не доказанная, могу предупредить — абсолютно

¹ Об этом мы пока осведомлены по краткому сообщению в 1 выпуске «Anthropologie» за текущий год (т. XXXVI, №№ 1 — 2, стр. 132).

недоказуемая, ибо она противоречит установленным уже яфетическим языкознанием фактам. Она противоречит фактам самих индоевропейских языков, хотя бы в области терминов родства: проф. Мейе именует их названиями семейных отношений, очевидно, в предположении, что термины родства, с поздних исторических эпох ставшие семейными, появились лишь с возникновением семьи; он утверждает, что эти термины родства сохранили устойчиво точные свои значения. Ничего подобного. Проф. Мейе сам отлично знает, что дело не совсем так обстоит в самих индоевропейских языках, и это-то и заставляет его предупредить возражение одним лишь словом: «широко» (*largement*), во фразе — «названия, обозначающие точным образом отношения в семье, в широкой мере (*largement*) сохранили устойчиво свое древнее значение». Хорошая книга — Евангелие, сохраняющее палестинский фольклор касательно оцезивания комара и проглатывания верблюда; тем не менее, иногда комар может оказаться ядовитым, убийственным. Точное употребление в греческом общиндоевропейского термина 'брат', который с фонарем надо искать в совсем ином использовании, общегреческие термины *ἀδελφός* 'брат' и *ἀδελφή* 'сестра', построенные по совершенно иной системе, хотя состоящие в основе из тех же элементов, что *frater*, *bruder* и прочие его разновидности, особый греческий же термин, в письменности с Гомера, Пиндара, Эсхила для выражения одновременно и 'сестры' и 'брата' — *κάσις*, что едва ли индоевропейцы отнесут к общиндоевропейскому словарю, хотя, несомненно, он больше относится к начальному репертуару терминов родства, чем *frater* и его разновидности, которые представляют позднейшие скрещенные образования, тогда как *κάσις*, имеющий свои точные эквиваленты в яфетических и иных языках, наличен в этих же индоевропейских словах, а в греческом *ἀ + δελ - φός* он наличен дважды и т. д., и т. д. Или дело дошло до того, что греческий язык с Гомером, Эсхилом и т. д. сами индоевропейцы готовы выбросить из круга чистых индоевропейских языков и поставить в особое положение рядом с изолированным также армянским (кстати, и тут очень неблагополучно с термином 'брат')? А что *pater* первоначально не означало 'отца-родителя', как, могу прибавить, и *māter* не означало 'родительницу', а лицо определенного социального положения в племени, еще до возникновения семьи, то это теперь, ведь, один из элементов общего языкознания, как это определяется по яфетической теории, утверждающей, что вообще язык есть продукт социальных факторов, в семантической части целиком; но это отнюдь нельзя доказывать невосприимчивостью слов 'конь', 'бык', 'овца' ни к полу, ни к возрасту, будто оттого, что названия домашних животных означают лишь различные «формы богатства». Различение пола и возраста явление позднейшее в отношении всех слов, грамматического различения пола вообще не было, не только вначале, но еще долго, и, напр., 'брат' и 'сестра' первоначально не различались по названию, а ставить отвлеченное понятие о богатстве и различных формах богатства раньше возникновения названия конкретных животных это то, что ставить вверх дном историю эволюций значений, и, во всяком случае, лингвистика, в лице лучших и наиболее смелых своих представителей договариваясь до таких положений, естественно, не может никак увязаться с реальной историей материальной культуры, и вполне

повятно, что индоевропейцы в общем открепяются от этнологии и археологии так же, как от вопроса о происхождении речи. Более того, даже этот слабый призрак социологического подхода к речи подверг проф. Мейе таким незаслуженным нападкам со стороны отдельных групп, что в его оправдание, чтобы смягчить его мнимую вину, появились защитные статьи (Sommerfelt).

Между тем такой метод трактовки терминов родства, с молчаливым принятием стабильности значений, подрывает в корне всякую реальную работу по генетике. Когда он применяется к древнеписьменным языкам, то генетический вопрос засоряется и прямо-таки ускользает из рук, скорее гибнет, скорее, чем при неучете своеобразия значений тех же терминов у так называемых первобытных народов; а что тут творилось, это обстоятельно разъясняет Кунов (Cunow) в изданном в 1923 г. своем труде «Die Marxische Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie» 'Марксистская теория истории, общества и государства', из которого видно, что авторитетные исследователи, напр., Морган (Morgan), исходя из современных нам представлений о родственных отношениях и оценивая с этой точки зрения брачные и семейные отношения первобытных народов, им, первобытным народам, просто подсовывают представления нынешнего культурного века.¹

А между тем на результатах лингвистической работы с таким методом строятся вовсе не одно языкознание. На них возводится не более, не менее, как все учение о генезисе права. Так, напр., проф. Иенского университета Лейст (Leist) ими обосновывал генетический вопрос в ориентирующем по вопросу труде «Arisches jus civile».² По его словам выходит, что, отстранив вопрос о происхождении права у всех народов и исходя из основных элементов правового порядка, получившего развитие у индоевропейских племен (bei arischen Gentes) с помощью языка, составляющего ядро доказательств при отнесении отдельных народов к индоевропейским, получается возможность построения племенного права и общиндоевропейских институтов, покоящихся на историческом генетическом родстве. А где, наоборот, язык нам доказал, что дело идет о порядках семитических, хамитических, турецких, китайских и других племен, там, за исключением некоторых исторических переносов — «займствований», речь может быть лишь о различных правовых схемах и их «аналогичном» оформлении из рационалистического родства...

Ведь, это чистой воды статизм или формализм индоевропейской теории языкознания. Уважаемому профессору можно было бы, не утруждая себя упоминанием абсолютно ему ненужных хамитов, семитов, турок и т. д. с их правовыми концепциями и нормами, откровенно сказать, что у нас есть догма римского права, возникшая, предполагается, самими корнями своими из особой арийской культуры, и более мы ничего знать не хотим. Где же в таком случае важнейший вопрос каждой науки, пока она наука, именно вопрос генетический?

¹ Ук. с., 4-е изд., 1923, стр. 109.

² Jena, 1892.

Рядом с отрешенной в самом процессе своей работы лингвистикой, построенной на изучении аристократической речи, речи индоевропейской, и по ее подобию развившейся лингвистикой семитической, равно хамитической и иной, во всех случаях с основной опорой в речи, зафиксированной в памятниках письменности,росло и окрепло лингвистическое исследование живых, так наз. примитивных, языков, слагается, если не сложилось вполне, иное учение об языке, сильное тем, что оно идет рука об руку с изучением материальной культуры и общественности, соответственно примитивных ее форм. С ним мы на начальных этапах человеческой культуры, — казалось бы, на грани словесного и бессловесного бытия человека. О действительной изначальности дошедших до нас примитивов, отброшенных ли волею судеб в изолированные страны, Америку, Австралию, или застрявших в Африке, не может быть, конечно, и речи. Но беда с ними в другом. Они не дают сами по себе ни в отдельности, ни по совокупности тех перспектив, которые необходимы для строителя теории человеческой культуры. В них самих нет материальных опор, ни языковых, ни вещественных, ни социальных для созидания учения о смене и трансформации одних типов в другие в течение многих веков и многих тысячелетий. Есть лишь картина, богатая картина без глубоких рельефов, без далеких перспектив, однако богатая картина намотки на этническую культуру исторической, да не одной, как, напр., у сайотов — усвоение турецкого языка с монгольским бытом при переживании родной палеоазиатской речи, спорадически наблюдаемой у них же в языке, в его слое из более древних элементов. Здесь для нашего вопроса, вопроса о дальнейших этапах развития человеческой культуры, самостоятельное построение есть и может быть, до материальной увязки и речевой с языками формаций позднейших эпох, лишь гадательно-теоретическое.

Перспективы в глубь времен, совершенно конкретные, открывают и в отношении языка археологические изыскания. Опираясь на изучение вещественных памятников одного и того же района, относящихся к культурам типологически различных эпох, археологи поставлены в условия, требующие уточненного учета взаимоотношений языков предшествующей культуры с языками типологически другой культуры; и когда в вещественных памятниках связь двух культур становится бесспорной, то связь и в типологически различных языках неустраима, и никакими иммиграциями не уйти от подлежащей разрешению в положительном смысле неизбежной проблемы о внутреннем процессе трансформации одного языка в другой. Таково положение в Средиземноморье, в частности в эгейском районе, где в общении с соответственными памятниками археолог Эванс (Evans) высказал целый ряд творческих мыслей по общей лингвистике более жизненного значения, чем то, что могли сказать теоретики-языковеды. В этом районе мы находимся почти у грани той стадии развития исследовательского дела, которая могла бы знаменовать наступление подлинной истории материальной культуры во всей полноте и целостности. Увы, языки доэллинской культуры требуют иного мышления, чем то, которым обладают исследователи, они требуют иной системы анализа речи, чем та, которой они располагают. Но если бы и удалось им сделать эту увязку, мы из исторических эпох жизни языков все-таки не вышли бы.

В такой же тупик попадаем с археологами исторических культур, в первую очередь величайшей культуры, венчающей все усилия и достижения всего человечества, — культуры европейской. Здесь больше всего учености, здесь, естественно, наибольшая проработанность и исследовательской техники, и методов исследования, но каких? Разве генесиологических?

Насыщенность культурными достижениями прошлых поколений ни в какой мере не обеспечивает со стороны наслаждающихся плодами чужих работ не только признания, но хотя бы знания заслуг тех рук, которые являются истинными создателями используемых достижений. Здесь нет, да и не может быть даже того великолепного момента из феодальной жизни на Востоке в средневековой Армении, который современный христианнейший проповедник, монашествующий доктор богословских наук, Вардан, отмечает с чувством удовлетворения как вполне нормальное положение вещей: «Когда князья», писал он, «наслаждаются за трапезой чудными кистями винограда, сотрапезники гости благодарят хозяев, но никто не вспоминает о тех, кто ограждал вертоград колючками от вредителей и выращивал дивные плоды, точно так же», продолжает благочестивый монах, «как никто не думает, угощаясь дичью, благодарить псарей или собак, добывавших их». Естественно, что, кроме презрения, господствующий класс населения Индии, индоевропейский, не питал ничего к потомкам народов-творцов тех культурных ценностей, которые легли по намечающим новые исследовательские пути изысканиям Сильвана Леви (Sylvain Lévy) в основу заслужившей общее признание всего мира культуры индийских индоевропейцев. Нужно ли напоминать, что персы в отношении совершенно исторической эпохи культурной жизни своих предков Ахеменидов находятся в положении породы неомнящих существ, а у нас русские историки, даже историк начал русской культуры, считают себя вполне забронированными от необходимости считаться со скифской культурой, как с органически связанной с исторической жизнью Руси, хотя бы с ее так наз. доисториею.

В Греции не лучше, по существу, дело, несмотря на изумительные достижения раскопок в смысле выявления материалов. Возник целый осязуемый мир критско-микенской культуры, но завещанное представление о типологической цельности эллинской культуры, работа с одним формально-сравнительным методом и полное отсутствие генесиологического метода и соответственной техники разложения цельных типов на их конструктивные элементы грозит поставить, да и ставит, непроходимую грань, мешающую эллинской исторической культуре увязаться с предшествующей ей критско-микенской, также исторической культурой. При неизбежности в таких условиях усекания перспектив в дали первобытных творческих эпох совершенно так же, как в индоевропейском языкознании, у археолога исторических культур ослабляется (я решился бы сказать, совершенно отсутствует) перспектива и на внутренние взаимоотношения, взаимоотношения искусства и материальной культуры. Искусство, конечно, относится к материальной культуре, составляет ее особую часть, но его назначение, его идеология, а в связи с этим и метод исследования, разумеется, иной; но так как у археолога великих исторических культур нет иного метода — генесиологического, а лишь тот же типологический, формальный, совершенно законный и, естественно,

и в будущем имеющий основание превалировать при изучении художественных произведений, памятников искусства, ныне же исключительно господствующий, то в этом исследовательском мире памятникам вообще истории материальной культуры или нет места, или, находя место, они обречены на неразграничиваемое слияние с памятниками искусства. Таким образом создается тупик. Из него никак нельзя выйти. Он обязывает исходить в поисках начал формальной типологии, устанавливаемой формально-сравнительным методом без какой-либо ориентирующей перспективы в генетические эпохи, без теоретически установленной идеологической базы для восприятия качественно дифференцированной раздельности материальной культуры и давно отслоившегося в ней искусства, ибо искусство, выделившееся из массового состава материальной культуры в особый сугубо надстроечный мир, с неизбежным представлением о неразложимой цельности типа каждой великой культуры, требует или исключения генетического вопроса, как неопределимого, или, когда важность генетического вопроса, наконец, осознается, искания готового прототипа данного культурного типа в его цельности в каком-либо определенном районе в точно определяемую эпоху. И, в самом деле, какая история, если нельзя определить точно ни времени, ни места?

На другом полюсе стоит этнология и так называемая доисторическая археология. И та, и другая области знания исходят, однако, из того же положения, что есть или была где-то блаженная страна, откуда пошла культура человечества, есть или были в одном определенном районе и, пожалуй, в одну определенную эпоху, племена, положившие начало культуре человечества; что существуют какие-то изначальные, топографически определяемые, датируемые племенные культуры, каждая особого отличного от другой, также изначальной племенной культуры, типа, и такой исследователь-этнолог отнюдь, как было сказано (стр. 44), не умудренный наблюдениями над конкретными сменами форм ему подсудного этническо-культурного типа, лишь пережиточно первобытного, естественно, и не обладает реально ощущаемой перспективой в соответственные, для его реального научного мирозерцания чуждые, культурные дали позднейших все более и более сложных формаций.

Дело из рук исследователя археологических культур выпадает и невольно переходит в полное ведение так наз. доисторической археологии, специалистов, изучающих культуры каменных веков с металлом и до металла.

И вот здесь мы подходим к самому тяжкому для нас испытанию, к необходимости поставить вопрос: правда ли эти века относятся к доистории человечества, к эпохам подлинного первобытного мышления? Конечно, нет. Какое же первобытное мышление может быть, когда в неолите, да и на значительной глубине палеолита имеем уже письмо, а в неолитические эпохи обнаруживается совершенно разработанный алфавит, как то выявили глезельские раскопки; когда не в неолит, а еще глубже, как теперь выяснено, уходят корнями общие для всего афреазийского культурного мира слова 'книга' и 'письмо', т. е. требуется опять-таки непрерывность традиций от подлинно доисторических эпох жизни человечества даже в таких терминах высокой культуры. В установлении этого факта значительную роль сыграли своими материалами яфетические языки Кав-

каза, однако не в смысле увенчания его ореолом местонахождения своего рода библейского рая, родины хотя бы европейской культуры. Попав за Грецию в прослеживании судеб термина 'писать' на Запад, в Италии и во всем романском мире мы встретили ту же двуплеменную сал-берскую скрещенную основу scrl-b, как на Востоке; однако салское племенное слово в ней из сибилантной ветви sal (← *hal*) представлено с разложением его начального первично диффузного звука *h* в *sk*, точно мы попали обратно на Кавказ, в чисто яфетическую среду народов сибилантной ветви, состоящей из двух групп — свистящей и шипящей. При знакомстве с подлежащими материалами соответственных языковых групп, обращение от латинского, вообще романского, материала к ним оказывается не путешествием на далекий Кавказ, а нисхождением вниз в так наз. доисторическую подоснову латинской речи в самой Италии, вернее в самой западной Европе. Это путешествие тоже в дали, но дали не территориальные, а хронологические, в глубину времен. Естественно, что на этом дне, на Кавказе оказавшемся вынесенным на поверхность, в течение многих веков обнажения рядом с массовыми доисторическими переживаниями немало оседало из дальнейшего производства языковых факторов, скрещений внешних и внутренних. Вскрывающееся на ней, на обнаженной поверхности, языковое состояние носит дополнительные следы этих новых или повторных процессов взаимодействия, источников тех эволюций, и в них, яфетических языках, которые произошли на почве доисторических переживаний. Это во всем, не в одном письме. Вот средства передвижения. Разве 'лошадь' выявляет нам теперь, да и с незапамятных для истории эпох, то значение, какое это слово выражало с самого начала? Ведь 'лошадь', как и 'конь' носила свое название по функции. Ту же функцию имел 'верблюд', и потому название 'верблюда' сем. *gāmāl* (евр.), да и греч. *kamēl-os*, лат. *camel-us* с одной стороны и с другой стороны средневековое лат. *cabal-us* 'лошадь', вовсе не случайно созвучны. А можем ли из средств передвижения исключить собаку? Признаю дефектом не нашего метода, а нашего бессилия все охватить и всему отвести место, но историк материальной культуры имеет право поставить нам на вид, что в только что появившейся из печати работе «Средства передвижения, орудия производства и самозащиты в доистории» мы не отвели должного места собаке, также сменной в соответственной эпохе и среде лошадью в функции, которая и унаследована ею, лошадью, от сменного животного.¹ И когда в западной Европе, Армении и финском мире находим в значении 'собаки' господство ионского племенного слова *kap* и т. п., а его же среди ряда яфетических народов Кавказа (грузин, кюринцев-лезгин и др.) в значении 'коня', то это так же не случайность, как не случайность тот факт, что обнаружили раскопки нашего сочлена А. А. Миллера в Кюбяковом городище: в древнейшем культурном слое громадное преобладание собачьих костяков над всеми животными, в том числе и лошадью, а в следующем непосредственно культурном слое собака начинает уступать лошади. По мере того, как средства передвижения менялись, названия переходили с прежнего животного на новое, иногда без всякой диффе-

¹ См. укр. с., стр. 30 сл.

ренциации. То же самое наблюдается с мертвым материалом. На металлы перешли названия 'камня', а на 'камень' — название 'руки', так как материал назывался по орудью, которое из него делали, а орудье заменяло 'руку', с функцией которой на орудье переходило и название 'руки'.

Это перемещение названий с предмета на предмет не так просто фактически, ибо процесс происходит в организованном человеческом коллективе, состав которого непрерывно менялся от скрещения, и вместе с тем менялись и слова, также скрещиваясь: и евр. *gā-māl* (← *kā-mal*, ср. *κάμηλος*, *camelus*) 'верблюд' и средне-лат. *sa + bal-us* 'лошадь' — двуплеменные скрещенные, одинаково сал-берские слова, точно так же «комонь» — скрещенное двуплеменное не сал-ионское, как предполагали раньше, а также сал-берское, но окаяющего племенного оформления, на юге конкретно скифского (*ko-моц* ← **ko-monǵ*, герм. **ko-mog* -- *ka-mal*); но вот русское «конь» — одно ионское племенное название простое, без скрещения, как *don* у некоторых яфетических народов Кавказа, простое же племенное слово этрусское, где *gash* или *lāsh* (у яфетидов на Кавказе даже *ga* — в клинописи), где *goss* (у германцев) и берское *val* (у вотяков) и т. д., и т. д., те же слова мифологически означают 'бегущие воды', 'реку', вообще 'воду'. Иногда такие встречи теперь прослеживаются у далеких друг от друга эпох, напр., название Волги *Rha* и распространение того же племенного слова в длинном ряде приволжских народов в значении 'лошади', а иногда в далеких друг от друга странах; так, в Сибири у палеоазиатов ионское слово *kap* означает 'воду', 'реку', как берское племенное слово *-va* || *-ma*, усечения г. *val* || *mal* на севере в районе финского населения, а на Кавказе у яфетидов, так у кюринцев (лезгин), скрещенное бер-салское слово *bal-kap* означает 'лошадь', 'коня'. Все это сплетение, как и изменчивость конкретного содержания предмета при сохранении по функции им названия, т. е. в общем отсутствие стабильности и у содержания, и у формы, изменчивость их, идущая в такт с изменчивостью хозяйства, форм общественности и ее мировоззрений.

Как же, однако, быть со все-таки нехватящим в истории материальной культуры, да и вообще культуры, общим построением поступательного движения? Может быть, его и нет?

Еще в древности в средиземноморском мире «проблема первобытного состояния человечества получила два решения», как то разъясняет в одной заметке проф. Мальковати (*Malcovati*):¹ «одни представляли себе дело так, что первые люди жили в полном и абсолютном счастье, благоприятствуемые всегда цветущей природой, наслаждаясь вечной весной, с душой свободной от забот и тревог, жили жизнью, которая имеет большое сходство с жизнью богов на греческом Олимпе, про которых Гомер говорит *ῥεῖα ζῶοντες*,² но вот, как всегда бывает по вине людей, с течением времени возникли величайшие бедствия, чтобы нарушить первобытное благоденствие». «Гесиод первый изображает в греческой литературе *χρῦσεον γένος*, 'золотое поколение', живущее в век блаженства, давно отошед-

¹ Le idee degli antichi sulla humanità primitiva. Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere. Rendiconti, serie II, vol. L. Милан, 1917, стр. 465—476.

² E 122.

шее в вечность, откуда и легенда о золотом веке».¹ Это воззрение, как известно, перешло из философских школ к киникам и стоикам.²

Библейский рай Адама, Гесиодов золотой век почти непочато были восприняты господствовавшим языковедным мышлением XIX века, вопреки всякой очевидности утверждавшим о существовании некогда праязыка, общего всем разновидностям индоевропейской речи, откуда непосредственно и потекли, мол, как из страны полноты благ и счастья, райские реки единой некогда богатой речи, свидетельницы совместного тогда блаженного житья-бытья на Геоне, Тигре и Евфрате. Ведь, в лингвистике, действительно, искали и до сих пор ищут своих райских рек, своего Геона, своего Тигра и своего Евфрата, на берегах которых должны были жить прародители индоевропейцев в полной готовности выступить для заселения Европы во всеоружии речи и большой культуры, уже патриархальной с родовой жизнью.

«Другие мыслители древности, наоборот, поддерживали то представление, что первые люди, жалкие и грубые, должны были жить жизнью, похожую на жизнь зверей, с которой впоследствии милостью ли богов, от действия (*forza*) ли времени, или собственным умом они поднялись на все более и более высокие ступени цивилизации». Этот взгляд, более глубокий, возникает в Греции в V столетии, «дивном веке, видевшем полное раскрытие высоких проявлений эллинского духа (*che vide svolgersi compiutamente le piu alte manifestazioni dell'anima ellenica*)».³ Это был уже философски-научный подход. Описание картин первобытной культуры в этом представлении нам дает ярче всего Эсхил в «Прометее» (477 сл.).⁴ Однако виновник самого рассказа, пожалуй, не Эсхил, а миф или предание о Прометее. Любопытно, как в 1917 г. пересказывался этот миф: «Был титан», говорит легенда, «который, двинутый состраданьем к бедственному состоянию человека, одарил смертных искрою небесного огня и научил их многообразному его использованию. И этот титан, называвшийся *Προμηθεύς* 'провидец' (*il preveg-gente*), был наказан Зевсом, прикован к скале в горном уединении Скифии и истязался орлом, пожиравшим его печень, все время восстанавливавшуюся».⁵

Нужно ли говорить, что допотопное научное толкование Прометейя 'il preveg-gente', 'провидец', одной цены с тем, как думали разъяснить его на индийской почве, на основании созвучного санскритского термина, исходя из техники производства огня с помощью трения? Между тем палеонтологией речи установлено, что подлинно доисторическая речь не знает еще производства слов ни по материалу, ни по технике, а лишь по функции или по социальной связанности предметов или явлений в том или ином производстве, слово с одного предмета переходило на другой предмет каждого из таких кругов без всякого изменения: *Уафед* (евр. *Уефед*, в паузе *Уафед*, греч. *Ιαφεδ*) или *Арет*, отец Прометейя, огнепохитителя, одновременно могло означать — и действительно означало — орудие производства огня 'трут', как и звучит название этого предмета в грузин-

¹ Enr. Malcovati, ук. с., стр. 465.

² Уб. с., стр. 469.

³ Ук. с., стр. 471.

⁴ Ук. м.

⁵ Ук. с., стр. 472.

ском — *abed*, да еще ряд значений одной функции с огнедатедем. А что Прометей подлинно доисторическое имя, это не подлежит никакому сомнению. Между прочим, потому мы и находим сродный сюжет в мифе *Agni* в Веде.¹

Однако самый миф, «прекраснейший в греческой литературе» и имеющий любопытнейшие встречи и в других литературах, находится значительно раньше у Гесиода.²

Прометею приписывается изобретение не только огня, но и бронзы, железа, серебра, золота и многих художеств или ремесел: *πάσαι τέχνη: βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως*. Еврипид говорит уже не о Прометее, а об одном из богов, освободившем людей из скотского состояния, в каком они находились и т. д. Тут важно то, что для Еврипида культура была даром бога. В этом мы не видим, однако, ничего необычайного, так как и Прометей, как теперь выяснилось, значит 'бог', а так как 'бог' по палеонтологии речи значит 'небо', как назывались первоначально и наше 'небо', и наша 'земля', и 'преисподняя', или наше 'море', а наше 'небо' одновременно означало и 'огонь', т. е. 'небо-огонь', то предание происходит, очевидно, из населения с соответственной речью, как мы теперь то находим на Кавказе, где к тому же сохранились различные версии сказания о Прометее с двойниками Прометея, носящими разновидности его имени *A-mir-an*, *A-bær-skil*, да и основная первичная часть самого слова *Pro+me+ðew-s* на Кавказе же по сей день сохранилась в значении где общего понятия 'бог' (ав. *be-ðed*), где в значении 'знамения', 'знака', 'печати' (*be-ðed*). Сравнение Прометея с кавказскими тезками вынуждает сделать лишь один шаг в использовании семантических положений нашей молодой науки, именно «наречение части по целому»: 'небом' зовется и 'солнце', в связи с чем позднее в отличие от 'неба' 'солнце' носит название 'дитя неба', т. е. *Pro-me+ðe-ws* могло бы означать и 'солнце'.

Очевидно, как эти слова вместе вообще со звуковой речью — создание человечества, так не только миф о Прометее, герое или боге, это все равно, но и бог есть создание человека, и напрасно в версии Еврипида хотят усмотреть какое-либо искажение мифа, его как бы отсебятину.

Впрочем, судя по справке проф. Мальковати, и здесь я терплю осечку в смысле какой-либо новизны моего утверждения. Из слов, восходящих к Критию, «в фрагменте касательно Сисыфа, узнаем, что еще он, безбожник, отнюдь не признавал дара титанов или богов в культуре человечества, считая самих богов простым изобретением людей».

Можно думать, что мы нарочно и миф и греческое философское построение хотим через Прометея перетянуть к Кавказу. Ничего подобного. Если мы обращаемся к Кавказу, независимо от самоприурочивания мифа к этой стране, собственно к Скифии по версии Эсхила, то Кавказ для нас в таких вопросах доистории не территориальная величина, а плоскость культурно-исторической даты. Есть основание утверждать (для этого имеются достаточные факты), что имя Прометей средиземноморское, притом позднейшее, хотя и из доэллинской племенной среды.

¹ Ук. с., стр. 472, пр. 1.

² 1h. 32 сл. Ор. 616 сл.

Прометей и его отец Аре́т (у средиземноморских же уже семитов — евреев — Уафе́э) перешли и в подлинную индоевропейскую речь, греческую, в диалектических разновидностях яфетической речи не Кавказа, а Средиземноморья, так Уа-фе́э или А-ре́т оказалось диалектическим двойником Не-*fest'a*. Правда, место Гефеста на греческом Олимпе несколько иное, но это только лишний раз подтверждает, что мы не можем в работе над поисками изначальных древностей исходить из стабильности представлений — наоборот.

Даже те древние, которые первобытность представляли райским блаженством, решались отрицать в то время существование таких богов, как Зевс и Посейдон, не говоря о Марсе, или Аресе, и допускать господство лишь кипрской царицы, т. е. Венеры (так Эмпедокл, акрагантский философ, поэт¹), и это вовсе не потому, что Афродита носила эпитет *χρυσή* 'золотая', что, мол, дало повод связать эту богиню с 'золотым веком', и не потому, что рационалистически с точки зрения акрагантской философской школы можно истолковать господство Венеры с 'любовью', а потому, что Кипрская Венера, или Афродита, — это Кибела, это Иштарь, богиня еще матриархального социального строя, и в ее, Иштари, образе соединялись еще невыделенно с представлением о 'любви' диффузно и 'вражда', 'война', равно 'бурное море', 'буря'; она сама — 'вода', 'богиня влаг', она высшее божество-богиня, при которой действительно не было и не могло быть ни Ареса, ни Посидона, ни даже какого-либо еще верховного Зевса. Не знаю, какой цены философия Эмпедокла, но его сообщение — золотые слова из подлинного доисторического фольклора, взрывающие наши (а не только древних) фатальные для исследовательской работы стабильные представления.

С точки зрения первобытного мышления появление мужского лика в качестве повелителя морей, водного бога, есть *contradictio in adjecto*. Это такая же несуразность, такая же противоестественность, как и то, что, напр., месопотамская богиня Иштарь кое-где появляется бородатой, отражая в этой форме наступление входов патриархального строя в соответственной среде и на Востоке.

Даже греческий язык, язык индоевропейский, кое в чем действительно стоящий подобно армянскому особняком в семье индоевропейской формации и подобно армянскому же наиболее насыщенный из средиземноморских переживаниями доисторического состояния человеческой речи, праяфетидизмами, — даже, повторяю, греческий язык дает конкретно ощущать несуразность факта, что владыкой моря является мужской бог. Как обратил мое внимание один из моих друзей, отнюдь не лингвист, а историк, да действительно знаток реальности греческой речи, в ней название моря *θάλασσα*, женского рода, происходит из речи, характеризуемой установленной в яфетическом языкознании троицей пучкового значения — 'вода + женщина + рука', греч. *θάλασσα* 'море', как 'вода', женского рода. Не только *θάλασσα* женск. рода, но сама основа ее *thal*, что уже выяснено в свое время, значило 'женщину' в доэллинской речи, откуда она унаследована греческой формацией языков индоевропейской системы. Но дело не в этом, а в том

¹ Fr. 124, стр. 219 Diels; fr. 2, стр. 182 D; fr. 77—78, стр. 204 D., по E. Malcovati, у. с., стр. 467.

что женский род, грамматический женский род, не имеет ничего общего с естественным полом предмета; грамматический женский род по своему происхождению вовсе не естественноисторическое явление, оно вовсе и не оторванное от материальной реальности, общности, отвлеченное схематическое морфологическое явление, как это может казаться, да и кажется, языковедам-формалистам. Признаки рода вышли из признаков деления всех предметов на категории трех миров, верхнего, нижнего или среднего и преисподнего, находящихся, каждый мир, во владении соответственного божества. Подлинный первобытный человек не представлял себе ни одной твари, ни одной вещи в абсолютном бытии вне пространства и времени, вне принадлежности владыке, племени и его тотему, без отношения к полу, с установлением матриархата — владычице той или иной плоскости вселенной, владычице того или иного мира; и так как влага, водный мир, море, по мировоззрению человечества на соответственной ступени развития общественных форм и в связи с ним в соответственную эпоху еще первобытного мышления, находились во власти женского божества, то и 'море', естественно, имело в речи соответственное указание, впоследствии ставшее признаком женского рода, и это в греческом пережило и тогда, когда родился мужской бог моря.

В самом уже индоевропейском мире Посидон далеко не устойчивый, неизменный тип. Гесиод держится более древнего предания, когда его называет старшим братом Зевса, он древнее и старше его (по Гомеру он младший). Раньше он божество не одного моря, а, как Иштарь, вообще вод, в числе их и рек, и родников, и в связи с этим рассматривается и связь его с 'лошадью'. Как водное божество, он близок к растительному миру и стоит в тесной связи с Деметрой, богиней земли; это — переживание того, как Иштарь одновременно была богиней плодородия. Это обстоятельство важно для разъяснения его атрибута: трезубца, двойника скипетра, как и скипетр, сначала колдовской палки, священного дерева, более древнего, чем любое антропоморфизованное божество, сила природы. Пережиточный атрибут старше, конечно, определяемого им божества. В доантропоморфном выявлении Посидона — это трезубец, скипетр, палка, колдовская палка, как Прометей — птица, птица орел, обратившийся в его двойника-истязателя, а до преобразования в птицу, орла, это дерево, тоже царь деревьев — 'дуб' ли, 'чинар' ли, или что другое. На тех ступенях эволюции могли бы сойтись и сходятся не только юкагиры и греки, но ученые различных специальностей, археолог и этнолог, напр., С. Рейнак автор статьи «Aetos Prometheus», и Л. Я. Штернберг, автор «Культа орла у сибирских народов». А когда и тот, и другой подходят к признанию в Прометее, по существу не в сыне, а в двойнике Уарет'а или Арет'а, антропоморфизованном одинаково с ним, то значимость этих двух терминов в пределах растяжимости представления об огне как в сторону бытовых хозяйственных предметов — 'трута', о чем уже была речь, 'огня', 'света' и т. п., так в сторону космических и мифических, вплоть до 'орла', как то выясняет яфетическое языковедение, говорит лишней раз о том, что Прометей, равно Уарет, являются двойником 'орла'; в определенной стадии развития он 'орел' и только, в каком значении

слово сохранилось при яфетическом сал-берском архетипе **har-pet* у греков в виде *αιFετος* (← **aybet*), откуда *αιετός* и *αετός*.¹ Но эти эволюции с обращением объектов культа из дерева, разумеется, мифически небесного, т. е. священного, в священную птицу, птицу-тотем, а птицы в 'лошадь', а 'лошади' или 'реки' в 'женщину' и т. д. относятся к эпохам доэллинической культуры, более того — допрометеидской, т. е. «доиндоевропейской». Сведение Геродота, что Посидон к грекам пришел из страны Либиев (II, 50. IV, 188), где был его культ, может быть и неверным, но Посидон к грекам, как Нептун к римлянам, перешел, несомненно, из доиндоевропейского мира. Нептуна знали еще этруски в форме *Netunl*, но дело не в этом. Форма *Neptun* ближе к племенному названию *Λι-βυ-ς*, собственно основная часть термина — *Ne-p-* (|| *Li-bw-*).

Со вступлением Посидона в систему богов мы, однако, не получаем ни нового имени, ни нового божества. Конечная часть обоих названий Посидона и Нептуна, *dōn* и *tun*, лишь диалектические разновидности одного и того же слова, означавшего и 'воду', и 'коны', что подтверждается как топонимикой Черноморья, так и яфетическими языками, в частности Кавказа, где в то же время находим разновидности основной части имени Посидона — *Possey* (✓ **Pog-seg*) в значении 'бога'. Опять Кавказ? Нисколько.

На Западе то же двуплеменное бер-салское скрещенное слово сохранилось в более цельном виде, да еще со значениями, обнажающими первичную сущность греческого мужского божества моря, именно в латинском языке со значением 'бури' (*procella*), в романских 'девы' («*ruscelle*» ← *pur-cel-*).

Основная же часть имени *Ne-p-tun*, именно *ne + p-* восходит к полному архетипу **Ne-pel* ~ *Ne-pes* с громадным распространением родни: диалектическая форма цельного во второй части его вида сохранилась в западноевропейском яфетическом языке, баскском (*pa-bus* ~ *pa-gus*), в значении 'господина', еще с того времени, когда это божество было не главным и господствующим в какой-либо позднейшей системе, а единственным тотемным божеством соответственного яфетического племени (ср. *pa-bar*). Полностью же без изменения эта основа налицо в русск. «не + бес», ед. «небо» (вм. **ne-bor*), а с перерождением однородной перегласовки, экаяния, в разнобойную «а — и», в древнеэламском то полностью *pa-riḡ* 'бог', то с усечением второй ее племенной части — *pa-r* 'бог', то это у шумеров в той же диалектической форме, что др.-эламское *pa-r* 'бог', именно *paṣ* с первичным значением 'небо'. Поэтому в шумерском слове совершенно правильно усваивается значение 'fatum', 'рок', 'предопределение', обычно 'назначение'. С его первичным же значением 'небо' палеонтологически неразрывно связано употребление его опять-таки в шумерском как 'птицы', именно 'ласточки', а если восстановим полный его вид, двойник полного древнеэламского *pa-riḡ* 'бог', в архаической огласовке, как в баскском — *pa-mug*, да с наростом средиземноморского придатка, как в *Ne + p-tun*, то мы получим **Na-mug-tun*, архетип всем хорошо известного *Namur-ti* (**Namur-du*, *Namur-tu*), т. е. Нимврода, 'бога войны и охоты', того Нимврода, который, по изысканиям

¹ Нас нисколько не смущает, что архетип **har-pet*, через **ay-bet* в греческом давший греческого 'орла', имеет разновидность **har-pag*, у абхазов давшую *ar-ba* 'петух'.

Эд. Мейера,¹ своим именем происходит из Ливии, откуда, мы уже знаем, Геродот производил Нептуна. При таком совпадении лингвистического исследования и с историческим, и с традицией, может быть не безразлично одно и то же территориальное происхождение, одинаково ливийское, и Нептуна, и Нимврода. не менее средиземноморских, чем Посидон; но для нас представляет кардинальное значение не территориальное и не национальное происхождение, а хронологическое, выявляющее различные этапы хозяйственно-социального развития средиземноморского человечества, до появления греков и римлян, до возникновения индоевропейцев. Если Посидон, как бог морей и вод, своей трансформацией из женского божества говорит нам о смене матриархального строя патриархальным, то воплощение 'бури' и 'войны' в одном случае в 'боге охоты', также позднейшем перевоплощении из богини, Нимвроде, в другом случае в 'морском боге', не только в Посидоне, но и в носителе тождественного по происхождению с Нимвродом имени Нептуна, не менее красноречиво говорит действительно о мифологически отраженной в них смене одного хозяйственно-социального быта другим, не только лесного морским, что очевидно, или разбойничьего пиратским, но и охотничьего торговым.

Если внесение Посидона в систему богов социально свидетельствует об утверждении и развитии патриархального начала, психологически это уже признак расчленения на элементы диффузных представлений о различных силах природы, соединявшихся с представлением об Иштари, и в то же время с выделением ее водной ипостаси в конкретных формах природных морей и рек создается основание для естественноисторического восприятия не только мира, но и мифов о богах.

Отходя от непосредственного с верой восприятия рассказов о богах и героях, Протагор вносит в толкование их деяний два элемента, господствовавшие в его эпоху, мудрость и искусство, толкуя миф рационалистически: это в так называемом труде *περί τῆς ἐν ἀρχῇ καταστάσεως*, о первобытном состоянии человечества, о первобытной культуре. По этому аллегорически-рационалистическому толкованию, Прометей похитил не у неба, а у Гефеста и Афины мудрость художественных знаний или мудрость, добытую трудом (*τὴν ἐντεχνον σοφίαν*), вместе с огнем; до того времени люди вели звериную жизнь.

Трагик же IV в. Мосхион выдвигает в качестве творческой силы природу. Описывая первобытное состояние человечества, звериное, с указанием нескольких реальных штрихов из первобытной материальной культуры, как-то жизнь в пещерных помещениях без питания и отсутствие знаний по добыванию земледельческим трудом хлебных злаков и т. п., он отвергает значение дара Прометея, признает в нем лишь один миф, переданный от древних, которые иначе не умели объяснить удивительный прогресс человечества. Однако сам Мосхион, ссылаясь в объяснение наступления более высокой ступени развития культуры на самую природу как учительницу, да на нужду и необходимость, конкретно выдвигает значение таких общих факторов как жестокая необходимость (*ἀνάγκη*, *una necessitas*), длительное упражнение (*μακρὰ τριβή*) и почти мистически воспринимаемое «время, которое все создает и все питает» — *ὁ τίτων πάτα καὶ τρέφω.*

¹ Ed. Meyer, Nimrod, Zeitschr. f. d. alttest. Wiss., т. VIII (1888), стр. 47.

Эпикурейцы уже разрабатывают это понимание генезиса культуры в качестве натуралистического учения. Исходя из той же предпосылки о зверином состоянии человечества, с указанием уже таких совершенно конкретных черт в общей характеристике первобытной культуры, как питание из желудей вместо хлеба и введение такого важного общественно-созидательного элемента в факторах творчества, как проблески сознания и возникновение речи, эпикурейская школа разрабатывает натуралистическое учение о происхождении и развитии культуры. Здесь природа во всем разгаре приписываемой ей творческой работы и творческой инициативы. В пору спросить: правда ли это природа или бог, прикрытый названием природы? «И когда», в эпоху первобытного, предполагается, звериного состояния, «возник язык той же самой силой природы и от пользы, которую он приносит — дачею имен различным предметам, люди начали строить дома, жить в них и вкушать сладость домашней жизни. И огонь, впервые принесенный на землю молнией, смягчил нравы, и сама природа научила обрабатывать землю во всех видах, и движение светил показало возвращение времен года».¹ Все природа, даже язык создан природой. А организованный труд? А общественность? А их творческая роль? О труде, организованном труде, как факторе творчества, ни слова. И как язык есть создание самой природы, так хорошая материальная жизнь, данная природой (отчего не говорить прямо — богом?), и вызвала к жизни дружбу и человеческое общение.

На этом ставится точка. На этом остановилась вся гуманитарная наука. Или богословское построение возникновения и развития культуры человечества, или рационалистически-натуралистическое, без учета палеонтологии, следовательно, без учета изменений идеологии и существа предметов, меняющих не только формы, но и свое содержание, во времени больше, чем в пространстве, от производимых в борьбе с природой и отстало-культурной наследственностью человеческим коллективом трудящихся коренных смен материальной обстановки и с ней связанного мировоззрения, т. е. остаются и царят построения формальные и лишь стабильно-морфологические, господствуют учения статические, а не динамические.

Не будем говорить, чтобы не повторяться, о других областях так наз. гуманитарных знаний, строящихся, как видели, под путеводной звездой индоевропейского языкознания. В нем самом, этом по сей день господствующем учении, бесспорно так обстоит дело. В последнее время мы обрели, казалось бы, союзника в лице известного немецкого ученого философа Кассирера (Cassirer), поставившего совершенно конкретно вопрос о происхождении языка, не в пример языковедам индоевропейцам, как научную проблему. Совершенно неожиданно для нас и независимо от нас, в его построении яфетическая теория получает поразительное подтверждение целого ряда своих положений, вплоть до одинаковой их формулировки и тождественности терминов, но и у него мы не находим вовсе внимания к социальному моменту, в той мере, в какой вынуждают нас его утверждать чисто языковые факты и наблюдения. И у нас возникает сомнение, может ли

¹ Енг. Malcovati, ук. с., стр. 476.

воспринять философ-кантианец, тем более новокантианец, яфетическое учение об языке с признанием массовой общественности, как основного творческого фактора?

Проф. М. Н. Покровский в «Очерке истории русской культуры»¹ говорит: «единственным научно-ценным принципом при выделении из общекультурной массы и районов культурного развития является принцип лингвистический: культуру определяет язык, главнейшее и необходимейшее орудие культурной передачи, орудие, без которого культура просто немислима».

С такой ролью лингвистики мы как будто должны бы согласиться. Строитель древнеримского гражданского права, как мы видели, исходил из такого же значения науки об языке. В ученой литературе имеется ряд археологических трудов мирового, если не значения, то во всяком случае пользования, или по восстановлению пракультуры, или по толкованию названий предметов материальной культуры, да и терминов вообще культуры. Авторы их, конечно, разделяли взгляд нашего историка о роли лингвистики в изучении истории культуры. С М. Н. Покровским не расходятся, очевидно, и археологи, занимающиеся историей материальной культуры. Следовательно, уже есть увязка языкознания с историей материальной культуры? Конечно, но эта увязка с языкознанием устраивает ли не лингвистов-индоевропейцев, да и не нас, а историю материальной культуры? Нисколько. Мы считаем несколько преувеличенным такое исключительное выдвигание лингвистики в роли строительницы истории культуры, но с положением самим мы отнюдь не спорим. Только положение М. Н. Покровского не определяет полностью значения лингвистики в истории культуры. Язык, с точки зрения новой теории, есть не только орудие общественности. Недостаточно характеризовать его чересчур общей фразой: язык есть социальный факт, как это выходит у французских лингвистов во главе с Мейе. Обходится молчанием генетический вопрос; между тем язык сам есть создание общественности. В совокупности же языков (а новая наука о языке объединяет, нашла основания и метод для объединения их) отразилась вся культура человечества не только количественно, но и качественно, т. е. все типологические формации, прослеживаемые, однако, не только формально-сравнительно, но идеологически и генезисологически. Однако мы сомневаемся в том, чтобы могла произойти увязка языкознания в современном его понимании с историей материальной культуры.

У нас есть одно общее с так наз. доисторической археологиею. Это то, что она доходит, уже дошла до утверждения непрерывности человеческой работы с неолита, более того с верхнего палеолита до наших дней. Мы же исходим из непрерывности работы человечества над языком не от палеолита, сравнительно позднейшей поры, а от начала возникновения homo sociabilis в обладании трудовой рукой, т. е. общественного человека из коллектива, до создания им, этим человеческим коллективом, искусственного орудия производства и до последовавшего, разумеется, затем возникновения звуковой речи — той уже нашей звуковой речи, которая, как теперь выяснилось, унаследовала всю первичную семантическую типологию от языка предшествующих эпох, языка жестов

¹ Том I, стр. 21.

и мимики, линейного языка. Эта же типология, типология значимости слов, не формальная, а по существу — идеологическая. С нею налицо и типическая техника возникновения значений слов, в подлинно доисторические эпохи техника образования целых семантических гнезд и отслаивавшихся в них пучков значений в соответствие с диффузной природой первобытного мышления, дологического, обязательно конкретного, но не дифференцирующего понятий, без элементов действия и увязки. К наступлению же исторических эпох это, во-первых, типическая техника развертывания тех же семантических пучков и гнезд, точно яиц, из которых вылупляются птенцы, носители мыслей, добытых дальнейшим развитием коллективной трудовой жизни, дальнейшим развитием организации труда, форм общественности и связанных с ними мировоззрений; во-вторых, к наступлению исторических эпох усиление дифференциации представлений и нарастание потребности в более уточненном их звуковом выражении с новым усилением межплеменных связей, на пути образования больших этнических группировок, впоследствии народов и семей, с новым схождением на договорных или иных началах племен, уже сложившихся раньше тем же порядком не по крови, не по подбору тех или иных физически схожих коллективов, а по «жесточкой необходимости» хозяйственной жизни племен, обладавших уже речью из первичных слов-элементов. В этих целях, а также для облегчения взаимного понимания объединявшихся в одной общественности племен, следует возникновение типической техники, объединения и затем слияния, так наз. скрещения двух (и более) различных по звуковому составу племенных слов, первичных слов-элементов, слов двух (и более) объединявшихся и затем физически скрещавшихся племен. На непрерывности этого порядка, не имеющего ничего общего с генеалогическим построением по типу «родословия от папы и мамы», обоснована известная первая основная наша иллюстративная фигура, вырастающая стеною между нами и правомыслящими индоевропейцами, так наз. яфетическая пирамида, с недостающей вершиной, на широком основании, у индоевропейцев оказавшаяся перевернутою, стоящею на вершине. Той вершины еще нет и никогда не было, следовательно, пирамида в установке индоевропейцев висит в воздухе.

И вот в этой первой фигуре новой теории о языке, именно в пирамиде, специалисты доисторической археологии, наоборот, могли бы сойтись с нами; но пирамида яфетической теории строится, во-первых, линиями бесконечно длительных эпох, ибо творчество перекладывается со статики отправных пунктов на процесс развития организованного труда и смены его форм, а в связи с ним и смены общественных форм и соответственных мировоззрений, а, во-вторых, если мы и не идем с археологами-доисториками в непримиримо в корне противоположные стороны, работаем бесспорно двумя все-таки разобщающими нас до непримиримости методами, мы от динамики элементов, археологи-доисторики — от статики сложившихся комплексов, как археологи исторических культур — от искомым праобразов цельных культурных типов, как языковеды-индоевропейцы — от единого праязыка, все очи одинаково формальным методом, тогда как яфетическая теория бремя доказательства перелажает на семантику,

т. е. на значения, собственно — на назначения слов и с ними самих предметов, на социологически проверяемое обоснование этой взаимной их, слов и вещей, связи, утверждаемой функцией.

В территориальном же протяжении новой языковедной теории по экстенсивной работе у нас фактические встречи с так наз. доисторической, вплоть до палеолита, археологией и с этнологией, но не с археологами-доисториками, и, пожалуй, и не с этнологами, так как методы наши различны в корне, и увязки даже в таких напрашивающихся на согласование моментах не только нет, но и не может быть у истории материальной культуры с языкознанием при создавшихся условиях, ибо никакой учений коллектив об этом конкретно не думает, даже не ощущает потребности думать. Наоборот.

Факты же того порядка, что как будто должны бы иметь значение вскрытые новой языковедной теорией встречи таких полюсов, как Пиренеи и далекая, глубокая или крайняя Азия, Китай и азиатский север, когда палеолит, вскрывшийся теперь в Китае, ставит вопрос о связи его с палеолитом Франции, собственно с палеолитом доиндоевропейского иберского мира в романских странах, и Франции, и Испании, когда антропологический тип так наз. первобытных племен северной Азии сближается с палеолитическим типом человека того же района, где до наших дней пережили из подлинного доисторического населения страны в той же Франции и в той же Испании баски-иберы, сами себя называющие этрусками, и когда живой быт этих басков и древнейших по хозяйственному типу из пережиточных палеоазиатов под лупой специалистов-этнографов обнаруживают встречи, наводящие на весьма серьезное раздумье по реальным взаимоотношениям. Не касаясь сейчас вторично Китая, укажу на факт, иллюстрирующий одновременно значение скрещенных слов. В числе таковых оказалось слово, означающее 'теплый', 'горячий'. В яфетических языках Кавказа оно — скрещенное из двух племенных слов салского и берского — $\text{ʒbl} \parallel \text{tebde}$; таковым оно перешло в индоевропейские языки — русский, латинский и др., а в баскском языке на Пиренеях и остяцком языке на Енисее то же самое выражают первичные племенные слова, каждое в отдельности — без скрещения, при этом в баскском уже скрещенное бер-салское племенное слово beg-o , а в остяцком то одно салское (\bar{a}), то одно берское полностью (коттск. наречие: $\text{fal} \nearrow \text{pal}$), то уже скрещенное двуплеменное сал-берское образование ($\bar{a}-f$). Но, ведь, это нарушает всякое представление о пространстве и его значении в доисторических изысканиях? Совершенно верно.

Наши элементы и их скрещенные виды дают нам основание утверждать, что нынешнее распределение так наз. рас, народов и племен по матери-земле не имеет никакого значения для установления доисторического расселения; так, напр., для понятия 'ночи' грузины и баски пользуются одинаково скрещенным термином из двух элементов, двух племенных слов ǵa или te или v ($\nearrow \text{b}$) ← ve (resp. we) $\nearrow \text{be}$: у грузин 'ночь' — $\text{ǵa} + \text{te}$, у басков $\text{ga} + \text{w}$, собственно, из $*\text{ǵa}-\text{ve}$. А из двух элементов, еще до скрещения в простом виде означавших 'ночь', один ǵa сохранился у абхазов по соседству с грузинами (ǵa), другой ve — у мордовцев в Приволжье в значении той же 'ночи'.

Различные районы для нас имеют при таких фактических данных не географическое, а лишь типологическое значение: они помогают датировать формации типологически различных эпох.

Стабильность типа, основная опора формального метода, в генесиологических изысканиях абсолютно отпадает. Когда мы исследовали термин 'книга', то слово оказалось происходящим от своего архетипа, означавшего 'знак', 'знамение', и в татуировке и на лбу у животных 'метка' и в 'узоре' шитья, в связи с последним фактом 'шить' и 'писать' оказались восходящими к одному источнику.

Значения слов возникали не по форме, не по материалу, не по технике, а по функции, определявшейся потребностью общественности и мировоззрением, и без учета этой идеологической стороны никакой генетической истории материальной культуры нельзя строить.

Ведь, при этих лишь частично намеченных расхождениях, естественно, необходимы годы упорной работы не отдельных лиц и отдельной специальности, а всей совокупности работников, каждой группы в своей части, чтобы Академия обрела то единство метода, без которого не только учреждение не может работать в общем плане, иметь свое лицо, но собственно нет системы, нет подлинной науки.

А нас в это время поучительно наставляют: выбросьте из Академии этнологию, уберите из нее Комиссию обычного права, без которого, однако, нельзя и думать работать ни по первобытному праву, ни по генетике культуры, хотя бы генетике материальной культуры.

Тем временем в Академии Истории Материальной Культуры работа идет, и недурно. Кипит она в ее отделениях, по специальностям. А для нас в Академии в целом есть исторические средства передвижения, прекрасно выезженные для колесниц кони, кони ионские, из средиземноморской колесницы, лошади этрусские, для всей Передней Азии, да Египта, да западной римской Европы, из халдской колесницы ванских царей, впоследствии славные на библейском рынке Иеремии араратские лошади Армении, да кони сасанидские (— кони сасанидские да иранские, которых вне Ирана больше, чем на Иране), все с историческими перспективами и исторической поступью-методом, кони и лошади письменных стран и мировых цивилизаций. Есть те же кони ионские и этрусские лошади, сал-ионские или аланские *saldi*, и сал-берские или сарматские кавалы да комони бесписьменных эпох и бесписьменных стран от Пиренеев до Урала, до Амура, и далее от Кавказа и Черноморья на север до крайних полных стран, верховые животные на севере так же, как на юге, на востоке и на западе, в Галлии, Испании, Британии кони ли это, лошади, скрещенные комоны или «кавалы», все одинаково бегущие по степям и растекающиеся волнами, ибо они тезки и общеизвестных исторически и малоизвестных, но этнографически не менее важных рек тех же стран. Здесь и многоликий яфетический конь и как оборотень во всех трансформациях человеческой культуры, да подлинно ли это 'конь', он же то 'волк', или 'собака', как река *Λύκος* в Малой Азии, а Волга и 'конь' и 'пес', он же олень. Есть этнографически, да и этнологически важное средство передвижения, культовая повозка первобытных обитателей — 'сани',

чудные сани на оленях и верховые олени с неподдельным ощущением достоинства и превосходным физическим зрением, но не историческим. Однако кто же даст нам подлинные перспективы живого создания человеческих рук, культуры, историю материальной культуры от ее возникновения, имевшего место, конечно, до палеолита, на грани с завершением соматического сложения человека, вплоть до отходящих в историю наших дней? Разве палеолит? Разве его выемочные из жизни подборки обиходного быта, без монументального строительства? Один выход — сколотить новую колесницу для нашей науки и впрячь в нее всех коней, и исторических, и доисторических, кого в один ряд, кого пугом.

Будет ли у нас такая рабочая колесница пугом, или останемся каждый при своем, кто при арбе, кто при санях с оленями, а кто при коне того или иного побега или по конкретным историческим плоскостям в путях, проложенных материальными памятниками, или в доисторической плоскости по сказам и словам, звуковым отложениям материальной культуры и общественности, ее мировоззрений, тогда уже безудержно на сказочном коне? Не хочу быть ни оптимистом, ни пессимистом. Знаю одно: вопрос стоит ребром перед Академией Истории Материальной Культуры (впрочем, только ли перед нею?). Надо сказать решительно, не словом, а работой — или «нет», или «да». Воздерживаться от ответа было бы так же не эффективно, как если бы мы, оставшись одиноко при своем яфетическом коне, вздумали сделать по своей воле то, что так естественно не в одних сказках: сесть на коня и уехать, куда глядят глаза, яфетические глаза. Но разве это устроило бы общее дело?

Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории¹

Вероятно, слушателям было бы интересно послушать доклад о достижениях нового учения об языке, построенного и перестраиваемого с точки зрения яфетической теории, да и докладчик предпочел бы поделиться тем, что уже установлено, но здесь придется повторяться касательно термина «достижения»: мы давно пришли к убеждению, что объективное установление тех или иных научных положений вовсе не есть достижение, поскольку субъективное отношение специалистов представляет глухую стену. Но есть и другая сторона дела. Построение перестраивается. В этом беды нет, наоборот. Теория все более и более увязывается с конкретной, материально обоснованной жизнью. Не накопление новых фактов само по себе, да внешнее проникновение к каждому новому их миру и наблюдения над ними вынуждают нас к перестраиванию: растет вкус к новым фактам, к новой системе их подбора, растет понимание значения отверженных массовых языковых миров, и растет понимание ответственности перед этим гибельным для науки ужасающим пробелом, видоизменяется научное отношение к нему. Поскольку всякое теоретическое учение, и лингвистическое в том числе, есть также создание общественности, мы все более и более вращаемся в новую общественность, и ее идеология, не книжная только, делает свое дело в росте и развитии яфетической теории. И в то же время построение в этом отношении продолжает оставаться в недоработанном виде, именно в отношении увязки учения об языке с историей хозяйства, техники и форм социальной структуры. И вот это представляет одну из актуальных проблем и очередных задач — доработать эту бесспорную увязку. А в отношении истории материальной культуры? Да разве здесь не повисли давно протянутые руки яфетидолога, да не одного?

Неудержимая тяга нового учения об языке к росту количественного своего содержания, к охвату все большего и большего числа языков, напрашивающихся на исследование, представляла и продолжает представлять весьма сложный процесс, который отнюдь не может быть, на настоящем этапе развития этого учения, воспринимаем ни как империализм увлекшегося своей идеей теоретика, ни как особый вид единоличного наскока искателя приключений или темпераментных наездов группы единомышленников, сочувствующих и попутчиков. Это процесс сосредоточенной в себе научно-исследовательской работы, увязанный органически, в путях диалектического развития, с громадной работой, проделанной за XIX век старым учением об языке, и в то же время воспринявший, до последней минуты без осознания, творческие импульсы и смелость размаха в революционной общественности. Что же достигнуто объективно?

¹ [Доклад, прочитанный 27 октября 1928 г. на первом заседании подсекции материалистической лингвистики секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии в Москве. Напечатан отдельной брошюрой издательством Коммунистической академии, Москва, 1929 г.]

Если, отвлекшись от окружающего материального мира и творящей его общественности, сосредоточиться на такой созданной самим человечеством надстроечной культурной ценности, как звуковая речь и ее те или другие средства и нормы их функций, то у нас длинный ряд чисто лингвистических положений, бесспорно установленных, и также довольно длинный ряд выдвигаемых ими проблем. Эти проблемы часто выходят своим значением за пределы компетенции науки об языке и в связи с этим ждут своего разрешения от сотрудничества смежных обществоведческих наук, интересы которых нередко переплетаются с лингвистическими интересами.

В круге одних языковедных фактов и явлений мы достигли по экстенсии крайних пределов. Учение об языке ставится уже в мировом масштабе. От такой постановки языкознания не уйти никому, ни одному специалисту по звуковой речи, как бы одинок или малозначителен ни был изучаемый им язык и с каким бы ограниченным кругозором исканий ни отбирался он, как предмет специального интереса, хотя бы лишь для статического исследования.

В связи с установлением уже этого одного языковедного положения к нам подошла проблема технического порядка, насущно необходимая и требующая безотлагательного решения в интересах упорядочения или усовершенствования средств исследовательской работы, — это проблема единого письма для всех видов языкового материала. Но, ведь, это в то же время актуальная общественная проблема при идущей гигантскими шагами интернационализации культуры и ее материальной базы, мирового хозяйства и мирового социального строительства. Это актуальная проблема, очередная задача и в разрезе потребностей СССР, именно в национальном разрезе. Разве наше новое советское социалистическое строительство может мириться с кустарным по автономиям составлением письма без учета теоретических достижений и практических перспектив нового учения об языке, строящегося в мировом масштабе?

И при таком всестороннем, и идеологическом, и формально-техническом интересе к звуковой речи в ее мировой экстенсии, может ли обойтись новое учение об языке без постановки еще одной проблемы, когда во главе угла его построения лежит вопрос о происхождении звуковой речи? Можно ли при трактовке этого генетического вопроса спокойно мириться с наличной ныне картиной распределения языков по лицу всего земного шара, и прежде всего с наличным их количественным учетом? Конечно, без громадных поправок, имеющих быть внесенными в него учетом роста населения за многие десятки тысяч лет и его источника, — нет. Перед нами проблема о норме роста населения. При таком вхождении в учет и исследовательские интересы народов с языками всего мира, нельзя в статистике не отражать, разумеется, деления их, всех этих языков, на две большие группы не по географическому их распределению, а по социальному положению; это языки колониальные и национальные (последние не одни европейские). Однако новое учение об языке в постановке исследования тех и других не проводит никакой грани в отношении метода. В этом смысле новое учение об языке интернационалистично. С этим, однако, связаны не одни определенные общественные интересы по противоположению националистической

лингвистике, буржуазная она или феодальная. Мы нисколько не имеем в виду замалчивать или умалять ее значение, поскольку, между прочим, отсюда проистекает неизбежно отрицательное отношение к новому учению в кругах с иным общественным мировоззрением. Однако интернационалистичность нового учения об языке выдвигает и чисто-теоретические научные проблемы, которые придется ставить, если не взамен, то в первую очередь рядом со стоящими уже и усиленно разрабатываемыми конкретными вопросами, казалось бы, первоочередной для истории человечества важности, а именно проблемы: а) средиземноморская, включающая вопрос о происхождении классических языков Европы — греческого и латинского, доселе не получивших своего мира и своего определенного места в среде языков и потому, естественно, попадающих в категорию научно-беспризорных; б) клинописная месопотамо-малоазийская, с языками эламским, шумерским, хеттским, халдским, новоэламским и др., имеющая, разумеется, при применении палеонтологии речи прямое отношение к народжению языков новой так наз. индоевропейской системы, так, напр., иранских в Персии и сопредельных странах; в) хамито-семито-кавказо-яфетическая проблема, одна часть которой, со включением одной лишь семитической системы и из яфетических грузинской, некогда послужила исходным пунктом, первым этапом в развитии яфетической теории, а теперь другая, уже африканская часть, именно берберская, приводит к исследовательскому построению с увязкой с баскским на Западе и яфетическими языками Кавказа на Востоке; г) проблема скифского бесписьменного мира, с увязкой им прволжских и далее угрофинских языков с яфетическими языками Кавказа, которая тянет за собой кельтский вопрос и вообще важнейшую проблему о порванной связи языков восточной Европы с языками западной Европы, в первую очередь с баскским.

Даже эти обширные по охвату материала и сложных глоттогонических процессов проблемы, не говоря об отдельных изолированных языках с их интересами, как этрусский в Средиземноморьи, албанский на Балканах, армянский на Кавказе, чувашский на Волге и др., должны уступить место в первоочередности тем новым языковедным проблемам, которые вынуждена ставить и разрабатывать безотлагательно яфетическая теория в своей лингвистической работе, при неустранимой ее постановке в мировом масштабе и при интернационалистичном ее построении.

Идя шаг за шагом при свете еще только начинавшего строиться учения о звуковой речи от одного языка к увязанному с ним другому языку, мы еще на Кавказе оказались, не чуя того вначале, на лестнице звуковой речи со ступенями стадияльного развития, от первичных типов северо-кавказского района до лингвистически высшей на той же территории доработанности таких уже древнеписьменных языков, как грузинский, увязанный генетически с семитическими языками, и армянский, целой известной школой принятый по недоразумению за один из так наз. индоевропейских, к которым армянский действительно очень приближен своей структурой.

Эта лестница систем звуковой речи в ограниченном районе, кавказском, приводит, в первую очередь, к необходимости такой лингвистической работы, которая

обязательно учитывает фактически наличную увязанность различных и в то же время до бесспорного родства (социального родства) сходящихся систем не одной ступени стадияльного развития, учитывает, следовательно, перспективы трансформаций языковых типов от первичных видов формальной и идеологической структуры до сложных и сложнейших, находящихся свое конкретное выражение, с одной стороны, в грузинском, перебрасывающем мост к семитическим языкам, с другой стороны, в армянском, что на перепутьи в направлении к так наз. индоевропейским. Не только лингвистическая, но и этнологическая работа в настоящее время неприемлема, как научная, без учета этой реальной скалы и особенно без учета не только первобытных окаменелых переживаний у народов кавказских же с высокой национальной культурой, но и их перевоплощения в новые и по форме, и по идеологии культурные бытовые навыки. Правда, возникает технический вопрос, может ли при таком неизбежном росте содержания, здесь, бесспорно, от количества перерождающегося качественно, оставаться термин «этнология», не говоря о противоположении в самом предмете, в самом том, что представляет собой предмет, называемый «палеоэтнологией», — может ли оставаться без замены соответственно общим термином?

Возвратимся к лестнице систем звуковой речи. Такая же лестница систем звуковой речи, однако в ином масштабе, уже масштабе мировом, открылась, когда мы стали ступать шаг за шагом при свете уже проработанного в существенных частях учения о звуковой речи от одного языка к увязанному с ним другому языку без учета их разбросанности, по ступеням их стадияльного развития, причем одни из ступеней сменяют другие, поднимая нас вверх к будущему единому языку человечества, другие ведут вниз — в глубину времен, вплоть до эпох, когда человек начинал говорить звуковой речью, не вполне еще расставшись с ручным языком. И дело не в том, что в процессе этой работы обнажилась увязанность языков Африки с языками Европы, тех и других с языками глубокой Азии и далее, т. е. наметилась увязанность языков всего мира. А дело в том, что путь для дальнейшего территориального расширения исследовательского искания оказался физически отрезанным по существу, и потребовался переброс работы с поисков новых видов на поверхности земли на углубление исследовательской работы по установлению ступеней стадияльного развития внутри известных уже наиболее изученных языков, ибо здесь открылась панорамная перспектива живой опоры теоретически восстанавливаемых пережитых форм общей структуры звуковой речи или отдельных ее деталей в фактически наличных ступенях стадияльного развития, расположенных на поверхности земли. Как? В общем, так, что чем более отходят языки от средиземноморского центра, тем ярче они выявляют своей структурой и своим составом присущую им близость как бы к «палеолитическому» состоянию звуковой речи.

Однако обнажившаяся увязанность от так называемых доисторических эпох, от эпох ранних, человечеством забытых ступеней стадияльного развития, оказалась предательской для всего господствующего учения: она вскрыла несостоятельность не только научного построения, но нашего мышления, и технической его стороны, и идеологической, самого содержания. Мы говорим о племени,

клане, роде, для начальных эпох человеческой жизни, когда ни этих объектов, ни понятия о них вовсе еще не было, как показывает существовавшая тогда звуковая речь в своих наличных доселе палеонтологически вскрываемых переживаниях. Перед нами теперь, с исторически незапамятных времен, языки племенные, успевшие стать кое-где общенациональными и далее государственно-межнациональными, т. е. мы говорим о величинах, несоизмеримых ни с коллективами так называемых «доисторических» времен, ни с единицами их деления. Мы говорим о латинском или греческом, французском или русском, даже китайском, также хотя бы о грузинском, армянском и т. д. языках и их, казалось бы, натуральных подразделениях, когда и подразделения: диалекты, говоры, и сами языки, даже их объединения в различные группы, напр., славянскую, романскую, — все позднейшие стяжания человеческой хозяйственно-общественной жизни, в отношении языка увязанные тонким слоем общих слов и, в известной мере, далеко не вполне, со стороны их общего оформления, при массовом же их учете оказывающиеся, с точки зрения тех же норм, не имеющими друг с другом ничего общего в доброй своей части.

Обнажившаяся увязанность языков, территориально разлученных ныне необозримыми пространствами, в то же время находит свое объяснение в единстве не только времени, принадлежности определенной ступени стадийального развития, но и места, принадлежности одному территориальному коллективу. Однако увязанность эта захватывает языки не целостно, а по слоям, сама увязка на различных ступенях стадийального развития различна: чем древнее тип коллектива, тем легче происходит смычка и расхождение, т. е. тем слабее нормы слайки, тем больше в них колебаний, тем менее привычной нам и легче воспринимаемой закономерности.

Зримые же с момента зарождения исторической памяти человечества устоявшиеся языковые явления, да и сами языки заслоняют ту смену равных коллективных подборов разновидностей языка из того же материала звуковой речи, особый мир, громадный мир материального и надстроечного строительства все того же человеческого рода. Еще более заслоняет тот ушедший громадный мир, и притом смену не одного такого мира, наша теоретическая трактовка языковедных вопросов, располагающая общепринятыми в смысле понимания терминами, несостоятельными, с точки зрения палеонтологического их анализа, и превратными для эпох с отличным от нашего мышления.

Само собою понятно, эта общая схематическая картина не имела бы никакого реального значения, если бы у нового учения не оказались уже проработанными по частям определенные вопросы, не оказались бы в этом отношении объективные достижения с соответственными твердо установленными положениями.

Основная область чисто лингвистических достижений яфетической теории — это семантика и палеонтология. Вопрос не в новизне терминов, а в новизне того, что пришлось под напором фактических данных уже вложить в их понимание, т. е. вопрос стоит об их реальном содержании. Это — строго закономерная изменчивость значений слов и строго закономерная устанавливаемость каждого из них не эмпирическим путем, зависящим от практики употребления их в той или иной среде, тем

или иным автором, или в какой-либо мере случайной коллективной санкцией в быту, а от норм увязанности значений с хозяйственно-общественной жизнью и ее запросами, закономерно меняющимися на различных ступенях стадияльного развития. Неразлучно с этим выступает палеонтология речи, вскрывающая семантические отложения различных ступеней того же стадияльного развития, с особыми нормами словопроизводства для каждой из них. Тем самым меняется не только смысловая сторона звуковой речи, внося по спросу повышающегося уровня производств и по возможности накоплений надстроечного мира умножение и уточнение значений в лексике, но изменяется и техника образования слов, отражая в ней осознание технических достижений производства, успешнее соответственно обогатить мышление и его видоизменить.

Когда работники по вопросу о происхождении языка мнят подойти материалистически к возникновению таких, напр., слов, как 'огонь', думают решить вопрос разъяснением его, как продукта того или иного технического процесса, одни — трения дерево о дерево, другие — раздувания огня, — то дело, конечно, не только в том, что такие объяснения находят себе различные оправдания, и то лишь кажущиеся по случайному созвучию в том или ином отрезке распространения звуковой речи, тогда как законы развития значимостей слов, семантики, везде одни и те же, дело, повторяю, не в этой чисто словарной несостоятельности, а в том не подлежащем никакому оспариванию факте, что люди с техническим мышлением в основе словотворчества относятся к тем уже весьма поздним эпохам развития человечества, когда огонь был не только уже давно в обладании людей, в повседневном обиходе, но и с давним его звуковым наречием, отражавшим действительно первобытное состояние мышления соответственной эпохи, и так и сохранившим его до наших дней, когда мы освещаем его пучком палеонтологически добытого света: 'огонь' и 'свет' оказываются носителями названия 'солнца', как de facto носители определенных его функций.

Установление такой природы семантики и палеонтологии речи вынудило переставить центр тяжести с учения о формах на учение о словах, вообще на слова, как на прямых, при учете переживаний, носителей идеологии различных стадияльных эпох общественности, тем более, что, во-первых, сами формы разъяснились в своем идеологическом использовании как те же хозяйственно и общественно обоснуемые в своих значениях слова, и, во-вторых, в структуре своего морфологического построения языка выявились отражающими структуру социальных форм. Мы сейчас не останавливаемся на путях такой увязки и, в первоисточниках, на роли производства с техникой общественного строя, с мировоззрением в их непосредственном или посредственном воздействии. Мы отмечаем лишь изменчивость названных здесь лингвистических явлений по нормам развития нашего коллективного творческого бытия, материальной базы, качества ее не менее, чем количества, и надстроечного мира, и необходимость учета норм такой изменчивости.

К такой изменчивости самой структуры языка относится последовательность зарождения частей речи и, в первую голову, — особого оформления каждой из них. Достаточно здесь напомнить, что часть речи — действие, впоследствии и состояние,

у нас, как и в латинском мире, называемая глаголом, а у семитов-арабов более соответственно — действием (также у грузин), возникла в разрезе ее оформления весьма поздно, после имен и их заместителей. Местоимение предшествует непосредственно образованию морфологии глаголов, именно их так называемому спряжению. Таким образом, первично имя, существительное ли оно было, или прилагательное, равно местоимение и глагол не различались формально.

Разновременность появления отдельных категорий в структуре звуковой речи и строго определенная в этом отношении последовательность прослежена и далее: так, среди глаголов переходные предшествуют своим оформлением непереходным или так называемым средним, среднему залогу, и это получает дополнительно поддержку, между прочим, в том факте, что всякая отвлеченность — позднейшее достижение в осознании человека сравнительно с конкретным восприятием явления и, во-вторых, в звуковой речи, творившейся для актуальных потребностей коллектива, нужда была в звуковых символах, словах, для материального производства или надстроечной творческой жизни, для действия. Сознание определялось не пережиточным бытием, обходившимся без звуковой речи, а творческим существованием, нуждавшимся в звуковых символах для своего адекватного выражения. Само понятие 'быть', 'существовать', формальное его выражение 'есть' отсутствовало, а когда возникла потребность в его выражении, то естественно было использовано слово, служащее для образования глагола действия — 'иметь', 'владеть', т. е. имя 'рука', так как тогда еще не существовало представления о независимом, абсолютном бытии, осознавалось существование лишь того, что находилось во владении, во власти или в пользовании, в руке коллектива, для нас — общественной силы, для человечества той первичной ступени стадияльного развития — неведомой силы, не единичной, а множественной, магических сил.

Ведь, долго и долго не было, разумеется, и индивидуалистического восприятия предмета или явления, не было даже личных местоимений, теперь слышущих за основные, ни второго, ни, особенно, первого лица, а когда возникло местоимение и первого лица, то это было представление не о индивидуальности, единичном лице, а о коллективе: 'мы' значило 'мы — коллектив', впоследствии 'мы — племя', и местоимение третьего лица — было коллективное множественное лицо, социальная группировка, впоследствии клан, племя, и его название, его знамение в звуковом произношении, оно же символ сущности данного объединения, на известной ступени развития — тотем, с целого коллектива переносившийся впоследствии функционально на его часть, на человека (этого племени), на его образ или сущность, различную в представлении человечества на различных ступенях стадияльного его развития, именно на части тела, 'голову', 'нос', 'кость', вообще тело, разумеется, на 'руку' и лишь потом, по ее осознанию, — и на 'душу' и т. д. То же слово служило одновременно и нарицательным именем, названием перечисленных предметов и местоимением третьего лица.

И если так в розницу приходится разбирать конструктивные части звуковой речи, все до единой, и устанавливать совершенно определенную последовательность их возникновения, то и в целом вся система каждой структуры звуковой речи представляет лишь одну ступень ее стадияльного развития, на предыдущих

ступенях представленную, количественно или качественно, с ущербом и даже никак, т. е. морфология — позднейшее стяжание. Звуковая речь начинается без формальной морфологии, и когда лингвисты XX столетия считают аморфное состояние того или иного языка позднейшим явлением, особенно при сопутствующих ему других признаках первобытности, разумеется, и идеологических, т. е. при так называемых координатах, то это свидетельствует только об отсутствии элементарных представлений о динамике звуковой речи.

То же положение наблюдается и с возникновением грамматического рода. Но здесь дело сложнее, так как грамматический род не является явно общим достоянием всех языков, ибо различные роды — мужской и женский, а то и средний — одновременно явление и общее всему человечеству, и стьюдь не общее в зависимости от того, как мы их воспринимаем. Грамматический род, как отвлеченная чисто языковая категория, свойственен лишь ограниченному количеству языков, именно языкам Средиземноморья определенного позднейшего периода — четвертичного периода, и, понятно, немногим позднейшим выходцам из этой среды. Раньше это — не только не указатель пола, но и не признак самого предмета, а симптом класса, которому предмет принадлежит: это классовый признак, перешедший в родовой, даже половой признак самого предмета благодаря определенному социальному строю — матриархальному, через который прошло человечество. И благодаря этому мы можем датировать массовое использование одних металлов, более древних, женским их окончанием (едва ли по полу), а других — мужским и даже средним.

То же положение повторяется с такой отвлеченной частью речи, как числительные. Вопрос не только о количественном их росте. Можно без особых исследовательских приемов, не прибегая, следовательно, к палеонтологии речи, исходя из одного статического изучения, установить, — и это устанавливается сейчас, — что наличное ныне математическое мышление, не уместяющееся количественно в цифровых средствах арифметики, в первоисточнике имеет умственное состояние, не справлявшееся в счете с числами выше пяти, даже тройки, располагавшее словами для обозначения лишь трех чисел — один, два, три. Но не в этом дело. Научное исследование по вопросу не могло бы привести ни к какому окончательному решению, если бы мы не располагали приемами и материальными возможностями для прослеживания роста числительных по ступеням стадийного развития звуковой речи. Палеонтология речи здесь вскрывает не постепенное шаг за шагом нарастание чисел по единице, а со скачками с единицы то на пятерку, то на четверку или на шестерку, с пятерки — на десяток и т. д., с шестерки — на дюжину. Однако вопрос опять-таки не в количественном лишь росте числительных, а в качественной трансформации самой их природы, поскольку отвлеченному использованию основных или исходных чисел предшествовало их конкретное восприятие, связанное с одной стороны с материальными предметами, менявшимися функционально в хозяйственной жизни человечества на различных ступенях ее развития, с другой — с мировоззрением того или иного порядка с известных эпох, несомненно, космического порядка. Для пары брались такие предметы, как 'рука' (т. е. 'руки'), 'глаза', 'солнце' и 'луна' (небо с двумя светилами), для четверки —

‘овца’, ‘ягненок’, т. е. то или другое животное, раньше культовое, для пятерки — ‘кулак’, равно ‘луна’ пятидневная или семидневная, она же — неделя и т. п.

Можно, конечно, по лингвистическим явлениям делать обобщения, строить отрешенную от общественно-материального окружения чисто лингвистическую философию. так, напр., в частности, склонения и образования множественного числа. В образовании множественного числа всякое единообразие есть позднейшее явление: множественное число, как восприятие и осознание предмета, есть признак более древнего, подлинно первобытного мышления, и самая идея множественности — не отвлеченность в представлении говорившего подлинно первобытной речью, а неразрывно увязанный с представлением о коллективе наглядный осязуемый предмет. Однако мало сказать, что ‘лес’ и ‘дерево’ не различались, и, следовательно, первично не было формального признака и множественности, а когда он появился, им обозначалась множественность не самого предмета, а его владетель. В те эпохи признак множественности одновременно есть признак принадлежности данному коллективу, данному клану, впоследствии — данному племени, еще позже — данной нации. Соответственно одна и та же образовательная частица имеет функции и местоимения, и множественного числа, причем палеонтология вскрывает, что первичное появление в слове этой частицы отнюдь не связано ни с одной из этих двух функций. Она была в слове раньше, чем ей придана была такая или иная функция; она находилась в слове в результате словообразования путем сопряжения однозначных слов в одном так называемом скрещенном термине, где повторяемость одного и того же элемента в конце слова подействовала его выдвиганию на роль функциональной части, т. е. получению им надбавочного значения поверх своего основного. Потребность определила его значение, в частности — и значение суффикса множественного числа. То же и с падежными окончаниями соответственной ступени стадияльного развития, именно поскольку речь идет о падежных окончаниях множественного числа, не являющихся повторением падежных окончаний единственного числа, представляющих новообразование.

Дело, однако, обстоит так, что ни по одному из примерно перечисленных, казалось бы, исключительно лингвистических явлений нельзя ничего сделать в порядке генетического разъяснения без увязки их прежде всего с общественными факторами человеческого творчества, самонакопляющимися в процессе развития структуры хозяйственно-социальных форм и создаваемой ими техники, без увязки этих явлений с историей материальной культуры. Беда, однако, в том, что общественная отраженность в звуковой речи чрезвычайно сложна, пути ее прохождения чрезвычайно различны, а ее состав — это переплет вкладов бесконечно многообразных течений человеческой творческой жизни, — переплет, порой обращающийся в клубок, казалось бы, нераспутываемых нитей.

Ведь, в языке нет ничего простого, ничего натурального.

Ничего простого. Прежде всего нет в мире языка, который был бы прост, который не был бы скрещен, и это скрещение приходится учитывать не только для характеристики языков, но и для новой — неизбежно новой — постановки самого исследования по кардинальному вопросу о родстве, ибо родства в биологич-

ческом смысле у языков собственно нет, как нет отдельных семей, возникших в путях простого наследования потомством родного языка от родителей и имеющих, мол, свое независимое существование. Вопрос не в словах, а в том содержании, которое теперь вкладывается яфетической теорией в такие привычные, ходкие слова, как семья, родство, а также диалект, наречье, говор и т. п. термины. Можно бы их оставить и не заменять даже семью системой, если под семьями понимать (под каждой из них) новое образование родового общего типа, с новым оформлением или переоформлением прежних видов, соответствующее новой технике производства, новой структуре общественного строя и новой системе мышления, определяемого не просто завещанным пассивным, а вновь нарождающимся творческим бытием человечества на каждой ступени стадияльного его развития. Родство же — это увязанность различных языков в путях скрещивания, отвечающего хозяйственному общению — и техническому, и экономическому, и социальному — народов всего мира.

Языков, возникших впе указанных условий, в мире не существует, т. е. учение об языке, в зависимости от изучаемого им лингвистического материала, имеет право на существование в качестве науки лишь как монистическое построение.

Однако как хронологически увязывается звуковая речь и такое количество ее систем с материальной культурой, которая также переживает изменения?

Принадлежность различных систем морфологии к различным периодам языко-творчества опирается, разумеется, не непосредственно на тот или иной тип техники, хозяйственной и социальной структуры, а при посредстве мышления. Мышление не стабильно. В нашем распоряжении, как будто, всего-на-все две ступени в стадияльном развитии мышления: одна ступень — это то, что Lévy Bruhl (Леви-Брюль) называет дологическим мышлением, а на наш взгляд — мышление образное, и оно намечается к определению во времени длительностью громадного измерения, намечаемого многими десятками тысяч лет. Другое мышление — логическое, и оно также требует измерения большой длительности, но тут дело затрудняется, в отношении какого бы то ни было уточнения, неизвестностью двух данных, взаимно связанных: во-первых, неизвестностью того, как долго логическое мышление удержится и не сдаст ли оно массово своей позиции новой системе мышления, о строе которой мы сейчас можем, предполагается, лишь гадать. На самом деле, достаточно вникнуть в современность, чтобы познать и определить новое мышление. Во всяком случае, факт неизбежности смены не может стоять под вопросом, и, в связи с этим, нам нехватает знания, в какой степени каждая новая смена мышления повторяет длительность предыдущей, или ее укорачивает. Нет надобности в особых доказательствах, чтобы утверждать, что дологическое или образное мышление — не первоначальное.

Но для нас по истории развития звуковой речи громадной важности вопросом является процесс смены дологического мышления логическим. Мы не можем никак мириться с непосредственностью следования этих двух в корне различных систем мышления, логической за дологической. Нам пришлось бы изменить всей увязываемой системе построения яфетической теории, если бы мы допустили

такой механический порядок чередования одного мышления другим, ибо мы были бы вынуждены тогда прибегнуть к чуждым нашему построению источникам, призвать на помощь какую-либо таинственную силу, как чудесную создательницу новой системы, и отказаться от социально-экономических факторов. При предпосылке же социально-экономических факторов, наступление нового мышления и отход старого мыслимы при выделении первым из себя второго в порядке раздвоения или диалектического процесса. Нам подсказывают возможность прорастания дологического мышления логическим, но такой выход не устраивает палеонтолога речи, поскольку есть система языков, не отвечающих своей структурой логическому мышлению, и языковедные факты требуют отведения ей места перед периодом возобладания целиком логического мышления, и в то же время исключается возможность вметить ее в более ранний период господства дологического мышления. Этот промежуточный период может быть приемлем также с длительностью больших размеров, чтобы дать возможность развернуться во всей полноте процессу диалектического развития и зарождению нового мышления. Смены мышления — это три системы построения звуковой речи, по совокупности вытекающие из различных систем хозяйства и им отвечающих социальных структур: 1) первобытного коммунизма, со строем речи синтетическим, с полсемангизмом слов, без различения основного и функционального значения; 2) общественной структуры, основанной на выделении различных видов хозяйства с общественным разделением труда, т. е. с разделением общества по профессиям, расслоения единого общества на производственно-технические группы, представляющие первобытную форму цехов, когда им сопугствует строй речи, выделяющий части речи, а во фразе — различные предложения, в предложениях — различные его части и т. п. и другие с различными функциональными словами, впоследствии обращающиеся в морфологические элементы, с различием в словах основных значений и с нарастанием в них рядом с основным функционального смысла; 3) сословного или классового общества, с техническим разделением труда, с морфологией флективного порядка.

Можем ли мы эти положения внести в число окончательно решенных? Конечно, нет. Лингвистически они выявлены, и тем не менее это — проблемы, требующие проработки, особенно проверочной проработки, нужно ли мне подсказывать, в каких областях обществоведческих знаний?

Факт все-таки остается, что нет, следовательно, нарастания новых видов звуковой речи в порядке биологического процесса, массового деторождения возникших языков, увеличения потомства. Самый процесс развития звуковой речи представляет картину не размножения языков, а унификации их, растущей с каждым этапом хозяйственного развития человечества.

А как быть с появлением дотолы многочисленных языков, с переживаниями которых во многих сотнях видов приходится считаться и общественному, и научному строительству? Как их понять вне порядка биологического процесса размножения языков? В этом вопросе — смешение двух явлений, ибо одно дело — размножение сложившегося языка и другое дело — образование новых видов звуковой речи.

Сложившийся язык, действительно, размножается, более чем размножается, он распространяется. Размножается в порядке наследования его от менее численных родителей многочисленным потомством, распространяется от использования одного и того же языка все в большем и большем потребительном районе, а первоначально это было распространение вообще звуковой речи в массах бессловесного населения, это было как бы распространение грамотности, алфавитной грамотности среди неграмотных, вернее среди грамотных в степени обладания бирками и тамгами, это было распространение звукового языка, высшего в свое время достижения человечества по речевой культуре, в населении, говорившем ручным языком, языком кипетическим — языком зримых липейных символов, а не слышимых звуковых символов. И эти звуковые символы, вообще звуковая речь, не натуральное, а искусственное явление: натуральных видов человеческой звуковой речи не существует, т. е. не существует натуральных звуковых языков, как не существовало первоначально вообще массовой природной звуковой речи, не только массовых ее видов, но вообще звукового языка бытового потребления. Развитие речевой культуры состояло не в размножении новых видов, а в образовании массового звукового языка, в переводе звуковых символов магического значения, находившихся в распоряжении руководящей группы примитивной общности, на рельсы все более и более расширенного использования в быту и в дальнейшем — на рельсы их передвижки в массовый обиход, обязательно захватывавший все более и более широкие круги хозяйственно сходящихся в борьбе, или в согласованном, договоренном сожительстве социальных групп, привнесивших свои звуковые символы, эти зачатки искусственной звуковой речи, для скрещения в общем звуковом языке. Скрещение, таким образом, начинается с самых первых шагов образования звукового языка; и это начинание в зародыше есть уже процесс унификации. Весь дальнейший ход развития речевой культуры звуковыми символами в направлении массового потребления, рождение множества языков есть процесс унификации в том или ином масштабе, в зависимости от масштаба общественной объединения и увязок отдельных объединений в хозяйстве и используемой им техники. Сейчас нас, даже ученых, приводит в ступор существование многих сотен, свыше тысячи, языков, но это уже результат процесса унификации, раньше языков было еще больше, менее совершенных, менее приспособленных для уточненного использования слов. С унификацией не только наступает уже расширение круга говорящих на одном и том же языке, собственно на языке одного хозяйственного коллектива, в будущем — слоя того или иного племенного образования, пока что ни класса или сословия, ни особенно стоящего племени, но и повышается его идеологическая емкость, а с нею морфологическая разработанность, какого бы порядка, по времени вступления данного языка в этот процесс она ни была, эта морфологическая разработанность, слухового или зрительного. В последнем случае мы имеем в виду культурный подъем языка архаической, близкой к первобытности системы, восполняющей своему недокладу звуковых средств письменностью первичных эпох, идеографической или клинописной.

С унификацией происходит накопление материала, вновь формируемого для образования обширной семьи или ветви, выделяющей уже потом из себя группы и отдельные языки, в путях скрещивания языка общего употребления, с языком или языками, отстоявшимися в результате такого же процесса в обиходе более тесных местных районов.

Но как обстоит в таком случае дело с общей проблемой о взаимоотношении языков в мировом масштабе?

Как пока в кругах с лингвистическим мировоззрением индоевропейстической школы идут споры о том, глагол ли свачала или имя, тогда как этот вопрос окончательно решен яфегической теорией в пользу факта позднейшего происхождения глагола, как пока и кое-где все еще не без влияния все того же пережиточного глоттогонического мировоззрения ставится вопрос, в кругах уже не одних лингвистов, что раньше, мышление или речь, звуковая речь, тогда как яфегическая теория упразднила возможность такого вопроса установлением факта, что язык человеческий не начинается звуковой речью, что звуковая речь явная преемница кинетической, ручной или линейной речи, речи движением руки и мимикой, что она унаследовала от своей предшественницы филиацию семантических связей в словах, переводя линейные символы ручного языка на звуковые символы привычной нам, теперь единственно мыслимой речи, которая, следовательно, возникла уже тогда, когда мышление, конечно, давно существовало, и как пока для ряда других столь же кардинальных технических или идеологических проблем, уже разъясненных окончательно новым учением об языке или поставленных на путь окончательного решения фактически и практически, старое учение все еще ищет теоретических путей для разъяснения, хуже того, не находя их, вследствие несостоятельности своего метода, не только снимает эти вопросы с очереди, но объявляет их ненаучными; то же происходит с основной проблемой о взаимоотношениях языков в международном масштабе.

Соответственно, исходя из предпосылок формального учения о сравнительной грамматике, установленного индоевропейской лингвистикой, как предмета обязательного всеобщего потребления для языков всех стволов, всех так наз. семей, более решительные и смелые лингвисты, чуя наличие бесспорных связей языков различных систем, бьются, как рыба об лед, чтобы доказать их родство, и как бы оправдывают своими результатами мнение осторожной, консервативной части языковедов о безнадежности подобных исканий, об относимости подобных проблем к числу неразрешимых и ненаучных. И пока, следовательно, рядом с давно покойными попытками обосновать родство семитических языков с греческим и вообще с индоевропейскими спит непробудным сном глубже проработанный опыт установления родства египетского языка с индоевропейскими, все более и более растет длинный ряд примыкающих к ним погребений различных индивидуальных и коллективных усилий увязать с индоевропейской звуковой речью непонятные языки Средиземноморья и Передней Азии, в том числе и клинописные, эламский, хеттский, новоэламский или язык 2-й категории Ахеменидских надписей, халдский или язык ванской клинописи в Армении, этрусский и т. д., и т. д. Мавзолей обреченных продолжает расти или от новых

выступлений старых добровольцев, снова и снова возвращающихся к тем же проблемам, как Trombetti с своим освещением этрусского языка, или от новых выдвиженцев зашедшей в тупик индоевропейской лингвистики, имеющих доброе намерение внести в отмирающую доктрину живительный бальзам постановкой и решением таких частных, по существу хотя бы правильных проблем, но в путях тех же обреченных приемов формального учения об языке, как, напр., проблема о родстве угро-финских языков с германскими. В то же время яфетическая теория настолько вошла практически не только в установление родства, точнее — в увязанность всех языков мира, точнее — языков всех систем, что по объему охватываемого им материала новое учение об языке действительно есть основание назвать интернационалистическим, поскольку никакое общее лингвистическое положение не может быть сформулировано, мало того, никакого генетического вопроса о той или иной категории явлений, даже о том или ином отдельном слове, лишь бы оно было из состава доисторической лексики, нельзя удовлетворительно разрешать без не стесняющегося пространственным разлучением учета международных языковых взаимоотношений. Так, напр., рядом с разъяснением происхождения персидского слова *ab* — 'вода' при помощи данных языков яфетической системы, не только древних и мертвых, в частности шумерского, но в первую голову живых, как кавказских, со включением армянского гибрида, так особенно западноевропейского — баскского, ставится уже вопрос о взаимоотношениях грузинского с так наз. *ratois*, живым романским языком *béarnais*, баскского района, и с французским, и мы приходим к плодотворным и для западной Европы и для Кавказа результатам, поскольку, напр., соответственная трактовка слов 'голова' и древнейшего жертвенного животного 'ягненок' *беарн. sar-* и *сгабе* (фр. *chef* и *chèvre*) выясняет не только тождество звуковых корреспонденций, установленных на Кавказе между грузинским и сванским, с звукосоответствиями между *беарне* и французским, но и тождество самих слов.

Само собой разумеется, речь идет при таких разительных сходжениях не о французском и *беарне*, как о монолитных языках, как и не о грузинском, как о массово-монолитном, тем менее о монолитности такого уже определившегося гибрида, как на Кавказе сванский язык, а о слоях звуковой речи, представляющих вклады, отложившиеся в соответственных племенных образованиях, а где и национальных образованиях, всегда и везде в результате протекания процесса и этногонии и, следовательно, глоттогонии в классовых или сословных руслах.

Как будто перед нами встает опять та же самая проблема, выходящая за пределы компетенции лингвистов? Действительно, за пределы компетенции лингвиста, учитывающего лишь лингвистические факты, она, конечно, выходит, поскольку идет речь о классовой дифференциации, но здесь, не говоря о сословии, и класс представляет уже иное по модальности образование коллектива, и эта проблема ждет в еще большей степени такого уточнения со стороны специалиста по формам общественной структуры, какое дало бы возможность лингвисту располагать терминами для обозначения всех модальностей классового образования.

Яфетическую теорию обвиняют иногда в том, что она не разработала свою социологическую терминологию, напр., что понятие о классе, которым она оперирует, является методологически не выдержанным. Мне думается, что упрек этот обращен не по адресу. Нельзя требовать от лингвиста, чтобы он занимался самостоятельной разработкой таких ответственных социологических проблем, как вопрос о классовой дифференциации примитивного социального образования, которое я опять-таки разве условно мог бы назвать здесь ордой, хотя бы примитивной ордой. Самое большее, что может сделать в данном направлении яфетическая теория, — это сигнализировать социологу-марксисту о необходимости постановки такой проблемы на первую очередь. Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляют ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках, но, само собою разумеется, поправку эту должен сформулировать не лингвист, а социолог или, точнее, социолог совместно с лингвистом. Мне кажется, что яфетической теории здесь должно быть поставлено только одно требование — в своих основах, в своих общих предпосылках она должна быть, так сказать, предрасположена к такой совместной работе именно с марксистской социологией. В частности совершенно ясно, что, напр., в проблеме о социальном классе яфетическая теория не могла бы работать с теми социологами, которые, как, напр., Тард, даже в начале XX века строили учение о классе на вере в социальную иерархию, на убеждении, что правило нормальной жизни — это мирное сотрудничество, мирное соглашение между классами. Нам думается, что в порядке установления такой общей почвы, отнюдь не вмешательства в чужую область, мы должны положить в основу социологической схемы, к которой приходит яфетическая теория, тот антагонизм накопленного и непосредственного труда, о котором говорил в «Ницете философии» Маркс. Мы полагаем, таким образом, что эта совместная работа должна идти по линии изучения производственных отношений, и ставим перед социологами и историками-экономистами совершенно определенную конкретную задачу — обратить внимание на социальную структуру первобытного коллектива, изучить производственные отношения, слагающиеся в ней, и наметить, по крайней мере на отдельных примерах, как на почве накопления избыточного продукта зарождается отделение в такой ячейке трудового населения от нетрудового.

Актуальные проблемы отнюдь не исчерпаны, тем менее очередные задачи яфетической теории, их еще больше выявятся при конкретной постановке самой работы по яфетической теории, собственно по новому материалистическому учению об языке, если она, эта постановка, не будет хромать, поддержанная теми специалистами, помощь которых явно вызывается рядом затронутых нами лингвистических проблем в адекватном социологическом освещении.

В то же время, если говорить об общей почве для работы, то яфетидология должна была бы найти ее и в отношении историков права, — может быть, я буду оптимистом, но полагаю, что с исследователями материальной культуры почва эта уже нащупана. С историей права положение, однако, остается весьма

неопределенным, я не хотел бы выражаться очень сильно, но мне кажется, что протянутая яфетидологом рука здесь тоже повисает в воздухе, потому что историки права не интересуются историей права. Они проявляют много остроумия в разрешении целого ряда вопросов по поводу того или иного текста Дигест, но едва ли можно найти какой-нибудь обстоятельный историко-правовой материал для объяснения того дуализма в древнеримском праве, который оформился в двух терминах, *fas* и *jus*. *Fas*'ом римское право смотрит на восток, *jus*'ом на запад — картинно писал *Ihering* (Иеринг), и эта картинность, за которой у автора не скрывалось ничего, и до сих пор остается действенной. Таких примеров можно подыскать массу. Давно ли, например, историки-юристы производили *pontifex*'а от *pons*, и наряду с такими упражнениями вы видите, что остается в загоне целый ряд сложнейших проблем. Яфетическая теория выдвигает на первый план процесс скрещения языков, последовавший в результате переустройства общественности. Казалось бы естественным, что историко-правовая доктрина откликнется на пересмотр теории договора, как явления идеологического порядка, оформляющего это скрещение, но в действительности этого мы как будто бы не замечаем. Яфетическая теория говорит о законе перехода названия целого на части, юристы-историки опять-таки не замечают, что для них это открывает те или иные перспективы. Яфетическая теория, наконец, обращает особое внимание на так наз. бесписьменные языки, заставляет историка, как выразился один из ее сторонников, перестроить свое мышление, выросшее на индоевропейстике, а в каких путях индоевропейстики бьется и до наших дней изучение так наз. обычного права? Говоря коротко, и в сторону права (истории права) яфетическая теория подает тоже сигналы, но услышат ли там эти сигналы, она до сих пор не знает, и это уже дело специалистов по праву, а, конечно, не лингвиста, брать на себя смелость поставить набегающий сам собой вопрос, страшный вопрос — не вымерли ли историки права?

Другое дело, когда столь глубоко изучившие яфетидологические языковедные изыскания по увязке звуковой речи с общественностью приходится сопоставлять с тем, что проф. Мейе, представитель социологического направления в индоевропейской лингвистике, пишет в наши дни, высказываясь в статье «Общая характеристика греческого языка». В связи, следовательно, с наиболее изученным языком, на страницах *Comptes-rendus* Французской академии наук, после ссылки на бесспорный факт, что за целый XIX век индоевропейстика работала лишь над формальной стороной речи, я бы прибавил для уточнения — исключительно формальным методом, именно: «не видно никакого средства установить внутренние взаимоотношения между лингвистической формой и обществами, которые ее употребляют. Констатировать можно лишь фактические (внешние) взаимоотношения. Изучая грамматические категории, могли бы пасть на возможность найти согласованность между определенными категориями и определенными мышлениями, определенными типами цивилизации».

Следовательно, была лишь надежда на такую возможность — и только. Здесь лингвист-яфетидолог мог бы поставить вопрос, думаю, ясно, какой вопрос,

когда вождь индоевропеистики признает ее беспомощность и бессилие увязать органически хотя бы в самых общих чертах язык, с его определенными категориями и мышлением, с определенными типами цивилизации, с трудом доходит до смутного представления о какой-то внешней фактической их согласованности. Ведь, это значит то же, что в экономике — не различать стоимости от труда. С утверждением Мейе мы, несомненно, имеем дело с утверждением Родбертуса о стоимости и труде в такой степени, что можно использовать данную Марксом в «Ницшеге философии» критическую оценку определения Родбертусом стоимости, отождествляемой им с трудом; достаточно поставить вместо труда *культурную работу* и *языковые ценности* вместо стоимости и применить это к характеристике стоимости и социологической состоятельности лингвистики Мейе. «Если бы Мейе исследовал, как и отчего *культурная работа* (цивилизация) создает и тем самым определяет и измеряет *языковые ценности*, т.-е. значения слов и смысл морфологических явлений, он пришел бы к общественно-необходимой *культурной работе* (цивилизации), необходимой для отдельных продукций *речи* как по отношению к другим продукциям того же рода, так и по отношению к совокупному общественному спросу. Это привело бы его к вопросу о том, каким образом производство единичных речепроизводителей приспособляется к совокупному общественному спросу, а вместе с тем сделало бы невозможной всю его (впрочем, его ли одного) «утопию», индоевропеистическое учение об языке».

Он видит цивилизацию, он видит культурную работу особо, и мышление особо и цивилизацию, культурную работу — особо. Их встреча для него явление внешне-фактического порядка, т. е. полное отсутствие понимания смысла, сущности, динамического значения, назначения и стоимости культурной работы в отношении к культуре, именно в нашем вопросе к мышлению и звуковой речи.

Однако для нас дело не в том, что и такая надстроечная культурная ценность, как язык, увязана с социально-экономическими факторами. Это дело уже бесспорно решенное лингвистически. Нас тревожит и волнует другой вопрос, а именно — удастся ли нам реализовать в темпе актуальной потребности скрепление новых языковедных достижений яфетической теории с обществоведческим историко-материалистическим методом?

А это основная сейчас проблема из проблем, задача из задач, первоочередная и актуальнейшая, яфетической теории.

К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова¹

Всякий раз, когда заходит речь о происхождении звуковой речи человечества, перед заинтересованными на первый план выступает материал, физиологически порождаемый, и техника его внешней обработки; эта формальная сторона занимает все внимание. Сущность речи, общественный стимул ее зарождения ускользает в погоне исследователя за уточнением техники внешнего ее проявления. Почему это так? Едва ли по осознанному намерению уйти от оси проблемного задания. Скорее по естественному устремлению в сторону наименьшего сопротивления. Помню, много-много лет тому назад при выдвигании мною ряда методологических упущений и перечне известных в печати, но неучтенных фактических данных по вопросу, значительно менее важному, именно вопросу об одном армянском диалекте, предмете диссертации, автор ее на диспуте мне очень дружески заметил, что его задание сводилось к своевременному представлению исследования на соискание ученой степени, чего ему, конечно, не удалось бы сделать, если бы он вступил на путь выполнения всех указывавшихся ему пробелов. Хотя работа т. Богданова не диссертация (впрочем, печаталась она в дискуссионном порядке), но автор, несомненно, спешит идти путем свободным, не стесняя себя материалами и вознею с ними, поскольку дело касается связи первобытного мышления с генезисом языка и эволюциями в его жизни. Ведь, между началом и историческими эпохами речи теперь абсолютно не пустота, а насыщенность материалами; т. Богданов, на наш взгляд, прав, когда он предостерегает (на словах не первый) от переоценки первобытности так наз. диких племен и пишет (стр. 80): «Первобытное мышление, как и вся первобытная жизнь, лежит за пределами исторической для нас досягаемости. Очень часто — в большинстве случаев — социологи и этнологи подразумевают под этим выражением примитивное мышление дикарей, современных и известных в прошлом, хотя почти столь же часто делают оговорки о неточности такого понимания», но когда тут же он нам открывает, что для него «все дело идет об упрощающей абстрактно-аналитической конструкции, выведенной из наблюдений над примитивным мышлением, с одной стороны, над тенденциями развития мышления — с другой. Это, в сущности, гипотеза, но научно-законная и научно-необходимая для объяснения всего данного нам материала», — то нам такая predetermined схематичность и абстрактность представляются обреченным делом.

С другой стороны, нам кажется возвратом к прошлому, несмотря на использование величайшего из достижений современной науки — учения о рефлексах, когда звуки человеческой речи явно возводятся, в голом психо-физическом восприятии языка, к технике произношения, независимой от общественности. Пока

¹ Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления («Вестник Коммунистической Академии», кн. X, 1925, стр. 67—96). [Напечатано в «Вестнике Коммунистической Академии», кн. XVI, 1926, стр. 133—139.]

речь в плоскости абстрактных рассуждений, как будто все в порядке. Так в следующих строках: «трудовые рефлексы, как и все вообще сложные двигательные реакции организма, в силу величайшей связанности нервного аппарата, никогда не ограничиваются всецело сокращением тех специальных мускулов, которые выполняют необходимую в каждом данном случае для организма работу. Путем иррадиации нервного возбуждения с одних центров на другие, в реакцию постоянно вовлекаются, в равной мере, и другие мышцы; получаются «сопутствующие» движения, непосредственно излишние, в роде судорожных подергиваний всех конечностей и гримасы лица при больших напряжениях, высовывания языка при писании у обучающихся детей»... «Так или иначе, эти «сопутствующие» сокращения представляют во всякой трудовой реакции некоторую неизбежную часть ее. Специально для занимающей нас задачи значение получили те из них, которые связаны со звуком, — совместные сокращения мышц дыхательных, гортанных, глоточных, ротовых. Эта часть реакции, благодаря свойствам звука, доступна членам коллектива и тогда, когда трудовой акт выполняется вне поля их зрения; она, следовательно, может играть роль «сообщения» об этом акте и вообще его «обозначения». Именно такова и оказалась, в результате исторического представления, роль этих «трудовых криков» или «трудовых междометий»: они стали первичными корнями речи, и из них развилось в ряду тысячелетий все ее богатство».

Но когда дело доходит до представления этих самых «первичных корней», рассуждение оказывается одной метафизикой: утверждения делаются до справки в языковых фактах, независимо от них или с обоснованием на произвольном истолковании фактов, как то можно видеть из примечания, помещенного под текстом для разъяснения со словами нем. «haueu» 'срубить', фр. «feu», нем. «Feuer» 'огонь' и «Flamme» 'пламя'.

Тов. Богданов человеческую речь думает разъяснить аналогией, как он утверждает, «полной аналогией... в стадной жизни других животных» (стр. 74). Он уверен, что «с этим согласится всякий, кто когда-либо внимательно наблюдал хотя бы «галочный парламент», когда у этих птиц обсуждается вопрос о местных перелетах». Я могу прибавить к этому лишь такое же аподиктическое утверждение: «С Богдановым и очень многими, разделяющими его точку зрения по части генезиса речи, согласятся те, кто не наблюдал человеческой звуковой речи, ее особенностей и особых совершенно ясно определяющихся источников зарождения, не имеющих ничего общего ни с самопроизвольным выявлением себя, ни с звукоподражательностью».

Об эмоциональных междометиях у человека и у животных говорится в плоскости явлений одного порядка. Если бы в нашем распоряжении были в готовом виде или палеонтологически добытые так наз. «эмоциональные междометия» человекообразного существа, когда оно было на одной стадии развития с животным, когда оно было животным, — дело другое. Но этого нет. Автор в наличном состоянии человеческой речи находит те первичные слова, их отбирает, таковы «охать», «ахать», «выть», производимые к междометиям «ох», «ах», вероятно, «вы» (я бы подсказал из грузинского «вуй»), и автор предполагает их не отно-

симыми к трудовым корням. Хорошо, конечно, что автор эту дифференциацию производит и сам отмечает, повидимому, с особым вниманием (стр. 74): «только развитие подобных эмоциональных корней чрезвычайно слабо и ограничено по сравнению с корнями трудовыми, — вещь также вполне понятная». Это вполне понятно, но нам неясно, как он себе представляет многочисленные трудовые корни и какая произведена работа, доказывающая, что так наз. эмоциональные междометия не являются также корнями трудового производства? Никто не может оспаривать, что арм. *avağ*, немецк. *wehe*, груз. *vui*, *glɑq* или *vɑglɑq*, фр. *hélas* и т. д. и т. д. — эмоциональные междометия, но нет никакой возможности считать их так же, как «ах», «ой» и т. п., происшедшими в порядке эмоционального творчества, а не трудового производства. Без которого немислима человеческая звуковая речь, обязательно членораздельная, а «ах» и «ой» совершенно членораздельны и имеют свою генетическую историю, тождественную с палеонтологией трудовых корней.

О мимике и, надо думать, с подразумеванием жестов автор говорит, но и тут он стремительно (стр. 75) несется к упрощенной форме мимики или к упрощенному восприятию линейной речи, или игнорированию ее, когда он пишет (стр. 75): «мимический знак есть первично именно некоторая часть того действия, которое им символизируется. В массе случаев это просто схематизированное, т. е. сокращенное и упрощенное, воспроизведение самого действия» и т. д. Автор думает, что это легко обнаруживается исследованием. Мне же сдается, как бы эти предполагаемые «схематизированные воспроизведения самого действия», поскольку они органические части линейной речи, не оказались в положении тех «эмоциональных междометий», которые в среде звуковой речи никак не разъединить с корнями трудового производства.

А главное, автор совершенно не учитывает, что линейная речь, предшествовавшая звуковой, отнюдь не язык аффектов, а выражение, символическое, также трудового производства, но все-таки организованного труда, и им создавшегося мышления, и до появления звуковой речи человечество проделало долгий путь развития, передав звуковой речи громадное наследие мыслей и способов их символизации. Между звуковой речью и человеком-животным — целая пропасть, бездна творческой культурной работы человечества.

Тов. Богданов утверждает (стр. 74): «Языка животных люди до сих пор не знают, потому что не умеют их наблюдать целесообразно, т. е. с выдержкой организационно-биологической точки зрения. Ее первые опорные пункты — принцип голосовой координации действий и принцип «самообозначения» рефлексивными междометиями (принцип Нуаре) — тут должны дать надежный метод и твердое руководство».

Не знаю, современем мы, может быть, получим такой надежный метод и твердое руководство для генезиса галочной речи, но не могу не высказать в такт или в шаг с утверждениями т. Богданова касательно галочной речи, в параллель им, что «языка людей также не знают с точки зрения генезиса те же люди, даже ученые люди, именно потому, что не сумели целесообразно наблюдать подлежащий человеческий материал»; так именно грешили в выборе

объекта наблюдения, сосредоточивая его главным образом, если не исключительно, на культурных языках, преимущественно письменных, или изолированно на одних так наз. языках бесписьменных, без увязки с культурными, древнеписьменно и исторически-культурными, и в связи с этим не учитывали громадного значения социологического подхода к явлениям человеческой речи, при котором элемент физико-биологический отходит также на более чем на второй план, как элемент психофизического восприятия речи. Так, например, основные пока предпосылки научно-сравнительного изучения звуковой речи, ее различных типов и видов, именно закономерные звукосоответствия или корреспонденции разъясняются не физиологически, не с физиологией связанной биологией, а социологически, в связи с определенным схождением различных племен в одной производственной работе или в одной хозяйственной жизни; в связи с координацией и исходя из координации своих, т. е. одного племени, голосовых данных с голосовыми данными чужими, т. е. другого или других племен, в разрезе утверждения не принципа «самообозначения», а принципа «взаимопонимания» средством языкового взаимодействия (при звуковой речи словесного). При том вовсе и не было потребности преодолевать трудности того, чтобы делиться не «самообозначением» (это в рефлексивной речи позднейший момент), а техникой смысловой связанности, так как семантика, значимость, у всех народов общая, нет никакой трудности в ее усвоении. Ясное дело, что при таком фактическом положении дела, свидетельствуемом языковыми материалами, у нас сомнение, поможет ли нам сейчас в должной мере знание галочной речи, вообще речи животных, и особенно связанная с природной произвольно-коллективной речью животных «выдержанная организационно-биологическая точка зрения».

При таком подходе трудно уберечься и от некоторого мистцизма: «не случайно *гений*¹ русского языка обозначил старые обычные у нас формы парламентского обсуждения словом «галдеть» — одного корня с названием галки» (стр. 74, прим. 1). При чем тут «русский гений»? И русский, и не русский гении имеют одни и те же закономерные пути, неустранимые в отборе звуковых комплексов, используемых для выражения тех или иных представлений, одних для глагола порядка «говорить», «болтать», «шумно говорить», «галдеть» и совершенно иных для всех предметов одного порядка с галкой, т. е. «птиц», связанных с представлением о «небе», как особо мы находим особые слова для «рыб», связанных с представлением о «воде», *гесп.* «реке», «море» и т. п.

Автор вовсе не игнорирует социального момента глоттогонии, но ему отводит особое место и особый момент в самой звуковой речи, предполагая, что человек начал свое речевое творчество со звукового языка. Начало человеческой речи это прямо и непосредственно физиологическое (мы возвращаемся не только к дояфетидологической, но и до зрелой индоевропейстической теории, к началу XIX века). Язык, даже звуковой язык, автор предполагает возникшим до трудом — организованным трудом — созданной материальной культуры, которая и есть предпосылка творчества речи. При таком упрощении понятно, если от человеческого

¹ Курсив мой. Н. М.

языка, не нуждающегося для своего генезиса в искусственной культуре, легко переходит автор к галочному языку, или, наоборот, человека, начавшего говорить звуковой речью, ставит в момент творчества речи на высоте галочной культуры.

Лишь впоследствии, с момента выработки социальных путей человек отходит от галочной культуры с таинственно-стихийно создавшимися корнями. Автор, между прочим, пишет, что способ формирования слов-понятий «уже идет не первоначальным стихийно-непосредственным, физиологическим путем, не путем простого обрыва «звуковой части» действительного психического комплекса, а сложным социальным путем: через комбинирование, варьирование и подбор комбинаций и вариаций старых стихийно социально создавшихся первичных корней». Автор поясняет свой взгляд о психофизическом восприятии звуковой речи примером на индоевропейском корне *ku* (стр. 80—81), и, не процитировав его *in extenso*, мы были бы к нему несправедливы, так как в нем имеется ряд совершенно правильных соображений и положений: «Поясню это на примере, заимствованном из прежних моих работ.¹ Индоевропейский корень *ku* (в усиленной форме *sku*) соответствует понятию «рыть», «копать»; возможно, что его началом явился звук, вырывающийся при акте копания от надавливания грудью на рукоятку примитивного орудия, подобного заступу; тогда это — первичный корень, часть трудовой реакции. Так как физиологически эта звуковая часть реально воспроизводится всего легче, то она выступает и тогда, когда налицо имеются лишь неполные, даже весьма неполные условия, при которых давняя реакция возникала впервые в организме работника-дикаря, когда он ей научался и была вся обстановка коллективно-трудового акта копания: другие работники, занятые этим делом, надлежащие орудия в их руках, углубления в почве, груды вырытой земли и пр. Но когда весь сложный рефлекс упрочился в организме, то достаточно уже некоей доли этих условий, иногда очень малой, чтобы он вновь выступил на сцену в форме неполной реакции; главные составляющие движение сокращения массивных и удаленных от мозга мускулов — не практически реальными, а ослабленными до степени двигательных образов; некоторые легко воспроизводимые части, особенно звуковой рефлекс, в действительном внешнем проявлении, хотя бы и ослабленном, но уже доступном слуховому восприятию. Это бывало и тогда, когда человек видел орудие копания или груды вырытой земли, или просто яму, даже не выкопанную людьми, или животное, роющее землю и пр. Все это тоже «обозначалось» звуком *ku*, т. е. вызывало его, как отзвук в человеке, естественный и «понятный» для других членов коллектива, совпадающий с таким же отзвуком в их психофизиологических системах. Так на деле получалось неопределенное множество значений, разными соотношениями связанных с основной действительной реакцией — трудовым актом копания. Все то, что в новейших языках выражается огромным потомством слов, происходящих от корня *ku*, выражалось тогда самим этим корнем».²

¹ «Наука об общественном сознании» (стр. 63, по 3-му изд. 1923 г.). «Падение великого фетишизма» (стр. 24—25, изд. 1910 г.), где критически приводится цитата на ту же тему из «*Ursprung der Sprache*» Шуаре.

² Напр., русское «копать», латинск. *cavus* «пустой», *sculpo* «долбить», франц. *cave* «погреб» и т. д.

Но в то же время возврат к изжитым мыслям и невероятным по наивному отбору примерам: «и несмотря на огромный путь развития, на колоссальное усложнение, бесчисленные вариации, встречаются еще случаи, когда в корнях слов можно уловить первичные трудовые междометия. Так, немецкий глагол *hauen* 'рубить' прямо напоминает о грудном звуке *ha*, вырывающемся при ударе у дровосека; русское «ухнуть» (в песне «Дубинушка») от аналогичного «ух» бурлаков, французское *feu*, немецкое *Feuer*, как и латинское *flamma*... эти слова, обозначающие 'огонь', напоминают о том придыхательном губном звуке, в роде «Ффы», которым сопровождается раздувание огня».¹

Языковые факты, палеонтологически освещенные, ставят т. Богданова, не имевшего, очевидно, случая их учесть, в полное противоречие с тем, что в отношении таких слов, как 'рубить' и 'огонь' или 'пламя', теперь выяснено в смысле их происхождения. Ни о каком междометии не может быть и речи ни в какой стадии развития человеческой речи, когда интересуемся генезисом представления 'рубить'. Во-первых, 'рубить' — такое представление, которого вовсе и не было в природе человеческого быта до создания человеком культуры, соответствующей для производства этого именно действия, т. е. 'рубить', а когда человечество было на этой уже высокой ступени развития, то оно равно успело выйти из пелен самопроизвольных, не нормируемых мышлением звукоиспусканий или «самообозначений». Конкретно глагол 'рубить', как бы он ни звучал, т. е. по-немецки *hauen*, или по-грузински *ṭar*, или по-русски «рубить», или по-китайски и т. д. и т. д., имеет одинаковое, одно и то же семантическое происхождение, речь при этом идет не о грамматической категории 'рубить', *hauen* и т. п., а о звуковом комплексе, с которым было связано представление о возможности производить им такое действие. Предмет этот 'железо' ('топор'), нареченное тем словом, которым до 'железа', до 'меди' и до 'бронзы'. вообще до металла, назывался 'камень', а до использования 'камня', как орудия производства или борьбы, тем же словом называлась 'рука' (все по функциональности). Между прочим, созвучие части одного из двух племенных слагаемых в русском слове «рубить», именно «ру-», совершенно не случайно со слогом «ру-», в составе русского слова «рука»... Русское слово «рука» (равно его славянские разновидности, не исключая польского эквивалента с назализацией губного гласного) есть скрещенное двуплеменное слово. От доисторического населения черемисы сохранили простой вид слова *ru* и без скрещения с тем же значением 'рубить'. Такова история и немецкого *hauen*, собственно его основы, не *ha*, а *hau* и т. д., чем не место здесь заниматься, но при чем тут метод и техника галочной речи? Или при чем междометие самообозначения, в природе фактически не существующее? Таково же наивное отношение к возникновению слова для обозначения термина 'огня' или 'пламени', на каком бы языке ни было, не только с начальным «Фф», ассоциирующимся у т. Богданова с раздуванием огня, но и с начальными *š* или *d*, *m*, *l*, напр., в грузинском *ṭeṭṭi*, в мегр. *daṭṭiq* и сванск. *lemesg*, где никакой ассоциации с психофизическим восприятием их началь-

¹ Наука об общественном сознании, стр. 59.

ных звуков, ассоциации с огнем, нет и не может быть. Не может быть потому, что огонь «изобретен» (и это абсолютно не учтено т. Богдановым) на очень высокой ступени человеческой культуры. Мифический для нас Прометей, с которым у греков связывается изобретение огня, его похищение с неба, — весьма молодой человек с точки зрения эволюции культуры человечества. Он недалек от времени возникновения самой так наз. индоевропейской расы, в языковом отношении самого позднего образования, и потому также без прослеживания доиндоевропейских корней и основ греческого, латинского, немецкого, русского и др. языков этой расы новой формации на слова из этих языков абсолютно нельзя возлагать того бремени, которое возлагает т. Богданов: ими нельзя так просто, без палеонтологического разъяснения и формы, пользоваться в какой-либо части, тем более произвольно выделяемой, как «фф» из *flamme* или *fla* из *fluen* и т. п. для отнесения таких слов не только в доиндоевропейские, но и досемитические, доугрофинские и дотурецкие, доиндотетские китайские, дояфетические эпохи, когда, допустим, могла быть речь галочной природы у человека (очевидно, тогда не совсем у человека, а существа, не обладавшего еще звуковой речью, следовательно, в те эпохи, когда этих слов вовсе не было и не могло быть).

Но где здесь не только «первобытное мышление», но даже пути или возможности доискаться до первобытного мышления? Да нигде! Его нет, ибо уважаемый автор, идя внимательно за своим абстрактным и схематическим построением (почему он вопрос для себя признает решенным). Стр. 94), не считается не только с нормами первобытного мышления, которое надо еще, допустим, выяснить, но и с фактами, бесспорными фактами в эволюции человечества, как, напр., хотя бы с поздним появлением 'огня' и даже такой, казалось бы, простой техники, как 'рубка'.

Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'¹

Не только лингвистам старой школы, но и всем этнографам и археологам, интересующимся генетическими вопросами бытовых народных мировоззрений и верований, представляется, что в языке изначален или первичен ряд обычных ныне в нашей речи слов, возникших лишь по установлении так называемых первичных представлений, ныне кажущихся и научно трактуемых как также изначальные в данной категории явлений, тогда как новое учение об языке сигнализирует их принадлежность к значительно поздней и позднейшей стадиям развития. Происходит это, поскольку речь об этнографах, от голого эмпиризма, который обосновывается на одном статическом положении дела у так называемых первобытных народов. Грешат таким отсутствием нового лингвистического палеонтологического подхода, но содержанию покрывающего то, что в марксизме разъясняется диалектическим материализмом, кое-кто и из яфетидологов, особенно тех, кто примкнул к яфетической теории с сложившимся уже прежним лингвистическим мировоззрением. В результате получается то, что об анимизме говорится как о древнейшей стадии в мировоззренческой истории человечества, когда новое учение об языке окончательно установило, что звуковой термин 'душа' и с ним самое представление о 'душе' — позднейшее достижение, что представлению 'душа' предшествовал не биологический как будто близкий ныне в нашем представлении и хозяйственно увязываемый термин 'дыхание', а 'рука', как опять-таки не физическая, а социальная категория. В связи с этим находится и то, что, когда по представлению отсталых народов 'душа' отождествляется с 'трупом', то эта анахронистическая концепция, казалось бы, только и может увязывать, как одновременные явления, 'тело', resp. 'труп', и 'душу', хотя независимо от так называемых первобытных народов, такое неразрывное сочетание находим и в языках более высокой культуры, в которых 'тело' и 'душа' обозначаются одним словом.² На деле же положение вскрылось такое, что осознания души вовсе не было вначале, как и 'трупа', resp. 'тела', не было их осознания в порядке наших и вообще позднейших представлений. Было диффузное представление, не расчленявшее еще явлений телесных и духовных. Достаточно сказать, что в абхазском языке один из его диалектов не различает пережиточно до сего дня понятий 'душа' (← 'жизнь') и 'мертвый' (← 'смерть'): существует одно слово *a-φsə* для обозначения 'души', следовательно, и 'живого' (ср. *a-b-zà* 'душа', *φsəm-bzam* 'без души — без жизни, ни жив, ни мертв') и 'мертвого', что, кстати сказать, вызывало сравнительно недавно скандал в проповеди христианства, когда говоривший о «живом боге», Христе, понимался слушателями как проповедник «мертвого бога», если проповедник не знал и не усваивал произно-

¹ [Доложено в Отделении гуманитарных наук Академии Наук СССР 2 марта 1930 г. Напечатано в ДАН В, 1930 г., стр. 73—78].

² Так, напр., в армянском, где др.-л. *apən* значит 'тело' и 'душа', причем то же слово в основе глагола *yañn-el* в народном произношении *handn-el* 'поручать' обозначало, очевидно, и 'руку', как не раз указывалось.

шения, возникшего в результате позднейшей дифференциации и присущего другому диалекту — бзыбскому, где то же слово для обозначения 'живого' (см. выше), resp. 'души', произносится с простым s — a-φsə, а для обозначения 'мертвого' со смягченным s — a-φsə (кстати, это слово φse / φsu, как известно, вскрыто в основе греческого ψυχή 'душа').

Без учета этой стадийности в классификации слов и понятий, в увязке с соответственной общественностью и экономикой отсутствует почва для трактовки каких-либо генетических вопросов.

Так приходится подходить к глаголу 'быть'.

Однако 'быть' существует двух различных категорий. Один глагол 'быть' относится к категории понятий 'иметь', 'владеть', 'быть в чем-либо пользовании' или 'в чьей-либо власти'. С этим находится в связи и обратное построение, когда вместо 'имею' используется выражение 'у меня есть', как в русском, но в языках яфетической системы не чувствуется говорящим 'у меня есть' в таком глагольном образовании со смыслом 'имею' присутствие глагола 'есть', да его, собственно говоря, и нет, ибо имеется в виду не бесцельное присутствие, а присутствие с целевой установкой 'принадлежать кому-либо', 'быть во владении и пользовании определенного актива', сначала собирательного или группового, общего, впоследствии единоличного, частного, и это владение выражается орудием владения, т. е. 'рукой', и, как постепенно разъяснилось,¹ др.-лит. груз. *ბს-ქ-ბ* 'имею' значит собственно не 'у меня есть', а 'у меня рука' (*qu* ← *qup* ↔ *qon*) буквально 'мне [нам, актив] рука то'. Здесь не место усугублять семантическую сторону этого палеонтологически вскрытого положения; она нас поведет также от зам привычного владения личного к первично-коллективному, следовательно, тотему, и тогда речевая техника выражения принадлежности или владения окажется иной, вероятно, и без участия 'руки'. Однако здесь происходит встреча с вопросом о формации местоимения, увязанного генетически с происхождением собственности и ее терминологии.² Сейчас первостепенно важно отметить, что на первичных стадиях развития звуковой речи ни имя, ни, следовательно, глагол не выражал (а в зависимости от наличного тогда мышления и не мог выразить) ничего абсолютного, вне соотношений с окружением, не было представления ни о чем, что не было бы во владении и пользовании коллектива или его производственно-социальных групп (классов), а надстроечно — тотема, пережившего в человечестве все стадии восприятия от диффузного (нерасчлененно коллективно-единого, общего) через коллективность (групповую) до единичности, с соответственными частично групповыми (социально дифференцированными) воплощениями его магических сил, впоследствии отложившихся в классовых (еще позднее абстрактно, грамматически — родовых) показателях имен, как, напр., в абхазском.

Другой глагол 'быть' — это выражение абсолютного бытия, независимого существования, категория, также возникшая на базе соответственной социально-

¹ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаии средиземноморской культуры, ИР, т. I, стр. 99, где толкование тоже материалистическое, но обоснованное с учетом, естественно, и формального момента (не в этом беда), как изолированное явление.

² Н. Я. Марр, Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений [см. здесь, стр. 180—198].

экономической формации, но позднейшей, совершенно независимо от глагола 'быть' → 'иметь' (← 'рука'). Этим глаголом мы сейчас и займемся, но предупредим, что наличный не только сейчас, но часто вообще с письменно-памятных человечеству эпох материал по глаголу 'быть' представляет результат творчества, позднейшего для тех глоттогонических эпох, когда формировалась членораздельная звуковая речь, и потому, напр., вспомогательным глаголом, обычно представляющим глагол 'быть', восходящий к 'владению-руке', может оказаться и глагол 'абсолютно быть'. Дело в том, что вспомогательный глагол явление сравнительно позднее, как и местоимение, более того, есть языки без вспомогательного глагола 'быть', как, напр., берберский.

Для иллюстрации же происхождения формации 'быть абсолютно' достаточно сослаться на грузинский глагол *სიფე-ს* 'существует', 'есть'. Основа его *სიფე*, некогда тотем и название соответственного коллектива, должна была успеть стать выразительницей возникшей впоследствии идеи абсолютного существа, раньше чем произойти от нее глаголу 'существовать'. Эта формация, вспомогательно и не используемая, нами анализируется во французском изложении грузинской грамматики в части так наз. безличных и недостаточных глаголов, на самом деле оказавшихся личными (тотемом, позднее гением того или иного явления) и сохранившимися с морфологиею от эпох, когда у глагола еще не было позднее сложившихся времен и модальностей.

Основа этого глагола — скрещенная (АВ) *სი-ფე* (-v — наращенный вспомогательный глагол); палеонтология вскрывает, что данная основа значила космически-отвлеченно — 'небо', 'солнце', социально — 'тотем' (шаман), 'бог', 'жрец', 'господь' (*Seigneur*) || 'коллектив' с астральным тотемом, 'населенный мир', 'вселенная'.

В зависимости от этих назначений, мы располагаем в грузинском же такими рядами производных от них слов, как, напр.: 1) без звуковой дифференциации — а) *სიფე + v-s* 'он царствует', *sa-sიფე + v-el* 'небесное царство', 'рай';¹ 2) со звуковой дифференциацией — а) *ყაღ* 'господь', 'господин'; б) *სოფელ* (← **soq-bel*) 'населенный мир' ('вселенная', 'страна', 'деревня'). Слово, несомненно, означало и 'город', но у грузин оно вытеснено термином *qalaq*, общим не только с армянским (*qalaq*) и сирийским (*kaḡkā*), но и с чувашским, финским (коми, удм. одноэлементно: *kaḡ*, мар. двухэлементно: *ai-a* / *qala* || *oi-a*), равно и индоевропейскими (русск. «град», «город», арм. *kert*, да и в иранских и т. д.). В значении 'города' *sofel* все-таки переживает в спирантвой разновидности усеченно у римлян *urb-s* (осн. *urb⁶/₁*) и в топонимике (О1 + *bi-a* 'Ольвия', на Кавказе *Or-bel* 'Орбел', местечко у пределов Свании, **Qog-pi* → *Qo-pi* → *Qo-bi* → *Qo-ḡi*² || *Qo-φα* (← **Qo-fal*) 'Хопс', название ряда населенных пунктов, местечек, монастырей, городов на Кавказе).³

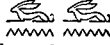
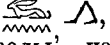

¹ Ср. арм. *arḡay* 'царь', *arḡayudḡwn* 'царство небесное', см. Н. Я. Марр, Армянский термин *arḡay* ['*mag*' || 'жрец' → 'жрец-вождь' || 'жрец-царь' → 'вождь' ||] 'царь'. Прил. к прот. III засед. ОИФ АН, 28 I 1920, стр. 108.

² См. И. А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) яз. с хрестоматиею и словарем, с. v.
³ Ср. Н. Я. Марр, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, Краеведение, 1927, № 1 [ИР, т. I, стр. 231—248]; его же, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 665; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, Учен. зап. Инст. народов Востока, т. I, стр. 8—9.

Вот почему не могу не обратить внимания наших специалистов-египтологов, что когда 'быть', 'существовать' (при значении, однако, и 'находиться') звучит wpt, что служит и вспомогательным глаголом, и, уточненное придатком nfgw (при фонетическом чтении), то же слово является прозвищем Озириса, то, конечно, спора не может быть, что тут речь уже об 'абсолютном бытии', точнее 'бытии вне зависимости от владения кем-либо' — о 'бытии-господстве божества', восходящего, разумеется, к тотему, в частности тотему космического порядка, что явствует и из таких производных с оформлением и без оформления от той же основы терминов, как wnt 'святыня' и его противоположность wn 'грех', 'ошибка' (в словаре по незнакомству с палеонтологией речи специалистом египетского языка расположены в обратном порядке: сначала 'ошибка', потом 'грех'), wnw-t 'меняющееся жречество', 'служба' (в словаре опять-таки в обратном порядке, именно сначала отвлеченное 'служба', потом конкретное 'жречество'), в линии космического восприятия — 'неба + времени', герср. 'солнца' — то же wnw-t 'час', с назначением же 'солнца' в восприятии его 'восхождения', 'появления' связан и глагол wn 'открывать' (ср. wn-ḥr = «wn-ḥr»), 'показываться', 'обнажаться' (в словаре порядок также обратный); что касается, впрочем, значения 'обнажаться', поскольку это относится к 'одежде', к 'покрову', то семантический архетип непосредственно — 'небо', откуда наличие wn в основе дериватного имени и глагола wnḥ = «wnḥ» 1) 'одежда', 'полотно'; 2) 'одеваться', 'покрываться'. Без труда можно было бы, да и следует, сюда привлечь и слово 'правый', понимаемый не физически, в противоположении 'левому', а как 'удачный', 'счастливый', в сочетании wn-шy = «wn-шy» 'правая рука', 'правая сторона', 'справа', как будто имеющая отношение лишь к руке, во всяком случае прежде всего к 'руке', но wn в значении 'правого' в отношении первичности уместен при 'глазе', отсюда wn-m + t 'правый глаз' (m-t 'глаз' ← mr-t 'глаз' у богов), и понятно, поскольку палеонтологически установлено, что анатомические термины как микрокосмические в звуковой речи возникли по их космическим эквивалентам — 'солнцу' (← 'небу'), что, однако, для египетского языка вовсе не требует доказательства, поскольку wn-m + t без палеонтологии значит по-египетски также 'солнце'. И что это не метафорическое создание, а находится в связи с палеонтологически установленной формулой 'глаз' ← косм. 'солнце' (|| 'птица') ← 'небо',¹ находит опять-таки в Египте поддержку в письме, египтологами учитываемом естественно лишь фонетически, но палеонтологически представляющем явно идеографическое изображение того же слова, где налицо в части 'правого' именно 'птица', и 'птица' же повторяется в изображении 'правого' в составе идеограммы 'правая рука' (ср. idem). Идеограмма же глагола 'быть' нам открывает также космичность семантического источника этой речевой формации, ибо хотя волнистые линии, несомненно, обозначают 'воду',² герср. 'движение', и это подтверждается идеограммой таких глаголов,

¹ 'небо', 'крыша храма'.

² Значение 'воды' за волнистой линией (~~~~) обосновывается не только на тождественном использовании его и вне Египта, так в Армении на каменных вышапах, равно на соответственном

с тем же wn в основе, как: 1) $wnwn$ 'двигаться' Δ ; 2) wnu = « wnj » 'торопиться' || 'проходить мимо' || 'переходить' Δ , и, кроме того, такая же связь 'быть' и глаголов движения, именно от 'воды', находит полную параллель с тождеством основы ag для значений обоого порядка в грузинском — $v-ag$ 'я есмь', $v-1-ag-eb-1$ 'хожу', да $v-ag-eb$ 'я лью (воду) на него', но как для этих грузинских глаголов установлены различные источники-призначения, так основная часть идеографического изображения волнистой линии для 'воды' и 'бегущего зайца' для движения переносит нас в космическое представление о 'воде-стихии'. первоначально 'небе', любом из трех или двух в зависимости от мировоззрения эпохи при полисемантизме, и лишь уточнением, требовавшимся при моносемантизме, можно объяснить дополнительные знаки, для палеонтолога речи идеографические определители и тогда, когда их специалисты-египтологи учитывают фонетически, как то было у египтян, — 'небо' при Озирисе (при фонетическом чтении $pnfwn$ 'красивый'), 'светило' при 'часе', Δ 'ноги' при 'движении', 'ходьбе' и т. п., не говоря о других еще более поздних разъяснительных наращениях.

Ясное дело, что новое учение об языке своей палеонтологией заходит за египетский мир, как он ни архаичен своей письменностью для так наз. древнего мира, Востока и Запада. Это, однако, не освобождает уже специалистов-египтологов от долга не только пользоваться египетскими языковыми материалами, как они предлежат в наличном дошедшем до нас состоянии, для иллюстрации яфетидологических положений, но итти глубже и независимее. Впрочем, и в иллюстративной части применения данных египетского языка яфетидолог, не специалист по этому языку, нуждается в помощи для разъяснения ряда конкретных деталей по нашей теме, так именно перед нами вопрос, как оценивать наличие и wm в коптских эквивалентах некоторых из приведенных терминов, напр. $scmncw$ 'час': утрата ли w , $gerp. v$ в начале, т. е. элемент В налицо все-таки, или первичный $wn-$, т. е. элемент С?

использовании его в слонах, восходящих к 'воде', но и на том, что тот же знак используется в словах одного семантического пучка с 'водой' и их дериватов, напр., в 'содействии', происходящем от 'руки'. Особое внимание должно быть обращено на то, что и в словах, связанных с его значением 'вода', находим такие дериваты, кажущиеся несуразными или воспринимаемые вульгарно материалистически, которые для яфетидолога представляют обычное явление, так именно 'дитя', 'семя' (см. под $eg. wn$ 'вода'), поскольку палеонтологией речи установлено, что, с одной стороны, при космическом восприятии 'вода' — 'небо' → 'солнце', с другой — термины рождения, в том числе и 'семя', связаны с восходом солнца, само 'солнце' — 'дитя' (→ 'сын'). Египтолог в словаре на первом месте ставит 'семя', исходя, очевидно, из материального его восприятия как жидкости, $gerp. v$ 'воды'.

Язык и мышление¹

Момент ли сейчас для таких отвлеченных тем, как «язык и мышление»? Эпоха грандиозных предприятий, подъем колхозного строительства с мировой по последствиям значимостью и с разгаром крайнего обострения классовой борьбы, эпоха не созерцательной лишь или назидательной философии, а философии актов и действенных мероприятий раскрепощения народов СССР и аннулирования великодержавностей всякого калибра вопреки всем усилиям и хитросплетениям до издыхания борющихся вредительских разновидностей капиталистического идеализма и национализма, когда кулак и все идеологические его союзники где тихой сапой, а где решительным наступлением на всех фронтах, на идеологическом также, выдвигают против нас нередко, казалось бы, из наших друзей сколоченные фаланги. Борьба так обостряется, что даже самый «мирный» (расіфіке), по свидетельству одного компетентного зарубежного судьи, научный работник, советский ученый, не может не высказать со всей глубиной своего безоговорочного убеждения во всех у нас неделимых разрезах нашего советского мышления, — научно-теоретическом, общественном и политическом, — что быть в такой момент ученому нейтральным, это — самоубийство, преступление.

Товарищи, «язык и мышление» на отрезке моего выступления с темпом уменения минут в тридцать, сорок, хотя бы в час, это — предприятие безумца, собиравшего бурю в сито, когда вопрос трактуется о лингвистических данных, да еще на основе нового учения об языке, мало кому известного или известного преимущественно в до неузнаваемости искаженном освещении враждебных настроений. Да и без усечения доклад (сейчас ограничиваюсь зачтением части, особенно начала и конца) не затрагивает всех сторон. Доклад пришлось сосредоточить на одной стороне проблемы, на мировом охвате процесса созидания языка, также как и мышления, и в связи с этим на установлении обеих категорий, и языка и мышления, в процессе борьбы нарастающих классов с эпохи разрыва с животным миром.

Однако, кто бы взял на себя смелость утверждать, что язык у нас, в Союзе, отвлеченная материя? Что мышление, без чего мы уже не учитываем языка, у нас в эти именно яркие, с беспощадным к себе напряжением сил переживаемые дни социалистического строительства не представляет исключительной ценности? Ведь, наши мысли, наше четкое диалектико-материалистически заостренное мышление, когда удается овладеть им, реализовать на конкретном материале своей специальности, действительное теоретически-научное мышление и делает то, что язык наш приобретает ничем не заменимую значимость одновременно на всех полях брани развертывающейся на наших глазах жестокой классовой борьбы. Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является «мощным рычагом культурного подъема», что он — незаменимое орудие классовой борьбы. Утверждаю с полным сознанием ответственности

¹ [Доклад, прочитанный на чрезвычайной сессии Академии Наук СССР в Москве 26 VI 1931 г. Напечатан отдельной брошюрой, Гос соц.-эк изд., Москва — Ленинград, 1931 г.]

такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым.

Но в наши дни социалистического строительства с направленностью на сознательный коммунизм, с направленностью на единство мирового хозяйства бесклассового общества, с направленностью на перемещение начал нашего мировоззрения с единичных фетишей и мнимодейственных неизменных качеств и свойств на взаимодействие частей целого, в этой целостности находящих определение и в изменчивых взаимоотношениях свою общественную стоимость-значение, если язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества, стройка которого имеет охватить и организовать рассыпанные по всему Союзу, по всему миру производительные трудовые силы, а мышление дает то или иное осмысление, т. е. направление и сознательную технику этому приводному ремню — языку, то, как у станка на фабрике неразумющему нельзя работать без опасности стать жертвой махового колеса, как трактором нельзя пользоваться без соответственной грамотности, так в наше время нельзя целесообразно пользоваться, без явного риска вредить своему делу и помогать враждебному делу, таким мощным и обоюдоострым орудием классовой борьбы, как язык, не овладев его действительной техникой, а не формальной видимостью, не овладев, следовательно, теоретически им, его функциональной сущностью в целом и в частях.

Кто чурается успехов нового учения об языке в завоеванном им историческом анализе мышления, кто упорствует в неохоте видеть степень проникания этого анализа в зачаточное состояние техники мышления, тот лишает себя мощного орудия и в работе на конкретном материале, умышленно обезоруживая себя и на таком отрезке культурного фронта, как антирелигиозная борьба. При таком орудии не приходится вышибать противника из одной позиции с тем, чтобы дать ему возможность занять другую или третью; вооруженный им как бы химически растворяет все какое ни есть обоснование одинаково всякой религии, всех религиозных верований. Вопрос в этой борьбе не в фетишизированных терминах: 'бог', 'святой' и т. п., а в их производственно и общественно возникающих функциях и особенно во взаимоотношениях этих функций. Не то опасно для нашей общественности, что кто-либо произнесет «спасибо» (из «спаси бог»), или хотя бы «слава богу», а то, какое место он отводит фетишизированному и ипостасизированному термину в своем действительном мировоззрении. Ни одному антирелигиознику и воинствующему в голову не придет взять на придел русского человека, когда, страдая от малярийного пароксизма, он говорит: «меня лихорадит», или француза, при жаре говорящего: *il fait chaud* — 'меня жарит' вместо 'мне жарко' и при дожде *il pleut* 'он льет с неба', как у немцев *es regnet* вместо 'дождь идет' и т. п., хотя все эти так называемые безличные глаголы: русский «меня лихорадит», французский *il fait chaud* — 'жарит', французский *il pleut*, немецкий *es regnet* — 'он льет с неба', смущают теперь, как исключительные глаголы, ибо, сообщая о состоянии здоровья или погоды, они оформлены, как действительные, вопреки ожиданию нашего мышления, и это вынуждает составителей схоластических грамматик называть их «безличными», тогда как на деле

лицо это, третье, имеется, но это лицо субъект, «он», «она» или «оно», некогда производственный тотем: у русского глагола «меня лихорадит», это дух немощи, у француза в глаголе *il fait chaud* 'он жарит', это — 'бог-солнце' (*le soleil*), и у французов же в *il pleut*, как у немцев в *es regnet*, 'он (бог-небо) льет воду', это 'бог-небо', это — наследие того действительно первобытного бытия человечества, притом не от одной, а от различных эпох, когда человечество было убеждено (мы теперь скажем: еще верило), что болезни насылают и погоду делают особые духи, божества и другие фетиши. Ведь, новое учение об языке так разъясняет и появление не только бога, но, что важнее, все увязываемые с ним по бытующим пережиточным мировоззрениям отношения реальной нашей жизни.

И в национальных взаимоотношениях народов Союза (а это требует самого глубокого и всестороннего учета) дело не в пренебрежительных, осмеивающих или позорящих ту или другую народность бытовых кличках. Длительность гнета и разгула великодержавностей (не одной русской великодержавности) достигала (а за рубежом и посейчас достигает) такого унижения гонимых или морально снижаемых в их самосознании национальных образований, что ряд народностей отрекается доселе от своих родных наименований; когоры сами по себе абсолютно ничего обидного не представляют, наоборот, это — если не названия известнейших своими культурными вкладами в историю человечества древнейших народов, то всегда представляют прозвища от эпох с мировоззрением или космическим — 'дети неба', 'дети солнца' и т. п., или реже тотемическим из мира растительного или животного и тогда, когда они имеют явное, казалось бы, основание быть истолкованными в нашем обиходе в дурном смысле, напр., 'дети собаки'.

Но нет ни одного народа, предки которого не прошли бы стадию социального развития с тем же осмыслением культовой собакою носимого сейчас им громкого национального названия. В этом порядке выяснилось, что за время от мегалитических древнекаменных эпох до сложения европейского средиземноморского градостроительства с центрами у греков в Афинах и у латинян в Риме, одно и то же слово пережило в сменах своих значений от каменных рыб-великанов, открытых на Гехамских горах в Армении, до Минервы-градостроительницы и до Венеры любви и красоты. И то же слово означало не только две противоположности, 'девственницу', 'мать' ('весталку') и 'торговку своими чарами', но 'собаку', прежде всего различные виды культовой собаки, начиная от космического Кербера, сторожившего перемещенный с Запада вниз — в подземный мир — Ад, до двойника солнечного героя — Амрана на Кавказе, впоследствии при христианстве обращенного в святого Георгия. Впрочем, и реальной собаке не один знаменитый французский рисовальщик и литограф Шарле (Charlet) (1798—1822) имеет основание припести дань уважения, оказанную ей в его остром слове: 'лучшее в человеке это собака' (*ce qu'il y a de mieux dans l'homme c'est le chien*).

И дело не в названиях, как бы они ни казались сейчас обидными, и не в отказе от них. Дело, например, не в том, что украинца кто-либо назовет малороссом. Достижение Октябрьской революции не в том, что «малороссов» уже называют

украинцами, а в том, что взаимоотношения понятий в мировоззрении населения, постепенно захватываемого социалистическим строительством, так перестраиваются, что у советского гражданина для идеологического оправдания оскорбительного смысла не может быть никакой опоры, кроме как в пережиточных воззрениях, а их, повторяю, разъясняет как «истину» вчерашнего дня (т. е. как небылицу для наших дней) новое учение об языке.

Между тем язык, источник познания, совершенно не использован доселе в важнейшей и теоретически и практически области истории бытия, именно в области созидания людским коллективом себя, в области, следовательно, самосозидания.¹

Что же случилось? Октябрьской революцией взорваны замкнутые «миры» и со стройкой Союза советских социалистических республик идет новое языковое строительство. Весь Союз обратился в лабораторию языкотворчества: 169 не существовавших вчера или бесправных языков (по, казалось, расово прирожденной отсталости говорящих на них народов) получают бытие и письменность, идет по ним массовая работа.

Да разве ими не занимались раньше? Вопрос идет не о том, что занимались и с усердием занимались, а о том, каким способом и какой техникой занимались.

Однако большинством не занимались, а на местах и вовсе не могли заниматься. Один пример. Года за три до Октябрьской революции, почти накануне империалистической войны, в «Терской газете»,² во Владикавказе, окруженном очаровательными картинами природы — пейзажами кавказских гор, один тогда еще сравнительно молодой кавказовед, отмечая изумительное невнимание человека к себе, писал под заглавием «Незамечаемые духовные богатства края», — писал в стиле тогдашнего своего мировоззрения: «Они, эти величавые и эффектные красоты, манят более отважных в девственные уголки Кавказа с мало протоптанными тропами. Имеются и учреждения, которые призваны облегчить туристам путешествие и осмотр природных достопримечательностей. Но нет ни одного, если не ошибаюсь, кружка, посвященного гуманитарным достопримечательностям края. Как часто (не хотелось бы сказать: всегда) человек забывает: равнодушно забыта народная психология и многовековая, полная превратностей человеческая история края. Между тем она находит поразительно яркое и никакой тенденциозностью не прикрашенное отражение в быте и речи многочисленных так наз. горских (собственно, как теперь мы сказали бы, загнанных в горы) племен и народностей. В самом городе можно распоряжаться этими данными, иметь под руками неисчерпаемую сокровищницу знаний, живой музей человеческих документов, с которыми не только местный музей, дай ему бог всякого процветания, но ни один в мире музей не может поспорить по богатству материала и глубине их значения. Достаточно остановиться хотя бы на языках, так называемых «горских» языках».

Ныне во Владикавказе восемь исследовательских организаций, имеющих прямое отношение к населению края, как-то: Горский педагогический институт,

¹ Это то, что Энгельс утверждал про труд, работу: «sie [die Arbeit] hat den Menschen selbst geschaffen» (Der Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen, стр. 122).

² № 192, 26 июня 1914 г.

Этнолого-лингвистическое общество, Ингушский научно-исследовательский институт краеведения, Ингушское литературное общество, Ингушский музей краеведения, Осетинский институт краеведения, Осетинский музей краеведения. Работает и ряд выявляющих их продукцию публикаций: мы уже не говорим о прессе на национальных языках.

А, ведь, раньше же занимались? Да еще с каким самоотвержением! Какое громадное наследие оставлено по некоторым языкам даже на этой частице Кавказа, миниатюрном отрезке нашего Союза! Какая честь была оказана осетинскому языку!

Повторяю, вопрос не в том, что занимались, когда в редких случаях все-таки занимались, а как занимались? И ими-то занимались подобно: постольку, поскольку. По-настоящему и всерьез для своего времени занимались двумя-тремя языковыми мирами, да в этих мирах предметом изучения был не весь язык в его сложной целостности, а тонкие слои, выдаваемые за речь всего, предполагалось, однородного по происхождению массива.

Мы говорим об этом знаменательном явлении совершенно академически, без указания уже обнаженных корней и причин такой «чисто-научной» установки исследовательского дела. Получилось то катастрофическое положение, что подлинное академическое теоретическое исследование речи заключало себя в порочный круг, в ряд порочных кругов, без возможности выскочить из них на свежий воздух: эти круги с удушливой атмосферой проветривались через форточки, куда в среду европейских классических и классово-родственных с ними языков едва-едва допускали, как полноправный, также не без борьбы, не освежающий зефир живой речи, а затхлое дыхание еще более древних и древнейших письменно-сохранившихся мертвых языков Малой Азии и Месопотамии.

Весь свет в отношении языка распался на сотни замкнутых мирков, и вот когда Октябрем были взорваны эти миры и мирки, фальшивые перегородки были сметены, как паутина, старое учение об языке оказалось захваченным врасплох: у него не оказалось не только идеологической подготовки для восприятия новых языков в свою исследовательскую лабораторию, но не оказалось, и по сей день нет, даже мало-мальски состоятельного простого списка языков нашего Союза.

А что говорить о своде языков всего мира? Появившийся в наши дни такой свод за визой французского индоевропеиста Мейе (Meillet), профессора Сорбонны, выявил себя убожеством осведомленности о самих языках и верхом индивидуалистического лицепрятия в учете существовавших уже теоретических установок.

Этот труд, появившийся с благословения лингвиста-социолога «мирянина», затмила и качественно и количественно продукция патера Шмидта (W. Schmidt). О степени научного значения да и влияния патера Шмидта на Западе можно себе представить формально по факту, что в юбилейном сборнике (страниц около 1000, in folio), по случаю его 60-летия, приняли участие 76 ученых, учеников и почитателей, лингвистов, историков религии, историков матерьяльной культуры, именуемых этнологами и археологами, и др. на шести европейских языках. Почему же он взял верх? Потому ли только, что его внимание было направлено главным образом на благодарный материал, живые языки отсталых народностей?

Патер Шмидт в упор заявляет, что его идеология, его языковедное построение восходят к духу, который он вогнал в не менее безнадежный тупик из мистических культурных кругов. Или подход патера Шмидта был более правилен, как комплексный, он учитывал не только речь, но и быт, материальную и «духовную» культуры? Подход именуют палеоэтнологическим.

Ни то ни другое, поскольку мы исходим из его метода и общей установки.

Общая установка патера Шмидта определяется кровной заинтересованностью в миссионерской работе Европы в «сколониях», работе слуг церкви, различных ее вероисповеданий; попутно, сознательно или бессознательно, выполняя волю капиталистических стран, находя иногда поддержку на чужбине у тех из них, кто на родине гнал их и лишал их полноправия, миссионеры своим пропагандистским производством обявывались учесть языки всего мира. Они почти за сотню лет до нас успели охватить через свои ячейки учебой и практически необходимой для нее исследовательской работой весь для них колониальный и полуколониальный мир. Чтобы знать, насколько миссионеры всех разновидностей опередили светских лингвистов учетом языков, достаточно сослаться на труд доктора богословия и философии пастора К. Грундемана (K. Grundemann) «Новый атлас всех районов миссионеров [одних] евангелистов [да еще] с особым вниманием [только] к немецким миссиям» (Neuer Missions-Atlas aller evangelischen Missionsgebiete mit besonderer Berücksichtigung der deutschen Missionen), второе, дополненное и исправленное издание, появившееся в 1903 г., после первого издания 1895 г., а это было лишь развитие первого картографического опыта 1861 г. по одним немецким евангелистам. А по другим разновидностям, им же нет числа? А по католикам? Докатимся до propaganda de fide, школы папского престола для проаганды веры.

Тем не менее миссионеры-евангелисты были вынуждены опять-таки своим производством отметить несостоятельность разнообразия построения алфавитов, представляющих транскрипцию на письмо великодержавных стран Европы, и поставить ребром вопрос об едином письме в мировом масштабе. Совсем наши конкуренты!

Вне этого миссионерского круга, если исключить утопические проекты индивидуального порядка, ведь, не осознавали и в этой мере мировой общности людского языка. Подлинные специалисты, служители «науки для науки», не предупреждали: «готовьтесь, с мировым хозяйством нарастает единство языка». Наоборот, они предостерегали против единства языка и в будущем, и в этом смысле резко выступали против самой идеи даже единого искусственного языка, ибо были убеждены в натуральности и, что не лучше, в «психологичности» языка, когда дело идет об его социологичности. Между тем, это единство в существенной и актуальной части, именно смысловой, далеко уже переросло теоретические основы старой лингвистики, способ ее работы на просторе мировой арены людского классово организованного производительного труда.

С взрывом замкнутых миров вскрылись совершенно не использованные исключительные возможности речи, как источника познания и по мышлению. Эти

возможности требуют, однако, учета. Чего? Того, что мышление, как язык, есть явление «становления», и его сущность и техника, а с ними его роль, изменяются в корне по сдвигам. Сдвиги настолько мощны, настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, покинутой стороне, значит 'голова' да 'начало', а на новой, завоеванной, разумеется, борьбой в процессе развития производства и производственных отношений, значит — 'хвост', 'конец'; на одной стороне слово 'огонь', на другой — 'вода', на одной стороне 'день', 'белый', на другой — 'ночь', 'черный', на одной стороне 'верх', на другой — 'низ'. Мир при таких сдвигах переворачивается верхом вниз или, вернее сказать, низом вверх, сбиваясь в пути с одного направления или измерения на другое: 'восточным ветром' называют раньше бывший 'верхним ветром', и 'западным' — раньше бывший 'нижним ветром'. Происходит это и с ярко или четко зримыми предметами: на одной стороне слово означает 'луну', на другой оно понимается как 'солнце'.

Когда же у человечества возникает потребность узнать, как это произошло, то, не зная о происшедших сдвигах, оно в лице своих по времени лучших ученых специалистов по мышлению ставит вопрос, преддрешающий ответ: «из какой страны такое противоположное осмысление привезено?» Или еще лучше: поскольку не осознается существование таких сдвигов, таких общественно значущих пропастей, через которые — теперь каждый советский мальчонка знает — без «скачка» не перешагнуть, — мудрейшие умы старой учебы по оторванности от материальных основ жизни и творческих путей земного бытия, организующих весь людской мир, всю вселенную, — мнят найти решение на покинутой стороне. Они уверены, что его там уже нашли: но, ведь, это стороны не пространства, а времени, это — плоскости, вначале две стороны, нижняя и верхняя, впоследствии различные плоскости времени, т. е. движения, значиг действия и противодействия: часто наблюдаются они совместно, так как возникли в одной плоскости во взаимоотношениях социальных верхов и низов на одном отрезке пространства.

Специалисты старой школы, воспринимая существующее как реальное и всегда существовавшее, ставят вопрос: «что было раньше?» Они не чувт, а принадлежа своим бытием отмирающей общественности, не могут и не хотят, или не хотят и потому не могут чуять, что раньше не было и не могло быть тех же взаимоотношений, ибо не было вовсе тех же функций, не было и потребной техники, брали на глаз, были представления, но не было четких понятий, а когда по уточнении выделились сначала представления и с ними потом стали нарождаться понятия в процессе развития производства и производственных отношений, то в одном и том же обществе с не разрешенными еще непримиримыми противоречиями диаметрально противоположные предметы, соответственно противоположные представления и понятия, обозначались одним и тем же словом,

и это несовершенство речи, идеологическая нечеткость и нерасчлененность, идя в звуковой речи рука об руку с неполной членораздельностью звуков в общественно значимых комплексах звуков, первичных элементах речи, и там, и здесь — и в идеологии, и в ее оформлении — раскалывало среду, создавало диффузное состояние, что получало разрешение не самотеком, а опять-таки от коренных сдвигов в материальном базисе, т. е. производстве и производственных отношениях, и здесь опять-таки не самотеком, а ценой жестокой, беспощадной борьбы в условиях, следовательно, — прошу хорошо запомнить, — соответствующих противоборствующих общественных сил.

Но дело еще сложнее. Новым учением об языке вскрыты противоречия не только двух, но и трех сторон: так, не только, например 'верх' и 'низ', не 'верх', 'низ' и 'под' осознаны были в мышлении и выявлены в речи путем все того же единства противоположностей в историческом применении, и соответственно при космическом мировоззрении наше 'небо' — 'небо солнечное' (также 'облачное') и 'верх', наша 'земля' ('небо растительное') или 'низ', наше 'море' (в мифологии 'преисподняя') или 'под' разъяснились, на указанной стадии развития коллективного мышления людской общественности, как представления, обозначавшиеся одним и тем же словом. И, естественно, люди с прочно установившимися взглядами и представлениями, в том числе и ученые специалисты, о трех космических понятиях — 'неба', 'земли' и 'моря' — в анализе этих слов блуждают, как среди трех сосен. Дело это вовсе не сводится к какой-либо посторонней, чуждой нам группе.

Товарищи, положение гораздо более серьезное: можно позавидовать счастью из нашего бесспорно блестящего по разнообразию теоретических взглядов собрания, который имел бы смелость указать на кого-либо среди нас, свободного от тех умозаключений в вопросе о мышлении, которые являются продуктом научной работы специалистов, путавшихся в трех соснах до действительного оформления марксизма, до диалектического материализма. Однако дело еще сложнее в создаваемых коренными сдвигами базиса изменениях вообще надстроечных категорий, в первую очередь — мышления и языка. Ни место, география с пейзажем, природа сама по себе, хотя бы с ресурсами производства, доселе называемыми по недоразумению и у нас естественными производительными силами, ни время без четкой производством определяемой функции не имеют также, как никогда не имели, никакого значения для развития мышления, людского коллективного мышления, или тем более — базиса, хозяйства, самого производства и форм социальной структуры. И в то же время нет ничего вне времени и вне пространства. И когда человечество дошло до того тупика, что воплощение материальных и духовных потребностей своего реального бытия, бога, стало с отрывом от производства и общественности наделять качествами и свойствами вне времени и вне пространства, то это и является для разумеющих лучшим, неопровержимым доказательством, что бога нет. И не будет его. Но, ведь, он был? Совершенно верно, он был некоторое время, но это была не реальность, а категория ограниченного кругозора, вечного же бога, т. е. бога вне времени, у человечества не потому только не было, что его уже

нет и не будет, и вначале также не было, но и потому, что для вечности требуется время, а о времени человечество долго и долго понятия не имело.

Товарищи, факт, доселе не всем известный, что прошел не один десяток тысячелетий, прошла не одна сотня тысячелетий с тем, что человечество не имело понятия о времени, как об единице меры длительности: слово 'день' воспринималось не как длительность, а как противоположность 'ночи', как противоположность 'мраку'. В буржуазной литературе (на это мне пришлось обратить внимание) появилось в январе текущего года специальное исследование о времени в понимании ранних греков, в том числе и Гомера, и трудно поверить, но факт: профессор Геттингенского университета д-р Герман Френкель (Hermann Fraenkel) нашел удовлетворение в том, что свое понимание времени, хотя бы свое толкование времени в понимании ранних греков, он мог обосновать философию Аристотеля.

В обстановке такого архаического мышления у наших просвещеннейших современников, нужно ли удивляться, как туго прививается вскрытая новым учением об языке по яфетической теории сложная диалектика языка? Если трудно понять диалектику языка, то для архаичного мышления, этого «здорового смысла четырех степеней», по выражению Энгельса, представляется бессмыслицей бесспорный факт, когда на двух концах мира наблюдаются части одного целого лишь со слабой технической разностью в оформлении или по единству противоположностей, или, наоборот, у тесно спаянных узами родства народов — различный подбор материала в словотворчестве.

Почему же трудно усвоить? Потому ли, что у меня длинные фразы в русских работах? Не верьте, товарищи. Во французских статьях моих — фразы короткие. В немецких безукоризненных, — скажу: блестящих, — переводах не чувствуется никакой трудности стиля. Наконец, пробовал я и по-русски излагать короткими фразами. Результат? Тот же самый. Дело и не в нагромождении примеров из различных языков. Пробовал их уменьшить, вот, например, сегодня. Поможет ли? Раньше не помогало. В чем же дело? У меня целый доклад на тему: «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком?» Но там упор лишь на общественное мировоззрение языковеда. Убедился, что и это не помогает. Где же зарыта в этот раз, повидимому, действительно «культовая» собака? Думаю — в тех сдвигах, которые наблюдаются в языках новым учением об языке в самом конкретном речевом материале. Они еще более сложны, чем приведенные мною. Нет возможности перечислить сейчас все достижения яфетической теории в этом отношении, но, например, следующие положения установлены окончательно:

1. Единственного числа раньше не было: и множественное число выработалось из одного с единственным числом оформления, но раньше все-таки — множественность и затем единичность, как ее часть, как ее противоположность.

2. Лиц не было в спряжении: первого и второго. Вы поймете, что, следовательно, не могло быть беседы, т. е. разговорного языка. Если же не было двух первых лиц, то, понятно, третьего лица, как грамматической категории, не могло быть, не было надобности его оформлять (так аорист), а когда надобность

наступила, — это было позднее, — вновь народившееся время (настоящее) оформилось местоимением. А это что за зам? Чье он место замещает? Местоимение замещает имя, но имени, как надстроечного понятия, не было. Оно заменило надстроечный образ, тотем. Это — местоблюститель тотема, замтотем.

3. Вообще не было спряжения и склонения, хотя была звуковая речь, и великолепно понимали друг друга без надобности в такой грамматической обузе, как учение о формах, морфология. Образовательные элементы у спряжения и склонения — одни и те же, но в одном случае они выявляют отношения в пространстве (в склонении), в другом случае — во времени, т. е. в движении, действии (это — спряжение). Итак, долой грамматику? Зачем? Заменить изложением динамики языка, его стройки.

4. С учетом противоположностей понятий движения и стояния, нерасчлененно пребывающих в единстве коллектива, социально-экономической формации, в действии вырабатывающих время (движение) и в противодействии пространство (место, стоянка), на котором наматывается в узловый клубок производство данного коллектива, словотворчество идеологически развивается во времени по стадиям, где функционально названия одних предметов переходят на их смены, зависящие от смены орудий и способов производства. При воздействии накопления мышления на технику, в пространстве — по узловым клубкам производства, в котором каждая осознаваемая часть получает свое название от целого, как его противоположность, в зависимости от развития техники. К стадияльному развитию значений относится, например, смена в транспорте животных передвигания с переходом названия, как-то 'олень' на 'собаку', или 'собаки' на 'лошадь' и т. д.; к узловому — развитие дериватов от стержневого значения наматанного клубка. Словотворчество растет и развивается, с одной стороны, от количественного и качественного роста как базиса, производства и общестственности, так и надстройки. Разнообразие растет в надстройке от качественной разницы мышления городского и сельского населения. Везде прирост получается путем единства противоположностей.

5. Звуки не менялись, изменения смысла, звуковая разновидность была и идеологической разновидностью, и нет ни одного теперь формально учитываемого звукового явления, которое не имело бы функции, идеологически зависящей не от употребления, а от заказа общестственности. Разнообразие звуков, это разнообразие общественной функции, а если без всякого различения смысла один произносит: «гаварит», а другой: «говорит», то это дело уже искусственного подбора по культуре, по традиции, т. е. по упраздняемой классовости, не имеет значения.

Значит, долой реформу письма? Зачем? Реформа по вехам нового учения об языке — не деляческая, а принципиальная, и тут всякое соглашательство есть уклонение от генеральной линии не только теоретической установки, но и производственной и общественной практики, следовательно, на нашем отрезке социалистического строительства.

6. Роды, мужской и женский, равно и члены определительные и неопределенные характеризовали не слова, которые снабжаются соответственными при-

знаками... что сказать, когда вместе с «женщиной» «рука» и «вода» женского рода. А «озеро»? Почему оно среднего рода? Еще лучше: даже «дитя» среднего рода, «судьба» — женского рода. Когда «лошадь» — женского, а «конь» — мужского, «дитя» же среднего рода, то, повторяю, это характеризовало не эти слова, а общественные категории, к каким они относились или были причислены, — различные классы общества; потому во множественном числе, более раннем образовании, их — нет: во множественном числе от женского «лошадь», мужского «конь», среднего «дитя» основные падежи образуются одинаково: именительный — «лошади», «кони», «дети»; родительный, винительный — «лошадей», «детей», «коней»; также и у определительных членов (die в немецком). Там, где они водятся (в греческом), это — вклад местной более поздней работы со вторжением норм единственного числа во множественное. Нормально же в единственном числе их то два, при делении общества на две противоборствующие общественные группы, то — три, при делении более позднем на три группы.

7. Ясное дело, что так называемые новые языки, хотя бы европейские (французский, немецкий, английский), более древни глоттогонически, чем или мертвые классические языки Европы, латинский и греческий, с их склонениями, или живой русский язык.

8. Идеологические смены определяют звуковые изменения, в зависимости от чего в процессе развития языка первичные лингвистические элементы, числом четыре, подвергаются многочисленным изменениям в путях все того же закона противоположностей, доходя в своем развитии до состояния в один звук, гласный или согласный.

9. Наконец, опираясь на печатающуюся в «Известиях» Академии Наук работу «Поворотный пункт в работе по яфетической теории (из результатов научной командировки в Германию)»,¹ где независимо от связи германского мира, в частности Рейнского края, с Кавказом и Черноморьем, бросающейся в глаза «и за средние века как на монументальных памятниках не на одном Ахенском соборе или на мелких изделиях, связывающих с готами», так «на смене мировоззрений, более того христианских верований и их оформления в культе (речь о протестантизме)», для более далеких времен устанавливается, что немецкий язык по недоразумению относят в его древнейших частях к языкам индоевропейской семьи, что все основные особенности, как немецкого, так и готского языка, разъясняются как черты, общие с конкретными кавказскими языками той же, именно яфетической системы, немецкого со сванским, а готского с мегрельским и чанским.

Необходимо обратить внимание для основной части нашего доклада о развитии мышления, что после греков философия, теория познания, получает свое самое глубокое развитие, диалектическое, как идеалистическое, так и материалистическое, в среде, говорящей на немецком языке, — языке более древней системы, чем греческий. Это не случайность.

¹ [Напечатана в ИАН, 1931, стр. 637—682 под названием «Новый поворот в работе по яфетической теории (из результатов научной командировки в Германию)»; перепечатана в ИР, т. I, стр. 312—346].

У басков в Пиренеях на западном конце Европы, 'пшеница' *gar-1*, сменявшая 'ячмень' *garagaŕ*, более древний знак, носит одно и то же название, общее с армянами, *gar-e* \longleftrightarrow *gar-1* 'ячмень', но хлебные знаки появились на смену дубовых плодов 'жолудей', передавших свою функцию сначала 'ячменю'. 'Дуб' (\rightarrow 'жолудь') в Армении и Баскии также носит то же название в более древней разновидности *ar* \swarrow **kar-1*[n]: баскск. *Bi-ar-1-ŕa* 'два дуба' (г. Биарриц), арм. *kağ-[1]ni* 'дуб'.

Бывает так, что и баски, и кавказские народы с языками той же системы имеют разновидности одного такого общего составного слова: так, например, груз. *ğa-me*, баскск. *ga-w* \rightarrow *ga-b*, так паз. скрещенное слово из двух слов-элементов, означающих одинаково 'ночь', но эти же слова в одиночку сохранились в том же значении (*ğa-*, *ŕa-*) на Кавказе у абхазов (абх. *ŕa*), в Приволжье у мордвин-мокша (*ve*).

На севере у финнов 'земля' звучит *ma* (так у коми или зырян). Сейчас мы не входим в обоснование того, почему звучит так это название 'земли', или как то же слово первично означало и 'небо-твердь', а с ним и 'время', 'год' и т. п. Слово известно из клинописи давностью в пять тысяч лет до нас, из языка шумеров в Месопотамии: специалистам буржуазных стран невдомек, как это у шумерского языка оказались бесспорные связи с живым, современным языком центральной Африки — банту, и возник хороший вопрос с дискуссией: можно ли допускать такую длительную состоятельность звуковых законов? А в Туркестане и в Средней Азии, где терминология по водоорошению, также названия рек, в частности Аму-Дарьи, т. е. 'реки Аму', разъяснены как шумерские, и отрезанные от материально производственной базы отдельные звуки (следовательно, академически по-латыни *deus ex machina*, а по-нашему попросту — механистично) с их формально и физиологически установленными закономерностями, разъяснены как пережитки четырех лингвистических элементов, вышедших из трудового процесса и увязывающих язык, как надстройку, с бытием, они разъяснены новым учением о языке, яфетической теорией, и вот ведется дискуссия против этой теории, как «шарлатанской», как «механистической» (!!), а шумеры к смущению специалистов прут памятниками материальной культуры в Индии, яфетическая теория устанавливает факт существования шумеров не только на «гибельном» яфетическом Кавказе, но и на Волге, в Чувашии, и у «хладных скал» Финляндии в суоми, от тех эпох, когда не было ни русских, ни финнов, и карелы говорили самостоятельным языком. Оставим это «старье». Сейчас нам нужно отметить, что по технике языка коми или зырянское *ma* 'земля' должно было звучать первично *maŕ*, и это ископаемое *maŕ* налицо в живом языке берберов, именно кабиллов, опять-таки в Африке, со значением 'страны', 'края', 'пашни', однако в оформлении женского рода *ŕa-maŕ-ŕ* (марокск. также с утратой *r*, но с аканием в скрещении с *zig*: *ŕa-ma+zig-ŕ*) 'страна', как русское слово «земля», нем. «*die Erde*», франц. «*la terre*» и т. д., где только род различается, и мы знаем, почему это так.

Баски 'слезу' называют *maŕa*, но ни баски, ни превосходные спецы баскского языка вам не скажут: «почему»? Не знают, что это составное из двух эле-

ментов слово буквально значит 'вода (gar) глаза (m)'. Оба элемента самостоятельно наблюдаются, каждый как слово, на Кавказе, где есть ряд разновидностей каждого из этих слов, но составное в значении 'слезы' только у басков.

Так же составлено русское слово *śle-za* «слеза», буквально 'вода (*za* ← *sa* ← *sal*) глаза (*śle* ← *sel*)'. Слово *sel* имеет громадную международную поддержку и в значении микрокосмического термина 'глаз' (суоми *silmä*, эрзя *sel-me*, брет. 'видеть' *sell*) и космического 'солнца' (арм. *el* 'восход солнца') и т. д. *Za* ← *sa* 'вода' — обычный усеченный вид *sal* → *dal*, хорошо известного и на Кавказе, выступает как общее слово у русских с финнами в древнейших составных терминах, как племенных названиях, первично производственных тотемах, так в местоимениях и нарицательных именах, как то *Vesы*, дофинское племя, и *Mer-ya*, русское местоимение — *ve-se* → *ves*, суоми *ves* 'вода', откуда и название космической богини воды *Vi-sa* и *Vey-sa*, впоследствии героини феодального романа в Персии и Грузии, как *Isult* ← *Isolde*, арм. [I-]sar+žen-ik, в средневековом романе западной Европы и в более раннем эпосе Армении. Эти явления массовые, такой языковедный анализ вторгается в соседящие области не только литературоведческие, но и материально-культурные и иные. Эти же явления теперь наблюдаются и внутри языков новой системы и Средней Европы, и крайнего европейского Запада. Так, например, известно, что от 'руки' происходит, как орудия борьбы, 'сила', и как способа производства — 'хитрость' (в Грузии *ḡone* у феодалов значило 'хитрость', в народе 'сила'), и посему нем. «Kraft» 'сила' и англ. «craft» 'хитрость' представляют два осмысления одного и того же слова 'рука', с каковым значением их основа *kra*, в первичном виде *kar*, разъясняется языковым материалом грузинским, где от него глагол *m-e-kar-a* 'прикоснулся', армянским (*kar* 'сила' → *har* 'ударил' → *ar* 'взял') и баскским (*aḡ-tu* 'брал', 'взял') и т. д. Или еще: 'плевать' разъясняется на всех языках как действие с 'водой рта': '(низвергнуть) воду рта', но 'рот' и 'лицо' раньше обозначались одним и тем же словом, однако в звуковой речи название членов тела, как микрокосма, появилось позднее, на более ранней стадии имелось в виду 'лицо', образ не человека, а космического тотема 'солнца', 'неба'; и в русском в связи с этим наблюдается, как «небо» со слабым звуковым изменением «нёбо» (*ḡovo*) употребляется в значении 'верха полости рта'; в языках более древней системы слово 'небо', так, например, у грузин *ḡa* без всякого изменения значит и космически 'небо' и микрокосмически 'нёбо'. Потому основа русского глагола «плевать» *va* → *v* 'вода' *ple* 'рта', 'нёба', собственно 'неба', не случайно совпадает с франц. «*pleuv-oir*» 'падать дождю', собственно 'воду с неба низвергать' и т. д. Но этого мало: *ple* все-таки значило 'рот', 'губы', и в первичном виде *pel* (↔ *pil*) у сванов значит 'рот', 'губы' (*pil*), у грузин 'лицо', 'рот' (*pir*). Но раз 'лицо' звучало *pir*, имевшее звучать в соответственной социальной группе *pel*, то так же должно было в этой среде звучать и 'ухо', преемник 'глаза' в осознании и наречении: коми *pel*, удм. *pel* 'ухо' (некогда 'глаз', герср. 'лицо', следовательно, космически 'солнце', 'небо', 'воздух', 'дуновение', откуда удмуртское же *pel-te* 'дует', *pel-la* 'дует', 'заговор шепчет').

Все перечисленные способы и виды нарастания значения получают еще сменны в порядке уточнения в линии перевода первоначального, всегда коллективного смысла на частный, что касается отнюдь не только терминов права собственности, начинающегося также с коллективного права собственности и достигающего личного права в самое последнее время, пройдя разновидности различных групповых видов коллективного права.

Коллективность представлений в свою очередь служит отправным пунктом для скачка от материальной базы в надстроечный мир, ибо такой предмет, например, как 'топор', находясь во владении всего производственного коллектива первобытного общества, воспринимался двояко — и как конкретный предмет 'топор' и как общее понятие 'орудие', и потому одно слово, сигнализовавшее его, обозначало и 'топор', и 'орудие', и в то же время, так как с эпох возникновения коллективного права в звуковом языке принадлежность 'топора' всему обществу выражалась постановкой выразителя его коллектива в целости, т. е. тотема, то тот же звуковой комплекс, присоединявшийся к слову с начала или с конца для характеристики отношения предмета к обществу, его принадлежности коллективу и нахождения в общем пользовании его, переключался на характеристику самого предмета, и от такой придаточной части, присоединялась ли она спереди и становилась префиксом, присоединялась ли сзади и становилась суффиксом, или окончанием, слово, сигнализовавшее предмет, получало все значения, присущие коллективу, именно собирательность (множ. число), общность (собирательное значение) и общее или отвлеченное значение.

К вопросу о мышлении можно было подойти и подходить с заинтересованностью с точки зрения различных научных дисциплин, как в известной степени и к языку, но, поскольку вопрос ставится о происхождении, не может быть отказано в правомочности в первую очередь лингвисту иметь суждение по предмету, более того — быть призванным судьей и по мышлению, как предмету своей специальности и тогда, когда обсуждается мышление с умалчиванием об языке. Отстранение лингвиста от суждения о мышлении, это — наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие тяготеющее над всеми нашими предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел, не только по языку. Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления. В нем существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого идеологического обоснования.

Замалчивание языка при обсуждении происхождения мышления естественный факт, как бы организационный вывод, проистекающий из общей установки старого учения о речи, исключившего после ряда неудачных попыток из круга своей компетенции вообще проблему о происхождении языка. Самая постановка ее в кругу специалистов считалась ненаучной и ненужной, что в свою очередь органически увязано с формальным методом. Метод усматривал у языка объект для исследования лишь в формальной стороне, звучании, но не в идеологии.

В связи с этим в лингвистике существует термин «глоттогония» 'языкотворчество', даже не «логогония», т. е. 'разумотворчество', слово «разум» было предоставлено посредственно или непосредственно богу (по-гречески «логос» — 'слово-разум') или психологии, учению о душе, чем ведал тот же бог.

И лишь опустошенное слово осталось на долю природы, и языкотворчество и история языка были сосредоточены с таким ограничением природными или чувственными факторами лишь в пределах фонетического (звукового) выявления и акустического (слухового) восприятия не только в особом учении (фонетике), но и в морфологии, строившейся на той же фонетике.

К проблеме о мышлении новое учение об языке подходит без колебания, вынуждено подходить к ней без всякой лицемерной осторожности. Вынуждает сила разъяснившихся до своих производственно-общественных корней взаимоотношений языковых фактов. Проблема о мышлении это одна из величайших, если не самая великая теоретическая проблема в мире, именно потому, что его корни находятся не в нем самом и не в природе, а в материальном базисе, как это установлено диалектическим материализмом. И если бесспорно это завоевание марксистской философии, в чем для диалектика-материалиста не может быть никакого сомнения, если это завоевание марксизма вдохнуло совершенно новый дух в самую диалектику, перевернуло ее, стоявшую у идеалистов на голове, и создало единство базиса с надстройкой со сложными взаимоотношениями, то проблема о мышлении, это — проблема о теоретическом закреплении марксистского завоевания, точно также как колхозное строительство есть не только хозяйственно-практическое, но и громадной политической и общественной значимости культурное дело. Это средство коллективного сдвига, революционной смены мышления масс, перехода или скачка на новое мышление, имеющее закрепить завоеванные новым учением об языке позиции и дать ему быстрее продвинуться далее к окончательному решению проблемы.

Почему проблема мышления — одна из величайших, если не самая великая теоретическая проблема в мире?

Потому, что с нею связан скачок в людское общество из животной орды, животной стадности, «стайности», «ройности», словом, всякого зверино-зоологически организованного коллектива, — «стадо» ли это четвероногих, «стая» ли птиц, «рой» пчел или перепончатокрылых насекомых.

Я нарочно употребляю редкое, искусственное русское образование «стайность» (от «стаи») и вовсе непринятую форму «ройность», чтобы облегчить восприятие одного из элементарнейших положений нового учения об языке, именно: сначала в языке появились названия домашних животных и потом соответственно диких, указав на явный каждому и по-русски доступный для наблюдения факт, что при двух разновидностях названия людского коллектива — общество, общественность, для коллектива животных с трудом находим одну разновидность его названия, притом легче, когда речь о «дрессированных» четвероногих и птицах, участниках и участницах того или иного людского производства, труднее, когда речь хотя бы о пчелах, вовлекаемых в людскую хозяйственную организацию, но с их автономным строем, основанным на природных факторах.

Главное же, однако, то, что, как на диких животных переносились названия одомашненных, так на их коллективы перенесены названия людских обществ, примитивных человеческих социально-экономических образований, а общества тех эпох были тотемические, именовались по тотемам, а тотемы означали самые разнообразные, но по стадиям строго определенные значения, в том числе и числовые. Так 'все', 'много' и узловые большие числа — 'три', 'пять', 'десять', 'двадцать', 'сто' входят в первую очередь в круг значений тотема. Основа самого русского слова «общий», именно «об», как и его двойник «соб» («собина», «о-соба») также служили тотемом, причем «соб» на стадии звериного тотема означало до 'лошади' 'собаку', а «об» на стадии космического мировоззрения означало 'небо', отсюда «об» значит и 'верх', 'над', как предлог на вопрос 'о чем', в именах (например, «об огне», «об языке») и 'круг', 'вокруг' в глаголах (например, «обходить» и т. п.). И названия животных коллективов — результат переноса на них тотемных названий людских коллективов; так, например, 'стая' птиц, где *sta+у-*, основа *sta+у-а*, как и «сотня» в значении социального термина, отнюдь не значит 'сто', число 'сотню'. Наоборот, «сотня» (с первичной основой *soteц*) — это скифский тотем, пережиток *skoten*, откуда усеченно *sko-t* не только 'стадо', 'скот', но и 'сокровище', 'деньги' и т. д., с двойником *ska-t* (→ немецким «Schatz»).

Того же происхождения *sta+do* (← *sta+don*) в произношении особой социальной группировки. Эти термины, однако, говорят не только о производстве людского коллектива, с которым они возникли, так в частности *sta+do* о 'скотоводстве', но и о производственных отношениях, в частности, «стадо», как «скот», обе разновидности скифского тотема, с одной стороны бесспорно свидетельствуют о 'скотоводстве', и в связи с этим об их 'номадной', 'кочевой жизни', что свидетельствуется рядом производных от скифского тотема русских глаголов, напр., «ски+г-а+гь-ся», с другой стороны и об оседлой, прямо-таки городской жизни, почему, не говоря о металлической меновой единице, 'золоте', 'скоге', восходящих к разновидностям скифского тотема — *skolot*, *skuða*, само слово «стадо» представляет ту основу, из которой как названия жилой стоянки на соответственной ступени стадийного развития в связи с соответственным производством, выработалось название стоянки городской, так именно нем. «*Sta+d-t*» 'город', и далее *stā+t* (из **star-t*) 'государство'. Мы сейчас не входим в сложные, но совершенно четко разъясняемые взаимоотношения, с одной стороны с латинским языком и романскими в линии градостроительства, с другой — с Кавказом и Малой Азией в линии связей с богиней-градостроительницей, культ которой вскрылся у немцев, в частности германцев. Не усложняем дела анализом разновидностей этого слова в связи с тем, что основа его у романских народов, как и у латинян, означает и 'возраст', т. е. 'время', в частности 'лето', 'зной', 'год', ибо первичное значение 'небо' и при его противоположном значении 'земли', 'стояния' используется как основа глагола «стоять» (*stoy-a+т*, лат. *sta-a+ге* и др.), л. *sta+t-us*, фр. «*état*» 'состояние' и т. п. В немецком же при его перегласовке (е вм. а: «*ste+h-en*») и скреплении с элементом С — прет. «*stan-d*» (см. арм. ~ **skan-g* в *kangneñ* 'поставил' и др.) интерес представляет своей идеологической увязкой опять-таки

с 'небом', 'солнцем' или иной тотемической его заменой «stalt» в основе «die Ge-stal-t» 'видение', 'призрак', 'образ', 'фигура'.

Решение проблемы о мышлении, хотя бы теоретическое, это — социальный творческий подвиг не ученого, а общественности, где она ставится без оговорок и решается принципиально без всякой осторожности. Ни одна осторожность, ни одна ее противоположность — риск, не гарантия снимающего свои предпосылки творческого подвига, революционного акта, ни в теории, ни в практике, как то мы наблюдаем, не созерцая, а активно переживая наше социалистическое строительство, беспощадным колесом своего творчества сметающего все благо-разумные предрассудки пережиточного быта. Новое учение об языке к проблеме о мышлении подходит диалектически, разделяя ее на вопрос более сложный, собственно осложненный нашим уже готовым заранее ложным представлением, вопрос о возникновении людской речи, т. е. мышления + языка, и вопрос о позднейших, в промежутке между нами и возникновением мышления-языка, сменах техники мышления, мало, а вернее совершенно не учитываемых, ибо их несколько, этих смен, протекающих в своей динамике, т. е. творческом движении, от коренных сдвигов в производстве и слагающихся по производству социальных отношений, несколько стадий. Новое учение об языке в первую голову ставит вопрос об этих стадияльных сменах техники мышления и разрешает положительным разъяснением мышление, предшествовавшее логическому, так наз. дологическое, как ряд ступеней со сменой закономерностей и техники. Следовательно, слепой «смазывающий» конкретное положение термин «дологический», так нас многих пленяющий с легкой руки Леви-Брюля (Levy-Bruhl), имеет быть исторически разъясненным в своем обусловленном бытием становлении.

Новое учение об языке по яфетической теории основано в первую голову на закономерности возникновения и развития сначала речи, потом слов, как социальных стоимостей, порождаемых производственными отношениями в процессе их диалектического развития, оформляемых мышлением соответственных стадий и в том же порядке возникших их взаимоотношений, увязок, служебных частиц. Благодаря палеонтологии речи, вскрывшей смену значений слов, этих надстроечных социальных стоимостей, на различных ступенях стадияльного развития, новое учение об языке не выделяет вопроса о происхождении мышления из глоттогонии (языкотворчества), и, ставя проблему о происхождении языка, как основную, тем самым считает первоочередной и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная.

Одна из основных предпосылок правильной постановки проблемы о мышлении, это — признание, более того — осознание того колоссального значения, которое присуще ручной речи, как средству, организующему в производстве, поведении, мировоззрении и, разумеется, в языке вообще.

Ручной язык и с ним вместе ручное мышление давно было наблюдемо. Но где? Как? И с какими последствиями хотя бы для науки? Ручной язык, да и мышление наблюдемо в далеких колониальных странах, у «краснокожих», «чернокожих», «желтолицых» и т. п. представителей не человечества, а отверженного вида созданий, не то животных, не то на рубеже с животными, как то расклассифи-

цировала «колониальный» мир ученая Европа, собственно буржуазный класс Европы, создав для этого так наз. этнологию, весьма сомнительный суррогат социологии, у нас доселе бережно сохраняемую под названием этнографии, как это видно хотя бы из того, что эта наука существует для изучения дикарей и деревенщины и признается неспособной изучать просвещенную часть населения, особенно Европы. Потому-то к вопросу о ручном языке серьезное внимание направлялось лишь специалистами, подходившими к изучению надстроечных явлений со стороны не производства и производственных отношений, не со стороны, следовательно, человеческих, точнее — общечеловеческих достижений, их диалектико-материалистического учета и хотя бы правильного прогноза происхождения (генезиса) в тех же путях, а со стороны животных, наук о животных, именно зоологии и биологии, да и физиологии.

Но, повторяю, нам не по пути, когда «этнологи», антропологи и философы пытаются подойти к решению проблемы с этой стороны, пользуясь до наивности простецким формально-сравнительным методом. Универсальный Аристотель думал познать характер человека путем совершенно произвольного сравнения черт человеческого лица (Züge) с головами животных.

Ручной язык в этой среде представляет для одних занимательный курьез, для других, более пытливых умов — материал для общих разговоров и безответственных высказываний о примитивном мышлении, для кое-кого — лишний довод, что эти отсталые представители «колониальных» народов, действительно, отождествимы с животными. И соответственно драгоценнейший материал ручной речи мало собирается, вернее, вовсе специалистами не собирается, и в учении об языке так же игнорируется в роли строительного материала, как живые языки низового населения, как живые языки угнетаемых малых и не малых народов в самой Европе. Ручной язык игнорируется еще больше.

Естественно, для старой науки об языке ручная речь вовсе и не существует. Между тем, ручная речь и ручное мышление в глоттогоническом (языкотворческом), особенно же логогоническом (мыслетворческом) процессе сыграла громадную роль; за время ее многотысячелетнего существования в мышлении произошли громадные сдвиги, благодаря ей мышление оформилось; за то же время количественного и качественного роста ручной речи человечество пережило не одну ступень стадияльного развития. Является вопиющим с подлинным положением дела расхождением, во вполне натуральным для буржуазной науки, когда самый факт нахождения ручной речи и ручного мышления у колониальных для нее народов рассматривается как доказательство нахождения соответственных коллективов на первобытной ступени развития или как случайный придаток, позднее возникший местами из дополнительных к звуковой речи жестов, исторически, следовательно, не обусловленных бытием. Между тем ручная речь сама по себе есть стандартизованный позднейший вид линейной речи мирового обихода, уступивший место звуковой речи весьма поздно в борьбе, борьбе женской матриархальной организации; это женский язык, лишь постепенно загнанный в отдельные районы в результате антагонизма говоривших на них, противоборствующих сторон социально-экономических образований. Эти изолированные ныне районы

охватывают отнюдь не одни местности с населением так наз. первобытного мышления Африки, Америки и Австралии. В каждом районе они увязаны генетически (по происхождению) с переживающим в той или иной степени прежним бытием того же коллектива.

Недавно стало известно, в связи с освещением вопроса о кинетической или линейной речи в общей установке нового учения о языкотворческом процессе, что ручной язык в ходу на Кавказе у армян Казахского района. Только что получены материалы первых наблюдений, в том числе часть с фотографическими снимками. Наблюдения сделаны не более, не менее, как в Тифлисе, где в процессе подготовки к экспедиции открылось, что ручная речь доселе водится среди женской части армянского и турецкого населения не только Казах, но и Ахалцихского района, здесь и среди грузинок.

В обоих пунктах ее употребление связано с бытом, как в Америке и Австралии, нормирующим отношения женщины к родным по браку: в «колонизальных» странах жена, в связи с культом умершего мужа, обязана не говорить месяцами, а у нас, на Кавказе, невестка в общении со свекровью беседу ведет годами исключительно ручной речью. Само собой понятно, что ныне ручная речь под влиянием мышления, связанного со звуковой речью, имеет напластования. Кроме того, выяснилось, что и в ручной речи наблюдаются диалектические расхождения. Но, судя по сделанным пока в Тифлисе наблюдениям, ручная речь оправдывает палеонтологически добытое новым учением об языке космическое мировоззрение о трех небесах, верхнем — 'солнечном', нижнем — 'земле', и подземном — 'водном'. В то же время особенно ярко выступает ручная сигнализация 'солнца' и 'полнолуния', как двух противоположностей, вышедших из одного образа с помощью тождественного направления рук к верхнему, т. е. нашему 'небу' в позе Оранты, молящегося, но с мимическим различием — с улыбкой на лице для 'солнца', а в связи с ним для 'жизни', 'тепла', 'радости', 'смеха', 'улыбки', без улыбки (с серьезной миной) — для 'луны', а также для 'смерти', 'холода', 'скорби', словом все так, как установило новое учение об языке по яфетической теории. И получаются возможности произвести палеонтологический анализ ручной речи для вскрытия сдвигов в мышлении, обусловленных сдвигами в материальном базисе. Но сейчас наличный материал, этот стандартизованный вид линейной речи, предшествующей звуковой, дает основания констатирования тех схождений и расхождений ручной речи африкано-австрало-американских «колонизальных» районов, чаще животной и растительно-тотемной, и ручного языка Кавказа с космически-астрально-тотемным.

Судя по подготовительной к экспедиции в Казах работе руководителя ее, Ю. Н. Марра, на основании анкетных данных выяснилось значительное распространение ручного языка. Из республики Армении получен список десятка деревень с ручной речью, среди азербайджано-турецкого, айсорского, греческого и, особенно, армянского населения Армении.

В Ахалцихском районе Грузии ручным языком пользуется с грузинской и армянской частью населения и турецкая. В турецкой деревне лет 30 тому назад ручная речь была в обиходе на 75% больше. Тогда невестка говорила

Ручная речь — 'солнце'.

Ручная речь — 'луна'.

ручным языком 10—15 лет, теперь лишь год или два со дня обручения. Особенно искусные собеседницы на ручном языке водятся в персидской части Азербайджана. Востоковедом Крымским, членом Украинской Академии Наук, обнаружен документ, удостоверяющий, что в Персии при шахском дворе слуги обязаны были говорить лишь ручным языком. Тому же украинскому академику (пользуясь сведением из рукописного дневника его путешествия) мы обязаны наблюдением ручной речи у сирийских арабов, причем на его вопрос, что это за штука, уже араб ему ответил *šp̄ ʕšāgādi n-nīṣāu*, т. е. 'из женских сигналов'. И теперь я не ставлю вопроса: правда ли, налчные у шумеров в клинописи *eme-sal*, *eme-gal*, *eme-tenā*, *eme-ku*, особый культовый язык, надо понимать лишь как 'величественный' (*gal*) язык, когда и *gal*, и *sal*, и *ku* могут быть поняты как 'рука' и 'женщина', а, следовательно, космическая стихия ('вода—море', 'земля', 'небо'). Совершенно ясно, что в словарных материалах, называемых *eme-sal* (раз, предполагается, по описке), *eme-gal*, *eme-tenā* мы имеем пережитки древнейшей культовой 'женской' (*sal*, *gal*) или 'ручной' речи и тогда, когда они в письме фиксированы с исключительным вниманием. Будет особо показано, как специалисты по шумерскому от графики, будучи формалистамп, не разобрались в основных значениях самих слов.

Все преимущества звуковой речи перед линейной, ее богатство и точность, связанные с богатством и точностью мышления, — позднейшее достижение, последовавшее по получении ею, звуковой речью, господства, по вытеснению ею ручной речи не только как орудия производства, но и орудия борьбы, в какой борьбе она, звуковая речь, развилась и, переросши ручную речь благодаря своим техническим возможностям, позднее, значительно позднее стала разговорным языком, но опять-таки господствующего слоя. Дотоле линейная речь, ручная, была неизмеримо богаче и точнее, да она была долго и по возникновении звуковой речи единственным разговорным языком, отвечающим всем жизненным потребностям, и потребностям оформления по технике мышления и его накоплений в пределах, в каких при орудии и способе линейной речи, ручной, оно, мышление, имело возможность, осознавая окружение, использовать не руки, а одну правую руку, как свой видимый центр, центр мышления, располагая и в области понятий, как способом их выявления, представлениями, а не понятиями. Без учета всех сдвигов в материальном базисе, производстве и производственных отношениях, а равно роста и развития соответственного мышления... Какого мышления? Да, ведь, мышление имело смены, да не одну до установления формально-логического мышления. У каждой смены своя техника. От каждой смены с ее техникой в мышлении накопления. И, естественно, без их учета со всей этой реальностью, диалектически и материалистически обоснованной, положения и утверждения нового учения об языке представляются бессмысленными. Один пример: у русских «земля», общее слово с персами, вообще с иранцами, но не с Европой: с германцами и романскими народами — ничего общего, нем. «die Erde» 'земля' и фр. «la terre» (лат. «terra»), а у греков $\eta \gamma \eta$ || дор. *gā* (гомер. $\gamma \alpha \lambda \alpha$) ~ *da* ($\zeta \tilde{\alpha}$ ← *ḍal*) для замкнутого мира с ограниченным во времени протяжением какой-либо десятков-другой тысяч лет. А человечество творило еще раньше в продолжение многих сотен тысяч лет,

миллиона три. И при учете всех этих фактов выясняется, как неизбежное положение, что слово «земля», у русских общее с центральной и западной Европой, но в различных закономерных использованиях его, значило 'небо', сначала 'два' и потом 'три неба'; так у немцев 'земля', собственно *zemel-e*, значит 'небо', наше 'небо', звучит оно «*der Himmel*», а у французов (смешно сказать) 'подошва' звучит «*la semelle*». Будет смех над собой до тех пор, пока не уразумеем, что дело здесь даже не в том, что 'подошва' находится *под* говорящим, хотя на известной ступени стадияльного развития такое понимание существовало, а в том, что название обуви и ее частей — от 'ног', а 'ноги', как часть тела, и 'сапог', и все его части — производственно-культовые термины и, как таковые, получившие свое наименование по функции от ног, вместе с ногами, как частями микрокосма, человека, коллективного человека, т. е. социально-экономического образования, — название космоса, мира, причем в создании увязки дело шло от базы к надстройке, от коллектива к небу, а в самой надстройке от космоса шло к частям.

Все это доказывается, как уже разъяснено, не только языковыми, но и материально-культурными документами соответственных эпох, в числе их и глиняным сапогом из ранних погребений. Разъясняется и то, почему у греков 'земля', казалось бы, ничего общего не имеющая (во всяком случае мало общего имеющая) не только с русским «земля», но и с лат. «*terra*» и т. д., но «*terra*» из *ter-sa* в греческом все-таки имеется в значении 'земного', точнее прилаг. от 'суши' — *χερσαί-α*; также разъясняется и то, почему такое же расхождение в названии основного космического тела 'земля' и у грузин с их *mi-ta* и у ближайше сродных с ними мегрелов с их *di-qa*, хотя *di-qa*, в произношении *ʒi-qa* у грузин все-таки существует в значении 'глины'. Но не в этом дело: мегрельское *di-qa* — позднейший вид слова, первично оно звучало **du-qa*, причем означало не только 'землю-твердь', но и 'небо-твердь', 'верхнее солнечное небо', а по небу и 'солнце', 'огонь', что подтверждается соответственными производными словами: так у грузин, напр., *du + ġ-s* 'кипит', но дело еще сложнее, слова когда ипостасизировались и фетишизовались, 'небо', тотем, получило значение 'духа'. На этом дело не остановилось: на еще более поздней ступени стадияльного развития слова не только ипостасизировались, получали *образ*, и когда выросла родовая форма социального строя и предки, а с ними и умершие, стали предметами культа, также и их тени-образы (на языках соответственной древней ступени 'тень' и 'образ' обозначаются одним и тем же словом: груз. *land*). Но и на этом дело не остановилось: ипостасизированные слова стали оприродовываться, восприниматься как животные, 'тений-духов' сменило 'тело-груп' и 'душа' (в языках соответственной поздней ступени стадияльного развития 'тело', 'плоть', 'труп' и его противоположность 'дух', как 'душа', обозначаются одним словом: арм. *andən* 'тело' и 'дух'). И на этом дело не останавливалось: 'душа' стала восприниматься технологически, как 'пар', 'дым', и потому груз. *a-du + ġa* 'кипятив', у армян *tu-ġ* значит 'дым', а у арабов среди семитов *du-qaṅ* 'пар', 'дым', и т. д. (при этом словари предупредительно объясняют, что это 'дым' от 'огня').

Нет ни одной мысли, ни одного слова у человечества, которое не прошло бы через осознание от изменчивого производства и слагающихся с ним соответственно изменчивых производственных отношений.

Меняются не только явления мышления, как явления языка, их функция и содержание, равно значение их, но и закономерности их, и техника. Так нет ни одного представления, ни одного понятия, как нет ни одного слова, которое вошло бы в осознание на этапах возникновения, сложения и дальнейшего развития речи, не пройдя функции производственной значимости, какое бы, казалось, совершенно отвлеченное и общее первично магическое значение оно ни получало.

Нет не только слова, но и ни одного языкового явления, хотя бы из строя речи (морфологии, синтаксиса), или из ее материального выявления, в графике, кинетической линии и звучании, фонетике, нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением, получила бы какую-либо языковую функцию до мышления, носила бы в себе какие-либо с происхождением или оформлением связанные особенности, восходящие к природным и чувственным явлениям, как факторам.

Соответственно насколько понимание предметов вскрывается анализом языковых данных, нереальных без учета мышления, действительность находит выявление в речи не природно-материальной своей стороной, конкретно предметы материальной культуры, пассивные ли они или активные соучастники в производстве, животные транспорта или рабочая сила, выявляются не особенностями, восходящими к их физическим или биологическим свойствам, как факторам, а их производственной или общественной функции в восприятии мышления, также изменчивого и идущего в своих сдвигах не от материалистического восприятия к идеалистическому и не от идеалистического восприятия к материалистическому, а от нерасчлененного материалистическо-идеалистического к расчлененному с уточнением материалистическому, производственно-идеологическому и техническому. Путь уже пройден, но не непосредственно к производству и его технике, а прежде всего к общественности, и через оприродовление социальных явлений, с ними и их названий, как духовных и затем одушевленных животных, и расщеплением на два противоположных мира, в надстройке — ума и красоты, науки с идеологической техникой и искусства с формальной техникой. Греческое искусство, не все, а лишь зрительное, живет доселе и будет еще долго жить, ибо в нем воплощение не только искусства, но и науки, в нем и красота, и ум, но по технике мышления — стандартизованный ум до исчерпания развернутой линейной ручной речи. Наше полное достижение, достижение, заказанное пролетариатом, слияние науки и ее идеологической техники с искусством и его формальной техникой, также единство ума и красоты, но ума пролетарского мышления — диалектико-материалистического. У диалектико-материалистического мышления нет смены, но нет и замыкания, в нем неисчерпаемые возможности сдвигов вширь и вглубь, пространство и время; диалектико-материалистическое мышление переросло линейную речь, с трудом уместается в звуковую и, перерастая звуковую, готовится к лепке, созиданию на конечных достижениях ручного и звукового языка, нового и единого языка, где высшая красота сольется

с высшим развитием ума. Где? Товарищи, только в коммунистическом, бесклассовом обществе.

Мышление в первичном состоянии есть коллективное осознание коллективного производства с коллективным орудием и производственных отношений; язык — коллективное выявление коллективного осознания в оформлении и объеме в зависимости от техники мышления и мировоззрения. Приходится ударять на термин «осознание», который пока в академических словарях отсутствует, между тем именно осознание является водораздельным моментом (по-латыни сказали бы ученые — *discrimen*) между животными и людьми.

Осознание, это — первичный вид научного исследования, первого пути, первого метода, зародыш, из которого выделилась и развилась наука с формальной логикой, бессильная перед проблемой скачка из животного мира в людской и сменяемая новой наукой с диалектико-материалистическим мышлением.

Лингвисту остается подойти к связанному с этой проблемой отрезку времени с тем, что палеонтология речи (по яфетической теории) дает возможность и сейчас утверждать, сосредоточивая внимание опять-таки на развитии мышления, кардинальные в нем смены между формально-логическим мышлением и началом очеловечения нашего животного вида, в этот раз исходя, следовательно, от акта очеловечения, процесс которого за начальную стадию теперь, благодаря палеонтологии речи, уже разгружен и имеет основание еще более быть разгруженным. Впрочем, товарищи, при нашем диалектико-материалистическом подходе, опирающемся на движущиеся силы, а не на стоянки, допустимо ли искать в каком-либо мертвом пункте начало процесса, нарастающего и развивающегося лишь в борьбе, т. е. опять-таки во взаимодействии движущихся сил? Есть ли надобность искать первоначало?

По теории познания вопрос ставится о зачатках гносеологии, т. е. учения о познании, γνῶσις'а, следовательно, не учения об осознании, но даже не четко выраженного 'познания', так как греч. γνῶσις в использовании у греков имело значение пассивное, лишь соучастно-действенное (пассивное, как в политике у «попутчика» партии, а в хозяйстве — лошади, собаки, да и рабыни, раба) значение, да и прямо-таки «страдательное» 'быть познанным', 'узнанным', 'известным', а не только активное, как у русского слова «познание», «познавание».

Однако где зачатки познания? Его находят в Греции, и потому, предполагается, в Европе. А в Индии? А в Китае? Были попытки у наших востоковедов связать философию Индии с «европейской», а философию Китая специально с греческой, опять-таки как с европейской. В общем, однако, Восток доселе экзотика, он предполагается чуждым миром. Не потому ли, что нам чужды пути проникновения в процесс творчества и у себя дома, в Европе, с ее непримиримыми контрастами, ну, хотя бы, между женской (женского рода) Элладой, Грецией с множественными Афинами также женского рода (род. Афин, Ἀθῆναι, Ἀθηναῖον) и средним (среднего рода) Latium'ом, где *oppidum* 'город' среднего рода, но столица Рима 'Рим' в единственном числе женского рода, как и *urbs* 'город' в применении к ней. Рима увязан не с богиней мудрости Минервой, как Афины с Афиной, а с волчицей да с братьями Ромулом и Ремом.

Оставим Индию и Китай в стороне, как оставляет их в стороне, т. е. по существу обходит молчанием, буржуазная Европа с буржуазной Америкой в своих построениях теоретических проблем в мировом масштабе и в их решениях на базе замкнутой Европы или замкнутой ее соперницы Америки. Почему? А потому, что практически так строится в этом старом мире «мировое» хозяйство. А страны с юридическим и математическим мышлением, Месопотамия и Малая Азия с хеттским миром? Разве здесь дело обходилось без философии? Между тем у нас еще в прошлом году (может быть, и ныне полезно) приходилось поучать научных работников и вообще любопытствующих по философии, «что первые греческие философы вроде Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, в поисках первоосновы всего существующего, ставили, несомненно, некоторые теоретическо-познавательные вопросы».¹ Здесь усматривается в «зародыше» постановка гносеологической проблемы.

Это, однако, лишь для того, чтобы поставить вопрос о соотношении между непосредственным восприятием и знанием истинной основы всего существующего, истинного первоначального мира.

Но нам язык и вскрыл решительный ответ на то, откуда появилось это соотношение по представлению первых греческих философов, принимаемое за зародыш. Греческое в утверждениях названных философов лишь оформление их эпохи. Их «зародышная» философия упирается не в какой-нибудь привнос из чуждых стран, а в повсеместную мифологию, в частности миф о мироздании. И палеонтология речи дает совершенно точно датировать гносеологию Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. Она относится к той стадии в развитии мышления, когда в нем было уже выработано умение дифференцированно воспринимать две космических стихии, 'воду' и 'свет', два 'неба', 'водное' и 'солнечное', две стороны одной плоскости — 'верхнюю' наружную, водную, и 'нижнюю' внутреннюю, солнечную, социально — две противоборствующие группы одного мира.

Фалес видит единое первоначало в 'воде' (это 'небо' наружное, впоследствии подземное), а Анаксимандр видел свое первоначало в бесконечном, т. е. во 'времени', значит в движущемся 'небе', 'небе-солнечном', следовательно, 'небе-огне' (это сначала 'небо' внутреннее, впоследствии верхнее). Прямо-таки в огне, противоположности 'воды', первоначало видит Гераклит, но у него выступает уже 'земля-твердь' с ее физикой, позднейший привнос, и отрицание движения. Не надо мне подсказывать, куда надо относить воздух, в котором Анаксимен видел свое первоначало, это также солнечное небо верхнее, что подтверждается и языковым материалом, не только греческим h'a-ēg, но и русск. «воздух», ибо греки и русские не сами создали, а получили эти термины с той пережитой человечеством ступени стадияльного развития, на которой ha- (ha-eg) → a- донесенного до нас греками слова a-ēg значило 'верх', как русск. «воз» — также лишь донесенного русскими до нас слова «воз-дух», а вторые их части -ēg и «дух» означали 'небо-твердь', т. е. 'землю', в каком значении слова эти сохранились в языках более древних систем, именно турецкой и яфетической, у турок — uer

¹ Карев, Теория познания, Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП, 19 февр. 1930 г., № 3, стр. 34

‘земля’, и у яфетидов *di-qa* из **du-qa* ← *du-qa*, как то было разъяснено, ‘земля’, соответственно ‘небо-твердь нижняя’ у мегрелов и чанов или лазов на восточном и южном отрезках Черноморского побережья, где раньше сплошь жили скифы, но у них же слово означало ‘верхнее небо-твердь’, дериват которого м. *doɣ-ia* ↔ *duɣ-ia* ‘курочка’, арм. *doq* ‘молодой голубь’, ‘курочка’, ‘солнечное небо-твердь’, ‘солнце’, откуда действие, связанное с ‘солнцем’, а по солнцу и с ‘огнем’ — ‘кипятить’.

Более обстоятельное прослеживание этого термина в мировом масштабе, в частности у арабов и др., дает четкие подтверждения этой двойственности значения слова.

Однако греческие философы, даже, казалось бы, с зародышами познания общими с мифологиею, нам сигнализируют нахождение человечества на гребне такого высокого развития мышления, когда уже выделено понятие ‘время’ и резко расчленены в осознании представления о ‘воде’ и ‘огне’.

Если мы возьмем греческого философа, следовавшего за тремя древнейшими мыслителями нашего перечня — всем известного Пифагора, то у него уже представление о трех небесах, верхнем с птицами (*τὰ πτερινά*), нижнем земном с продукцией суши (*τὰ χερσαία*) и глубинном небе, что ниже земли с ее растительностью, глубина с морскими или вообще водными животными. Это современно мифологии мироздания, как она изложена у евреев в первой библейской их книге, но в обоих мирах, как еврейском, так и греческом, со внесением позднее возникшего представления о духе, при том «духе бога», который у евреев носится еще лишь над бездной и хаосом, а у Пифагора переселяется из одного тела в другое, собственно из одного космического героя в другого. Впрочем, и в еврейском подлиннике стоит слово не ‘бог’, а ‘боги’ *ʕelōh-īm*; в библейском же тексте, во-вторых, палеонтологически прослеживаются различные на различных стадиях значения, и *ʕelōh* (← *el-loh* = арб. *el* [l]-*loh*^{an}), между прочим, ‘собака’, ‘лошадь’, космически ‘небо’, ‘светила’, и *ha-guah* ‘дух’ (а также вызываемый из загробного мира ‘покойник’, ‘тень мертвого’, потому др.-л. арабск. *tīl*^{an} ‘тень’ и ‘кров’, ‘покров’, ср. евр. *tel* ↔ *tīl* ‘тень’, следовательно, ‘тень-образ’, см. выше) не только переселяется из тела в тело, но с каждым переселением меняет свое содержание и смысл, ибо ‘дух’ при многих перечисленных мною значениях совершенно анахронистичен: понятия тогда о нем не было.

Тот же миф известен в Месопотамии, еще в досемитическом мире шумеров, именно в мире, а не в мирке. Их тотем-название в многочисленных разновидностях с избытком заполняет весь район, выделяемый европейским мышлением как предмет исторического кругозора. Они же субары, кимеры, иберы и т. д. В линию, родственную с перечисленными смысловыми превращениями, постигшими библейского бога в тотемном порядке, введен и философ Пифагор. Он — конечное звено длинной, идущей от Гермеса, цепи героев, помнящее все его деяния преемственно по передаче сменявших друг друга с той же памятью промежуточных звеньев. Нег-те, как известно, представляет разновидность тотема шумеров. Шумеро-пберские связи установлены в обеих частях в парной

разновидности приводимого племенного названия у Кавказа, вообще Передней Азии, с Испаниею. И разновидностью Нег-те и разновидностью su-bar это социально-экономическое образование, проникая и западную, и центральную, и восточную Европу, проходит за ее пределы и на Восток в Азию и далее, и на юг в Африку. В основные разновидности шумерского или кимерского тотема относятся в линии Гермеса с одной стороны на Волге Кер+е-те-t, на Кавказе — св. ġer+ше-θ 'бог', арм. Кар+а-рет, в центре ger+та-п (←ger+та-ап →ger+mā-п) в терминах социальной структуры как «племенной», так и «родовой», отсюда и в терминах родства — исп. her+та-по 'брат', франц. «germain», арм. eġ-baуг (←*her-bar) 'брат', а в нарицательных нем. heu-m («heim») 'у себя', heu+та-t («Hei+та-t») 'родина' и т. д. Для увязки греческой философии с мифологиею существенный интерес представляет тотем шумеров Su-bar, с выросшим впоследствии именовым признаком Su-bar-1. У греков Σύβαρι-ς значило уже 'чудовище'. Этот допротомейдский (доиндоевропейский) тотем пережил в названии источника близ Дельф, места прорицания. Он же в названии реки Σύβαρις, на которой в Ахее был расположен одноименный город. Ахейскими выходцами из этого города, по преданию, был основан в Италии город Σύβαρις, откуда и производят обыкновенно связанных с соответственной философиею образом жизни сибаритов, как название 'бронзы' производят от города Бриндизи. Эллинисты и названия городов, реки и источника разъясняют как привнос хеттов.

Мы не можем сейчас входить глубже в мифологическую надстройку того базиса производства с техникой, нуждавшейся в математических познаниях, и матриархальной общественности, равно самого слоя с этими достижениями, выдвинувшегося в руководство в процессе сложения греческого социально-экономического образования, а не привноса из Египта или иной чужбины. Это все вскрывает палеонтологический анализ по новому учению об языке. Но и «зародышу» философии предшествовало состояние мышления еще менее совершенное.

Палеонтология же речи вскрывает состояние языка, а, следовательно, мышления, когда не было еще полноты выражения мысли, не выражалось действие, т. е. не было глагола, сказуемого, более того — не было субъекта, по схоластической грамматике так называемого подлежащего. Какая же могла быть мысль при отсутствии действия-сказуемого, глагола, и субъекта-подлежащего? Очень просто: действие было, но не в высказывании, во фразе, а в производстве, и субъект был, но не во фразе, а в обществе, но ни это действие, ни этот субъект не выявлялись в речении самостоятельно, не выявлялись ручной речью вне производства и производственных отношений: довольствовались указанием на орудие производства как на действие (трудовой процесс, впоследствии в предложении сказуемое), самостоятельно глагол (часть речи), и на трудящийся коллектив как на субъект (впоследствии в предложении подлежащее, часть речи — существительное). А что же выражалось в речении, тогда лишь в ручной? Объект, но не по четкому представлению нашего мышления, как «дополнение», а как комплекс цели, задачи и продукции (предмета потребления). Цель — обслуживание «производительных» сил природы (впоследствии тотем,

ныне в представлении тех эпох — магических сил), задача — обработка потребного материала и продукция — полученный продукт, объект, он же и следствие.

Здесь-то и нарождается в мышлении восприятие каузальности, причины и следствия, опоры для логического мышления. Но это уже при звуковой речи.

С звуковой речью выслеживание процесса развития мышления осложняется тем, что к этому времени было уже большое накопление в мышлении благодаря ручной речи. Отсутствие же той или иной части в звуковом речении объясняется тем, что ручная речь справлялась с выражением соответственной части предложения — сказуемого, впоследствии особой части речи — глагола. Мышление было уже развито до космического мировоззрения, но в отношении действия не было надобности в особой надстроечной сигнализации, ибо действие и действующее лицо не различались, и то, и другое указывалось соответственным ручным сигналом, когда же действующее лицо, субъект (впоследствии по схоластической грамматике подлежащее, самостоятельно — существительное, часть речи), выделилось в сознании из действия, то действие продолжало обозначаться ручным символом, а действующее лицо было уже надстроечное, это — тотем: он-то и нуждался в сигнализации звуковым знаком, не только потому, что ручным знаком он не выражался четко, но и потому, что тогда этим субъектом, определявшим весь смысл трудового процесса и не подлежавшим в кругу непосвященных огласке, говорившие пользовались как собственным их коллектива орудием производства, средством эксплуатации. Уже нарождалось представление о коллективной собственности. Появилось местоимение. Однако эта категория слов, впоследствии — часть речи, *первая* по времени появления часть речи, замещала не имя существительное (тогда никакого существительного не было), а имя-тотем, надстройку социально-экономического образования, его производства и производственных отношений, сначала категорию производственно-социальную: пока не было этой категории, не было и строя речи, не было синтаксиса. Вообще синтаксис, строй, это само производство, трудовой процесс, и лишь с осознанием, т. е. обращением в надстройку материального базиса, производства и производственных отношений, т. е. выработкой разлученного с базисом тотема, получился синтаксический строй речи, того же производства, но в осознании. Это осознание было и при ручной речи, при ней же и тотем, но синтаксис-строй в звуковой речи получался одной расстановкой слов, сохранявших общественную природу, а потому не нуждавшихся ни в каком оформлении и не имевших его, а тотем, сигнализуемый звучанием, не в пример ручному, давал эксплуатации охват большого коллектива. Борьба шла между коллективом с звуковым тотемом и звуковой речью и коллективом без звуковой речи, с ручным тотемом и ручным языком, пока более мощный коллектив со звуковой речью не взял верх над глухонемыми, говорившими лишь ручным языком, и пока в самом господствующем слое с звуковой речью не получилось расслоение от образования новых производств и не умножились звуковые тотемы, т. е. образовались и в коллективах, владеющих звуковой речью, различные противоборствующие социальные группировки, с введением в них по потребности производства возрастной и половой дифференциации: осложненное производство и потребление создало

в базисе — в процессе более обостренной борьбы — ряд, по осложненной разности техники, производственных отношений, качественно перестроило социальные группировки, а в надстройке перевело на мировоззрение более широкого охвата и сложного склада с более четкой техникой мышления: устанавливаются более резкие взаимоотношения понятий и представлений, где? как? — как в синтаксисе, где они части предложения, так за его пределами, где они — части речи, но под этими функциями отрешенной от всякой реальной жизни надстройки — грамматики — имеется не просто базис, производство и производственные отношения, с орудием и способом производства, но и ряд надстроечных ступеней, начиная с общих понятий, материально или социально наглядно увязанных с ним, базисом.

Нет надобности вести вас далее в глубины палеонтологического анализа, приводящего нас к грани с животным миром, где также налицо производство и как будто производственные отношения, но без всякого осознания. При отсутствии осознания и видимая общность развлечений у живогных с людьми становится призрачной.

Об играх и забавах животных существует значительная литература, также об их материальной культуре, об их мышлении, даже об уме или духе (*l'esprit*) животных. Да и кто мог бы отказать животным вообще (нечего говорить специально о собаке или лошади) во всем хорошо известных действиях и поведении, как актах смысленности и понятливости, часто верхасообразительности? Отказать в этом значило бы самим отказаться от подлинного здравого смысла. Накоплены по этой части богатейшие изумительные факты, но эти факты не сущность или функция мышления, как особо стоящей надстройки. Допускаемое кое-кем такое восприятие, такая оценка — плод формальной постановки наблюдений и тогда, когда они, эти наблюдения, ведутся опытным натуралистами безупречно по всем правилам их науки. Беда лишь в том, что в наблюдения вносятся готовые представления о мышлении, а эти представления не проработаны социологически, они у обществоведов нечетки и несостоятельны. Здесь решающим делом королем выступает здравый смысл иного порядка, здравый смысл четырех стен, навязывая природе свойства общественности и качества с техникой ее продукции. Многочисленные факты изумительной сметливости у животных не сущность или функция мышления, как опосредствованно через производство полученной особой надстройки; это сущность и функция самих действий, определяемых природными факторами. Мышление животных — производственное, без отрыва от вида производства данного вида животных. Животные прикреплены к своему производству сильнее, чем крепостные (*serfs de glèbe*) прикреплялись к земле, ибо скрепы их не общественные, а природные, и в этом производственном мышлении нет накоплений с их динамикой, нет, следовательно, технических возможностей и тяги к смене самого производства. У животных есть материальная культура, весьма разнообразная; в среде животных водятся такие производственники, как плетельщики, мануфактуристы по хлопку, литейщики по воску, фабриканты одежд, строители холмов, инженеры мостов и шоссе, саперы, плотники, архитекторы, артисты, но нет смены орудий и способов производства

из поколения в поколение, нет, следовательно, истории материальной культуры. И нет социальных взаимоотношений по производству, несмотря на то, что, например, «настоящая лошадь», по выражению одного поборника животного ума, «есть эмблема истинного дворянина», а «арабский конь (l'étalon arabe) — рыцарь», и, по его уверению, нельзя, мол, «оспаривать родства между благородным конем и дворянином, настолько сходство полное между этими двумя типами».¹

Раз для нас не подлежащий никакому сомнению факт — животное происхождение людского вида и дальнейшее его усовершенствование не только соматическое, телесного строя и облика, но и в процессе производства возникшего мышления, необходимо преодолеть, а для этого знать все препоны, которые стоят на этом исследовательском пути в отношении перевального момента, именно уразумения того, как людской вид животных со звериной ступени делает скачок на новую, где он сам, людской коллектив, видоизменяет себя и физически, и технически в производстве и производственных отношениях и разъяснить их общими усилиями естествоиспытателей и обществоведов. За водораздельной же межой в животном мире нет осознания и в той доле, без полноты выявления надстроечных категорий, в своей мысли, в какой не осознает еще ни субъекта, ни действия, только путем долгой борьбы, все более усиливающейся, вырабатывает их, осознает в производстве каузальность, причинность и только впоследствии, пройдя ряд коренных сдвигов, смены одних функциональных взаимоотношений, закономерностей, другими, общественность вырабатывает весьма поздно логическое мышление и сообразную систему языкотворчества с формально-технологическим восприятием мира, когда язык-звучание берет верх над мышлением, как уже сложившиеся господствующие классы берут верх над трудящимися, предпосылка стадии, когда формальная логика, достояние классового мышления, вместе с их создавшим классом, смещается диалектико-материалистическим мышлением пролетариата, идеологически-технологическим восприятием мира, где мышление берет верх над языком и имеет еще более брать верх, пока не только система звуковой речи будет сменена в новом бесклассовом обществе, но будет создан единый язык так же и более отличный от звукового, как и чем звуковой отличается от ручного, с новым орудием производства, имеющим сделать все человечество не только с единым мышлением, но с единой речью — хозяином, подчиняющим себе все пространства и все времена.

Какие же тому предпосылки уже наличные, как то успело установить новое учение об языке в условиях тяжелой, казалось бы, непосильной для него, для этой так наз. яфетической теории, — борьбы на два фронта.

Установлен, всегда с иллюстрацией на конкретном языковом материале, монистический процесс языкотворчества: не только различные системы звуковой речи, но и по орудию производства различные языки, ручной язык, звуковой язык, лишь отдельные звенья этого грандиозного монистического процесса творчества речи.

¹ A. Toussenel, *L'esprit des bêtes. Zoologie passionelle. Mammifères en France*, стр. 183.

Ни одно из этих звеньев монистического языкотворчества ни по технике, ни по идеологии, ни в части мышления не является натуральным, богом или природой данным, или созданным из естественных факторов; так наз. народные языки и языки отсталых народов — все они языки масс, экономически загнанных господством новых классовых языков в низы и в горные части в целях эксплуатации или в борьбе отступавших в свободные пустоши необитаемых стран, материков и островов, с целью их разработки и обороны своего производства и своей материальной культуры. Становление языка разговорным, это — демократизация, дошедшая до того, что низовые слои населения стали хранителями лучших и богатейших фондов различных отживших систем речи.

С каждым звеном единого глоттогонического процесса, относящимся к новой стадии развития, темп производства ускоряется. Письменный звуковой язык длится от 5 до 10 тысяч лет, звуковой язык в общем от 50 000 до 500 000 лет и более, ручной стандартизованный язык от миллиона до полутора миллиона лет. Чем глубже и дальше от нас звено, тем больше колебаний в нормах и менее четкости в мышлении и способе высказывания мыслей или языкового общения; с этим фактическим положением рука об руку идет то положение, сигнализируемое языком, что чем ближе к нам звено, тем больше усиливается классовость и классовая борьба в мировом масштабе.

Наше бытие, связанное с развитием материальной культуры и ее техники, идет в том же едином мировом процессе его развития преодолением препятствий как в пространстве, так во времени, в связи с чем развитие мышления, как надстройки производства и производственных отношений, имеющее содействовать все более и более успехам своей базы, на нашем отрезке ее социалистическому строительству, перспективному планированию, требует преодоления в осознании не только пространства, но и времени. Вот почему необходимо изучать прошлое, ибо кто не овладел в своем осознании временем до изначального бытия, не поставил правильного прогноза проблем происхождения, тот не может осуществить долга, лежащего на мышлении: не только догнать, но перегнать производство и тем быть рычагом более быстрых и более совершенных достижений.

В настоящий момент классовой борьбы на идеологическом фронте меня несколько не поражают, как не поражали раньше, ярые нападки на яфетидологию и всякие иные выступления. Меня перестало поражать и равнодушие *некоторых* марксистов и их нахождение (нахождение, следовательно, горсти современных общественников) в одном стане с противниками нового учения об языке. Ничто так эффективно не действует на сдвиг в идеологии, на поворот в мировоззрении, как генетический анализ того орудия, которое служит средством действия в этой надстроечной области и сосудом накопления ее достижений. Разумеется, новое учение об языке, разрабатываемое яфетической теорией, весьма сложное дело, именно потому, что оно не формальное; оно, как то выясняется яфетидологически, требует конкретного выявления марксистского метода на языковом материале, существенной проработки материальной культуры, а также мышления и техники, т. е. философии.

Но, ведь, и борьба-то с буржуазной идеологиею вовсе не так проста и легка. Нужно ли напоминать следующие слова В. И. Ленина из статьи «Наука массам»: «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения»... Без конкретизации и лучшего метода на живом материале специальности, в данном случае языковедной, грозят обратиться в орудия, направленные против прогресса, и организации с безукоризненной целевой установкой, краеведческие, равно музеи, иные исследовательские учреждения, институты, академии. При чем же тут работа над языком, не достаточно ли забросать цитатами из марксистских книг да пофилософствовать? Товарищи, побольше конкретности, поменьше тумана общих суждений. Опять приходится напомнить, как в конспекте книги Лассала «Философия Гераклита Темного из Эфеса» (1915 или 1916 г., Берн), перечислив кратко под рубрикой всю область знания по предметам, Ленин приписал (стр. 314): «вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика», а в перечисленных предметах особо курсивом выделена «(история) языка», да еще прибавлено «NB». Товарищи, побольше конкретности и тогда, когда речь не об языке, а о национальности и национальном языке. Сошлемся лишь на только что вышедший доклад «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык»,¹ где, констатировав тождество отношения к национальной проблеме специалиста по общему учению о языке и политика-революционера, привожу часть его речи — речи т. Сталина, произнесенной им на XVI партсъезде: «...вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе... Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе».

И в связи с этим ставлю вопрос: «а какой это будет язык?» Для теоретика неустрашимый вывод, он вытекает из нового учения об языке, из стихийного ставшего сознательно марксистским. Каков же будет язык, единый язык будущего бесклассового общества, а с ним роль мышления?

За многие сотни тысяч лет, миллиона три, сменились орудия производства стандартизованных языков, при учете мышления качественно четырех языков: ручного языка, победившего комплексный не дифференцированный вантомимимическо-звуковой пиктографический со зрительным мышлением; локализовав мышление в правой руке, ручной язык взял верх и, стандартизованный, охватил весь мир; его сменил звуковой язык в первой стадии своего развития с тотемическим мышлением, космическим и микрокосмическим, развернутым в пределах возможностей ручной речи, на второй стадии — с формальным логическим мышлением, когда оно стало воспринимать мир аналитически, все более и более проникая в технику его построения и утрачивая чувство целого, синтез, со сменой

¹ [Перепечатано в ИР, т. 1, стр. 274].

орудия выявления (всего тела, рук и лица, полости рта и звуков), орудия восприятия (сердца, ушей) и локализации мышления в правой руке (в сердце и, наконец, в голове).

На всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво, но, будучи также одинаково с языком коллективно, мышление с языком расходится техникой, качеством, количественным охватом своей службы. Язык в действии обслуживает лишь актуальный коллектив, притом в различных пределах в зависимости от технических слуховых или зрительных средств распространения речи, тогда как для мышления физических пределов нет, пределы же замыкания — временны, поскольку они и во времени и в пространстве отодвигаются или совершенно снимаются с расширением и углублением опытных знаний. Язык подвержен воздействию окружения непосредственно или при посредстве слуховой передачи лишь в современности, а в прошлом, как и в будущем, его отношения реализуются только письмом, с определенной стадии закабалившим живой язык, а мышление, не имея иных способов выявления, как язык или его замена, не имеет, кроме пределов своих знаний, никаких препон для общения со всем миром и прошлым, и будущим: мышление, действуя как надстройка базиса, творило в ней, надстройке, собственно лепило то, чего никто не постигал, материально лепило мифы, зачатки мировоззрения и эпоса. Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления. У языка, как звучания, имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мозговую локализацию, но все это формально, особенно звукопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукцией мышления. Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы. И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата, в борьбе выковывающего бесклассовое общество и содействующего дальнейшей четкой выработке уточненного восприятия мира. Развита им, мышлением, техника — сотрудница в перестройке всего мира. Мышление с техникой и подчинят всю вселенную беспрекословно человечеству, как единственному разумеющему хозяину, вышедшему из производственного труда, им пересозданному из животного в человека, и в осознанном слиянии с ним имеющему взломать новыми знаниями замыкания во времени и пространстве и творить бесконечно и беспредельно.

Выводы? Кому их извлечь для практики, да и для дальнейшего развития самой теории? Теоретику ли? Это дело такого собрания, как настоящее, где общественность регулирует производственное направление мысли; требуется взаимное оплодотворение.

Практические выводы? Не говоря о политехнизме, присущем учению об языке в новой установке, с теорией выросла возможность единственно в наших условиях приемлемого решения таких жизнью поставленных проблем, как про-

блема письма, создания нового и реформ, проблема производственного и литературного языка, проблема национальных языков и общесоюзного языка, проблема русского языка и письма, проблема типового учебника языка — пособия к выявлению и укреплению общих черт в языках, проблема усвоения иностранных языков.

Но о выводах и способах их использовать в практическом применении можно говорить лишь тогда, когда новое учение об языке по яфетической теории будет понято и принято. Тогда и о реформах тех или иных письмен можно вести деловые конкретные суждения лишь как о вехах, ведущих к единству письма. По теме же непосредственно у меня один вывод.

Каждое звено смещает радикально общую установку, перерабатывая по ней, чем ближе к нам, тем глубже, все частности, используя достижения предшествующих стадий и вызывая к свободному развертыванию и те теоретические достижения, что в условиях прежнего бытия осуждены были заглохнуть и сохранились лишь в памятниках материальной и надстроечной культуры, и открывает чем далее, тем более, необъятное поприще для беспредельно свободного исследования и творчества, перестройки мира. Это чувствуем прогнозом и переживаем именно в условиях нашего бытия и в условиях социалистического строительства.

Академии Наук СССР предстоит на этом отрезке новая слава, имеющая затмить пережитую ею мировую известность. Индивидуальные работы старых академиков и теперь никак нельзя умалять, но достижения Академии Наук имеют неизмеримо возрасти, когда результаты работ входящих в ее состав исключительных мастеров (каждый — мастер своего дела и в обладании материалами своей специальности) вместе с новыми силами, влившимися и вливающимися в их среду, — направят без замедления по новому пути единым со всеми союзными национальными организациями методом и пустят их коллективно в массы. Через массы в практике проверенное и оплодотворенное наше производство и наше мышление, советское мышление, социалистической перестройкой всего нашего Союза имеет перестроить на пролетарское мышление весь противостоящий нам мир внутри и за пределами Союза.

Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории¹

(К увязке языкознания с историей материальной культуры)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Dies diem docet, в свободном переводе 'с каждым днем мы учимся чему-то новому'. Этого, однако, мало сказать, чтобы определить темп современной жизни в нашем Союзе. Этого мало не в меньшей степени для характеристики темпа быстроты и движения яфетической теории. Давно ли читал я своим сородичам, грузинам, в Париже доклад ქართულ ენის კულტურული შუბლი ენობ-მეცნიერების მსკჯვით 'Культурный фронт грузинской нации с точки зрения науки об языке', появившийся только теперь в печати в журнале Мნადობ-1 (Тифлис, 1925, №№ 4 и 5). Между тем не только в момент чтения, года два-три тому назад, но и в момент отсылки рукописи в редакцию журнала, месяца два-три тому назад, я и не представлял себе, какие уточнения и даже поправки вносят в мои утверждения приволжские языковые материалы, чисто яфетические чувашские и неразрывно связанные с чувашским приволжские языки финской трансформации, да и сами финские языки, отнюдь не исключая суоми. Ни плодов земных, ни рыб речных не понять бы словарно без того северного мира, не понять именно того, почему называют их так, а не иначе на Кавказе, почему у грузин *mag-ikv-1* ← др.-л. *mag-iku* 'земляника' (|| чан. *mag-ǵ-1*), а *kalmaǵ* 'форель'. Оказалось совершенно не случайным, что окающее у зырян *ши* (из *шиг* ↔ *шог*) 'страна', 'край', в разрезе космических представлений ('земля' || 'небо' и 'небо' || 'год') являющееся двойником клинописного у шумеров и др. *ши* 'год', и акающее у финнов-суоми *таа* (из *таг*) 'земля' имеют прямое отношение к *mag-* грузинского *mag-ikv-1* и к *шог* ↔ *шиг* чанского *mag-ǵ-1*, буквально означающих 'землянику', как в русском, в связи с 'землей'. Так же не случайно созвучие финского *kal-*а 'рыба' с *kal-* грузинского *kalmaǵ* 'форель', оказавшегося скрещенным словом.

Естественно, мог ли я знать, что основу *gal*, восходящую к *kal*, глагола *gal-oba* 'петь' (специально о церковной песне), мне нечего было крутить в том докладе, теперь напечатанном в Мнადობ'е, чтобы разъяснить ее в том же в конце концов смысле. Что это салское, в архетипе скалское племенное слово, конечно, связанное с колхами и т. д., это мы знаем, но могло ли в голову прийти, что ключ к конкретному пониманию термина нам может дать чувашская основа *kal-* 'говорить' и ее многочисленные разновидности то фонетические, то семантические, в числе их и 'пение' или 'игра' на инструменте? Попутно вспоминаю, что в армянском *asogǵ* значит не только 'говорящий', но и 'певец' (ср. прозвище

¹ [Издано Кавказским историко-археологическим институтом Академии Наук СССР на средства, отпущенные Закомнаркомом к празднованию двухсотлетнего юбилея Академии Наук СССР. Ленинград, 1926.]

историка Stepanos'a: Asoğ-ik), а у грузин mğega означало и 'петь', и 'играть'. Понятно, и эта основа (kal → gal) — племенное слово, салское. Она выразительница, следовательно, и тотема соответственного племени. В таких условиях мало, конечно, сказать dies diem docet. Не раз приходится убеждаться, что hoga hoga docet, т. е. мы учимся с каждым часом. Однако учет такого быстрого учения наступает не с такой быстротой: иногда приходится ждать сотню-другую лет. Ведь, «научное» признание насекомоядного растения, как известно, последовало сто лет спустя после указания научным работником самого факта, так и не признававшегося целый век в силу «научных» убеждений.

За это время, пока судьба, вследствие отсутствия специальных шрифтов в типографиях Тифлиса, настоящую статью бросала из Ленинграда в Тифлис, а из Тифлиса в Ленинград, чтобы, если не к сроку, дням празднования двухсотлетия Академии Наук, в составе юбилейного выпуска Известий Кавказского историко-археологического института, то вообще, хотя бы в хвосте, отдельно быть вальпечатанной, сделаны мною другие работы, уже напечатанные или сданные в печать, которые надо иметь в виду, особенно: а) к множественности происхождения значений слов (стр. 144) — «О полигении семантики ('брат' и 'кровь')» (ИАН, 1926, стр. 781—786), б) к месту о названии рыбы (стр. 146) — «Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'» (ИАН, 1926, стр. 385—397), в) к месту о различных видах сал-ионского названия 'реки', в гqm числе -ууг (стр. 147): 1) «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий» (ИАН, 1926, стр. 694 сл.), 2) «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории» (ИАН, 1926, стр. 327).

Ленинград.
15 марта 1926.

Было время, и не так уже давно, когда можно было говорить лишь как о сказке об яфетических построениях с лошадью. Мы делали ставку на 'лошадь', на термин «конь». «Конь нас вывезет, яфетический конь», говорили мы тогда, да и не раз, наружно шутливым, в глубине души трагически взволнованным тоном, не успевая по слабости сил поспеть за яфетическими конями: их оказалось так много, доисторических племенных коней.

За одним, этрусским, нам пришлось гнаться с классической латинской земли из Рима на запад, и когда его нагнали было, он сгинул в реку Секвану-Сену. На Западе все так просто, начинается все из Рима и кончается романской культурой, собственно верховою французской, конкретно Парижем, что на Сене. Даже кельты (а кельтским лошадям есть что порассказать) не особенно тревожат не сказку уже, а научный сон блаженно дремлющих у латинского источника мнимо живой творческой воды, однородной создательницы не только цивилизации классовой, ее культурного быта, но, можно думать, и быта, также культурного, массово- или низово-народного быта, во всяком случае — ряда разнообразных языков романских, часто ничего общего не имеющих в своих глубоко народных корнях друг с другом, тем более — с римской речью. Не так-то просто на Востоке, на северном Востоке. Второй раз попробовал я погнаться за этрусской лошадью, мы въехали в русское приволье, где оказались прекрасно устроившимися и турки, со средневековья, и финны, с доисторических эпох (как глубокоуважаемый Таллгрен (Tallgren) любезно подсказывает, с железного века). Мы тоже, быть может, с испугу перед миражем излюбленных в ученом кругу экзотических начал в генетических вопросах вздумали было русских с собствен-

ной природной племенной «лошади» пересадить на ту же «лошадь», с оговоркой, что она скифами выезжена и скифского убранства, — русские, ведь, народ пеший, потерпит, мол, — языковая наука признала их «безлошадными»; да вот возьми и та же этруская «лошадь», уже бесспорно кавказской территориально-племенной масти, проскочила через все турецко-славянское средостение и увлекла нас в самую гущу вогульского народа, и не успели оглянуться, как и здесь этруская, она же расенская «лошадь» сгнула в великую реку Rha, она же Волга. Погнались мы за ионским «конем», но не успели и до Волги доехать, как он провалился в реку, впрочем, не в одну, а в ряд рек, на одном причерноморском юге — Дануб || Дунай, Танаис || Дон, все реки с названием в значении и 'воды-реки', но и 'коня', все лошадные реки, как и лошадь-река Кавказского Причерноморья, которую греки в переводе на свой язык величали 'ἵππος, т. е. просто 'лошадью'. Спасибо грекам за буквальный перевод. Осмотрели более, казалось, надежную иберскую племенную 'лошадь', иберскую или шумерскую, в погоне и за ней в первую очередь на Восток, все тот же северный Восток, до чувашской страны и до вотяцкой, и прежде чем успели выследить ее по наезженным ею странам еще севернее и еще восточнее, она, шумерская или иберская 'лошадь', потекла рекой, величественной рекой Камой, по древнеяфетически — *Камалой || *Комалой, и от нее еще более величественной рекой Волгой прямо-таки в Хвалынское море. Но это все было, при всей казавшейся сказочности в пределах поля нашего зрения, в плоскости одного и того же лошадного периода жизни, различных эпох лошадной культуры и ее культа в различных племенных образованиях. Но человечество не с лошадью же начинало свое существование, ни даже племенные свои образования? Как проныкнуть за период 'лошадью'? Мы знаем теперь, что 'лошадь' означала в доисторические времена и 'птицу', но 'птица' семантически связана с 'небом', и заменить 'лошадь' на земле в человеческом быту и материальной обстановке доистории, конечно, не могла 'птица'. Как выйти из затруднения? И вот и здесь нас вывезет 'лошадь', яфетическая 'лошадь', увлекая в самую начальную глубину времен, очевидно, их сменой. Как!? Опять сменой одной племенной лошади другою? Нет, не беда, если сама лошадь запросит, чтобы при удалении в глубь времен ее сменили другие, такие же, как она, четвероногие твари в смысле тождества функции.

Чтобы 'лошадь' поставить в конкретные условия места и времени, найти ей природную материальную обстановку, нам безусловно необходимо выйти из области чисто звуковых и отвлеченно словарных соображений, из пределов формально-сравнительной грамматики, при которой никак нельзя расстаться при разъяснении слов, означающих 'лошадь', с закодированным кругом 'коней' или 'лошадей'.

В то же время формально-сравнительная грамматика оказалась бессильной учесть полностью даже фактический материал каждого из кругов верховых животных или животных передвижения, не исключая и конского круга, а перед 'слоном', начиная с греч. ἑλέφας (род. ἑλέφαντος), она становилась в тупик.

Более решителен был ученый с интересом к вещам не менее, чем к словам. Так, материальная реальность диктовала Шрадеру (Schradер) здравые мысли,

перед которыми он робел как словесник. Шрадер мало того что признал отсутствие собственного названия для 'слона', он пошел было дальше в намечении источника, откуда у индоевропейцев названия царя зверей, что обстоит также неблагоприятно. Однако тридцать-сорок лет тому назад, когда по теме всплывает у этого исследователя с непосредственным интересом к вопросу о происхождении названий животных светлая мысль, тут же она безвозвратно погасает, не то из страха перед ясно перед ним выступающей проблемой, не то из-за убожества техники. В названии 'льва' индусы и европейские индоевропейцы расходятся. Шрадер посвящает все свое внимание общераспространенному средиземноморскому названию льва в двух основных разновидностях. Дело идет конкретно о термине «лев», греч. λέων — λέωντος. Это двуязычные термины в составе всегда расенского названия, в первой части спирантизованно (lā → la- || lo- ↔ lu- || leh- → le- → li- или lu- ~ li-), а во второй части или берского (-bog → -bu ~ -biy → -bi, -vo ~ -vu, -m), или салского (-ō ← -ou из -og ~ -ont, -ауна из *-ag-па). Самое наглядное и полное слово — баскск. leh + oup 'лев'. Лат. leo, leo-nis лишь диалектическая разновидность греч. λέωντος. Мы таким образом знаем, что это древнее доисторическое, яфетическое слово, общее хамитам. семитам и протемеидам (так наз. «индоевропейцам»). У семитов слово представлено и одним племенным словом акающим, спирантизованно — основой ʕat (евр. ʕatī, сир. ʕaḡā), точной закономерной акающей разновидностью окающего ont, собственно ont ↔ unt, сохранившегося у армян в виде әnt (✓ *unt ~ int) в значении 'барса'.

Этого, пожалуй, мало. Европейские слова — скрещенные, не исключая и баскского, но до скрещения употреблялись самостоятельно в том же и сродном значении и рошское (эт-рус-ское) и салское племенные слова.

а) Этрусское племенное слово имеем в разновидностях les || гиш: первая, давшая разложением «e || i» в «ау» выработаться мнимому трехсогласному корню у семитов по сбытовавшемуся у них шаблону, налицо в арабск. laus 'лев', евр. lauš, иудео-арам. lauš-а, вторая с разложением «u» в «ew || iw» и подъемом ш в ʃ, в армянском ʃ, помимо защиты начального г гласным а-,¹ налицо в арм. древнелитературн. a-rewi || a-ḡiwī, вулгарном арм. a-ḡuūt. Окающая разновидность этого же племенного слова с тем же значением существовала, несомненно, и в западной Европе, где она сохранилась спирантизованно в скрещении с g, по всей видимости пережитком ионского племенного слова gin, в целом *gi-gin¹ в значении 'льва', откуда лат. gū + g-ю 'рычу как лев', л. gūgītus 'рыкание льва' (← *giḡ + gi-it-us), франц. «gugir» 'реветь' (о льве). Очевидно, сюда примыкает и русск. «рыкать» (осн. «ры + ка», ср. «ру + ка» и «рыба» ✓ gi-ba, все одинаково от рошского племенного слова gi ← *giḡ ~ giuḡ), не говоря о том, что шумерский язык ту же окающую разновидность сохранил в чистом виде, без всякого скрещения, в слове lū² (← *luḡ ~ *luḡ) 'лев'.

б) Салская племенная часть употреблялась самостоятельно у шумеров, в виде ug, однако, чаще с определением maḡ 'великий', 'большой', так как ug зна-

¹ Армянский не терпит начального г, и все-таки у нас возникает подозрение, что «а-» здесь пережиток салского племенного слова.

² См. Delitzsch, Sumerisches Glossar, s. v. pirig.

чло 'собака', являясь двойником баскск. *og* ← *hog* 'собака', следовательно шум. *ug*-*mağ* 'большая собака'. Однако в шумерском *ug* появляется скрещено с утратой *g* в виде \bar{u} (← *уу*) и даже *u*, как в баскск. *ug* 'вода' (в составе *u-dagara* 'выдра'), причем у шумеров от второй части скрещения, по всей видимости ионского племенного слова *gop* (или иной огласовки — *gip, gap* и т. п.), налицо лишь *g*: $\acute{u}g \rightarrow ug$ 'лев'.

С другой стороны, Месопотамия нам сохранила термин 'лев', также скрещенный, и с берским племенным словом в составе, как в египетском, коптском, еврейском, грузинском и германском, но в шумерском в виде *rig*+1 — на первом месте и в скрещении с тем же ионским пережиточным *g*: *rig*+1-*g*.

Однако вопрос сложный, когда дело касается доистории. Лев у шумеров, следовательно, — 'большая собака', но там, где не было 'льва' или где название 'льва' было обеспечено иным словом, 'льва' заменял 'волк', т. е. 'волк' — 'большая собака', как 'лиса' — 'малая собака'. Вот почему по отпадении подразумеваемого прилагательного 'малый', 'собака' груз. *ḍaḡl* (\searrow **zaḡ*'a'l) у семитов в виде *šūḏal* в евр. и т. п. обозначало 'лису', а в виде *šafal* 'льва', в последнем случае с отпадением, следовательно, прилагательного 'большой'. Конечно, сюда относится и русское «шакал» (здесь, быть может, с отпадением определения 'малый'), равно как акающая форма племенного слова *goš*, эквивалент шумерского *lū* 'лев', именно абх. *la* 'собака' (отсюда у русских глагол «лаять», букв. 'собачить'), первая составная часть чанск. *la-k* 'собака', чанск., арм. *lakot* 'щенок', в грузинском с эканием *le-ku* (новогр. *le-ky*) 'щенок'.

Также и в Европе: из двух названий 'льва', рош-берского и рош-ионского скрещенных слов, первое, у германцев означавшее 'льва', у римлян использовано в латинском в значении 'волка', а второе, в западной Европе означавшее 'льва' (см. выше *rug*-), у греков в виде $\lambda\acute{\upsilon}\chi\omicron\varsigma$ (архетип основы *lu-ko[n]*) означало 'волк', а индоевропейцы, не имея ни малейшего представления о действительной палеонтологии речи, даже не чуяли, что действуют в порядке насилия над словами, отождествляя рош-берское и рош-ионское слова *lupus*, $\lambda\acute{\upsilon}\chi\omicron\varsigma$ с бер-ионским «вол-къ» (сюда же и бер-берское «Wol-f»), при отсутствии задерживающих центров (семантики, палеонтологии), скатываясь по наклонной плоскости путем применения одной формальной фонетики.

Следуя, повидимому, за мифологическим представлением о 'боге-солнце' и его символе 'льве' и т. п., в свою очередь семитологи со словами, обозначающими 'лев', путают слова, означающие 'солнце', 'день', 'свет' и т. д., между тем в таких случаях мы имеем лишь созвучия от использования одних и тех же племенных слов в различных семантических разрезах, в одном разрезе со значением 'солнце', герср. 'день', 'свет', в другом разрезе — со значением 'лев' и т. п., так, напр., шум. $\bar{u}g$ ← *ug* 'день', герср. 'солнце', 'свет', также имеет свою семантическую родню по линии значений 'небо' || 'вода' или 'вода' ~ 'свет', и это документируется не менее богатым материалом. Конечно, мифология использовала этот мир словарных встреч, и потому-то для анализа мифов яфетическая палеонтология речи дает не раз и не два раза ключ, но нам, лингвистам, надо быть здесь не менее на страже, когда речь о генетической связи слов,

против мифологических навождений, чем против одного голого сравнительного метода индоевропейцев.

Материал для обоснования здесь лишь намеченной палеонтологии обсуждаемого термина громадный, в том числе очень интересен у приволжских яфетидов и части турок аг в составе чувашского аг-әсл + ап (← ∞ *аг-әсл + ап) 'лев', осм.-тур. аг-слан → а-слан 'лев', термин, спора не может быть, скрещенный (ср. стр. 129—133).

Слова, означающие 'собаку', чаще простые одноплеменные, как, напр., ионские — кап- (лат. «cap-is»), шип (армянск.), салск. ḡaḡl (груз.) и др., и двухплеменные, напр., «со + ба-ка» (русск.), qo-ḡa-k (тур.), κύων (греч.) и др.; первые два трехплеменные сал-бер-ионские, если -ка → -к учитывать не как функциональные элементы. Но семантическая палеонтология одинакова и у простых, и у скрещенных, почему, напр., двойник греч. κύων 'собака' у вотяков или удмуртов означает 'волка', звуча здесь kī-on, а двойник шум. riḡ + i-g 'лев' у черемисов или мари означает 'волка', звуча здесь «пир-ы», причем на севере, в частности у тех же черемисов, основа riḡ, в усеченном виде ri (черем. и др.) и в скрещенном ri-p, значит и 'собаку'.

Тот факт, что одно слово означало, следовательно, 'собаку', 'лису', 'волка' и 'льва', притом 'собаку', по всей видимости, раньше, чем даже царя зверей, не в обиду будь ему сказано, перед нами ставит вопрос о том, не зовутся ли дикие звери по домашним, и даже, повидимому, решает его положительно. К этой частной проблеме во всяком случае приходится подходить с того общего положения, что звуковая речь началась с хозяйственно-общественного осознания и хозяйственной общественной оценки предметов, с чем неразрывно связан и культ. И в этом отношении 'собака' и близкая к нему физически волчья порода в обществности и ее мировоззрениях оставили больше следов, чем лев. Мы не останавливаемся сейчас на 'собаке', как животном передвижения.

Что же пишет Шрадер (стр. 362—363)?

«В Европе все названия льва сперва кажутся, как я сам также принимал раньше, покоящимися на заимствованном из греческого λέων. Последнее производили из семитических названий зверя — евр. lēbī, labīy, ег. labi, копт. laboi. Однако при ближайшем рассмотрении это восприятие встречается с большими звуковыми затруднениями. Ни общеславянск. lъvu не может восходить к верхнегерм. lewo, ни его самого вместе с замечательным верхнегерм. louwo нельзя объяснить из латинского leo, да и это латинское слово нисколько не разъяснено в своем отношении к греч. λέων (ср. leon-em: λέωντα, λέαντα из *λεανja). При этом, повидимому, получается основание для того, чтобы в европейских названиях льва при многократном заимствовании признать на первичном родстве покоящееся ядро. Реально не является необоснованной мысль, что у европейских индогерманцев могло появиться первично родственное (urverwandter) название льва. Во всяком случае лев. некогда распространенный по палеонтологическим признакам почти по всей Европе (ср. Lubbock, Die vorgeschichtliche Zeit, II, 5), в общем исчез еще в неолитический период, напр., в фауне швейцарских свайных построек. Тем не менее, по совершенно ясным и нелегко

оспариваемым сведениям Геродота (VII, 125) и Аристотеля (Hist. anim. D 28) один вид льва держался во Фракии и прилежащих краях до исторических времен, так что ничто не препятствует принять, что индогерманцы познакомились со львом в Европе и выучились, как его называть. *Впрочем, разве кто мог бы в этих вещах надеяться продвинуться дальше взвешивания возможностей*.¹

Между тем племенные слова, лежащие в основе термина, рошское, берское и салское, ставят все дело в иной плоскости, на которой прометеиды («индо-европейцы») являются лишь хранителями, как египтяне и евреи, различных яфетических названий льва, менявшихся по племенам.

Эта робость, как беспомощность техники, неизбежные детища системы, построенной на песке, на ограниченном качественно материале. Достаточно заглянуть в чисто лингвистическую сводную работу по слову 'слон'.

Термин, имеющий в значении 'слоновой кости' древность свидетельства Гомера, Гезиода и Пиндара, а в значении 'слона' — Геродота (III, 114), вместе с л. ebur 'слоновая кость' признаны заимствованными (Voisacq), откуда — это не указывается, а предлагается сравнить с ег. āb, ābu и коптск. ebu, ebw 'слон', 'слоновая кость'. Учесть соотношения этих сближаемых слов не удавалось. Хорошо, что вслед за Шрадером (RL, 180 сл.) признали невозможным начальный слог el- греческого слова производить от арабского определенного члена al-! Г. Остроф (Osthoff) в Etymologische Parerga [I Teil. Leipzig, 1901, 281 сл. (bibl.)] в этом el- искал, — как увидим, вполне основательно, — «индоевропейское» *el-, но когда далее, исходя из его долевого значения 'рог' (см. под слов. ἑλαφος, ἑλλός), ἐλ-έφαντ хотят, хотя с вопросом, понять в смысле 'соединен ebur', то не остается ничего, как развести руками.

Палеонтология речи, конечно, в этом отношении дает более обнадеживающие перспективы, не давая замыкаться в круг одного рода и тем самым расширяя базу сравнения материалами различных семантических кругов. Так, если возьмем греческий вызывающий недоумение термин ἐλέφας, то палеонтология сразу вскрывает его составность, именно не менее двуплеменной — сал-берскую, причем салская часть начальная в экающей спирантной форме el (имеется она и в окающей форме ol- в старофранц. ol-i-фант 'слон'), а берская часть конечная, в акающей форме с перебоем плавного г по норме шипящих групп в -s || -nt — -fas || -фант, в архетипе, значит, *bag, но вот остается средняя часть, одна огласовка «е», которую легко бы отнести как именное окончание к первой части el+e или как префикс ко второй части e-fas || e-фант, в архетипе *e-fag, но все это было бы без учета палеонтологии, вскрывшей, что префикс, также как и суффикс, есть пережиток слова, естественно племенного слова; и, действительно, в последнее время выяснилось, что префиксы e- || i-, напр., в племенных названиях i-tal, hi-spaan || e-spaan — не только спирантные разновидности сибилантных префиксов si- || ше-, но остатки племенных названий или ионского, или салского, или даже ресского (т. е. этрусского, расенского или рошского), разумеется, уже с утратой начального г, поскольку ближайшие их архе-

¹ Курсив мой. Н. М

типы в последнем случае — ге- || ги-. Точное отождествление племенного слова, правильный выбор из трех возможностей зависит уже от расширения сравнительного материала и дальнейшей работы над ним, но сейчас мы хотели бы лишь закрепить факт, что гласные -е || -и внутри греч. еl-е-φας || ст.-фр. оl-и-фант не простой характер того или иного обрамляющего его слова, а огласовка третьего самостоятельного слова, среднего в составном термине, и так как ему в немец. «Elfenbein» 'слоновая кость', первично также 'слон', соответствует fen, т. е. племенное слово, обычно определяемое как ионское, во всяком случае связанное с племенными названиями «вены», «финны» и т. п., дальше сейчас не будем уточнять, ибо иногда возникает спор между ионским и берским племенами в притязаниях на ven.

Пока нам достаточно знать, что еl-е-φας || еl-е-фант трехплеменное слово; двуплеменным же оно останется и в том случае, если мы отстраним начальное племенное слово (салское) еl- || оl-, т. е. оставим лишь двугласный комплекс е-φας || е-фант || и-фант, и вот это двуплеменное слово, в архетипе *е-вар || *и-вар, первоначально самостоятельно означало и 'слона', и 'слоновую кость'. Это подтверждается, между прочим, и тем, что с одной стороны санскр. i-bhah 'слон' своей основой воспроизводит архетип скрестившегося в греч. ἑλέφας двуплеменного е+φας || е-фант, именно *е-вар || *и-вар, с другой стороны лат. e-bur на яфетической почве лишь закономерная разновидность этой именно части греч. еl+е-φας || еl+е-фант- с отличием лишь огласовки последнего, именно берского племенного слова: при акании греческого φας || фант, восходящего к архетипу *вар (с оканием в лат. -bur), в целом *е-вар, в греч. е-φας || е-фант, в лат. дает e-bur, что в свою очередь есть архетип копт. ebu, ebw 'слон', 'слоновая кость', с утратой плавного исхода, как то наблюдаем и в египетском его эквиваленте āb, ābi 'слон', 'слоновая кость'.

Однако дело на этом не останавливается: благодаря палеонтологической раскопке не только двуплеменные слова лат. e-bur, оно же архетип коптского e-bu, равно *е-вар, архетип греческого е-φας || е-фант, и *а-вар, в целом архетип ег. ā-bu, но и одну чисто берскую основу с огласовкой «i» — φil персидский язык с армянским сохранили в значении 'слона' (отсюда и араб. fīl^{am}),¹ и вот это одноплеменное слово в грузинском налицо в двух видах: 1) в простом от более древней стадии развития с окончанием -о, собственно пережитком племенного слова ионского (hon) или салского (hor) — г. pī-о 'слон' и 2) в осложненном третьим племенным словом с утратой огласовки в виде одного свистящего s- — s+pī-о 'слон', причем и без конечного -о двуплеменное s-pī- некогда означало 'слона', так его спирантный эквивалент kpīl → kbīl в грузинском обычное слово со значением 'зуб' (в мегрельском и чанском с полногласием kbīr id. из *kubīr, при морфологической огласовке, *kubīr при доморфологической племенной огласовке ~ ↘ *zubur), а, как известно, 'зуб' и 'слон', герс. 'слоновая кость', обозначались одним и тем же словом, как мы то видим и в семитических языках, именно в евр. шеп 'зуб', 'слоновая кость'.

¹ Не осложняя изложения разновидностями более древними из Месопотамии.

На деталях отождествления $sp1 \searrow *sv1$ с одной стороны и с другой — термина «слон», представляющего стянутую форму *vm.* «*сылон», сохраненного чувашским в виде *səl-an*, я сейчас останавливаться не буду. Племенной материал все тот же, здесь сугубо-скрещенный, именно двуплеменной *sp1* и добавочно ионский племенной элемент — *-an* || *-on*. Однако последовательность, принятая семитологами в нарождении этих значений, совершенно обратна тому, что вскрывает палеонтология речи с своим положением от общего или целого к части, а не наоборот. 'Слоновая кость' это доленое использование, как, впрочем, и 'зуб', слова со значением 'слон', *resp.* какого-либо иного животного.

'Зуб' у слона, однако, имелся его отличительный, как у кабана 'клык', — именно 'хобот'. Само русское слово *čo-bot*, индоевропейцами правильно отождествляемое со словом «хвост» (впрочем, совершенно отвлеченно-формально вне ведения его составности и вне учета разности источников того или иного семантического закрепления) дает нам возможность утверждать о существовании этого слова со значением 'слон'. Приняв во внимание последовательное окаменение, в составных частях термина мы имеем салское (*čo* ← *čog*) и берское (*bot* из *boč*, в разложении *bost*, на низшей ступени *boš*, *resp.* *bos*) племенные слова, т. е. эквивалент л. *e-bur* 'слоновая кость' и вошедшего в состав греческого трехплеменного слова *e-φας* || *e-φαντ-*, означавшего 'слон'. Такое же основание имеем мы, исходя из греческого *πρῶσσις*, т. е. основы *prōbos-ki* 'хобот', утверждать, что существовало, конечно, не на греческом языке, а на одном из доисторических языков Средиземноморья, следовательно, яфетическом языке, такое слово в значении 'слон'. И, действительно, что представляет собою этот термин с точки зрения яфетического языкознания? Двуплеменное слово берское *boč*, с повторением берского племенного слова *rog* → *boč*, то с перемещением гласного как в *A+ro-dita* и т. п., то с сибилантом *s* *vm.* плавного *g*, как в *e-φας*, т. е. *prōbos*, с придатком *-ki*, пережитком или *kin* || *kid* ионского или, вернее, салского племенного слова *kič*, *resp.* *kič* ~ *kid*, в общем в архетипе **rog+rog-kid* → **rog-rog-ki*. И если мы это же скрещение двух племенных слов возьмем, что вполне закономерно, в обратном порядке их расположения **ki-rog-rog*, или еще архаичнее с повторением скрещения **ki+rog-ki+rog*, то получим тот фактически выявляемый архетип, к которому восходит без удвоения копт. *ebc*, *ebw* (*εβου*, *εβω*), равно л. *ebug*. При таком положении дела, чем отличается принятое индоевропейцами толкование *πρῶσσις* от так наз. народного, когда термин, бесспорно, как *ἐλέφας* — допротомейдский («доиндоевропейский»), догреческий, а объясняют его из средств греческого языка в смысле орудия для доставания пищи — *moyen de fournir la nourriture* (*πρῶσσις*)? Ведь, это все тот же прием, напр., абхазов производить все слова родной речи из абхазского! Не говоря о том, что, расширяя свое знакомство с семантическими функциями того же звукового комплекса, индоевропейцы при их утверждении, формально безусловно правильном, о тождестве «хобота» с «хвостом», вынуждены будут и возникновение слова «хвост» связывать с его функцией доставать пищу. Эти побочные встречи 'слон', в частности 'хобота', с другими членами тела имеют совершенно иные источники возникновения; в частности,

и тожество 'слона', герр. 'слоновой кости', с 'зубом' требует более реально-генетического разъяснения, но сейчас я остановлюсь на том, что *προβοσκίς* значит также соответствующую часть мухи (*trompe de mouche*, Boisacq, s. v. по Аристотелю), да 'два длинных клеща каракатицы (*seiche* = *sèche*, *Tintefische*)'. Собственно ни муха, ни каракатица тут не при чем: яфет. *proboskis* значило 'хобот' как часть 'слона', называвшегося этим же словом, и яфетическое *pro-bos-ki* значило 'клещи' не только 'каракатицы', но и 'рака', называвшегося тем же словом. Мы только-что восстанавливали **ki-rog* → **ki-bog* в значении 'слона', как архетип копт. εβου, εβυ 'слон', 'слоновая кость', и л. *ebur* 'слоновая кость', но *ki-bog*, да и (с утратой плавного, как в коптском, даже в египетском) *ki-bo* значит по-грузински 'рак': 'рак' обозначается усеченным видом *ki-bo* самостоятельно, а полный вид *ki-bog* появляется в том же значении в сочетании с *ḡqal* — *ki-bog-ḡqal* 'рак', *ḡqal* же значит 'вода', точно *ki-bog* первично означало существо не 'водяное', и затем термин был перенесен на 'водяное существо', конечно, более видное первоначально, чем 'рак' или 'каракатица'. Тут рак сам по себе также не при чем, как и каракатица. Как выходит, совпадения слов для 'хобота' и 'клещей' не так легко учесть, и во всяком случае антинаучно разъяснять их доморощенными средствами анахронистического восприятия, средствами ограниченных перспектив языкового мышления того или иного района.

Но вот здесь у нас получается возможность, более того, необходимость, перескочить в другие семантические круги или в круги других верховых животных, заменяющих 'слона'.

Дело в том, что г. *spil-*, равно его спирантный эквивалент *kbił*, представляются в начальном согласном явным пережитком племенного слова без огласовки (*s- ~ k-*), сохраняемой у яфетидов Черноморья, мегрелов и чанов, в их *ki-big* 'зуб' из **ku-big* ← **ku-bug*, и от него-то в латинском, египетском и коптском осталась лишь одна огласовка (егип. а-, лат. и коптск. е-), но есть ряд языков, где та же начальная племенная основа сохраняет и коренной согласный, сибилантный или спирантный (*s ~ k*) и огласовку (*a || e*), в целом, следовательно то *sa-*, то *ka-* → *ga-*, то *ki-* из *ku-*, причем вторая, берская, часть имеет огласовку акающую, как в греческом термине *-φας*, или экающую, как И-бер-ия; таковы баск. *sa-mal-gi* и *samal-* 'лошадь' (*sa-mal-dun* 'всадник'), ром.-лат. *ka-bal* 'лошадь' (франц. *cheval*), равно греч. и лат. *ka-mel* 'верблюд' вместе с семитическим еврейск. *gā-māl*, араб. *ga-mīl ~ ḡa-mīl*. Кстати, когда термин в значении 'верблюда' производят от семитов, то это глубочайшее недоразумение, поскольку семиты лишь унаследовали термин от яфетидов, в речи которых, только и находит он палеонтологическое разъяснение.

И в лошадном семантическом кругу 'лошадь' также выражается одним племенным словом, берским, именно *val* по-вотски или удмуртски значит 'лошадь', без всякой придачи иного племенного слова с начала или с конца. То же самое мы наблюдаем с ионским племенным словом, если даже откажемся пока от признания его в пережитке в виде одной огласовки «е», на который притязают и салское и ресское (рошское) племя, это в трехплеменном *eł-e-φας* и в двухплеменном *e-bug* или в группе согласного с огласовкой иной — *sa- || ka-*

и т. д., оно все-таки налично в полном виде, это ионское слово; оно одно самостоятельно означало 'лошадь' в форме как с оканьем в многочисленных разновидностях — don- ~ kon-e (→ gon-), на низшей ступени hon-e || hup-e и т. д., так с эканьем — hen- (арм.) и др.

То же самое было и у басков с начальным племенным словом ἔλ-ἑ-φας 'слон', именно el-, так как его сибилантный эквивалент sal- означал в этой простой форме 'лошадь', отсюда sal-dup 'всадник'. Так-то 'лошадь' по-баскски сейчас двуплеменное, именно сал-ионское слово — sal-dī, причем вторая ионская часть -dī с утратой исходного носового n, пережиток слова dup, находящаяся в таком же звуковом соотношении с don 'лошадь', как do || dup в лат. суффиксах do вм. *don-dup в magn+tu-do и р. magn+tu-dup-is, и на Востоке это — dī ← dī (|| *dī, resp. *dō → *ḡo ↔ *ḡu) \ ḡo самостоятельно означает 'лошадь': его более древняя аффрикатная разновидность dī — обычное у армян слово для обозначения 'лошади', как у абхазов а-ḡḡ.

На Западе, вне яфетической среды, даже очень краткие односложные слова — уже протемеидские («индоевропейские») — со значением 'лошадь' — составные, представляют в своей краткости лишь их позднейшее усечение, так, напр., бретонск. eb 'лошадь', восходящее к одной из двух разновидностей без-усечения: или к e-rop (кельтск. e-rop-a 'лошадь'), или к *e-rog → *e-rog, знакомому уже нам в разновидности e-bug со значением 'слоновая кость', первоначально, как мы видели, 'слон'. Что кельтским языкам берское племенное слово не было чуждо в значении 'лошади', мы сейчас увидим на случаях также составных кельтских терминов mag-k'g¹ 'лошадь', raga+vedus и др. Потому-то мы очень колеблемся в вопросе, принять ли обычное толкование кельтистами кельтского термина «Erogedo-gix» 'король оруженосцев', собственно при «gix» 'король оруженосец' — erogedo-, т. е. признать ли в нем два термина ero 'лошадь' и gedo 'лошадь', как делают кельтисты (но тогда где 'оруженосец'?), или лишь e-rog+e есть двойник *e-rog 'слон', откуда л. e-bug 'слоновая кость' и коптск. ebu, ebw 'слон', 'слоновая кость', тогда как -do из того же ионского архетипа -don, разновидности баскского суффикса -dup, требует толкования как форматив для образования 'владельца', 'выезжающего', отсюда 'конеvod', 'оруженосец'. Таково же положение с термином eroge-dias, вин. мн. по Плинию¹ «bopos equorum domitores», где, именно в основе Eroredi или Eroredia — dī ← dia ← *dip-a иначе как 'выезжающий' трудно понять, и для 'лошади' остается e-rog-e.

Таким образом, ни кельтское geda 'четырёхколесная повозка' галльского происхождения с ирл. gad 'колесо' (deriad 'телега о двух колесах'), ни ирландск. gad 'бег' сюда не относятся.

Во всяком случае такой же вопрос об архетипе ставится и решается в пользу берского племенного слова греческим ἵππος, основа которого huppo (с озвончением спиранта *ḡuppo) двуплеменная ион-берская — hup и po (из rog), причем при слиянии носовой исход ионского слова по ассимиляции с губным m в *huppo

¹ Plin., 123, см. Dottin, La langue gauloise, 1920, стр. 256.

потерпел обычный яфетический подъем в р, дав индоевропейцам головоломную загадку.¹

Однако и на Западе производные, как установила теперь яфетическая палеонтология, всегда от имен глаголы, помогают приподнять завесу с иной более архаичной картины, именно с факта использования одноплеменных слов для обозначения 'лошади'. Эти заведомо производные глаголы в кругу индоевропейцев значатся *Lallwörter* или звукоподражательными, ибо речь идет о глаголе 'ржать', и когда в таком значении появляется фр. «hennir» || лат. «hinnire», то это значит, что *hen* || *hin* не только на Востоке у армян означало 'лошадь' (арм. *heyn-ḡ*, р. *hin+ḡ*), но и на Западе (отсюда и л. «hinnus» 'мул', греч. ἵππος *id.*, собственно 'молодой мул', равно *ἄν-ος* 'осел',² и вошло в виде *hin* → *hir* (через **him*) в состав двуплеменного ион-берского скрещенного слова ἵππος 'лошадь'.

Как и в других случаях, скрещенные из двух племенных слов термины могли располагать составные части в зависимости от среды в любом порядке: так, берское племенное слово могло занять первое место, и ионское или салское следовать, как то имеем в г. *mer-an* (сюда же русск. *mer-in*) или с сохранением начального спиранта в подъеме к кельтск. *μάρχαν* вин. 'лошадь' (Pausanias, X, 19, 11) с ирл. *mar-e*, галльск. «*mar-ch*», брет. «*mar-s'h*». Ионское племенное название на втором месте в кельтском бывает, однако, также в племенном термине 'лошадь' и сибилантное, как в баскском *-di*, но в виде пережитка *d*, так в свидетельствуемом Фестом³ *vered-us* 'лошадь упряжки' (*cheval d'attelage*), на самом деле вообще 'лошадь', как то мы видим на значении его немецкой разновидности «*Pferd*», с которым, однако, по недоразумению отождествляют галльск. *gorwydd* 'скакун' (*coursier*), 'конь'; в последнем ионского племенного слова вовсе нет, а берское занимает второе место (*-wydd*). *Veredus*, собственно основа *ver+e-d*, представляет бер-ионское скрещение, в котором берское племенное слово *ver+e* занимает первое место, а ионское *d'on¹~d'in¹*, собственно его пережиток *d*, — второе. Когда же к *veredus* прибавляется в начале еще берское племенное слово *raḡa*, и составной термин *raḡa-vered+us* значит, как то видно из кодекса Юстиниана,⁴ 'cheval de trait', 'лошадь тяги', как бы 'грузовая', то это составное слово исторических времен из *raḡa* уже в значении 'повозки' → 'колеса' (если не 'тяги', 'груза') и *veredus* 'лошадь',⁵ и с ним никаким образом нельзя отождествлять из одного созвучия франц. «*palefroi*» 'парадная лошадь', 'дамская лошадь', в котором первая часть *pale-* значит нечто совершенно иное. Это слово требует специальной трактовки с его западноевропейской родней, не только ит. *palafreno* 'благородная лошадь', 'верховая', ит. *palafreniere*, исп. *palafrenero*, франц. *palefrenier* 'конюх', 'стремянной', а равно франц. *frein* 'узда' и т. п., но и *paladin* 'рыцарь', 'богатырь', производимым и лингвистами в порядке народной этимологии от *palatium* 'дворец'!

¹ Два р в термине могут, однако, быть такой же природы на яфетической почве, как в лат. *o-rriid-um*, т. е. удвоенном для сохранения глухоты губного звука и т. п.

² К армянск. «еуш»слово отношения, как то допускают индоевропейцы, не имеет никакого.

³ Festus, 379.

⁴ XII, 51, 2.

⁵ В общем как бы в значении, аналогичном с фр. *bête de somme*.

Семантические дериваты термина и на Востоке вскрывают более широко архаичное состояние речи, именно простое одноплеменное берское слово в использовании для обозначения 'лошади' и за пределами Приволжья; так в грузинском мы имеем *фа-фаг* в значении 'гривы': это с удвоением доленое использование берского термина в том именно виде, в каком восстанавливается ближайший архетип *fas* || *fant* в составе греческого *ἑλέφας*, т. е. *фаг*. Так еще в турецк. *уал* значит 'грива', это опять *pars pro toto*, спирантизованное салское племенное слово в значении 'лошади', эквивалент слова *sal*- 'лошадь' в баскском.

'Лошадь' же означают, конечно, и трехсоставные термины, так у армян эквивалент греч. *ele-fas'a* || *ele-fant'a*, в архетипе **ele-bag'a*, это именно известное древнеелит. армянское название 'лошади' — *ег-1-вар*, у которого единственное звуковое явление, обращающее на себя внимание при сравнении с греческим — замена плавного *l* плавным *г*, остальные расхождения, именно чередование губного *v* с губным *b* и соответствие гласного *i* гласному *e* за пределы диалектических расхождений не выходят даже по нормам наличной армянской фонетики, не говоря о доармянской, вернее доисторической яфетической почве; что же касается арм. плавного *г* при греческом *l*, то сама фонетическая природа (спирантная экающая) дает основание для такого колебания, т. е. это значит примыкание в одном случае, греческом с его *l*, к свистящей акающей группе, в другом, армянском с его *г*, к шипящей окающей группе, но, как увидим, плавный *г* армянской разновидности имеет свою поддержку, как, впрочем, и в греческой разновидности, в относящихся к ним сравнительных материалах, и колебание приходится относить к неустойчивой природе самого плавного *г*, особенно когда он попадает в слово с двумя *г*: один из двух *г*, в свистящей группе второй, последний, в шипящей — первый, обращается в *l*, что, повидному, и произошло в греческой разновидности еще на яфетической почве, т. е. с этой поправкой или уточнением архетип греч. *ἑλέφας'a*, следовательно, **eg-e-bag* при арм. **eg+e-var*, из чего можно было бы заключить (так как о заимствовании не может быть речи: нельзя же заимствовать слово 'слон' для обозначения 'лошади!'), что армяне и греки в соответственном слое своих языков имеют отложение одного яфетического языка, в котором, если бы было основание для одновременности появления 'лошади' со 'слоном', можно бы утверждать, одним и тем же словом называли и 'слона' и 'лошадь', но так как для такого одновременного их появления в человеческой общественности с определенной функциональной ролью данных у нас нет, вернее — наоборот, то приходится утверждать одно: с появлением в хозяйстве или вообще в общественности человечества нового животного в роли другого одно и то же слово было перенесено с одного, раньше известного в обиходе животного на другое, вновь появившееся. Конечно, с этой датировкой связано определенное физическое окружение, т. е. определенный территориальный район, но едва ли, когда речь о 'слоне', можно вопрос решать в связи с территорией Греции, если, допустим, для вопроса о 'лошади' Армения не встретила бы возражений. Для разрешения вопроса надо уйти от физических условий и территориальных районов исторических эпох, для которых, конечно, легко обосновывается лошадиное богатство

Армении по показаниям Библии и легко использовать для нашей мысли о переходе к 'лошади' (а эта мысль действительно имеется) то, что в Армении племя, располагавшее словом для 'слона', перенесло его на 'лошадь'. Но, ведь, это явление общее, отнюдь не армяно-греческое, да и переход в этой общей мировой постановке со 'слона' не происходит непосредственно на 'лошадь', во всяком случае это следовало бы раньше доказать.

С 'лошадью' всплывает прежде всего в номенклатуре 'верблюд', предшествуя ли ей, или следуя за нею, если опять-таки не одновременно. Это опять-таки общая проблема, дело учета всех данных, а не данных одного района, но факт бесспорный, что и здесь мы имеем перенос названия одного верхового животного на другое, как мы видели, двуплеменной скрещенный термин саберский или ка-берский (по всей видимости в полной форме сал-берский или кал-берский, а не сан-берский или кан-берский) используется и для 'лошади' (sa-mar-i, sa-mal ~ ka-bal) и для 'верблюда' (ka-mel, gā-māl, ga-mī или ḡa-mī).

Двуплеменное слово в значении 'верблюда' имеет фактическое подтверждение, наравне с 'лошадью', и в восточной и северной Европе, притом все того же берского племенного слова, также на втором месте и также в сочетании с салским словом на первом месте — это готск. ulband-us, древненем. ol-banta, ol-benta 'верблюд', т. е. везде берская часть с тем же перебоем плавного г в зубной (d → ḡ), resp. в носовой+зубной (nd), какой иллюстрируется греческим ἐλέφας || ἐλέφαντ и вместе с тем l вместо г в салском племенном слове как в греческом, в этот раз несмотря на то, что салское племенное слово в форме окающей группы (ol-, ul-), требующей г. В общем перечисленные северноевропейские названия 'верблюда' (ul-band ← ol-banta || ol-benta) представляют повторение южноевропейского обозначения 'слона' (el-e-ḡant- || el-e-ḡas) без третьего племенного слова, или ионского или ресского (этрасского), занимающего среднее место, т. е. так, как если бы в греческом мы имели *el-ḡant- || *el-ḡas. То же самое являет собою русск. «вер-блюд», позднейшее видоизменение *ver-bunda, которое вместе со старослав. «вель-бад» восходит, с учетом начального слога ve-, как раздвоения по норме спирантной ветви гласного «о» (по норме сибилантной ветви — гласного «и»), к архетипу *ḡur-bund || ḡul-bund или *ḡor-bot, а последняя разновидность (в подъеме — *ḡorbot || *ḡorbot) является архетипом того слова, долевое использование которого для обозначения характерной части слона и представляет, с потерей плавного l, resp. г, русск. «хобот».

Армянское ul-t (р. ul-to-y → *ur-tor) и персидское шу-tur (← *shur-tur) названия, повторяя в первой части салское племенное слово в окающей форме северноевропейских названий 'верблюда' или полностью также спирантизовано, это арм. ul ← *ur-, или сибилантно по шипящей группе с усечением плавного шу (← шур), во второй части проявляют одинаково сибилантный вид того племенного слова, также окающий с потерей фрикативности tor || tur, в персидском полностью -tur (-tor), в армянском усеченно -tu и даже -t. Очень важно засвидетельствование факта, что при удвоении одного и того же племенного слова армянский сочетает спирантизованный вид (ur → ul) с сибилантным (tuḡr¹).

В остальном архетип армянского и персидского термина представляет такое же удвоение одного племенного названия, салского, какое мы наблюдаем в названии 'слона' у египтян и коптов, у койх, однако, удваивается явно в состоянии скрещенния берское племенное слово.

Берское племенное слово с первой частью не спирантной е- или 1-, а сибилантной te- (→ ðe-), как в *Θessalia* при *I-talia*, в полногласной экающей форме **te-ver* означало 'верблюд', как это ясно из употребления его усеченной формы с этим именно значением в чувашском — *tëvë*, в турецком — *deve*.

С последней группой названий мы попадаем в четвертый круг животных передвижения, уже не 'лошадь', не 'верблюд' и не 'слон', а более экзотическое для культурного мира горячей или умеренной зоны. Сал-берское скрещенное племенное слово, самостоятельно ли оно с усечением плавного в значении 'верблюда' (чув. *tëvë*, т. *deve*), или в составе архаически удвоенного термина (перс. *шу-tur*, арм. *սլ-տ'ու'*), отличается отсутствием фрикативности зубного. В армянском — это салское племенное слово, истертое в состоянии покоя (им. пад.) до потери и огласовки и сводящееся к одному согласному звуку *t*, лишь в косвенных падежах *tu*, resp. *to*, в персидском имеет полный свой вид *tur*, тогда как требовалось бы **tur*, что и имеем в виде *dur*, в древнелитературном с удвоением — *ḏiwt* в составе **eḷ-ḏewr* || *eḷ-ḏiwt*, в вульгарном произношении одинаково *eḡḏur* и т. д. со значением 'рог', следовательно, в порядке применения положения о семантическом развитии от целого к части первоначально 'олень', в каком значении сейчас у армян *eḷ-ḏer-u*, точно 'рогатый'. Но именно **eḷ-ḏewr* || *eḷ-ḏiwt* означало 'олень' и затем лишь 'рог', и опять-таки как архаически удвоенный термин, с повторением салского племенного слова, то спирантизовано, то сибилантно, как в *սլ-տ'ու'* 'верблюд'. Но здесь с чередованием экающей и окаяющей: *eḷḏiwt*. И здесь салский удвоенный термин эквивалент сал-берского. каким является *eḷ-a-fo*, усечение **eḷ-a-foḡ*, также с чередованием огласовки экающей с окаяющей.

Части этого трехплеменного скрещенния могли означать и, действительно, означали каждая то же самое; так в славянских сал-ионское русск. «ол-ень», ст.-сл. «ел-ень» (арм. *eḷ-ən*); в романских языках сал-берское лат. «*ser-vus*», основа *ḡer-vu* из **ḡer-vur* (франц. «*ser-f*», испанск. «*sier-vo*» и итал. *ḡer-vo* = «*servo*», представляющие диалектические разновидности основы лат. «*ser-vu-s*» = *ḡer-vu*, оба восходящие к архетипу **ḡer-vog* с многочисленными связями в мире рогатого скота и самих рогов). Но мы сейчас выделяем животных с особой основной функцией — животных передвижения, отстраняя пока животных с основной функцией земледельческой или иной.

Однако с миром животных передвижения стоит в исключительной связи русское слово «рог». Русский «рог» — *rog* с г. *gḡa* из **gaḡ* нас переносят с той же семантической филиацией в другую племенную среду, в исключительной степени лошадную, от которой тем не менее ничего нам до сих пор не попадалось на всем пути прослеживания животных передвижения от 'олень' до 'лошади' в линии их смены из эпохи в эпоху одним родом другого с наследованием названий. Русское *ro-g*, как и г. *gḡa*, собственно его неперемещенный вид

*га-q ← *га-g, это две разновидности одного и того же племенного слова, рошского, акающая га- и окающая го- с суффиксом множественности g → q, как мы раньше говорили, собственно с пережитком ионского племенного слова gon || gan и т. п. В обоих языках рошское племенное слово gon || gas представлено спирантно с утратой самого спиранта — го || га. Но грузинский то же слово сохранил в шипящей разновидности сибиллянтной ветви с ослаблением губного гласного до полной его утраты (как это наблюдается в русском с основой гј- глагола «рж-ать»), именно rd (↙ гј) в скрещении с ионским племенным словом ġa, в целом г. rd-ġa 'rog', следовательно первоначально 'олень' и т. п. Между тем этрусское племенное слово нам известно как тотемный носитель значения 'лошади' в многочисленных разновидностях, но никогда не 'олень' или подобного ему 'рогатого животного'. Если бы дело фактически обстояло так, мы все-таки должны были положение дела характеризовать следующим образом: некогда гqa, геср. *гаq и rdġa, сохраненные грузинами, и rog, унаследованное русскими от яфетидов, все в значении 'рога', одинаково скрещенные рош-ионские племенные слова, означали 'олень', но с тех пор как эти названия животных перешли на 'лошадей', геср. 'реки', они в значении 'олень' вывелись, оставив след своего существования в г. гqa и русск. rog, означающих одинаково лишь 'рог'. Но на самом деле г. гqa, геср. *гаq, и русск. rog в значении 'олень' направляют наши мысли на север Европы, и вот здесь его находим с третьей, чисто спирантной сванской огласовкой «е», в виде основы ге (из geh): основа ге налицо в скрещенном также рош-ионском термине, в виде гепп в английск. «gein-deer», гепп в нем. «Renthier» и франц. гепп («la геппе»), восходящих, следовательно, к архетипу *gehen → *gehп.

Помимо семантического положения о части по целому, так 'хобот' по 'слону', 'рог' по 'оленью', геср. 'козе', 'грива' по 'лошади' и т. п., проверкой форм тех или иных основных значений слов, обозначающих животных передвижения, могут служить, во-первых, наименования предметов, носящих те же названия по образной ассоциации, и глаголы, представляющие, как выяснила палеонтология речи, те же имена, но в действии.

Однако, когда 'река' представляется образом бегущего животного и, несомненно, носит одно с 'лошадью' название, то, во-первых, что считать первообразом, 'реку' ли текущую, бегущую, движущуюся, или 'лошадь' бегущую, плавно движущуюся? И если даже отказаться от космического происхождения слова 'вода+река', связанного с семантической парой 'небо+вода', геср. 'небо+море', т. е. 'небо' с его непрерывным движением целого и частей представить себе в мышлении первобытного человека образом непрерывно текущей 'реки', движущейся 'водной стихии', то почему первообразом 'реки' считать 'лошадь', а не любое другое животное передвижения?

Затем, когда речь о глаголах, то, несомненно, 'езда' словарно связана с 'лошадью', так русское «ѣхать» в своей основе «ѣх» представляет рош-ионское племенное скрещение или, если отвлечь пока вопрос о звуке «х», основу уе-, спирантную разновидность экающую племенного слова ges с падением г в «у», вообще с утратой начального г, вначале не терпевшегося в ряде яфетических

языков, и в русском языке основа глагола «ѣх-ать» представляет вклад одного из таких языков, как основа слова «ѣз-да», да и глагола «ѣздить», здесь уже в сибилантном виде «ѣз-» (← *yes-*), следовательно, налицо с утратой начального г два вида этрусского или расенского племенного слова, свистящий *ges* и спирантный *ge-* (← **geh*), с функциональным придатком *-da* → *-d* и *-ǵ* («ѣз-да». «ѣ+х-ать»), пережитками ионского племенного названия, сибилантным *-da* (в сочетании с сибилантным «ѣз-» → *yes-*, собственно *ges-*) и спирантным *ǵ* (в сочетании со спирантным «ѣ-» → **ueh*, собственно *geh*).

Таково же происхождение немецкого «reiten», где спирантный вид *ges'a*, расенского племенного слова, именно *geu* («*gei*») скрещен с зубным *t*, пережитком ионского племенного слова. Точно также фр. глагол «monter» в значении 'ездить верхом' происходит как не от «mont» 'гора', так и не от отвлеченного глагола 'подниматься', а от берского (и-берского) тотемного или этнонимического названия 'лошади' *mont*, перерождения *mog*, оказующего эквивалента вотск. *val* 'лошадь' || *mar* в составе кельтск. *mar-k* 'лошадь', равно *ver-* || *mer-* в составе кельтск. *vere+d-us* 'лошадь' и р. «мерин», г. *mer-an id.*, т. е. *monter à cheval*, равно испанск. *montar à caballo*, это, следовательно, итал. *cavalcare un cavalo*, т. е. самое *monter* значит *cavalcare*, и оно в корне такого же происхождения от 'лошади', как итал. *cavalcare* от *cavalo*, да и само франц. *chevaucher* от *cheval*. Словом, в Галлии рядом с кельтск. *mar-k* 'лошадь' существовало *mog-*, архетип *mont-* в значении 'лошади'. Такого же происхождения две разновидности одного и того же глагола, г. *qedn-a* 'выезжать лошадь', 'ездить верхом' (отсюда *m-qed-ag-1* 'всадник') и арм. *hetan-el* 'ездить' от основы **qedn* ← *qe+dan* || арм. *he-tan*, с отпадением *-an* — *qed* || *het* представляют оглаголение все той же 'лошади', называвшейся **qe-dan* || **he-tan*, т. е. термином сал-ионским. Следовательно, чисто формально-фонетический путь разъяснения (*n* || *d*) здесь отходит.

Но вот вопрос. Эти очевидные и бесспорные связи глаголов «ехать», «reiten» и т. д. с 'лошадью' не представляют ли своего рода иллюстрации того положения, в каком находятся защитники звукоподражательности глагола 'ржать' и т. п. Глагол 'ржать' вызывает теперь представление об испускании определенных звуков, следовательно, заключают, 'ржать' есть звукоподражательный термин. Глаголы «ехать», «reiten», «monter» в нас связаны неразрывно с представлением о 'лошади', и глагол мы производим от 'лошади', тем более, что глагол действительно воспроизводит в таких случаях своей основой то или иное название 'лошади', но, ведь, мы знаем теперь, что то же название раньше носили другие животные передвижения, и тогда именно соответственное животное не могло не усматриваться в основе глагола. Все относительно.

И тем не менее мы не можем отказаться не только от постановки, но и от сильного освещения проблемы о последовательности эпох, связанных с тем или иным животным передвижения, лошадью, верблюдом, слоном и оленем, если мы не хотим остаться со всей своей языковедной наукой вне пространства и времени, вне неустранимых норм развития общественности, вне непрерывной цепи действительных, материально-конкретных этапов в эволюции культуры человечества, реальной, как она протекала в самой жизни, творилась и росла

материалистически, а не призрачной, как ее строили идеалистически, словом, если мы не хотим оторваться от живого мира и остаться с наглядным на руках обличением схоластичности и фантастичности наших научных исканий. Установление эпох реального развития человеческой речи, вот с чем в конечном итоге неразрывно связана и последовательность этапов развития человеческой жизни и без чего немислима увязка языкознания с историей материальной культуры.

Но как подойти к установлению искомой последовательности хотя бы в словотворчестве по животным передвижения? Палеонтология речи нам вскрыла, что названия одни и те же у всех перечисленных животных передвижения, названия по тождеству функций нарекаемых беспрепятственно переходят от ранних животных передвижения к позднейшим, но какие из них ранние, какие последующие и последние?

Не раз приходилось говорить о том, как яфетическое языкознание устанавливает бесспорную связь, в представлении первобытного человека, 'лошади' с 'зарей' и 'солнцем', 'лошади' и 'птицы'; следовательно, 'лошадь', казалось бы, древнейшее из всех животных передвижения и в силу связанности ее с космическими явлениями и мифологиею, в силу наличия факта отнесения к категории сродных образов 'лошади', 'зари', 'солнца' — 'неба', равно 'птицы' — 'неба'. С этими образами связано доброе количество не одних словарных фактов. С ними связаны сюжеты такой громадной важности в культурной надстройке человеческой жизни, как мифы, впоследствии с одной стороны фольклор и эпос, с другой религиозные представления и символы, следовательно, то, что позднее является с одной стороны литературой, с другой наукой. Однако, при всем громадном значении яфетического языкознания, его палеонтологии для разъяснения мифологии, мы не можем в освещении первотворчества по звуковой человеческой речи исходить из мифов, эпоса и религиозных представлений, этих литературно-научных достижений уже новой общественности, выделявшей особые классово-племенные образования для этого производства в области искусства и культа, песнопений и магии, связанных с потусторонним надземным или подземным миром. Мир религиозно-космических представлений, созданный человечеством на значительно высокой уже ступени развития, сам нуждается в разъяснениях, и мифологический путь менее всего призван разрешать преемственную связанность начальных эпох материальной культуры с ее словотворчеством и их последовательность.

Не останавливаясь и на естественноисторическом подходе. Я знаю, с каким отменным знанием распространение лошадей определенной породы из северной Африки на Пиренейский полуостров было использовано для установления миграции людей вслед за лошадьми, но не имею основания менять свое совершенно отрицательное отношение к этим опытам зооантропологического освещения общественных вопросов, особенно в применении к эпохам, когда творилась человеческая речь. Конечно, известная физическая обстановка, определенный подбор фауны, флоры и т. п. учитываться должны, но не непосредственно в языковом творчестве, а в постановке и решении хозяйственно-общественных

задач, следовательно, здесь такое же лишь посредственное влияние природы, как всегда и везде в отношении речи.

В то же время решительный и бесповоротный отказ от непосредственного влияния физической природы страны на состав названий животных в речи человечества или в речи той или иной так называемой расовой речи диктуется тем, что соответственный словарь обогащался лишь постепенно в шаг и параллельно с ростом охвата хозяйственной жизнью того или иного зоологического вида в процессе общественного его использования. С точки зрения палеонтологии речи совершенно аномальный прием классифицировать названия животных по естественнoисторическим их признакам, как это сделано Шрадером в *Sprachforschung und Urgeschichte* (стр. 358—361), причем иногда в одну группу согнаны слова совершенно различных племенных образований, как, напр., под рубрикой 'свинья'.

Наш подход, это третий подход — хозяйственно-общественный. Общественность, правда, племенная, но хозяйственно-племенная, а не зоологически-племенная. И когда племя слагается по признакам активного бытия, а не природной наследственности, то это племя — классовое образование. Как таковое, оно находится в борьбе с другими такими же классово-племенными образованиями — в борьбе или за материал и предмет производства, или за сбыт своего производства, и потому не можем не относить доисторических племен в круг классов.

Корни человеческой речи не на небесах и не в преисподней, но и не в окружающей природе, а в самом человеке, однако не в индивидуальной физической его природе, даже не в глотке, как и не в крови его, не в индивидуальном его бытии, а в коллективе, хозяйственном сосредоточении человеческих масс, в труде над созданием общей материальной базы. И для нашей проблемы требуется учет значения животных передвижения в хозяйстве той или иной эпохи, установление предела знакомства доисторического человечества с лошастью, верблюдом, слоном и оленем. Древнейшие эпохи человеческой культуры, еще до появления металла, более того — до неолита, известны поделками из рога и слоновой кости. Рог, специально олений рог, представляет тот археологический интерес, что в истории материальной культуры была попытка установить эпоху оленей (*rennes*).

Но нас 'олень' в настоящей постановке вопроса о нем интересует лишь с точки зрения средства передвижения заодно со слоном, верблюдом и лошастью. И вот в этой группе животных передвижения мы не можем оленю не отвести первого по времени места. Первородство оленя в этом деле, поддерживаемое известностью его с древнейших эпох материальной культуры, дает нам опоры для ряда увязок предмета то с тем, то с другим условием, выясняющим реальность обстановки, в которой слово это создано, время и среду его возникновения.

Прежде всего, племенные слова, использованные в дошедших до нас названиях оленей, в большинстве все двуплеменные: мы имеем сал-ионское, сал-берское, сал-шурское (осложненное: сал-шу+мерское) и рас-ионское, т. е. [эт]русско-ионское. Почти полное господство салского яфетического племени, бывшего в распространении на Балканах (*Θε-сал-ия*), Апеннинях (*И-тал-ия*, там же *Тур-сен*'ы]]

*Tos-kan'*ы, приходится не смешивать с *Эт-рур*-иею), в Испании (*Ас-тур*-ия), во Франции (*Галл*-ия), в скрещении с берами, ионами и шумерами, собственно шурами, носителями шипящей разновидности салского племенного слова. Салское племенное образование, следовательно, известно с доисторических времен в тех же местах, да еще и у Альп и в Испании. Правда, эти островки салские теряются в море рошского (этрусского или расенского) населения Европы, нареченной по его названию, но это лишь ббльший показатель древности населения, свидетельствуемого пережиточными названиями отдельных районов — оазисов в той же мере, как островком выступающие баски древнее в Европе всех нам известных в ней исторических народов.

Факт передвижения на оленях свидетельствует о климатических условиях холодных стран, требующих отодвигания эпох в глубь времен, ближе к ледниковой грани, поскольку зарождение человеческой культуры мы не имеем основания ни передвигать из Европы, ни усваивать арктическим странам.

Еще одна существенная подробность. Езда на оленях требует сосуда для передвижения, именно саней.

Но если первыми животными передвижения были действительно олени, естественно, первыми телегами не могли не быть сани, дровни и т. п., и как по мере появления новых животных передвижения названия передавались от старых к новым, так названия первых телег, саней, не могли не передаваться новым, независимо от их устройства. Названия закреплялись по функции нарекаемого, и, следовательно, не только 'сани', но и названия колесных повозок, если они доисторические, обязательно должны и действительно могут найти свое происхождение в обстановке оленьих эпох, опять-таки по преемственности назначения, по функции, а не по данным технического оборудования, т.-е. доисторические названия повозки, в те эпохи неразрывно связанной с оленями, должны носить их названия. Так ли, однако, обстоит дело с соответственными терминами, так, напр., греч. *ἄρμα* (*har-ma*, *har-mat*-) || т. *ar-ba*, чув. *ur+a-ba* (вотск. *ur+o-bo*) || груз. *ur+e-m*, л. *saṅt-us*, арм. *kaṛ-q* (~ перс. *ṣar-q* \(\searrow\) фр. *шаг*), русск. *telē-ga* || г. *e-tl* (с перестановкой вместо *tel*), а с утратой огласовки второй частью *vm. *eḡn¹-tel* или **eḡn¹-tal* ~ сем. *ṣa-gāl-āḥ* (st. с. *ṣe-gl-āḥ-ō*) 'колесница', 'колесо', эст. *vān-ker* 'колесница', герм. «*Wagen*» || фин. *vo-un-u* (груз. *bor-bal* 'колесо', абх. *a-bar-bal*) и т. д.?

Что же мы видим, можно было бы сказать даже — осязаем формально, да и семантически, если и здесь иметь мужество не отказаться от того, что перед нами открывается в глубине времен, опять-таки за завесой, приподнятой палеонтологией?

а) Формально слова все те же племенные, что в названиях 'оленей': так же, как в них, скрещенные двуплеменные или одноплеменные слова при том с распределением различных племенных слов отнюдь не по принятой доброй старушкой-лингвистикой классификации, так 1) двуплеменное сал-берское скрещение у греков, турок, чувашей и грузин (в языке последних, собственно, в его шипящем слое, следовательно, из мегрельского или чанского языков), 2) двуплеменное сал-ионское у русских, славян вообще, ион-салское у эстов и грузин (у грузин

не одно салское племенное слово *tl*, с огласовкой спирантного слоя сванского, в архетипе *tel*, т. е. при требующейся для сванского спирантизации — *uel* ($\leftarrow *hel$) \rightarrow *eI*, что при скрещении, как у русских, с ионским племенным словом на втором месте — *uel-en* или *uel-ən* и т. д.; т. е. как звучит 'олень' ныне у армян, равно в ст.-славянск. и т. д.), наконец, Э) двуплеменное бер-ионское скрещение у германцев и финнов-суоми: нем. *va-gen* («Wagen»), англ. *va-gun* («wa^гg¹gon») и финск. *vo-up-u* (с архетипом берской части окающей группы *vor* || акающей *val*, скрещенно или удвоенно у абхазов *a-bar-bal* и у грузин *bor-bal* 'колесо'), причем бер-ионское скрещение в виде *rəl-an* у чувашей значит 'олень'.

Естественно, одноплеменные слова, следовательно, еще не скрещенные, древнее скрещенных, используются ли эти одноплеменные слова удвоенно, как в абх. *a-bar-bal* и г. *bor-bal* 'колесо',¹ или без удвоения, как во франц. шаг («*char*») 'телега' и т. д. Ясное дело, одноплеменное ионское племенное слово, сохранившееся в русском *zap-1* («сан-и») в значении еще 'бесколесной телеги', отнюдь не было обречено чем-либо на исключение из круга 'колесных телег', и его, это ионское племенное слово, спирантизованно *ap+1* и находим мы в скрещении с *v* \leftarrow *vo*, пережитком берского племенного слова *vor* || *bor*, у армян в целом виде *ap+1-v* \sim **ap+u-v* (род. *ap+ə-vo-y*) в значении именно 'колеса', первично, следовательно, 'телеги'.

б) А семантически? Если бы следовать пути, намечаемому палеонтологией речи, то не только по совпадению в выборе племенных слов, но и по конкретным фактически наличным словам 'телеги' оказываются тезками 'оленей'. Мы видели это с армянским и славянским названиями 'оленей', оказавшихся в этом отношении тезками 'телеги' грузинской, да во существу и русской, притом русской особенно, так как термин *telē-ga* также двуплеменное сал-ионское образование. Сал-ионское скрещенное образование налицо и у абхазов, у них со спирантизацией шипящего эквивалента — *a-or-dən* \rightarrow *a-war-dən* 'телега', 'арба' (\leftarrow **for-dun*). То же самое мы наблюдаем в грузинских словах *ig+e-m* 'телега' и *ig+e-m* (с архетипом **ig+e-m*) 'олень', здесь сал-берское скрещение, как у чувашей: *ig + a-ba*.

Однако фактическое положение, наблюдаемое в исторических языках, несколько иное. Мы и в них, в самом мышлении этих языков наблюдаем иногда стремление связать определенное название телеги с животным передвижения, но не с оленем, а лошастью, так греч. *ἄρμα* 'колесница', в переводе Boisacq'a 'attelage, char de guerre ou de course', но из греческих текстов видно, что этот вид телеги связан был с 'лошастью'; у Гомера это двухколесная боевая колесница, везомая парой лошадей, и, что любопытнее, слово употреблялось у греков как бы по поэтической образности прямо-таки вместо упряжи, животного — 'лошади': *ἄρματος τροφεύς* (Плат., Legg., VIII, 834b), у Еврипида *ἄρματα τρέφειν* 'держат лошадей для бегов на колесницах', но собственно это выступление подсознательного переживания в речи того, что *harmā*, собственно *harmat*, первоначально

¹ Основа *bor* та же, что у г. *bru* (\leftarrow *bur*) 'головокружение', *bru+n-av-s* 'кружится', 'вертится' и т. п.

означало животное, именно впоследствии — ‘лошадей’, первоначально — ‘оленей’. С этим греческим словом, собственно с его архетипом *hagmat* и разновидностями, не исключая теоретически неизбежного сибилантного *sagmat*, возникает вопрос: имеем ли самостоятельное скрещение в термине при нарицательном его использовании, будет ли это ‘телега’, или тем более палеонтологически усваиваемые ему значения ‘лошадей’, первоначально ‘оленей’, или это целиком воспроизведение готового уже племенного названия ‘сармат’, этнонимически использованного непосредственно, конечно, в доисторические времена — до появления на свете греков, во всех перечисленных значениях от тотемного животного, смотря по эпохам — ‘оленя’, ‘лошади’, вплоть до ‘телеги’, сначала бесколесной — ‘саней’, а затем и двухколесной — ‘колесницы’.

Но как быть с тем, что все перечисленные названия ‘телеги’ постоянно путаются с ‘колесом’: то, что у германцев и финнов-суоми ‘телега’, то у грузин ‘колесо’, точно также ‘телега’ французов, равно англичан и римлян, а также армян, у персов ‘колесо’, ‘круг’, иногда же в одном и том же языке, так, напр., в чувашском (*угаба*) и в грузинском (*etl*) одно и то же слово значит и ‘телегу’ и ‘колесо’. Более того, термин используется, напр., у персов (*ḡarq̄*) и грузин (*etl*), казалось бы, метафорически в значении ‘неба’ → ‘светила’ (зодиака), ‘судьбы’, более того — ‘небо’ носит именно то же название в такой степени, что как ‘небо’ и ‘солнце’, целое и часть, палеонтологически носят одно и то же название, так ‘телега — небо’ и ‘колесо — солнце’, и так, как ‘солнце’ воспринималось как ‘глаз неба’, так ‘колесо’ воспринимается как ‘глаз телеги’, и, напр., ‘колесо’ по-грузински так и называется ‘глаз телеги’ или ‘глаз арбы’. Но вот именно эти встречи наименее опасны для нашего построения: мы начинаем уже учитывать множественность происхождения значения слова и в то же время, как я уже говорил, не с небесной номенклатуры и общих мировоззрений начинается человеческое мышление и первотворчество речи, а с обихода, общественно и в первую очередь хозяйственно осознанного и использованного окружения. Небесная терминология, как и астральный культ являются завоеванием человека, уже ездившего если еще не на лошади и верблюде или слоне, то на оленях и... пожалуй, не меньше на лодке.

Мы пока упростили себе путь, не выходя из круга средств передвижения на суше. На самом деле водные пути не менее важны и, главное, отнюдь не стоят в стороне от сухопутных ни в жизни, ни в языке. Названия животных передвижения и средств передвижения по воде, по рекам и морю, оказываются в определенном родстве, несомненно преемственном. Когда верблюда метафорически называют ‘кораблем пустыни’, то это собственно, может быть, обратный, но все-таки живой комментарий к тому, что название животного передвижения мы находим использованным в значении морского или речного судна. Конечно, как в телеге суши большая дистанция между санями и колесными повозками, так велик технический переход от плота до весельного, тем более до парусного судна, не говоря до парового судна, и, само собою понятно, не все можно метать нам в доисторию, что на печи, но длинный ряд терминов, названий водных средств передвижения, иначе как в линии функционального наречения по животным

передвижения нельзя и разъяснить. Не только 'верблюд', но и 'лошадь' в особо широко распространенной мере известны под названием, представляющим двухплеменной скрещенный термин, сал-берское, с усечением са-берское образование, что легко принять и за ион-берское, так 'верблюд' *gāmāl*, *kaṃel* и т. д. с одной стороны и 'лошадь' *ka-bal* с другой, но если взять первую составную часть, салское племенное слово, полностью по окающей группе *koḡ* с эканием второй, берской части, как в *kaṃel*, мы получаем основу *koḡabel*, которая, служа для образования русского слова «корабль», тем отличается от *ka-bal* 'лошадь' и *kaṃel* 'верблюд', что представляет более полную форму. В грузинском то же слово, уже с утратой плавного *g* салским племенным названием, первой частью, и с аканием во второй части, как в *sa-bal-us*; *qo-mal* получил еще ионское наращение *dī* → *d* 'лошадь' (арм. *ḏī*), т. е. в целом *qoṃald-ī*, что могло означать лишь 'лошадь' или 'верблюд', а значит 'корабль', точно также как усеченные формы тех же *gāmāl* 'верблюд' || *ka-bal* 'лошадь', именно тур. *ğem* || чув. *kiṃē* и др. значат 'корабль', 'лодка' и т. д. и т. д.

Разумеется, при малочисленности первичных слов, у названий водных судов также много встреч-созвучий с различными словами, как с 'небом', так с его дериватами 'птицами', и 'морем' и его дериватами 'рыбами' и т. д., но мы не можем исходить при установлении действительного генезиса ни из одних созвучий, ни из тех сближений, которые навязываются теперь и издавна с исторических времен, когда все предметы получили уже каждый свое название и созвучием названий создают нам фикцию родства. Действительное родство не всегда, далеко не всегда, сопровождается сходством произведения с производителем. Созвучие и сходство, кроме того, это благоприобретенне, результат общения, и, например, в этом отношении названия средства общения, в том числе и 'корабль', 'лодка', находятся в более благоприятных условиях, чем названия самых обычных в природе лежащих готовыми предметов, поскольку они не предмет международного обмена. Древность происхождения предмета сама собою вовсе не предполагает его общности.

Не беда, что далекие друг от друга эпохи человеческой культуры при их сближении требуют учета расхождений на одних правах с учетом сходных явлений, несколько не больше говорящих о так наз. генетическом родстве, о развитии одних видов из других, чем первые явления, т. е. расхождения, естественно, при правильном освещении социальной биологии или социологии.

Беда и не в том, что у дальних стран друг с другом наряду со сходными явлениями имеются и несходные.

Действительно, беда в другом факте, в нашем невнимании, невнимании ученых к тому факту, а главное в полном неучете его, того факта, что у близких, бесспорно родственных, непосредственно соседящих территориально народов для одного и того же предмета различные слова. В этот раз я камни бросаю не в чужой огород, а в свой собственный яфетидологический мир. На деле мы недалеко ушли от индоевропейцев хотя бы в этом отношении. Пример возьмем из номенклатуры первых позвоночных созданий, водяных, рыбного мира, именно общего названия рыбы. На Кавказе, если даже оставить в стороне яфетические

народы и племена, оставшиеся при одной своей этнической культуре, ни в какой мере не вовлеченные активно в круг кавказской исторической культуры, оформившейся на христианской-религиозной базе, т. е. если ограничиться одними грузинами и народами одной или общей с ними средневековой культуры, мегрелами, сванами, абхазами и полуяфетидами-армянами, какое поразительное расхождение в общем названии 'рыбы'! По-груз. — *ოვზ*, по-мегр. — *ჭობ*, по-свански — *kalmaq* и *ოვზ*, по-абхазски — *ᶑsəḏ* (*a-ᶑsəḏ*), а у армян — *ձկան*, да еще традиционно по древним литературным языкам Кавказа груз. *ვეშარ* и арм. *վիշար* (эти слова наличны и в быту, но и здесь благодаря литературе, устной, эпосу и сказкам, где они одинаково означают уже 'дракона', 'змия'). Не мешает оговориться, что у грузин *kalmaq* исключительно 'форель'. Сами сваны, располагая для общего названия рыбы двумя терминами — *ოვზ* и *kalmaq*, первым из них (*ოვზ*) обозначают 'сушеную' или 'соленую рыбу', а вторым (*kalmaq*) 'живую из реки', но «так как у нас в реках», объясняли мне сами сваны, «водится из рыб только форель, то потому-де так, т.-е. *kalmaq*, называют, следовательно, форель». Факт же тот, что оба сванские термина, как все вообще и действительно видовые названия рыбы, когда они доисторического происхождения, ничего специфически связанного с тем или другим видом, т. е. ни *ოვზ* с 'сушеной' или 'соленой рыбой', ни *kalmaq* с 'форелью' в себе словарно не содержат. Специальное применение есть плод бытования. Еще менее можем мы останавливаться всерьез на нынешних так называемых народных этимологиях названий рыбы, даже на таком остроумном, как объяснение абхазами родного им слова *a-ᶑsəḏ* 'рыба', это мол, 'душа (*ᶑsə*) воды (*ḏə*)'. Несмотря на неразрывную связь 'рыбы' с 'водой', как мы увидим, по палеонтологии речи и словарно, несмотря на то, что входящие в состав термина слова действительно по-абхазски означают *a-ᶑsə* 'душа' и *a-ḏə* 'вода', объяснение приходится отвергать.

Мы теперь знаем происхождение каждого из этих терминов, и некоторые из них ничего общего не имеют друг с другом, напр., м. *ჭობ* 'рыба', и г. *ოვზ* 'рыба', а между тем мегрелы с грузинами так близки друг к другу, однокультурны, да и по языку тесно родственны, что многим грузинам совершенно всерьез кажется, что мегрелы говорят-де, правда, с искажением, но все-таки в основе на грузинском языке. Но ярко выступают расхождения и формальные, когда часть перечисленных терминов представляют разновидности одного и того же слова или имеют в своем составе одно общее слово. Трудно непосвященному уловить эту их общность, напр., арм. *ձկան* и г. *ოვზ* или св. *kalmaq* и сванск. *ოვზ* и абх. *a-ᶑsəḏ*. Мы дадим их анализ уже не по сравнительной грамматике, а по палеонтологии, исходя из племенных названий. Некоторые из них уже скрещенные, двуплеменные слова, так св. *kal-maq* 'рыба' (груз. 'форель') из *kal* и *maq*, абх. *a-ᶑsə-ḏ* 'рыба', за отводом члена-префикса *a-* из *ᶑsə* и *ḏ*, равным образом и арм. *ձկան* 'рыба' из *ḏk* и *an*, собственно кип. Из палеонтологии речи известно, что слова, скрестившиеся в каком-либо составном термине, каждое в отдельности означает то же, что целое скрещенное слово: оно в одиночку означало то же самое до скрещения с другим синонимом, независимо от того, какое оно племенное слово. Второе палеонтологическое положение это то, что

как 'птица' носит название 'неба', так 'рыба' носит название 'моря', имеет общее название с 'морем', гесп. 'озером', 'рекой', вообще 'водой'. Напр., арм. *đu-kəp* или *đu-kip*, означая в целом 'рыбу', то же самое означало и в одних составных частях, из которых *kip* есть ионское племенное слово и оно означало 'рыбу' (на этом, между прочим, возникла легенда о поглощении пророка Ионы китом: это перенесение на пророка мифа о борьбе двух рыб, двух тотемов-божеств, если держаться еврейского подлинника — ионского и сал-ионского [*dā-g ← dā-gōn || dā-gan*], и о победе одного из них). Что касается первой части, *đu*, то это именно салское племенное слово окающей, как и *kon*, группы с утратой исходного плавного, т. е. пережиток слова *đug*, гесп. *đug*, которое в армянском же означает 'воду', как *kip* означало 'воду', как в целости в скрещенном виде архетипно *đur-kip* означало 'реку+воду', о чем теперь обстоятельно дается мною отчет в докладе «Чуваши-яфетиды», в анализе его двойника *yug-gup*, на севере и русском, и финском дожившего в различных видах, из которых наиболее истертый *-yug* в значении 'реки' в названиях рек.

То же самое *đug* с утратой плавного *г*, как в армянском, и ослаблением «и» в «ə», т. е. в разновидности *ďə*, в абхазском означает 'воду' *a-ďə*, но оно же означало 'рыбу' и в этом значении и входит *ď¹ə¹* в состав абхазского скрещенного названия 'рыбы' — *a-φsə-ď*, первая часть которого *φsə* из *φsu*, в архетипе *pus-* есть беро-басское племенное слово, также означавшее 'воду', гесп. 'реку'.

Тот же самый усеченный вид полного *đug*, именно используемый в значении 'рыбы' арм. *đu-*, с дальнейшим ослаблением гласного — абх. *ď* (напомним, что *ďə* и 'вода') появляется в яфетических языках Кавказа и с сохранением сиб.-спир. аффриката *ďǵ*, в разновидности *ďǵu*, на низшей ступени *zǵu* в составе также двуплеменного скрещенного термина. с бер-кам племенным словом *vaq* в роли второй части, и вот этот составной термин *zǵuvaq*, с утратой плавного в паузе *zǵu¹v¹a*, значит и поныне по-грузински 'море', а без утраты *zǵuvaq* → *zǵvaq* 'предел', 'граница'. Когда теперь в Библии читаем места, где пределы мира кладутся на *водах* или *у морей*, мы имеем дело с переживаниями доисторического мышления и доисторической речи.

За эпохой оленей следуют эпохи слонов и верблюдов, также местных животных передвижения, прикрепленных к определенным районам, районам жарким, в противоположность холодным районам эпохи оленей, и затем переход к животному передвижения большего территориального размаха — 'лошади', животному более трудному для приручения и одомашнивания. Названия, как было установлено, переходили от животных передвижения первых эпох к последующим вплоть до лошадей, и не только лошади носят те же самые названия, что олени, но что любопытно в особой степени, до лошадей успели дойти названия оленей, лошадям эти названия были усвоены порой еще тогда, когда водились названия оленей из простых еще, нескрещенных племенных слов, напр., ионское племенное слово *kon-e* \ *hon-e* (у русских «конь», у грузин *hup-e*) или берское племенное слово *va¹* 'лошадь' у вотяков и т. п.

Несмотря, однако, на общность названий у животных передвижения различных эпох по наследованию, при наличном теперь распределении терминов между

ними, животными передвижения, наблюдается разность использования тех или иных племенных слов, именно, тогда как ионское племенное слово появляется одинаково в названиях животных передвижения, салское выступает особенно сильно в названиях оленей и телеги, берское племенное слово — в названии слона и верблюда, равно лошадей, а рошское (расенское или этрусское) особенное распространение выявляет в названиях лошадей, притом наиболее разнообразных и у прометеидов («индоевропейцев»), при этом в названиях лошадей наблюдается особо обширный диапазон свободного колебания от одноплеменной до скрещенной формы.

Из трех старых частей света, образующих Средиземноморье и носящих каждая особое племенное название, именно, как теперь устанавливается, Европа — в основе рошское (расенское или «этрусское»), Африка берское (и-берское) и Азия касское или салское,¹ можно бы думать, что культура эпохи оленей шла из Азии, слонов и верблюдов — из Африки и лошадей из Европы, если бы доступная нам древность топонимии не являлась все-таки более близкой к историческим временам, если бы оазисы салские не указывали на аборигенность слов в Европе, и если бы рядом с названиями оленей салского племенного образования не выступали и названия оленей рошского («этрусского или расенского») племенного образования, указывающие на возможность двуплеменного в Европе их происхождения и культуры эпохи оленей, т. е. возникновения этой культуры с эпох непосредственно поледниковых. Разумеется, мы при этом руководствуемся с одной стороны непрерывностью традиции в использовании именно рошского и берского племенных слов в терминологии животных передвижения от оленей, может быть, непосредственно к лошадям, с наличием в названиях лошадей и самых простых форм, одноплеменных, и различных составных, двуплеменных, в том числе рас-салского (ср. русск. «ристал», рес-берского и др., с другой — тем фактом, что само название Европы сал-рас-берское скрещение.

Возникновение звуковой речи мы вынуждены были отнести ко временам после перехода человечества в трудовой его жизни на искусственное орудие производства, долго после замены им, следовательно, руки, приблизительно отводя ему место в Аугиначскую эпоху. Отводим ему место в эту эпоху, как время если не зарождения звукового языка, то первого им широкого пользования. Есть данные для уточнения этой даты. Между прочим, можно бы думать, что звуковая речь началась по одомашнении собаки, если бы не то, что появление собаки в обиходе засвидетельствовано лишь с неолитического периода, правда, еще, следовательно, за каменный век. У нас есть, однако, ряд лингвистических данных и формальных, так значительная сохранность одноплеменного состава слов, обозначающих 'собаку', и реальных, так, напр., наречение диких зверей по собаке,² чтобы отстаивать большую древность этого первого и всегда верного друга человека и не смущаться сделанными пока археологическими наблюдениями по вещественным памятникам. Требуется большее исследование,

¹ Созвучие с *gas*'ом без терпимого в начале плавного *g* требует, конечно, согласования обоих толкований и уточнения пределов реальности каждого из них в определенных конкретных случаях.

² См. выше, стр. 128 сл.

но ближайшая очередная задача наша сводится к палеонтологическому анализу названий тех предметов материальной культуры, которые составляют хозяйственно-бытовой инвентарь, включая и культовый, все осложняющейся жизни по эпохам вплоть до металлов. С металлами поворотный пункт к новому уже историческому мышлению. Названия металлов одни из последних плодов яфетического словотворчества, проникающие сюда, в нашу сторону, с прометеидизмом («индоевропеизмом»), да и раньше с семитизмом, еще раньше с туранизмом или урало-алтаизмом, всегда и неизменно как носители представления о металле, тогда как яфетические языки нам и здесь дают возможность бросить ретроспективный взгляд в сторону начал человеческой культуры и удостоверить параллельный путешествию названий с оленей вплоть до лошадей переход терминов каменной культуры на металлическую.

Еще до яфетического подхода басковеды обращали внимание на генетическую связь баск. *auskora* («*aizkora*») 'топор' и *auđ* («*aitz*») 'камень' в обоснование древности баскского языка, в котором термин бесспорно металлической культуры, 'железный топор', сохраняет в себе еще представленные о *камне*, первичном материале, из которого изготовлялся топор, понятно, *каменный топор*'.

Однако толкование составного баскского *auskora* еще не реально-палеонтологическое, да к тому же басковеды не чуяли, что баскский материал вовсе не изолирован, как не изолированным оказался в общем баскский язык. Справки в круге родственных языков, именно яфетических, и в их переживаниях в языках различных формаций вынуждают отказаться от прежнего басковедного анализа *auskora* 'топор'. будто в нем имеем составное слово из *aus* 'камень' и *korā* 'отточенный'. В *auskora* мы, действительно, имеем скрещенное, следовательно, составное слово из *aus* и *korā*, но последнее не с тем значением 'отточенный', 'заостренный', которое ему здесь навязывается, да и первая часть *aus* 'камень' отнюдь не простое слово, а также составное из *au* пережитка *ar*, *har* в подъеме *kar* (→ *qar*) и -s, остатка *san*, в звонком подъеме *đan*, что налицо в более древнем виде того же составного слова, армянском *ar-đan*, означающем 'скала', 'плита' и т. д. Первая часть *au*, утратившая начальный согласный спирант *h*, восстанавливает его в самом баскском в середине слова закономерно в подъемном *k*, т. е. *au* ← **ha*у звучит *ka*у при присоединении в начале *ar*: *arka*уđ 'камень', а в армянском сама основа *ka*у в полном своем виде *kar* налицо в составе *kar*kar 'куча камней', да от него и *qar* 'камень'.¹ Прибавка *ar* в начале в баскск. *ar-ka*уđ совершенно излишня, она вызвана утратой из сознания, что и без добавочного *ar*, *ka*у-đ или *au*-đ, самостоятельно *au*-s уже содержит это слово *ar* ↗ *kar* в своем *au*-, и оно значит то же, что вторая часть *s* ↗ *đ*, остаток *đan*, т. е. 'камень', и составное из них самостоятельно баскск. *au*-s, полнее арм. *ar-đan*, есть двуплеменной сал-ионский скрещенный термин для обозначения все того же предмета 'камень'. И вот то же сал-ионское двуплеменное скрещенное слово, но с оканием, именно *kor-t* с сохранением от ионского племенного

¹ См. также арм. *kar-tar* 'крепкий'.

слова подобно баскскому $ag-\dot{\zeta} \searrow au-\dot{\zeta} \searrow au-s$ только начального согласного, да и его не характеризованно, т. е. без фрикативности в виде лишь $-t$, мы наблюдаем в вотском в значении 'топор'.

То же слово, но сибилантной ветви из шипящей ее группы, естественно, с оканием — $kor-t$ (лишь с узким губным гласным), сохранили нам грузины с переводом на грузинское сюсюкание ($\dot{\zeta}$ вм. $\dot{\eta}$) и плавный l вм. g — $\dot{\zeta}ul-d$ (вм. $*\dot{\eta}og-t$ 'топор').¹

То же слово с аканием по свистящей группе налицо у гурийцев, т. е. по-грузински в виде $tal-d$ в значении 'топора' (это топор особой изогнутой крючком формы), и также с аканием опять-таки по спирантной ветви с утратой плавного в первой части, был ли это l ($ka-$) или g ($ka-$), т. е. в виде $ka-$, но с сохранением второй ионской части полностью в виде $-\dot{\zeta}in$, в общем $ka-\dot{\zeta}in$ в значении 'топора' существует у армян. Востоковеды, особенно семитологи, не раз обращали внимание на это армянское слово по созвучию с ассир. $\langle \dot{\zeta}as\u0304in \rangle = \dot{\zeta}a-\dot{\zeta}in-u$, сирийск. $\dot{\zeta}a-\dot{\zeta}in-\dot{a}$, что, однако, вовсе не давало без специального обоснования права армянское слово считать заимствованным из ассирийского, где его происхождение неизвестно, между тем в армянском это независимое наследие от яфетидов, в языке которых арм. $ka-\dot{\zeta}in$, resp. $*ka-\dot{\zeta}in$, как и г. $tal-d$, resp. $*tal-\dot{\zeta}in$ и $\dot{\zeta}ul-d$, resp. $*\dot{\zeta}ul-din$ (вм. $*\dot{\eta}og-tin$) первоначально означало 'каменный топор', вообще 'камень', как 'камень' означали входящие в состав их слагаемые слова: $tal-$, на низшей ступени $sal-$, по-груз. 'камень', $\dot{\zeta}ul-$ с сохранением шепелявости $\dot{\zeta}ul-$ по чув. $\dot{\zeta}ul$ 'камень', $ka-$ ($\rightarrow ka$) $\rightarrow \dot{\zeta}a-$ по-арм. 'камень', $\dot{\zeta}in \leftarrow *d\u0304in$ ($\rightarrow -d$) $\leftarrow tin$, в грузинском также без фрикативности tin , значит 'камень'. Ясно как на ладони, что термин материальной культуры 'топор' в Приволжье, также как на Кавказе, да и в Месопотамии, выражается скрещенным двуплеменным термином, сал-ионским, по-вотски $kor-t$, по-армянски $ka-\dot{\zeta}in$, по-груз. $tal-d$, первоначально означавшими как орудие тоже 'топор', но как материал не 'железо', а 'камень'. Для выражения 'железного топора' человечество не выдумывало нового слова, оно перенесло название 'каменного топора' на 'железный' без всякого определения; потому, когда у басков $aus-ko\u0304a$ значит 'топор', а $au\dot{\zeta}$ 'камень', то нет никакого основания в $ko\u0304a$ видеть какое-либо определение, уточняющее слово в обозначении 'топора'. Человечество брало то слово, которое обозначало 'камень', использовало его для обозначения металлического, 'железного топора', также как раньше обозначало им 'каменный топор', потому, если aus значит 'камень' и $au\dot{\zeta}-ko\u0304a$ 'топор', то это есть бытование, связанное с aus значение только 'камня', хотя им же могло обозначать и 'топор каменный', впоследствии 'железный', а с составным $au\dot{\zeta}ko\u0304a$ связывавшее значение лишь 'топор', хотя в $au\dot{\zeta}ko\u0304a$ имеем то же слово 'камень', ибо $au\dot{\zeta}$ значит 'камень', и $ko\u0304a$ тоже 'камень', это окающая разновидность арм. $ka-\rightarrow \dot{\zeta}a-$, да и баск. $ha\u0304g \nearrow ka-$, это то же $kor-$, что в составе вотского $kor-t$ 'топор', следовательно в металлургическую эпоху — 'железо', а раньше, если не первично, опять-таки 'камень', а никак не 'заостренный' или 'отточенный'.

¹ В говорах употребляют вм. $\dot{\zeta}ul-d$ с утратой d — $\dot{\zeta}ul$, в значении 'топора', но это позднее явление.

Мы вовсе этим не хотим сказать, что *кога*, *геср. ког*, не могло означать 'точить', 'острить', 'резать'. Наоборот, раз слово означало 'камень', *геср. 'топор'*, то 'рубить', 'резать' не может не представлять той же основы, так как глагол 'рубить', 'резать' и т. п. всегда происходит доисторически от 'камня', *геср. 'каменного орудия резьбы'*, и, напр., в вотском то же самое слово *ког*, что входит в состав *ког-т* 'топор', со значением сначала 'камня', служит основой имени действующего лица *ког-ағ* 'резак' в составном *ри-когағ* 'дровосек'.

Нет основания утверждать, что скрещенное двуплеменное образование дело позднейшей эпохи, металлической: мы видим, как скрещенные термины 'баскск. *ау-с*, арм. *аг-дап* означают именно 'камень', 'скалу'.

С увязкой языкознания с историей материальной культуры на орудиях производства легче справиться, на них легче углубляться и дальше. Так с рассмотренным орудием могут поставить вопрос: «Топор-металл, раньше топор-камень, и, значит, на этом точка?»

Нет, далее топор-*рука*, или металл-*рука* и даже камень-*рука*. С руки начало сложно-производственного организованного человеком труда и созданной им же, его трудовой жизнью, на высокой уже ступени хозяйственного развития звуковой речи. И основной поход к разрешению этой языковой проблемы возможен лишь путем изучения первобытной общественности, путем установления эволюций ее форм и мировоззрений по памятникам материальной культуры.

К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории¹

Еще на первых порах разработки палеонтологии речи, когда вопрос о стадийном ее развитии был в зачаточном состоянии, языковедные перспективы в глубь исторических судеб Кавказа привели к постановке вопроса о единстве исторического процесса на Кавказе. История Албании (Кавказской Албании), история Армении, история Грузии, это не национальная лишь история каждой из названных стран, а история всего Кавказа. И в то же время невозможно понять историю Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений (теперь не исключая и турецкого Азербайджана), нельзя без учета общего исторического процесса развешивать национальную историю каждого народа. Иначе не избежать в корне обесценивающих реальность искажений. Однако мы теперь знаем в результате более углубленного палеонтологического изучения звуковой речи, что единый исторический процесс Кавказа не означает вовсе, и с точки зрения языка, его отрыва от мировой истории: он увязан тысячами нитей со всеми странами. Эта увязка интернациональна. Мы имеем в виду не империалистические пути, а внутренние общественные факторы исторических ценностей, в том числе и язык.

В наши дни, когда все науки продвигаются к массам, вовлекаемым в социалистическое строительство для укрепления нового хозяйственного уклада, когда организация самого исследовательского дела по мало-мальски жизненным отраслям знания приближается к производству, история и языковедение попадают в беспризорные, точно они висят в воздухе, точновидных некуда прислонить, точно в нашем новом хозяйственно-общественном строительстве нет ни одного рентабельного производства, с которым можно было бы их органически увязать, если исключить такую совершенно отвеченную, какую-то расплывчатую, в смысле материальной своей природы и материальной значимости надстроечную ценность, как культура. Что с понятием «культура» да «культурный» без конкретного уточнения в отношении представления о ней неблагоприятно, что к ней, как к стремившейся к самодовлеющему бытию, не без основанияросло недоверие, достаточно оглянуться на нашу фразеологию: в смысле просвещения мы продолжаем использовать термин «культура», «культурный», но, словно как контрабандную материю, с тем или иным рекомендательным словечком или с тем или иным декоративным приложением, как, напр., хозяйственно-культурное строительство, материальная культура, русская культура и т. п. Унаследованная от старины культура, естественно, капиталистическая культура, так дискредитирована, что в пору культуру самую по себе трактовать так, точно это социально опасный элемент населения, точно это то, чем являются если не кулаки, то

¹ [Доклад, читанный на первой всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве. Напечатан во втором томе «Трудов первой всесоюзной конференции историков-марксистов», стр. 267—315.]

средняки в крестьянском быту рядом с трудовой беднотой и батрачеством. Естественно, история и языкознание, органически не увязанные с актуальной жизнью, остаются без прочного, жизнью живущего пристанища. Между тем трудно себе представить эпоху, которую можно было бы сравнить с протекающим на наших глазах временем по актуальности, какую представляют для жизни и язык, и история, а в связи с этим всякого рода именно увязанные с жизнью исторические и языковедные штудии. О громадных потребностях в специалистах по изучению языка говорить не приходится. Достаточно указать, какое количество языков впервые попали и продолжают попадать в орбиту серьезного и несерьезного научного исследования. Достаточно учесть, в каких ко всякой культуре глухих, первобытных углах нашей необъятно обширной советской страны осознается небывалая потребность самостоятельного изучения своей родной речи, хотя бы (и чаще именно) бесписьменной, и с каким бесспорным неподдельным интересом и увлечением нет-нет, а все-таки открывает новый внутрирубежный вид неслышанного раньше нягде языка — кто? Специалист с классическим образованием, выдвигающийся из среды даже самых ярых и доселе сторонников обоснования науки о звуковой речи на мертвых письменных языках. И в то же время какая возмутительная легенда, когда говорят кругом (не говорю о загранице) в наиболее, казалось бы, компетентных кругах, точно о падении нравов гибнущего человечества, о падении интереса у нас и к письменным, даже мертвым языкам. Во-первых, это явная неправда говорить о действительном процветании классического образования у нас в дореволюционное время. Это было в лучшем случае достояние кучки редких энтузиастов и любителей. Во-вторых, интерес и к классическим языкам, и к языкам Запада и Востока, мертвым и даже мертвейшим, ныне наблюдается и в массах молодежи более значительный, но в постановке их изучения нет ни крупницы ориентировки по хотя бы культурным интересам новых кадров учащихся и по их свежему мировоззрению. Нет в их изучении действительной увязки с конкретным миром. А это что значит научно? Это значит, что нет метода. Наука, не увязанная с жизнью в XX столетии, — это или лицемерное утверждение, или пережиток средневековья с монастырями. Наука, не увязывающаяся с экономикой и общественностью в социалистически строящейся стране, — это наука без путей, наука без метода. Мы не говорим сейчас о том, кто виноват в беспризорности соответственных языковедных дисциплин, когда все объективные данные в стране клонят к росту массовой потребности в языках, как потребности мышления самих масс, так и потребности сознательности не единиц, а масс, да еще разноязычных масс. Язык вообще, как международная ценность, а все языки нашего Союза в частности и в особой степени, как проводники международных, а иногда только своих культурных завоеваний в массы, во все массы, теперь именно и приходится, выражаясь идеалистически, лелеять, как зеницу ока.

Дело, однако, не в слащавых словах по адресу предмета нашего научного интереса, а в материально наличном факте громадной важности, в том, что у нас по всей стране налицо огромное производство языков (не перепроизводство, как хотел бы внушить кой-кто, а именно производство языков, культурных языков),

при котором, или, точнее, в органической увязке с которым, и мыслимо существование, самый *raison d'être* языковедной науки, и в то же время в этой именно увязке с изумительным по исторической значимости производством, как редчайшей исследовательской лабораторией, залог ее процветания, прежде всего жизненный стимул к самокритике и пересмотру, к сдвигу с мертвой точки там, где наука об языке, процветавшая в блестящей изоляции, старая наука об языке, часто, увы, источник исторических построений, основательно села на мель и упорно желает сидеть. Историческая наука по общему построению также переживает трудную ситуацию, но она не думала и не хотела бы сидеть на мели, она и в прошлом разрабатывалась не без учета материального мира, с невольным учетом общественного окружения и не раз поставленной задачей о происхождении, не выходя, однако, из круга миграций и влияний, заимствований, как основных факторов в постановке генетических проблем. Однако в прошлом историческая наука также не располагала той, исключительного значения, бесспорно мирового значения, лабораторией по кругу знаний своей компетенции, как сейчас у нас, когда революционно строится новое социалистическое хозяйство, новая социалистическая общественность, новый социалистический быт, когда идет работа по смене общего уклада жизни и хозяйственного, и социального, и бытового в межнациональном направлении не за рубежом, а в пределах самого Союза.

И еще вопрос, что должно предшествовать, как этап развития человечества, мировая революция или... или раньше, вопреки всем напастям враждебных окружений, углубленное органическое укрепление уже происшедшей революции, революции, произведенной одним классом, но не одного народа, а объединения множества народов, когда особенно это укрепление уже происходит, уже факт в пути, и в этом исторически творческом походе дошло до постановки конкретного вопроса о культурной революции, как ударной задаче, увязанной с новым хозяйственным строительством. Это, ведь, и есть то производство новых исторических ценностей, притом общечеловеческого потребления, о котором, или, точнее, в увязке с которым, и мыслится как настоящее оживление, так дальнейшие судьбы исторических дисциплин в путях нового марксистского учения. И развитие это мыслится все более и более в сторону углубления генетических вопросов, в сторону изучения исторического процесса или самих процессов возникновения исторических ценностей, из которых, конечно, нельзя выкинуть и звуковой речи. Но разве мыслимо, чтобы работа в непосредственной увязке с этим производством исторических ценностей мирового значения, с этой бесподобно богато обставленной лабораторией исторических наук не потребовала и уже не требовала поправок или уточнений теоретических построений или материальных обоснований? Мы не будем спорить о словах, произойдет ли у тех историков, которые более чем близко стоят к современной жизни, стоят часто в рядах ее творцов, историков-марксистов, пересмотр исторических построений или уточнение исторических положений вообще. Но в отношении положений, которые предполагаются достаточно обоснованными на языковедных данных, предстоит пересмотр; думаю, предстоит тот пересмотр, который сигнализируется новым учением об языке, так называемой яфетической теорией.

В материальной части обоснований своих положений на языке историк-марксист, естественно, находился во власти индоевропеистики. Ни время, ни место не благоприятствуют тому, чтобы останавливаться на вопросе о действительных исторических заслугах и индоевропейской лингвистике и даже на том, чем вообще историческая наука обязана, а в проработке немарксистов, увы, чересчур обязана этому, казалось бы, учению о самом языке, на деле же подмене науки об языке филологиею. В то же время никто не оспаривает, что в индоевропейской лингвистической литературе можно собрать золотые россыпи прекрасных мыслей, особенно великолепно высказанных отвлеченных положений по общему учению об языке. Это наблюдается на всех (впрочем, не особенно многих) этапах развития индоевропейской лингвистики не только у ее работников-диссидентов, бессознательно, как бы стихийно проявивших яфетидологический уклон, но и самых строгих представителей ортодоксальной школы старого учения об языке. У таких же исключительно крупных диссидентов индоевропейской лингвистики, как не так давно скончавшийся Г. Шухардт (Hugo Schuhardt), находятся высказывания по общему учению об языке, казалось бы, до тождества совпадающие с некоторыми положениями яфетидологии. Но нас интересует не то, что говорят, или, вернее, кажется, что говорят, хотя бы диссиденты-индоевропейцы, а то, что они делают, что претерпевают от их конкретной исследовательской работы языковедные факты, сами материалы. Если бытием определяется мышление, то производством определяется идеология. В этом смысле далеко не благополучно и с Нуаре (L. Noiré). Здесь, правда, не одно словесное совпадение. В Нуаре мы действительно встречаем единомышленника, но когда дело доходит до применения наших общих с ним положений к конкретному языковому материалу и до выводов, то... Нуаре оказывается фактически также во власти индоевропеистики.¹ Нам же, современным лингвистам, — хотел бы сказать: советским лингвистам, — общие положения важны не как отвлеченность, а как органически вытекающие из фактов в их изменчивых социальных взаимоотношениях не только в пространстве, но и во времени, ибо всякие языковые явления прежде всего историческая ценность, т. е. продукт исторического процесса. Интерес наш к фактам не завершается с установлением статичности: факт-видимость для нас становится фактом-реальностью лишь по уяснении динамической его роли в историческом процессе развития речи. И малейшая искаженная трактовка самих языковедных материалов, так наз. фактов, грозит катастрофой не только учению об языке, но анализу всего исторического процесса, где язык является лишь одним из тех приводящих элементов, без учета которых анализ исторического процесса, следовательно, сооружение исторических построений всегда открыто и беззащитно перед всякими опасностями, а для некоторых эпох вовсе исключается, ибо язык не только просто один из элементов исторического процесса, но он — единственный по показательности своей сигнализации, совершенно независимо от письменности, часто, к тому же, вовсе отсутствующей.

¹ См. Н. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928, стр. 77, § 29.

Ведь, беда в том, что опасения, о которых говорится, имеют в виду не только будущие изыскания, они относятся и к прошлым достижениям. Эти достижения, казалось бы, лучшие, не только мнимы, но именно катастрофичны, научно катастрофичны.

Казалось бы, что лучше изучено, чем классическая история греков и римлян? И посмотрите, какая пропасть между двумя народами, которых нас, на подмогу классикам, индоевропейцы учили рассматривать как братские народы, происходящие от общих предков, с одним общим тогда языком. Боюсь, что добрая часть слушателей, конечно, не по своей вине, и по сей день пребывает в этом научно-систематизированном заблуждении, не под чарами знахарских навождений, поскольку человечество как будто давно вышло из-под власти магии, а от обаяния для большинства общественно-пленительных построений. Есть ли хоть один из круга серьезных ученых, который, обратив внимание на факты, стоящие в вопиющем противоречии с навязываемым сближением греков и римлян, серьезно учел их и сделал соответствующие выводы? Кто из них, зная оба языка, греческий и латинский, и будучи историком древнего классического мира, греков и римлян, ставил себе вопросы, почему 'народ' у греков ἔθνος,¹ у римлян populus,² 'рука' у греков χεῖρ,³ у римлян manus, 'вода' у греков ὕδωρ, у римлян aqua, 'море' у греков θάλασσα,⁴ у римлян mare, даже 'огонь' у греков πῦρ, у римлян ignis, 'хлеб' у греков ἄρτος или σίτος,⁵ у римлян panis, 'дом' у греков οἶκος, у римлян domus,⁶ 'человек' и 'муж' у греков ἄνθρωπος и ἀνὴρ, у римлян homo и vir,⁷ или mas, 'женщина' у греков γυνή, у римлян femina, 'брат' и 'сестра' у греков ἀδελφός — 'брат', ἀδελφή — 'сестра',⁸ у римлян frater и soror,⁹ 'гора' у греков ὄρος, у римлян mons,¹⁰ 'небо' у греков οὐρανός,¹¹ у римлян coelum, 'бог моря', 'бог вод' у греков Ποσειδών,¹² у римлян Neptun¹³ и т. д. и т. д.

¹ Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, СГАИМК, т. II, стр. 385.

² Там же, стр. 383.

³ Н. Марр, Чуваши-яфетиды, Чебокс., 1926, стр. 31; Иштарь, ЯС, т. V, стр. 77 [см. здесь, стр. 307].

⁴ Н. Марр, Лингвистические намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, стр. 59 [см. здесь, стр. 51]; его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, ИАН, 1925, стр. 229.

⁵ Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 370; его же, Карфаген и Рим, стр. 381.

⁶ Н. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба', ДАН, 1924, стр. 29; его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, стр. 280.

⁷ Н. Марр, Русское «человек», абхазское аоуџ, ДАН, 1926, стр. 91 сл.

⁸ Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи . . . , стр. 46—47 [см. здесь, стр. 41—43], ср. его же, Иbero-этрusco-италиаская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков, ДАН, 1925, стр. 10 [см. ИР, т. I, стр. 187—183].

⁹ Н. Марр, Об яфетической теории, М., 1925, стр. 36, отд. отт. = ПЭРЯТ, стр. 271 [см. здесь, стр. 33], ср. Иbero-этрusco-италиаская скрещенная племенная среда, стр. 10 [см. ИР, т. I, стр. 183].

¹⁰ Н. Марр, Из яфетических переживаний в русском языке. I. Мяч. II. Племя. III. Красный, ДАН, 1926, стр. 65, ср. его же, Краеведение, Лен., 1925, стр. 13.

¹¹ Н. Марр, Из яфетических переживаний в русском языке. I. Мяч, стр. 65. Орудивный и исходный падежи в кабардинском и в абхазском, ДАН, 1928, стр. 224; Готгентоты-средиземноморцы, ДАН, 1927, стр. 413.

¹² Н. Марр, Яфетиды, ПЭРЯТ, стр. 120 [см. ИР, т. I, стр. 135]; 'Смерть' || 'преисподняя' в месо-потамско-эгейском море, ДАН, 1924, стр. 13; Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. Сборн. «Книга о книге», изд. Инст. книговедения, Лен., 1927, стр. 71 [см. здесь, стр. 237 сл.]; La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges, 1922, стр. 18 [см. русский перевод, ИР, т. I, стр. 140].

¹³ Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, стр. 60 сл. [см. здесь, стр. 53 сл.].

Таких примеров можно привести сотни, в них расхождение не только в звучании, в материальной части слов, но и в технике, идеологии построения, системе, т. е. в том, чем у индоевропейцев определяется принадлежность особей к «семье».

Когда дело касается искусства, в частности зодчества, то так или иначе истории материальной культуры, художественных в ней достижений, хорошо замечают кричащее расхождение римлян с эллинами и даже стараются доискаться причин своеобразия римского искусства, в том числе и архитектуры. Здесь никому в голову не приходит отрицать, что эллинское искусство есть детище самих эллинов, как римская архитектура есть создание римской жизни, а не самородок, раскрывающийся, как цветок, во всей своей прелести из почки-прародительницы. Но в отношении языка обращение меняется коренным образом. Даже зная прекрасно о фактах, в лучшем случае идут на разъяснение судебных отдельных терминов, не избегая порой увязать их формально, по созвучию и с речью предшествовавших насельников римской земли, так про Neptun'a кое-кто не откажется вспомнить, что еще до римлян этрусски его называли словом *neḏunsl*,¹ но, ведь, это не история даже самого слова, а анекдот. Впрочем, лингвисту-индоевропейцу и до этого «анекдота» нет никакого дела, он до сего часа думает, что индоевропейский лингвистический мир счастливо изолирован от прочих «семей», и, соответственно построив сочиненную фонетическую историю на одном индоевропейском материале, с увязкой латинского с иранским и санскритом, спокойно бросает на этом свои изыскания. Естественно, что раз нет никаких стимулов к дальнейшему исследованию, да самим наличным у исследователя методом — формальным, ни с каким жизненным явлением не увязанным, отрезаны все пути плодотворного искания, то не может же, разве мистическим путем, возникнуть в голове у ученого мужа, как бы он ни был мудр, что Neptun действительно объединяет римлян не с греками, да и не с этрусками полностью, а с современным «родоначальником» римлян, потубережным населением Средиземноморья, переживающим своей речью ныне в языке северо-африканских обитателей — берберов. Но для этого надо знать, что расхождение римлян в трактуемых терминах не только с греками, казалось бы, коренное, но и с предшествовавшими им этрусками есть не продукт формальных звуковых изменений, а продукт различия социального строя у римлян с этрусками, более того, различия социального, или, как обычно принято выражаться, «племенного» состава у римлян с греками. Кстати, я вспомнил сейчас про КИПС Всесоюзной Академии наук, т. е. про Комиссию племенного состава населения СССР, где имею честь заведывать Кавказским отделом, и ставлю вопрос: не лучше ли было бы переименовать эту комиссию в КИСС, т. е. в «Комиссию по изучению социального состава населения СССР»? В греческом термине Посейдон,² яснее в более древнем его виде Poseydaon или Poteydaon исключительно сложное проявление скрещения, т. е. в слове имеем отложение наивысшего напряжения исторического процесса, пережитого соответственными социальными группировками,

¹ Н. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, СГ.ИМЖ, т. I, стр. 60 [см. здесь, стр. 3 сл.].

² См. примеч. 12 на стр. 156.

даже племенами, народами на пути к образованию чрезвычайно сложной по составу греческой нации, обязанной своим возникновением, как неизбежным результатом социально-экономических условий, хозяйственно-политическому схождению уже не первобытных племен, да не просто племен, а целых, также в путях скрещения возникших, исторических народов. Термин Poseydaon, греками донесенный до нас в значении 'бога моря', первично же одновременно означавший 'море', 'воду', 'реку' и т. п., представляет соединение двух уже готовых скрещенных слов poseu, первично — *po-ser, или *poter 'вода', и da-on та же 'вода', не говоря о том, что входящие в их состав первичные слова, так называемые элементы, po, ser → ter, da из dal, resp. dar и on, resp. don, также означали 'воду',¹ разумеется, в соответственно конструированной народности более простой по составу формации. Каждое из этих слов документируется в пользу предлагаемого сейчас разъяснения конкретными словами, наличными как реликты в живой речи и часто также в мертвых письменных языках, равно пережившими в топонимике, прежде всего в названиях рек по всей Африке. Обычное греческое, нарицательное имя ὕδωρ 'вода', имя, состоящее из двух элементов, как разновидность лат. su-dor 'пот', первично лишь 'вода', имеет в самом греческом формальную разновидность, по составу того же социального строя hu-dar || hu-dal в прилаг. ὕδαρ-ής, равно ὕδαρ-ος и даже ὕδαρ+έ-ος, одиавково означающих 'водянистый', да в отрицательном ἄν-υδρ-ος 'безводный', и в ряде других производных, как, напр., в греческом же ὑδρία 'ведро', 'кувшин', собственно 'сосуд для воды' и т. п. Но в родительном падеже ὕδατος то же греческое слово ὕδωρ представляет уже скрещение из трех элементов hu-da-t, в архетипе hu-da-tan или hu-da-ton, вклад более сложной социальной группировки, причем придаток -tan || -ton уже общий с лат. Ner-tun (здесь конечная его часть) и этр. Ne-tun-sl (здесь средняя его часть). В самом названии Посейдона есть так наз. дорийская разновидность Ποσειδάων, и она не фонетическая лишь разновидность Посейдона, собственно Ποσειδάων'α, или Ποσειδάων'α, а социальная, поскольку в ней вклад народа, возникшего из скрещения меньшего количества социальных группировок, всего трех, Po-teu-dan. Первая часть, общая у Ποσειδάν с Ποσειδάων, равно Ποσειδάων, т. е. poteu || poseu, в архетипе *poter || *poser, в усеченной форме входит в основу как греч. имени ποταμ-ός, 'река', так различных форм глагола πίνω 'пью'. кажущихся произведенными от него, как το πότ-ος 'напиток', πόσι-ος 'напиток', ποτέ-ος 'bibendus' и т. п.

Таким образом, полный четырехэлементный термин в названии морского бога Ποσειδάων или Ποσειδάων документируется лишь в одном, социальном, допустим, аттическом языке при ионийском Ποσειδέων; дело, однако, не в той или иной территориально-этнической группировке всего греческого народа с его мнимоединоязычием, а лишь в определенном его социальном слое. И этот социальный слой уже классово построенного греческого народа был не только в архитектуре и скульптуре творцом высших ценностей, но в органической связи с ними, с художественными достижениями, и в речи, здесь достижениями в созидании поня-

¹ Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, СГАИМК, т. I, стр. 61 [см. здесь, стр. 51].

тий и терминов надстроечного мира, строителем восприятия не просто воды — магии, или воды — культового предмета, а отвлеченного от стихии божества вод, даже специально 'морского бога', уже дифференцированного от 'небесного' и 'земного'.¹

Существенная важность этого, бесспорно, стадияльного развития в том, что с ним выявляется новая ступень не в эволюции лишь употребления слова, хотя бы его использования в зависимости от смены одного материального предмета другим в процессе развития хозяйства, а в том, что оно свидетельствует об изменении самого мышления в зависимости от «напряженно-сложных» социальных взаимоотношений (разумеется, в результате также учета хозяйственной жизни и экономики), однако со сменой не одного предмета другими просто материального порядка, когда техника лишь совершенствуется, а появлением такого предмета общего потребления, когда сама техника производства коренным образом сменяется, когда новая техника требует иного социального строя, и соответственно «напряженно-сложные взаимоотношения» диалектически разрешаются в борьбе социальных группировок, в числе их и класса, наиболее приспособленного к учету происшедшей смены технико-материальной обстановки. Другими словами, этим сдвигом человечество обязано не тому или иному народу, не тому или иному этносу или племени, а классу, собственно классовой дифференциации общества в зависимости от производства, притом сдвиг решается силой и качеством напряженных взаимоотношений, не количеством дифференцированных социальных группировок, а встречей их противоречий, и в связи с этим, имеем ли налицо их четыре, три, или хотя бы две группировки, — все это не меняет существа, а лишь изменяет модальность. Так, когда в самом греческом мире для понятия 'морской бог' или 'божество вод' мы имеем четырехэлементный Ποσειδάων или Ποσειδάων одновременно с трехэлементным Ποσειδάων, то располагали ли свидетельствуемые ими вкладчики в греческую речь, классовую речь, в одном случае языковым материалом четырех социальных группировок, как в Ποσειδάων, или трехэлементным Ποσειδάων (что, конечно, не безразлично для анализа исторического процесса, так же, как не менее важен для истории учет того реального социально-экономического факта, который сигнализируется лингвистически устанавливаемой историей формального развития Ποσειδάων, тем, что этот термин сложен не непосредственно из четырех элементов, а из двух, находившихся в обороте уже самостоятельных двухэлементных слов), всем этим не видоизменяется сущность идеологического достижения, возникновения термина надстроечного порядка с предпосылкой соответственного видоизменения самого мышления. У кого? у всего народа? Нет, первично лишь у господствующего класса. Так приходится подходить и к термину латинскому Neptun, и к этрусскому Neθunsl. Они одинаково состоят из трех элементов, а не четырех, как Ποσειδάων, или Ποσειδάων, и, тем не менее, означая, действительно, 'морского бога', 'бога вод' Neptun и Neθunsl, с птичьего полета, именно с точки зрения общепотребительного в греко-римском международном мире их осмысления, как будто ничем не отли-

¹ Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, стр. 62 [см. здесь, стр. 53—54].

*

чаются от греческого эквивалента, но если это и не так в точности было при краеведческом их бытовом использовании в зоне родной социальной среды, они все-таки свидетельствуют наравне с *Περσείδαων* о новой ступени стадийного развития, о надстроечном, отвлеченном восприятии созданного их общественностью представления или образа — персонафицированного божества вод, несмотря на переживания в мифах о нем и атрибутах материальной природы 'воды' и связанных с ней, как обычно говорим, мифологических, по первобытному мышлению существ, как-то 'коней' и т. п.

Но родственны ли термины латинский *Neptun* и этрусский *Neθunsl*, несмотря на их явное созвучие, в такой мере, чтобы утверждать об унаследовании римлянами своего термина от предшествовавших им насельников родного края, этрусков, не говоря об обратном явлении? Конечно, нет. Латинский и этрусский термины различаются и составом элементов и порядком их расположения, т. е. они исторически детища различных социальных образований, хотя включают в себя и общие элементы, бросающие свет на доисторию.

Латинское *Neptun* и этрусское *Neθunsl* одинаково состоят из трех элементов, причем третий элемент латинского термина *tun* в этрусском занимает второе место из-за наращенного звукового комплекса *sl*, этрусской редукции элемента *sal* (означавшего 'воду'). Представляемый этим элементом социальный слой выявляет громадную важность в этногонии еще доисторического для индоевропейцев населения Италии и даже Греции, где оно сохранилось в разновидности *ἄλ-ς* со значением 'моря', а в латинской речи целый ряд его разновидностей, *sal*, *sor*, *sel*, и др. не только со значением 'соли', как предполагают индоевропейцы, но со значением 'воды' и ее ближайших дериватов. И тем не менее его нет в составе латинского скрещенного термина *Neptun*, в то время как *Neθunsl* представляет в своем конечном *sl* позднейшее наращение сравнительно с *Neptun*. Так конечная часть *tun*, хотя и общий с этрусским самостоятельный элемент, показатель определенного социального слоя, в лат. термине *Neptun* есть позднейший придаток, так что, как исторически сложившиеся первичные скрещенные образования, вошедшие в состав латинского и греческого названий 'морского бога' или 'бога вод', это *ne-* с одной стороны, римский, и *ne-dun* с другой стороны, этрусский, т. е. в процессе исторического развития населения в Италии у латинского *Neptun*'а с этрусским *Neθunsl* общим оказывается только один элемент *ne-*, начальная часть каждого из этих терминов, и хотя эта часть именно этруская и свидетельствует об общности этого одного элемента, как наследия этрусской «доистории» римлян, нет никаких данных для усвоения ему значения надстроечного, позднее возникшего образа — самостоятельно вне единения с водой существующего божества.

Более того, первичная исторически сложившаяся часть лат. термина *per*, усеченный вид архетипа **ne + pel* или **ne + pul*, из которых первый сохранен нам греческим *ne + φει-ε* 'облако', 'туча',¹ в усечении подобно *per-*, что в латинском *Neptun*, *νεφος* 'облако', второй — латинским *ne + bul-a* 'туман', 'облако'.

¹ См. Н. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *ius*, СГАИМК, т. II, стр. 398—399.

Как будто все хорошо разъясняется, так как 'туча', 'облако' прекрасно увязывается с 'водой' и по нашим представлениям, но это именно и нехорошо, ибо по палеонтологии речи первобытное мышление 'облако' да 'тучи' увязывало с 'небом', и мы попутно можем напомнить лишь, что в этом смысле правильно сопоставляют индоевропейцы с греч. νεφέλη и лат. nebula 'облако', 'туча' русское «небо»,² также усеченный вид, как νεφ в греч. νεφ-ος 'облако'. Кроме того, если бы у нас речь была просто о 'боге', то мы не колебались бы отождествить его с 'небом', так как 'небо' → 'бог' обычное семантическое развитие, поскольку речь идет о космическом вообще 'боге', о 'боге-светиле', 'солнце' и т. п., но лат. Neptun 'небо-вода', 'небо-преисподняя', и прежде всего материально 'вода', 'море', 'река' и т. п.; следовательно, и первая его часть пер, возьмем ли его архетип *ne + pel или *ne + bul, должна бы означать 'воду', 'море' или 'реку', или один из ближайших дериватов этого имени, напр., глагол 'наводнить', и такой глагол nefel (нефэл) действительно сохранился в Средиземноморьи на африканском берегу, в берберском языке, где он значит именно 'наводнить', 'выступить из берегов'.

Конечно, это слово в конце концов идентично с греч. νεφέλη 'небо', лат. nebula 'туча', и можно сказать, что это общее достояние всего средиземноморского мира, где бы мы его ни находили, в греческом, латинском или берберском, но в имени 'бога вод' Neptunus его первая часть, пер, означавшая нарицательно 'воду', неразрывно увязывается с берб. nefel 'проливать'.²

Нас сейчас интересует стадильность идеологического развития слов от материального предмета 'воды' до надстроечного антропоморфизованного культового мира, т. е. 'морского бога' или 'бога вод' в сопутствии формального их развития от одноэлементного их состояния, будет ли это ne, fel или tun до двухэлементного ne-fel или ne-ɟun, в латинском ставшего трехэлементным Ne + p + tun, в этрусском трехэлементным Ne-ɟun-sl, так как это парно идущее развитие идеологии с формой сигнализирует исторический процесс общественной жизни, нарастание новой формации социальной структуры, с предпосылкой зарождения новых экономических условий, материальных и технических.³ Мы, однако, не хотели бы быть понятыми так, точно слепо строим заманчивую картину, подкупающую своей простотой, опасным упрощением. Мы не строим ничего от себя, а следуем в своем построении по пятам за фактами-видимостями, поддающимися обработке в факты-реальности благодаря палеонтологии речи. И потому мы несколько не думаем скрыть и того, что наша формулировка общего положения требует поправок, вытекающих из ряда наблюдений иного порядка. Так, прежде всего и особенно возникновение двух- и трехэлементных слов отнюдь не знаменует всегда и безоговорочно зарождения неизбежности в связи с ним перехода с одной материальной ступени развития идеологического содержания на другую ступень, характеризующуюся уже наличием представлений и понятий надстроечного мира.

¹ См. стр. 160, прим. 1 и Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи, стр. 61 [см. здесь, стр. 53]; его же, Орудийный и исходный падежи в кабардинском и абхазском, ДАН, 1928, стр. 225.

² См. Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, СГАИМК, т. II, стр. 399.

³ Н. Марр, О числительных. Сборник «Языковедные проблемы по числительным», Лен., 1927, стр. 43 [см. здесь, стр. 272].

Так, например, уже в аттическом греческом столь материальный предмет, как 'глаз', обозначается словом ὄφθαλμός, представляющим позднейшее скрепление или сложение двух синонимов — οφ и ἄλμ, каждый из которых также в свою очередь уже скрещен, образчик первичного скрещения, один из ο и φ (ср. ὄμμα), другой из ἄλ и μ. Однако, не говоря о том, что части тела, в числе их 'глаз', представляют позднейший инвентарь словаря с переносом на члены тела, как выяснила палеонтология речи, космических терминов, — в частности, на 'глаз' — названий светил, 'солнца' и 'луны', — все-таки самим фактом использования такого приема уточнения, как скрещение двух уже скрещенных образований, сигнализируется исторический процесс сложных социально-экономических взаимоотношений, их напряженной работы. Ничем иным, как таким рано наступившим процессом, нельзя объяснить того необычайно высокого развития звуковой речи, которое наблюдаем мы у греков. Имея достаточное основание и высшие уже в древности достижения греческого языка считать, наравне с непревзойденными художественными творениями той же Греции по архитектуре и скульптуре, одинаково историческими ценностями, трудно вопреки всем материалистически обосновываемым данным выводить их из какого-либо иного источника, кроме творческих сил самой греческой (прагреческой) общественности, получившейся в результате разрешения обострившихся социально-экономических взаимоотношений первоначальников родного края, их непримиримых противоречий и имевшей возможность продолжать и довершать уже новое, более сложное хозяйственно-культурное строительство, в том числе и дотоле неслыханный язык, эллинский, в путях скрещения и диалектического развития.

Взаимная же связь греческого и берберского с латинским нас сейчас интересует опять-таки в целях выявления той степени стадияльного развития звуковой речи, которая имеет прямое отношение к заведомо историческим эпохам, хотя бы и предшествующим образованию латинской речи.

Когда мы указывали на расхождение греков с римлянами в терминах первой необходимости, как 'хлеб', то наличие разных слов для такого понятия, как 'хлеб', свидетельствует о расхождении их исторической жизни с эпохи развитого земледельческого хозяйства, вклада определенной производственно-социальной группировки,¹ но ничего не предвещает о взаимоотношениях хотя бы той же производственно-социальной группировки на более ранних ступенях стадияльного развития, как лат. «panis» 'хлеб' не имеет никакой связи с греческими словами для того же предмета; но 'хлеб' представляет функциональную замену предмета питания того же порядка в 'желудях', и, когда первичный вид двухэлементного слова pan-is, собственно его основа pan, именно pan-an, встречается с греч. βέλαν-ος 'желудь',² то на той, более ранней ступени развития восстанавливается связь не всего латинского народа с греческим, а того социально-производственного его слоя, который, будучи издавна общим у обоих народов, был историческим носителем этого термина.

¹ Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 370—371.

² Н. Марр, Готтентоты-средиземноморцы, ИАН, 1928, стр. 412; его же, Карфаген и Рим, faz и jus, СГАИМК, т. II, стр. 381.

Местонахождение названной социальной группировки нет основания относить к Греции или иной зарубежной стране, когда дело идет о вкладчиках того же слова в латинскую речь. То же самое приходится утверждать, когда груз. *qveg* 'печеный в золе хлеб', первоначально вообще 'хлеб', в латинском сохранен словом, означающим 'дуб' — *queg-si-s*, *queg-queg-us* 'дубовый' и т. п.

Потому же, если берб. глагол *perel* 'наводнить' нам помогает восстановить имя **perel*, со значением 'воды', а слово **perel* 'вода', в усечении — *per*; и послужило отправной точкой для выработки такого латинского термина надстроечного мира, как *Per+tun*, то это не значит вовсе, что римляне слово взяли у африканцев, а лишь то, что социальный слой с тем же словом находился в составе населения Италии, где (это главное) переход названия 'воды' в термин надстроечного обособленного мира, именно 'бог вод', совершился в процессе соответственной смены ранней социально-экономической жизни новым типом хозяйства, новой техникой и новой формацией социальной структуры, а с нею и языком новой так наз. индоевропейской системы, латинским, разумеется, языком определенного класса.

На так наз. первобытной почве и Греции и Италии подбираются первичные одноэлементные термины со значением 'вода', сохранившиеся в основе производных от них глаголов; так, первая составная часть этрусск. *Ne-ḡun-sl* и лат. *Ne-p-tun-us*, именно элемент *pe* с разновидностью *pa* (*pā*) со значением 'вода', откапывается одноэлементно в основе глаголов греч. гомер. *vé-ω* 'плаваю', греч. *vā-ω* 'теку' и лат. *pa-ge* 'плавать'; на итальянской почве находим точно так же использование первой двухэлементной части этрусского *Ne-ḡun-sl*, именно *pe+ḡun* и его разновидности **pa-tu* в усечении со значением 'воды' 1) в основе лат. глагола **pa-t-are* 'плавать' (на итальянской почве), 2) на Кавказе в сванском слове *pi-ḡ-lieḡ* 'вода', и разновидность этого же слова *li-t* со значением 'моря' входит в состав лат. «*li+t-us*», род. «*li+tor-i-s*» 'морской берег', буквально 'моря берег'.

Ведь, связи у яфетических языков Кавказа даже с латинским порой так близки, что в них находим без реконструкции праязычные формы основных социальных терминов римской речи. В отношении же этрусского термина *Ne-ḡun-sl*, увязывающегося по особым основаниям, как мы видели, с 'облаком', 'тучей', 'туманом', Кавказ дает готовый сродный материал, представляющий скрепление первого его элемента *pe*-с последним *sl*: это грузинское двухэлементное слово *pi-sl*, означающее 'туман'.

Мы не имеем возможности так детально обсуждать весь тот языковый вклад вместе с сигнализуемым им бытом и порядком изживавшегося строя, который унаследован был римской жизнью, а затем классовой экспансией распространен в романизованном виде по всему латинскому миру. Тут и правовые, в частности религиозно-правовые нормы, и *fas*, *ius*,¹ и *pontifex*,² тут и письменность и 'книга' с терминами *scribo*, *li-ber*, *li-ttera*,³ тут и такие термины социальной структуры,

¹ См. Н. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *ius*, СГАИМК, т. II, стр. 372—415.

² См. Н. Марр, Значение и роль изучения меньшинства в краеведении, «Краеведение», № 1, 1927, стр. 13, отд. отт. [см. ИР, т. I, стр. 242]; его же, Карфаген и Рим, *fas* и *ius*, стр. 402.

³ Н. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории, «Книга о книге», изд. Инст. книговед., Лен. [см. здесь, стр. 219—245].

как *populus* 'народ',¹ *plebs* 'простонародье',² *urbs* 'город',³ *oppid-um* 'город',⁴ *rus* (род. *rus-is*) 'деревня', *vi + s-us* 'деревня', *ra + g-us* 'деревня' или 'село'.⁵

Это обилие слов, означающих 'деревню' или 'село', представляет само собой исключительный интерес для характеристики общего уклада в строе римского мира. Ведь каждый такой термин одновременно значит 'население', 'мир', первично тот или другой социальный, впоследствии племенной мир. Будучи так наз. племенным названием, следовательно, некогда тотемом соответственной первичной социальной группировки, слова, обозначающие 'деревню', как и 'город', осмысляются для момента возникновения не техникой селостроительства или градостроительства, а защитным магическим значением самого термина. Предупреждаю, что не иначе разъясняется и русское слово «город»⁶ или сир.-кавказское *kaḡka qalaq*,⁷ нами воспринимаемое анахронистически от «начала» в увязке по форме с 'оградой', 'кругом'. Сравнительное изучение нарицательных имен, эллинических и латинских, для обозначения населенных пунктов, сел, городов и деревень, выявляя различные пути смены одной ступени стадияльного развития другой, различную природу социального уклада, намечает, что разностью в них предопределялось колониально культурное хозяйство греков, государственная военно-культурная экспансия римлян без углубления последними своей общественности и ее идеологической проработки. Греция с Римом и в отношении термина 'город' оказываются независимыми друг от друга в исторической выработке названия 'города'. Лат. *urb-s* 'город' основой *ur-be* ↔ *or-be*, имеющей свои разновидности *ol-be* через голову Греции по Средиземноморью, Черноморью и Кавказу, в архетипе **kor-be* (← **kor-bel*) представляет прототип греческого *ko-me* (χῶμη- ← **kor-mel*), оставшегося со значением все еще 'деревни', 'села'. Однако греческий язык сохранил целый ряд его же разновидностей, увязывающих населенный пункт, село ли он или город, с бытовыми чертами различных ступеней стадияльного развития.

Прежде всего *ko-me*, название села, являясь тотемом соответственной социальной группировки, как предмет специального культа, некогда являлось, несомненно, божеством растительной пищи и напитка, откуда его двойник в греческом же χῶ-μος значит 'пир', 'вакхическое веселие', процессия в честь Вакха с пляской, пением и музыкой. Однако тот же состав элементов архетипа этого слова **kor-meg*, но скрещенных в обратном порядке *meg-kor*, это основа имени бога торговли *Meg + sig + i-us*, причем это имя признается этрусским по

¹ Н. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 383.

² N. Marr, *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges*, Petrograd, 1922, стр. 13 сл. [ИР, т. I, стр. 139 сл.]; его же, *Об яфетической теории*, Москва, 1925, стр. 14 и 28=ПЭРЯТ, стр. 209, 230 [см. здесь, стр. 13, 20].

³ Н. Марр, Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 665 и сл.; его же, *Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении*, стр. 14, отд. отт. [ИР, т. I, стр. 242—243]; его же, *Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике*, Чебоксары, 1926, стр. 11; его же, *Из поездки к европейским яфетидам*, ЯС, т. III, стр. 20=ПЭРЯТ, стр. 144; его же, *Иштарь*, ЯС, т. V, стр. 145 [см. здесь, стр. 323].

⁴ Н. Марр, Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 670.

⁵ Н. Марр, *Из переживаний доисторического населения Европы*, стр. 11 сл.

⁶ Н. Марр, Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 671.

⁷ Н. Марр, Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 670; его же, *Чуваши-яфетиды*, стр. 70; *Иштарь*, стр. 131, 138 [см. здесь, стр. 321, 325].

происхождению, тогда как оно не специально этрусское, а вообще долатинское, т. е. яфетическое.¹

Словом, это не доистория, а подлинная история с градостроительством. При таком богатстве хозяйственно-культурного наследия не в одних словах, а в самом укладе общественной жизни и быта, можно ли правильно подходить к изучению истории Рима (не в меньшей степени мы могли бы сказать то же самое и про историю Греции) без учета указанных исторических предпосылок в анализе процесса не только возникновения и развития римского народа, но и ряда последовавших вплоть до новейших времен смен стадияльного порядка в истории Италии? И не был ли прав итальянский археолог Милани (Milani), видевший «этрусские», правильное — яфетические переживания родного края в возрождении и расцвете тосканской живописи?

Однако достигший в Средиземноморьи той ступени стадияльного развития, на которой бог, вышедший из культа хлебных злаков и напитка, Меркурий, становится олицетворением торговли и городской жизни, греческий двойник его *Her + me-s* перебрасывает наш интерес в восточную Европу. Здесь двухэлементный его состав, сигнализирующий объединение первично двух социальных группировок, объединение, конкретно выявляемое так наз. племенным названием кимеров, осложняется третьим, ионским, в усечении *t*. И это означает где 'бог', где 'злой дух', где 'священное вообще место', на полях или в лесу: это *ker + e-me-t*² приволжских народов, на Кавказе ставший совершенно отвлеченным понятием, вообще 'богом', в ряде разновидностей увязывает Кавказ не только с финским севером и семитическим югом, но, разумеется, и со Средиземноморьем. Из десятка кавказских разновидностей *keremet'a*, тотемно связанного с черемисами, назову лишь две — наличный по праву в грузинской речи *tar-mar-θ* и внедрившийся в сванский *tar-maθ*, тотемный бог сарматов, и сванский бог *ger+me-θ* (*ger+be-θ*), первая двухэлементная часть которого пережила в греч. *Her + me-s'e*.

В то же время сохранившийся в Грузии редуцированный его вид *ǵ-meg-θ* 'бог' с его сибилантным эламским двойником *Smerd*, как наречен был брат ахеменидского царя Камбиза, иранца, перса, опять перебрасывает нас в восточную Европу, в среду самых глубинных процессов исторической жизни, в частности и русских, у последних в разновидностях оформления двух ступеней стадияльного развития самого термина. Более позднее трехэлементное образование греч. *ǵ-meg-θ* существовало и в составе еще первой своей двухэлементной части, без грузинской редукции начального гласного, в разновидности *ǵ[o]-meg ↔ ǵ[u]-migr*, с более древним произношением **ku-migr*.³ Из этих ранних двухэлементных образований **kumigr* социальной группировкой, изжившей аффрикатность, внесено в виде *kumigr* 'идол' в самую гущу языческих верований на Руси, и подлежит учету не просто слово, а им сигнализуемая общественность при выяснении не одного процесса утверждения христианской религии. На Кавказе, кроме организации того же

¹ Н. Марр, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, стр. 11 [ИР, т. I, стр. 240]; его же, Из Пиренейской Гурии, стр. 59.

² Н. Марр, О числительных, стр. 8 и сл. [см. здесь, стр. 251 и сл.]; Из Пиренейской Гурии, стр. 59 и др.

³ Н. Марр, О числительных, стр. 23 [см. здесь, стр. 260]; Скифский язык, стр. 376; Чуваши-яфетиды, стр. 51—52.

греческого класса, выкристаллизовавшегося своим строем в духовенство христианской церкви, с ним связана борьба исполинов; кое-что слышала о нем, как об особом племени go-mer'e, Библия; сами же местные кавказские яфетиды не только сохранили родное слово у себя и в значении так наз. племенного названия, и в значении 'борца-героя', 'исполина' (так армяне называют ga + mır'ами каппадокийцев, а для грузин gmr (← *gu-mır) — 'герой', 'богатырь'), но успели передать в тех же значениях и на север не одним иронам-осетинам, у которых gnmır значит 'исполин'.¹ С более далеким севером, финским и русским, яфетический Кавказ увязан тем же социально-культурным термином в иных оформлениях, как-то ko-pal ↔ ku-pal и u-pal ↔ u-pal: на Кавказе — у грузин-хевсуров и рачинцев koral-a, koral-e 'бог лесов', u-pal у древних грузин 'бог', 'господь', 'господин', на севере у ряда славян и не-славян божество kural-a и у финнов uupal → uupal-a — 'бог'.² Попутно отметим: толкования этих терминов собственными средствами да формальным методом индоевропеистики, без палеонтологии речи упрочило скандальное недоразумение в отношении и Купалы, и особенно русского прилагательного «убогий», в начальном «у-» которого усмотрели русский отрицательный префикс, тогда как в основе u+bo-g, двойнике «бога», трехэлементное еще дорусское яфетическое образование, и первая двухэлементная часть u+bo лишь разновидность финского u-pal, грузинского u-pal, с усечением плавного, как в эламском u+pa 'господин'; что же касается реального культового значения, оно вскрывается полной грузинской разновидностью qog-bal, означающей 'пшеницу', раньше 'жолудь — дуб'.³ Дело имеем, следовательно, с богом, также вышедшим из хлебных злаков, уже земледельческим. Совершенно верно, с одной оговоркой: «на определенной ступени стадияльного развития», ибо независимо от того, что само земледельческое божество — одновременно солнечное, при наличии космического мировоззрения термин, отождествляемый с 'небом', входит в круг астральных божеств. Культовый термин, надстроечное понятие, меняет свое содержание в зависимости от ступени хозяйственного развития и его природы. Будучи божеством древесно-питательным, вообще древесным, он в соответственной хозяйственной среде или на соответственной ступени стадияльного развития представляет и божество охоты, уже божество хтоническое и с ночным светилom. Так, Korala или Korale у грузин, хевсуров и рачинцев.

В связи со сказанным, культовые термины сигнализируют и социальную структуру. С земледельческим богом связан определенный классовый общественный строй.

Точно так же сибилантный двойник груз. g + mer-š, именно s-merd это уже прямо-таки название определенной социальной группы.

Племя ли эта производственная группировка? Конечно, нет. А племя ли болгары? племя ли хазары?

Ведь, палеонтологическое толкование племенных названий установило изменчивость их значения. Если племенные названия ряда народов означают, действи-

¹ Н. Марр, О числительных, стр. 23, прим. 2 [см. здесь, стр. 260, прим. 1].

² Н. Марр, Чуваши-яфетиды, стр. 51 и 52; Скифский язык, стр. 371.

³ Н. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 111; Скифский язык, стр. 372.

тельно, 'дети неба' или 'солнца', то это значит, как выясняет палеонтология речи, что на определенной ступени стадийного развития каждая социальная группировка, впоследствии племя, именовалась именно так.¹ Точно так же каждая река закономерно, а не несколько раз по случайности называлась 'рекой-лошадью'.²

Но в полном диахроническом разрезе значение так наз. племенного названия отнюдь не стабильно: оно меняется в зависимости от ступени стадийного развития хозяйства, техники, социальной структуры, а с ними и мышления.

То, что до сих пор вскрылось по толкованию племенных названий, достигалось и в яфетическом языкознании очной ставкой фактов и показаний без углубления диахронических исканий, без палеонтологических раскопок в звуковой речи: легко было установить, что названия этнических образований в яфетическом Кавказе астральные, перемежающиеся со звериными. Казалось, от избытка первобытной фантазии человек населил небо зверями, привычными в его обиходе на земле, но вскрылось возникновение того или иного названия в зависимости от той или иной ступени стадийного развития, т. е. наблюдается смена одного значения другим, новым. У племенных названий не только энихов, но и хай'ев (армян), на Кавказе, равно этрусков-пелазгов в Средиземноморьи, рядом с астральными оказалось значение 'коня', как бы 'коня-солнца'. При полисемантизме такое накопление значений казалось естественным продуктом 'девственной', мол, фантазии. На деле же энихи или армяне-хай назывались 'конями' (впоследствии 'всадниками', 'возницами') по хозяйственно-магическому, позднее, далее хозяйственно-культурному значению лошадей у данной социальной группировки.³

Так, не только хай, армяне, но их предшественники в той же стране $qai-dim \rightarrow qai-di$, означая 'солнце', в свое время в силу коневодной организации именуемой ими социальной группировки понимались как 'кони', и слово $qai-di$, действительно, и означало 'коней', будучи спирантным двойником баскского $sal-di$ 'лошадь'.⁴

'Лошади', 'конница', 'дружина' обозначались в свое время одним из древнейших так наз. племенных названий Кавказа ten , равно ten (от Батума в сторону Трапезунда по Черноморскому берегу). От ten '*лошадь' у грузин образован глагол $ten-e + ba$ 'гнать лошадь'. Синоним этого племенного названия laz также означает 'лошадь', функционально сменившую 'собаку' (абх. $a-lap-a$ 'лошадь', абх. $a-l\grave{a}$ 'собака'). Разновидность того же zap , как и $шпп$, означавшая также раньше 'собаку', впоследствии 'коня', 'конницу', 'рыцарское ополчение', 'дружину', позднее обратилась в сословное название: слово $azpauc$ 'дворянин' восходит, означая буквально 'дети azi ', собственно $zap'a$, — 'дети всадников' (лат. equites), 'рыцари'. Отсюда в греческих сказаниях $ya-zon$ — эпонимный прародитель еще тогда существовавшей социальной группировки о конях, букв. 'мужчина

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1925, стр. 690; Скифский язык, стр. 373.

² Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности, стр. 681.

³ Н. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗВО, т. XXV, стр. 229—256.

⁴ Н. Марр, Скифский язык, стр. 385.

(ya)+лошадь (đop)', как и ama-đop, означающая 'женская конница', буквально, 'женщина (ama)+лошадь (đop)'.

Таково же происхождение грузинской позднейшей знати, qarğ'ской, грузинских феодалов-воинов, носивших название qe+d-ag, буквально 'кони', от qe+dal (арм. he-tan), основы глагола груз. qe+dn-a 'ездить верхом'. У слова есть диалектическая разновидность: это известное так наз. племенное название, на самом деле название лишь 'конной дружины', это многострадальный термин qa+z-ag, постепенно переходящий на роль названия нового этнического образования, состав которого имел диапазон изменчивости от русского и турецкого до грузинского. Можно ли заниматься процессом образования феодального строя в Грузии или на Руси без учета того, что сигнализирует палеонтология речи?

Доистория ли названия главных рек и их притоков, которые и на юге, и на севере все яфетические? «Дон» не только значит 'вода', как и древнее название Волги — Rha, но одинаково и 'конь', 'лошадь'. Осетинский тут, как иранский, ни при чем. «Волга» оказалась по палеонтологическому разъяснению и 'водой-рекой' и 'рекой-лошадью'.¹

Доистория ли построение по этим великим водным путям городов, увязанных общей системой в наречении городов и схождением, так наз. родством в самом термине 'город'? Ведь многочисленные разновидности названия 'город', с севера на кавказский юг и далее, как-то «город», «град», kert, karka, kalaq, karđa и др., сводящиеся к трем архетипам *karta, *korto, *kerte, это детище трех группировок одной социальной массы, колхской или сколотской, т. е. скифской. Нас учат со слов греков, что скифы были кочевники и земледельцы. А скифы-воины? а скифы-торговцы? а сколоты, колхи, т. е. те же скифы с градостроительством и золотоискательством, греками отраженным в легенду?

Да разве земледелие исключает торговлю? Сам термин 'город', если спустимся с надстроечных небесных представлений на землю, имеет историю, увязывающую терминологически торговый пункт, 'город', с сельскохозяйственной ячейкой, 'двором'. Перечисленные разновидности названия 'города', все двухэлементные; им предшествовал одноэлементный kar 'город', сохраненный приволжским финским миром, но kar значил и поныне значит у яфетидов 'дверь', 'двор' (г. kar), будет ли это сельскохозяйственный, даже усадебный 'двор', или 'постоялый двор'.

При наличии великих торговых путей с яфетической терминологией в градостроительстве по этим рекам, сохранившим нам названия подлинных исторических хозяев, все еще яфетидов, доистория ли (хотя бы это происходило лишь до арабов-семитов и иранцев-персов), когда меновая единица, скифское слово, тождественное с их национальным названием, ставшее еще до русских из обозначателя определенного животного, скота, стада — золотом, у яфетических народов сохранило значение 'скота', 'стада', 'табуна' и т. п., и со значением 'золота' дошло по торговым путям, издревле проторенным для позднее появившихся персов и арабов, как живое слово торговли со значением 'золота' до германцев

¹ Н. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, стр. 690.

и приморских западных финнов, а до приволжских финнов и со значением 'скота'? Доистория ли это?

Быть может, доистория не только для финнов и армян, пожалуй, и для скифов, но не для нас, когда, мы, обладая палеонтологическим телескопом, видим, что северные финны-суоми и армяне населением юга Грузии именуются *suomi* и *someq*,¹ разновидностями названия месопотамского народа сумера или субара, причем то же наименование сохранилось вдоль Волги, в частности в чувашском отрезке, как в названиях ряда сел Subar, так в названии главного города чуваш Шифашкаг и самих чуваш *suvar*, *фэваш*.²

Доистория ли материально-формальная связь островного изолированного зодчества и его декоративной скульптуры со сродными памятниками яфетического Кавказа? Можно ли при выясняющихся фактах истории материальной культуры и звуковой речи подходить без их учета к решению проблемы о Суздальщине, ставившейся проф. Пресняковым?

Доистория ли легенда о градостроительстве, общая у Армении с Русью, как то разъяснено в одной из наших работ, легенда еще доскифская по источнику возникновения?³

Доистория ли в грузинском летописном перечне первых царей древнейшей все еще иберской или кимерской Грузии, что в их теофорных именах обнаруживаются культовые слова, общие с русскими и украинскими, уже нарицательными, как, например, имя 11-го и 17-го царей *Rok* ('небо-бог'), поскольку, как устанавливает палеонтология, с их значением 'неба' они употребляются в русской речи в смысле 'судьбы', буквально 'неба-судьбы', а в украинской (*rik, rok*), как и в польской (*rok*), в смысле 'года', буквально 'неба-времени', 'неба-года'?

Доистория ли, что в арабском переводе древнейшей версии обращения Армении, Албании и Грузии в христианство абхазы называются 'русскими', причем это показание находит подтверждение в схождении русских с абхазами в речи, так наз. их родстве, разумеется, как вкладе определенного социального слоя обоих этих языков?

Да, конечно, это подлинная доистория для русских, для украинцев да и для грузин. Для грузин, также как для армян, доистория — подлинная история Армении, история халдов или урарту, полная сказочного и в то же время наглядно зримого строительства не только храмов, дворцов, крепостей, городов, но и путей сообщения, грандиозных водопроводов, соперничавших обилием распределявшихся вод с местными горными реками, превосходя их и количеством, и, особенно, качеством, подачи во своевремя. Слышу вопрос: «использованы ли приемы этой грандиозной системы орошения нашим новым хозяйственным строительством в Армении?» Отвечаю: «А занимают ли археология и история у нас надлежащее место? Почему не увязана история материальной культуры с хозяйственным строительством?» Однако возвращаюсь к теме. Эта так наз. до-

¹ Н. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки, ДАН, 1929, стр. 29—33.

² Н. Марр, Чуваши-яфетиды, стр. 70.

³ Н. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК т. III, стр. 257—287.

история Армении, на деле подлинная ее история, запечатлена на скалах и камнях письменами звуковой речи, и когда эта звуковая речь увязывает творцов халдской или урартской истории с языком позднейшего населения края и о соответственной увязке говорят и памятники материальной культуры, можно ли говорить, что доармянская история есть доистория, хотя армяне, вышедшие из урартов и халдов в процессе диалектического развития, также не помнят ничего о своей подлинной прародине, как дети, малыши они или взрослые, о породившей их утробе? Можно оговориться лишь об одном, что при каждой новой исторической смене такого революционного порядка речь идет не о всем народе, а о руководящем властном классе, вожаке новотворчества, отнюдь не связанном массово со страной, и потому соответственно движению этого вожака-класса с его хозяйственно-боевой организацией, а не только боевой, и отнюдь не голой династией, звуковая речь урартцев и халдов увязана также и с грузинским, да и со всеми языками из круга в охвате того же исторического процесса.

Та же самая история, именно восприятие подлинно исторических эпох за доисторические наблюдается и в Персии. Для персов даже история родных иранцев Ахеменидов это доистория, мифический период. Что говорить о более древних исторических народах, в том числе тысячелетиями предшествовавших яфетидах шумерах и эламах? О них не только персы, но и весь ученый мир трактует в изоляции от тех, кто от них унаследовал культурное строительство, в том числе и речь, т. е. иранцев, и это по стопам формального метода индоевропеистики, и это несмотря на громадный письменный мертвый и живой материал звуковой речи.

Можно ли удивляться, что о связи севера, финского и русского, с месопотамским хозяйственно-культурным строительством заикнуться нельзя при отсутствии здесь письменных памятников? Предел увязки с югом — арабы и раньше иранцы-персы. Между тем звуковой речью связь шумеров с севером выявляется в такой степени, что и здесь мы оказываемся перед задачей распределить показательный материал по ступеням стадияльного развития, включив в число их и эпохи торговых сношений.

Сейчас берем восточную Европу, отрезок исключительного интереса не только потому, что своя рубашка к телу ближе, но потому, что сейчас проблема о восточной Европе, об ее бесспорной не только доисторической, но и исторической связи составляет наиболее актуальную часть напряженного исследовательского внимания. Археологи соревнуют с историками, накоплен громадный материал, угрожает еще больше накоплением, музеи полны памятниками материальной культуры, которые нередко сами по себе, как материалы, мировой научной ценности. Но на каком этапе находимся мы в изучении, напр., истории русского народа, хотя бы в вопросе о происхождении? Решен ли вопрос о руссах? Намечена ли связь с первоначальным населением Руси, и не топчемся ли по сей день на месте по всем вопросам — и по вопросу финно-русскому, и по вопросу болгарскому, равно хазарскому, и по вопросу скифо-сарматскому, не говоря о киммерском? Ведь, не ликвидирован даже норманский вопрос! Проблема о чуде, как реальный момент, а не терминологический, залутовывается непалеонтологическим, статическо-

германским восприятием готов, тогда как «чудь», как и «гот», плоть от плоти, кость от кости скифов, еще скифов-яфетидов.

Новое учение об языке не только дало тревожные знаки по насыщенности Восточной Европы, в частности Руси, переживаниями яфетического мира, и по увязанности современного нам населения, не исключая ни русских, ни украинцев с былыми яфетидами, а по речи и бытовым культурным переживаниям и с настоящими яфетидами.

Однако в этом бесконечно наматываемом клубке проблем есть центральная проблема. Это — скифская проблема. Она в себе сосредоточивает весь восточный научно-исследовательский вопрос, вопрос не только о Восточной Европе, но и о глубинной Азии. Монгольские древности, вклад экспедиции Козлова, подействовали лишь подъему интереса к скифскому миру выявлением связей откопанных памятников всего I в. со Средиземноморьем и его древнейшим, именно эгейским, искусством. Повышению интереса к скифской проблеме немало подействуют только что опубликованные археологические находки, сделанные в Венгрии в конце апреля 1928 г.

Палеонтологические разыскания в звуковой речи Запада нас вынуждают увязать и кельтскую проблему со скифской. Вот, поистине, в данный момент проблема мирового исследовательского значения, притом обставленная исключительно богатым материалом. При ее постановке в полном объеме — это наступление на доселе неприступную крепость, неукошительно охраняемую поборниками старых методов, крепость с проблемой всего Средиземноморья, афревразийского, со включением и эллинской половины и латинской ее антитезы.

Работа на Западе для подступа к романской части средиземноморской проблемы должна быть ведена краеведчески от пережиточных центров яфетической общности, как отправной точки, с привлечением кельтских исторических образований. Но на Западе, в единственном подлинно яфетическом гнезде, баскском, научное дело обстоит слишком слабо, чтобы надеяться на самостоятельную трактовку обширного вопроса о творческих факторах субстрата современного европейского населения и противопоставить засилью классических централистических построений. И в Париже трудны прочные достижения, когда такие веяния находят себе почву в практической работе испытанных по истории материальной культуры исследователей, напр., Фосильона (Focillon) в его тезе о романском искусстве, выдвигаемой им и его учениками с концепцией независимой от римского влияния генетики.

Нам же при создавшихся условиях можно брать на разработку лишь отдельные темы из истории борьбы сломленной, но все-таки не изничтоженной баскской общности и по доистории.

Кстати, неучет коренных расхождений даже латинского с греческим, как то было выявлено, более того, неспособность индоевропейцев их учитывать при наличном у них изолирующем, формальном методе органически увязаны с отсутствием какого бы то ни было внимания к режущим глаза своей яркостью схождениям греческого или латинского с яфетическими языками Кавказа, Пиренеев или Памира. Так, даже при общности коренного слова, т. е., когда население Элады,

напр., в слове 'нога' расходится с римлянами лишь по групповой огласовке — греч. *pu-s*, род. *po + d-os*, лат. *pe-s*, род. *pe + dis*, то латинская разновидность (*pe-d*) ближе стоит к груз. *pep-q* (→ народн. *pe-ḡ*) 'нога' → *ber-k* (в древнелит. *kuarḡḡl-berk* 'нога', *resp.* 'подножие трона'), чем к греческому, а греческая разновидность *po + d* ближе к мегр. *bor-k* 'нога', причем на Кавказе налицо и акающая форма в составном груз. *bar-kal* 'лядвев', 'бедро' (ср. сем. арабск. *vaḡk^{an}* 'лядвев', 'бедро'), арм. *baḡ + d-q id*. Не говорим уже о случаях коренного расхождения индоевропейских языков населения Греции и римской страны, так: 1) когда греч. 'рука' *χεῖρ, χεῖρός* и, как установлено палеонтологически, *μαρ* так же, как в груз. *maḡ, qel, resp. qel* (из св. *qer*) и как палеонтологически установлено (в названии 'правой' и 'левой' руки), 2) при *σίτος* и *ἄρτος* 'хлеб' у греков, 'жолудь' — скрещенный термин *bal+an*, успевший у римлян стать названием 'хлеба' (*rap-1 + s* ← **palan + 1-s*), причем у грузин первая часть, элемент, без изменения налицо в скрещении из элементов АВ в термине *ḡor-bal* 'пшеница', мегр. *qo-bal* 'хлеб', и также часть *bal* самостоятельно в виде безукоризненного закономерного его двойника по шипящей группе *rig*, наличного у грузин в значении повседневного обычного слова для обозначения 'хлеба', и значение именно 'хлеба' уже выявляет не только усвоенное из шипящей группы грузинское *rig* вместо родного по основному его слою *bal*, но, помимо яфетических языков Кавказа (см. выше: г. *ḡor-bal*, м. *qo-bal* и т. п.), с видоизменением плавного (b в r) также бретонская разновидность того же скрещения *bar-a* (из *bar-pn*) 'хлеб'; 3) что же касается греческих названий 'хлеба', то если одно из них случай, иллюстрирующий схождение греческого языка, собственно соответственного слоя, с яфетическими языками Кавказа, именно с грузинским и мегрельским (г. *ta + d* 'маисовый хлеб' || **tku-dv*, мегр. *tki-d*), это греч. *σίτος* 'хлеб', то другое, именно *ar + to-s*, ставит греческий язык соответственного напластования в один круг с баскским, где *ar + to* значит 'маис', 'кукуруза', при его разновидности *ar-te* — еще 'дубе' (ср. *ar-ḡ* также 'дуб').

По доистории актуальный интерес представляют баски по переживаниям матриархата. В этом отношении речь их настолько исключительно архаична, что дает вскрыть ступень стадияльного развития, когда прабаски с прагреками переживали еще состояние первобытного коммунизма без учета полового различия в общественности, что отразилось в звуковой речи, так что возглавляющий производство вожак социальной группировки у басков сохранился в значении 'женщины' *an+der-e*, а у греков в значении 'мужчины' *an-er* из **an-der* (род. *andr-os*), причем термин в обоих случаях означал первично 'руку', 'орудие производства'.

Таким образом, нам остается наша часть средиземноморского исследовательского дела, его восточная половина, эллинская, с ее эгейской так наз. предисторией, доселе девственно нетронутая для разработки новым методом анализа скрещения и разрешения его противоречий в диалектических путях, и брать эту крепость мы можем лишь той краеведческой постановкой скифской проблемы с анализом исторического процесса, переживавшегося скифами в скрещении с десятком и того более различных социальных образований, в том числе и их наследников, русских и украинцев, — той, следовательно, постановкой, на которую, думаю,

имеет особые основания считать себя подготовленной и идеологически и источниковедчески-материально наша советская историческая наука.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! Я так много говорил, что сказанного, думаю, было достаточно. Начну с последнего замечания, потому что оно самое критическое, самое существенное. Это замечание, касающееся путаницы в терминологии. Но виноват ли я в этом — не знаю, потому что я еще нужных терминов не нахожу. Нельзя все время в кавычках ставить в новом смысле используемый термин. Мне нужна определенная социальная группировка, которая не будет ни племенем, ни случайной группой. Когда это производственно-социальная группа, как мне ее назвать? Я с удовольствием приму термин, если мне его укажут. Я понимаю, что нельзя ее назвать классом в обычном теперь смысле, но назвать этнической группой я не могу. Поэтому и происходит путаница. Эти вопросы могут быть решены только марксистами. Вот почему несколько лет тому назад я говорил, что нашей работе конец, что мы дальше продолжать не можем. Эта напечатано. Я говорил в обращении к ученикам, что если они не будут продолжать это дело в сторону социологическую и марксистскую, то нашему делу конец. Можно дожидаться, когда марксисты возьмут его в свои руки и вас с вашим учителем выгонят вон. Это напечатано. И тогда марризм погибнет, и будет марксизм. Я не хочу, чтобы сам Марр погиб. Но марризм пусть погибнет! Да я и не предполагал, что это марризм. Я никогда не считал это марризмом, потому что это дело определенных общественных условий, конечно, трудно мне сказать, каких именно. Я думаю, что здесь вопрос не в материале, а в некотором воспитании. Это воспитание, хотя и русское, я получил в Ленинграде в академических условиях университета с его многоязычием, в частности факультета восточных языков. Без этого не было бы и марризма.

Теперь перейду по порядку к замечаниям. Мне говорят: почему вы не сделали такую-то вещь, такую-то вещь? Но дело в том, что я не разрабатывал теории в порядке составления учебника или курса на основании готовой специальной литературы. Ведь, если индоевропейская лингвистика не могла всех этих вопросов осветить, то как же вы предлагаете это сделать лицу, которое почти что находится в изоляции, поскольку большинство и моих учеников занимается изучением отдельных языков? Надо, конечно, интересоваться изучением отдельных языков, теперь более углубленным изучением, но я один не мог и не могу все эти вопросы разрешить. Настанут времена, когда в этом деле примут участие не только специалисты-лингвисты. Конечно, к ним на помощь придут обществоведы и в первую очередь — марксисты. Только тогда все это будет возможно разработать.

Первое замечание первого оратора, который здесь выступал, это указание на то, что я не коснулся кимеров, между тем им доказана общность кимерских прародителей у народов различных, как предполагалось, семей — финнов и русских. Я не знал, что это документально доказано. Если это доказано, то, конечно, я всецело к этому присоединяюсь. Я нарочно, когда говорил о скифах, решил не

касаться вопроса о кимерах, так как не знал, что это исторически трактуемо, не говоря о том, что теперь доказано. Но, несомненно, кимеры входят в состав первоначального населения западной Европы и восточной Европы. В частности в России они не только входят в состав субстрата ее населения, но принимали участие в созидании социально выработанных звуковых «законов», которые теперь свойственны и русскому языку по наследию. Это для меня никогда не подлежало никакому сомнению. Но я считаю, что одной лингвистикой этих вопросов решить нельзя. Мы должны их согласовать с историей всякого рода, с историей материальной культуры и просто культуры.

Следующий оратор сделал совершенно правильное замечание. Я бы выразился так: мы можем использовать яфетическую теорию в истории, но это очень трудно. Почему? Потому что, когда историк имеет дело с недавней эпохой, это одно дело, а когда он имеет дело с давно прошедшими временами — это другое. Возьмите, например, слово «плебей». С этим словом связана большая проблема. Многие говорили, что плебей, это — не особый класс, а племя. Я тоже стоял в его толковании на этой точке зрения. Однако выяснилось, что племя (объединение на крови), также как род и как семья, есть позднейшее социальное достижение. Мы сейчас ставим вопрос об использовании яфетической теории для истории. Раз мы говорим о плебее, то нужно выяснить, какая это социальная группировка. Все это кто вскрыл? Это вскрыла яфетическая теория. Вместе с тем же вопросом о плебее выступает вопрос о 12 таблицах. Именно из того, что в таблицах используются языки не одного народа, а различных народов, выходит, следовательно, не народов, а классов, и это правильно, так как языки все доселе классовые. Вот это вопрос чрезвычайно важный. Яфетическая теория касается общественности, истории материальной культуры, вообще исторической науки и целого ряда других наук, в результате изучения конкретных явлений звуковой речи, увязанной со всем окружением. Но все-таки я должен сказать, что яфетическая теория в настоящий момент не может быть использована в такой мере, в какой она должна была бы быть использована, если бы она была проработана в мере ее возможностей. Сейчас стал вопрос о стадийном развитии. Когда это стадийное развитие будет окончательно выяснено — не в том смысле, как схематически этот вопрос мы и теперь изучаем в общих недифференцированных линиях, а в смысле того, что именно собой представляет конкретно каждое стадийное развитие, — тогда будет качественно установлено, на каких этапах, на каких основаниях и в каких условиях были выработаны первые и последующие пласты звуковой речи и последовательность соответственных напластований. Тогда, конечно, историки все это смогут использовать. Но сейчас мы чувствуем одно: мы должны отказаться от того, что есть какая-то доистория, как ее называли. Никакой доистории не существует, а есть только забытая история, по-гречески — «лефонистория». Таким образом, кой-что и для истории остается из области так наз. доистории. Это уже большое достижение. Это дает возможность подходить к целому ряду языковых явлений с большей конкретизацией выводов и утверждений. Что касается семантики, то кое-что для изучения и усвоения в докладе имелось. Я брал сегодня не звуковые переходы, а целый

ряд слов, легко воспринимаемых и сближаемых со стороны звучания. Это более понятно при палеонтологическом вскрытии узвязки их значений. Но это не значит, что мы только теперь ставим вопрос об этой семантике. Мы хотим вскрыть и вскрываем социальные явления в «корне» слов, именно в их значениях, как того требует и история. Это касается семантики не только слов, но и форм, окончаний или суффиксов, равно префиксов и т. п. Я должен сказать, что вначале женского и мужского рода не было отдельно, потому что не было разделения на мужской и женский род. Это доказывают даже такие термины, как папа, мама и целый ряд тому подобных лингвистических вещей. Я привожу пример с папой и мамой потому, что это обычный пример. Многие думают, что папа и мама это два различных слова. Ничего подобного, папа наследовал свое название от мамы с ее правами: вначале не было ни папы, ни мамы, а потом настал период, когда была мама, когда мама была известна, но папа был еще неизвестен, а затем, когда папа появился, получилось не то хуже, не то лучше. Больше порядка, меньше свободы. Но папа вступил в физические права матери? Нет. Очевидно, не в физические права, а в права социально-общественные. А потом оказалось, это не был сразу только папа, а это был и брат. Таким образом, получается совершенно иное соотношение вещей, о котором долго рассказывать, но значительная часть этого напечатана. Но тем не менее я хочу сказать, что в связи с этим не могло быть и женского рода. Раз язык социально возникал, и раз явления даже фонетические, даже морфологические были социального характера, как же они могли отражать то, что людским коллективом не осознавалось? Не было никакого различия — мужчина или женщина. Во главе стоит — и больше ничего. А когда впоследствии получилось такое общество, где женщины и мужчины различались, тогда появился не только мужской род, но даже и средний род. Ну, скажите, какой это род средний? Надо быть совершенно наивным человеком, чтобы признавать средний род. Ясное дело — это пережиток того, что было при концепции социальных отношений трояких родов, отразившихся в мировоззрении о трех мирах, верхнем, нижнем и преисподнем. Это тоже более или менее разъяснено, и это — совершенно элементарная вещь. Но все-таки замечание этого оратора — «чтобы использовать, надо конкретно подойти» — совершенно верно. Мы об этом говорили. Но лингвист этого не может сделать. Нужно, чтобы марксист-историк подошел и взял это в свои руки. Многие когда-то говорили мне: «Как хорошо! Вы изучаете Кавказ» (в то время у меня была национальная установка). Или когда я приезжал в Грузию и Армению: «Как хорошо, что вы изучаете армянский язык, продолжайте изучать». Покорно благодарю. Это выходило бы так, как когда теперь сочувствующие говорят: «Хороша ваша теория. Продолжайте дальше». Не будет этого. Продолжать яфетическую теорию могут только лингвисты, но только тогда, когда это изучение увязано с целым рядом различных дисциплин, которые связаны с языками всего мира. Но для этого надо быть тем, как кто-то меня называл, т. е. шарлатаном, чтобы браться за такое изучение. Буду ли я марксистом или нет, я должен признать, что без коллективной работы этого нельзя сделать. Вот почему я против всякой индивидуалистически построенной работы. Нужна масса знаний, при этом

не количественная, а качественная. Без этих знаний невозможно охватить все это. Для этого нужна та система работы, о которой мы пишем и пишем во всех программах, но к которой мы никак не подходим. У нас в учреждениях все сидят по различным отделам и не поделятся друг с другом. И когда есть какой-нибудь материал, один прячет его от другого. Показывают уже только тогда друг другу, когда бывают результаты. Это даже в том учреждении, во главе которого я нахожусь.

Теперь о матриархате и о замечаниях т. Кушнера. Помилуйте, как же это так — класс? Как это я употребил такой термин? Можно найти другой термин. Я сказал, что были эти так наз. классы, были такие общественные деления. Но я сегодня не излагал историческую теорию. Я излагал только вопросы, которые характеризуют яфетическую теорию. Но есть целый ряд других указаний, что были классы, напр., наличие сравнительной степени и превосходной. Я сказал, что это отражение различных так наз. племенных (собственно говоря социальных) группировок, когда вы в греческом языке имеете различные корни, различные прилагательные в различных степенях. По-русски вы имеете две степени — положительную и сравнительную,¹ а там — три — положительную, сравнительную и превосходную. Если даже историк скажет мне, что там не было таких трех слоев, я скажу: значит, у вас нет материала, значит, вы не знаете, что произошло с этим народом. У них были три дифференцированных слоя, потому что для каждого слоя были такие определенные группы слов, которые выдвинуло только это племя, собственно этот социальный слой. Были там притеснение, гнет? — конечно, язык не может этого сказать. Он не может сказать, что один класс бил другой. Но язык может сказать одну вещь: когда-то была племенная группировка, которая находилась на низшей ступени, которая находилась в определенном утеснении. Мы можем сказать все-таки, что на известной ступени социального развития факт утеснения одного социального слоя имел место, о чем отчетливо говорят определенные термины надстроечного или морального порядка — 'грубый', 'подлый', 'злой', 'дурной', и т. п., отождествляющиеся с так называемыми племенными названиями, соответственно названиям определенных социальных слоев. Дальнейшее уточнение зависит от языкового материала и т. д. Здесь не может быть никакого сомнения не только в указанной значимости степеней сравнения, но и в источнике использования в указанном смысле так наз. племенных слов, которые относятся к тотему определенной группы, отождествляются с этой группой. Все это имеет, предполагается, особое значение для начальной эпохи, когда создаются все эти слова. Теперь, конечно, другое дело. Не изыскивается же та же техника в образовании таких слов, как — телефон, наркомпрос и т. д. Это слова, которые нельзя ставить для иллюстрации словотворчества ни на одной из предшествующих ступеней стадийального развития, не говоря о начальных эпохах.

Вот, говорят, английский язык — образчик скрещения. В английском языке в целом совершенно другой вид процесса скрещения, другая модальность

¹ В русском языке искусственное оформление или описательное выражение превосходной степени представляет вторичное явление.

образования и другая структура, если не система, в связи с историей. И вы говорите, ведь, об истории. Совершенно другое дело, когда речь идет о «классовой» дифференцированности. Самое главное: для обществоведа-марксиста яфетическая теория вполне приемлема, может быть, потому, что ничего особенного не говорит. Но вызывает сомнение «классовая» дифференцированность в эпоху возникновения языка. Отчего происходит сомнение? Оттого, что предполагают, что звуковая речь началась с первого момента возникновения человечества и его общественности. Это есть глубочайшее недоразумение. Звуковая речь началась тогда, когда человечество проделало громадный путь развития не одной материальной культуры. Она появилась на высокой ступени развития, до которой дошло человечество, имея позади почти весь палеолит. Всю предшествующую ступень развития человечество прошло с линейной речью, беззвуковой. И эта линейная речь была в практике так долго, что возникает мысль об увязке с нею позднейших культурных достижений. Так долго господствовала линейная речь, что М. Н. Покровский предположил и, думаю, основательно, возможность увязки возникновения письменности с пережитками линейной речи. Когда звуковая речь началась, и тогда еще не сразу устанавливался обыденный, или повседневный, язык. Ничего подобного. Люди продолжали говорить линейной речью, жестами, только приправляя ее звуками. Вы, вероятно, думаете, что тогда, с рождением звуковой речи, люди интересовались тем, как называть 'нос' или 'хлеб', или 'пошел домой'? Совершенно нет, обыденная речь возникла очень поздно.

Возникает вопрос о том, что сама звуковая речь была классовой. Масса оставалась еще без звуковой речи, ей было достаточно иметь линейную речь. Она была так же неграмотна по звуковой речи, как у нас в XX веке есть неграмотные по письменности. Просто писать не умеют. Так было и тогда. Язык звуковой распространялся так же, или так же имели интерес не распространять его, как не распространяли грамотность.

Теперь вопрос о собственности. Само собою понятно, что для того, чтобы говорить о праве собственности, должно быть лицо. Это лицо должно было быть, как сказали бы мы, юридическое. Кто же было юридическое лицо? Первого лица вовсе не было. Лингвистика вам утверждает, что первого лица не было. Началось с третьего лица. Теперь прекрасно. Кто заботится о том, чтобы у третьего лица была собственность? Каждый заботится о первом лице, причем из вежливости бывает так, что заботятся о втором лице, а про третье — ничего хорошего. Это не шутка, а факт, что именно первое лицо появляется, когда общественное хозяйство становится таким, что требует этого права собственности. А, между тем, право собственности было иного характера. Оно принадлежало коллективу. А что же оказалось лингвистически? Вместо третьего лица оказывается название коллектива, сам коллектив, с его названием, тотемом. Когда говорили: «принадлежит ему», это вовсе не значило — «Ивану Ивановичу». Действительно, так называемые племенные названия, некогда тотемы, были священными, впоследствии стали божьими. Поэтому право собственности и названо священным. Право собственности — это для старого мира божье,

святое дело. Может быть, оно, действительно, при известных условиях должно было быть чем-нибудь закреплено, чтобы это право было вне спора, крепко. Но так как палеонтологией тогда не занимались, то после некоторого времени подобного «совпадения» получилось, что собственность принадлежит не племени (конкретному коллективу), а богу, абстрактному, сначала коллективу, впоследствии тем, которые богом взысканы, захвачены (бесноватый, шаман, жрец и т. д.); иначе приходится воспринимать не только лицо, но даже самое понятие и о лице, и о собственности. Для того, чтобы понять это право собственности, как мы понимаем, надо знать, что представления единичности не было вне увязки со множеством. Не было самостоятельного представления единичности. Говоря проще, единиц не было в языке, потому что не было единственного числа. Мы говорим так, что сначала единственное число, а потом множественное, а на самом деле этого не было. Когда стали объяснять положение, что надо единичное, индивидуальное, стали специально образовывать единственное число. Но мы так много прожили, человечество так много прожило, что кажется странным, что как это единиц не знать и не начинать с единиц не только исчисления, но и самого мироздания; отсюда — вначале был бог, который сотворил все, и небо, и землю и т. д., и даже когда «вначале было слово», то «слово было бога», даже сам «бог» (равно языкотворчество на «научной» теории), сначала был праязык. Ввиду того, что мой родной язык — яфетический — имеет такие особенности, я никак не понимал, почему смеялись, когда я приходил домой и говорил: «хочу вымыть себе руку». Почему руку, а не руки? По-грузински нельзя так сказать. В этих языках нет этого понятия, что если назвал себя, то это единственное, а понимается вообще. Точно так же относительно 'леса' и 'дерева'. 'Лес' и 'дерево' было одно и то же слово. Да целый ряд был таких слов. Эти особенности требуют совершенно конкретных выражений единственного числа. А что касается вопросов классового деления, то я тоже занимался этим. Я пробовал найти выход и думал: почему классы должны быть расположены слоями один над другим? Могли рядом сожительствовать с участием в одном общественно сближающем деле, занимаясь каждый своею технически-специальной работой, а потом следует объединение иного порядка. Но все-таки без первичного производственно-общественного сближения и объединения различных групп не выходит и по другим еще соображениям чисто лингвистического характера: если не будет такого экономического, конкретно производственно-социального стимула к такого рода совместной работе, если каждый в своем углу, нет объединения, и каждый остается при своем, то нет и не было бы скрещения, без чего не было бы и звуковой речи, не было бы никакого «фонемного» языка без такого скрещения, которое пережиточно проявляется и в наши дни и которое можно иллюстрировать на одном примере из вотского языка. Воляки называют землю «му», но она называют ее и «музем». Ему надо сказать «му» (родное) и «зем» (усвоенное от русских в процессе непосредственного общения). Когда в древности слова скрещивались, то имелись иные условия, и скрещение массово протекало соответственно особым процессам, имевшим совершенно другое массово-творческое значение.

Теперь по вопросу об Индии. Это чрезвычайно интересные наблюдения, о которых еще раньше со мной говорил устно т. Мухарджи. Говорили и другие лица. Здесь также нужна яфетидологическая проработка материала. Конечно, насчет Индии уйма вопросов. Кардинальный — об отношении к санскриту языков населения той же Индии, со звуковой речью более древней системы, в том числе разностадийной (яфетической). Но вот был затронут вопрос касательно терминов 'соха' и 'овин'. Имеются ли указания на их происхождение? — Да. Я обо всех терминах, которые здесь перечислялись, не могу просто ответить, я ими всеми и не занимался. Но 'соха' и 'плуг' выяснились, и здесь точно так же не надо к ним подходить технологически, с техническим восприятием их природы. Нам кажется, что к предмету нельзя подходить прежде всего таким образом — из чего сделано, как сделано, — но под углом того, какие давались предмету тогда функции. А это вовсе не вытекало из того, что сделано и как сделано. Поэтому ученые, при таком упрощенно «материалистическом» подходе говорили: «соха — деревяжка, а плуг — что-нибудь другое». На деле же вопрос был в том, какое назначение имели эти орудия. Оказалось, что 'плуг' и 'соха', это просто скифские слова, магического порядка, впоследствии означающие 'бог'. Это культовый, первично магический термин. Я говорил относительно того термина, который из хлеба становится божеством отвлеченным, и того термина, который из воды становится также божеством отвлеченным. Теперь ясное дело, что, когда мы сравниваем палеонтологически, мы можем брать из одного языка 'бог', а из другого языка 'хлеб'. В связи с этим я останавлиюсь еще на одном слове: оказывается, что в русском языке «бог» связан с немецким «Brod», которое увязано с французским «blé». Тут «бог», выработавшийся из земледельческих хлебных знаков. Что касается слов «Brod» и «blé», то есть индоевропейское объяснение этих слов. Объяснение таково: «blé» происходит от латинского слова «blat», но на этом это объяснение останавливается и откровенно прибавляют, что корень неизвестен. Нет никакого основания строить такое объяснение и притом незачем строить слово, которое никому ни по каким конкретным данным неизвестно.

Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений¹

И из-за римского рода «ясно-выглядывает прокез».

Фр. Энгельс.

Конечно, Энгельс был прав, отстаивая наличие прокеза на предшествующей стадии развития социального типа римлян. Он приходил к этому, опираясь на лучших из современных ему этнографов и классиков, в результате уяснения целого ряда правовых отношений, в девяти пунктах, в стабилизовавшейся общественности римского населения, его древнем родовом укладе, в итоге чего, перед выписанной нами как мотто фразой, Энгельс говорит:² «Таковы были функции римского рода. За исключением уже совершившегося перехода к отцовскому праву, эти функции суть верное отражение прав и обязанностей прокезского рода». Энгельс мог бы сослаться для иллюстрации перехода от материнского права к отцовскому на переход слова *māter* с 'матери' на 'отца' — *pater*, что представляет по фонетическим нормам яфетической системы лишь позднейшую (с утратой долготы) разновидность слова *māter* (**mal-tei*), причем это дело не римского или какого-либо иного цельного народа-массива, а определенного слоя, определенной производственно-социальной группировки (лишь впоследствии то класса и сословия, то клана или этноса), внесшей родной термин в ту или иную так называемую доисторическую речевую систему: возникнув там, пережил он в прометеидской системе языков, возобладавшей главным образом в Европе, но отчасти и в Азии (Иран и Индия),³ тогда как в языках других систем мы встречаем или еще одноэлементный эквивалент, или иное распределение или иную комбинацию элементов в тех же терминах 'мать' и 'отец', так в языке переходного («гибридного») типа, например, в арм. *maug* (← **ma-g-1*) 'мать', фр. «*règè*» ← **raug-e* ← «*rag-1* (ср. этр. *rag* 'отец', равно на Кавказе у грузин в *tipa-rag* 'пра-отец', 'предок'); в наличном же состоянии языков яфетической системы — пестрая картина распределения. Так, в сибилантной ветви, более приближенной к системам четвертичного периода, семитической и прометеидской, основная часть *mā-ter*, именно *mā* ← *mal* в удвоении служит для выражения уже 'отца' — г. *ma-ta* (← г. *ma-mal* 'петух', 'самец' и т. п.), а для 'матери' облюбован термин из удвоения элемента А: г. *de-da* ← г. *de-dal* 'наседка', 'самка',⁴ в русском прослеживаемый в словах одного круга с 'отцом',

¹ [Напечатано в сборнике «На боевом посту», Гиз, Москва, 1930, стр. 361—384.]

² Происхождение семьи, частной собственности и государства, 2-е изд., 1925, стр. 70.

³ Отсюда по праву захвата присвоение ей клички «индоевропейской», хотя ни в Европе, ни в Индии языки этой системы вовсе не единственны даже теперь, и наиболее «чистые» ее представители уже выбыли вместе с говорившими на них классами из обихода живых народов.

⁴ О разновидностях этих грузинских терминов для обозначения 'матери' и 'отца' и их разнообразном использовании в самом грузинском и других яфетических языках, равно в таких языках прометеидской системы, как армянский, курдский, см. Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, V, ИАН, 1913, стр. 175—178, однако пользоваться работой следует с учетом того, что работа проделана вне применения позднее открытых четырех лингвистических элементов.

как то «дед» ← *deu-d. Что же касается семитической системы, в ней то же соотношение тех же по составу элементов, что в языках протоегипетской системы (ВА), но, в обратном порядке, обычно с утратой элемента А: арб. *ʕi-ṯi* 'мать' и арб. *ʕa-bi* (но и просто *bi*), в других семитических языках с колебаниями в огласовке, особенно в слове 'мать'.

Но язык в освещении проблемы собственности Энгельсом не был использован. Почему? Конечно, не потому, что сам Энгельс был невнимателен к языку. Наоборот, он пользовался каждым случаем, когда лингвистика давала ему возможность чем-либо поживиться, но от тощей индоевропейской коровы, кроме лишь формально обоснованного компаративизма, ничего нельзя было получить. Даже предоставляя ему прекрасный материал для разъяснения латинского слова *rex* 'царь', именно его «соответствие кельто-ирландскому *riġh* ('родовой старшина') и готскому *reiks*», и последнее рядом с особым словом также готским «*thiudans*», с выявлением его слияния в личном имени *Dietrich*, — лингвисты-индоевропейцы оставляли его у начала дела, лишь опять-таки формально-эмпирического учета языковых фактов, ибо науки об языке, как самостоятельного учения, еще не было, была под названием лингвистики филологическая в основе дисциплина, которая изучала позднее стабилизовавшиеся языки, притом прежде всего мертвые древнеписьменные или средневеково-письменные языки. И до сих пор благодаря господствующей в школе и в умах, даже у нас в советской стране, индоевропейстической лингвистике с ее формальным методом, никто не может вслед за утверждением Энгельса: «из-за римского рода ясно выглядывает прокез», без содрогания не только выставить сам, но и хотя бы выслушать действительно лингвистическое положение: «и из-за римского языка выглядывает прокез». Конечно, дело идет конкретно не об прокезе, но не все ли равно, когда соответственный социальный тип, следовательно, с языком той же ступени стадийного развития, вскрывается под названием «варвара», хотя бы «туземного», средиземноморского в те эпохи, ныне — африканского. Думаю, что Энгельс, для выявления творческой мощи которого так много сделано нашим юбиларом, с его интересом прежде всего к идеологии, а не только с формальной классической акрибиею, не прошел бы мимо этого факта, как современные нам мудрецы, затыкающие свои уши при суждениях, неугодных их научному мышлению, если бы в своих изысканиях об общественной природе *populus romanus* при вскрытии классовой борьбы «между плебеем и *populus*'ом»¹ он узнал из нового учения об языке, яфетической теории, что, не говоря о «классовом названии» *plēbes*, само чистейшее римское, *resp. латинское нарицательное имя populus* своей основой *popul-* представляет также классовое, с известной поры «племенное», первично тотемное название производственно-социальной группировки, пережившее в средиземноморском районе, со включением, разумеется, его неотъемлемой части — Кавказа и Малой Азии, где в значении 'варвара' (в Греции: *βάρβαρος*), где в роли тотемного термина со значением 'языка', *resp. 'слова'* (в Армении: *barbaṛ* 'язык', 'наречие', без удвоения *baṛ* 'слово', оно же прослежено и в гру-

¹ Ук. с., стр. 72.

зинском), где в значении племенного названия (в Африке: *berber*), причем конкретно этот африканский «ирокез», именно бербер, выступает не только в слове 'народ' (*populus*), которое стало безразличным общим или нарицательным именем, но и в ряде основных чисто культовых, геср. магических терминов римской речи, так прежде всего в «несклоняемом» у римлян слове *fas* 'закон религиозный',¹ да и в таком латинском слове, пережитке из первобытного живого хозяйственного инвентаря, как 'собака' (лат. «*canis*», берб. *a-k-jun*, арм. *ш-цц*).²

Это все гиль, с точки зрения формальной по методу индоевропейской лингвистики, доселе провагандируемой и в советской стране, при сочувствии образованнейших, но, увы, научно несознательных единомышленников, это все от «лукавого», т. е. от палеонтологии звуковой речи, как она установлена новым учением о языке, яфетической теории.

Ныне такую же ересь от палеонтологии речи решаюсь ереподнести по вопросу о собственности, впоследствии частной собственности, неслучливой с общественно осознанным выделением лица и возникновением личных и связанных с ними иных местоимений.

Предоставляю судить специалистам-социологам, во, может быть, сигнализация речи по вопросу о возникновении частной собственности соответствует той разнице, которую отмечает Д. Б. Рязанов между Прудонем с одной стороны, Марксом и Энгельсом с другой — в отношении к частной собственности. «Говоря словами самого Маркса о Прудоне, сказанными значительно позднее, — пишет Д. Б. Рязанов,³ — для него тогда дело шло в сущности лишь о существующей, современной буржуазной собственности. На вопрос, что она такое, ответ мог быть найден лишь в критическом анализе «политической экономии», охватывающей всю совокупность имущественных отношений, не в юридическом их выражении, не в качестве соотношений воли личностей, а в их реальной сущности, т. е. в качестве отношений производства». «Разница состояла только в том, что Маркс и Энгельс, в отличие от Прудона, в видимой частной собственности, при помощи Фейербаха, отырыли отчуждение действительной человеческой личности».

Слово 'собственность' в звуковой речи и по яфетидологическому анализу возводится к местоимению, точнее — органически связано с местоимением, в первую очередь с так называемым возвратным местоимением.

Идеологической иллюстрацией этого положения вещей могут служить, в первую очередь, такие общие различным так называемым семьям языков, случаи, когда в роли возвратного местоимения используются слова 'кость', 'голова', 'тело' и 'душа' и тому подобное, т. е. или 'голова' и другие части тела, геср. все тело в целости, или такое позднейшее надстроечное представление, как 'душа'.

¹ Н. Марр, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, СГАИМК, т. II, стр. 372—415.

² Н. Марр, Карфаген и Рим, стр. 392; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, Учен. Зап. Инст. народ Востока СССР, т. I, стр. 17.

³ От «Рейнской газеты» до «Святого семейства» (Вступительная статья) в «Архиве Маркса и Энгельса», т. III, 1927, стр. 131

Наличная в печатной яфетидологической литературе разработка затрагиваемого вопроса незначительна и более сравнительно-палеонтологична, чем палеонтологично-материалистична.

Сравнительным методом получено отождествление лат. *i-pse* 'сам', гесп. **u-pse* и греч. *a+wt-os* 'сам'; это в прометеидских классических языках, в то время как вторая часть этих скрещенных образований, элемент *B:-pse* самостоятельно в абхазском языке, древнейшем по типу языке полистадиальной яфетической системы, значит 'душа' — $\varphi\zeta\text{ə}$ (с членом *a-\varphi\zeta\text{ə}*).¹

Все го сравнительного материала, приводившегося по этому случаю, мы здесь не тревожим, но перечисленное разнообразие семантической стороны, как мы это перечислили в именных значениях этого возвратно-личного местоимения 'сам', 'себя' и т. п., со включением 'души', также может быть и должно быть распределено, если не все по ступеням-скачкам стадиального развития, то в порядке эволюционных поступей на одной и той же стадии. И мы даем соответствующую таблицу:

{ 'душа'	['небо', гесп. 'солнце']
↑	↓
'сам', 'себя' ← { ['рука'] → 'тело', гесп. его двойник	['кость' или часть — 'голова']

При этом искусственно ограниченном материале не приходится разворачивать всю скалу ступеней стадиального развития; только теперь констатируются две ступени — 'тело' и надстроечно 'душа', да и увязку этих двух ступеней, во всяком случае — при существующей доселе разработке, приходилось и пока еще приходится восполнять внесением промежуточного значения 'рука' (подлежит пересмотру здесь встреча 'руки' с 'головой', отчасти этот пересмотр намечен); что же касается взаимоотношения 'головой' с 'небом', фактически бесспорного по семантическому пучку 'небо+гора+голова', то на данном отрезке истолкования 'сам', 'себя' лишь как отвлеченной грамматической категории, никакой причинности нельзя усмотреть, и мы пока можем констатировать лишь их увязанность без возможности разъяснить в этом кругу лично-возвратного местоимения, что предшествует в истории звуковой речи — нареченне ли 'неба', или 'головой', тем более, что в роли местоимения 'небо', гесп. 'солнце', фактически и не появляется.

Во всяком случае, один скачок с двумя ступенями стадиального развития бесспорно налицо — 'тело' и 'душа', ибо первично 'души' и не было в терминологии звуковой речи, не было представления о ней.

Однако тотем, независимо от скифского племенного образования, использовался в паречении предметов, и мы уже знаем, что этот же тотем вскрыт у яфетических народов Кавказа в значении 'плуга' (арм., г. *gudap* и др.), у северных народов, включая не только суоми-финнов, но и русских и германцев, 'золота' (←**skoloton*, суоми *kulta*, нем. *gold*), у самих же скифов в легенде о собственном происхождении — их предкам выпадает на долю с неба «золотой плуг».²

¹ Н. Марр, О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы, ИАН 1927, стр. 344.

² Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 340.

В порядке же использования тотема в развитии лексики, надстройки на той или иной ступени стадийного развития, то же слово появляется в значении и хозяйственно-культурных животных ('лошади', 'свиньи') и вообще 'стада', 'скота', на Кавказе у яфетидов — г. *kolt*, арм. *koüt* (народн. *kuüt* 'собрание', 'куча'), на севере у русских «скот» в соответственных значениях (включая, впрочем, и монеты).

Следовательно, когда прослеживаем термин собственности в таком языке полистадийной яфетической системы, как грузинский, на бесспорном грузинском коренном слове народном¹ *sa-ku+ð-ag* 'собственный', то мы видим, и это первично для звуковой речи, что здесь 'собственный' обозначало принадлежность тотему *ku-ð'u*, 'принадлежащий этому тотему' и никому другому, т. е. предмет был общий, первобытнокоммунистический.

Термин *ku-ð* уже разъяснен: он составлен из двух элементов (АС), и полный его вид *ku-ðun*, с разнобойной огласовкой и с сохранением диффузной пары *ðq* — **kuq-ðqan*, которого арабский эквивалент — *kuḡān* 'коран', вначале, в доисламское время — тотем.²

В грузинском архетип **kuqðqan* сохранился в виде *kuqðq*, основы глагола *kuqðq-e-va* 'благословлять'.

Имеет ряд значений и из микрокосмического использования того же слова не только в значении 'руки', но и 'мальчика', гесп. 'фалла'. В значении 'фалла' и 'мальчика' (а по палеонтологии речи сначала 'солнца-дитяти', а потом 'фалла') по-грузински употребляется в гурийском говоре слово *kuta*, причем со значением 'мальчика' его используют фамиллярно-ласкательно старшие в обращении и к своему и к незнакомому подростку.

Не обременяем настоящей статьи таблицей с исчерпывающим учетом всех разновидностей значений и слов, но можно себе представить, какое количество фонетических дифференциаций необходимо было для соответственного количества представлений и понятий, возникавших на различных стадиях эволюционно или скачками, в увязке с одним основным звуковым символом и ближайшими его семантическими дериватными гнездами.

Для образчика достаточно сослаться на тесный круг увязанных с семантическим архетипом местоимений и «собственности» труд-магических слов, реализованных со скифским тотемом, к которому восходят не только племенные названия» *qal-dl'p'* 'ванский халд', *qagðvel* 'грузин', м. *qog-ðu* 'грузин', г., арм. *qur-d* → *qur-ð* 'курд', *kolq* 'колх', не говоря о *sku-ða* (греч. *Σκυδα*) и *skolot* 'скиф' и т. п., равно 'бог' (г. *ḡuða*, св. *ḡəḡḡä*, род. пад.) и «куде-сн+ик» (русск. *kol-dun*), но и термины обрядности, в том числе г. *qa-da* 'сдобное печенье', гесп. 'пирог', со всеми разновидностями на различных языках, в том числе армянском и французском, русск. «кутья».

Культовое значение блюда «кутья» вне спора. Как именно культовый термин, он встречается со словом «кут», гесп. «куть» 'красный, почетный угол избы'.

¹ О древнелитературном эквиваленте его из феодального грузинского языка см. ниже, стр. 190.

² Н. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории, «Книга о книге», изд. Института книговедения, Ленинград, 1927, стр. 70—71 [см. здесь, стр. 240].

«Кутейник», герср. «кутья» потому же значит 'рождественский сочельник': «Коли в кутью небо звездисто, богатый приплод скота и много ягод». Сама еда культовая доселе, поскольку она «приносится в церковь при поминках и подается за упокойным столом, а местами и в рождественский сочельник, называемый посему на юге также «кутьею», как зовутся сочельники Крещения и Новый год».¹ Тут в возникновении термина не имеет абсолютно никакого значения не только техника — «каша с сытом, с изюмом, из обдирного ячменя, пшеницы, рису, из толстой крупы» (тем менее то, что «кутья» впоследствии использована в значении 'толстой крупы', это в тоб. говоре и т. п.), но и сам вид еды, каша ли это, или печенье. Есть основание с архетипом *ku + ten отождествить из грузинского не только m-ǵu-del || m-ǵr-del 'священник' (← *ǵur-den 'колдун', 'знахарь'),² но также изготовлявшийся к рождественскому празднику, на моей памяти, в Гурии пирог ǵvedel,³ если в ve налицо раздвоение губного гласного u, т. е. его архетип *ǵu[g]-ǵen, на что имеются данные фонетической техники. Во всяком случае двойником русск. «кутья» у грузин является ее разновидность с аканьем опять-таки не каша, а печенье qaда, о культовом значении и распространении которого приходилось говорить по другому поводу.⁴

В связи все с тем же использованием тотема, впоследствии при космическом мировоззрении — астрального божества: 'солнца', 'дитяти неба', и других светил, когда собственником явилось уже хотя бы и коллективное лицо, жреческое сословие, находится то, что пережиточно персидский уже общий отвлеченный термин qūdā 'бог' и возвратное местоимение qūd 'сам' отнюдь не случайно созвучны, ибо поскольку возвратным, да и вообще личным местоимением стал тотем, переродившийся в отвлеченного 'бога', перс. qūd 'сам' не может быть иначе разъяснено, как усеченный вид культового термина qūdā 'бог'. И поскольку социальный строй вырабатывал материально собственность и представление о ней, герср. понятие собственности, сигнализацией ее могло служить также лишь культовое слово, вот почему с персидским, так и с новоперсидским qūdā 'бог', qūd 'свой' созвучна в народном грузинском (тоже в так называемом «новом» грузинском) основа не только слова 'бог' — ǵūḍā → ǵūḍ, ныне ǵvḍ, даже qḍ в косвенных падежах, но и kiḍ ← kiḍun, откуда прилагательное sa-kiḍ-ag 'собственный', глагол e-kiḍvn-i-s 'ему принадлежит'.

Созвучие в персидских словах не ускользало, разумеется, и от формалистической школы индоевропейцев, но у них, не обремененных заботами о чуждых кавказских языках, да еще при отрыве учения о языке от материальной базы, дело ставилось вверх ногами, 'бог' пытались произвести от местоимения.

Как основную форму, своего рода архетип, Хорн (Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, № 471) выставял и ǵḥādāu-a (или

¹ Словарь Даля, 3-е изд., с. v.

² См. также Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VII, ИАН, 1914, стр. 361—364, но с учетом, что работа над формальным анализом выполнена фонетически-компаративно, все вне применения четырех элементов.

³ У Чубинова ǵvezel, ǵvedil 'опреснок', 'пирог'.

⁴ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, Учен. Записки Инст. народ. Востока СССР, т. I, стр. 66.

* hudaуа)», но он же оговаривается: уже «Nöldeke, Gg A 1882, стр. 969 подвергает сомнению, может быть, не без основания, правильность этой этимологии». И далее: «Объяснение, Фр. Мюллера (WZKM 5,65) из авест. *χ^v ato, ауао «по своей воле движущийся» мало убедительного содержит в себе, не говоря о том, что авестийское образование именительного дано ошибочное».

Для прослеживания же стадильности в понимании 'собственный' нам достаточно нашего термина ku-дун, архетипа sa-ku+д-аг 'собственный', e-ku+дун-1 - s 'принадлежит ему', 'его собственность', слово в слово 'ему ku-дун (тотем)'.

Разумеется, на начальной ступени стадильного развития не только не было, следовательно, представления о собственности, притом личной, но и какой-либо частично-коллективной, да и формально не могло быть никакого окончания или префикса прилагательного, в основе kuдун, гесп. куди, разновидность основы гуда (с позднейших эпох) 'бог', могла одновременно означать и тотем производственно-социальной группировки и все, что принадлежало ему, тотему, следовательно, всей производственно-социальной группировке, всему обществу, а в разрезе пространственных представлений — всей 'стране', всему 'селу', всему 'миру'.

Кстати, вспомним, что тотем, как название производственно-социальной группировки, впоследствии племенное название на соответственной космической ступени стадильного развития, было синонимом 'неба', 'солнца', народы отсюда пережиточно именовались 'детьми неба', 'солнцами' и т. п. Посему куди, усеченный вид кудун, в разновидности kutu ↔ koto, гесп. kutə, находится в основе абхазского слова а-кэтə 'курица', гесп. первично 'птица'¹ по семантическому производству слов с учетом формулы «часть по целому», однако 'курица' и по одомашности, по внесению в состав 'дома', 'жилища', 'селения' и т. д., этого также синонима 'неба', разделяет созвучие с абхазским же словом а-қəда (✓ - qəda) 'селение', а при восстановлении плавного l или вида с диффузным состоянием начального согласного — sku-да и его многочисленных разновидностей, сюда же примыкают kol-đ, sku-да, skol+o-t, известные племенные названия 'колх', 'скиф', означавшие 'дети неба', 'солнца'.

Собственность в такой лингвистической обстановке выступает с общим орудием производства, его совместным владением и с общим владением обрабатываемого материала без дифференциации труда, без его разделения, без дифференциации рабочих сил, т. е. без признаков классовости, и, на что особенно хотели бы ударить сейчас, без признаков родовой (по крови), разумеется, и семейной организации. Язык здесь сигнализирует подлинный первобытнокоммунистический строй.

Но сейчас нас интересует одно значение 'собственность' с ее спутниками, из числа которых при социальном восприятии никак нельзя исключить ее носителя, коллективного и впоследствии личного, уже в буквальном смысле юридического

¹ Ср. абх. а-впа + kətə 'куропатка', букв. 'лесная курица', 'птица', а-дəkətə 'дикая утка', букв. 'водная птица', см. также Н. Марр, Предисловие к Абхазско-русскому словарю, стр. XVII, где опечатка: kə вм. kə в данном слове.

лица, с чем связано в той или иной степени (я не хочу утверждать — целиком) как возникновение, так особенно развитие личных местоимений. Это юридическое лицо — то создание первобытного, так называемого пралогического мышления, за которым отстаивалось принадлежащее ему право (тотем, символизуемый на космической ступени стадильного развития 'небом' → 'солнцем' → 'правдой'), на деле же которое отстаивало свое право производственно-социально (коллектив, символизуемый 'рукой' → 'силой' → 'властью' → 'правом'). Из этого диффузного представления выделяется единоличное юридическое лицо, по наследию обозначаемое термином труд-магического происхождения 'рукой' → 'солнцем', тотемом, племенным названием.

Отсюда и то обстоятельство, что в возвратном местоимении мы застаем уже дериватные значения:

1) 'душу' (у семитов: арабов, сирийцев и др.), надстроечное понятие, сменившее 'руку' (см. выше, стр. 183).

2) 'кость' (у семитов-евреев) и 'голову' (у ифетидов), т. е. части 'тела' (см. ук. м.), космически — 'неба', откуда и независимо:

3) палеонтологически в связи с семантическим пучком 'голова+гора+небо', груз. ზავ (← *ჟა-ვ) 'голова' || св. (по шип. группе) ჯჳ-მ (в архетипе ჯჳ-მ) 'голова', означали, следовательно, 'небо' и становились племенным названием. В значении 'неба' мы ограничимся сейчас используем первого элемента акающей разновидности ჟა у грузин же и наличием составного вида ზავ, в архетипе *ჟა-ვ в Дагестане у лаков — ṣaw, у агульцев — zaw и т. п.

Что же касается использования в значении племенного названия, этот факт в отношении разновидности шипящей группы ჯჳმ (→ ჯჳ-მ) явствует из его пережитка в составе наименования грузинской области Le-ჯჳმ «Лечхум», букв. 'место (le-) чхумов' (ср. и г. Զ՞իւմ «Сухум» и др.), в отношении же сви-стящей разновидности ჟა-ვ, в архетипе *ჟა[г]ყ ясно, что в ней имеем усеченный вид основы хорошо известного племенного названия sag+ma-t, еще до нара-щения третьего элемента (С) — sag-ma-, а с этим видом слова у армян мы попадаем с одной стороны в тотемный мир с дериватным от тотема понятием 'ужас', 'удивление', это основа ჳղმ в арм. др.-л. глаголе ჳղ+მ-ալ-ալ 'приходить в ужас' (в словарях, увы, на последнем месте в зависимости от современного восприятия),¹ 'поражаться', 'удивляться', с другой стороны — в племенной, resp. родовой и даже семейный мир и в относящуюся к нему техни-ческую терминологию. Таковы армянские др.-лит. слова ჳղմ 'род', 'порождение', 'наследие', 'потомок', и ожидали бы также 'семя' ('сѣмя' ← seume), но в этом значении у армян всплывает то же слово лишь с эканнем — seḡ+ma-n (✓ seḡ+mi-n || seḡ+ma-n). Наконец, армяне сохранили этот же тотем

¹ Обычно в значении 'ужасаться' у древних армян использовалась первая часть этого состав-ного слова ჳղ, элемент А, в сочетании с его укающей, но спирантизированной разновидностью ჳղ: ჳղ+ჳղ-მ 'прихожу в ужас' — ჳղ без спирантизации также с губной огласовой имеем в арм. ճղ-սղ, первично также 'ужас', собственно — тотем (уже впоследствии 'дрожь' и т. п.). У грузин одна первая часть ჳղ, элемент А, используется в значении 'ужаса' в выражении ჳղ-1 დასაჳ 'ужас охватил его', буквально как будто 'ужас пал на него', на самом деле 'тотем (→ гений ужаса) напал на него'.

в линии опять-таки племенной, гесп. родовой, терминологии с губным *v*, как в грузинском ღავ, *vm. m*, это в слове *za + w-ak* 'потомок', 'дитя', 'наследник', 'семья' («сб́мя») и т. п.

Не удивительно, что среди такого количества дериватных значений тотема (→ племенного названия) г. ღავ нам также представляется с нынешним значением 'голова', как основным в роли возвратного местоимения.

Но возвратное местоимение впоследствии выделилось в особую категорию. В древнелитературном грузинском языке возвратное и личное местоимения не различаются при использовании элемента *B* также с утратой плавного исхода — *ma*, обычно с полной утратой огласовки — *m*, род. *m- s* 'его', гесп. 'свой' (ср. дат. *ma-s*, *mn. ч. ma-ფ*) с эквивалентом шипящей группы — *mepr.*, *чанск. m-*, также лишь в косвенных падежах.

Косвенные падежи — это пережитки оформления одних активных предметов. В изличном состоянии грузинский обращается с местоимениями как с отвлеченными грамматическими категориями, и, например, у глаголов местоименные частицы (префиксы) во *mn. числе* те же, что в *ед. числе*, лишь с придатком показателя множественности — *-ფ*, гесп. *-ap || -en* или *-es*, напр., *v-ag* 'я есмь', *v-ag-ფ* 'мы есмы', и т. п., между тем местоимения, как получившие свое обозначение от смененного их функцией тотема, гесп. племенного названия, по положению должны бы восприниматься собирательно и без специального оформления, что сохранилось пережиточно в местоимении третьего лица *ig1* 'он', 'тот' (собственно 'они', 'те'), когда оно используется в древнелитературном памятнике в роли определительного члена без согласования в числе с определяемым им именем существительным, стоящим во *mn. числе*, напр., *kaფ-n-1 ig1* 'люди те'.¹

Но сейчас в связи с более древним фактом в глоттогонии, именно выделением определенных имен в самостоятельную категорию местоимений, с которыми, как заместителями правомочного юридического лица, связана эволюция права собственности от нераздельного общего пользования в частное, интерес представляют совершенно иные явления, пережившие и в грузинском, несмотря на то, что в нем наличное восприятие лиц представляет собою уже позднейшую ступень логически-механического построения, и третье лицо, самое древнее, перестало восприниматься как тотемически-собирательное.

Эти явления в местоимениях, имеющие кардинальное значение для выяснения вопроса о времени возникновения частной собственности, состоят прежде всего в том, что 1-е и 2-е лицо противоплагаются друг другу в оформлении их *mn. числа* так же, как косвенные падежи, в яфетических языках — падежи логического субъекта, противопостоят прямому падежу, в яфетических языках — падежу логического объекта. Между тем установлено, что эти косвенные падежи, они же падежи логического субъекта, или активные падежи, представляют не что иное, как оформление социально-активных предметов, творцов трудовой жизни, а прямой падеж — оформление пассивного предмета, т. е. выходит, что в наличном доступ-

¹ Подробнее в грамматике грузинского языка, печатающейся на французском языке [Вышла в 1931 г.: N. Marr et M. Brière, *La langue géorgienne* § 116].

ном нам состоянии грузинского языка, с учетом и древнелитературного, 1-е и 2-е лица это активные, юридические правомочные лица, а 3-е лицо — пассивное, следовательно, юридически бесправное. При учете же элементов, использованных в 1-м и 2-м лицах, положение выясняется двоякое: с одной стороны, в глаголах каждое из двух первых лиц снабжено собственным префиксом, пережитком особого элемента, признака иной социальной категории, первое лицо — губным $v \leftrightarrow m$, пережитком элемента В, второе лицо — сибилантно-спирантным $s \sim h \nearrow \dot{q}$, пережитком элемента А; с другой стороны, в самостоятельных местоимениях, да в иных более архаичных, так, напр., адвербиальных выражениях, особенно при учете фактов народной речи, все три лица выявляют себя в категориях речи с помощью одного и того же элемента В или с усечением $v \leftrightarrow m$, или с сохранением огласовки в 1-м лице — me , во 2-м лице — ma ($ma-gi$ 'тот' или 'этот' для 2-го лица $ma-$, $ma+n-d$ 'там', у 2-го лица) и в 3-м лице — ma (см. выше, стр. 188).

Следовательно, получается повторение той же картины, что замечаем в отношении категории грамматического рода, именно нарастание новой нормы трех родов и перекрытие ею старой системы двух родов.

В местоимениях дело сложнее. Но мы сейчас довольствуемся установлением в них одного факта, представляющего кардинальное значение для выяснения истории развития права собственности, как она сигнализуется языком.

Первично лица не различались, как то явствует из использования одного и того же элемента В во всех трех лицах в архаичном укладе речи берской, или иберской, социальной группировки.

Но и в позднейшей форме наличного доступного нам грузинского языка, как народного, так древнелитературного, дифференциация лиц далеко не реализована в полной мере, поскольку не только признак 1-го лица ($v \leftrightarrow m-$), как мы видели, совпадает с местоимением 3-го лица $m \leftarrow ma-$, но и у 2-го лица с 3-м. также общий признак, именно элемент А — $s \sim h$ ($\nearrow \dot{q}$).

В местоимениях языков сибилантной группы находим и третий элемент (С), говорящий о роли соответственной социальной группировки в сложении подлежащих языков, причем элемент С используется и как морфологическая часть, именно окончание мн. числа $-en \parallel -an$: г. $\dot{q}u-eu$ 'мы' \parallel м., ч. [вм.* $\dot{q}u-an$] $\dot{q}u-^{\prime}n^{\prime}$ ($\searrow \dot{q}u-^{\prime}n^{\prime}$) $\sim \dot{q}^{\prime}1^{\prime}n^{\prime}$ ($\searrow \dot{q}1^{\prime}n^{\prime}$), $\dot{q}u-en \parallel$ м., ч. $\dot{q}u-an \rightarrow \dot{q}u-a$ 'вы' и в 3-м л. $-en \parallel -an$. Это уже суффиксы в глаголах.

Что же касается использования того же элемента С в роли самостоятельного местоимения, то наиболее яркий случай с полнотой всех его частей 2-е лицо ед. числа: $shep$ 'ты' \parallel м., ч. $skaп$ ['ты', используемое как прилагательное с падежным окончанием определяемого слова в роли так наз. притяжательного местоимения]: $skaп-1$ 'твой'. В других же случаях элемент С, притом с утратой следов диффузности, обслуживает как 2-е л. — $g-$ (префикс в глаголе), ge , в $e-ge$ 'этот' или 'тот' близ 2-го лица, так 1-е — $gu-$ (преф. 1-го л. мн. ч.) и даже 3-е — $1-g1$ 'он', 'тот', везде, следовательно, с тем или иным усечением архетипа $*gun \parallel *gen \leftrightarrow *g1п$, т. е. и с элементом С вскрывается опять-таки архаичная норма с отсутствием различения трех лиц.

Но для нас особый интерес представляет противополжение друг другу 1-го и 2-го лиц, осуществляемое разновидностями одного и того же элемента, абсолютно ничего не носящими в себе для увязки каждой из них с обслуживаемым ею теперь лицом, первым или вторым.

В то же время это противопоставление 1-го лица, тотема родной производственно-социальной группировки, сигнализуемого элементом В, 2-му, как 'своего' ('моего') — 'чужому', тотему враждебной производственно-социальной группировки, сигнализуемому элементом А, находит свою поддержку и в том звуковом комплексе, которым обозначается у грузин 'чужой', 'другой', это *squ-a* (ч. *sqw-a*), слово составное из элементов АС, т. е. скифский тотем, разновидность *sku-ða*, и в то же время у грузин имеется двойник этого же слова со значением 'иной' *squ + m* (в *squ + m -is* 'иной раз'), также скрещенное образование из двух элементов АВ, как то мы наблюдаем в г. *stu-mar* 'госгь' (чужой) и в племенном названии *᠘qum-*, *gesp.* *shamer*, по его спондантизации: *lber* или *subag* и т. п.

Между тем термин 'собственный', как мы видели, являет собой у грузин в народном языке образование со скифским термином-тотемом и в основе — *sa-ku + ð-ag*, а не шумерским, хотя существование у грузин, как наследия, вероятно, от иберов, шумерского или субарского тотема в разновидности **supel* (ср. ниже г. *sofel* 'мир') неизбежно устанавливается ее усеченным пережитком *wofe*, основой глагола *supel-v-s* 'абсолютно существует', 'царствует' (← 'он бог', первично 'тотем').

От времени скифского правосознания в грузинском сохранился термин, имеющий прямое отношение к праву собственности, служа своей основой *kwd-*, *gesp.* *kvid-*, в архетипе **ku-d* с оформлением мн. числа *-r* — *kw + d -r*, *gesp.* *kvid-r* для обозначения понятий 'владение', 'наследование', равно 'коренной житель' (туземец) и 'родство', последние два значения, несомненно, в зависимости от 'владения' и 'совладения', т. е. 'родства', следовательно, на экономической почве. Таковы: *m-kwdr* 'коренной житель', 'родной кому-либо', *gesp.* 'свой', *me-m-kwdr-e* 'наследник', глагол *da-1 + m + kwdr-a* 'закрепил за собой', 'сделал своим', *sa-m + kwd + r-ebil* 'владычество', 'владение' и т. п.

Архетип того же слова *kud* (← *kuda* → *куда*) налицо в основе *quda* названия города *Quda -is* 'Кутаис' (разновидности уже разобранный абх. *a-qəða* 'поселение').

Вот здесь и возникает снова вопрос о древнелитературном термине *sa-zerig-o*, бесспорная связь которого с арм. *serh - a + kan* 'собственный', восходящим к *serh*, подлежит пересмотру в смысле первоначального его значения и происхождения, поскольку в его основе можно усмотреть составное слово *ze-pur* ← **se-pur*.¹

¹ Н. Марр, Этимология армянского «сепу» и грузинского «сепе», ЗВО, т. V. стр. 286—289. Его же, Этимология двух терминов армянского феодального строя *serh* = **seruh* и *paḡa-gar* = **paḡa-gar*, ЗВО, т. XI, стр. 165—174, где оба слова анализировались формально, как восходящие к авест. *visorithra*. Реальное об. сношение этих терминов феодального строя, данное в цитируемых статьях, сохраняет свою силу, как и несостоятельность тогдашнего формального моего анализа, но, тем не менее, гражданственное в древнелитературном феодальном языке *sa-zerig-o*

Факт во всяком случае тот, что в грузинском в значении 'села', 'населенного пункта', 'вселенной', 'мира' употребляется термин с элементом В в основе составного *so-fer*, представляющего собою лишь разновидность тотема субаров и их тезок.

Для иллюстрации нашей мысли об увязке местоимения, в частности возвратного местоимения, с правом собственности можно использовать любой другой язык, даже вовсе не яфетической системы, так, когда у римлян по-латыни «*proprius*» 'собственный', 'принадлежащий кому-либо', а у французов не только также 'свойственный кому-либо', 'собственный' (*propriété* 'собственность'), но и 'чистый', нет никакого основания терять голову и производить, как то делает Кледа (*Clédat*), следуя толкованию индоевропейцев, 'чистый' от 'собственного'.¹

Теперь яснее ясно, что раз при полисемантизме одному и тому же слову присущи были значения тотема, значит, в конце концов и соответственного племенного названия, следовательно, и каждого из коллектива, т. е. 'человека', 'личности', 'лица', и на космической ступени стадийного развития — 'неба', 'солнца', а микрокосмически и при технологическом подходе к слову — 'руки' (лишь на последующей ступени стадийного развития надстроечно — 'души'), то естественно в значении прилагательного 'чистый' использовывалось 'солнце', 'свет', без всякой семантической связи с 'собственным', а 'собственный' представлял и везде представляет своей основой первично имя-тотем, в порядке лексического материала эволюционирующий в смысле 'собственности' от цельно-коллективистического ее вида через групповую коллективность до частного, *resp.* единоличного или личного. Вот в каком порядке происходит встреча в одном и том же (при формальном подходе) латинском слове «*proprius*» 'собственный', у французов в виде *propre*, однако, означающем и 'собственный', *resp.* 'свойственный', с восхождением к тотему, и 'чистый' с восхождением к 'солнцу', как и у армян, у последних уже и с добавочным оформлением — *yat-uk* (← *ya + t -*) 'собственный' с восхождением к тотему, *resp.* племенному названию, и *yaut*, равно *yaut-ш* 'ясный', 'явный' и т. п. с восхождением к 'солнцу', а также их общий архетип **yartan* подтверждается в значении тотема, *resp.* племенного названия так наз. теофорным наименованием города на Чорохе — *Artan-pđ* и в значении 'солнца' — халдским его двойником *Arđin-ı* (бѳг) 'солнце'.

Излишне теперь останавливаться на дальнейшем развитии и обосновании несуразности мысли производить 'чистый' от 'собственного', доводящей Кледа до предложения схоластически надуманной праформы **prop(a-)trius*, должествующей, мол, означать «то, что приходит от предков», от которой, точно от архетипа, производится «собственный». Не лучше обстоит дело у подлинных творцов индоевропейских толкований в отношении латинского слова *proprius*, где что ни специалист, то особое мнение, а когда с термином 'собственный' совершенно основательно переплетается 'лицо', то в обсуждении греч. *πρόσωπον*

(им. нар. *sa-kud-ar*), разновидность армянского также феодального древнелитературного *serēh-a + han*, ныне, повторяю, требует пересмотра прежней моей этимологии, по которой слово считалось армянским вкладом в грузинский.

¹ Dictionnaire étymologique de la langue française, 11-e édit., s. v

‘лицо’ и лат. *persona* ‘лицо’ происходит вавилонское столпотворение, спасения от которого кое-кто ищет в этрусском *persu* из надписи, что при двух маскированных людях, не чуя, что в греч. *πρωτων* и лат. *persona*, независимых друг от друга составных образованиях, общим является начальное слово *pro-* (← *por-*) || *reg-* ↔ *rig-* (→ *rig-*), самостоятельно означавшее ‘личность’, ‘лицо’, и т. д., как то явствует и из одноэлементного *rig*, и ‘лицо’, и ‘один’ (ср. груз. *rig-vel* ‘первый’, и его так наз. индоевропейские эквиваленты).¹ Дело же в том и состоит, что из-под интересующего нас по вопросу о собственности латинского слова «*proprius*» ‘собственный’ выглядывает тот же ирокез — бербер, давший материал для составного термина *progrig*, означавшего и ‘тотем’, и ‘солнце’. И в значении ‘солнца’, *gesp.* ‘дитяти неба’, *pro-rig* (↔ *proreg*) сохранен с усечением плавного исхода в основе названия похитителя огня, олицетворения бога солнца *Pro-mē-de* (Προμηθεύς), еще до получения его надбавочного придатка *de*, пережитка элемента *S* (*ʒen*).

Мы не останавливаемся здесь на использовании основной части этого термина *pro*, *gesp.* *por* ↔ *rig* в роли местоимения уже не у римлян, а у выглядывающих из-под них не только в этом случае «ирокезов», уже азиатских «прокезов», именно у турок и яфетидов, мегрелов с чанами, у всех с утратой плавного исхода, у первых в виде *bi* со значением ‘этот’, у вторых в виде *mi-* (в косвенных падежах) со значением ‘он’, ‘тот’.²

При переносе же этого вопроса на русскую почву приходится оглядываться зорко на финский мир, в данном случае конкретно на суоми-финский язык.

У русских «собственность» — новое слово. Ему предшествовал с тем же значением термин «собина».

Но с «собиной», собственно с ее двухэлементной основой *so-b'a*¹ ↘ *so- m'a*¹, мы попадаем в семантическую среду, казалось бы, с непримиримым противоречием, когда одно и то же слово оказывается со значением и частного, *gesp.* собственного, и общего, следовательно, исключаящего наше представление о собственности. Это явление с непримиримым противоречием, кстати сказать, совершенно нормальное в развитии звуковой речи, особенно ярко ощущается при учете спирантной разновидности. Так, спирантная разновидность *o-ma* (← **ho-ma* / *o-ba*) у финнов-суоми сохранилась в значении прилагательного ‘собственный’ без всякого добавочного оформления, как прилагательного, между тем это ‘тотем’, впоследствии ‘бог’, именно тот, что финны сохранили со значением ‘бога’ — суоми *Yumal + a*, *gesp.* эст. *Yumal*, мар. *yumo* и т. д., на Кавказе у яфетидов хевсуров *korai-a*, одно из языческих божеств (русск. «Купала»), и груз. *u-fal* ‘господь’, ‘господин’, а у чувашей двойник того же термина уже

¹ Мы не отмечаем здесь полностью полисемантизма *rig* ‘лицо’, означающего и ‘рот’, и всех фонетических его разновидностей, хотя бы грузинских, как то в значении ‘рта’ *sig* (← *rig-*) в таких составных образованиях, как *figdǫ* ‘плевок’ (← ‘вода рта’), о чем в докладе, прочитанном мною в Гос. университете Грузии ‘Какая доля у грузинского языка в мировой истории звуковой речи’ [რეწილი აქვს ქართულს ენის უეჭვნის და განვითარების მსოფლიო ისტორიაში, изд. Академии Наук ССР Грузии, Тбилиси, 1930], см. также «Яфетическое происхождение *hai[k]*ского *phras* *begah* ‘рот’, ИАН, 1910, здесь, разумеется, без учета четырех элементов.

² См. выше, стр. 188

'колдун', 'знахарь', 'кудесник' $yo-m\ddot{a}z \leftrightarrow yu-m\ddot{a}z$.¹ В связи с ролью этого термина, как тотема, на космической ступени стадийного развития в мировоззрении у разновидностей $\acute{o} - b$ получалось значение 'небо', откуда 'в связи с дериватными его значениями 'верх', 'над' и 'круг' уже у русских «объ» ($\leftarrow o-bo$), *гесп.* *o*, появляется в роли предлога, то самостоятельно, на вопрос о чем, напр., «об огне», «о воде», то в составе глагола в смысле 'окружения', напр., «обходить» и т. п.

Сибилантная же разновидность *soba* обращает на себя внимание в слове, имеющем значение 'личности', 'персоны', которое звучит «о-соба» и буквально значит 'один (о-) [из коллектива] *Собь', т. е. тотема производственно-социальной группировки, впоследствии племенного названия. И дата этой производственно-социальной группировки, разумеется, еще дославянско-русской, хозяйственно намечается одомашниванием древнейшего животного передвижения именно еще в ней, как то явствует из самого названия его — «собака» ($\leftarrow *so + bal-ka$).

И теперь понятно, почему у этой основы, исконной для русского языка, такое количество разнообразнейших значений, часто совершенно не увязываемых друг с другом без возведения их, каждого особо, к тотему непосредственно или через свой независимый дериватный ряд, ибо «собь» 'все свое, имущество, животы, пожитки', «собина», *диал.* «собь» [\surd *sobe*], значит: 'пожитки', 'достояние', 'богатство' || 'скот', *перм.* 'приданое', *вят.* 'скот приплодный, вскормленный дома теленок' (у гуртовщиков), 'скотина приказчика, которая по уговору гонится и пасется при хозяйском гурте', *костр.* 'присевок || польде, засеянное на чье-либо счастье, или отданное кому-либо в собь, особенно лен' [\leftarrow 'счастье' \leftarrow тотем ('небо' и пр.) \rightarrow 'собственность' (собь)], «собина», «собинка моя», *ласк.* 'милый', 'дорогой', 'моленный' || 'свойства нравственные, духовные', и все личные качества человека, особенно 'все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям'. Наконец, «собь» у Даля с ссылкой на украинский язык — 'вправо', 'направо', «собь» в парной воловой упряжи 'левый вол', который по слову «собь» сворачивает 'направо', «сабе» 'правый вол'.

По кажущемуся или действительному расхождению здесь украинцев и русских по 'левому' и 'правому' необходимо учесть три обстоятельства:

1) 'Правая' и 'левая' сторона, в космическом мировоззрении 'солнце' и 'луна', в звуковой речи позднее увязаны с 'рукой', и бытованием восприятия того или иного, 'своего' ('близкого') и 'чужого' ('далекого') тотема, 'хорошего' или 'дурного' получается закрепление одного и того же слова со значением 'правой стороны' в одном языке, 'левой' — в другом.

2) «Собь», *гесп.* «соба» || «собь» ($\leftarrow *sobal$ || $*sobor$ || $*sobel/r$) в значении 'правой стороны' и 'удачи', по учете появления в русском *s* *вм.* *ш*, *гесп.* *sk* в соответствии грузинскому озвонченному подъему *шо* ($\leftarrow jo \nearrow d$), мы находим у грузин в словах:

а) *mar-d\ddot{o}-w + en-e* 'рука (*mar-*) правая' ($-d\ddot{o}w + en$),

б) $d\ddot{o} + b-s$ 'превосходит', 'лучше', *собств.* 'он (-s) с правой стороны' или 'правосторонний' ($d\ddot{o}b \leftarrow *d\ddot{o}bor \rightarrow *d\ddot{o}br$), *р.* «добр».

¹ См. Н. Марр, Напутствие к Сборнику аспирантов ГАИМК, I, стр. 7—9.

Использование, наоборот, в значении 'левого' отбрасывает по семантике украинцев, собственно соответственный социальный слой их речи, в один круг с турками, т. е. опять-таки с соответственным социальным слоем их языка, поскольку разновидность того же слова *џаф*, *gesp.* *џeb* в турецком значит 'левая сторона'.

3) Происходя из иберского, *gesp.* шумерского, тотемного коллектива *sob'а'* везде увязывается со светилом: 'солнцем' ('правой стороной') или 'луной' ('левой стороной').

Собственность на этой финско-русской почве не имеет иного генетического происхождения, чем у рассмотренных более детально слов из языков яфетической системы. Соответственно и местоимения, в частности прежде всего так наз. возвратные того же происхождения в русском.

Исходим из разъясненного уже положения, что 'собственность', требующая наличия юридического лица собственника, пережила в связи с этим три ступени стадияльного развития, из коих:

I. Тотемная (надстроечно) || коллективная (материальна), первобытнокоммунистическая, когда собственности в нашем понимании и нет, ибо предмет владения принадлежит всем, но в отдельности никому, и, естественно, нет в то время и личного местоимения, поскольку одно лицо отличается от другого, единственное же третье лицо, собственно то лицо, чем предстоит стать слову, это тотем, т. е. для нас абстракция, хотя и конкретно представляемая без различения одушевленности или неодушевленности хозяйственным предметом производственно-социальной группировки, следовательно, коллективным предметом потому —

а) Это пережиточный архаизм в русском сравнительно с другими языками одной с ним системы, латинским, французским и иными, когда возвратное местоимение «себѣ» может относиться одинаково к любому лицу, т. е. никакому в отдельности, тогда как в других языках лишь к третьему, в связи с чем находится то, что губной согласный *m*, раньше все-таки указатель третьего лица, чем других лиц, у грузин служит местоимением и первого лица с последующей, как было разъяснено, дифференциацией огласовки.

Тождество основы возвратного местоимения и личного 3-го лица в русском не вскрывается уже полностью так, как в грузинском и мегрельском (см. выше), хотя след его ярко выступает в использовании сибилантного вида основы *se* — в возвратном *se-beu* («себѣ») и спирантной его разновидности *ʔuʔe* в личном — род. *ue-go*, дат. *ue-mi* и т. п.

б) Пережиточный же архаизм то, что местоимение используется в смысле мн. числа без какого-либо специального оформления мн. числа, как то было отмечено в грузинском древнелитературном с местоимением *igi* 'он', 'тот', когда оно появляется без признака мн. числа в роли определенного члена в согласовании с именем существительным, стоящим во мн. числе.

в) Пережиточный же архаизм, когда в армянском древнелитературном языке собственные имена не приемлют сами определенного члена, ибо определенный член, раньше местоимение, некогда был тотем, как и личное имя.

II. Космическая, с перерождением материального хозяйственного тотема, в зависимости от расширения коллективного мировоззрения при все продолжающемся труд-магическом производстве, надстроено — в астральную — 'небо', resp. 'солнце', 'дитя неба', 'луна', 'звезды' и т. п., материально — опять-таки коллективную, но уже с расслоением первобытнокоммунистического коллектива в зависимости от владения наиболее действенным орудием труда на главенствующий-руководящий и массовый-руководимый слой, когда на этой космической, resp. астральной ступени собственность сосредоточивается в магическо жреческом возглавлении. От этой космической, resp. астральной ступени стадияльного развития мы имеем лишь пережиток в языках яфетической системы, поскольку 'голова' со значением возвратного местоимения означала не анатомическую часть отдельного индивидуума, а по понятной для яфетидологов ассоциации идей в связи с пучковыми значениями 'голова + гора + небо' — коллективное жреческое или позднее теократическое возглавление, первоначально матриархальное. В связи с этим находится женское оформление не только 'голова', где эта классовая, впоследствии грамматическая, родовая категория получила свое развитие, но и звания единоличного возглавления, лишь впоследствии дифференцированного по той или иной функции совмещавшейся как бы диффузно в нем власти — араб. *qalif-aḏ*^{an} 'халиф', русск. «судья».

С этим переносом прав тотема, resp. культового предмета, впоследствии 'бога' на определенный слой коллектива координирует переход названия тотема на самый руководящий слой и лишь позднее на каждого члена этого слоя, класса, становившегося с укреплением и развитием права собственности замкнутым с эндогамией, охранением чистоты своей крови, родовым.

Равным образом, лишь впоследствии по разложению тотемической формы самой структуры, с возникновением этнического образования, возглавленного уже классом или родом, название тотема экзогамической производственно-социальной группировки переходило на все племя и на каждого его члена. Каждый член становится не только носителем имени тотема (пережиточно соответственные клички — фамилии, имена), сопричастником его или одержимым им ('жрец', для христианской среды 'язычник'), но действенным его воплощением, требующим и помогающимся борьбой во имя «священных начал обычая» его прав, прежде всего права владения и, как собственник, переносящий на себя имя тотема, не как просто тезка тотема, а как его заместитель, как маг-творец вместо имени-тотема, как сам тотем. В связи с этим находится наличие местоимения «сам» в русском языке, ибо только по злокачественному недоразумению русские учитываются от начала с одним и тем же стабилизовавшимся этническим содержанием, хотя бы от начала же сложившимся «чистым славянским» племенем и на одном из предшествующих этапов сложения русского народа, на предшествующей ступени стадияльного развития, приходится признать ношение им, русским народом, собственно соответствующим господствующим слоем, близко-родственного с сарматским тотема как племенного наименования. А это тот тотем, который наследовали грузины в более архаичной форме, именно с сохранением плавного второй части слова, элемента В, в зна-

чении 'язычника' — $\dot{a}r\dot{m}a\dot{d}$, и который мы находим у сванов в тождественном (при учете подъема $s \nearrow \dot{t}$) с совершенно тождественным племенным названием сарматов термине $\dot{a}r\dot{m}a\dot{d}$ в значении 'бога', и вот основную лишь двух-элементную (АВ) часть этого сарматского тотема, именно $\dot{a}r\dot{m}a \searrow sa\dot{r}m\dot{a}$ мы уже видели использованной в архетипной разновидности $^*s\dot{a}r-v$, отложившейся у грузин с утратой плавного в возвратном местоимении $\dot{d}a-v$, обычное микрокосмическое значение которого, как уже нарицательного слова, — 'голова' уже раскрыто и разъяснено в своей связи как с космическим миром, так с социальным, в частности с определенной производственно-социальной группировкой, впоследствии уже также определенным этническим образованием.

Ту же основу имеет в русском $sa+m$, наличие которого в славянском и ирано-индийском мирах требует разъяснения в связи не с сарматским (допустим, иранским) племенным образованием, а с досарматским в разнотипном с губной огласовкой произношении — субарским или шумерским племенным образованием, первично той производственно-социальной группировкой, которая покрыла разновидностями своего тотема всю восточную Европу с захватом Кавказа до хладных скал Финляндии, исторически выявив себя письменно в Месопотамии. Носители этого термина, как национального племенного названия, ныне — не только лечхумцы ($\dot{d}qum-$, см. выше), но и армяне ($some-\dot{q}$), и чуваши ($\dot{d}uvash$, $subar$), и такие финские народы, как суоми и коми ($somi \sim komi \leftarrow skomi$).

И это тотемное, впоследствии племенное название не случайное метеорно-проходящее явление в построении русской общественности и ее речи. Основа его разновидности $soba$ (ср. без усечения плавного: $subar$, $suvar$) налицо не только в разобранным уже термине из круга местоимений $o-soba$, но и в наречии древнейшего одомашненного животного передвижения (см. выше). Более того, сама позднейшая осложненная разновидность, хорошо известная и из обычных работ по русской истории, именно $sa\dot{r}+ma-t$, сигнализирует о соучастии в русской этногонии своим вхождением в терминологию классовой социальной структуры русского народа на соответственной ступени стадияльного развития. Вошел же и пережил «сармат» полностью по составу трех элементов (АВС) с русской перегласовкой «а» в «е» в виде «смерди» $\leftarrow s+mer-de$.

III и IV ступени стадияльного развития требуют той оговорки, что дата их возникновения отнюдь не должна быть понята в порядке чисел, которыми помечаются они в перечне. Это дифференциация диффузного представления в двух направлениях, исходящих из космического и с ним сросшегося микрокосмического, зримо-надстроечного — 'неба', 'солнца' и т. д., и зримо-материального — коллектива, его руководящего класса с каждым членом, т. е. человеком, с позднейшим двойственным восприятием 'тела' и 'души'.

III. 'Тело', гесп. его хозяйственно существенная часть, 'рука', знаменует технологическую ступень стадияльного развития. С нею координирует агглютинативный строй речи со многими его особенностями. Здесь 'рука' и другие части играют основную роль и в морфологии, и на этой ступени стадияльного развития, напр., в грузинском $\dot{d}av$ воспринято со значением 'головы' уже от строения 'тела', как 'кость' у евреев в роли возвратного местоимения.

IV. Анимистическую ступень, наблюдаемую у большинства, если не всех так наз. первобытных народов Африки, Океании и Америки, приходится трактовать особо осторожно. Мы только упомянем, что с ней связано использование 'души' в значении возвратного местоимения.

И когда в языке одно и то же слово безразлично употребляется и как 'тело', и как 'душа', и в то же время в результате палеонтологической раскопки и 'рука', так арм. *and'əp'* 'тело', 'душа' (но и 'рука', ибо от него глагол *yand' + n-el* 'вручать'), то мы находимся в языке с неизжитой особенностью не III ступени стадильного развития, не с ее технологическим подходом к восприятию предметов, а с подходом к ступени диффузного состояния речи, в зависимости от простоты производства с его техникой и от производственных отношений, т. е. переносимся в мир самого древнего мышления, когда еще вовсе не было звуковой речи, и ручная линейная речь (звуковая же разве пережиточно в начальной части первой ступени своего стадильного развития) могла выражать или выражала с полисемантизмом материально воспринимаемые предметы, 'тело' ли или 'руку', но никак не 'душу', за отсутствием понятия о которой даже в звуковой речи долго не существовало слова для ее обозначения, и появление ее в звуковом языке мы можем приурочить лишь к IV ступени стадильного развития; при этом, однако, мы нисколько не смущаемся тем, что с нею сожительствоует, напр., у армян в древнелитературном феодальном языке и материальное восприятие диффузно как 'тело' и как его часть 'рука', не смущаемся и таким возражением, что не могли же коллективы надстроечные свои представления, как в данном случае 'душу', воздвигать на базе примитивных представлений эпох ручной кинетической, герп. линейной речи или звукового языка все еще с диффузностью семантики. Совершенно верно, но мы никогда не должны забывать, наоборот, должны учитывать при обсуждении каждой мелочи речевой культуры с генетической точки зрения, что ручная речь держалась долго, сосуществуя звуковому языку, лишь постепенно переходившему из состояния магического использования в простую повседневную да притом разговорную речь. И все еще, если не начинавшие, то продолжавшие на IV ступени стадильного развития обогащать звуковую речь коллективы пользовались как материальной базой в созидании своих надстроечных слов ручным языком, не переставшим быть живым в общем обиходе.

Резюмируем:

1) Собственность ведет свое начало от родового состояния производственно-социальной группировки человеческих коллективов, но тогда собственность, по нашим понятиям, вовсе не собственность, это — собственность абсолютно тотемическая без какого-либо представления даже о той или иной групповой природе собственности и вместе с тем коммунистическая, разумеется, первобытнокоммунистическая. И тогда не было не только местоимений, но и вообще звуковой речи.

2) Собственность меняет свое содержание, становясь достоянием той или иной группы общего коллектива, и еще более меняет свое содержание, когда она обращается в частную или индивидуальную собственность, но на всех стадиях

собственность продолжает сохранять свое название: вначале 'тотем', труд-магический 'собственник', потом соответственно в языке нарастают местоимения, начиная с 3-го лица возвратного или личного общего и проходя в первые два лица, сначала классово-коллективные (по грамматической схеме, мн. число), затем индивидуальные, личные или частные, однако местоименные формы возникают не вслед за собственностью, а раньше, вызываемые к жизни другими потребностями производства и производственных отношений.

3) Разумеется, не только возникновение местоимений, но и собственности предшествует образованию стабилизовавшихся позднее, поныне актуальных расовых семей, тем более национальностей и племенных образований, почему у финнов и русских оказываются общие термины для 'собственности' и для возвратного местоимения, у грузин и русских общие названия категорий социального строительства, как то у всех их, и грузин, и финнов, и русских, общность названия богов, герр. пережитков труд-магических тотемов.

Не формулируем здесь положений социального порядка. В дифференциацию и осложнение собственности вмешивается иное существенное явление социального строя, матриархальный и патриархальный уклад, и когда в грузинском мы имеем рядом с *matul* 'вотчина' и *dedul, id.*, но от 'матери', лишь первое из них используется и у грузин вообще в значении 'имения', 'усадьбы', а в Гурии даже — 'виноградника', в латинском же лишь *patrimonium* 'наследие отцовское', ибо *matrimonium* означает лишь 'супружество'.

Но мы вовсе не задавались мыслью перегружать изложение обсуждением всех дериватов от 'неба', герр. 'солнца-руки', ни исчерпать материалы по основной теме.

Одно все-таки ясно. Из-под русского языка также выглядывает не один «прокез», в частности из-под 'собственности' и связанной с ней 'общественности', в том числе и социальной категории, отложившейся в возвратном местоимении, выглядывает «прокез», представленный также и его мертвым месопотамским древнеписьменным именитым родственником — шумерами (субарами) и менее богатой или вовсе бедной многочисленной родней, от Армении (*some-ḳ*) и Грузии (*so-ḫel, suḫe-ṽs, uḫal, ḫḫim*) до Финляндии (*suomi*), но разница с положением в Риме, древний ли он или любой современный за пределами нашего Союза, в том, что прокезы остаются в их стабилизированном отчуждении от права хозяйственно-культурного самоопределения, в пределах же Союза прокезов уже нет. Этого мало, ибо мало сказать, что они — равноправные соучастники нового социалистического строительства, у себя с учетом своих национальных особенностей. Вчерашним прокезам сегодня у нас открывается широкое поле благодаря новому учению о языке — взломать замкнутость господских языков, отвоевать и в теории долю своего соучастия в созидании культурных ценностей, в том числе основ звуковой речи и терминологии не по одной социальной категории собственности и не по одной грамматической категории — возвратному местоимению.

Некоторые архитектурные термины, означающие 'свод' или 'арка'

(Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc')¹

Настоящая статья случайного происхождения. Во время моей второй заграничной командировки для яфетидологических исследований, встретив меня в Национальной библиотеке, Г. Миле (G. Millet) попросил меня принять участие в работах византийской секции конгресса по историческим наукам, имевшего открыться через две недели в Брюсселе.

Это предложение меня несколько смутило, так как моя научная изолированность в Европе не поощряет меня участвовать в обсуждениях, базирующихся всегда на знаниях, исключаяющих мои или сводящих их к минимуму. В то же время я считал своим долгом не отвечать отказом на любезное приглашение моего глубокоуважаемого коллеги, который в дальнейшем с исключительной любезностью сделал в названной секции сообщение о существовании моей работы. Г. Миле был, я знаю, несравненным докладчиком, и я считаю своей обязанностью выразить ему признательность за оказанную мне честь и за выказанную им непредубежденность.

Итак, я выбрал темой терминологический вопрос из области архитектуры. Причины такого выбора изложены в предисловии к заметке. Впрочем, я считал, что в истории материальной культуры (а искусство строить — одна из ее наиболее важных отраслей) больше интереса к реальности, чем к спекулятивным отвлеченностям, дискредитированным господствующей лингвистикой. Эта лингвистика вообще не проявляет устойчивости при соприкосновении с проблемами, выдвигаемыми видимыми и осязаемыми памятниками, или обнаруживает свою неомощность главным образом при этом соприкосновении. Если все же сообщение не могло быть заслушано без скептического к нему отношения, вина падает только на автора. Совершенно естественно, что наше разъяснение детальных тонкостей не легко могло найти отклик в аудитории, не освоившейся с элементарными положениями яфетической теории и с ее основными установками. Тем не менее, статья печатается без какого-либо изменения ее основных линий.

Когда в процессе сколько-нибудь углубленного исследования языков, литератур, конечно, археологии и истории народов Кавказа, приближаешься к материалам, могущим представить живой интерес для византиноведения, затрудняешься не выбором темы: трудность состоит в выборе вопросов, наиболее подходящих, если не наиболее важных для удовлетворения различных специальностей и вкусов ученого собрания. Оставляя в стороне связи чисто литературные и лингвистические, прямые заимствования или взаимные влияния в процессе одновременных интеллектуальных течений у византийцев иногда с армянами, иногда с грузинами, равно и с другими племенами смежных стран

¹ [Сообщение в византийской секции V Международного конгресса по историческим наукам в Брюсселе. Напечатана на французском языке в ЯС, т. II, стр. 137—167.]

(отметим, между прочим, поразительные факты сотрудничества в возрождении философских исследований вплоть до XII в.), исследования, повидимому, дают весьма богатые результаты при изучении истории архитектуры.

Стоит труда дать подробное изложение поразительного факта (в законном ожидании получить освещающие его замечания), отмеченного уже в издании армянской анийской церкви, так наз. Дворцовой церкви, что скульптура этого здания, считаемая произведением VI в., находит, вне Кавказа, единственный близкий памятник в Галлии, именно в рельефе церкви в Арле.¹ Я имею в виду скульптуру, изображающую жертвоприношение Авраама, выполненную во всех деталях согласно библейскому повествованию по сирийскому переводу и его кавказскому изводу. Этот кавказский извод сохранился лишь в отрывках армянских и грузинских переводов, постоянно исправлявшихся, из которых ни один не представляет (за исключением реликтовых чтений) произведения V или VI в.

Только в архитектурной части истории искусств можно было бы выбрать темы, исходящие от грузинских или армянских памятников, не менее спорных, но более привлекательных, как, например, особый тип ротонды, представленный тремя круглыми церквями, одной грузинской в Бане (теперь Фенек близ Олтии), двумя армянскими, откопанными близ Эчмиадзина (Звартноца) и Ани (храм постройки царя Гагика). Подробно обсужденный с точки зрения общих вопросов происхождения, этот тип лишь затронут по части фактических данных, грузинских и особенно армянских.² Между тем, мы вынуждаемся высказать мысль о родстве архитектурных терминов древних греков и византийцев с армянскими и грузинскими вовсе не в связи со сношениями армян и грузин с византийцами. Область, к которой относится мое сообщение, — это вопрос о протоисторических и даже преисторических пережитках в архитектурных терминах, терминах народных, прошедших из местных кругов в литературные языки, а также вопрос об этнических путях их проникновения; это наследие древних эпох принадлежит семье, называемой яфетической, и именно эта специальность, яфетическое языкознание и яфетическая теория, мало известные на Западе, не позволяют мне избрать для обмена мнениями тему более общего порядка. Впрочем, разве не верно, что всякая наука слагается из наблюдений мелких фактов специального интереса? Конечно, мое намерение более скромно: показать применением яфетидологического метода в наличном состоянии его разработанности связь, существующую между Кавказом и византийским миром и даже Западом, независимо от событий исторических эпох, путем анализа двух-трех слов со значением 'свод', 'арка'.

Понятие 'свода' и 'арки' выражается в яфетических языках различными словами, из коих каждое значит 'небо', часто 'небеса'. К числу таких терминов относится арм. *камага* и его многочисленные варианты, рассеянные во многих языках Востока и Запада, не исключая франц. *«chambre»* и его близкой родни —

¹ Н. Марр, Описание Дворцовой церкви в Ани. Изд. Анийского музея древностей, Анийские древности, I, 1911, стр. 8—9.

² Н. Марр, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года, предварительный отчет, ТР, кн. X, Спб., 1907; Е. Такайшвили, МАК, вып. XII, Москва, 1909, стр. 88—117.

исп. «самага» и т. д., которые обозначали раньше не что иное, как 'сводчатое помещение'.¹ Лат. «самега», «самага» и «самінус» считаются заимствованиями из греческого. Предположим на этот раз, что это совершенно правильно. Неоспоримым фактом остается, в самом деле, что греч. *καμάρα* || *καμάρα* 'свод', 'сводчатое помещение', 'балдахин',² 'крытая колесница' и т. д. не заимствования, но наследие доэллинических, именно так наз. яфетических племен. Дело идет о племенах, слившихся с эллиническими путем скрещения индоевропейцев с яфетидами. Не предполагая в данный момент углублять обсуждение этого принципиального вопроса, тесно увязанного с вопросом о генезисе германских языков³ и даже с карийским вопросом,⁴ я не пускаюсь в критику того, что было сделано для разъяснения этого слова исследователями-индоевропейцами.⁵

Удовольствуемся двумя формами, в которых это слово представлено в двух языках, гибридном индоевропейско-яфетическом, именно армянском, и чисто яфетическом — сванском. Арм. *кам-ар* 'свод', 'арка', как и св. *каш-га*, являются формой плавного множественного числа *-ар* || *-га*.⁶ В сванском мы имеем многообразие диалектических форм: 1) ушк. *каш-гә* 'полукруг' или 'круг', 2) халд., вп., мул. — *кам-га-у* 'свод' (диалекты чолурский и лентехский *кам-ар-а*, лашхский — *каш-ар-а*), 3) еперск., парск. и лахм. — *деде кам-гә* 'небесный свод' (ср. груз. *ღის კამ-არ-ა*), *gēnt*-иш *кам-гә*, или множественное число в двойной форме *кам-г-ар* (вместо *кам-га-ар*) 'края колыбели с полусферическим верхом'; *каш-ар-а* у сванов (лашхск., халд. и т. д.) обозначает также деревянные перекидывающиеся арки на столбе, воздвигаемом в память умершего и украшаемые яйцами, плодами и сладостями. А. Н. Генко, ревностный яфетидолог, обращает

¹ Излишне пересматривать исследования этого армянского термина, как, например, разъяснение Гюбшмана (Hübshmann), AG, I, стр. 164, № 294. Они делаются всегда без перспективы, даваемой нам сравнительной грамматикой яфетических языков и яфетической палеонтологией. Впрочем, любопытно констатировать чувство отчаяния Гюбшмана перед совершенно естественными и драгоценными фактами, когда он писал (ук. м.): «По de Lagarde'у, *καμάρα* — заимствование из правского, здесь этого, однако, не удается доказать, так как его нельзя отождествить с уверенностью ни с н.-перс. *камар* 'возвышенность', 'холм', 'курган', 'скала', ни с пехл. *камāг* 'голова', 'череп', Gl. and Ind. 200 (зд. *камәгәба*). Н.-перс. *камгә* 'свод', 'конюшня' — заимствованное слово, Nöldeke, Stud., II, стр. 40».

² Ср. *οβραχίνας* 'балдахин' от *οβραχός* 'небо'.

³ Немецкий в своей неразъясненной части сближается проф. Браун (Braun) с яфетической семьей, см. его работу «Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen», JS, т. I; Н. Мэпп, К вопросу об яфетидизмах в германских языках, ЯС, т. I, стр. 43—56; его же, 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрuscoго племени и еще два этапа его миграции, ЯС, т. I, стр. 135.

⁴ Сольмсен (Solmsen) считал ион. *καμάρα* заимствованным из карийского (Berl. Philol. Wochenschr., 1906, стр. 852—853). Стоит привести замечание Boisacq'a, s. v., стр. 402, прим. 1: «Все-таки идея 'свода' господствует в приводимых им примерах более, чем идея 'убежища'». Это верно, но поскольку констатировано основное значение 'небо', слову может принадлежать и значение 'убежища' в линии развития его религиозной значимости. Наконец, Сольмсен пользуется (ук. с., стр. 858) традицией skolий (Origanus, IV, 532. Buss.-Dag. Apollonii Karika), по которой *καμάρα* заимствовано из карийского, где *καμάρα* λέγεται τῆ ἀσφαλῆ. Это ничуть не мешает утверждению, вслед за Фиком (Fick) (Vorgriechische Ortsnamen, стр. 30), что *καμάρα* кажется древним заимствованным словом неизвестного происхождения, распротранявшимся вслед за развитием зодчества, так как мы не уверены, является ли это слово исконным карийским или заимствованным.

⁵ Boisacq, Dict. Etym., s. v.

⁶ Не следует смешивать с этим *-га* составное окончание *-ар-а* (|| греч. ион. *-αρ-η*), где гласный *-а* (греч. ион. *-η*) другого порядка, как и в груз. *кам-ар-а* 'свод (неба)', *κόχχη* 'склад'; для двух последних значений лексикограф Сулхан Орбелан приводит III Царей, 7, 8, современная версия (московское издание) его отвергает. Ср. I Парал., 28, 11.

мое внимание на перевод Нижерадзе в его русско-сванском словаре, 2, русск.-«арка» через *kaṃṭā*, и, что особенно любопытно, он объясняет термин по-свански *murgwel deṣ legmaletm*ш 'крулльи свод здания'.

Что касается основы *kaṃ-*, она является спирантным эквивалентом свистящего варианта, свойственного сибилантной ветви, т. е. эквивалентом *tam* || *tav*, сохранившегося со значением 'небо' в грузинском в сокращенной форме *ḡa* (← *ḡav*), обозначающей также 'небо'.¹

Губной звук *m* (|| *v*) этого термина, согласно истории яфетической фонетики, имеет ряд заместителей вследствие подъема по формуле $m \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$, и именно вариант *kar-*, с показателем множественности *-ga*, т. е. *kar-ga*, ныне сванское слово, получили при позднейшем распространении (в эпоху диссоциации идей) значение 'челюсти'.² Мы встречаем ту же ступень подъема основы *kar-* → *kab-* в термине, означающем то 'голубой цвет', то 'голубя'; арм. *kar-out* 'голубой' (Hübschmann, AG, I, стр. 166, не плохо: «*dunkelblau wie der Himmel, das Meer, die Berge...*» ['темно-голубой как небо, море, горы']), перс. *kab-ūd*, *kab-ūdī*, арм. *kar-ūt* + *ak*, санскр. *kar-ūta*, перс. *kab-ūdar* 'голубь' (тур. *qebüder*, перс. *kab-tar id.*) и т. д. Термин хорошо привился к восточной ветви индоевропейского ствола, всегда наследие яфетидов в санскритском и персидском, как и в армянском. В Армении мы видим его пережитки в ряде топонимических названий,³ также и в Персии. Эта основа с подъемом губного ($m \nearrow p$) появляется и в греческом: *kar-et* (*κάπητος* 'впадина', 'яма', 'овраг', 'углубление', 'могила'), *kar-an* (*καράνη* 'колесница' у фессалов), с *k* на низшей ступени (ср. баскский фонетический закон) — **har-ēp-*, откуда *ar-ēp* (*ἀρήνη* 'колесница', 'повозка на четырех колесах', 'телега').⁴

Две черты, характерные для термина *kaṃ-ag*, увязывают его с доисторическими временами: его форма множественного числа, от эпох, когда первобытный человек считал множественность нормальным состоянием собственных и нарицательных имен (для собственных имен ср. этнические и топонимические названия), и обозначение одним словом 'головы', 'горы' и 'неба' — общее явление яфетической семантики.

Что касается других значений, они лишь дериваты трех основных. Напр., от 'головы' — 'верх', 'конец', 'вершина', от 'горы' — 'высота', 'холм' и т. д., от 'неба' — 'свод', 'арка', 'купол', 'крыша', 'круг', 'пояс' и т. д. Надо ли объяснять вторичные значения 'голубой' и т. д.? Так легко их понять, однако не значение слова 'голубь', которое, как всякое частное или общее название пернатых, является эквивалентом 'неба', его трансформацией в процессе диссоциации идей, его эпифанией в мире образов.

¹ Вариант архетипа *tam*, являясь первым согласным ряда (*s*), именно *zam*, совпадает не случайно с семитическими эквивалентами, но я здесь совершенно не касаюсь семитическо-яфетических связей. Они достаточно разъяснены, чтобы создать основу для сравнительной грамматики яфетических и семитических языков. Я ограничиваюсь замечанием, что термин употребляется в семитических языках также в значении 'неба' (сир.) и 'крыши' (асс., сир.), ср. ниже, стр. 203, 205.

² Ср. также св. *pe-kra* (→ *pe-kfa*) 'подбородок', груз. *pe-kar-1 id.*

³ Н. Марр, Термин «скиф», ЯС, т. I, стр. 90.

⁴ Эта основа *kar* и ее варианты имеют огромное распространение в греческом и других индоевропейских языках. Они могли бы служить темой докторской диссертации.

Эквивалент груз. ზა ($\leftarrow \text{ḡav} \leftarrow \text{tav}$) || *tam 'небо' существует на Западе у басков в варианте полной формы *tam.¹ Первый согласный здесь на низшей ступени (s) и m (|| v) между двумя гласными с подъемом в p \rightarrow b — sar- \rightarrow sab-, но это слово признается лишь в составном, да и то с суффиксом -au, пережитком окончания мн. ч. -ag: ao-sar+au (гипуск.) и aha-ṣab+au (лабурд.)² 'небо', слово в слово 'небеса рта'. То же «sabai» (читай sabau или ṣabau) употребляется в значении 'крыши', 'чердака' и т. д., выводя свое семантическое значение от первичного значения 'голова', 'гора', 'небо'. Обратное, эквивалент баскск. ser-u («zeru»), сокращение мн. числа *ser-og или *ser-ur 'небо', скорее 'небеса', налично без окончания мн. ч. на Востоке, но с первым коренным согласным в подъеме — *ter, откуда груз. tte и арм. tigr, оба в значении 'круг'. Груз., мегр., св. ter 'потолок' — лишь его варианты.

Между тем, нас сейчас интересует лишь употребление слова со значением 'голова', 'гора', 'небо' в смысле архитектурного термина 'свод', 'арка'. Этот факт, прочно устоявшийся палеонтологией яфетических языков, получает теперь новое подтверждение благодаря грузинской надписи Пархальского монастыря. Дело идет о построении монастырской церкви, точнее — об окончании одной архитектурной детали или ее декоративной части, определяемой двумя $\alpha\pi\alpha\lambda\gamma\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu\alpha$, неизвестными терминами — ḡas dudagaу.³ «При настоятеле Георгии (Giorgi) Иоанн (Iovane), патриарх Грузии (Qarḡisa). В церкви, в Пархале, курапалат построил (эту) арку верхнего свода, и никто ее не украсил, и он (патриарх Иоанн) ее украсил, — да пребудет его слава до (последнего) века». Надпись представляет несколько моментов особого интереса, которые требовали бы исторического и археологического комментария, но мы сейчас заинтересованы терминами ḡas dudagaу.⁴

Работа, выполненная патриархом Иоанном, действительно, выглядела аркой, на передней части которой была помещена надпись. Это арка верхнего этажа Пархальской церкви базиличного типа; следовательно, мы имеем здесь арку, или ряд арок верхнего свода, по-грузински zeda ḡas dudagaу, украшенную патриархом Иоанном (чем? фресками?) или просто устроенную им. Между тем из этих трех слов лишь первое zeda 'верхний', 'высший', 'наверху' — грузинское, два другие поддаются толкованию лишь через факты мегрельского или чанского

¹ Я ставлю здесь эту форму под звездочкой, хотя она и существует, но не в значении 'неба'.

² Традиционная транскрипция «asarai», «abasabai».

³ Было бы трудно с точки зрения и морфологии и синтаксиса грузинского языка попытаться отделить от слова dudagaу последний слог гау, считая его за союз 'когда', как я хотел сделать при первом чтении. Даже это чтение — ḡas dudu гау — не поколебало бы нашей точки зрения, потому что dud-а, если предпочитают читать раздельно, было бы апокопом архетипа во мн. ч. *dud-ag. Интересующий нас отрывок грузинской надписи из Пархала гласит: აღიღებ ღმერთმაჲს ქვეს მიერ ქ[ართლის] და უღიღის აღმოსავლეთის: პატრიარქს იოვანეს პარხალს ეკლესიასა ზე ნას დუდაგაუ (zeda ḡas-dudagaу) კურაპალატსა აკლესენ და არავის ეგმა (ეგმაზა?) და მას შეეკმაზა ჰგ[ი]ეს[მ]ცა დიდუბა მისი უკუნისამდე» Непоследовательность синтаксиса, проявляющаяся в дательном პატრიარქს იოვანეს, менее чувствуется, если его не обратить в подлежащее предиката ეგმაზა или შეეკმაზა, что неизбежно при чтении dudagaу.

⁴ Желание получить некоторое разъяснение этих терминов было причиной того, что известный грузинский эпиграфист, Е. С. Такайшвили, лично списавший в Пархале грузинскую надпись, сообщил мне ее в Париже, любезно предоставив мне дать предлагаемое мною толкование.

(лазского) языков; одно из этих ἄπαξ λεγόμενα φας пострадал лишь от фонетического влияния одного из этих языков шипящей группы: аффрикат ʃ в начале грузинского слова ʃa 'небо' заменен аффрикатом шипящей группы — ʃ — ʃas (-s грузинское стянутое окончание род. падежа вместо -is);¹ другое — dudaraγ — имеет от грузинского лишь признак именительного -у; все остальное, т. е. dudara- , является или мегрельским, или чанским (лазским): dud- 'голова', с составным суффиксом -аг-а, последний гласный которого дополнительный, как в груз. kam-ag-a .² Что же касается -аг — это хорошо известное окончание мн. ч.; однако ни мегрельский, ни чанский язык наших дней не знают мн. числа на -аг. Оно свойственно сванскому (-аг) и армянскому, так называемому современному, скорее языку хай'ев, как себя называют армяне, и абхазскому, где это окончание наблюдается в обратном порядке — га. Тем не менее, форма dud-ag принадлежит одному из этих языков, неотъемлемым достоянием которого является основа dud- 'голова'. Имеются, однако, серьезные основания, чтобы отнести форму со сванским мн. числом dud-ag к чанскому языку, так как в чанском наблюдается и теперь помимо общности названия («чан» вариант «свана», по-свански шоп), более значительный слой сванских элементов, чем в мегрельском. Мысль искать в этих ἄπαξ λεγόμενα грузинской надписи влияние местного языка пришла мне потому, что такое же явление отмечено покойным И. А. Кипшидзе в грузинских надписях Мегрелии, изданных Е. С. Такайшвили.³

В Пархальской надписи следует отметить другой случай влияния одного из языков шипящей группы, мегрельского или чанского, именно трансформацию «о» предшествующим или последующим губным в «и», откуда mshubelsauʒa вместо mshubelsauʒa . Так мы приходим к следующим положениям: 1) яфетические слова со значением 'голова', 'небо', следовательно одновременно также 'голова', 'гора', 'небо', обозначали также 'арку' или 'свод', 2) один из этих терминов, именно чанск. dud-ag-a , является той же формой plur. tant., что и груз. kam-ag-a , арм. kam-ag (греч. καμάρα).

Окончание множ. числа -аг имеет вариант, помогающий нам разъяснить третий термин, также со значением 'свод', 'арка', теперь уже чисто греческое слово.

Соответственно трем огласовкам, зависящим от разности этнических образований, окончание множ. числа имело три основных варианта — $\text{-ag}_{||}$ -ог (-ur) || -ег (-ur). Сейчас оставим в стороне изменение (также этнического происхождения) плавного (I || г). Для нашей темы достаточно отметить двойную вариацию огласовки (а || о) того же окончания, иллюстрируемую типичным словом со значением 'вереск': ($\text{gvim-ag}_{||}$) груз. gvim-га (\rightarrow gvimb-га \rightarrow св. gwimb-г), св. $\text{gvim-ag-a}_{||}$ св., чанск. gwim-ог , св. gwim-ог+a .⁴ Основа этого термина подвержена тому же тройному изменению гласного: kam- | kom- (kum-) || kem- (kim-). Коренные

¹ То же фонетическое влияние, именно мегрельского, проявляется в названии грузинского монастыря ʒa-is-1 , даже ʒa-1sh-1 (в Мегрелии).

² См. выше, стр. 201, прим. 6.

³ Мингрелизмы в грузинских надписях из Мингрелии, ХВ, т. IV, стр. 315—317.

⁴ Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum), ИАН, 1915, стр. 836, 838, 841.

согласные также изменчивы в зависимости от истории звуков в яфетических языках, первый согласный (k) по формуле $k \rightarrow g \rightarrow q$, второй (m) по формуле $m (\parallel v) \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$. Мы выбираем из этих многочисленных вариантов, существующих в различных языках, три вида, имеющие непосредственное отношение к нашим терминам, а именно: 1) gem- (\leftarrow kem-), 2) qim- (\leftarrow kim-) и 3) kib- (\nwarrow kim-).

1) gem- с окончанием множ. числа -ог — gem-ог 'небо' (буквально 'небеса') \rightarrow 'небо рта', т. е. 'небо'¹ \rightarrow 'вкус' сохранилось в грузинском gem-о 'вкус'; согласный г не исчез бесследно, оставив свой след в грузинском прилагательном gem-г+и-el (\leftarrow gem-ог-и-el), народная форма gembriel 'вкусный'. Gem-о означал также 'голову', откуда происходит, может быть, в романе Виса и Рамин,² как мне любезно напомнил А. Н. Генко, употребление этого слова в производных в смысле 'гордости', 'высокомерного', 'гордого', 'заносчивого', синонима грузинского выражения, составного также со словом 'голова', именно ღავ-აგებულ 'поднятая голова' \rightarrow 'высокомерный' и т. д.³ Отметим контекст, где встречается gemoebul (Виса и Рамин, гл. LXII, стр. 301: აქ დიშმედა-გაი უფო გადიდი, gemoebul qar da ღად გასრული qar 'Теперь ты стал более великим, чем Джимшед, ты заносчив (gemoebul 'поднятая голова') и вознесен на небо'. Переводчик не почувствовал, конечно, что 'голова' и 'небо', приведенные параллельно в образном языке поэзии, не что иное, как два дифференцировавшиеся понятия, ранее выражавшиеся одним словом. Кроме того, можно было бы понять gemoebul, прилагательное от gemo (некогда 'небо'), этого отрывка в смысле 'небесный', в соответствии с тем, что мы видим в персидском эквиваленте: 'Теперь ты стал больше, чем Джемшид. Может быть, ты стал соседом (товаришем) Солнца?' Грузинский переводчик, повидимому, так перефразировал последний стих: 'ты стал небесным и взшел на небо'.

2) qim-, также с окончанием множ. числа, но арм. др.-лит. -q, встречается в хорошо известном армянском слове qim-q 'небо', 'каприз' и т. д.

3) kib- в плавной форме множ. числа -ог, как gwim-ог и gem-ō'g¹, с окончанием -i, следовательно, kib-ог-i 'небеса', является бесспорно наиболее интересным для нас видом, так как этот термин в совершенно нетронутым виде, с ω вместо o (этот предпоследний гласный с яфетическим ударением kibōgi) появляется в греческом архитектурном термине κιβώριον. Лишь позднее, как нас уверяют, с IV в., этот термин доисторического происхождения начинает обозначать предмет христианского культа, «балдахин, поддерживаемый двумя, четырьмя и даже шестью колоннами, покрывающий алтарь базилик, и даже, хотя много реже, алтарь маленьких церквей, встречающихся в катакомбах».⁴ В одной из гомилий Иоанна Златоуста⁵ можно отметить реминисценции этого древнего значения слова.

¹ Ср. *οὐρανός* 'небо' (Diosc., Charis, см. Sophocles, s. v.).

² Гл. XLII, стр. 257, LIII, стр. 301, 302, LXII, стр. 301.

³ В персидском оригинале читаем: *سرکشى* в стихе 21, стр. 74v, что соответствует шестой строке стр. 301 грузинского текста с двумя словами *didis gemo* 'заносчивость' [\leftarrow 'большая голова' или 'склонность (\leftarrow 'вкус') к величию'].

⁴ Abbé Martigny, *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, s. v.

⁵ Homil. III in c. I Epist. ad Ephes.

Хорошо известное место содержит, между прочим, такую фразу: «когда вы видите, что завесы алтаря раздвигаются, представьте себе, что вы созерцаете раскрывающееся *небо* и спускающихся на землю ангелов». Очевидно, расценивается как случайность тот факт, что «*ciborium* имел и имеет полусферическую форму». ¹ «Отсюда происходит, — говорят нам, — что в средние века сама церковь называлась *κιβώριον*». ² Связь между представлением о 'храме' и о 'небе' — первичная, раньше появления какой-либо архитектурной формы. 'Небо' с его символом 'голубем', его мифологической эманацией, выделяется из первичных верований и переживает в христианской архитектуре. Связь 'неба' с 'храмом' основана на ассоциации идей, господствовавшей в доисторические времена. Конечно, *κιβώριον* означал 'свод', 'арка', как дериват слова с первичным значением 'неба', 'небес' (ср. арм. *кашаг* и др.), но этот факт знаменует позднейшее развитие человеческого мышления. Я лишь частично коснусь многочисленных материалов, увязанных с этим термином по связи образов и идей. Иначе я слишком долго говорил бы по этому предмету, включающему и термин 'купол' и его многочисленную родню по форме, так и его семантические вариации. ³ Наш термин *κιβώριον* означает также всякое сводчатое сооружение, включая и купольное. Он охватывает и погребальные сооружения, издавна принявшие сводчатую форму. Но связь 'неба' с 'подземным миром', с 'нижним небом', идет, конечно, от доисторических времен: отсюда употребление термина в значении 'обиталища душ усопших'. Тем не менее, не следует возводить происхождение семантического значения 'погребальный памятник' (даже если настаивать на объяснении по ассоциации позднейших образов или форм) к тому, что слово, означающее 'купол', значило также 'яма', 'могила' и т. д., так как достаточно, мол, представить себе перевернутый купол, чтобы получить значение 'ямы', 'могилы'. Тот же термин обозначал всякую 'вогнутую' посуду или сосуд, всякий 'круглый' предмет. Я упомяну за пределами архитектурных терминов лишь значения 'верх', 'арх', 'венец', 'высота', 'голгофа', которые могли бы, согласно строгим требованиям яфетической семантики, быть сведены к основным значениям 'голова', 'гора', 'небо'.

Чтобы убедиться в тесной связи этой яфетидологической этимологии с традиционным значением термина, достаточно обратиться непосредственно к указаниям Du Cange'a по поводу различных значений слова. ⁴

1) s. v. (стр. 653): «*κιβώριον, ciborium... Tegimen, seu umbraculum altaris, quatuor columnis innixum κατάπετασμα, apud Symeonem Thesalonic. de Templo pag. 215. Photius Patr. Constantinopolit. in laudatione Novae Ecclesiae*»...

¹ Abbé Martigny, ук. м.

² Ук. м.

³ Семитические слова, как, например, арабск. *قبة* и т. д., идут из того же источника. Однако слово отнюдь не одиноко в арабском, где по яфетической палеонтологии размещаются рядом с арабск. *قبة* 'черепа', 'верх' (< 'голова') и ассирийские родственные слова (см. Br. Meissner, Assyriologische Forschungen, I, Лейден, 1916, стр. 51—53, s. v. «*kimmatu*»). Я не касаюсь сейчас даже груз. *kim-kim-el-i* 'небеса' (название одного из 'небес').

⁴ Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Effigies recens cum vetere editione anni 1668 prorsus congruens. Vratislaviae, 1891, s. v., ср. Suiceri, Thesaurus ecclesiasticus, II, s. v. *κιβώριον*.

Germanus patr. Constantinopol. in Mystagogia: τὸ κιβώριον ἐστὶν ἢ σταύρωσις, ἀντὶ τοῦ τόπου ὅπου ἐσταυρώθη ὁ Χριστός etc. Ciborii apicem cruce insignatam fuisse, in Constantinopoli nostra etiam docuimus, de qua etiam agimus infra, v. τέμπλον... De hac intelligendus videtur Nicetas Paphlago in Vita Ignatii patr. Constantinop. «ὦπται ποτε» etc.¹

2) s. v. τέμπλον (стр. 1542 s. v.): «Тέμπλον pars aedis sacrae: sed quae illa fit non liquido constat ex scriptoribus... Anonymus MS. de Bellis Francor. in Morea:»²

...καὶ ἔδωκεν ἐς τὸ τέμπλον,

τὸ κιβώριον ὅπου ἐπικεν, ὅπου ἦτοι ὁ πατήρ τοῦ.³

«Ubi monendus lector per κιβώριον hoc sepulcrum intelligi uti in hac voce docemus. Proinde sepulcrum extractum est in templo... Sed praesertim in apice crux eminebat, ut scribit Malaxus: unde licet conjicere *templum* nihil aliud esse quam *ciborium*, cui crucem imponi solitam docuimus in nostra Constantinopoli Christiana lib. 3 cap. 61. Sed et ciborium Ecclesia S. Marci Venetiis variis adornatum imaginibus et candelabris habent Sansovinus et Stringa lib. I. Descr. Venet. cap. 4,42. Enim vero *templum* appellatur, quod aedis cujusdam a caetera aede discretam figuram exhibeat: unde Chrysostomus exponens ναοὺς ἀργυροῦς in Actis Apostol. ἴσως κιβώρια μικρά dixit, quod ciboria quatuor altioribus columnis innixa templi re vera formam referant: quae quidem, cum altari superimposita illud tegant, coelum exhibere dixit Germ. Patr. Constantinop. in Mystagogia: quo referri possunt quae scribit Sallustius philosophus in libro de Diis et mundo c. 15, οἱ μὲν ναοὶ τῶν οὐρανόν, οἱ δὲ βωμοὶ μιμοῦνται τὴν γῆν...»⁴

Этот tegumentum и этот sepulcrum, тот и другой, повидимому, сводчатый или арочный. эта 'гольгофа' (τόπος ὅπου ἐσταυρώθη ὁ Χριστός), этот 'верх', или 'арех', наконец, этот 'храм', представлявший 'небо' или 'небеса', обозначался, естественно, словом, обнимавшим своей семантической значимостью основные

¹ [Под словом κιβώριον, ciborium (стр. 653) ... Покров или сень алтаря, на четырех колонках утвержденная завеса, так у Симеона Солунского — о храме. Фотий, патриарх константинопольский, в похвале новой церкви ... Герман, патриарх константинопольский, в Mystagogia [Тайноводстве]: «Киворий заменяет место, где распят был Христос» и пр. Вершину кивория осенял крест, как это мы указывали в нашем «Константинополе [христианском]», о чем также говорим ниже под словом τέμπλον ... В этом смысле, повидимому, должен быть понимаем Никита Пафлагонский в Житии Игнатия, патриарха Константинопольского: «Виден некогда» и пр.].

² [Под словом τέμπλον (стр. 1542): «τέμπλον часть священного здания, но какая именно, это не ясно из писателей ... Анонимный манускрипт «О войнах греков в Морее»].

³ Ср. Heisenberg, ук. с., стр. 219 [«... и дал в τέμπλον киворий, который создал, где был (положен) его отец»].

⁴ [Данное место побуждает читателя понимать под киворием гробницу, как на это мы указываем под вазанным словом. Гробница, таким образом, была устроена в храме ... Особенно выделялся на вершине крест, как пишет Малакс, откуда можно сделать заключение, что templum тот же киворий, на котором обычно помещался крест, на что мы обращали внимание в нашем «Константинополе христианском» (кн. 3, гл. 61). Киворий в церкви св. Марка в Венеции был украшен разными изображениями и лампадами, согласно указанию Сансовина и Стринги и в Описании Венеции, гл. 4, 42. Называется же он templum, так как представляет форму некоего сооружения, отличного от прочего здания; отсюда Златоуст, поясняя «храмы серебряные» в Деяниях апостолов, сказал: «т. е. малые кивории», поскольку кивории, утвержденные на четырех высоких колоннах, действительно дают форму храма; а так как кивории, возвышаясь над алтарем, покрывают его, то Герман, патриарх константинопольский, в Mystagogia сказал, что они представляют небо. С этим может быть сопоставлено то, что пишет Саллустий философ в книге о богах и мире, гл. 15: «храмы изображают небо, а жертвенники землю»].

значения 'голова', 'гора', 'небо' и их производные; так именно такое слово воплощено в *κιβώριον*.

Можно было бы сказать, что благодаря яфетической палеонтологии мы возвращаемся к мыслям Варрона (LL., 7, 6—13): «*templum tribus modis dicitur ab natura, ab auspiciendo, ab similitudine; natura in coelo, ab auspiciis in terra, ab similitudine sub terra*». Эти идеи не плохо согласованы, равно как мысли Лукреция в тех стихах (5, 1436), которые приводит Ниссен (Heinrich Nissen) в своей книге «*Das Templum*»,¹ любезно указанной мне молодым яфетидологом С. Л. Быховской, но наши основания и наша точка опоры совершенно иного порядка.

В значении погребального сооружения греческий нам сохранил яфетический вариант того же термина, дополненный суффиксом множ. числа -g, эквивалентом арм. др.-л. -q — *κιβ+ur-g* — *κιβούργιον* 'sepulcrale monumentum'.² Совершенно обычное явление, что слова получали в яфетической среде во время своих странствований от племени к племени два, иногда даже три добавочных окончания и даже больше, различные признаки одной и той же формы; последняя добавлялась как нарост, потому что, поскольку во время миграций слова его окончание или его окончания предшествующих времен не осознавались в новой этнической среде как форма множественного числа, напр., в арм. *դօն+d-og* 'яблоко' окончание множ. числа *d* (ср. арм. *տան-d* 'группа') получило дополнительный суффикс множ. числа -og, прибавляемый в других случаях непосредственно к чистой основе, напр., арм. *սալ-og* или *սալ-og* 'слива', также наше *κιβ-og* (*κιβώριον*).

Но слово *κιβώριον* → *κιβούριον* значило также 'лотос', 'водяная лилия', 'кувшинка'. Этот частный случай сбил с пути в их изысканиях некоторых этимологов: они возводят происхождение нашего архитектурного термина к названию того или иного растения. Даже в изложении ученого лексикографа, не тронутого методом индоевропейской лингвистики, т. е. Stephanus'a,³ разделявшего, по видимому, указанное выше мнение, видно, тем не менее, влияние первичного значения слова. Он пишет (s. v.): «*κιβώριον, τὸ ciborium: fructus fabae Aegyptiae... Et rursum, Γίνεται δὲ ἐκ τῶν κιβωρίων καὶ ἄνθος στεφανωτικόν, ab Aegyptiis dictum λωτός, Naucratitis μελέλωτος, ut Athen. 1.5 (immo 3, p. 72. A) dicit, κιβωρίων ἄνθει καὶ ῥύλλοις θυσίαν ἔχει τὴν διάθεσιν. Steph. quoque in Ἄξη ait huius plantae radicem dici κολοκάσιον, τὸ ὑπερπερικὸς autem nominari κιβώριον. Ubi nota eum generalius dicere τὸ ὑπερπερικὸς quod supernascitur, seu quod in summa caule nascitur...».⁴*

¹ Berlin 1869, стр. 3: at vigiles mundi magnum versatile templum, sol et luna suo lustrantes lumine circum perdocuere homines annorum tempora verti et certa ratione geri rem atque ordine certo [стражи мира, солнце и луна, освещающие своим светом со всех сторон вращающийся великий храм, научили людей, что происходит вращение времен годов и что все совершается по определенному закону и в определенном порядке].

² См. Du Cange, s. v.

³ Thesaurus linguae graecae.

⁴ [Киворий плод египетского боба... И еще — из кивория выходит внешнеобразный цветок, египтянами называемый лотосом, навкратийцами мелелотос (который), как говорит Атеней в книге 5 [в действительности 3, стр. 72 A], имеет расположение подобное цветку и листьям кивориев. Стефанус, кроме того, под словом ἄξη говорит, что корень этого растения называется колокасий, верхняя же его часть ὑπερπερικὸς называется киворий. Заметь при этом, что слово ὑπερπερικὸς он употребляет в общем значении или в смысле того, что растет сверху, или в смысле того, что вырастает на вершине стебля].

Буазак учитывает *κιβώριον* или *κιβύριον* лишь в значении растения:¹ «плод египетской кувшинки или *κολοκασία*; чаша, сделанная из этого плода или имеющая его форму. Происхождение неизвестно. Слово не отыскивается в египетском. Ср. G. Meurer, GA³ 140 (библ.). Имеется ли связь между этим словом, предшествующим [*κίβρισις* 'котомка'... неясного происхождения] и следующим [*κιβωτός*... неясного происхождения], между этой группой и *Κιβύρα*, фригийским городом?»²

Появление *κιβώριον* в значении архитектурно-технического термина в позднейшие времена никак не служит доказательством того, что этот термин был создан в средние века. Отсюда, поскольку поддержка материальная или теоретическая отсутствовала со стороны семантики, Дрезеке (Dräseke) естественно пошел дальше в уточнении указанного мнения о зависимости архитектурного термина от названия растения, когда дело идет о *κιβώριον*, в применении к центральной части знаменитого храма, Марнеон, в Газе. Сведения о форме этой части не что иное, уверяет он, как сравнение, заимствованное из растительного мира, и они могут быть переведены следующим образом: «Центральная часть здания имела форму выпуклой водяной лилии (пли, если быть более точным, «похожая на выпуклую чашечку водяной лилии», поскольку отсутствует выражение, указывающее сравнение) и поднималась высоко».³ К тому же немецкий ученый не далек от правильного понимания этого купольного сооружения, как мы сейчас увидим, и Хилл (Hill) имеет основание писать: «Dräseke предполагает (дело идет о *κιβώριον*), что слово имеет значение семенной коробки водяной лилии и употребляется для обозначения купола».⁴

В самом деле, в Житии Порфирия, епископа газского, написанном Марком Днаконом, *κιβώριον* является несомненно архитектурным термином:⁵ *συνεζούλεον οὖν τινες κτισθῆναι αὐτὴν (ἐκκλησίαν ἂν Gaza) κατὰ θέσιν τοῦ εἰδολεῖου τρογγυλοσειδῆς γὰρ ὑπῆρχεν, περιβεβλημένον δυσὶν στοαῖς ἀλληλοσωπέραις, τὸ δὲ μέσον αὐτοῦ ἦν ἀνεφυσητόν κιβώριον καὶ ἀνατεταμένον εἰς ὕψος, εἶχεν δὲ καὶ ἄλλα τινα, ἃ τοῖς εἰδώλοις ἔπρεπεν* etc.⁶

¹ Dict. Etym., 1907—1914, в. 7.

² Яфетидолог легко ответит на эти вопросы, с основанием предлагаемые Буазаком, смущенным таким количеством неясностей, которые никак не могли разъяснить. Мы к ним вернемся в другом месте. Здесь достаточно отметить, что -*ōt*, resp. -*ot* в *κῑb-ōt* — суффикс множ. числа, эквивалент -*ōt*, гетр. -*ot*, тот же, что мы устанавливаем в *kap out-*, *kab-ōd* 'лодубь', *skol-ot* 'скиф' (Н. Мэпп, Термин «скиф», ЯС, т. I, стр. 121), *May-ōt* (ук. соч., стр. 108) и т. д.

³ Marcus Diaconus, *Gesammelte Patristische Untersuchungen*, Altona und Leipzig, 1889 стр. 235.

⁴ *Some Palestinean Cults, Proceedings of the British Academy*, 1911—1912, стр. 425, прим. 1.

⁵ Совпадение двух семантических значений в одном и том же слове, одного — растительного, другого — архитектурного, не представляет ничего необыкновенного. В порядке того же семантического развития баскск. *tontor* 'вершина', 'острие', происходящее также от '*неба' || '*горы' || '*голова', получило значение 'log del maiz', 'опухоль', 'шишка' и т. д. Совпадение этих терминов имеет исходом не материальную природу вещей, во социальные идеи, в то время языческие. Об этом мы скажем в другом месте.

⁶ [Некоторые советовали построить ее (церковь в Газе) по плану идольского храма: он был круглой формы, обнесен двумя портиками. обраченными друг к другу (концентрическими), по средине же его был киворий, вздувшийся и поднимающийся в высоту; имел также другие особенности, какие отвечали помещению для идолов']. *Marci Diaconi... Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Πορφύριου ἐπισκόπου Γάζης*, § 75, изд. Haupt'a, *Abh. d. k. Ak. d. Wiss. zu Berlin*, 1874, *Phil.-hist. Kl.*, стр. 204 = Teubner'a, 1895, стр. 62.

Это место много обсуждалось.¹ Гейзенберг (А. Heisenberg) считает, по его мнению — основательно, *sibogium* украшением гробницы, первично просто гробницей или гробом. Он возводит происхождение этого термина к семитическому слову, означающему 'гробница' (именно сир. *ḳebōḡá*, евр. *קֶבֶר* 'гробница', следовательно, арабск. *ḳabr^{an}*).² Приходится пожалеть, что в XX веке не остерегаются возвратиться к отбросам, забывая об изречении Посланий апостолов (Петр, II, 2, 22). Несостоятельность других этимологий не может увеличить вес этого сближения, опирающегося на устарелую мысль найти в семитической лексике объяснение неясных терминов средиземноморской культуры, в то время как палеонтологические исследования нам диктуют уже давно мысль найти их истинный источник в более глубоком этническом слое европейского населения, в том слое, который, как в этом начинают убеждаться, насыщал язык и семитических и индоевропейских народов. Впрочем, соображения семантические, не менее чем соображения формального порядка, ни в коем случае не позволяют производить *κιβώριον*, архитектурный термин, из указанного сирийского слова. Если язык Газы и его окрестностей был во времена Порфирия сирийским,³ это не снимает предположения, что наш термин происходил из той же страны. Он мог быть сирийским в качестве пережитка весьма древних эпох. Само название *Μαρρείον* разве не сближается с критским термином *μαρνάν* 'παρθένος'?⁴ Но *μαρνάν* представляет, конечно, яфетический пережиток: это составное слово типа 'дигя+женщина', как подсказывает А. Н. Генко своим хорошо обоснованным анализом. Макалистер подчеркивает факт, что некоторые евреи Константины, став язычниками, поклонялись божествам «Marthus (или Marthys) и Marthana, дочерям одного лжепророка времен Траяна, по имени Elzai». Прельщенный, очевидно, лишь созвучием имен, проницательный исследователь истории и культуры филистимлян не находит для разъяснения ничего, кроме следующего замечания: «Это вряд ли больше чем совпадение».⁵

¹ См. Hill, *Some Palestinean Cnltts*, ук. м., стр. 424—425.

² Heisenberg, *Grabeskirche und Apostelkirche*, I, стр. 219, где стоит обратить внимание на следующие замечания: «На это происхождение слова было указано раньше, но оно не находило одобрения (ни А. Schmidt'a, *Der christliche Altar und sein Schmuck*, стр. 74, ни Kraus'a, *R.-E.*, I, 289, в. v.), так как казалось необъяснимым, чтобы греки и римляне приняли для обозначения алтаря семитическое слово. Это единственное сомнение должно считаться устраненным. Другие дериваты этого слова страдают значительными недостатками. С *sibogium* (от *sibus*?) 'кухонная утварь' не имеется никакой связи, в называемый *Athenaeus deipn.* 72a *κιβώριον* кубкообразный сосуд для плодов египетского растения *холохастион* мог бы разъяснить, почему у Горация, II, 7 кубки называются *siboria*, но он находится и по форме и по существу в отдаленнейшей связи с балдахинном над алтарем. *Κιβώριον* значит 'могила'; христиане греки заимствовали у сирийцев вместе с чуждым им предметом и чуждое слово, а от греков оно перешло к латинянам. Тут уже совсем не знали, пожалуй, точного значения слова, но греческий народный язык еще долго употреблял *κιβώριον* или скорее *κιβούρι* для обозначения могилы, но вне церкви и без связи с алтарем. Это для меня является решающим».

³ Житие Порфирия, § 66, изд. Haupt'a, стр. 200—201 = изд. Teubner'a, стр. 55. *καθὼς ὡς ἐπὶ τὰ ἐνικητῶν... ἔλεγε τῇ Σύρων φωνῇ*, ср. § 68 Haupt'a, стр. 202 = Teubner, стр. 57: *τῇ συριακῇ γλώσσῃ*. Ученые издатели Жития Порфирия замечают в издании Teubner'a (стр. 115), ссылаясь на цитованные места: «*volgens omnino lingua usum esse Syriaca videtur*». Я воздержусь, тем не менее, от утверждения, что этот сирийский был идентичен языку, известному по литературным и эпиграфическим памятникам. Можно отметить лишь в качестве курьеза попытку объяснить сирийским даже *Μαρρείον*, как то делает Arg. Meyer, видящий в нем *μαρτ* 'наш Господь' (*Jesu Mutttersprache*, 1896, стр. 157). Жаль, что Stew. Macalister не сознает, что он действует вопреки своим удачным мыслям, высказывая ту же неудачную мысль (ук. соч., стр. 107): «Имя *Μαρνα* могло передаваться по-арамейски *Μαρ-на* 'наш Господь', и весьма вероятно, что это было его истинное значение».

⁴ Житие Порфирия, Haupt, стр. 199, прим. = Teubner, стр. 13.

⁵ Ук. соч., стр. 113.

Если принять яфетидологический анализ *μαρνών*, то этот термин является лишь вариантом греч. *παρθένος*, уже разъясненного¹ как доэллинический вклад, будучи в результате подъема *m* / *r* трансформацией сложного **mar-θep* (|| **mar-θap*) 'дитя-женщина' → 'дева', 'молодая девица' и т. д. Это созвучие, это полное тождество собственного имени божества, известного преданию, и доэллинического архетипа нарицательного имени 'девушка', нами восстанавливаемого, неужели это лишь совпадение, не имеющее значения и последствий? Сомневаюсь. Больше того. Имея в виду кавказские материалы, приближающиеся к культу водяного божества из Газы, особенно стелы с рыбьим хвостом² (достаточно вспомнить гигантские рыбы-стелы, называемые вишалами, — мегалитические памятники, открытые на Гехамских горах в Армении), и зная тождество слов, служащих для выражения понятия 'женщина' и 'вода' в мифологическом языке яфетидов, я бы не решился присоединиться к мнению Макалистера, выраженному в следующих строках: «Вероятно, является простым совпадением наличие речного божества с тем же именем в Эфесе, упомянутым на монетах этого города во времена Домициана (*MAPNAC* или *ΕΦΕΣΙΩΝ MAPNAC*), также как в надписи на водопроводе в Эфесе, ныне в Британском музее (см. *Roscher, Lexicon, s. v.*)».³ Несколько смущаешься, когда видишь, как легко разрывают узы, казалось бы, связывающие конечные пункты средиземноморской культуры, чтобы искать источник культовой терминологии одного из этих пунктов в стороне, в семитическом материале, но такой результат неизбежен, когда руководствуются этимологиями, объясняемыми при помощи сирийских слов, как в случае с термином *Μαρνεῖον*. Мы имеем дело с доисторическим вкладом Средиземноморья, как и в случае с *κιβώριον*. Но разве только слова переходили таким образом из века в век? Не была ли та же судьба у монументальных памятников, коих тип определялся основной частью, называвшейся *κιβώριον*? В самом деле, храм *Μαρνεῖον* имеет некоторые черты, роднящие его с замечательного типа ротондами, пережившими в Армении и Грузии, и в то же время ставится важный вопрос, возбуждаемый рассказом Марка Дякона о построении церкви в Газе: разве она не была построена не по видению Порфирия в Константинополе,⁴ но согласно тому,

¹ См. доклад, прочитанный 9 VI 1922 в заседании Яфетического института «Об яфетической семантике: а) 'железо' → 'борьба', б) 'дитя-женщина' (|| 'женщина-дитя') → 'девушка' и греч. *παρθένος*».

² Macalister, ук. соч., стр. 108, прим.

³ Ук. соч., стр. 107, прим. 3.

⁴ Правда, что в Житии Порфирия мы читаем § 75 (изд. Haupt, стр. 204 = Teubner, стр. 61, ср. Dräseke, Marcus Diaconus, стр. 233): *καυθέντος δὲ εἰς τέλος τοῦ Μαρνεῖου καὶ τῆς πόλεως κητασταθείσης ἐβουλεύσατο ὁ μακάριος ἐπίσκοπος μετὰ τῶν ἀπὸ τοῦ εὐχαροῦς κληρῶν καὶ τοῦ φιλοχρίστου λαοῦ ἁγίαν ἐκκλησίαν χτίσαι ἐν τῷ καυθέντι τόπῳ, καθὼς αὐτῷ ἀπεκαλύφθη ἡνίκα ἐτύχωνεν ἐν Κωνσταντινουπόλει: [«когда Марнион сожжен был до конца и город успокоился, блаженный епископ совещался с священным клиром и христолюбивым народом о создании святой церкви на сожженном месте, как ему было открыто, когда он был в Константинополе»]. Но что было открыто Порфирию в видении, не превозходило вовсе предсказания о построении церкви, без указания ее формы (Житие Порфирия, § 45, Haupt, стр. 192 = Teubner, стр. 39): *καὶ γὰρ ἐν ταύτῃ τῇ νυκτὶ ἀπεκαλύφθη τῇ ἐμῇ εὐτελείᾳ δι' ὄραματος εἶναι ἐν Γάζῃ, ἔσταναι δὲ τῷ ἔκσεισι εἰδωλείῳ τῷ καλωμένῳ Μαρνεῖῳ καὶ τὴν σὴν εὐσέβειαν ἐπιδιδόναι μοι εὐχαγγέλιον. . . ἐγὼ δὲ ἀναπτύξας εὐρον τὴν περικοπήν, ἐν ᾗ λέγει ὁ δεσπότης Χριστὸς τῷ Πέτρῳ: 'σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν κτλ [«ибо в сию ночь было открыто моему недостойнству в видении, что я нахожусь в Газе и стою в тамошнем идольском храме, называемом Марнион, и что твое благочестие дает мне евангелие: . . . я же, раскрыв, нашел главу, в которой говорит владыка Христос Петру: ты Петр и на сем камне создам я церковь мою и пр.»].**

что знали жители Газы о своем языческом храме, знаменитом *Μαγνεῖον*'е, который только что был сожжен? Пожар не был вызван целью уничтожить всякий след здания: *καύσατε τὸν ναὸν τὸν ἔνδον ἕως ἐδάφους... τὸν δὲ ἐξώτερον ἑάσατε σὺν τῷ περιβόλῳ*¹ *καὶ μετὰ τὸ καῆναι καθάραντες τὸν τόπον ἐκεῖ κτίσατε ἁγίαν ἐκκλησίαν*.² Вот мрачные слова, призывающие население к разрушению здания.³ Палестинцы всегда помнили этот храм. Монета из Газы изображает оформление портала,⁴ который мог не расходиться с его планом, предположительно круглым. Это было, вероятно, круглое и в то же время многоугольное здание. привычные формы которого, наследие средиземноморской культуры, процветали во времена язычества в Палестине у филистимлян. Тот же тип распространялся при христианстве за пределами родной ему страны во внутренних районах христианского Востока.

Дресеке указывает как факт, характерный для идей христиан того времени, что императрица Евдокия положила конец расхождению мнений о форме церкви, которую собирались строить на месте сгоревшего храма. В то время как одни думали, что она должна быть построена по форме разрушенного храма, другие настаивали на искоренении всякого воспоминания об его формах.⁵

Императрица послала план церкви в форме креста, по которому и было воздвигнуто новое здание.⁶ Она послала также 32 мраморных карийских колонны изумрудного цвета.⁷ Между тем, разве план в форме креста, исполненный при помощи 32 колонн, исключал воспроизведение основных черт разрушенного храма, вероятно, ротонды? Совсем нет. Достаточно вспомнить церкви Армении и Грузии Звартноцкого типа, ту, что близ Эчмиадзина, так как этот тип круглых церквей имеет в плане крест, образованный комбинацией 28 колонн.⁸ Можно было сделать то же самое при помощи 32 колонн, подменяя одиночные колонны, помещенные за четырьмя пилонами, парными колоннами. Это нововведение изменило бы соотношение двух простых кругов колонн в языческом сооружении, соответствием в христианском здании одного простого круга и одного сложного

¹ Макалистер переводит эту важную часть отрывка следующим образом (ук. соч., стр. 109 «и оставляют наружную часть (τὸν ἐξώτερον) с закрывающей стеной (περιβόλος)»).

² [«Сожгите внутренний храм до основания, внешний же храм оставьте вместе с оградой и, сжегши очистите место и постройте здесь святой церковь»].

³ Житие Порфирия, § 66, Haupt, стр. 200 = Teubner, стр. 54, см. также § 65, стр. 201, стр. 56 Macalister; ук. соч., стр. 112, № 1.

⁴ Macalister, ук. соч., стр. 112, прим. 1.

⁵ Dräseke, ук. соч., стр. 235. Житие Порфирия, § 66, Haupt, стр. 200 = Teubner, стр. 54: ἐβουλεύσαντο καὶ περὶ τοῦ Μαγνεῖου πῶς αὐτῷ χρῆσονται, οἱ μὲν ἔλεγον κατασκαφεῖν αὐτό, ἄλλοι δὲ κατακαῆναι, ἄλλοι δὲ καθαρῶσαι τὸν τόπον καὶ ἁγιασθῆναι εἰς ἐκκλησίαν θεοῦ, καὶ ἦν πολλὴ περὶ τούτου ἡ στήσις... [«Советались и о Марнионе, как с ним поступить. Одни говорили, что его нужно разрушить, другие сжечь, третьи, что нужно очистить место и освятить под церковь божию, и было большое об этом рассуждение»].

⁶ Житие Порфирия, 75, 6 (Haupt, стр. 205): τὸ σκάριφον τῆς ἁγίας ἐκκλησίας σπικροειδῶς καὶ ἄς νῦν σὺν θεῷ ὁρᾶται [«чертеж же святой церкви в виде креста, как и ныне она зрится с помощью божьей»].

⁷ Житие Порфирия, 84, 1 (Haupt, стр. 208): τῷ δὲ ἐξῆς ἐνιαυτῷ περὶ ἡ βασιλίτσα Εὐδοκία τοὺς στήλους οὓς ἐπηγγείλατο, θαυμαστὰς ὄντας καὶ μεγάλους, τὸν ἀριθμὸν τριάκοντα δύο (καλοῦνται δὲ Κρυστίου), οἵτινες εἰσιν ἐν τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ σμαραγδῶν διχῆν λίμποντες [«На следующий год царица Евдокия посылает колонны, которые обещала, — дивные и великие, числом 32 (они зовутся карийскими), блистающие теперь в святой церкви на подобие смарагдов»].

⁸ Н. Марр, О раскопках и работах в Ани летом 1906 г., стр. 13.

в форме креста, архитектурным изопрением, выполненным с использованием кронштейнных арок. В остальном новый план мог бы сохранить в нетронutom виде основные черты языческой архитектуры. Дресеке основательно замечает: «Марнейон был, как мы узнаем у Марка, и только у него, круглым зданием, окруженным двумя колоннадами (Säulenhalle), расположенными одна к другой,¹ τὸ δὲ μέσον αὐτοῦ ἦν ἀναφωσθητικὸν κιβώριον καὶ ἀνατεταμένον εἰς ὄρος,² как выражается Марк.³ Что говорит этот отрывок? Gintianus Hervetus его переводит: «medium erat ad emittendos vapores constitutum septentrionaleque et extensum in altum».⁴ Неужели он не понял греческий текст, бывший у него перед глазами, потому что он был испорчен и искажен переписчиками? Он, очевидно, прочел καὶ βόρειον вместо κιβώριον. Старк не знал (ук. соч., стр. 599), следовательно, что делать с этим чтением, конечно, искаженным и соответствовавшим septentrionaleque,⁵ и взял из перевода следующее описание: «Святилище (Aduyton), снабженное мощными дверями из бронзы, возвышалось посредине и имело отверстие в крыше для выхода дыма; здание имело форму Пантеона, увенчанного куполом, сделанным согласно системе купольных сооружений, установленной у римлян». Очевидно, что Старк не мог вывести из латинского перевода своего толкования купольного здания; он пришел к этому заключению, приняв в соображение путем сравнения планы храмов, окруженных колоннадами. Между тем, греческий оригинал подтверждает полностью, на мой взгляд, его мнение, потому что он содержит лишь данные о форме центральной части здания». И после попытки аргументировать архитектурное значение κιβώριον'a с помощью терминов из растительного мира (в уже приведенном нами отрывке) Дресеке заключает:⁶ «Мы имеем здесь хорошо известную форму, которую можно совершенно точно себе представить и с трудом можно сделать какое-либо возражение против купольного здания Старка. Но мы должны дать испариться как химере дыму и отверстию в центре здания, придуманным Gintianus Hervetus».

Одним словом, Стржиговский был, конечно, прав, утверждая, что κιβώριον был сводчатой конструкцией с куполом. Вопрос об отверстии в куполе остается уточнить. Хилл думает, что Марк Диакон употребляет его вовсе не в техническом смысле.⁷ Однако слово, наоборот, архитектурный термин, как того требует контекст литературной агиографической традиции и как того требует памятник, выстроенный согласно местным традициям зодчества.

Совершенно естественно, что вчерашние язычники, отказавшись от своих языческих богов, перенесли в лоно христианства свои укоренившиеся предста-

¹ Термин ἀλλήλοστωροί более точен, означая просто концентрические. См. весь греческий отрывок выше, стр. 209

² [«По середине же его был киворий, вздувшийся и поднимающийся в высоту»].

³ § 75. Naupf, стр. 204 = Teubner, стр. 62 Попытка восстановления, предложенная Macalister'ом (ук. соч., стр. 124, ср. стр. 111), но не подчеркивает ни выпуклости κιβώριον'a, ни, особенно, возвышения этой центральной части. Это восстановление находится под слишком большим влиянием частного изображения Μαρκεῖον'a на монете (там же, стр. 112, № 1).

⁴ [«Среднее было установлено для выпуска пара и северное и растянутое ввысь»].

⁵ [и северный']

⁶ Ук. соч., стр. 235.

⁷ Ук. соч., стр. 425.

вления и свои художественные вкусы, которые не могли не преваляроваться в плане сооружения христианской церкви, кем бы он ни был внушен. Языческие переживания были распространены не только в «центре христианства», Иерусалиме.¹ Не только там первые мастера христианской архитектуры воспроизводили древние формы. Прежде чем поместить в Иерусалиме отправную точку триумфального шествия искомой формы,² следует установить этническую среду, создавшую первичные элементы искусства, которые способствовали его расцвету в мировых центрах, Риме или Иерусалиме. Семитический мир был одним из носителей культурных навыков, продолжавших существовать в местной народной среде. Из этих девственных этнических слоев пережитки прокладывали себе путь в новом искусстве, народные чаяния заслоняли в искусстве новые социальные устремления, приспособляя к своему вкусу основные представления новой эпохи, облекая их в уже известные формы и создавая новый стиль эпохи. Духовные и светские власти, церковь и государство, не могли предотвратить развития искусства и религии, происходившего благодаря подземным течениям, исходившим из этнических масс населения, где понятия о правде и красоте, артистические и религиозные запросы, далекие от теории и абстракции, являлись лишь предметом материального восприятия, воплощенным в ремеслах, в их обычаях, в их повседневном образном языке. Этой же цели должны были способствовать местные ремесленники, особенно каменщики, с их привычными приемами зодчества и традиционной терминологией. Стржиговский прав, когда он формулирует в решительных выражениях исключительную роль местных, а бы сказал — этнографических, форм, завещанных доисторией, в создании монументального искусства, но он напрасно думает, что действие этих пережитков более беспредельно в искусстве, чем в языке, являющемся также одним из продуктов человеческого творчества.³

Конечно, нет надобности локализовать происхождение *κλιβρίον*'а в Газе; этот термин закономерен на всем протяжении Средиземноморья, некогда заселенного яфетическими племенами, предполагаемыми создателями этого термина. Термин мог бы быть увязан с весьма популярным в этом городе языческим памятником,

¹ Ср. August Heisenberg, *Glabeskirche und Apostelkirche*, ч. I, Лейпциг, 1908, стр. 216.

² См. А. Heisenberg, ук. соч., стр. 217: «Уже мысль изобразить гроб господень и место его кончины имеет свои корни не в христианстве, а в религии и культе финикийских богов... Но и художественная форма, особый вид этих памятников, отнюдь не новое создание императорского зодчего: Зенобий строил по старым формам. Киворий над гробом Христа и над Гологой — не христианское изобретение. Форма была давно известна и существовала в сирийско-эллинистическом искусстве в целом ряде вариантов... Та особая форма, которую придал зодчий киворию над гробом в церкви Воскресения, начала отсюда свое победное шествие по всему христианскому миру».

³ *Ursprung der christlichen Kirchenkunst*, Лейпциг, 1920, стр. 40: «Пока христианство в различных местах, в Риме или Византии, стало таким бедствием, понадобилось полтысячелетия, да и тогда не было под силу Византии или Риму обойти то, что было создано за этот отрезок времени. Наоборот, именно эти скромные территориальные зачатки христианского искусства стали основополагающими для всего развития. Церковь и государство могли принимать или отвергать, вынуждать к скрещению, связывать законами индивидуальное соревнование, но все же ставшие обычными представлениями формы первобытного времени оставались решающими для внешнего явления, так же как в верованиях те лица, которые называются отцами церкви, и их языческие предшественники. Но поскольку образительное искусство имеет менее тесные границы, чем язык, сфера его возникновения и воздействия кажется бесконечно шире, чем языковая или область жизненной деятельности и быта».

да и сам город известен своей верностью традициям древности, причем термин этот, известный в народной среде с незапамятных времен, мог быть местным словом. Тогда архитектурный термин по образцу архитектурной формы христианской церкви в Газе мог бы быть рассматриваем как наследие местного культурного мира предшествующих эпох. Впрочем, употребление слова, означающего 'небо', в значении архитектурного термина, вовсе не связано лишь с монументальными сооружениями. Сравнительная семантика яфетических языков устанавливает, что слово 'небо' употребляется равным образом в значении 'палатки', в виде первобытной архитектуры. В то же время слово 'небо' → 'круг' служит, согласно семантике яфетических языков, для выражения представления 'время' ← 'год' и т. д., возвращающегося и вновь начинающегося по кругу. Между тем, бесспорная общность происхождения терминов как *ὄρανός* [← *h₁ur-an ← h₂or-an¹] 'небо' (буквально 'небеса') и *χρόνος* [← *q₁ur-on ← *q₂or-on] 'время' (ср. арм. *vəg-an* [← *h₁ur-an] 'палатка' и арм. *q₂or-an* 'палатка', 'абсида', 'небо', *templum*, 'храм' [← 'небо'] и *tempus* 'время' и т. д.), завещанных индоевропейцам яфетиками,² происходит не только от позднейшего восприятия форм или материальных фактов, выкристаллизовавшихся из первобытных представлений и верований, на наш взгляд неестественных и даже фантастических. 'Палатка времени' древнего армянского перевода Библии (*vəgan jami*), вклад сирийской версии, чтение, замененное впоследствии 'ковчегом союза' (*q₂ogan vəkajudean*, буквально 'палатка завета'), происходит из этой особенности семантики наших терминов.³ Но я не пускаюсь сейчас в чисто палеонтологические исследования, которые могут показаться непосвященным читателям чистой мистикой. Вернемся к *κιβώριον*'у. Вопрос ставится четко: откуда происходит этот греческий термин, особенно распространенный на Западе? С Востока ли? Сейчас мы можем лишь утверждать, что он происходит не с Кавказа. Правда, его плавная форма множ. числа, т. е. г, свойственна чистым яфетическим языкам Кавказа, например, сванскому — -аг, абхазскому или авазгскому (классическое *Ἀβασχος*) — -га, или скрещенному яфетическо-индоевропейскому языку, т. е. найскому-армянскому — -аг (+е-аг). Более того, даже его вариант -ог, широко распространенный в этих же языках Кавказа, особенно в чанском и армянском, кажется свойственным удинскому языку, пережитку или, скорее, носителю переживаний языка этиунов, современного царям Вана. Главным образом, основа *kib-* ↙ *kim-*, как *kam-* из *kam-ag*, нас ведет к тем же яфетическим языкам Кавказа. Кроме того грузинский нам сохранил основу этого термина в огласовке шипящей группы (о с последующим губным — и: *kub-*), с пережитком того же варианта множ. числа *kub-o* (← *k₂ob-or ← *k₂or-or ↙ *k₂om-or) 'паланкин', 'погребальный памятник',

¹ Ср. лезб. *ōrxnos* (беот. *ōranós*) и т. д.

² Палеонтологическая история перечисленных терминов послужит темой специального исследования.

³ Сопоставления, сделанные сейчас нами, были известны давно армянистам (см., напр., *Նոր քաղաք* 1837, в. т. *Գրիմ*), но они были лишены возможности видеть в области общего учения об языке их причинность и распутать их причудливое сплетение. Они к тому же не знали в области армянской филологии ни происхождения таких чтений, как *vəgan jami*, которое они приводят по Ветхому Завету лишь Маккав. II, 2, 4, и *q₂ogan vəkajudean*, ни даты их появления в армянской литературе.

'могила', 'гроб' (последнее слово в мегрельском также *kub-o*, в сванском *kub*).¹ Между тем окончание *-og* → *-ig*, имеющее вариант *-eg* → *-ig*,² заодно с усечением (*аросоре*) — *-o* появляется в сокращенной форме варианта *-i* (|| *-e*) в баскском, где мы находим другой эквивалент слова, именно *hob-i* (✓ **kob-ig*) → *ob-i* 'могила', 'яма', также 'выгнутость'.³

Так как баскский, скрещенный язык — помесь баскского, евскарского (этрuscoго), иберского, ионского или сванского (откуда топонимический термин *Hi-sral-ia* и баскское нарицательное *uaɥna ~ qawna* 'бог', 'господин', ранее тотем ионян), — то в этом языке, который другие народы называют баскским, а сами баски — *ewsk-aga* или *ewsk-el*, наш термин мог отложиться лишь при посредстве элементов, привнесенных из говоров пиренейских яфетидов, из их спирантной части.

Ни фонетически, ни морфологически ни одно из этих слов, даже *kubo*, не могло произойти из грузинского, как языка сибилантной ветви, но мы не можем сказать то же о сванском. Наоборот, сванский имеет основание претендовать на принадлежность ему этих слов, так как, будучи языком, скрещенным из двух ветвей, сибилантной и спирантной, и сохраняя как свою собственность вариант *kam-* основы термина *kam-га* (|| *kam-ag*) и т. д.⁴ и имея плавное множ. число *-ag* (|| *-га*), мог бы иметь в одном из диалектов, находящихся под влиянием шипящей группы, другие варианты того же спирантного типа, как *kub-o* (← **kub-og* ← **kop-og* ← **kom-or*), переданный в наследие грузинскому в той же мере как и *kib-og*, именит. *kib-og-i*, который отложился в греч. *κιβώρι-ον*. Чанский и удинский языки (этот последний насыщенный пережитками этиунов или отенов), представили бы в таком случае своей формой множ. числа на *-og* в некоторых случаях благодарную почву для помещения в нем искомого сванского диалекта. Наконец, те же особенности выявляются в яфетическом слое армянского языка, особенно в том, который мы имеем претензию выделять как *хайский*. Однако дело сложнее, чем оно представляется. Этнические названия сванов, чанов или ченов, удинов (*E-ti-un-i*, *O-ten*, арм. *U-ti-q*, всегда от основы

¹ Для не имеющих никакого представления о генетических связях, существующих между яфетидами и семитами, ни о том, чем семитические народы обязаны этнической и протоисторической культуре средиземноморской яфетической семьи, естественно, семитические слова являются камнем преткновения. Так, например, арабск. *kub-at*^{un} 'купол', 'свод', 'здание, покрытое сводчатой крышей', 'палатка', 'паланкин', 'павильон', 'киоск', 'часовня', 'мавзолей'. К тому же наравне с *kub-o* в грузинском говоре Шавшии мы констатируем наличие *kub-el* 'комната с куполом' (Н. Марр, Дневник поездки в Шавш'ет'ию и Клардж'ет'ию, ТР, т. VII, стр. 73), что нам кажется заимствованием; однако нужно ли напоминать, что осторожность рекомендуется даже в трактовке этого заимствованного термина, потому что эквивалентность его суффикса *-el* с суффиксом слова *kub-o*. т. е. *-o*, связана с морфологическими взаимоотношениями грузинских слов, например, *beğ-el* и *beğ-o* 'клад хлеба или провизии'.

² См. вариант *-ig* в этнических названиях у армян *Gam-ig* 'каппадокийцы' (ЯС, т. I, стр. 113), *Tash-ig* 'жители примыкающей к Армении и Грузии провинции Албании', *Qaz-ig* 'хазары', вариант *Qaz-ag* (Н. Марр, Кавказские племенные названия и местные параллели, II, 1922, стр. 10—11), имеющие окончания множественного числа, общее с *kam-ag* 'свод', 'арка'.

³ Термин *hob-i* имел, следовательно, раньше значение 'небеса', герс. 'небо' и, таким образом, мог означать 'небо', и в этом семантическом окружении следует отметить, что в баскском это же слово значит 'десна', как и нем. *Gaumen* значит 'десна', 'небо' и в английском эквиваленте *gum* 'десна'.

⁴ См. выше, стр. 201.

ten) и даже һайев, как было доказано,¹ являются архетипами шоп (сиб.) -- уоп (спир.), откуда происходит название ионян, и именно Финикия, не исключая города Газы, в доисторические времена была заселена ионами. Не только название ионского моря (между городом Газой и Египтом) свидетельствует о древности пребывания ионян в Финикии. Приобретением яфетической палеонтологии является факт, что само этническое название финикиян лишь вариант термина уоп или шоп. В то же время палестинские культы, особенно финикийский и, в частности, города Газы, полны доэллинских влияний, объединяющих эти палестинские области то с Египтом, то с минойским Критом. В этих влияниях нельзя отказать в определенном месте культуре доэллинического племени ионян. И термин $\chi\iota\beta\acute{\omega}\rho\iota\omicron\nu$, пройдя через народную среду, мог происходить от «остатков» этого яфетического племени, от яфетического языка и культуры. Однако пока полный свет не будет пролит на яфетические языки западной Европы, было бы слишком смело считать что-либо окончательно установленным. Еще следует распутать сложный вопрос взаимных связей ионян с этрусками в самой Палестине, где филистимляне или *Pilistu* (асс.), *Palastu* (асс.), *Purasati* (егип.) носят яфетическое этническое название, морфологически безупречный вариант термина $et-rus-k \parallel re-las-g$, также с губным префиксом как $re-las-g$, $p-l\bar{e}-be$ ² и т. д., но с зубным множественным числом. Вопрос о филистимлянах, отождествляемых по названию с этрусской или пеласгской этнической группой, имеет особый интерес для истории нашего термина, так как 1) плавное множ. число свойственно этрусскому Италии, рядом с гортанным множественным числом, \acute{q} , одним из тройного ряда ($k \rightarrow \acute{g} \rightarrow \acute{q}$ (x) или с потерей аспирации $k \rightarrow g \rightarrow q$) и 2) потому что именно гортанное множественное число, вариант k , характеризует, согласно двуязычной лидийско-арамейской надписи, лидийский язык, предполагаемый этрусский язык Малой Азии. Если подтвердится, как допускает Макалистер, что еврейск. כַּבִּיט или כַּבִּיטָה 'каска', пережиток от филистимлян,³ следовательно, яфетического происхождения, то единственно, по нашему мнению, состоятельным было бы видеть в нем основу нашего термина $kor- \parallel \acute{q}or-$ (\rightarrow арм. $\acute{q}i\phi-$) 'покрышка', в семитической транскрипции $\acute{k}or- \parallel \acute{q}or$ и окончания мн. ч. $-ak \rightarrow aq$ (без аспирации $ak \rightarrow aq$).⁴ Тем не менее, термины $kam-ag$, $kib-og$ ($\leftarrow kib-o\Gamma^1 \leftarrow *kor-og$) выявляют плавное множ. число и их нельзя, следовательно, приписать филистимлянам. Все же мы не уверены в этих преждевременных уточнениях. Но мы уверены в том, что происхождение обоих терминов западной архитектуры, греческого и латинского, $\chi\alpha\mu\acute{\alpha}\rho\eta$, сагега и $\chi\iota\beta\acute{\omega}\rho\iota\omicron\nu$ раскрыто и что, будучи яфетическим вкладом, они ни в коем случае не могут быть восприимчивы ни на Западе, ни в Газе как импорт яфетической среды Кавказа. Они безусловно могут быть местными даже на Западе, тем более в восточной части Средиземноморья.

¹ Н. Марр, *Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян ЗВО*, т. XXV, стр. 236—237, 241—244, 351.

² Отметим, что основа слова, ставшего социальным термином (N. Magr, *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule*, стр. 12 сл. [перевод см. ИР, т. I, стр. 139]), является спиранным типом ($-l\bar{e} \leftarrow *leh- \sim les-$) как и *Peiēthites*, вариант обычного названия страны филистимлян (Macalister, *ук. соч.*, стр. 6).

³ Ук. соч., стр. 80: «этимология... не установлена. Возможно, что это филистимлянское слово».

⁴ Без огласовки ($-q$) см. то же окончание в армянском варианте $qsh-q$ (стр. 205).

Может быть, мы будем иметь возможность напасть на факты, указывающие на прирожденность нашего термина Финикии и Палестине, на такие факты, как, например, наличие общей основы в имени бога-неба, засвидетельствованного самым древним письменным памятником страны, и образование множественного числа на -ог в местных яфетических пережитках. Но эти опыты уточнения деталей нашей темы должны быть развиты в ином месте.

Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории¹

Всего два года тому назад в Институте книговедения я имел честь прочитать лекцию по яфетическому языкознанию. Это был один из первых, если не первый, опыт популярного изложения новой языковедной теории, яфетической. Аудитория состояла из слушателей краткосрочных курсов библиотековедения. Лекция состоялась, насколько мне помнится, по инициативе А. И. Малейна; на чтении присутствовал лишь один из ученых, и тот, увы, ныне покойный, А. М. Ловягин. С тех пор много переменилось в наших отношениях. Я не имею в виду новых для меня отношений директора Гос. Публичной библиотеки и Института книговедения или довольно неясных взаимоотношений двух этих исследовательских учреждений, так как может ли быть сомнение в том, что не только Институт, но и Библиотека, такое центральное научно организованное, общественно на все четыре стороны открытое для использования книгохранилище, как Гос. Публичная библиотека, не может быть тем, чем ему природой вещей предопределено быть, если исследовательский момент и в нем не будет положен в основу работы, требующей, конечно, учета все нарастающих новых общественных запросов, но всегда в исполнении, зиждящемся на использовании не только пассивном, но в пределах библиотеки хранящихся рукописных и печатных сокровищ, и в ней самой, иногда лишь в ней, происходящих явлений, и активном использовании всего того, что дают наука и техника достижениями по ней в части книг и рукописей, следовательно, и достижениями самой библиотеки. Говорю сейчас о наших отношениях, конечно, не в этой области. Говорю об отношениях по яфетическому языкознанию. Яфетическое языкознание с тех пор успело не только двинуться вперед и пустить свой корень глубже в толщу массового язычного материала, но и раздвоиться на две самостоятельные дисциплины, на две органически связанные, особенно по линии преемства, дисциплины, одно учение — яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, особой «семье» языков, представляющих собою по типологии речи пережитки доисторических языков Афреазии и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиренеях, и здесь и там по одному языку, и на Кавказе значительно многочисленной разнотипной массой. Другое учение — яфетическая теория вообще, в применении к речи — общее учение об языке, об его происхождении, о взаимоотношениях различных «семей» языков, как статических состояний, отложений различных этапов развития звуковой речи человечества, и об эволюциях ее как формальной типологии, так и идеологической. Проявлено также немало общественного внимания, интереса к учению

¹ [Доклад, прочитанный 10 мая 1926 года в третьем пленарном заседании трех секций Научно-исследовательского института книговедения при Государственной Публичной библиотеке. Напечатан в первом томе «Книги о книге», изд. Института книговедения при ГПБ, Ленинград, 1927, стр. 45—82.]

в довольно широких массах, кое-где в кругах специалистов. Самое обращение ко мне за докладом по вопросу о кардинальном в жизни и деятельности нашего института предмете, книге и письме, хотя бы согласно его выслушать, говорит в известной степени о том же росте, допустим, интереса к яфетической теории. Все это так. Тем не менее, не с ветра станлю я под сомнение этот же вопрос о наших отношениях по предмету, поскольку яфетидолог и в настоящее время считает себя плохо подготовленным для доступного изложения своих взглядов на тему, и в настоящее время чувствует себя изолированным со всеми своими так называемыми достижениями в области языкознания, оторванным даже от заинтересованных общественных слоев, поскольку нет знакомства и у них с элементами и основными достижениями яфетической теории. И это наше предисловие пусть будет свидетелем того, как мы заранее и вполне учитываем трудность полного и во всех частях правильного восприятия нашего доклада — «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'».

Речь идет не об одних русских словах. Речь вообще о терминах культуры 'книга' и 'письмо', об их возникновении вообще в человеческой речи.

В этом отношении существующая литература разбивается на две части, одна чисто лингвистическая, отложение оторванной от истории материальной культуры и общественности исследовательской работы. Работа ведется в путях до сих пор продолжающей господствовать старой традиционной теории — индоевропейстической, этого формального учения об языке. Она для освещения генезиса не дает по обыкновению ничего или почти ничего.

Нет даже одной общей трактовки вопроса, а по частям и в розницу. Правда, с одним подходом разъясняются латинский и германский термины. Так, германскую 'книгу', термин «Buch», толкуют (впрочем, и его с колебанием): не то это решительно идет от глагола «biegen — bog» 'сгибать', отражая свернутое состояние папирусных свитков, не то это решительно дерево 'бук', являясь продуктом словотворчества по материалу первых книг или письмен, предполагается — на дереве. Так же в зависимости от материала, дерева, трактуется генетический вопрос о лат. слове «liber» 'книга', тут также по созвучию. Другой подход наблюдаем в попытках толкования семитическими средствами одного или нескольких еврейских названий 'письма', 'книги', именно *šēfer* (שֵׁפֶר, st. c. с мест. *šif-*, мн. *šāg-īm*): в его основе усматривают 'послание', и считают заимствованием из ассирийского, от ассир. глагола 'посылать', т. е. 'письмо', 'книгу' смешивают из-за созвучия с этим глаголом, находящимся в связи с араб. *saḡa* 'путешествовал'; но 'посылать', как и 'путешествовать', происходит от 'пуги', а 'книга' и 'письмо' возникли независимо от 'посланий'; нельзя исходить при терминах, завещанных доистории, из исторически возникших греч. *ἐπιστολή* 'послание' и т. п.

С третьим подходом разъясняют 'книгу', русский термин «книга», по какому вопросу, впрочем, подоспело востоковедение и констатируется факт, что русский термин «книга», арм. *kəniq* 'печать', асс. *kaḡāki* 'печатать', *kuḡuk* 'к'и 'печать' (чаще с *ḡ* вм. *k* в глаголе), с беспомощным обращением к лат. «littera», что пытались связать с глаголом «lino» 'мазать', 'полировать', с подходом, значит, уже

четвертым — от техники, как и к греч. γραμμα 'буква', 'линия' с глаголом γραφω 'пишу' от 'царапать' и сем. kāḏab от 'вышивать', вернее 'вырезывать', 'высекать' (einritzen, inciser) и т. д., и т. д. Поистине, что ни город, то особый поров, и это даже внутри самих прометеидских (так называемых «индоевропейских») языков, которые, как нас хотели бы уверить индоевропейцы, имеют речь от одного праязыка. Не то, чтобы факты, на которые они ссылаются, не существуют; наоборот, мы могли бы к ним прибавить еще: так 'писать', 'рисовать' и 'шить' в армянском и грузинском — одни и те же слова, лишь так или иначе дифференцированные во избежание смешения, так в армянском глагол nē-kareł 'рисовать' (он и в перс.) и kar-el 'шить', в груз. tēga 'писать' и kega 'шить', в чувашском tēre 'вышивание', 'вышивка', а 'писать' сыг, собственно, ожидали бы tēr или ser и в том и в другом значении, и, действительно, комийский сохранил производное от ser 'вышивка', 'узор' прилагательное ser-a 'узорчатый', 'пестрый', глагол ser-otḥыны 'вышивать' (ср. ser 'пестрота', ser-əпы 'пестрить'). Но факты не доводы, если они генетически не освещены.

Не говоря о том, что, как обычно, порой и здесь предмет-образ, предмет-ия 'книга', 'письмо' изначально производят от глагола, от отвлеченной категории действия или состояния, даже тогда, когда востоковедение дало индоевропейцам ценный материал, превосходную путеводную нить, именно отождествимость русск. «книга» с арм. kəpiq 'печать' и асс. kuniuku («kuniuku») 'печать', далее констатирования факта ничего путного не видим. Лучший для своего времени в западной Европе арменист Гюбшман, предположив по одному созвучию, что арм. kəpiq 'печать' может происходить лишь от асс. kuniuku 'печать', с недоумением спрашивал: «если вообще правильно сопоставление, как прошло это слово к армянам, когда его нет в сирийском». Эта детски наивная презумпция, что слова идут из книг, прежде всего из книжных языков, особенно, когда дело касается культурного термина, и идут через книгу, письменность, составляет основу языковедного мышления отнюдь не одного Гюбшмана: это в основе умонастроение всей лингвистической, да не одной лингвистической, школы индоевропейцев.

Другая часть лингвистической литературы, идущая от этнологических интересов, неразрывно связана с историей материальной культуры. Здесь мы находим, правда, не прямой ответ на нашу тему, но ряд положений, имеющих непосредственное значение, то материально, то идеологически положительное для вопроса, притом именно в той его постановке, к которой вынуждает яфетическая теория.

Так, благодаря этнологам, в лингвистический обиход проникла мысль, что в письме нуждались для утверждения прав собственности на 'орудие', 'скот' особым знаком 'меткой',¹ но еще раньше, т. е. до возникновения представления о праве собственности, да и впоследствии, сначала 'знак', хотя бы природный, с течением времени искусственно воспроизведенный (краской, выжиганием, вышивкой и т. п.), с одной стороны 'рисунок', с другой 'письмо', 'буква' служили

¹ Encycl. Brit., т. XVIII, стр. 552, s. v. writing.

и защитным от грозных таинственных сил природы, от сглаза, средством, магиею, в связи с чем находится и татуировка.

История материальной культуры вообще, собственно ее памятники, в частности памятники древности, так называемые археологические памятники, также значительно выдвинули генетический вопрос о 'книге' и 'письме' в мир реальностей, продвижение куда продолжается по сей день, а с ним, естественно, открыты иные, совершенно новые перспективы для трактовки происхождения интересующих нас терминов. Глозельские (во Франции) неолитические находки с совершенно бесспорными письменами, древнейшими в средиземноморском мире, окончательно устраняют не только мысль о посредничестве финикийского письма, о зависимости от него греческого или иных того же круга алфавитов, но и вообще о каком-либо прямом ввозе, хотя бы восточном, европейского письма.

Хотя и термины позднейшие, эпох уже письменных, тем не менее и 'письмо' и 'книга' имеют такую же историю происхождения, как все другие слова. У терминов 'книга' и 'письмо' не только дописьменная история, т. е. этапы развития до их возникновения, до возникновения письменности—у них этапы развития за подлинные доисторические эпохи существования человечества. Какое же было тогда у них значение, раз не было еще и представления нашего ни о 'книге', ни о 'письме'? Очевидно, конкретно иное. Мы не говорим о первых моментах зарождения звуковой речи, когда у звукового комплекса не было еще твердо установленного за ним значения, как это прослежено и наблюдается со всякого рода словами. Но и значительно позднее яфетической теорией опровергается стабильность значений, также как стабильность форм. Если мы имеем, напр., в русской речи глагол «журчать» с некоторой звукоподражательностью, если мы имеем, казалось бы, действительно звукоподражательное слово «ржать», то это вовсе не значит, что эти именно слова, наличные не только у русских или славян, но и у народов совершенно не славянских, даже в значительно меньшей степени прометеидских («индоевропейских») и вовсе не прометеидских («индоевропейских»), везде и всегда имели то же значение, тот же звуковой облик, хотя бы такое же или иное звукоподражательно воспринимаемое значение. О глаголе «ржать» несколько раз давалось разъяснение в печати.¹ Его архетипная основа гој-е, а это слово значит 'лошадь', оно разновидность основы русских слов «лош-адь», «лош-ак», т. е. лош-, что также значило 'лошадь' и вообще лошадиную породу. Слово имеется в длинном ряде разновидностей в различных языках, в том числе и яфетических, в частности и в яфетических языках Кавказа, и в семитических, так, в частности, в еврейском, и в приволжских языках финского круга, и в чувашском, уклонившемся больше в турцизм, и в самих турецких языках, везде в качестве наследия от доисторической речи. Постольку же он свой родной и для чувашского. Нигде, однако, с этим словом-именем не связывается абсолютно ни в какой степени элемент звукоподражательности. А мы теперь знаем, что не только русский глагол «ржать», но вообще категория части речи, называемая глаголом, в истории языка есть позднейшее явление.

¹ N. Marr, Über die Entstehung der Sprache, Unter dem Banner des Marxismus, Januar 1926

ние. Глаголов вовсе не было раньше; действие или состояние выражалось в результате комбинации требуемого для выражаемого состояния или действия имени в окружении других имен, служебных, в числе их с течением времени возникших местоименных элементов. А раз глагол позднейшее явление, то, понятно, и глагол «журчать» приходится возводить сначала к имени, от которого он произошел, и потом уж ставить вопрос: правда ли источник — звукоподражание? И мы теперь знаем, что простая основа этого глагола, имя, от которого он произошел, это *jug*, что в соответственных закономерных звуковых разновидностях означает ту же 'воду', а где одновременно и 'реку', 'ручей', 'родник' по всей евразийской территории от Пиренеев до Китая (конечно, и за этими пределами, но нам достаточно сейчас и указанного территориального протяжения). Нигде и помину нет о звукоподражателности. Ибо звукоподражателность есть свойство, благоприобретенное в определенную, понятно, позднейшую эпоху известной социальной, т. е. племенной, среды, в ней нет ничего наследственного от начал. Ибо стабильность значений во времени такая же фикция, как неподвижность земли. Наши семантические разыскания по 'книге', равно 'письму', нам приходится вести с *terra mobilis*, с учетом того, что значения конкретных слов 'книга' и 'письмо' имеют историю семантических трансформаций, начиная с нулевого значения, точно также как значения многих и многих, громадного большинства, я бы сказал, по существу всех слов. И когда берем хотя бы установившиеся первичные значения слов, например, членов тела, как 'рука', 'нога', 'хвост' или стихии — 'вода', 'огонь' и т. п., то яфетическим языкознанием выяснено, что одно время для 'руки', 'ноги', даже 'хвоста', как 'отростков', пользовались одним и тем же словом,¹ по семантическому положению: наречение части по целому, т. е. в данном случае по 'телу'. Равным образом 'вода' и 'огонь' со 'светом', 'блеском' выражались одним и тем же словом, так что когда у армян *jug* значит 'огонь', а у басков *jug* значит 'вода', то это наследие того положения вещей, в отношении семантики, т. е. значимости слов, когда *jug* означало и 'воду', и 'огонь', и 'мрак', и 'свет' в одном и том же языке, смотря по контексту речи. Это была, конечно, трудная речь; человечество выбивалось из этого трудного положения. Каждый конкретный язык устроился так, что для различных значений использовал разновидности общего слова, так, например, *jug*, означавший первоначально, в доисторические эпохи, и 'воду' и 'огонь', армяне используют лишь в значении 'огня', а 'воду' выражают тем же словом, но в сибиллянтной разновидности, именно, словом *jug*, однако в пределах самой же Армении, когда опускаемся в глубину времен даже в исторические эпохи, именно в IX—VIII вв. до христианской эры, в языке клинописных памятников, так называемом халдском языке Ванской клинописи, *jug* наблюдается в составе е-иги, как означающее именно 'воду' и связанные с ней понятия.

Словом, мы будем подходить к толкованию интересующих нас терминов книжного дела с учетом отсутствия стабильности значений, с возведением их к доис-

¹ Можно бы сюда отнести и 'голову', так как и 'голова', ведь, часть тела, тем более, что не раз название 'головы' созвучно с названием 'руки', однако это лишь случайное формальное совпадение, ибо у головы иной источник наречения.

торическим словам той же родословной линии, но, конечно, уже иных значений, однако значений, генетически связанных со значением, теперь присущим терминам письменности, ибо второе, нам сейчас необходимое положение яфетического языкознания это то, что значения возникали по функции, по общественному назначению или обслуживанию определенной хозяйственно-общественной потребности, из чего отнюдь не исключается и магия, впоследствии религия, не исключается, разумеется, тотем и весь связанный с племенной жизнью тотемный порядок, не исключается, само собой понятно, такое органически, неразрывно связанное с племенной жизнью бытовое явление, как татуировка и даже табу. Конечно, наивно и смешно было, когда племя из доисторического населения Британии, племя пиктов, хотели в отношении его названия разъяснить как племя татуировавшееся, т. е. племенное название *pikt* доисторической социальной группы Британского острова производили от лат. глагола «*pingo*» 'рисую'. Это столь же наивно и беспомощно, как языковое мышление, не учитывающее ни в какой мере доистории человеческой речи, несмотря ни на какие общие скептические словечки, отпускаемые от времени до времени главой современного индоевропейского языкознания, несмотря на глас Соссюра (*Saussure*), индоевропеиста, о необходимости учитывать диахронические пласты языка, тоже из числа гласов, вопиющих в пустыне; несмотря на усилия, казалось бы, реформиста индоевропейского языкознания Кюни (*Cuny*), который лишь теперь силится доказать не подлежащий сомнению факт, что глагол — позднее явление. Термин *pikt*, как племенное название, незачем было разъяснять как татуировщиков «*pictores*» или татуированных «*picti*» от лат. глагола «*pingo*» 'рисую', когда это слово доисторическое племенное название, как в своем месте разъяснено,¹ именно *pik'ы*, разновидность *bisk'ов*, в одном случае, так тогда казалось, с суффиксом *-te* → *-t*, *Pi+k-te* в Великобритании, в других случаях с суффиксами *-au* или *-o-a* — *Vis+k-au*, *Gi-rusk-oa*. Во всяком случае это разновидности названия племени басков, ни в какой степени не зависящие от 'писать', 'рисовать' или 'татуировать', ибо 'татуировка' генетически (а название связано с генезисом) не есть национальное явление: татуировались не одни баски, а все племена на известной стадии социального развития, формальная связь может быть чисто фонетическим совпадением, ибо все слова восходят к тому или иному племенному слову. Формальная связь случайна, когда речь о происхождении племенного названия от рисования-татуировки, но она может оказаться и оказывается не случайной, когда речь о происхождении термина 'письмо', так как татуировка один из видов бытования в племенной, доисторической жизни, вещественного выявления той потребности, в удовлетворение которой впоследствии возникли 'письмена', 'книга', это орудие межчеловеческого общения на пространстве между современниками, в том числе и договора, или во времени между поколениями, в том числе заветаний или заветов, их словесная скрепа. В этом смысле совершенно не случайно, что с одной из разновидностей наименования басков — *pikt* — созвучен лат. глагол «*pingo*» 'рисую', «*pictus*» 'разрисованный'. Дело в том, что основа *pink* или *pik*,

¹ См. Н. Марр, ქართველ ერის კულტურული უბლი... , მხათობი, № № 5—6, Тифლის, 1925:

как выяснено теперь палеонтологией, восходит к форме доисторической речи Средиземноморья **ripd* → **ripd* (← *rit*) → *bit*, resp. *bit*,¹ закономерному эквиваленту берского племенного слова *rig* → *bir*, его же двойник по языкам с чувашско-сванским законом соответствия — *ris* → *bis* и не суффиксом мн. числа, а ставшим впоследствии таковым иным племенным названием, то сибилантного типа ионским — *-ten*, в усечении *-te*, то спирантного типа или ионским *kap* || *kop*, или салским *kar*, в усечении одинаково *-ka* || *-ko* и *Pik-te*, *Bis-ka*y (← *Bis-kar*) и т. д., куда относятся *Bask*'и или *Vaskon*'ы первой частью своего названия, иного по огласовке диалекта, лишь разновидности не только *rusk*'ов, что в *Gi-rus-koa*, но и беров (берберы и т. п.), что в иберах. Чистое же берское племенное слово в праформе *rig* (→ *bir*) ~ *ris* со значением 'рисунка', 'знака' в основе не только лат. *ring*-о и русск. «писать», но и составного двуплеменного русск. — *bir-ka*.²

Было бы, однако, неправильно, если бы мы при производстве дериватных значений исторических времен, исходя из техники, учли не предмет производства, а способ изготовления, ибо с глаголом 'писать' оказываются неразрывно связаны глаголы не только 'рисовать', но и 'шить', собственно 'вышивать', не по процессу работы, но заданию получить 'узор', 'знак', 'знамение', 'бога' и выявить свое с ним отношение.

Переход от одного из многочисленных доисторических бытовых явлений, татуировки, к письму, разумеется, и книге, имеет подкладкой, однако, не только и не столько непосредственно смену предметов материальной культуры, но и мировоззрений и вообще общественности, и переход значений с одного социального явления, татуировки, на другое, письменность, по функции, по осуществлению в том и другом случае данным предметом 'договора', 'завета', в доисторические времена с таинственными силами природы, богом своим или своего соседа (племени), в исторические времена племени с племенем, лишь позднее человека — с человеком.

Пока зафиксируем в отношении письма, что раз установлен семантический закон о возникновении значения в функциональном порядке, а не в психо-физическом, и его не можем не применять и в отношении 'книги' — 'письма', то ясно, что мы не по своеволию подходим к разъяснению их с доисторических эпох, когда термины письменности отсутствовали, как того требует нестабильность значений, и когда, однако, те же термины, те же слова не только существовали, но и обозначали явления, сродные с тем, что представляли собою впоследствии 'книга' и 'письмо'. Вернее, обозначения доисторических явлений и предметов, имевших для своего времени ту же функцию, по функциональности перешли, в роли терминов, на 'книгу + письмо', предметы уже исторических эпох.

Предварительного усвоения требует то положение яфетического языкознания, без которого не понять техники яфетического анализа. Это то, что все слова

¹ Ср. тур. *bit-mek* 'писать' и его подлинные разновидности восточные и западные по сопоставлениям Е. Поливанова, Дальневосточные термины орудий письма, Сб. Турк. Восточн. института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1928, стр. 117, причем техническое обоснование семантики мы, конечно, отводим, как и зависимость арм. *gra-bar* 'письма (gra)-bar (образом)' от греч. *γραφω*.

² Ср. В. В. Богдавов, Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей, Этн. Обзор., 1916, отд. отт., особенно стр. 16—17.

восходят к племенным названиям, первичным элементам речи. Племенных слов основных четыре: *салское, берское, ионское и рошское*. Ионское разъяснять не приходится формально, это то племя йонов, которое у греков-доевропейцев пережило в виде 'ионян'. Термины «салский», «берский» и «рошский» сердцу слушателей, да и уму, могут ничего не говорить, так как это составные части, первичные элементы, обычно появляющиеся в терминах скрещенных или так называемых производных, уже общеизвестных, как то «сар-мат» (первая часть салское племенное слово), «и-бер» (вторая часть, казалось бы, единственная основа термина — берское племенное слово) и «пе-лас-г», «эт-рус-к» содержат основы «лас» и «рус», собственно «рош» ↔ «руш», разновидности акающую и окающую, по яфетической теории свистящую с аканием (las) и шипящую с оканием (гош), одного и того же рошского племенного слова. Эти четыре племенных слова дают, однако, громадное количество простых звуковых комплексов, возникших не только физиологически от различных способов произношения, использованных, однако, общественно с различным пониманием и в речи имеющих прежде всего социальное значение, но и непосредственно под давлением общественных нужд взаимного понимания и семантически отражающих то или иное мировоззрение.

Еще одно положение яфетической теории. Это более позднее выявление в сознании человечества представления об индивидууме. Когда в языке и не было вовсе форм мн. числа, представление о предмете было множественное, как не одна 'песчинка', не один 'волос', не одна 'пылинка' и т. д., а вообще 'песок', 'волосы', 'пыль', так не одно 'дерево', а 'деревья', не один 'человек', а 'люди', собственно, конкретно 'племя' или 'род', притом (это самое важное) определенное, а не вообще отвлеченное племя, например, формально, лат. «tribu-s» 'племя' это не вообще племя, а племя, скрещенное из двух племен, носивших одно название салского племени (tri-), другое берского (-bu) или, применяясь к общеизвестным в Средиземноморьи разновидностям этих двух терминов, как они откашиваются в скрещенных племенных названиях двух берегов — Италии и Африки, это одно tri- «тал»'ского (I-tal-ia), другое «бу»'ского (li-bw-es) происхождения. Если не учитывать префиксов I- и li-, которые, однако, также восходят каждый к определенному племенному названию, выходит так, что tri-bu это итало-ливиец, т. е. предполагает скрещение тех племен, из которых в исторические эпохи нам известны одно как туземное в Африке, другое — в Европе, это италы в Европе, не в одной Италии, ибо это племя талы или салы, это сибилантная форма, а спирантная al'ы, спирантная разновидность al появляется иногда с усечением плавного l в паузе, так в составе скрещенной сал-берской основы a-ru-l, названия одной из областей Италии — A-ru-l-ia, здесь зато с полным видом берской части ru-l (вм. ru-g), но al налицо и полностью в составе также сал-берского скрещенного термина al-re, здесь с утратой плавного исхода l || r в берской части.

Что tri-bu, полная форма tri-bur, при двух r — обязательно *tri-bul, действительно было племенным названием, это подтверждается и таким фактическим языковым материалом, как существование в Италии богини Trebul-a, очевидно,

тотемного божества племени Tribu[1] или Trebul-, а затем две разновидности того же сал-берского жречения, обе с перебоем плавного r по типу яфетических языков шипящей группы r ~ r̥ → n̥, в лат. nt → nd, как ar-gent-um, одна с одной выдержанной «е» огласовкой Tre-bend (Τρεβένδρι, ликийская богиня), другая, как совершенно правильно предполагается, ее двойник с разнобойной огласовкой i и a — Tri-bant (Τριβαντα), по свидетельству Птолемея. Есть и усеченная разновидность названия Tribul-, именно Tre-b, италийский бог, появляющийся в многочисленных италийских именах.

Это племенное название для нашего вопроса о 'письме', 'книге' имеет существенное значение, особенно, если учесть, что начальный зубной — пережиток яфетического аффриката t̥, в языках позднейшей формации представленный в виде разложения его -st, и что более древний вид имени божества Tri-bu ↔ *Tre-bo имеем в основе древнерусского бога Stri+bo-g. Потому укажу и на то, что как в чув. riganə значит и 'кукла', 'идол', первоначально 'бог' (keremeθ riganə), и 'трон', ныне 'седалище', 'стул', так как имя 'бога' переходило на его 'служителя', 'жреца', с одной стороны, 'проповедника', 'глашатая', 'трибуна', с другой — 'ворожея', теперь у чувашей уотəз'а, и равно на 'стул', на который садится уотəз 'ворожей' для гадания (кстати, такие культовые сидения откопаны в погребениях доисторических могил восточной Европы), так культовый трон италийской богини Tribul-a, вернее *Tribug-a или *Tribunda должен был носить ее название. Застигнутый историей в роли общественного использования, первично жрец tribun, а впоследствии как общественная кафедра, культовый трон, tribun-a, дожившие до нас термины, — этого же именно происхождения, и приходится лишь изумляться наивности, когда или tribun'a, раньше жреца богини, или tribun'у, ее трон, индоевропейцы производят (впрочем, это лингвисты, а не историки) от глагола tribuo 'распределяю', или от числительного tres по делению римских граждан на 'три' отдела. Еще Моммсен (Mommsen) обращал внимание на то, что tribus первоначально означало 'область', 'округ', собственно, первоначально 'область, населенную племенем tribu'.

Для нас пока незыблем факт, что начало нашей цивилизации лежит в средиземноморском мире, в Европе, как высшая культура представляет возглавление той же цивилизации, европейское просвещение, европейская общественность, Восток европейский, думаю, не менее, общественно, пожалуй, более, чем Запад.

Потому начинаем с лат. «littera» 'буква', «litterae» 'письмо', 'учение', 'письменность', 'литература' и т. д. Основной термин «littera» представляет готовое наследие средиземноморской так называемой доистории; это, с точки зрения яфетической теории, термин позднейшей формации, поскольку он скрещенное слово и разложим на li (собственно li [с долготой гласного i], утрата которой возмещена удвоением следующего согласного зубного t) и на ter («-а» суффикс); это два племенных слова, одно (li-) рошское (или этрусское), другое (-ter-) — салское, каждое из них значило и значит 'книга', 'письмо', 'буква'. Мы их найдем до сей день в самостоятельном употреблении, каждое отдельно, без скрещения, как это мы видим в двуплеменном рош-салском термине, сохраненном латинским языком. Конечно, наше значение отнюдь не определяет происхождения вообще

скрещения рош-салского племенного слова. Последнее могло употребляться в десятках и сотнях других значений, между прочим, такое же рош-салское двуплеменное слово мы имеем в лат. *li-tus*, *li-tor-is* 'берег' (здесь, как надлежит, с долгим *i*), у него свое семантическое гнездо, куда отойдет 'обрыв', пожалуй, и 'камень', и 'песок', но ни в каком случае не 'книга', даже если установить в числе значений 'песок', как материал, на котором могли бы, мол, выводиться буквы, или 'камень', служивший материалом для высекания надписей с весьма ранних пор.

От доисторического состояния речи населения Европы латинский язык в последние получил и сохранил нам другой термин книжности, именно *liber* 'книга'. Технический подход к термину от материала с точки зрения палеонтологии речи является анахронизмом. *liber* значит 'лыко', 'береста', 'кора древесная', и вот, мол, *liber* 'книга' и т. д. происходит от 'бересты', от 'древесной коры', потому что «на ней древние писали». Мы в линии развития наших мыслей не отрицаем и не можем отрицать идеологической связи письменного или книжного дела с архаичным представлением о дереве и, следовательно, также его частях. Достаточно вспомнить, что в Грузии канцлер, ведавший письменностью, назывался *Tkondid-el* 'Чкондидским', т. е. происходящим из пункта с 'дубом-деревом' отнюдь не без связи с названным деревом как культовым, но техника тут не при чем. Древние писали не на одной древесной коре, и отсюда нет никакого основания производить по созвучию термин 'книга'. А когда так толкуют, это и называем мы формальной лингвистикой. 'Книга', как и 'письмо', одинаково везде является выявлением одной и той же общественной идеи. Само слово *liber* 'книга' имеет в целом и по частям громадное распространение по всему миру, и судьбу его никак нельзя разъяснить в освещении одного латинского мира. Термин также двуплеменной, именно рош-берский, причем первый составной элемент *li-*, общий с разобранным скрещенным термином *li-ttera*, а второй у него берский, отличный от салского, как то налицо в *litera*. С термином *liber* мы на самой латинской почве устанавливаем существование такого скрещенного племенного слова, более того именно скрещенного племенного названия. Дело в том, что по палеонтологии речи, во-первых, в разрезе эволюции терминов родства 'сын' представляет в источнике 'дтия', понятно, не семьи с 'папой-мамой' (патриархальной), даже не семьи с 'мамой' (матриархальной), а всего племени, и носит одно с племенем название; во-вторых, по палеонтологии же речи, слово 'свободный' представляет племенное название, использованное в смысле социального, сословного или классового термина с конкретным значением по тому месту, какое сословие с данным племенным названием занимало в эпоху возникновения толкуемого племенного слова. Здесь мы наблюдаем по семантике то же, что установлено яфетической теорией в отношении происхождения тех прилагательных, которые в формах сравнительной и превосходной степеней имеют иные основы, чем в положительной. Отсюда понятно, что при наличии в лат. *liber*, *liberi* и *liber* 'свободный', совершенно неизбежен вывод, что существовало такое скрещенное племенное слово, и оно же, с утратой долготы и без возмещения, налицо в нашем скрещенном термине двуплеменном *li-ber*, причем нари-

цательно каждая часть значит то же самое, собственно, буквально это в целости 'книга+книга', 'письмо+письмо', 'знак+знак' или что каждое из этих слов означало раньше, смотря по эпохе и эволюции человеческих представлений об этом предмете.

Было же время, когда не было ни 'книги', ни 'письма' в нашем понимании этих предметов, не было еще даже 'книги-магии' или 'письма-магии', равно частного использования этого магического средства для охраны в виде особого 'знака', тем более 'печати', но то же слово существовало с генетически предшествующим значением, каким являлся основной предмет магического действия, смотря по эпохе и среде то или иное 'чудовище', 'тотем', впоследствии 'бог', всегда 'знамение', 'ужас', 'чудо', понятно, предмет выявления такого знамения, предмет с его печатью, 'меченый', да особенно опять-таки средство такого мечения, 'знак', и т. д., и т. д., и вот где нам надо искать первичные значения слов 'книга', 'письмо', когда мы интересуемся не статикой, а динамикой речи, вопросом о том, откуда есть пошла 'книга', 'письмо', 'буква', в частности и лат. *littera*. В самом средиземноморском мире мы находим в самостоятельном отдельном бытии каждое из двух скрестившихся в *li-tter-a* племенных слов с их первичными значениями. Так вторая составная часть унаследованного латинским скрещенного слова *litter-a*, именно салское племенное слово *ter-a*, имеем в греческом у Гомера в форме *τέρας* (мн. *τέραα*, род. у Геродота *τέρεος*) со значением 'чудо', 'чудовище', 'знамение', 'необычайный знак', 'ужасающее предсказание' и т. п.

Однако было бы глубочайшим заблуждением, если бы латинскую пару скрещенных терминов, рош-салский — *li-tter-a* 'письмо', 'буква', 'книга' и рош-берский *li-ber* 'книга', мы сочли изолированными образованиями европейского мира, в частности Средиземноморья.

На Востоке европейском имеем это рошское племенное слово полностью, то с огласовкой *i*, как в «рис-талище», в русск. «рисунок», «рисовать», то с губной огласовкой в виде то спирантной *luk*, то сибилантной **lud*, с ослаблением *lyd* → *d*, в составе отыменных глаголов, то с тем, то с иным оформлением, у суоми *luk-e* 'читать' (также 'считать', но на особом основании), у финнов Волжско-Печорского района по-зырянски (коми) — *lyd-дып* 'читать', по-вотски (удмуртски) — *lyd-зыпы* 'читать', по-черемисски (мари) — *lød-аш* 'читать'. Собственно, рошскому племенному слову в шинаящей группе (с оканием) надлежало бы иметь плавный *r*, а не *l*, но здесь идеальные взаимоотношения везде колеблются в результате скрещения и вообще взаимодействия, почему столь же закономерно в м. *las* в свистящей группе имеем *gas* на самой итальянской почве, где такая именно разновидность лежит в основе национального названия эт-рус-ков — *ras-en-a*.

Следовательно, и в финском районе в соответствия окающей разновидности *luk* ~ *lud* (↘ *lød*) мы в акающей могли бы иметь не *las*, а *gas*, а спирантизованно, как обычно, — *gā*, засвидетельствованное древнейшим названием Волги (*Rha*) и другими терминами.

Мы потому ставим под сомнение возведение тождественного звукового комплекса *гаа* к русскому слову «грамота», греческому *γραμματα*, когда мы его нахо-

дим в рош-берском скрещенном термине в значении 'книги' — эст. *гаа-мат* в значении 'писания', 'библии', финск. *суоми* — *гаа-матту*.

Дело в том, что и вторая часть этого финского термина, берское племенное слово *мат* в значении именно 'книги', имеет на яфетическом и полуяфетическом юге полную поддержку значения 'книги': оно в основе др.-л. армянского *мат-еап* 'книга', отсюда и у грузин др.-лит. *мат-лап-е* 'летописи', буквально, 'писание'.

Во всяком случае, в отношении окающих разновидностей из языков восточных Финнов важно нам знать, что у Финнов, так на черемисском, рошская часть этого скрещенного термина в окающей разновидности *lūd-ы́* значит 'пугало', 'страшилище' (палеонтологически: 'тотем', 'бог').

Отстранив, однако, пока первую часть *гаа* сомнительных по происхождению финских слов, сам по себе *га* прекрасно засвидетельствован не в одном названии Волги, этот спирантизованный вид рошского племенного слова, т. е. *gas* (следовало бы *las*, как в *re+las-g*), на юге в семитическом мире имеет безукоризненный шипящий эквивалент *гош* ↔ *гуш* в составе именно такого рош-берского двухплеменного скрещенного слова у арамейцев, в частности у сирийцев, *гуш-мā* 'знак', отсюда глагол 'отметил' *inscripsit (librum)*.

В армянском имеем даже трехплеменное *сал-рош-берское* скрещенное слово в значении 'печати', т. е. палеонтологического синонима 'книги' и 'письма': это *дә-гош-м*, а без берского элемента — *сал-рошский* термин *дә-гош* значит в ряде разновидностей на языках груз., арм. и перс. 'знамя', 'культовое знамя', а также 'ваяние', 'идол' и т. п.

Рошское племенное слово в простом виде сохранено в грузинском из языка, не терпевшего начального *г* и заменявшего его *п*, притом в значении 'знака', 'чуда', 'знамения', а отсюда *пша* 'меченый', в быту специально 'животное', например 'бычок', *меченый* тем или иным природным 'знаком', 'знамением' и т. п.

Точно такие же двухплеменные скрещения имеем мы на Востоке, рош-салское *пе-кār* 'рисунок' в перс. языке, *пә-каг* (✓ *pukar*) в арм., и рош-берское *пе-vis* (неопр. *puvšten* ✓ *nubšten* ~ *nubšten* 'писать') в персидском. Первые части, *пе-* || *пи-* ~ *пу-*, предупреждаю, в этих словах, также не предлоги или префиксы, как их европейский двойник *li* в *li-ttera*, *li-ber*, да и в племенных названиях *li-bw-es*, *li-gur* и т. д., и т. д., но, на что особенно обращаю внимание, его рош-берская племенная основа с утратой плавного *г* (~ *s* || *ш*) налична у персов. Это приводимое и Хорном (Horn) в связь с 'письмом' слово *пу-вё*, *пу-вё*. Переводится оно специалистами терминами исторической культуры, отчасти мусульманской, именно 'слово бога', 'коран', на самом деле палеонтологически значит 'тотем', 'бог', 'небо' и т. п., представляя пережиточно-яфетическую разновидность лат. *пй-шеп* 'воля (бога)' ← '*бог'.

В индоевропейских языках трактуемый лишь как морфологический придалок *пә-* (✓ *пу-* ~ *пи-*) значит самостоятельно 'бог', рошский тотем, в каком-то значении сохранил его абхазский язык и самостоятельно, в виде *пә-* в сочетании, например, 'славить' — *а-пә-ҧа-га* 'молиться', 'благословлять', и в скрещении с салским племенным словом *қа* (← *qar*) — *а-пә + қа* 'тотем', 'божество' и т. п.

'Тотем', позднее — 'божество', всегда 'знамение', 'образ', 'знак', это присущие термину значения в этом же рощ-салском скрещении, откуда перс. pi-gār || арм. пә-каг 'картина' и у грузин в родном их бытовом термине — pi-koḡ, pi-koḡ-a 'белое пятно на лбу у коров' (Чубинов), собственно 'метка', 'знамение' не только у коров, но и у быков, это также 'животные, меченые богом', т. е. 'тотемом', как разобранные выше пш-а.

Оставаясь при значении позднейших эпох, эпох уже цивилизаций, именно 'книга', 'письмо', одно салское племенное слово того же оформления, что в греческом и лат. ter (греч. τέρας, лат. -t'et-a), грузины сохранили с первобытным аффрикатным произношением зубного в виде t — ter-a 'писать', и вот это именно слово на Востоке имеет, именно в значении 'книги' или 'письма', распространение по громадной площади расселения народов, ныне и с давних исторических времен различных, по принятому в науке определению, рас. На Кавказе среди самих яфетидов мы имеем три закономерные разновидности этого слова, одну по свистящей группе — это груз. ter-a, другую по шипящей группе — это țar (ч. on-țar-и 'писать', м. țar-и-a id.), третью по спирантной ветви — угр (сванск. hr-1 ← *h-yr-1, сюда и венг. yr), а в армянском языке, сугубо скрещенном, воспринявшем в себя с языком спирантной ветви и язык шипящей группы и в то же время типе переходном от яфетического к индоевропейскому, где звук ț окончательно изжит, в значении 'письма' рядом с gir (← kir), спирантной ветви, мы располагаем разновидностью и шипящей группы țar, но в произношении уже индоевропейского порядка, т. е. с простым зубным t, как в греческом и латинском, вместо аффриката ț: по арм. țar 'буква', 'письмо', 'книга' и т. п.

Его же со значением 'писать' в форме sar мы имеем в клинописном яфетическом языке Месопотамии, шумерском, даты за несколько тысяч лет до р. Хр. И вот то же салское племенное слово со значением именно 'письма', 'писать' в формах, примыкающих к одной из перечисленных закономерных на яфетической почве разновидностей, мы находим в Индии в дравидическом и других народных языках, на Волге в чувашском, среди угро-финского населения, с венгерским заноса нас в среднюю Европу, с другими же разновидностями той же языковой группы на север восточной Европы и далее Азии, наконец и в многочисленных языках турецких племен на всем протяжении их то сплошного, то чересполосного расселения и по Азии, от Средней и более Дальней до Малой, вообще Передней Азии, и по Европе, именно по всей Передней Азии и по всей Европе, и там, и здесь без различия позднее сложившихся так наз. расовых языков, ибо находим мы его и в семитических, именно арабском языке, где лежащий в основе глагола sațara 'написал' трехсогласный корень str палеонтологически разъясняется как семитическое трехсогласное (так называемое трехбуквенное) развитие двухсогласного слова ter || țar с разложением начального звука диффузного порядка, аффриката ț, в группу st | nt (с дальнейшим полногласным оформлением в арабском: sațara). Грузинское u-star 'письмо', казалось бы, простое заимствование из арабского, имеет, однако, необъяснимое при таком разъяснении его, как заимствования, оформление иберское (шипящей

группы, мегрельское или чанское), куда термин относится и по огласовке основы: *star* ← м., чанск. *ʃar*.

Отнюдь нельзя утверждать об отсутствии его и на славянском Востоке Европы, где, если к тому же интересоваться палеонтологией термина, салское племенное слово со значением потребной социально-семантической группы в одном русском представлено двояко. Дело в том, что, во-первых, палеонтологически 'книга + письмо' это синоним 'знака', 'метки', 'знамения', 'имени' и, во-вторых, салское племенное слово, например, в форме свистящей группы *tɛr* 'писание' за изжитостью в индоевропейских языках аффриката *t̪*, звука диффузного порядка, могло сохраниться или в виде простого зубного *t* — *ter*, как в греч. *τέρας*, л. *li-ttera* или с заменой его наличными в славянских языках аффрикатами *ʃ* или *ʒ*. С аффрикатом шипящего порядка *ʃer* мы имеем его в двух производных (палеонтологически, собственно, скрещенных) словах, именно «чер-та», «чер-т-ить» и «черкн-уть», «по-черк» и др.; полный доиндоевропейский вид слова 'писания' «черк» — **ʃer-kan*, имевший некогда значение 'печати', палеонтологического синонима 'книги', и это **ʃer-kan*, с утратой плавного *g* в паузе *ʃekan*, сохранил русский язык в значении «чекан», «чеканить», букв. 'печатать', 'печать'. В то же время самостоятельно с индоевропейским перерождением аффриката *t̪* в простой зубной *t*, как в греческом (*ter-*), латинском (*-ter-*), да и в армянском (*tař*), та же именно форма *ter*, что аффрикатно налицо в словах «чер-та», «чертить» и т. п., в русском наследуется, как часто и в других языках славянского мира, с учетом закона о соответствии *l* || *g* сибиланта *s* || *ш* (resp. *ш* || *s*) и его звонких разновидностей, закона, составляющего ось звуковой системы чувашского языка, переживания которого, кстати сказать, неизмеримо многочисленны в русском,¹ и потому мы ожидали бы появление *ter* в русском виде *tes* → *tez*, и когда в русском действительно находим его в значении 'имени', т. е. палеонтологически синонима 'книги + письма', более того 'книги-магии', 'письма-магии', так как было бы неправильно, если бы мы усмотрели присутствие значения лишь 'имени' в таких бесспорно народных терминах, как «тёза», «тёзка», «тезя», откуда «тёзин», принадлежащий «тёзке», и особенно «тезвины» 'отзывы в гости к себе', 'приглашение гостем хозяина'.² Здесь, однако, речь не об 'имени' лишь и связанном с ним историко-бытовом 'зове', 'приглашении', а о приглашении к своему, но и разделяемому с приглашаемым, общему тотему, в христианском переживании 'ангелу', в связи с чем «тезоименитство» значит именно раньше 'день ангела', собственно — 'день тотема', чем на первом месте стоящее в толкованиях 'именины'. Не напрасно термин применялся к «высоким особам», имевшим притязание воплощать в себе «божественное» начало, хотя слово — народное, используемое и в поговорке: «тезоименита лопата Ипату, а Вавила могиле».

Нужно ли говорить о наивности попыток произвести «тезку» от местоимения «то же»?

Вспомним, что в чув. *tɛr-ɛ*, без перерождения плавного *g* в сибилантный, 'вышивка', 'узор' (*tɛrɛ-tu*, *tɛr-le* 'вышивать').

¹ Н. Марр, Чуваши-яфетиды, изд. Наркомпроса Чув. респ.

² Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 738.

То же слово, салское племенное слово, у яфетидов бывает представлено с раздвоением начального согласного, первобытно подлинно диффузного, на низшей ступени ḥ , то в виде sk , то в виде сохранивших первичную аффрикатность и в расчленении $\text{tk} \rightarrow \text{ḏḡ} \rightarrow \text{ḑḑ}$: последний ряд — обычное чисто яфетическое перерождение диффузного звука ḥ в подъеме, он характеризует салское племенное слово ḥal в скрещенной сал-берской основе грузинского глагола, что с утратой плавного исхода ($l \parallel r$) в обоих племенных словах, и в салском и в берском, звучит $\text{ḑka-ṛa} \rightarrow \text{ḑḡa-ba} \rightarrow \text{ḑḑa-ṛa}$ и значит 'вараксать', 'плохо писать'. В отдельности интересующее нас первое племенное слово звучало бы ḑḑar и т. п., да оно так и звучит как племенное название, отложившееся в названии, ныне грузинском, известного в Грузии населенного пункта Чхары — ḑḑar . Но тот же самый диффузный ḥ и в яфетических языках индоевропейского становления переродился или в $h \nearrow k$, без фрикативности k , и в соответственный ряд, т. е. $\text{har} \nearrow \text{kar} \rightarrow \text{gar} \rightarrow \text{qar}$ или в $s \nearrow t$, без фрикативности t и в соответственный ряд sar и т. д.

Если взять разновидность спирантного типа $\text{har} \nearrow \text{kar} \rightarrow \text{gar}$, то при учете восхождения второй части слова ḑka-ṛa , берского племенного слова raḡ , мы получим полный вид архетипа $\text{kaḡarar} \parallel \text{kaḡarar}$, который в наличности представлен в многообразных фонетически безукоризненных разновидностях, в зависимости от времени и разноплеменной трактовки гласных и согласных, но всегда с одним из значений, первостепенной важности для генезиса и семантического развития термина 'книга'. Эти слова — арм. gaḷa-ṛar 'форма', 'образ', 'идея', г. kala-ṛot 'форма' (материально — 'колодка'), арм. Kaḡa-ṛet 'языческое божество' (вод?), в эпоху христианства отождествленное с Иоанном Крестителем, с усечением keḡ-r 'идол' у грузин, 'форма', 'образ' и т. п. у армян keḡ-r и персов (ав. kəḡə-ṛiṣ , kəḡr-ṛ , пехл. $\text{k}^{\text{e}}\text{ḡ}^{\text{r}}\text{-ṛ}$), у последних с сохранением значения 'тело' (\leftarrow 'фигура'), с утратой плавного ингушск. ke-ṛ 'болванка' для выделки шалок или других предметов, 'колодка', 'фигура', 'туловище' ke-ṛ toḡḡ 'печатание', 'печатать', затем осет. ge-b .

Племенные слова этих скрещенных терминов и самостоятельно каждое в отдельности имело то же значение, так rot из kala-ṛot персы сохранили в форме $\text{bot} \leftrightarrow \text{but}$ со значением 'идола', у персов же само скрещение, но в другом расположении слагаемых ṛat-kaḡ (пехл. \rightarrow пов.-перс. ṛe-y-keḡ) \leftarrow др.-перс. ṛat-kaḡa 'образ', 'картина', откуда и арм. ṛat-keḡ (\leftarrow ṛat-keḡar) 'образ', 'картина', но не сир. ḑakr-ā , сохранившее более древнее значение, именно 'идол', 'языческое божество', следовательно, первично 'тотем', т. е. то именно значение, которое присуще было у армян термину, скрещенному из тех же слагаемых в ином порядке — kaḡa-ṛet .

Если взять низшую ступень разновидности той же первой части глагола $\text{ḑka-ṛa} \leftarrow \text{*ḑkaḡa-ṛa}$, т. е. ḥar по сибилантному типу, именно sar- , то мы его находим в составе этнотопонимических терминов, так $\text{sar} + \text{arap}^{\text{a}}$ (ныне области Шоралап, где обретается и местечко Чхары), $\text{sar-mat}^{\text{a}}$ и т. п., при свойственном же яфетическим языкам раздвоении $\text{sk} \nearrow \text{tk}$, без изживаемого уже первобытного аффриката k , т. е. полностью слово $\text{skar} \nearrow \text{tkar}$, что грузинский язык

сохранил в народном двуплеменном бер-салском скрещенном слове р-ікаг 'строка' в связи не только с 'письмом', но и с 'шитьем', так как 'шитье' по палеонтологии речи восходит к 'вышиванию', 'выведению узоров', 'рисованию', потому-то семантическая семья социального порядка включает в себе вместе с семантическим гнездом 'книга + письмо' и кругом с ним функционально связанных предметов и семантическое гнездо 'шить + иголка', и круг с ним функционально связанных предметов. Но мы сейчас отсекаем все, что в какой-либо мере удаляет от палеонтологически установленной группы социально связанных значений 'книга + письмо', возникавших в порядке развития их по функции. Иначе, когда мы дали анализ г. ḡqar-ра, глагола с основою двуплеменного сал-берского скрещенного слова в значении 'вараксать', 'плохо писать', и восстанавливали первое племенное слово в виде ḡqar, т. е. архетип глагола в этой мере должен был звучать *ḡqar+a-ра, мы имели и имеем полную возможность истолковать его на грузинской же почве как действие 'ногтей + когтей', т. е. 'царапать', да и самое русское слово šar ← šar + a-р представляет фонетически строго закономерную передачу груз. ḡqar-р ← *ḡqar + a-р, но не семантически, ибо возведение 'книги + письма' к технике, как праисточнику, также представляет анахронистическое восприятие явления, не говоря о том, что первобытность знает генетику значений лишь по функции, и вообще возможность учета эволюций значений в течение не каких-либо трех, хотя бы пяти тысячелетий, а многих десятков, сотни-другой тысячелетий, и делает яфетическое языкознание по необходимости не статическим и не формальным, и в этой мере правомочным подходить смело и к основному вопросу о происхождении речи, которое индоевропейская лингвистика признает неисповедимым.

Иначе мы и общесемитический для понятий 'писать' корень kšb могли бы, идя по стопам семитологов, работающих в путях теории индоевропейского языкознания, возводить к технике, как то разъясняется индоевропейцами л. «liber» 'книга' по созвучию с liber 'береста', 'древесная кора', ибо семитический корень kšb (арб. кашаба 'написал') вполне закономерно отождествляется сравнительным методом с яфетическим словом шипящей группы koṭop, наличным в грузинском в значении 'горшка', собственно 'глиняного сосуда' (← 'глины') и по такому созвучию названный семитический термин для 'письма', 'книги' легко бы произвести от 'писания на глине' или возвести к технике 'вышивания', 'шитья', 'строчения', как теперь утверждают наиболее авторитетные теоретики семитических языков. Но это означало бы не только игнорирование палеонтологических положений яфетической теории по важнейшей ее части, именно той, которая касается семантики, т. е. учения о значениях. Это значило бы и отказ от яфетической сравнительной грамматики в целом, следовательно, от сравнительной грамматики яфетических и семитических языков (это — вниманию тех так называемых яфетидологов, которые дальше сравнительного метода идти с нами опасаются). Оно же значило бы еще и прежде всего поверхностное отношение и к семитическим языкам, неучитывание самих языковых фактов семитической стадии развития человеческой речи, неразрывно связанных с термином 'книга + письмо'. Дело в том, что формально сравнительная фоне-

тика установила звукосоответствие сем. $\mathfrak{z} \parallel$ яфет. г. Формула эта упрощенная, по существу, разновидность закона $l \parallel r \sim s \parallel \text{ш}$. На разъяснении этого элементарного положения из сравнительной фонетики здесь не останавливаемся, лишь сообщаем, что когда в семитических языках имеем 'написал' в арб. $ka\mathfrak{z} + a\text{-}ba$, евр. $ka\mathfrak{z} + \bar{a}\text{-}b$ 'написал', сир. $ka\mathfrak{z} + a\text{-}b$, еще лучше 'книга' арб. $ki\mathfrak{z}\text{-}\bar{a}b$, евр. $k\mathfrak{z}\text{-}\bar{a}b$ и т. п., это также двуплеменные сал-берские скрещенные слова, и в них первая часть $ka\mathfrak{z}$ -, $ki\mathfrak{z}$ -, $k\mathfrak{z}$ - соответствует яфетической, если остаться в пределах спирантной ветви — $ki\mathfrak{r} \searrow u\mathfrak{r}$ или $ka\mathfrak{r}$ и т. п., при расчлененном представлении диффузного \mathfrak{h} в $\mathfrak{z}\mathfrak{q}$ — $*\mathfrak{z}\mathfrak{q}\mathfrak{a}\mathfrak{r} + a\text{-}ra \rightarrow \mathfrak{z}\mathfrak{q}\mathfrak{a}\text{-}ra$ ['писал' →] 'плохо писал', 'вараксал'.

По палеонтологии же речи в отношении значений, по идеологическому подходу к термину, с арб. $ki\mathfrak{z} + \bar{a}b$ 'книга', евр. $k'\bar{a}'\mathfrak{z}\text{-}ab$ 'книга', рядом становится 'печать', евр. $\mathfrak{q}\mathfrak{o}\mathfrak{z} + \bar{a}\text{-}m$, сир. $\mathfrak{q}\mathfrak{o}\mathfrak{z}\text{-}ma$, арб. $\mathfrak{q}\bar{a}\mathfrak{z} + a\text{-}m$ 'перстень с печатью'. В связи с этим рядом с $ka\mathfrak{z}$ - мы ставим эквивалент $\mathfrak{q}\mathfrak{a}t$ -, в яфетических языках сохранившийся со значением 'рисунка', 'образа', 'бога', 'святыни' ('тотема'). И его, это же самое $\mathfrak{q}\mathfrak{a}t$, простой вид без скрещения, именно его коренные согласные $\mathfrak{q}t$ новоегипетский еще в иероглифах сохранил в значении 'печати', палеонтологического синонима 'книги'.

Продвигаясь на запад по Средиземноморью, в Греции мы находим в значении 'буквы', 'письма', 'книги' — $gra\text{-}\bar{m}\bar{a}'t$ ($\sim *gar\text{-}mar$) и $gra\text{-}\bar{q}\text{-}\bar{b}$, т. е. то же двуплеменное сал-берское скрещенное слово, с первой салской частью по согласным одного типа с арм. gir 'письмо' и др., при разности огласовки. Другая закономерная разновидность арм. gir в армянском же на основе закона $l \parallel r \sim s \parallel \text{ш} (\rightarrow z \parallel j) \nearrow 'n' \bar{t} \parallel 'n' \bar{t} \rightarrow 'n' \bar{d} \rightarrow 'n' \bar{\mathfrak{z}}$, следовательно, и $\bar{d} \parallel \bar{q} \rightarrow \bar{\mathfrak{z}} \parallel \mathfrak{z}$, в арм. t , это gt , использованная семантически специально в значении 'строки', 'линии'. Это же и коми или зырянское $glj'tan'$ (\sim удм. goj) 'черта', 'линия', $g\mathfrak{z}$ -ны (\sim удм. $goj\text{-}t\bar{n}y$) 'писать'.

Идя еще далее в прослеживании судеб термина 'писать' на запад, в Италии и во всем романском мире мы встречаем ту же сал-берскую скрещенную основу $scr\bar{i}\text{-}b$, однако салское племенное слово из сибилантной ветви sal ($\leftarrow \mathfrak{h}al$) с разложением его начального первично диффузного \mathfrak{h} в sk , точно мы попали обратно на Кавказ в чисто яфетическую среду народов сибилантной ветви двух групп, свистящей и шипящей. При знакомстве с подлежащими материалами соответственных языковых групп, обращение от латинского, вообще романского, материала к ним оказывается не путешествием на далекий Кавказ, а нисхождением вниз, в так называемую доисторическую подоснову латинской речи в самой Италии, вернее в самой западной Европе, путешествие тоже в дали, но дали не пространственные, а хронологические, в глубину времен. Естественно, что на этом дне, на Кавказе оказавшемся вынесенным на поверхность, в течение многих веков обнажения рядом с массовыми доисторическими переживаниями немало оседало из производства языковых факторов, скрещений внутренних и внешних, и вскрывающееся на этой обнаженной поверхности языковое состояние носит дополнительные следы этих новых или повторных процессов взаимодействия, источников и в них, яфетических языках, происшедших на почве доисторических переживаний эволюций. Потому-то лат. $scr\bar{i}\text{-}$, перерождение доисторического $sk\bar{i}\text{-}$

в яфетических языках имеет большое разнообразие эквивалентов. Во-первых, при том же составе согласных коренной части мы имеем, как то было выяснено (стр. 234) в груз. *skar ↗ ĩkar ['строка'], в сванском (skor- →) skwer (↗ ĩkwer) → sker 'ряд'. В груз. -ĩkar сохранено нам в скрещенном по составу термине p-ĩkar 'строка', также из двух племенных слов; но в другом порядке, с берским племенным словом на первом месте, как то наблюдаем в целом ряде других также скрещенных из тех же племенных слов терминов, именно названий 'серебра' (ar-gentum), 'дерева' (ar-bor) и др., когда яфетические материалы сравниваем с индоевропейскими эквивалентами. Более того, пара sk ↗ ĩk, разложение первично диффузного ĩ || ш, на Кавказе относится к определенной, именно шипящей (окающей) группе языков, и появление ее в грузинском, языке свистящей группы, с огласовкой «а» в виде ĩkar — вторичное явление в отношении пары согласных ĩk. Эта пара, присущая группе языков, мегрельскому и чанскому, а также по скрещению шипящему слою сванского языка, в свистящей имеет соответствие в звуках шипящего порядка. Так, напр., ĩk шипящей группы в свистящем дает ʧ. При таком неизбежном освещении согласных, ĩk и форма слова -ĩkar, именно окающая, когда речь о 'письме', теряет почву в грузинском языке, так как по-грузински 'писать' ĩer- имеет огласовку «е», и лишь глагол шипящей группы «а» — м. ʧar-, ч. -ʧar-, откуда и арм. ʧar 'буква', 'книга'.

Следовательно, в грузинском природный для него вид слова в соответствие -ĩkar должен был звучать -ʧer, собственно -ʧel или по чередованию в грузинском l || d — -ʧed, а все скрещенное слово p-ĩkar при полном виде берского племенного слова — *per-ʧed → *ber-ʧed, т. е. архетип наличного в грузинском по сей день древнелитературного термина be-ʧed, что значит 'печать', 'перстень' (первоначально обязательно со 'знаком' и т. п.).

Наличие в архетипе плавного r, именно полностью слова ber-, фактически свидетельствуется тем, что в кавказских яфетических языках шипящей группы сохранен, так мегрельским, плавный звук в строго закономерном соответствии груз. ber, именно mar- в составе того же скрещенного слова в значении 'кольца', 'перстня' и т. п. Однако и мегрельское, и чанское слово в значении 'перстня' (первоначально и 'печати') имеют не -ĩkar, как в p-ĩkar 'строка' но -ĩkind, восходящий к архетипу *-ĩkir, на низшей ступени skir-. Однако точное соответствие второй части грузинского термина be-ʧed 'печать', если даже не восстанавливать ее плавного звука l, а брать ее, как звучит — ʧed, должно бы звучать по шипящей группе -skad, разновидность грузинского -ĩkar в составе p-ĩkar 'строчка', и вот эту закономерную разновидность шипящей группы skad сохранил нам сванский язык, как вклад присущего ему шипящего слоя, в слове также скрещенном, подобно г. be-ʧed, м. mar-ĩkind, в их синониме mæ-skād 'печать', 'перстень'.

Но этого мало. В сванском мы уже отметили существование нескольких эквивалентов сохраненного грузинским -ĩkar (в скрещенном p-ĩkar) 'строка'; все эти сванские эквиваленты восходят к архетипу *skor, и вот этот архетип, но в подъеме *ĩkor → ʃkor в абхазском, с утратой гортанного в силу ряда присущих абхазскому звуковых особенностей (так, в частности, раздвоения губного гласного «о» в группу «wa» и утрату плавного r в паузе, если он не успел пере-

родиться в сибилант — свистящий или шипящий), должен бы звучать βaz , и мы обе эти разновидности и находим в скрещенном по типу груз. $be-\beta ed$ 'печать', 'перстень', м. $ma\text{-}\beta kind$, ч. $ma\text{-}\beta kind$ и св. $m\text{-}sk\acute{a}d$, как они в значении 'печати', 'перстня', но и 'пальца', с тем отличием, что в значении 'пальца' используется разновидность с утратой плавного r — $a\text{-}ma\beta\text{-}\acute{a}$ 'палец', а в значении 'перстня' разновидность с заменой плавного свистящим z — $a\text{-}ma\beta\acute{a}z$.

Таким образом, в значении 'печати', впоследствии 'перстня', конкретно груз. $be-\beta ed$ имеет соответствия в сванском $m\text{-}sk\acute{a}d$, абхазском — $ma\text{-}\beta\acute{a}z$, в мегрельском — $ma\text{-}\beta kind$, в чанском — $ma\text{-}\beta kind$.

И для семантики, и для палеонтологии вообще имеет решающее значение прочное установление происхождения второй части грузинского слова $be-\beta ed$ 'печать': есть ли она $-\beta ed$, в данном случае салское племенное слово, вполне объясняемое указанным выше звуковым явлением, или d здесь чередуется с n , т. е. в слове имеем ионское племенное слово βen . Дело в том, что $\beta e\beta da$ 'печатать' имеет двойник $\beta e\beta na$ в том же значении, т. е., следовательно, рядом с $\beta e\beta ed$ существовал его синоним $*\beta e\beta en$. Как будто наличие ионского племенного слова вне всякого сомнения. Правда, n бывает вторичный, как и d , частичный пережиток группы $nd \rightarrow nd$, эквивалента g по норме шипящей группы, и в данном случае грузинский мог воспринять эту фонетическую особенность иберской речи (шипящей) с одной стороны — в связи с термином культуры и в исторические эпохи большого значения, государственного, а с другой стороны, в зависимости от факта, что средневековое грузинское национальное строительство, дело рук картвельского племенного образования, выросло как продолжение государственного строительства иберов. Как бы дело в конце концов ни разъяснилось, ионское племенное слово (βen), конечно, также входит в это словотворчество рядом с салским ($*\beta el \sim \beta ed$). Надо иметь в виду, что 1) вторая часть βed самостоятельно значит 'ковать' [βeda , $da\text{-}\beta eda$, рядом с 'чеканить' ($mo\text{-}\beta eda$ 'деньги')], что неразрывно ставит глагол в зависимость от имени 'железо', а 'железо' в яфетических языках носит название ионского племени ($kip\text{-}a$ и т. п.); 2) само слово βen , давнишнее традиционное на Кавказе название ионского племени (у армян $\beta eyn\text{-}q \leftarrow \beta en + i\text{-}q$; у грузин βan , но и $-\beta en$ в составе $ber\text{-}\beta en$ и т. п.), еще яфетидов, как нынешние носители того же названия лазы у Черного моря и сваны в горах Кавказа ($šon$, son и т. п.).

Но, что для нас важнее знать, существует бер-ионское название племени, как бы создателя этого термина $*be-\beta en$ ($\leftarrow pe-\beta en$) $\leftarrow *ber-\beta en$, одно более древнее $ber\text{-}\beta en$ (у грузин и соседящих народов с давних пор 'грек'), другое $*Pe-\beta en\text{-}eg$ ($Pe\text{-}\beta en + eg$ || г. $pa\text{-}\beta in\text{-}ag$) 'печенег'. О природе исторических печенегов, допустим, турок, мы пока молчим, но не подлежит никакому сомнению, что исторические печенеги носили название яфетидов $*pe + \beta en$ 'ов или $*per + \beta en$ 'ов, тезок термина $*be-\beta en$ (|| $be-\beta ed$) 'печать', предмета в доисторические времена культового, как в свою очередь $be-\beta ed$, у грузин означающее 'печать', у аваров сохранило в форме $be\text{-}\beta ed$ значение 'бога'.

Вспомним и то, что греч. $Poseu\delta\acute{o}n$, как уже разъяснялось в свое время, восходит также к яфетическим тотемным богам нашего в данный момент интереса,

но не к бер-ионскому, как предполагал я раньше, а бер-сал-ионскому — *Ro-sey-dōn* (← **Por-ter-dā + ōn*). И когда 'книга' восходит через не одну, конечно, 'печать', к тотемам, источникам магии, собственно бытовым изображениям (в узорах и знаках, впоследствии буквах) знамений и меток тотемов в татуировке, в тамгах, на предметах производства, топорах и т. п., на моельнях и храмах, жилищах, хотя бы и пещерных (впоследствии коньки), вообще культовых предметах — писаницах и т. п., на символах власти и распорядка, равно распоряжений (впоследствии предписаний) и т. д., и т. д., то палеонтолога этого термина, как и письма, не может не интересовать фигура Посейдона с символом власти — трезубцем.

Русское слово «печать», во второй части проявляющее огласовку сванского *mə-skād* идет не от посейдоновского средиземноморского круга, а от бечедовского по тотему-богу или печенегского по плечени кавказского мира, как и немецкое «*Petschaft*».

В свою очередь архетип второй части мегрельского и чанского слов, салского племенного слова *-tkind*, именно **tkir*, на низшей ступени **skir*, имеет свою историю на Кавказе, да и вне Кавказа на Востоке в значении 'печати', чаще 'письма' и 'книги'.

Но мы сейчас укажем лишь на то, что архетип языков шипящей группы **skir* и 'печать' || 'письмо' и составляет, с перемещением гласного к концу, первую часть скрещенной основы лат. глагола 'писать' (*scri-b-o*).

Это обычное явление в индоевропейских языках, как, впрочем, и грузинском, выдвижение гласного к концу и стягивание согласных к началу, как-то *fra-*, *bro-*, *pro-*, *dre-*, *stro-* ↔ *stru-*, *tre-* ↔ *tri-* и т. п., в названии также сал-берского божества *tre-b*, *tre-bul-a*, *tri-bu* и т. п.

Сал-берское племенное слово сибилантной ветви мы находим и в еврейском, далее на восток в армянском, в иранском, это евр. *sē-fer* (*si-φr*, мн. *spār-īm*), асс. *ш-рг-и* 'письмо', шум. *du-ru* → *ru-b* 'печать', 'письмо', арм. *də-рг*, ир. *da-bīr*, последние два с переносом названия 'письма' по палеонтологии на его производителя — 'писца'.

Сюда же относится древнелитературное арм. *tī-r* и полнее проникшее в средневековую литературу народное арм. *tī-раг* 'образ', 'форма' и т. п. Армянский *tī-r* ← *tī-раг* с восстановлением утраченной фрикативности зубного восходит по шипящей группе к **tī-r* ← **tī-раг*, закономерные разновидности которого по свистящей группе *tīφ* ← *tī-φel*, что действительно налицо, но со значением, представляющим интерес, казалось бы, лишь для формальной лингвистики, для тех, кто 'письмо' и 'книгу' производит от 'дерева', в частности 'бука', как в немецком «*Buch*»: у грузин *tī-φel-a*, у сванов *tī-φ-га* также значат 'бук'. Но поскольку это не случайности созвучия, связи и 'книги', 'письма', 'печати', как и 'формы', 'образа' с 'деревом', какое бы это ни было дерево, можно искать, как было указано, лишь в линии культового его значения.

В этой связи идей для нас и важно восхождение *tī-* арм. *tī-r* ← *tī-раг* 'образ', 'форма' (следовательно, палеонтологически: 'идол', 'тотем') к архетипу *tī-*, на низшей ступени *si-*: в латинском это *si-* в скрещенном двуплеменном сал-ионском термине *si-gn-um*, что, правда, значит 'знак', 'изваяние', резное или литое 'изобра-

жение', 'истукав' и т. п., но, помимо того, что 'книга + письмо' восходит к пра-значению 'тотему', 'богу', 'идолу', 'знамению', 'знаку' и т. п., то же лат. *signum* значит и 'печать', а 'печать' и 'книга' при палеонтологической перспективе лишь синонимы, и потому естественно, что в таком чистом яфетическом языке, как грузинский, где первый согласный, как в *tēga*, сохраняет свое аффрикатное состояние *t* без падения в слабый сибилант *s*, то же слово, римлянами сохраненное в виде *si + gn-um* 'знак', у грузин звучит *tī + gn-i* и значит 'книга'.

Ионское племенное слово в значении 'книги' появляется и самостоятельно, давно распространившись вплоть до глубин Дальнего Востока — 'книга' по-китайски — *ḥin*: китайцы его разъясняют как термин от техники продевания ниток, однако 'продевание ниток' нас возвращает к общему положению о связи 'письма' и 'шитья + узоров'; техника не при чем при использовании ионского племенного слова, *resp.* тотема в значении 'книги': из его синонимов *veç* отводит нас в сторону берского племенного слова, но и сохраненное японцами «хонь», также ионское племенное слово, наше положение делает неузвимым.

Ионское племенное слово, уже спирантного типа *kun ~ kn* с редуцированным гласным при удержании именного гласного характера, звучит *kn-i*, как *gn-i* во второй части грузинского термина *tī-gn-i* 'книга'. Это *kn+i* находится в составе русского слова *kn-ga*, также двуплеменного ион-салского скрещения (архетип **kn-gal*), тогда как груз. *tī-gn-i* 'книга' ↘ лат. *signum* 'знак', 'печать', сал-ионское скрещение. Эти обстоятельства, однако, нисколько не упраздняют связи русского термина *kn-ga* с арм. *kəni-q* (↙ *kn+i-q*) 'печать' и ассир. *kn+u-ku* 'печать'. Наоборот, и 'книга' и ее палеонтологический синоним 'печать' органически связаны со 'знаком', 'знаменем', 'именем'. Упраздняется мысль об изолированности ассирийского слова в семитическом мире, где ионское племенное слово в виде трехгласного корня *k-p-u* сохранилось в значение 'имени', откуда ср. *kupaū* 'наименование' (отыменный глагол *kanī* ← *kanu* 'наименовал', 'назвал'), арб. *kuṇu-aḏ*^{na} 'прозвище', 'называние себя не своим именем' (*kanā* 'обозначил', 'наименовал *potiue improprio*', 'прозвал'). Это же ионское племенное слово в виде *qn* (ср. *-gn* в *tī-gn-* 'книга') у грузин имеется в термине также скрещенном, но сал-ионском — *se-qn+i-a* → *se-qn-a* 'тезка', 'носитель общего тотемного имени'.

Итак, везде, везде все те же салское, берское, ионское или рошское слова, в отдельности или с одинаковым подбором их в скрещениях, в роли такого занимающего нас позднего культурного термина, термина именно уже исторической цивилизации, как 'книга' и 'письмо'. Однако поздним является термин в масштабе времени мироздания и учета предшествовавших возникновению письма веков и тысячелетий, ибо так то письмо является совершенно сложившимся еще в эпохи неолита, как то окончательно решают глезельские находки.

И ясное дело, что у терминов 'книга + письмо', имеющих такое длительное существование, происхождение иное, чем можно бы его решать частичной выемкой фактического материала одного района или одной эпохи со стабилизовавшейся уже системой значений, со стабилизированным за определенным словом одним и только значением 'книги' или хотя бы 'книги' и 'письма'.

С 'книгой' и 'письмом' связан целый круг понятий, носящих одно с ними название. Естественно, что с 'книгой' находится в связи и глагол 'читать': 'читать' отыменный глагол от 'книги'. Однако, если у армян *karđal* значит 'читать' и в то же время 'кричать', тем более, что независимо от армянского и у египтян 'кричать', 'звать' и с 19-й династии в новоегипетском 'читать' выражается одним и тем же словом « š » = š , то вывод, как будто, обязательно иной, именно тот, что техника чтения — громкое произношение, крик и определяет первичную сущность и чтения и, следовательно, книги. Так думают и египтологи в предположении, вероятно, что раз 'читать' засвидетельствовано в египетской письменности с 19-й династии в новоегипетском, то это значение позднее значения 'кричать'. Идя таким путем, когда в грузинском *1-kiŋŋa* 'читал' значит 'спросил', можно заключить, что использование книги в поисках ответа на свои вопросы и определяет сущность чтения и, следовательно, книги. Однако все подобные толкования пустые домыслы, поскольку приходится работать без учета палеонтологии, более того — приходится нарушать ее уже установленное положение по истории морфологии, именно позднейшее сравнительно с именем возникновение категории глаголов и, следовательно, невозможность производства имени 'книга' от глагола 'читать', невозможность считать глагол древним в смысле первичного исходного пункта без указания имени, от которого глагол происходит. Приходится в то же время искать объяснения связи 'чтения' с 'книгой' без установления палеонтологии самого этого термина, т. е. без выяснения того, слово с каким значением в первобытную эпоху использовано в значении 'книги'.

Между тем, исходя из возникновения первичных слов — имен по функции, мы уже знаем, что 'книга' это слово, первоначально означавшее 'магию', 'божество' 'тотем', 'колдун' и т. п., и наличные значения глагола 'читать' в яфетических языках это оправдывают в полной мере, ибо груз. *1kiŋŋa* 'читал' значит также 'гадал', 'колдовал', 'чародействовал', происходя, очевидно, от имени 'чары', 'магия', 'тотем' и т. п. Следовательно, основа арм. глагола *karđ-al* 'читать' должна бы означать племенное название, и 'тотем', 'бог' и т. п., что в действительности так и обстоит, ибо племенное название *karđ* имеем в основе терминов *karđu-ŋ* 'кардухи' (название курдов в древности) и *qarđ-vel* 'карт-велы', национальное название грузин, в то же время *ŋald* 'бог народа халдов' в Армении, равно *qawd-eau* 'колдун' и *ŋarđ* в составе *ka-ŋarđ* 'колдун' лишь разновидности нашего слова *karđ* 'тотем', 'бог', 'шаман' или 'ворожей'. Один из разительных примеров анахронистического восприятия 'книги' как термина, происходящего от глагола 'читать', мы имеем в термине *koŋāp*. Если бы у нас религиозное учение, хотя бы мусульманство, изучалось свободно от письменно-культурных традиций, в полной мере учитывались бы подлинные этнологические моменты в возникновении ислама, то давно бы было установлено, что *koŋ-ŋap*, сал-ионское доисторическое образование, раньше 'книги' означало 'племенного бога', и что с ним находится в связи арб. *kuŋ+ŋ-aŋ* 'судьба', 'жребий', равно 'клеймо' или 'знак'.

Точно также, когда именно с 'письмом' и 'рисунком' формально-фонетически неразрывно связано прилагательное 'пестрый', греч. *ποικιλ-ες*, г. *trēl-1* и т. д., и т. д., никак нельзя подобное значение примирить не только с 'книгой' или даже 'пись-

м'ч', хотя бы 'рисунком', но и с таким все-таки сравнительно общим и в этой мере отвлеченным понятием, как 'магия', 'бог', 'тотем'. Надо идти глубже в линии палеонтологии термина 'бог', и таковым, уже установлено, является 'небо', 'книга судеб', 'небо-сезон', небо-зима 'черный', небо-лето 'красный' или 'разноцветный', 'пестрый'.

Πάντα ῥεῖ 'все течет'. Мы скажем больше: человечество своим творчеством все видоизменяет, видоизменяет свою общественность и мировоззрение в связи с видоизменением материальной культуры, видоизменяет в корне, естественно, и значения слов, и нельзя даже такое выражение, как груз. *publis-tera*, абх. *ala-ḡinḡa*, арм. *ḡakatagr*, означающее 'судьбу', 'рок', нельзя разъяснять по тому современному и с давних исторических эпох воцарившемуся смыслу, который за ним упрочен за позднейшие тысячи лет стабилизовавшимися значениями, соответственно которым мы буквальный перевод не можем дать иной, как 'лбописание'. Да разве у человека не было представления о 'судьбе', о 'роке' до возникновения 'письма', чтобы 'судьбу', 'рок' называть 'лбописанием', а, следовательно, производящего учет судеб человечества ангела смерти 'лбописателем'? Правда, в еврейском тексте Иеремии 51,27 и Наума 3,17 ангел смерти именуется загадочным *ḡr-sār* (мн. с суфф. *ḡarḡai*), которое Делич (Delitzsch) толковал (Parad. 142) 'писец на таблице' (Tafelschreiber). К толкованию сами семитологи относятся с недоверием, но если и согласиться с ними, то, конечно, 'лбописание' в значении 'судьбы', 'рока' более архаичное выражение, несмотря на свой историзм, чем 'писание на доске' и все-таки анахронистично это связывание 'рока', 'судьбы' с 'писанием', точно у человечества отношение к смерти, судьбе, року определилось лишь по возникновении письма. Исходя из стабильности значений, мы так и должны бы утверждать, ибо 'похитителя душ', именно Меркурия, или Гермеса, не одни равнины звали 'писцом' (כּוּתֵב): 'писцом', именно *dabīg*-ом, звали его и персы, писцом *gəroḡ*-ом (← *krōḡ*) звали ангела смерти и армяне. Арменист Эмин в термине *gəroḡ* ← *kəroḡ* 'писец' соглашался видеть 'ангела смерти', как в эпитете бога *Tiwr*'а, но *Tiwr* это армянский 'Аполлон', или 'Феб', бог искусств, и это же слово, как салское племенное слово окающей группы (*tir* ← *tiwr* ← *tur*, resp. *ḡur* ← *ḡor* ~ *skor*) значит и 'письмо', как груз. *ter-a* (в лат. *-t'ḡ'er-a*), как мегр. и чанск *-ḡar* (арм. *ḡar*) и т. п.

Но разве это значит, что Феба или хотя бы Тивра, некогда тотемное отложение мировоззрений подлинно первобытного племени, надо представлять современником звукового письма, хотя бы силлабического, или даже пиктографического алфавита, как он сложился еще в неолитическую эпоху? Ведь, не только как изображать, но и что изображать, подлинно доисторическому человеку было не так легко представить ясно, наша аналитика ему была абсолютно недоступна, подлинно первобытное мышление, ведь, дологическое, фразы с расчленением элементов речи нельзя было строить: не только не было особого представления о действии или состоянии, о глаголе, но не было способности из общего восприятия предмета, диффузного, выделить что-либо отдельно, осознать отдельные элементы. Как жил он лишь коллективной жизнью, так и мыслил коллективно, не имея в голове представления об индивидуальном, как не было его в общественности. Речь, какая бы она ни была, была без осознания элементов и без специаль-

ной службы связи, кроме связи повторного воспроизведения символа общего восприятия. И такая речь не могла себя выразить в письме ничем, кроме непрерывных повторяющихся узоров. Ни о каком алфавите, ни о каком фигурном рисунке доисторических эпох не может быть и речи. Если у нас от палеолита имеются великолепные памятники изобразительного искусства, то это лишь довод в пользу того, что как неолит, так, следовательно, и палеолит, вовсе не есть подлинная доистория, подлинная первобытность, это эпохи уже исторической жизни человечества, хотя бы и начальные.

Пора возвести термины 'книга + письмо', а с ними и 'печатать' к чему-либо конкретному, да так, чтобы оно разъясняло не только их, но и весь круг связанных с ними слов и формально, и идеологически, по значениям.

Как будто мы имеем нечто, к чему эти понятия восходят конкретно. Это первичное орудие производства. Таковым в первую очередь представляется 'рука'. Если следовать за одним созвучием, хотя бы бесспорным, в отношении формы и конечных значений на двух полюсах, видимо начальном и исторически свидетельствуемом нынешнем, то сопоставление безукоризненно потому, что все или почти все значения в конце концов восходят или возводимы к 'руке'; но это очень походит на то, что мы формально все слова, какое бы они ни имели значение, возводим к четырем племенным словам, как к элементам, причем каждое племенное слово может означать и означало все и, следовательно, одно формальное созвучие слова не имеет ровно никакого значения, если оно поддерживается лишь обывательской, или хотя бы научной, но логически построенной связанностью идей, отвлеченным их теоретически разъясняемым средством, а не реальной филиацией значений, устанавливаемой их эволюцией, отвечающей в такт на эволюцию истории материальной культуры и общественных отношений. Каждое слово, каждое имя, скристаллизовавшееся ранее глаголом, это не предмет в естественноисторической его ценности, не предмет в восприятии его техники, а общественность, определяемая ролью или назначением предмета. Слово 'печатать' можно бы, напр., по-грузински произвести от глагола 'печатать' (хотя на самом деле глагол и здесь отыменный от слова 'печатать'). Затем, если иметь в виду с одной стороны созвучие со словом 'печатать' в грузинском и армянском слова 'палец', и то, что 'кольцо', 'перстень' и 'печатать' выражается одним и тем же словом или в худшем случае разновидностями одного и того же слова, как в русском «перст» и «перстень», то невольно мы захватываемся мыслью «перстень» произвести от «перста», т. е. 'печатать' возвести к процессу ее использования, и в этом смысле я и рассуждал двенадцать лет тому назад, когда, замечая встречу значений 'палец', 'печатать', 'перстень', 'кольцо', 'знак обручения', 'залог', 'заклад', 'заложник' и располагая при роскошно богатом материале лишь сравнительным методом (тогда о палеонтологии речи в подлинном смысле слова и помину не было, даже в яфетическом языкознании), мы производили все и по созвучию упорно тяготевшие, в нашем представлении, друг к другу слова из одного источника, от слова 'палец'. Впрочем, с существенной оговоркой:¹ «Если слово абх. а-таф-а 'палец'

¹ К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических, Пб., 1912, стр. 31.

не случайно созвучно с [др.-л. арм.] *h. matəp* (← *ma-t' / əp*) 'палец', [вульг.] арм. *mat id.*, и в связи с этим не случайно созвучны термины абх. *a-maḥʼāz* 'кольцо' — [др.-л. арм.] *h. ma-tan-1/ə*. 'перстень', 'кольцо', налицо яфетическое образование с префиксом *ma-* от корня...» Но я прерываю, предупредив, что добытое тогда сравнительным методом не оказывается подлежащим полному упразднению, но требует существенных поправок. С тех пор не только палеонтология речи перевернула вверх дном наши обычные представления о значении слов и их генетической филиации, устанавливая новое учение по семантике, но и формальный анализ стал иной, так как палеонтология подкопалась под сравнительный метод с его представлением о стабильности морфологии, и казавшийся тогда с точки зрения морфологической или статической лингвистики префикс оказался независимым значащим словом в состоянии скрещения. Так-то нас яфетическая теория, собственно социологическая или динамическая лингвистика, вынуждает прежде установить семантические взаимоотношения, связи, именно в самом ли деле термин 'печать' происходит в смысле значения от 'пальца', герср. 'руки', в их физическом восприятии. 'Печать' восходит в своей реальной значимости не к 'пальцу' и не к 'руке', а к 'знамению', 'знаку', 'образу', символу тревожащих или экстазом наполняющих сил природы, сил, недоступных познанию первобытного человека, 'страшилищу', 'небу', 'тотему', ибо дело идет о договоре с ним, посвящении ему. Если домогаться материально зримого конкретного образа, таковым можно было бы предложить разве 'круг', 'чаша' или 'колесо', как символ 'неба'.

Вопрос, следовательно, не в орудии магического воздействия, 'печать' ли это в форме 'перстня', или ее предшественница 'палка', 'палка магия' или 'колдовская палка', со знаками письма, хорошо известная как из неолитических раскопок, так и из пережиточного быта, напр., финский кер («kerр»), не в технике его обработки, не в том или ином оформлении знака, на каком бы предмете он ни появлялся в местном бытовании, в том числе и на животных и на людях, а в знаменном факте, что такой-то предмет или такое-то существо 'мечено', 'заколдовано', 'посвящено тотему', и подвергался ли кто татуировке или иному процессу посвящения, напр., когда кто становился евнухом, название шло по смыслу факта, для обозначения знамения.

И всегда, как подтверждает палеонтология речи, все эти термины носят племенное название, скристаллизовавшееся как название бога — 'тотем', 'магия'. Поэтому грузинское *beḡed* 'печать' не случайно созвучно с аварским *beḡed*, означающим 'бога'. Не случайно также то, что архетип основы таких названий божеств, как *Tre+bul-a* || *Tri-bul*, *Treb* и т. п., именно **stri-bor* (ср. др.-русск. *Stri+bo-g*) лишь диалектическая разновидность архетипа доисторического имени **skri-bor*, усеченный вид которого *scri-b* лежит в основе лат. глагола *scri+b-o*.

И эти 'знаки', и эти 'об'язы', и эти 'тотемы', все знамения не осознававшихся в реальном существе сил и явлений природы, человек, звуковую речь построивший в развитие линейной, и в звуках не мог выразить иначе, как в эпохи линейной речи, когда прибегал еще к 'руке', что и выразилось на выборе звукового символа, на способе выражения знамения словом, означавшим 'руку'. Это

техника, но отнюдь не существо и назначение, следовательно, не значение предмета и обозначающего его слова. Значение, как выяснилось, определяется функцией. Когда значение этого лишь формального праслова, 'руки', в частности 'пальца', используется действительно по функции, то вопрос иной: мы сразу отбрасываемся за пределы всякого сближения с 'печатью', 'знаком' и ее общественным смыслом; так в грузинском полнейшая форма, фонетически архетипная сал-берской основы, используемой для обозначения 'писать', гласит *t̄ki-rag-t* и значит 'шелчок', букв. 'действие пальца', 'удар пальцем'. Здесь, конечно, значение по функции — 'палец', 'рука', но никак не 'печать', так как в 'печати' важен не физический акт, удар или прикладывание, а связываемое с нею, печатью, магическое действие.

Точно так же, когда у нас окончательно выяснилось,¹ что 'кровь' и 'брат' выражаются одним и тем же словом, то казалось — иного выхода нет, как 'брат' произвести от 'крови'. Между тем 'брат' термин социальный, и термин имеет подлинное свое происхождение в условиях социальных отношений, и если уже связывать с ним 'кровь', то наречение 'крови' придется объяснять по ее общественной роли, по ее функции в установлении братских отношений, ибо, во-первых, термин 'брат', первоначально «бесполо» понимаемый как общее название и для 'сестер' и для 'братьев' нашего представления, существовал до единокровия 'братьев' и 'сестер', до возникновения семьи: 'брат' был каждый член подлинно первобытного племени, а подлинно первобытное человеческое племя с момента его возникновения вовсе не было единокровным по единству происхождения, по единству завещанной крови, 'братьями' по племени становились и по договору, и 'кровь' тогда также имела функцию скреплять всякий договор, в частности и 'братство', отсюда та же функция 'крови' пережиточно в ритуале побратимства. Следовательно, приходится как будто не термин 'брат' производить от 'крови', а 'кровь' производить от 'брата', и вот тут и возникает вопрос, можно ли решиться на такой шаг, когда теперь мы отлично знаем, что созвучие присуще всем словам самых различных значений, раз они происходят от одного и того же племенного слова, а то, что у 'брата' с 'кровью' наблюдается особенно систематически выдержанное созвучие вообще, в яфетических же языках и языках более древних формаций, напр. в хамитических, в особенности, это могло бы найти свое объяснение в том, что семья, а с ней единокровие братьев возникло все-таки с весьма ранних исторических пор, и новый исторический быт не мог не влиять на сохранение созвучия терминов 'брат' и 'кровь', где такие созвучия еще сохранялись вообще и между другими словами по пережиточной первобытности речи, т. е. это не мешает тому, чтобы термины 'брат' и 'кровь' имели каждый свое происхождение по линии значимости, если не миримся с единственно возможным в таком случае отношением термина 'кровь' к 'брату', именно происхождение слова 'кровь' по значению, в первобытных же языках и материально по звуковому составу, от термина 'брат'.

¹ [См. Наша 'брат' || 'кровь', Сборник в честь С. А. Жебелева [рукописный]; О полигении семантики ('брат' и 'кровь'), ИАН, 1926; стр. 781—786.]

Таково положение, *mutatis mutandis*, и с термином 'печать', с той, однако, разницей, что у 'печати', знака власти, и в прошлом неразлучной с ней в первобытном обществе магии, равно тотемных знаков и их общественных бытований, в смысле не только знаков охраны от неведомых сил и защиты прав владения, но и межплеменно или интернационально признанных своего рода 'знамений', т. е. также 'знаков', но 'знаков' достоверного общения как современников между собой, так одних поколений с другими, в дальнейшем получилось наследственно развитие в виде 'письма' и 'книги', на которые и перешла добрая часть функций 'печати', а с нею и название ее. 'Печать' осталась со специальным назначением, но полнота ее функций, вмещавших в себе и магию, эволюционировала многообразно в различные стороны в такт со сменами общественных форм, в путях развития профессий и классов от зачаточных ячеек, в зародыше прослеживаемых ныне по языковым отложениям с момента возникновения племен. Но с наибольшей полнотой функций печать эволюционировала главным образом в громадную культурную державу, через письмо и книгу в литературу и прессу, орудие уже не магии, а науки и общественности. Однако правда ли это? Реальна ли эта красивая гипербола, этот прыжок в наших суждениях о смене культур, прыжок от первобытной магии до наших современных мировоззрений? Из орудия первобытной магии и первобытной общественности уже давно и повсеместно книга и письмо стали орудием окультуренной или историзованной магии — религии, магии исторических эпох. Давно книга и письмо стали и долго были орудием бесконечных разновидностей теократизованного социального строя, от неограниченной монархии или классово-властных республик с отдушиной то феодальных, то буржуазных, то цеховых вольностей до совершеннейшего свободного парламентского строя, и долго-долго книга и письмо находили опору в стабильности завещанной морфологии общественности, и, при исключительном внимании к движению форм, книга и письмо опору находили в стабильности мировоззрения, в зародыше вскрывающего формулу первобытной магии с обрастающим отложениями дальнейших общественно-исторических переживаний человечества. И если даже правда, что мы совершенно свободны от пережиточных форм магии, что ныне книга и письмо, уже пресса и литература, есть могучее орудие новой науки и новой общественности, минуя вопрос о нашем общественном строе, наука-то, сама наука наша, «гуманитарная» наука не находится ли по сей день в тисках магии и ею от веков стабилизированных мировоззрений? Не потому ли и ученым так трудно, точно они бессильны европейский гуманизм и художественно-историческое восприятие развития человечества и так называемого духовного его мира, с делением на Восток и Запад да на особые мнимо-расовые и далее особые мнимо-национальные истории происхождения, перевести на рельсы единой истории материальной культуры, с единым исследовательским методом — обществоведческим, в нашу эпоху методом исторического материализма? И не потому ли фатально неизбежен такой фетиш, как формальное учение?

О числительных

(К постановке генетического вопроса)¹

«Все теперь управляется законами, порядками, традициями. Стоило ли ему, человеку, жаждущему творчества, борьбы, неожиданностей, родиться для того, чтобы жить этой скучной, раз навсегда установленной, руководящейся определенной формулой жизнью? Та жизнь, которую жили Норкуэйн теперь, жизнь их круга, была жизнь пассивная, и Норкуэйн из людей динамических выродилились в людей статических».

Вертрап В. Синклер, Опрокинутая пирамида, стр. 25.

Часть речи, ныне самая отвлеченная и самая практическая, вначале самая вещественная и самая научно-философская, числительные связаны со всеми сторонами созданной трудовым процессом «человечности», или подлинного мирового, а не классового, да еще школьно надуманного гуманизма, со всеми творческими начинаниями человечества как в области материально-жизненных потребностей, так не менее непреодолимых ныне в их самодовлеющем устремлении умозрительных исканий правды.

Числительные переживали ударные моменты своего развития от общности эпох с великими достижениями.

Прежде всего сознание этапов последовательной связанности не одной сменью дня днем, получившего свое округление с течением времени сначала в пяти, затем в семи днях, не одного года, с последовательностью месяцев, в его круговращении по сезонам, а вообще непрерывно и бесконечно текущего илидвигающегося времени, как двигается по двух- или четырехсезонным делениям года также бесконечно видимое пространственно небо со всеми его неразлучными спутниками, светилами дня и ночи, это в целом мерило одинаково и времени, и пространства, также как по палеонтологии речи 'небо' оказалось означаящим в первобытной речи 'время' и 'пространство'.² Почему, напр., из яфетических языков Кавказа, распределивших между собой ионское племенное слово $\text{hap} \nearrow \text{kap} \rightarrow \text{qap}$ в абхазском в значении 'бога' $\text{ap-}\dot{\text{z}}\text{a}$ (форма мн. числа, слово само ap), как в шумерском, где, однако, оно в том же виде значит и 'небо' (подобно коми uep 'небо' и ep в составе ep-ej 'бог', удм. in 'небо' и in- в составе in-shar 'бог'), в груз. и мегр. — 'страна', 'поле', 'пашня': г. $\text{kap-a} \parallel$ м. rop-a 'поле', 'пашня', ср. г. qve-kapa (*'нижнее небо' \rightarrow) 'страна', 'земля', как у грузин рядом с $\dot{\text{z}}\text{a}$ 'небо', казалось бы — исключительно 'небо', в значении нашего 'неба' мы имеем $\text{ze-}\dot{\text{z}}\text{a}$ 'верхнее небо', а в значении 'земли', если не 'преисподней', в сказках $\text{qve-}\dot{\text{z}}\text{a}$ 'нижнее небо'. В другом же разрезе 'небо', следовательно, — 'время', таковым появляется и ионское 'небо', почему в грузинском 'время', 'воз-

¹ [Напечатано в сборнике «Языковедные проблемы по числительным», I, стр. 1—96. Ленинград, 1927 изд. ИЛЯЗВ.]

² Н. Марр, *Napertklebi da shenpshvebi raqeturi Zeornis shesaqeb*, Мпдоби, 1924, № 25, стр. 237.

раст' — *qan*, в грузинском же *qan* значит 'раз' (ср. англ. «time» 'время' [однако 'раз' палеонтологически всегда возводимо к 'руке']), 'иной раз', 'иногда', 'то', отсюда *qan ise qan ase*: '[раз →] то так, [раз →] то этак', *qandis qan id*.

По увязке недельных протяжений с числительными попутно отметим, что *zgeḡs* сванское 'семь', у грузин в древнелит. значиг 'седьмица' — *m-zgeḡs-i*.

Числительные органически связаны и с изобретением письма и чтения. Числа стали писать раньше, чем слова. Числительные, однако, не как знаки, а как звуки, магические звуки, связаны с чтением, актом также магии и знахарства: в грузинском 'читать' и 'гадать' одно и то же слово *kiḡq-va*.¹ У финнов глаголы 'читать' и 'считать' со вучны до тождества: *suomi luke-a* 'читать' и 'считать'. Созвучие это, конечно, не случайное.

Международность числительных слов обгоняется международностью их начертаний, цифр. В письме достижение по числительным столь велико, что никому в голову не приходит, какая ответственность ложится на ученых, безучастно, а иногда сочувственно относящихся к той общественной косности, которая держит народ в средневековом разобщении в отношении письменности. Действуя так по доброй воле, ученые, ясно, упорно не желают расстаться с арбой в век парового и электрического движения, когда в смысле реального достижения по единству письма такой наглядный пример дается понятными одинаково всем нациям и всем социальным слоям начертаниями чисел, цифрами.

Числительные связаны с общественностью эпох и дозвуковой речи. Люди еще не говорили звуковой речью, а умели считать, ибо без счета не могло происходить никакое производство, никакое общественное дело. Это обстоятельство надо признавать, особенно постольку, поскольку человеческое творчество протекало уже независимо от природы, или, вернее, в плане, выработанном в борьбе с природой, когда человек располагал искусственным орудием производства. Более того, в каком бы он ни был количестве, хотя бы в минимальных пределах одной пары по библейскому представлению, человек мог считать и до изобретения и применения искусственного орудия производства, так как натуральное дотоле орудие производства, рука, и является основным по наследию и в звуковой речи словом в построении единой цельной системы числительных вообще, не говоря о таких отдельных числах, как 'один' и 'два'.

По состоянию числительных можно судить, на какой ступени цивилизации находится та или иная группировка человечества, в современной гуманитарной науке, да и в общественной среде и в кругу руководителей мировой политики до сего дня принимаемая за особую расу. Чем хозяйство было примитивнее, чем соответственно общественность была слабее и, разумеется, мельче, охват ее воздействия уже и теснее, тем числительные данной человеческой группировки, так наз. расы, разнообразнее по своему составу, тем сильнее различные ее племена остаются верны своим племенным образованиям числительных. В связи с этим, тем больше архаизма, если не примитивности, сохраняет такая «расовая» речь и в числительных. Достаточно взглянуть на единство типа числительных,

¹ Этот же глагол значит 'спрашивать'.

и идеологического их построения, и материального их состава, у семитов и прометеидов («индоевропейцев»), чтобы сразу же определить высоту достигнутого ими развития общественного строя и общественного мировоззрения, в том числе и космических, равно религиозных представлений. Наоборот, в урало-алтайской группировке заметное расхождение не только в отдельных разветвлениях друг с другом, монгольском, турецком и угро-финском, но и внутри самих разветвлений, так особенно внутри угро-финской ветви, где угорские языки с финскими и часто финские с финскими отнюдь не проявляют полного единства в числительных. Наиболее расхождения в этом отношении естественно наблюдать внутри группировки, представляющей одну из древнейших стадий развития человеческой речи, именно внутри группировки языков, выделяемой общим названием «яфетической». В языках яфетической системы, если не стремиться всех охватить, мы с одной стороны имеем ту изумительную картину единства числительных, которая бросается в глаза с особой яркостью не столько у семитических народов, племенной группировки, так наз. расы, сравнительно малого охвата, сколько у «прометеидов», народов обширной, казалось бы, изначально племенной группировки так наз. индоевропейской расы.

Числительным и в будущем предстоит большая роль в деле ускорения прогресса человечества. Эта часть речи первая проторила организованно систематически путь интернационализма языка. Яфетидологические изыскания подводят, уже подвели к тому наблюдательному в исследовательской работе пункту, откуда начинают также виднеться бесконечные, казалось бы, дали во времени, уходящие в область мифов дали совершенного трудовым человечеством пути, как с астрономической обсерватории — пространственная высь, малейшие движения и бесконечные пути светил. С новой лингвистической обсерватории, располагающей палеонтологическим телескопом, уже видно, что какие бы ни были народы, все они пользуются теми числами, над которыми работало все человечество. Больше чем над какой-нибудь иной частью речи человечество работало совместно над числительными, чтобы достигнуть единства, конечно, вовсе не имея такого осознанного задания, ибо числительное, как вообще речь, продукт труда и, смотря по эпохам, определенного подбора орудий производства, и вот этот труд рос постепенно и качественно с нарастанием целевой установки осознания вплоть до НОТа, а числа во всех отношениях лишь отложенные процессом трудовой жизни свидетели роста ее указанных качеств, осознанности и организованности.

Сходства числительных — не унаследованное от начала благо, а достижение, добытое тяжелым трудом многих веков, многих тысячелетий, согласованием первых социальных групп, впоследствии межплеменным, над организацией труда. Сходства и закономерная согласованность — не природный дар родственных физиологических данных органов произношения. Наоборот, несходство и расхождения — вот это наследия первичного состояния человеческой речи, пережитки зависимости от природы в целом, от физического окружения человека и внутреннего его физического строя, от факторов геофизических, метеорологических, географических, антропологических и физиологических. Человечество боролось

с этими пережитками, борется по сей день, когда их поддерживает уже не инерция и мощь живой и так называемой мертвой природы, а инерция и мощь различных слоев человечества, цепляющихся за свое мнимое достигнутое благополучие и застывших в неразлучном с ним мировоззрении физиократического порядка. И нигде и ни в чем человечество так не успевало в своей вечной, долго и долго еще осужденной длиться борьбе с пережитками, стоящими на пути единения человечества, как в числительных. Почему? Потому, что они одновременно совмещают в себе интересы самых отвлеченных и самых материально-жизненных представлений и потребностей простого смертного. С ними нельзя отречься от материальной жизни, чтобы стать рабом сверхжизненной фантастической правды. С ними нельзя стать рабом вещи, повернувшись спиной к громадной в прошлом идеологической работе человека, норовя оспорить пальму первенства в философии у свиньи под дубом. В них нет и не может быть двусмысленности и не может быть никакой примеси лицемерия. Число можно, конечно, подменить, как можно лгать, красть и убивать, но нельзя ни одно число заставить говорить не то, что оно есть. И все это создало особое положение числительным, дало им, предвосхищая будущее, занять положение внеклассовой человечности, внеклассовой правды, внеклассовой и, конечно, вненациональной морали.

Если возьмем из современной, тем более древней, человеческой речи культовые термины и слова морали, легче всего понять, какая исключительная роль сыграна в этом отношении числительными в сметании как плевелы взращивавшихся классово-культурным человечеством граней, и так наз. племенных, и национальных, и социальных.

Самое понятие 'бог' не могло в человечестве найти единого слова для своего выражения. У просвещеннейших, как по крайней мере сами думают о себе, европейцев, у этой предполагавшейся особой по единому корню своего происхождения «расы», так наз. «индоевропейской расы», что ни группа, то особое название 'бога'. Именно у греков и римлян, равно культурно поработанных, казалось бы, в корне римлянами романских народов, Θεός или Deus (франц. Dieu, исп. Dios, ит. Iddio), у германцев «Gott», у славян «Бог», да и у маленьких изолированных народов, индоевропейцами по недоразумению отнесенных по языку целиком в ту же научно изолируемую расу, опять-таки свои термины, так у армян 'бог' — astowat или aspat, у албанцев (балканских) perëndi. Однако прометеидское, или так наз. «индоевропейское», состояние речи — это позднейшее достижение, зависящее от развития в более широком охвате единой хозяйственной жизни, сметавшей на пути все, казалось, природные племенные названия чисел; на самом деле эти племенные названия чисел были также достижениями, но достижениями лишь особого хозяйства на более ранней ступени развития, когда долго и племен-то не было, и им обусловленной общности, качественно отличной и меньшего охвата.

Да и в эпоху торжества греческого, затем римского хозяйства, было ли в самом деле такое безоговорочное господство хотя бы термина Θεός, затем Deus (мы не говорим о существе), так ли им проникались массы, особенно на Западе в романских странах, как это может казаться с первого раза? Нас смущает не-

убедительная выясненность даже итал. формы *Iddio*. Да и правда ли, если не ныне, то какие-либо сотни лет тому назад, отнюдь не тысячи, *Dieu*, а не *Gargantua*, был выразителем представления о боге в глубоких слоях французского народа, да не одного французского народа, в том или ином ущелии с реликтивным хозяйственным строем? У французов *Gargantua* стал посмешищем, но так человечество поступало со всеми своими богами. Человеческие массы, слагаясь в национальные образования, народы, или особые классовые слои определенного народа, одни делали посмешищем то, чему другие поклонялись: у чувашей *turə* ↔ *torə* — 'бог', а у их соседей, мариев или черемисов, то же слово *tur* значит 'чурбан'. Мы не говорим уже о том, когда в процессе перерождения общественных форм из богов выделяются черти или, если палеонтологически быть реальнее, диффузное представление о таинственной комплексной силе и добра и зла разлагается уточненно на две антитезы 'бога' и 'чорта', идущие из одного источника, ибо 'боги' такой же продукт человеческого труда, как числительные, и потому нас не может не интересовать также своего рода антитеза в отношении распространения терминов, с одной стороны культовых, с другой числительных, первых классово изолированных и территориально, и, особенно, социально, вторых по своей функциональной природе — внеклассовых.

Если ограничиться яфетическими и примыкающими к ним, вернее — не совсем отошедшими по языку от яфетидов, народами, по языкам угро-финской системы, то что ни народ, то особое слово для понятия 'бог': у грузин *ḡmetə*, у абхазов *αλφα*, у аваров — *beḡed*, у чувашей — *turə* ↔ *torə*, у коми — *уеуеј*, у удмуртов — *пшаг*, а у мордвин даже в целости у одного народа нет общего термина для 'бога': мокшанин имеет одно его название — *раз*, а эрзя другое — *шкау*. Иногда у одного и того же народа, когда у него классовый строй, даже в общепринятой образованной речи борются два термина в значении одного и того же 'бога', так у грузин — *ḡmetə* и *ḡiḡ'a*¹, последний в род. и твор. падежах ед. числа.

Понятно, развитие исторической жизни, с вовлечением различных постепенно из хозяйственно-общественных группировок возникавших и стабилизовавшихся племен в ее основу, именно в общее хозяйственное строительство, и здесь, в яфетической среде, еще до образования мировых религий, содействовало созданию единства главного культового термина; так на Кавказе, у яфетических народов с самостоятельной исторической жизнью наибольшей интенсивности, — иберов, абхазов, лазов (с мегрелами), сванов, картвелов (грузин). Однако словотворчество в этой части лексического материала относится к более древним временам, чем эпохи, в какие выступают на историческую арену такого глубокого социального значения перечисленные народы, из которых с исторической жизнью до наших дней одни картвелы (грузины), они же из перечисленных народов самое молодое племя по выступлению, в пределах Кавказа, в руководящей роли на поприще мировой общественности. Кроме того, историческая жизнь картвелов, хотя и с традициями от глубочайших древностей (в этом отношении грузинский язык представляет исключительный интерес),¹ свои наибо-

¹ См. Н. Марр, К изучению современного грузинского языка, Лен., 1922, стр. 7 и сл., где эта мысль, однако, недостаточно углублена.

лее блестящие творческие моменты выявила в путях созидавшихся скрещением двух религиозных мировых культур: христианской, прежде всего и глубже всего проторившей путь национальному самоопределению, и мусульманской, расширявшей границы выявления имевшихся в данном племенном коллективе культурных возможностей. В отношении древних культов особенно уничтожающе действовала христианская религия, ставшая, казалось бы, национальной, и потому именно славнейшее божество дохристианских яфетидов, пользовавшееся широкой известностью на всем Кавказе до возникновения прометеизма («индоевропеизма») и служившее также своим названием еще тогда для выражения общего понятия 'бог' у ряда народов, оказалось деградированным, именно у грузин, с известной поры «носителей христианского света» на Кавказе. Название этого божества в одной чисто грузинской форме (свистящей группы) *ṭarṃaḏ* было сведено к одному названию его поклонника, поклонника дохристианского бога — язычника, в несколько уклоненном, казалось, по народной этимологии, виде — *ṭarṃaḏ-ḡ* (без всякого уклона, в виде *ṭarṃaḏ*, его сохранил сванский в особом выражении в значении 'бога'). Название того же божества в другой, уже спирантной (с эканием) форме, усеченно *kerp* вм. **kerpet*,¹ грузинский же использовал в значении 'языческого бога', 'идола'. Между тем не только в Грузии ему, с названием в обычной спирантизированной разновидности акающей группы, *Arṃaz* (→ *Arṃo-*), было посвящено святилище на горе, звавшейся по нему, была его именем построена 'крепость *Arṃaz*' или *Arṃoḡika*, точнее — **Arṃo-ḡiḡa*. Не останавливаясь сейчас на перечне раскинутых по всей Грузии выдающихся по культовому, военному или политическому значению населенных пунктов, в которых отложилось это название бога в разнообразнейших диалектических разновидностях, название тотемическое и потому одновременно племенное название, в более привычной нам форме 'сармат',² оно, как общий межплеменной термин, объединяло армян, разумеется, еще яфетидов (бог *Kaḡaret*), прамергелов и прачанов (бог *ḡoḡmoḏ*), сванов (бог *ḡeḡmeḏ* / *ḡeḡbeḏ* из **kermeḏ* / **keḡbeḏ*) и приволжских народов в общем особой новой туркофинской типологии с дезаспирацией и полногласием (чув. *keremeḏ*, чм., мд. 'дух зла'), усеченно *kerp* сохранилось у грузин в значении 'идола', у армян в значении 'образа', 'вида'.³ В этот же круг вводит скифов появление у них того же термина с усечением в обоих элементах, в салском также (*gr-*), как берском (*-p* \ *-m*); в общем — в виде *gr* \ *gr* в составе *Ar+gr* - *paḡa* 'Афродита', букв. 'богиня неба', *Ṗa+gr* - *asaḏ* 'Посейдон', букв. 'бог моря', *Ar+gr* - *paḡ* 'вогулы', букв. 'дети неба'.⁴ Материально существенная особенность скиф-

¹ Обычное усечение еще доисторических эпох того же порядка, как койбалск. *timig* → аринск. *ṭim* 'железо'; что касается койб. *türük* — аринск. *tuk* (арм. *Տուկ*) 'сююя', то здесь соотношения более сложные, чем то представлял себе акад. A. Schiefner, M. Alexander Castren's Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, Спб., 1858, стр. XV.

² См. подробнее о распространении термина в работе, печатание которой в серии трудов КИИС не раз указывалось.

³ В данный момент не затрагиваю пережиточного его прозябания и в иранских языках.

⁴ См. Н. Марр, Сигифский язык, доклад, прочитанный на Керченской конференции археологов СССР и уже напечатанный в серии изданий Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (ПЭРАТ, стр. 382—383).

ского термина, однако, не в усеченности, а в наличии перед *gim* слога то *ʒa-*, то *ar-*, усеченный вид которого, *a-*, налицо, казалось бы (ср. стр. 262—263), и в племенном названии, следовательно, и тотеме, отложившемся в названии страны *A + zer-bay-dan*, арм. *A + tər-pat-akan*, где сарматский тотемный бог появляется в цельном в обоих элементах виде — *zer - bay* (✓ **ser-pat*) || арм. *tər-pat* (✓ **tur-pat*) и праазербайджанцы также, следовательно, входили в тот же круг народов.

Мы готовы были бы не углубляться сейчас в палеонтологический анализ термина, но можем ли, однако, говорить и неформально о происхождении числительных, идущих началами вплоть до зари человеческого мышления, более того — прошедших в те доисторические времена основные этапы своего развития в общечеловеческом масштабе, если мы не представим себе хотя бы приблизительно верно идеологии тех эпох, если мы не отдадим себе отчета о размахе творческой работы, породившей наш двухэлементный термин, и если, наконец, увязкой с более древним одноэлементным термином не получим перспективы в область и формальной эволюции от простых величин к сложным? О коренной идеологической смене даже в эпохи по возникновении скрещенных видов достаточно красноречиво свидетельствует параллельный двухэлементный термин (*DA?* || *CA?*), со вторым по месту элементом не берским (*B*), а ионским (*C*) или пережитком того же ионского (*1 ← in*) или рошского (*D : 1 ← r1*), раньше принимавшимся за префикс. Из этих; уже двухэлементных скрещенных видов, если *1-ʒar* у абхазов (*a-уʒar*) означает мужское божество, как тр. *ʒar-ə* ‘бог’, равно чв. *tor - ə ← → tur - ə* ‘бог’, у шумеров это *I - ʃtar*, т. е. ‘Афродита’, — богиня Иштарь, как и у этрусков — *Tur-an* ‘Афродита’, впрочем, первая, Иштарь, порой уже бородастая, т. е. на пути к перевоплощению в мужское божество.

Эпоха истории, мировой истории с ее предпосылкой — мировым хозяйством и творимой в путях его потребностей материальной культурой, относится к временам, о которых нет и не могло быть никаких свидетельств исторических народов, семитов и протееидов, тогда еще и не возникавших.

Когда мы говорим о сарматском, скифском и киммерском-иберском, гесп. шумерском явлении, то дело идет о таких протоисторических временах, когда, как в подлинно исторические эпохи, изменения не в одном материальном составе терминов, а хотя бы лишь в фонетическом их облике не есть голая формальность, не признак какой-либо грамматической функции или не исключительно технически возникшая в зависимости от физиологии звуков привходящая подробность, а общественное явление, реальность. Если в доисторические эпохи звуковое слово в представлении человека сама вещь, да и на самом деле оно все-таки символизация ее частичной, но существенной черты, первично функциональной природы, ее то или иное реальное проявление (отсюда и страх перед произносимым словом, вера в его магическую силу и т. п.), то и звуки часть этой представляемой или действительной реальности. Мы нисколько не отрицаем существования уже тогда функциональной символики звуков, особенно гласных. Наличная в слове, независимо от его значения, такая символика присуща его, следовательно, форме, но и эта форма имеет не отвлеченное значение части само-

довлеющего теоретического построения о речи в интересах уяснения связи между словами и их формально правильного понимания и использования: это будет впоследствии. А тогда та символика имеет назначение определять принадлежность данного слова тому или иному классу-племени, той или иной классовой категории реальных предметов или предметов, реально существующих в представлении человека, и часто этой символикой указывать на особый обозначаемый им предмет, а не себя самоопределять формально. Потому-то мы вынуждены с осторожностью относиться и к формальным разновидностям племенных названий, не учитывать их исключительно как диалектические разновидности одного термина, а обозначение особых предметов в известных случаях, когда такое доисторическое восприятие формальных особенностей в звуковом облике слова встречает поддержку и в фактических данных по другим наукам. Ясное дело, что лингвист-«этнолог», вернее — лингвист-социолог, не может ни в каком случае допустить, пока речь о доистории и просто протоистории, чтобы сарматы отождествлялись со скифами, ибо по материальному составу термины различны, «сармат» указывает на сал-берское (АВ) скрещение, а скиф (skw-за || skolo + t'o¹ [n]) — на сал-ионское (АС). Также было бы нелепо для лингвиста-социолога отождествление скифа (skw-за) с кимером, resp. ибером или шумером, ибо по материальному составу термин «ки-мер», resp. «и-бер» или «шу-мер», также сал-берское скрещение, и его нельзя отождествлять с сал-ионским, т. е. «скифом». Но вот палеонтология вскрыла, что материально термины sar-mat и шу-mer ~ ki-mer (↘ i-ber) одного состава, оба одинаково сал-берские скрещения, т. е. скрещения из двух элементов (АВ), но есть ли у нас лингвистическое основание отождествлять кимеров с сарматами этнологически? Вопрос в конечном виде одной лингвистикой не решается, но яфетидолог не может отступить от того положения, что развитие языков идет от разнообразия к единству, а не наоборот, что сами звуковые законы, в частности закономерные корреспонденции, — позднейшие явления, так что наличие двух корреспондирующих фонетически разновидностей нам говорит не о расхождении одного вида в две стороны, а о схождении двух существовавших разновидностей. В то же время, когда салское так наз. племенное слово в языке свистящей группы, именно в грузинском, в значении 'воды' дает tkal ↘ сс ḡal → sal (|| шп шог ↔ шиг), а в языке шипящей группы, даже в чувашском, дает ши (→ шэв) ↘ шиг ↔ шог, то это не формальное лишь явление, а реальное: это материальное свидетельство существования двух различных социальных групп, впоследствии «этнических» образований, ибо не отождествимы не только наличные грузины с наличными мегрелами, уже бесспорно яфетидами с чистым шипящей группы языком, но и прагрузины и прамегрелы, ибо их языки не разновидности одного языка-племени, тогда еще не существовавшего, а скорреспондировавшиеся по речи в связи с общностью хозяйства у двух хозяйственно-общественных группировок, впоследствии племен, два различных орудия общения, впоследствии два племени-языка, которые к тому же, в зависимости от развития этого хозяйства, и стали обладателями структуры технически более точной и идеологически более богатой выразительности. Потому-то, нисколько не отступаясь от использования, в порядке схематической терминологии,

так наз. племенного названия «сарматский» и в отношении кимерского, герср. иберского или шумерского, будет до поры до времени (пока вопрос не решится по линии всех «этнологических» дисциплин) правильным считаться с самостоятельностью кимеров, герср. иберов или шумеров, неотожествимостью их с сарматами как с фактом не только историческим (об этом спора нет), но протоисторическим и даже доисторическим.

Конечно, такого реального значения мы не можем придать разновидностям от одной спирантизации слов. Но и это фонетическое явление мы учитываем как общественную реальность даже в исторические эпохи, именно прото- и раннеисторические. Когда вместо сибилантного вида *sarmat*, resp. **sarmat* ↘ **sarmas* в Грузии поклоняются агмаз'у (← **harmas*), то это свидетельствует о насыщении языковой среды этого района звуковыми нормами спирантной ветви или о переходе общественного верховодства в руки социальной группы, впоследствии, допустим, племени с соответственным языком. Когда в самих языках сибилантной ветви, грузинском, мегрельском и чанском, сибилантный вид того же термина уступает спирантному (а это факт), то, конечно, это знамение верховодства языка с соответственной социально установленной звуковой особенностью, т. е. языка ныне племенного типа сванов. Когда такие спирантизованные виды, переходя в новую, уже христианскую общественность, получают в ней права гражданства, а сибилантная разновидность, напр., грузинского порядка, т. е. формы и т. п., откапывается лишь палеонтологически в груз. термине *ṭarmaṭ* 'язычник', или оказывается загнанной в бытовую речь Свани в значении бога — «а *ṭarmaṭ*» 'ради бога', то какое дело числительным, что, как вытекает из этих выясненных лингвистических данных, введение христианства, позднейшее событие, есть дело того же верховодящего класса, лишь впоследствии племени со спирантной речью или с уклоном к спирантизации? Какое дело числительным, что термин *ṭarmaṭ*, ушедший с верхов в народную глѳь, пережиток еще более древней эпохи, когда язык свистящей как бы породы социально «господствовал», или, вернее, получал экспансию как язык классово-руководящей организации с гораздо более широким размахом, чем позволяли бы о том думать пределы Грузии в эпохи наибольшего развития ее политической мощи, с гораздо более широким размахом и на Кавказе и далеко за рубежом Кавказа? Никакого дела, казалось бы, у числительных с богами. Но разве в эти эпохи, с явным еще глоттогоническим процессом, грузинские числительные (вернее сказать: «числительные, ставшие впоследствии грузинскими») могли оставаться неприкосновенными при такой резкой смене одной системы произношения другой в важнейших для того времени сокровеннейших терминах? И если этот глоттогонический процесс уже исторических эпох, хотя бы протоисторических, захватывал такой обособливаемый материал, как тотемные боги, могло ли его воздействие ограничиваться пределами одной страны, допустим — Грузии, когда речь идет о числительных?

Однако свистящая порода самого термина *ṭarmaṭ* 'бог' далеко не безупречна, если даже не останавливаться сейчас на сохраненном самим грузинским деривате *ṭarmaṭ* 'язычник', 'поклонник', resp. 'служитель бога' (← 'бог'), где второй г

находит объяснение, независимое от до сих пор принятого формально-фонетического.¹ В самом *taḡmaḡ* два фонетических отступления от норм свистящей породы: 1) наличие *ḡ* вм. *l* в салском элементе (*tal* ↘ *sal*, resp. *ḡal*) и 2) появление зубного *ḡ* ($\leftarrow \dot{\mathfrak{z}} \leftarrow \dot{\mathfrak{d}} \parallel \dot{\mathfrak{d}} \dot{\mathfrak{z}} \parallel \mathfrak{j}$).² Оба эти отступления — вклад шипящей группы. На фонетических деталях мы здесь не останавливаемся, но укажем, что прохождение этого именно термина свистящей группы (акающей) через лингвистическую среду шипящей группы подтверждается еще ярче топонимическим материалом самой коренной Грузии.³ И это скрещение в данном культовом термине с шипящей породой, замена норм свистящего строя, именно при культовом значении, нормами шипящего строя наблюдается в другой разновидности того же двухэлементного (AB) слова, представляющей исключительное значение вообще, но в частности и для правильной ориентировки вопроса о происхождении числительных. Дело идет о др.-л. (поныне здравствующем) грузинском слове *tind*-а, народно *tmind*-а (при другой форме *tmed*, народно *tmend*). Слово означает 'святой', но затем также, смотря по предмету, 'чистый', 'прозрачный' и т. п. Формально это двухэлементное (AB) слово относится к категории тех образований, в которых первый элемент скрещения теряет и огласовку. Но не в этом обычном вообще в составных словах (не только скрещенных) явлении гвоздь, а в том, прежде всего, что вторая часть *mend* ↔ *mind* ($\leftarrow *mend \parallel *mind$) представляет, не в пример первой, норму шипящей группы: $\leftarrow n^1 \dot{\mathfrak{d}}$ ($\leftarrow \leftarrow n^1 \dot{\mathfrak{d}}$), эквивалент плавного *ḡ* по свистящей группе. Следовательно, по норме свистящей группы, вм. *mend* ↔ *mind*, второй элемент скрещения, берский, должен был звучать $*mer \leftrightarrow mir$, resp. $ver \leftrightarrow vir$. Из них *vir* грузинским языком так и сохранен. Он налицо в прилагательном, успевшем подвергнуться влиянию шипящей группы аффрикат первого элемента (*t* вм. *i*) и звучащем *t-vir* в значении 'прозрачного'; его вид вполне по норме шипящей группы должен был быть $*tind$ ($\leftarrow \dot{\mathfrak{t}}ind$),⁴ что сохранено армянским, точнее шипящим слоем армянского языка, уже с озвонченным начальным согласным (*t* → *d*) в слове *dind* 'прозрачный?'. Другая форма второго элемента *ver* самостоятельно сохранила культовое значение в одном из приволжских языков, противопологающих плавному *ḡ* сибилант *j*, как в сванском, да и в абхазском.⁵ Это язык коми, в котором 'святой' звучит *vej*-а, прилагательное, производное от *vej*-, означавшего, очевидно, 'бога', 'небо' и т. п., что и подтверждается иными многочисленными данными, между прочим наличием его разновидности с аканием *vas* в составе скрещенного финского слова «*tai-vas*» 'небо'.

¹ Это второе *ḡ* объяснялось как нарост перед *ḡ*, обычный и в заимствованных словах, даже в заимствовании из русского «хлопоты» — *ḡ. xloḡotḡ* (см. Н. Марр, Грамматика др.-лит. груз. яз.). Между тем в *taḡmaḡ* исходный зубной *ḡ* может быть не перебоем *ḡ*, а пережитком третьего племянного слова — ионского *ḡ. l*, подобно исходному *ḡ* в *ḡ. ḡmer-ḡ* 'бог'. В таком случае *ḡ* перед *ḡ* не паразитный нарост, а исходный плавный звук элемента *B* — *mer*.

² Замены того же порядка появляются в спирантизированной его разновидности *arḡmaz* ↘ *arḡmaḡ* → *arḡmazd* и др.

³ Об этом подробнее и предназначавшемся к изданию в серии КИПСа труде, до сих пор задержанном печатанием.

⁴ Об исчезновении *v* перед *l* в шипящей группе речь будет ниже по особому случаю, но это одно из элементарных положений сравнительной грамматики яфетических языков.

⁵ Н. Марр, Абхазско-русский словарь, стр. XX.

Первый же элемент культового термина $t\acute{m}end \leftrightarrow t\acute{m}ind$, от которого произведено прилагательное на -а ($\leftarrow -ar$), с суффиксом также шипящей группы (в грузинском, как в языке свистящей группы, следовало бы $-e \leftarrow -el$), $t\acute{-}$ появляется все в сал-берском скрещенном слове, у грузин же с сохранением присутствующего ему плавного в значении морального порядка 'чистый', 'искренний', 'правдивый', это $t\acute{r}-f\acute{e}l \leftarrow *t\acute{or}-f\acute{e}l \leftrightarrow *t\acute{ur}-f\acute{e}l$, несомненно, также культовый, следовательно, 'святой', как это ясно видно из усеченного вида его армянского двойника $sur-b$ (р. $s\acute{e}r+bo-y$), архетип $*s\acute{or}-b\acute{or}$, с огласовкой «племенной» доморфологической эпохи.¹ Армянская форма первого элемента $sur \leftrightarrow s\acute{or}$, $resp. шог \leftrightarrow шиг$, также из шипящего слоя армянской речи, в грузинском требовала бы эквивалента $sal \leftarrow \acute{s}al$, в подъеме $*\acute{t}al$, $resp. \acute{t}kal$, из коих $\acute{t}kal$, помимо значения 'воды', имеет и культовый смысл 'бога-неба',² откуда, во-первых, его дериватное значение 'милость' ($\acute{t}kal-ob-a$), 'миловать' и т. п. (глагол, использованный христианской церковью в эктении: 'господи, *помилуй*' и в других культовых выражениях); во-вторых и особенно, появление его в форме $\acute{t}k\acute{u}l$ (из $*\acute{t}k\acute{u}l-$), в скрещенном сванском термине $\acute{t}k\acute{u}l-yan$ 'святой', однако сванское скрещенное — сал-ионское, т. е. скифское, $\acute{t}k\acute{u}l-yan$, $resp. *t\acute{t}k\acute{u}l-yan$, а это точный эквивалент племенного названия $skw-\acute{s}a \leftarrow *skul-\acute{s}an$, следовательно, первично тотемное божество скифов, как и первый элемент $skul$, эквивалент сванского $\acute{t}k\acute{u}l$, $resp. *t\acute{t}k\acute{u}l$, также должно было означать 'божество', и в качестве такового он служит национальным скифским именем, как теофорным: хорошо известен по Геродоту (IV, 78 сл.) один из сыновей скифского царя Арианифа $\Sigma\acute{\kappa}\acute{\upsilon}\lambda\eta\varsigma$, в яфетической форме шипящей группы, следовательно, $Skul-e$.³

Основа $skul$, по шипящей группе долженствовавшая звучать $*skur$, представлена и в акающей форме у мордвин-мокшан с падением плавного в полугласный у — шкау (здесь ожидали бы, наоборот, $ska\acute{u}$, это двойник грузинского $\acute{t}kal$, см. стр. 257) со значением именно 'бога',⁴ следовательно, палеонтологически

¹ Индоевропеистика нас поучала, что это раняется санскр. $subh\acute{a}$ -'блестящий', 'ясный', 'чистый', восходя к общему «индогерманскому» $*k\acute{u}bh-g\acute{o}$. О праформе лучше не говорить. Но если отождествление санскритского с армянским словом будет более доказательно установлено, то прежде всего обоснованием того, что в санскр. « $subh\acute{a}$ -» плавный переместился с губным. При прежнем методе никому не могло прийти в голову, что $surb$ из $sur-bo$ вм. $*шиг-b\acute{or}$ в армянском вовсе не одинок; его двойник $ma\acute{q}ur$ 'чистый', 'опрятный', но также 'святой', 'посвященный', также скрещенный термин, из тех же двух элементов, салского и берского, но в обратном порядке с разнотемом, берский с аканием (ша-), элевский, спирантизованный, с губной огласовкой, именно с уканием qur . Теперь уже ясно, второй элемент ($-qur$) — спирантизованный вид диалектического по шипящей группе двойника к $шиг$, $resp.$ шипящего эквивалента, $v\acute{q}ur \leftarrow *s\acute{s}ur \rightarrow *skur \rightarrow squr$, т. е. $ma-qur$ восходит к $ma-vqur$, в мегрельском означавшему 'знахаря', 'гороскоп' (Ossetica-Jarhetica, I, стр. 2094), по семантическому архетипу — 'небо', по которому называется и вещь *птица*, арм. $ra-sk\acute{u}t$ ('гриф'), сванск. $fa\acute{u}-sk\acute{u}d$, г. $fa-sk\acute{u}nd$ (ук. с., стр. 2082—2087), и осет. $fa-q\acute{o}nd-i$, и, разумеется, работа моя «Ossetica-Jarhetica, I. Faq\acute{o}nd-i осетинских сказок и грузинский термин $fa\acute{s}k\acute{u}nd$ 'маг', 'вестник', 'вещая *птица*'» подлжет коренному пересмотру с точки зрения палеонтологии и семантической и формальной.

² Имея в виду, что се $\acute{t}kal$ (груз.) соответствует $ши\acute{t}ok\acute{o}g$, в озвонченном виде $*do\acute{q}og$, разновидность которого в языках без аффрикатов должна была стать $d\acute{g}r$, как то наблюдаем в сванском (здесь рядом с $\acute{d}g\acute{r}$, см. Н. Марр, Абхазско-русский словарь, стр. XXIX), с акающей огласовкой $*deger$, с чем, казалось бы, в ближайшей связи находится ен.-ост. $t\acute{e}ger \leftrightarrow t\acute{i}ger$ 'небо'. Но с этим и сродным материалом мы подходим к разъяснению т. $t\acute{a}ng\acute{r}i$ 'бог' $\rightarrow t\acute{a}q\acute{r}i$ 'небо', 'бог', но об этом особо, дело тут сложнее.

³ См. Н. Марр, Абхазско-русский словарь, стр. XXXII.

⁴ Между прочим, ср. мрд. мкш. $шкауш\acute{a}$ 'образ' и $шкау$ 'бог'.

и 'неба', что явствует из чувашской его разновидности со спирантизацией сибиланта *kau* (← **hkau*) в основе слов с дериватным значением от 'неба' — *kau-эк* 'птица' (также в черемисском горном, где слово получает уже распространительно значение 'дичи', 'зверя').

Что касается скрещенного сал-ионского термина, мы на Кавказе находим его, это название скифского тотемного бога, не только со спирантной разновидностью ионского элемента — *уап*, как то сохранили сваны, с дериватным значением 'святой', в своём *ikil-уап*, восходящем к архетипу **ikul-уап*, resp. **ikur-уап*, но и с сибилантной разновидностью -ǵ¹ (← -ǵan), совершенно так же, как в названии скифов *Skw-ǵa* (Σκῦθης, мн. Σκῦθ-α-ι). Речь идет уже о двойнике этого именно общеизвестного термина, то с утратой плавного как в нем, то с его выявлением в виде *г*, как и надлежало бы в шипящей группе, но всегда со спирантизацией сибиланта из группы *sk* || *mk*, как в чувашском (*sk*, resp. *mk* ~ [h]k), на Кавказе уже озвонченного *ǵur* (из *ǵur*) → *ǵu-*: это *ǵu-ǵa*, основа известного слова 'бог', в род. падеже *ǵu+ǵ-is* и в отвлеченном значении *ǵu+ǵa-eb-a* 'божество', в сванском сохраняющая плавный звук и опять в р. падеже *ǵǵer-ǵǵ jǵa* 'милость бога'.¹

Сохранился в грузинском свистящий вид термина 'святой' одноэлементно в соответствии лишь первой части скрещения *ikil-уап*, наличного в сванском, он звучал бы *ikal*, а двусогласно, т. е. без пережитка диффузности начального согласного, — **tal* → *ǵal* → *ǵal*, т. е. звучал бы так, как, во-первых, с трехсогласием звучит основа не только слова 'вода' — *ikal-и*, но и культового термина 'милость' *ikal-ob-a*, 'действие неба', 'бога', что первоначально и означал, с эпохи выработки человечеством космических мировоззрений, термин *ikal*; во-вторых, ряд двухсогласных разновидностей, с утратой плавного в исходе, звучал *ta* → *da* → *ǵa*, так *ǵa* 'небо' по-грузински и т. п., а на севере по утрате аффрикатности, но с пережитком плавного в виде слабого гласного *ǵ* ↔ *ǵ* (*y*) — *taу*- в составе скрещенного термина западных финнов: суом. *taу-vas* («*taivas*») и эст. «*tae-vas*», одинаково означающих то же самое 'небо'.

В то же время, если в значении 'святого' в сванском мы имеем скрещенный термин *ikil-уап*, а в грузинском *t-mind-a*, то при общности первой части салского элемента (*A*) и в сванском, и в грузинском языке (св. *ikil* || г. *ikal* → *t*), расхождение во вторых частях — ионский элемент *уап* у сванов, при берском элементе *mind* у грузин, как у западных финнов, у последних в разновидности -*vas*, факт не исключительно лингвистический, не одно формальное звуковое или лексическое явление, стоящее вне жизни, а факт одновременно социальный, «этнологический», явление, генетически связанное с общественностью, оно плод творчества соответственно скрещенных «племенных» образований, св. *ikil-уап* — скифского народа, г. *t-mind-a* — киммерского (иберского) или шумерского народа, равно сарматского, но не по форме, а по входящим в его состав социальным

¹ Плавный *г* выявляет первый элемент этого термина и в грузинском, но в дериватном значении его 'поклонника', 'жреца', с христианских эпох 'священника' *m-ǵt+del* (← **ǵt-den*), где второй элемент уже с эканием. Термин требует специального обсуждения в связи с появлением *l* во втором элементе, так как рядом с *ǵu-ǵan* → *ǵu-ǵa* существовал термин с салским племенным словом второй части, откуда лезг. [кюр.] *ǵu-tar* 'бог'.

(«племенным») элементам. По форме же г. *t-mind* вклад одного из языков шипящей группы, характеризующейся полностью в его второй части.

Такое же самое воздействие шипящей группы у грузин проявляется в числительных тот звуковой комплекс *q̣uθ*, который, означая в грузинском 'пять', представляет вид со стянутым из группы *ve* гласным *u*, т. е. восходит к архетипу *q̣veŋ*, утратившему в числительном и аффрикатность зубного. Этот архетип *q̣veŋ* сохранился в основе глагола *q̣veŋ-a* 'собирать', произведенного от скрещенного слова *q̣-veŋ*, означавшего, следовательно, 'горсть', 'пригоршня'.¹ В отношении племенной принадлежности, по составу элементов, эта основа относима также к кимерам, в то же время вторая часть *-veŋ* означает то же, что первая *q̣*, остаток слова, означавшего 'руку', звучало ли оно *q̣el* (|| *qel*), как ныне в грузинском, или *q̣ul* → *qul*, как у чувашей на Волге и у удин в Азербайджане, т. е. в термине имеем скрещенное слово, и его более ясную форму по шипящей группе в виде *q̣ + v̄iθ* сохранил сванский язык, диалектически, в виде *wo - q̣ + v̄iθ* → *wo - q̄iθ*, где *wo* есть новый нарост берского элемента *vo* ← **vor* ~ *boŋ*, в том же значении, как то явствует из его появления и в основе глагола *boŋa*, грузинскими сохраненного в значении 'загрывать', и в баскском числительном *boŋ* 'пять'.²

Но и по отвлечении позднейшего нароста *vo-*, остаток сванского слова 'пять' — *q̣ + v̄iθ* (← **q̄ + v̄iθ*), как и архетип *q̣ + veŋ* (→ **q̄ + veŋ*) грузинского числительного *q̣uθ* (← **q̄ + veŋ*), сохранившийся как основа глагола 'сгребать', точно целый трехсогласный корень *q̄vŋ* (→ *q̄vŋ*). Таковой воспринята эта тройка согласных, собственно ее разновидности *q̄ms* || *q̄mš* (↗ **q̄mθ*) → *q̄mθ* в семитических языках: арб. *q̄ams* 'пять', эфиоп. *q̄āmēs*, евр. *q̄āmēš*, сир. *q̄amš-ā*, но асс. в ж. р. восстанавливает или сохраняет плавный звук *q̄amīl-ti*.

Между тем, вторые части этого скрещения *veŋ*, *viŋ*, равно *vs* || *ms* ↗ *bs* → *φs* появляются или самостоятельно, как баск. *boŋ* 'пять', или в соединении с другими числами для выражения 'пяти' и других чисел, так или иначе связанных с представлением о 'пяти'.

Из сравнительной грамматики яфетических языков мы знаем, что ни *boŋ*, resp. *boŋ*, ни *veŋ*, из состава грузинского глагола *q̣ + veŋa*, ни *v̄iθ* (← **v̄iθ*), из состава трижды скрещенного сванского числительного *vo - q̣ + v̄iθ* 'пять', не могут принадлежать свистящей группе, следовательно, грузинскому языку. В грузинском мы должны бы иметь, держась наличных огласовок, **veŋ* ↔ **viŋ*, resp. при подъеме **peŋ* ↔ **piŋ*.

Ряд *t* → *q̄* → *θ* (→ *шθ*) в данном случае представляет исключительную особенность шипящей группы, это в ней перебой плавного г свистящей группы.³

¹ О родне этого слова, в частности его второй части, самостоятельно, см. Н. Марр, Две новые работы С. С. Uhlenbeck'a по баскскому языку, Сборн. «Язык и литература», т. I, стр. 261—278.

² Ук. с., стр. 274.

³ Это тот закон, который, в обычных условиях соотношения между свистящей и шипящей группами, грузинскому г противопоставляет в мегрельском и чанском языках [n] d, у сванов же в шипящем слое их речи — j (← ш), а в кимерском или иберском слое, общем у ней с абхазским языком, s в одном слое, ш в другом. Это чисто фактическое распределение в занимающих сейчас нас яфетических языках Кавказа, к которым в корреспонденции г || [n] d (→ d) → [n] θ (→ θ) примыкает баскский, в пределах наличных у него аффрикатов (θ || θ и d за отсутствием d̄ || d), а в корреспонденции г ~ s || ш — чувашский и языки финского оформления, равно сванский, здесь, смотря по слою, — то s, то ш → j.

Усвоением из другой по звуковой системе речи является в грузинском *equ* 'шесть', составное слово в архетипе **e-qsu* ← **e-squ*, поскольку группа *sq* (↪*qs*) ← *sg* второй части относит нас в шипящую группу, что и подтверждается тем, что число это налично в сванском, в его явно шипящем слое, здесь с более древним видом, чем в грузинском, характерным для группы шипящих языков, именно *sg* *vm. sq* (*g* → *q*): звучит полностью слово по-свански *u-sgwa*, представляя во второй части раздвоенне не сванского, а мегрело-чанского типа (оно же и грузинского) «о» в «*wa*» (← **u-sgo*), лишнее доказательство того, что слово в сванском в этом именно виде — вклад языка шипящей группы, однако какого — мегрельского? чанского? Нет. Это исключается тем, что в грузинском *e-qus* ← **e-squ* эkanie первой части есть органическая особенность грузинского языка в установившемся единстве числительных, ибо «е» здесь значит 'один' (✓ *eg*, что в скрещенном г. *eg-ḡ*), и это поддерживается не только его закономерным соответствием *a* ← *ag* из шипящей группы (скифской, мегрельской, чанской), как он сохранен, между прочим, абхазским, но и сибиллянтным эквивалентом в языках лезгинской системы (*se* || *sa*) 'один' и т. п.

Формально *sqi* лишь разновидность *ши* (← *шиг* ↔ *шог* || *се sal* → *sa*) с расчленением диффузного *щ* в группу *шq*, *resp. sq*, благодаря подъему *ɸ* в *q* || *q̇*, совершенно так же, как в свистящей группе в *ħa'l'*, перерождавшемся в *sal*, мы, благодаря разложению диффузного *ħ* в *sh* и подъему спиранта, часто имеем группу *sq* (← *zḡ* ← *tk*). Палеонтология вскрыла, что слово 'два', происходя от представления о 'руке' и означая 'пять', в связи с представлением о 'руке-кулаке' или 'руке с пятью пальцами', 'пятерне', означало и 'два' в связи с представлением о 'паре рук', могло означать и означало равным образом и 'один' в связи с представлением об 'одной руке' и т. п.

Чрезвычайно важный факт сам по себе, что *ши* использован в значении 'двух' у грузин в числе 'семь' — *ш-vid* ← **ши-vid* *vm.* ожидавшегося *sa-* (← *sal*), т. е., не говоря о том, что наличное с древних времен у грузин в значении 'двух' *og* (← *uog*) есть спирантизованный вид слова **ʒog* ↔ *ʒug*, принадлежащего шипящей группе,¹ начиная с 'пяти', подряд три цифры целиком принадлежат шипящей группе или насквозь пропитаны особенностями шипящей группы. Это явное влияние народа с шипящим языком, начавшееся, повидимому, с числа 'пяти' особенно углубленно, одной эпохи с грузинским восприятием шипящего вида культового термина *t+mi'n'd-a* 'святой'.

Откапываемое же у грузин название 'бога' — *tm'i'n'd* ↔ *tme'n'd*, у них основа прилагательного *tm'i'n'd-a* 'святой', по чисто грузинской норме, свистящей породе, долженствовавшего звучать **t-mer* || **t-mir*, сохранилось у грузин в обоих видах, но как *ḡormoḡ* в шипящей группе — спирантизованно, именно в разновидностях *ḡ-mer-* || **ḡ-mir*: из них *ḡmer*, с наращением ионского элемента (C) в виде *-da* (← *-dap* ~ *-yan*), наличен в обычном грузинском слове *ḡmerḡ* 'бог', *ḡmrḡa-eba* 'божество', а **ḡmir*, с утратой спирантности — *gmir*, из названия 'бога' успел обратиться в имя эпических героев, воспринятое еще

¹ См. Н. Марр, Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 25.

с окающей огласовкой осетинским в термине *gumīr*, в том же значении 'богатырей'. Но что *gmīr*, resp. *gumīr* первоначально означало 'бога', resp. 'небо', это ясно и из того, что в русск. *kumīr* 'идол' имеем, несомненно, тот же термин,¹ и из того, что 'нёбо' (следовательно, первично 'небо') у мордвин называется его усеченной формой *gom*, а у черемисов, именно горных черемисов, в составном выражении *rylgom* 'небесный свод', тот же *gom* 'свод', т. е., как выяснено, первично 'небо', да и потому, что его также усеченной формой *gym* (✓ *gum*) называется 'гром', дериват опять-таки 'неба', и потому, что в усеченном виде *gym* он появляется в значении космических тел, то у сванов — *gim* 'земля' [← 'нижнее небо'], то у скифов — *ar-gim* 'верхнее небо', скифский бог Афродита Уранья, *za-gim* 'преисподнее небо', 'море', в составе названия скифского бога Посейдона. Тут мы прерываем не законченный еще перечень других столь же органически связанных с тем же значением разновидностей слова, но раз коснулись скифского, собственно усвоенного, следовательно, скифами по составу элементов киммерского термина с основой *gim* (см. г. *kim-kimel* 'небо 7-е'), мы не можем обойти молчанием, что при наличии культового происхождения социальных терминов 'царь', 'князь', 'господь' и т. п., появление на Дальнем Востоке именно скифской формы *gim* ← *kim*, собственно успевшего внедриться в скифскую речь киммерского по происхождению слова в значении 'царя', представляет сугубый интерес, но об этом особо в трактовке японского, где термин в более полной форме *kim* значит 'император', 'царь', 'суверен', 'монарх'.

Наконец, рядом с тем же именно термином *ku-mīr* → *gu-mīr*, в первичном значении 'бога', становится его двойник, сохраняющий плавный исход первого элемента, это **qur^hu¹-mīr* || *-mar*, появляющийся у древних грузин в усеченном виде *qur^h-m*, у армян же древних при также усеченной основе *qur^h-m* (р. мн. *qəḡ+m-aḡ*) с выявлением плавного звука в берском элементе в виде *n* — им. мн. *qur+mup-q*, р. *qəḡ+mān-ḡ*, но и у грузин, и у армян исключительно в дериватном значении 'жреца' (← 'поклонника бога' ← '*бога'). Значение именно 'бога' за этим скрещенным термином приходится отстаивать и потому, что каждый из его элементов также означал самостоятельно 'бога' или, что то же, 'небо', так *kur* (арм. pl. *tantum kur-q*) 'идол', *mar* в составе удмуртского *m-mar* 'бог', а у чувашей *mup* \ *məp* с дериватным от 'неба' значением 'великий' (кстати, *mup-kup* 'Пасха', букв. 'великий день', или пережиточно из язычества 'день неба', resp. 'день бога?'). В полном скрещенном виде все эти культовые или эпические термины, в том числе у грузин *qur^h+u-m*, *g-mīr* (ср. *gumīr* ↔ *gomer*) и более древняя скрещенная основа термина *ḡ+mer-ḡ*, конечно, не индивидуально сочинявшиеся

¹ Это призывал, как кое-что из того, что теперь утверждается мною, осетиновед В. Ф. Миллер еще 44 года тому назад. Быстро же мы двигались! По этой линии бесспорно осетиноведение не сделало ни шагу вперед, скорее — шага два назад. Полезно каждому вспомнить, что еще тогда говорил лучший осетиновед (Осетинские этюды, I, стр. 125, прим. 80): «гумірідар» происходит от слова гумір 'великан', 'исполин'. По преданиям, раньше вартов в Осетии жили Уагута и Гуміріта. Вероятно, в последнем названии скрывается собственное имя древнего народа киммерийцев, библейск. *Gomer*, ассир. *Gimīrḡai*, греч. *Κιμῆριοι*, как и в нашем *кумир*. Известно, что имена древних народов, иногда автохтонов, нередко принимают значение *великанов*. Ср. наши слова: испослин, волот». Впрочем, и здесь намека нет на генезис явления. Ни слова еще о том, что весь кавказский мир пропитан этим «гумир»измом.

случайные комбинации элементов, а производные массовой закономерности отложения названия соответственного скрещенного народа гомеров (у армян гамиров в Каппадокии) или кимеров, первично в яфетическом произношении $\dot{\zeta}\zeta\text{met}'\text{ov}$, пережитками которого полна кавказская почва, и тем не менее в числительных нигде мы не уловили до сих пор у грузин сохранения плавного элемента берского так наз. племенного слова ни в виде $\dot{\zeta}$, ни хотя бы в виде r , да не только у грузин, но и вообще на Кавказе или в Средиземноморье или у Памира.

Однако плавный звук в данном слове в обоих его значениях, в значениях и 'пяти', и 'десяти' дает нам ныне на Волге наилучше сохранившийся пережиток языков яфетической системы.

Единственный яфетический язык Приволжья, во всяком случае — ближайший дериват яфетической речи, сохраняющий доселе свое изолированное положение и в отношении угро-финнизации, и в отношении туркизации, это чувашский язык, язык шипящей группы сибилантной ветви яфетических языков, с влившейся в нее ярко выступающей струею свистящей группы, что, как не раз указывалось, так поразительно сближает временами чувашский язык с грузинским. Но если в отношении совершенно естественно слагавшихся фактов есть надобность выражать свои субъективные чувства, пожалуй, еще более поразительно, что, изменив в этот раз своей шипящей породе, чувашский не выставляет в противовес r утраченного в значении 'пяти' грузинским родного слова $*\text{v}\epsilon\text{r}'\|\|\text{v}\text{r}$, resp. в подъеме $*\text{p}\epsilon\text{r}\|\|\text{r}\text{r}$,¹ сибиланта s или ш , resp. в подъеме $\dot{\zeta}\|\|\dot{\zeta}$, а, усвоив всецело разновидность свистящей группы $*\text{r}\text{r}$, сохранил ее нам с обычной в чувашском заменой плавного r плавным же l в слове $\text{r}\text{l}-\epsilon\text{k}$ 'пять'.² С плавным же l появляется то же берское слово у чувашей в виде $\text{m}\epsilon\text{l}$ в составных десятках, так $\text{sit}-\text{m}\epsilon\text{l}$ 'семьдесят'.

Столь богато представлен в яфетическом мире и далее (даже при нашем далеко не исчерпывающем материал обзоре) кимерский 'бог', наличный в основе r . $\dot{\zeta}\text{met}-\dot{\zeta}$, он же gmr 'герой', но на Кавказе он изолирован. Во всяком случае он остается изолированным, пока не получаем перспективного взгляда в эволюционную работу прошедших веков, вскрываемую палеонтологией речи. Для начальной части этого термина грузинский язык, действительно, не находит поддержки даже у мегрельского или чанского языка, не говоря о сванском, абхазском и др. В самом грузинском с ним борется, как было сказано, скифский тотемный бог, замещая его в род., твор. и даже направительном. И все-таки сравнительно с ним совершенно вытеснен и сарматский тотемный 'бог' $\text{t}\text{a}\text{r}\text{m}\text{a}\dot{\zeta}$, эгот, как мы теперь знаем, по облику плод скрещення норм свистящей группы с нормами шипящей группы, благодаря чему в первом элементе r вм. l (sag вм. sal), во втором — $\dot{\zeta}$ вм. r ($\text{r} \sim \text{t} \rightarrow \text{t} \rightarrow \dot{\zeta}$).³

¹ См. выше, стр. 258.

² Если другая разновидность этого чувашского слова $\text{r}\text{l}\epsilon\text{k}$ не графическая лишь особенность и не хотя бы фонетическая, связанная с удвоением интервокального согласного ($\text{r}\text{l}-\epsilon\text{k} \rightarrow \text{r}\text{l}\epsilon\text{k}$), то термин придется признать скрещенным, как то мы наблюдаем в самих яфетических и других языках, однако вторым элементом скрещення рядом с берским так наз. племенным словом (в этот раз на первом месте) явилось бы рошское так наз. племенное слово $\text{l}\epsilon$: $\text{r}\text{l}+\text{l}\epsilon-\text{k}$, но все это ни в малейшей степени не изменяет того, что сказано про $\text{r}\text{l}-$ в чувашском в основе числительного 'пять'.

³ Ср. выше, стр. 255.

Между тем он глубоко сидел в грузинской речи и в речи соседящих яфетидов, не в одной Свании, вернее, не у одних сванов, но и у мегрелов, чанов, чеченов и др. Возникал вопрос, не ко времени ли господства этого термина, в основе все-таки свистящей группы, относится внедрение в языки всех перечисленных народов дат. падежа на -s, общего с грузинским, где бы этот процесс скрещения ни происходил. Размах распространения термина, однако, громаден. Он налицо за рубежом Кавказа на Западе и далеко, далеко на Востоке.

На Западе, во Фракии и Греции, здесь, разумеется, по наследию от всех местных доисторических предшественников западноевропейских яфетидов, это бог Sa-bađ-1, основой sa-bađ представляющий разновидность того же двухэлементного сал-берского скрещенного термина, что и г. *tar-marθ*, герс. *tar-mar* или *tar-maθ*, с утратой салским элементом своего плавного исходного звука. И это нас возвращает опять в Армению, в кавказский мир и далее на Восток, но вовсе не в связи с армянским *astowat* 'бог', отождествлению которого с богом Сабадзием посвящена специальная работа моя «Бог *Σαβαζις* у армян». ¹ При анализе армянских терминов др.-л. *astowat* и народного, ныне ванского, *aspat* не учтено тотемическое происхождение самих культовых терминов, находящее почву для объяснения в самой Армении. Анализ обоснован исключительно формально. Вся сила лингвистической аргументации былого анализа лежит в указании на действительно существующее в армянском языке фонетическое явление, состоящее в выдвигании всегда гласного на первое место, в противоположность грузинскому, имеющему в этом отношении обратную тенденцию. ² Совершенно естественно было с этой формальной точки зрения усматривать (разумеется, не без поддержки авторитетов и литературы) перестановку в начальном слоге *as* обоих терминов, и восстановлением первичного порядка народный *aspat* 'бог', обращенный в **sarpat*, признать двойником основы греч. *Σαβαζις-ι-ος*. Однако это толкование потребовало целого ряда дополнительных разъяснений и с формальной стороны, чтобы поддержать его в отношении арм. др.-л. *astowat*. Все это происходило от отсутствия палеонтологии и неучета «этнологических» фактов, в том числе и обязывающей нас к определенным построениям топонимии. Палеонтология речи сразу дает нам в руки формальный анализ обоих терминов: одного с разложением на два элемента *as* и *pat*, другого — на три: *as*, *to* ↔ *tu* и *wat*, герс. *vat*. Не говоря о том, что каждый из этих элементов теперь может быть обоснован в его самостоятельном значении 'бог', сравнительный топонимический материал от нас требует именно такого подбора трехчленно-скрещенного названия 'бога'. Оно должно воспроизводить, как тотемное божество, «племенное» название соответственного состава, что и находим отложившимся в известном топонимическом термине — арм. *A+tar+pat-ak-an*, греч. *A+tro+pat-en-e* и т. д.,

¹ ИАН, 1911, стр. 759—774; см. *épée* Фрако-армянский *Sabađios-aswat* и сванское божество охоты, ИАН, 1912, стр. 827—830.

² Напр., в арм. *эн*- (*л* *in*-) при г. *m*- в слове 'орех' — арм. *эн-коуз* ← **m-koz-1* → г. *m-goz-1* и т. п. (см. Н. Марр, *De l'origine jarhétique de la langue basque*, сборник «Язык и литература», т. I, стр. 235). Потому же при разложении гласного «о» на два звука (а и w) одни и те же элементы в обоих названных языках, гласный «а» и полугласный, герс. слабый гласный w (v), в грузинском гласный ставится на втором месте — *wa*, герс. *va*, а в армянском, как в баскском, на первом — *aw*.

ныне А+зар+бай-джан. Понятно, как не раз говорилось, почему один из правителей этой страны величал себя Аtropat'ом: это слово был тотем, тотемный бог, он же племенное название, по армянской традиции в основе топонимического термина звучавшее А-tur (↘ tər)-pat, а самостоятельно в значении 'бога' 'As-to-vat ↔ as-tu-wat (-pat). Мы знаем теперь, что в «племенных» названиях, отсюда и в топонимике, если не имеем дела со случаями первобытных удвоений типа ber-ber, bar-bar, kar-kar и т. п., повторения «племенного» названия не может быть, и так как в обеих отождествляемых основах заключительный элемент -wat ↗ -pat → -pat берское «племенное» слово, а средний to ↔ tu, в полном виде *tor (∞ → tro) ↔ tur (↘ tər) — салское «племенное» слово, то первый элемент, с утратой обоих согласных наличный в виде одной огласовки а-(←*ah-~as-), не может быть салским, так как это явилось бы повторением уже наличного в них того же «племенного» названия, второго члена stu (~tu), resp. sto (~to) и stər (~tər), stur (~tur) ↔ *tor ∞ → tro,¹ и, понятно, теперь нельзя и думать о перемещенности в начальном слоге армянского astowat гласного с согласным, ибо получающийся вид sa- пережиток нетерпимого здесь в армянском термине салского племенного слова. В таком случае в а-² остается признать рошское «племенное» слово с обычной утратой начального г, как в as-el 'говорить', ввиду нетерпимости его в ряде яфетических языков, в том числе пережиточно и в армянском. Помимо того, что раскрытие рошского отложения в культовой терминологии Армении и вообще Кавказа, сплошь насыщенных расено-этрускими элементами в топонимике, восполняет давно чувствовавшийся пробел, с ним в полной гармонии находится использование имени рошского «племенного» слова в значении нарицательных слов из того круга понятий, откуда идет и слово 'бог', и это не только в лезгинских словах, так в Дагестане рош-ионское скрещение ахвах., куанд. геш-еп 'небо' ~ тинд. geh-ep, карат., годаб., ботл. анд. геш-ш, равно в кюринском — га-ğ, в бацбийском (чеченской группы) — па-q, а в дерпватном от 'неба' значении 'солнца' в баскском с утратой начального г — e-ki → e-qi («ekhi») и e-gu-ski (←*egun-ski, ср. e-gun 'день'), да не забыть из палеоазиатских в енисейско-остячком ēs и коттском ēш 'бог' (← 'небо' → 'солнце'): ен.-ост. 1, котск. ē-га, ē-gā 'солнце' и др., в армянском же а-ге-г1 'солнце', сал-рош-ионское скрещение или лишь рош-ионское, если начальный а- — защитный фонетический придаток перед начальным г.³ Помимо того, как рядом с трехэлементным a-sto-wat мы имеем лишь двухплеменное в ванском диалекте as-pat, так двухчленные скрещения из оставшихся его племенных слов поддерживаются как реальности их самостоятельно существующими двойниками, именно сал-берское скрещение to-wat с его двойником, племенным названием to-vast-1 (у финнов, ср. фэваш 'чуваш'), да и основой sa-bad названия бога Σαβάζιος и рош-салское скрещение с префиксом е- перед начальным г: e-gas+toy ← *-gas-tor, имя обращенного из тотемного бога в легендарного героя

¹ Звук s мог бы быть отнесен к первому элементу, что дало бы as- вм. а-, но реальность stur (~*htur → tur) и т. д. подсказывается теофорной мегрельской фамилией Stur-ua.

² Resp. аз-, если относится к первому элементу (см. предыдущее примечание).

³ N. Marr, De l'origine japhétique de la langue basque, стр. 225.

строителя Армении, далее ставшее также названием 'больших камней', 'плит' древних построек.

При таком разъяснении армянских терминов a-sto-wat¹ и as-*rañ* легче усмотреть пункты расхождения и связей с ними бога охоты у сванов — афсад, у осетин великана афсадага. Помимо отсутствия в нем салского элемента, что сближает его с армянским aspat, сванское (за ним и осетинское) название бога охоты отличается перемещением группы sp в *ps* (fs), т. е. архетип и севернокавказского термина *as-*pañ*, двойник армянского as-*pat*.

Таким образом, если исключить конструпруемый из двух элементов, салского и берского, термин *to-wat (ср. суоми *tau-vas* 'небо' и т. п.), у фрако-эллинского бога Sabad-i-os (равно, следовательно, и у грузинского *tagmað*) нег ничего общего ни с одним из двух отождествлявшихся с ним армянских названий 'бога', ни *astowat*, ни *aspat*, но тем не менее Sabad, равно *tag-mað*, в обоих случаях, по составу элементов, сарматский тотемный бог, был одним из главнейших богов Армении, основным, исчезнувшим лишь потому, что с одной стороны он успел стать героем эпоса армянского народа, с другой им завладела церковь. Из эпического героя или, вернее, из эпических героев, в которых перевоплотился у армян бог «Сабалзий» или, что то же, бог «Цармат», создатели национальной историографии, армянские писатели, сделали кого деятелем древнейшей истории родного края, а кого родоначальником армян, ибо весь мир знает армянский народ по его имени (Armen), по имени этого сарматского тотемного бога. В то же время, поскольку в народе он сохранялся под особой разновидностью того же названия (Ka^haret), как предмет культа, как 'родной' свой 'племенной бог', армянская церковь имела основание и сумела своевременно внести его, собственно его имя, в число вселенских святых христианской церкви.

Ведь, надо помнить, что сарматский бог в разновидностях от перегласовки различных групп, да со спирантным или спирантизованным начальным согласным объединяет грузин (*tagmað* ← **tagmað* ↘ **sar^hmas* — [h]armaz), мегрелов и чанов (*ğogmoð*) и сванов (*ğermeð* ↙ *ğerbeð*), да и армян в лице Ka^haret'a, спасенного для истории культуры двумя факторами: пережившим в культурно отсталых слоях армянского народа языческим его мировоззрением и бытом и вынужденной в свое время канонизацией его имени в христианской церкви. Название того же сарматского языческого бога у армян представлено рядом дериватных от 'бога' или 'неба' нарицательных имен и глаголов, в том числе словами o+*ğogm*-*uñiwn* 'милость', o+*ğogm*-*el* 'миловать', 'помиловать' (глагол, использованный христианской церковью в эктении — 'господи, помилуй'): основа их *ğogm* представляет усеченный вид скрещенного термина, имеем ли усечение двухэлементного **foğogmoð* 'бог' (~**шоğogmoð*), точнейшего двойника ч. *ğogmoð*, с первым, в таком случае, салским элементом в трехсложной разновидности, или трехэлементного (DAB) **to-ğogmoð*. Интерес представляет, что все разновидности сарматской части этого названия бога, сохранившие культовое значение и за христианское время, одинаково имели начальным согласным звук спирантной ветви (h || ɸ ↙ k

¹ Resp. as-to-wat, см. выше, стр. 263.

вм. $k \rightarrow \xi$), независимо от того, принадлежат ли они действительно к той или иной группе спирантной ветви или к сибилантной ветви, ее группе свистящей или шипящей. В то же время каждое из них с необычайной точностью выявляет своей огласовкой верность системе того языка, которому оно принадлежит, кроме армянского термина с разноразной огласовкой (а — е) — *karapet*, в котором скрестились акание свистящей группы и экание спирантной ветви, если не учитывать особо еще полногласия (а — а), присущего шипящей группе (здесь о — о). В усеченном представителе термина *karapet*, означавшего 'бога', при астральном космическом мировоззрении первоначально, следовательно, 'небо',¹ именно *karap* с дериватным от 'неба' значением 'лебедь' ($\leftarrow *k\text{'птица}$) $\leftarrow *k\text{'небо}$,² лишь случайно, по утрате конца с огласовкой (-et), имеет вид формы с одним аканием. Без полногласия, но с сохранением огласовки второго элемента, элемента В (VER), $*k\text{'arpe}$, в армянском обязательно должно было переродиться «е» в псходе в «i», т. е. стать *karpi*, нам сохранен названием центрального района Армении, Вагаршапатской равнины, места возникновения древнейших христианских святынь, да названием селения *Karbi*, брошенного среди также древнейших христианских монастырей. Все это свидетельство того, как в Армении христианское строительство властно направлялось традициями язычества, в том числе традициями культа бога *Karapeta* или усеченно *Karabia*, того бога *karpi*, который сохранен нам яфетическим языком Ахеменидских надписей.³ Сам полный вид термина *karapet* без полногласия $k\text{'ar-pet}$ || диал. $k\text{'ar-pe-t}$ означает 'ковер' (в древнелитературном у слова ряд других родных значений). Этот предмет домашнего обихода и убранства, согласно выясненной палеонтологии речи, так же, как в чувашском *riga*ч 'стул', носит название 'бога', 'идола', по культовому своему первично значению в порядке принципа функциональности в возникновении значений слов.³ Существование термина *karapet* в значении 'бога' без полногласия, в виде, следовательно, *karpet* не может подлежать никакому сомнению, так как агтеп представляет лишь форму с падением k , геср. k , в исчезающий спирант h , причем исходный p представляет пережиток известной группы nt ($\leftarrow *n^t \rightarrow *n^d$), эквивалента плавного g , т. е. в агтеп, названии армян, мы имеем скрещенный двухэлементный АВ (SAL-VER) термин, он же сарматский бог, и его архетип должен бы гласить с сохранением начального k — *karment* и, так как этот фонетический закон наблюдается в словах, унаследованных римлянами от своих предков, средиземноморских яфетидов, в названии металла *argentum* 'серебро', бесспорном вкладе еще яфетидов, то восстанавливаемый нами *karment*, конечно, не случайно созвучен с именем архаичной богини римлян *Sarment-a* или «*Sarment-is*», которая имела святыню у подошвы Каппа-

¹ Первый элемент армянского скрещенного термина *kar* сам по себе должен был означать 'бога', геср. 'н-бо', а затем и 'птицу', и все это так и обстояло, ибо *kar* архетип того чувашского *kau-* (*kau-ik*) 'птица', семантическая история которого прослеживается у нас (стр. 257).

² Н. Марр, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 46—47. Спорность огласовки (а или и — *kar-pi* или *kig-pi*) существа дела не меняет, но морфологическое восприятие термина, точно -pi есть окончание мн. ч., это, конечно, теперь старо.

³ Касательные связи русск. «ковер» с арм. *karpet* см. Н. Марр, Русское слово «сало» в описании казарской трапезы VII в. (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях), ТРКФ, т. I, стр. 111.

толия, близ называвшихся по ее имени Карментских ворот, где праздновались *Carmentalia*. Так-то она считается аркадской нимфой или пророчицей, с сыном которой связано внесение письменности в Рим.

Об именах перевоплощений бога *Karment* \ *Armen*, героев армянского эпоса, обращенных армянскими писателями родного края в деятелей национальной истории начальных эпох, *Armenak'e*, *Agam'e* и др., здесь нет надобности распространяться.

Однако даже тогда, когда национально народ располагает одним словом для выражения понятия 'бог', в социальном разрезе это единство термина оказывается фактически не установленным: национальное общеармянское слово *astowat* 'бог' в устах армян из народных слоев Ванского района абсолютно не имело того значения, какое присуще в его мировоззрении святому Карлету, конечно, не святому Иоанну Крестителю Предтече, во что христианская церковь в Армении перелицевала дохристианского, более того — допрометеидского («индоевропейского») бога, яфетического бога *Karaget'a*, сохраненного армянами, вопреки, казалось бы, их полной христианизации, от языческих эпох, и общего в этом виде спирантного типа, у армян, как уже знаем, с яфетидами Кавказа — лазами (*ğorğoş*) и сванами (*ğerğeş* / *ğerbeş* ← **kerpet* → г. керп). И в той уже экающей форме спирантного типа, но с полногласием, этот термин — название одного из важнейших языческих божеств народов Приволжского края, как наследие от яфетидов — *keremeş* (чув.), равно *kigemeş* (чув., черем.) и др.¹

Нами уже разъяснено, в каком положении в этом отношении находится лексический материал морального порядка, напр., 'хороший', 'добрый' или 'благой', связанный органически своим происхождением с племенным, вернее, генетически — классово-племенным или производственно-социальным мировоззрением и названием соответственного «племенного» бога.² Тут единство термина не достигнуто даже в пределах целой группы у самих прометеидов («индоевропейцев»), так у славян русское прилагательное «хороший» в своей основе не получило общего признания. Даже с украинцами, речи которых долго отказывали в праве быть особым языком, у русских в этом отношении значительное расхождение: 'хороший' по-украински — «гарный» (*γarγny*). Более того, у самих греков и римлян, создателей, как предполагается, начал единой современной европейской культуры, и говоривших, как до сих пор продолжают уверять себя и своих последователей индоевропейцы, на языках одного происхождения, из одного праязыка, так и не удалось, могли бы сказать индоевропейцы, сохранить единый праязычный термин для 'хорошего', мы же, отрицающие такое первичное единство, утверждаем — так и не удалось сойтись на единстве этого столь, казалось бы, общественно важного термина, как 'хороший', несмотря на сильно развитую их историческую жизнь: греч. *αγαθ-ός*, лат. *bon-us*. Когда же мы в цитованной работе попробовали дать обзор соответственного материала у яфетидов, то оказалось следующее: статически — что ни племя, то особое слово для выражения понятия 'хороший', генетически — что ни производственно-социальная группировка, то особое слово для выражения понятия 'хороший'.

¹ См. ук. м.

² Н. Марр, Об яфетическ ой теории, НВ, кн. V, стр. 315 сл. [см. здесь, стр. 11].

По вопросу о расхождениях народов в выражении 'хорошего' прибавим разве то, что порой всплывающие схожие, если не тождественные слова этого значения мы находим у народов, отстоящих теперь, да и с известных исторических эпох, на расстоянии, можно сказать, астрономических измерений; так обстоит дело у армян и финнов, доброю старушкой-наукой по «общему» языкознанию причисляемых к семьям различных рас. Это арм. $var\text{-}\frac{9}{1}$, в языках угрофинской системы звучащее или также акающе — морд. мокша $pa\text{-}a$ (сюда же $ma\text{-}\partial$), далее еще $var\text{-}a$ ($\sim bat$) $\searrow ma \rightarrow ma \leftrightarrow va \rightarrow a$, в состоянии скрещения, в остяцком $\dot{\text{z}}e\text{-}var\text{-}a$, суоми $hy\text{-}v\ddot{a}$, эст. $he\text{-}a$, енис.-ост. $k\ddot{o}w\text{-}bat$, коттск. $ham\ddot{a}$, или окающе — коми (зыр., перм.) bur (также и удмуртский, но в значении 'правого', палеонтологически синонима 'хорошего').

Это, следовательно, с точки зрения господствующих научных представлений коренное финское слово (чего никто и не думает отрицать) также не случайно заброшено к армянам на Кавказе, где оно при отсутствии палеонтологии до сих пор казалось в блестящей изоляции, как, впервые у вогулов замеченное, название лошади абхазского оформления $a\text{-}lasha$ вовсе не предполагалось и раньше, тем более теперь, плодом случайного заноса из Абхазии или вообще с территории яфетического Кавказа.¹ Как $alasha$, кстати, тождественное по внешности с абх. $\dot{a}\text{-}lasha$ и чв. $alaja$ ($\leftarrow alasha$), вовсе не представляя одной и той же формы,² на приволжском севере и далее связано тысячами нитей с местной доисторической языковой средой, дофинской и дотурецкой, так армянское $var\text{-}\frac{9}{1}$, на Кавказе связано с допротемеидской («доиндоевропейской») средой. Помимо основы var , нижней ступени var , наличной у грузин в двухэлементном (ВА или ВС) прилаг. $var+g\text{-}1$ 'годный', 'хороший' и т. д., интересно отметить, что по палеонтологич. речи 'благо' и 'зло', как и 'бог' и 'чорт' выражаются одним и тем же словом: разность семантического использования зависит от разности социальной среды, классово-племенного (в архетипе всегда производственно-социального) состава не только того или иного народа, но и того или иного сословия одного и того же народа. То же берское племенное слово (элемент В), в акающей форме var давшее в одной классово-племенной среде основу для двухэлементного скрещения $var\text{-}g$ 'хороший' (слово обычно у Руставели, месха),³ в другой классово-племенной среде то же var значило 'худой', отсюда сравнительная степень $var\text{-}es\text{-}1 \leftarrow u\text{-}v\text{-}1ar\text{-}es\text{-}1$ 'худший' (слово более свойственно в этой форме народной речи); да и тот вид этой основы, что в акающей форме наличен у армян в значении 'хорошего', на Кавказе в окающей форме означал 'злой', как мы то видим в составе слова др.-л. г. языка $vogot$ (образование по формуле $skolot$) 'злой', что отнюдь не чуждо и др.-л. армянскому, поскольку 'зло', восходя к 'божеству', 'духу зла', закрепилось за болезнями,

¹ Абхазоведение и абхазы, ВС, т. I, стр. 149 сл.

² Ср. Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна»; его же, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, ИАН, 1926, стр. 673—698.

³ Да, месха, вопреки тому, что теперь по этому вопросу старается доказать Ingokva в своем глубоко продуманном исследовании *Rusthveliana* (Тифлис, 1926), стр. 91, 98, 138, 147—167, ср. Н. Марр. *K Rusthaveliana*, ДАН, 1927, стр. 361—368.

в частности за болезнью 'проказа', а у древних армян *vorot* значило 'прокаженный'.¹

Мы как будто совершенно оторвались от мира с культом богов *tarmaš* и *Sabađ*-и, поскольку на Кавказе попали в круг названий сарматского бога с начальным согласным спирантной ветви, да, кроме того, в терминах *Karaget*, *karpet* || *karert* и *Armen*, *resp.* *Karment*, одинаково разнобойная огласовка, свидетельствующая об иной социальной группировке в среде их возникновения. Однако это плод особого скрещения, свойственного речи тех яфетидов, которые передали в наследие на Кавказе армянам *Karaget*, *karpet* || *karert* и *Armen*, на Апеннинском полуострове римлянам *Karmenta*. Однако, как мы на Кавказе имеем тоже *Karaget*, *resp.* *karpet*, говоря формально — «со строго выдержанной племенной огласовкой», экапнем, на самом деле, как и в разнобойных по огласовке эквивалентах — со строгим сохранением произношения социальных группировок среды их скрещенного возникновения, в св. *ğermeš* ↗ *ğerbeš*, не только, значит, на Волге (*keremeš*), так рядом с *tarmaš* (у сванов, г. *tarmarš*), *Armaz* не могли бы не иметь **harman* (подобно *Armen*, собственно *harment* от *karment*), а это именно есть безукоризненный двойник не только бога *tarmaš*'а и бога *Sabađ*'я, но и бога **sarman* или **saman*, *resp.* *шаман*, поклонник и служитель которого по функции носит по сей день его название в Сибири, равно в Средней Азии (*шаман* *вм.* *saman*) и в Индии (*graman* ← **sarman*). В более глубинной, более дальней Азии термин *шаман* оказался донесшим плавный исход первичный (1 *вм.* *г*) стоящего в начале элемента А (**saŋ*-): спирантизованно его разнovidность должна бы звучать от групп 'сс **hal*-шл || шп **ʃog*-шог, и дериваты этих уже спирантных архетипов, с учетом фонетических последствий скрещения, имеем на палеоазиатском Востоке у юкагиров в значении 'шамана' — *alma*, на Вол-Камском Севере у чувашей в значении 'колдуна', 'пророка', значит, и 'поэта' — *uoməz* (↗ **ʃog*-шог), на эллинском Западе в роли имени величайшего пророка и мага поэзии, творца евразийского эпоса — Гомера, *Ὀμηρ-ος* (← **ʃog*-шог).² Но шаман — двойник *Karaget*'а, вместе с ним двойник *ʃeleb* || *ʃalab*'а, имеющего в сиро-палестинском да в хеттском мире своего двойника среди священных деревьев. Об этом особо.

И без того так много речи у нас о порождениях того или иного вида хозяйства, мирового хозяйства, о различных богах, собственно различных общих терминах, обозначающих 'бог', и в то же время так мало о типах самого хозяйства и созидавшегося на его основе общественного строя, так мало о содержании, технике и формах этого хозяйства в различные эпохи и в различных странах и о сменах в связи с ними форм общественного строя, и это в предуготовление обсуждения числительных. Упрек совершенно правильный, но против кого можно бы его направить? Против ли обществоведов, которые, проявляя страстную любовь к отвлеченным схематическим рассуждениям о формах общественности с древ-

¹ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, XI, ИАН, 1919, стр. 395 сл.

² См Н. Марр, Чувашско-яфетиды на Волге, стр. 50—53; К толкованию имени Гомер, ДАН, 1924, стр. 2—3; Название этрусского бога смерти Калл и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт' и 'слепец', ИАН, 1924, стр. 19'—194.

нейших времен, чураются до сих пор непосредственной работы специально над историей материальной культуры и непосредственного ознакомления с первоисточниками по ней? Против ли ученых социологов, в главу угла своего построения кладущих быт и речь современных отсталых, так наз. диких, народов, без реалий для перспективной связи с позднейшими достижениями человечества, когда различным типам их быта, отнюдь и не изначальным, выпавшим из цепи звеньям, надо еще найти место? Ведь, там мы вовсе отрезаны от реальных путей подхода к правильному пониманию генезиса сложных культурных хозяйств и сложных мировоззрений, со включением также сложных религиозных учений. Или скорее упрек направить против самих археологов, которые, занимаясь как будто историей материальной культуры, однако более охотно и систематически историей искусства, вопросы истории хозяйства и общественных форм считают не касающимися их и не могут не уделять исключительного внимания богам и их культам, ибо все памятники материальной культуры, в перспективе их научного интереса, они же всегда памятники искусства, статуи ли это, монументальные постройки или художественные предметы, это боги и их служители, жрецы, богоподобные земные вершители судеб человечества, места их поклонения или пребывания и предметы их культа и обихода? Не естественно ли потому, что по древностям у нас больше научно проработанных сюжетов по богам, их родословию, культу и т. д., чем по генетической морфологии хозяйства и общественности доисторических времен, материалу, имеющему более непосредственное отношение к числительным?

Но, если бы мы и располагали такими социологически проработанными материалами, притом не в идеалистическом, да не только материалистическом, но и диалектическом разъяснении, мы все-таки не могли бы не потревожить богов, наоборот, мы еще более их потревожили бы в интересах правильного подхода к вопросу о происхождении и развитии числительных. Ничто так не нуждается в ясном и отчетливом представлении о сложности взаимоотношений народов и множестве путей их общения, как числительные, нигде ни от кого не отстававшие, ибо все пути открывались делами, которые нельзя было вести без числительных.

Но есть еще другая сторона дела, также по существу. Числительные более связаны на первых стадиях развития общественности, объективно говоря, конечно, с хозяйственно-материальными интересами, чем с отвлеченностями философско-научных исканий, тем более богословских. Мы, разумеется, не думаем перемещать в те глубины так наз. первобытного мышления интересы такой точной науки, как астрономия. Однако астрономии предшествовала астрология, а астрология, в буквальном переводе гласящая 'звездословие', реально значит 'небословие', что в то же время, в точнейшем переводе с доисторической речи на историческую, буквально то же, что 'богословие', так как каждое название 'бога' первоначально — 'небо', с эпохи установления космического мировоззрения астрального порядка, а 'небо', реальное и конкретное, со всеми его подробностями, солнцем, луной, звездами, тучами, светом и мраком, погодой и непогодой находится более, чем что-либо, в органической связи с хозяйством человечества,

в той седой, преседой древности нисколько не меньше оттого, что реальные физические явления небесной атмосферы воспринимались магически. Нисколько не меньше нуждалось то же человечество и в числах для учета этих магических сил неба в интересах правильного ведения хозяйства, да и общественных дел, куда относились в то время все важнейшие моменты в жизни человека от рождения до смерти, да также после смерти, тогда считавшейся продолжением той же жизни в другом лишь мире. И в числах была тогда большая хозяйственная потребность при учете небесных явлений, магически воспринимавшихся, и потому, что числа, следовательно, и числительным, не менее, чем звуковым словам, приписывалась магическая сила. Сами числительные по своему происхождению часть магии, часть тех знаний, которые были в распоряжении руководящей организации человечества, говоря конкретнее, в руках класса знахарей-мастеров, жрецов-правителей, магов в широком смысле этого термина. Числительные в словах, как и вообще звуковая речь, есть не только создание общности, стоящей на высокой культурной ступени развития, но создание классовой уже общности, — общности, руководившейся на начальных стадиях развития классом знахарей или кудесников, представлявших собой не только жрецов или жриц-молитвословов и мастеров-художников, но и пастырей-торговцев, вождей-военачальников и главарей-правителей. И, если, однако, не в пример терминам, обозначающим бога и культовые и классово-моральные понятия, числительные оказались международными, они прорвали и территориальные и социальные грани, то причина тому — жизненная в них потребность все более и более разраставшегося хозяйства, открывшего постепенно по усилению товарообмена, по расширении круга связанных им разноязычных народов и по создании класса посредников, широкие пути обмена терминами купли-продажи, в первую очередь числительными, еще в протоисторические или, вернее будет, забытые человечеством, подлинно-исторические эпохи. Кстати, не назвать ли нам века, многие века этой забытой исторической жизни человечества тоже по-ученому греческим термином — «лефо-историческим» (*«létho-historique»*)?

И вот, не в пример, повторяю, культовым терминам, в первую голову, разнообразным словам, означающим общее, казалось бы, понятие 'бог', не в пример терминам моральной оценки, означающим 'хороший' или 'добрый', — словам, многочисленным и различным в различной национальной и социальной среде, числительные везде стремятся стать одними и теми же или они уже одни и те же. Любопытна их стабильность и в диалектически живой среде: даже у народов бесписьменных или младописьменных, располагающих обычно богатым подбором диалектических разновидностей, достигающих в некоторых частях степени расхождения двух самостоятельных языков, на числительных эти соотношения ослабевают или вовсе уступают место полному единству. Числительные в этом отношении точно забронированы в своей международнойности.

Однако в таком длительном процессе хозяйственно-общественных сношений числительные доработались до своей в такой мере неприкосновенно или девственно консервативной стабильности, что всем, в том числе более всего ученым языковедам, эта стабильность, усматриваемая в разновидностях по принадлеж-

ности их к тем или иным «расовым» группам, представляется изначальной. Эту стабильность разновидностей по возникшим впоследствии «расовым» объединениям укрепляют памятные современному человечеству, с его историческими преданиями, социальные группировки и молчаливо к их позднейшим связям приспособленное понимание всех надстроечных социальных категорий, в том числе и языков, в частности не только числительных, но и звуковых явлений. Этой традиционно-исторической исследовательской работой человечества с его короткой памятью еще более, чем самими фактами, занесена не менее для нас интересная творческая работа человечества забыто-исторических эпох или эпох лефо-исторических. Между тем числительным, именно в эти лефо-исторические эпохи, пути общения были открыты более широкие. Это — естественно, поскольку с перерождением слабо дифференцированного производства в профессиональные нарастают производственно-социальные группы отграниченного подбора, еще более замкнутые, когда они становились племенными по кровному подбору и т. д. Всем этим перестройкам хозяйственной и общественной жизни сопутствовали перерождения богов, их смены, и формально и идеологически. Все эти пути и другие прохождения богов, в корне хозяйственно-общественные, в различные эпохи в различной степени торные, пройдены и числительными, как бы они ни были занесены работой позднейших исторических эпох по дифференциации их, в отличие от прежних социальных взаимоотношений, и как бы они ни были сведены к изолированной согласованности их в пределах отдельных хозяйственно-общественных объединений, впоследствии обращавшихся в этнические группировки. Все эти пути и их местные изгибы, намечаемые культовыми терминами, для палеонтолога речи имеют первоочередное актуальное значение, и вот почему нам приходится снова потревожить богов.

В этом порядке представляет интерес обсужденный нами культовый термин с размахом своего употребления от Западной Европы до крайних восточных пределов Азии, здесь у юкагиров. Он вытесняется другим, вернее, двумя другими богами, одинаково пережившими у христиан грузин. Это $\text{ğmerğ}^{\text{a}^1}$ ($\leftarrow *ğ\text{-mer-ğan}$) и ğur^{a^1} || ğr-ğ^{a^1} ($\leftarrow *ğ\text{ur-ğan}$), первично одно трехэлементное (ABC), другое двухэлементное (AC) образование, в позднейшие времена этнической расценки элементов первое — сал-бер-ионское, второе — сал-ионское скрещения, с могущественным перед наступлением христианства классом жрецов-кудесников, судя по тому, что они также пережили уже реально в христианской церкви грузин в лице 'священников', по-грузински m-ğur+del || m-ğr+del ($\leftarrow *ğ\text{ur-den}$, ср. г. gr-đen 'кудесник').¹

И $\text{ğmerğ}^{\text{a}^1}$, и ğur^{a^1} являются такого же рода объединяющими многие народы культовыми терминами, как tagmağ . Первый из них — спирантный двойник сибилантного zmerğ^{a} , на юге, в Мидии, теофорного имени Смерда при Ахеменидах, а на севере, по всей Европе, ставшего классово-сословным, впоследствии племенным названием «смерд». ² По отвлечении конечной части, не грамматически-

¹ См. Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, IX, ИАН, 1914, стр. 362, см. выше, стр. 257.

² Н. Марр, Об яфетической теории, НВ, кн V, стр. 324 сл. [см. здесь, стр. 20 сл.].

функционального придатка, а реального — элемента С, племенного слова, именно ионского -за (←-зап←-дан и др.), остаток ġ-тег, двуплеменное скрещенье, — разновидность кимерского племенного названия. Но с этим мы возвращаемся к миру йомызов и Гомера. Сюда же привходит и шумерское племенное название, а особенно грузинское название армян, не раз оказывавшееся обозначавшим и грузин (то язык грузинский, то область Грузии), это so-me-ġ,¹ что же касается ġu-ḡa¹ (← *ġu-ḡan), это — сал-ионское скрещенье, разновидность скифского племенного названия.

Широкий охват и мировое значение этой яфетической лефо-исторической культуры явствует из того, что единство термина 'бог', в лице сарматского или кимерского тотема, еще тогда было создано у многочисленных народов не только Кавказа, но и тех, которые обретаются вдали, напр., на среднем и верхнем течениях Волги и севернее и восточнее, где, помимо чувашей-яфетидов, народы с давних пор с языками уже финского оформления по наследию чтили то же божество, в первую очередь, естественно, черемисы или şarməs, носители поныне племенного названия сарматов:² это kegeteḡ у черемисов, kegeteḡ || kġeteḡ у чувашей.

Нам уже приходилось высказываться о связи значения богов с типом хозяйственно-общественной организации человечества, о смене тех значений в зависимости от смены общественного строя, обоснованного в одном случае на охотничьем хозяйстве, в другом — на торговом. «Если Посидон, как бог морей и вод, своей трансформацией из женского божества говорит нам», писали мы,³ «о смене матриархального строя патриархальным, то воплощение 'бури' и 'войны' в одном случае в 'боге охоты', также позднейшее перевоплощение из богини».

Таким образом, общность сарматского тотемного термина в значении 'бога' у ряда яфетических народов, историческое достижение, не есть дело одних кавказцев.⁴ В самой исторической жизни народов Кавказа, наоборот, термин терпит ущерб: у грузин-картвелов, верховодящих в позднейшие эпохи истории Кавказа и его хозяйственным строительством, в первую голову, разумеется, яфетических народов, и у их дохристианских еще предшественников иберов, сарматский тотемный бог, мало сказать национальный в феодальном восприятии национализма, он в одной разновидности, сибилантовой, отошедший в изжитое язычество, в другой, спирантной, продолжал господствовать с речью феодалов и лишь под напором речи трудящихся масс уступал место скифскому тотемному богу.

Не скоро, однако, удастся установить пути, по которым прошли в занимаемые ими ныне места такие архаичные слова, как культовые термины, раньше термины магии, тем более, что они менялись не только в своих формальных вы-

¹ См. ниже, стр. 278, прим.

² Н. Марр, Чуваше-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926, стр. 56.

³ Н. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, стр. 61—62 [см. здесь, стр. 54].

⁴ Это выяснено еще в 1922 г., в статье «Яфетиды» [см. ИР, т. I, стр. 134], тогда в связи с гибридизацией языков в тях метисации племен и социализации терминов, выражающих религиозные представления.

явлениях, в звуках и формальном построении, но и в своих значимостях. Что отвлеченное общее понятие 'бог' совсем новое достижение, на этом не стоит останавливаться. Но и то, что 'бог' разъясняется как слово, означавшее раньше и продолжавшее долго потом означать одновременно 'небо', отнюдь не представляет чего-либо примитивного: это достигнуто на высоте дохождения человеческого мышления до космического мировоззрения астрального порядка. Но человек начинал свое мышление с производством, а кругозор производства на ранних стадиях развития материальной культуры и общественности не мог не быть более ограниченным, более узким. И то же самое слово 'бог', раскрываемое ныне легко для исторических эпох как 'небо', на более ранних ступенях развития хозяйства не могло не означать и, действительно, означало для нас совершенно иной предмет, именно при охотничьем быте с пернатыми — 'орел' со зверями — 'лес-дерево', 'дубраву-дуб', и т. п., при мышлении эпох каменных орудий и соответственного производства — 'камень', 'скалу', 'гору', при пользовании 'деревом' как предметом питания ('дуб → жолудь' и т. п.) или как орудием производства — 'дуб' или иное, замещающее его в хозяйстве 'дерево'. Мы уже не говорим о хозяйственно-магическом, впоследствии культовом значении таких предметов, как 'огонь', 'вода' и 'земля', затем особенно ярко выступающих вперед уже как стихии в такт с дифференциацией 'неба' на три 'неба', верхнее, нижнее и преисподнее, когда, между прочим, с водворения земледелия земля не просто вещество, а 'мать-земля', 'богиня-земля'. Т. е. выходит так, что вскрытое, казалось бы, конкретное и первичное значение 'бога', оказавшееся 'небом', заступило место и 'горы', и 'птицы-орла', и 'леса', и 'дуба', т. е. предметов все, действительно, исключительно культовых, да в связи с этим играющих исключительную роль в мифах народов всего мира, без различия не только религии и национальности, но цвета лица и других соматических признаков антропологии. Эта палеонтологическая сторона дела сильно осложняет прослеживание путей странствования богов, они как бы оборотни в зависимости от смены эпох, и приходится учитывать все их превращения.

В этом отношении легче с числами, так как таких перерождений, как в значениях богов, у них нет и не могло быть. С числительными в известной степени находимся семантически на более устойчивой почве, если держаться общей системы, и, напутствуемые выяснившимся блужданием наиболее оседлых, казалось бы, культовых терминов, их кочеванием на всем протяжении Афреватрии даже в широком этнологическом ее восприятии, мы теперь можем спокойнее взирать на раскиданность международной категории речи, числительных, одних и тех же по всему миру, у всех народов, независимо от системы их речи, и на вскрываемое ею наличие множества извилистых путей взаимобщения.

Числительные имелись, разумеется, еще до возникновения звуковой речи. Единство системы исчисления рукой или руками, это одно из наследий, полученных звуковым языком от линейного. В линейной речи исчисление производилось с помощью руки в двух основных значениях: 'руки-длави' и 'руки-пятерни'.

Один и тот же образ 'руки-длави' служил для выражения и 'единицы' и 'двойки'. Один и тот же образ 'рук-пятерни' служил для выражения и 'пяти' и 'десяти'.

Остальные числа выражались или сложением ($3=2+1$, $6=1+5$ или $5+1$ и т. д.), или повторением ($4=2+2$) или вычитанием ($9=10-1$, $8=10-2$ и т. п.).

В звуковом языке это целиком легло в основу построения числительных. У звукового языка также все основано в этой части речи на двух понятиях, связываемых с одним и тем же словом, собственно, с одним и тем же предметом — 'рукой', именно с понятием 'рука-длань' и с понятием 'рука-пятерня', из которых первое дало возможность выразить основные числа 1 и 2, а второе — основные числа 5 и 10. Остальные числа — производные от них, путем ли сложения или вычитания до десяти, да и свыше десяти, в одних до 18, в других до 20, но мы сейчас не говорим о дальнейшем исчислении в части круглых цифр путем умножения или десятков или двадцаток.

Самое число 'десять', следовательно, и 'пять' одно время означало и 'много'. В свою очередь, с развитием производства и расширением у человечества горизонта мышления, это 'много', очевидно, в свое время перешедшее на '10', постепенно переходило на '100', на '1000' и '10 000'.

Нужно ли говорить, что все это относится к эпохам, когда не только не было астрономических цифр, но и вообще свыше того, что исчисляется десятью тысячами или сложением десятков тысяч, не могли и представить себе, вообще, не могли представить себе во всяком случае в такой отчетливой форме, чтобы иметь более крупные единицы множества, чем 'десять тысяч'. Не было слов, не было и мысли о таких цифрах, так как тогда не было никакого производства, которое нуждалось бы в них, не было дела с потребностью в них.

Но 'сто' — да, и его называли, если не 'десять десять', или 'пять двадцать', это при позднейшем уточнении, просто 'много', т. е. 'десять' так г. а-э '10' ($\leftarrow *a\dot{s}as$) и as '100'. Смещение не могло произойти в те позднейшие эпохи, когда уже нуждались в исчислении сотнями, ибо располагали фонетически дифференцированными разновидностями: у грузин '10' — $a\dot{s}$, '100' — as .

В этом порядке распределялись слова и между '5' и '10', положение было такое же. Сравнительно с '5' для '10' брали или другую однозначную основу (другой элемент), или фонетическую разновидность одной и той же основы, или в одном из случаев, т. е. или для '5', или для '10', использовали скрещение из двух элементов; самым простым способом было удвоение. Так у сванов '10' — $a\dot{s}ig$ ($\leftarrow *a\dot{s}ig \sim *a\dot{s}ig$, ср. евр. $\dot{s}asur$ 'десяток'), разновидность семитического $\dot{s}asar$: арб. $\dot{s}asar$ - $a\dot{s}$, евр. $\dot{s}asar$, resp. $\dot{s}eser$, сир. $\dot{s}as$ и т. д.), представляет или скрещение двух элементов CA ($YON+SAL$): $a\dot{s}ig$ и т. п., или удвоение элемента A (SAL) с перегласовкой ($a \parallel o \leftrightarrow u$): $a\dot{s}ig$ ($\checkmark *a\dot{s}ig$), но это уже удвоение числа '5', т. е. не только, следовательно, беспрепятственно число '10', но в известные эпохи и понятие 'много',¹ было перенесено на 'сто', так

¹ Сейчас не вскрываем более глубокой палеонтологией этого термина с охватом с семитической стороны арб. $\dot{s}asig$ - $a\dot{s}$ 'племя', равно евр. $\dot{s}asig$ 'богатый' (ср. арб. $\dot{s}asila$ 'был обилён' $\leftarrow *a\dot{s}ila$), арб. $kasig$ ($\leftarrow *ka\dot{s}ig$) \leftarrow новоарб. $k\dot{s}ig$ 'много', сир. $\dot{s}asig$ - a 'богатый', с афетической стороны — г. др.-л. $q\dot{s}ig$ || вульг. $q\dot{s}ig$ 'частый', г. $\dot{s}idar$ 'богатый' и т. п. При установлении семантической истории этих слов мы встретимся, в связи с племенными названиями, и с культовыми (тотемными), а также космологическими терминами.

у армян — *haġ-1wġ* ← (в говоре пережил) *haġ-ur* (~**ġaġ-ur*) '100' → сванск. *aġ-1ġ* '10'.

'1000' образовывались также умножением сотен, напр., у грузин '100' *as-1*, '1000' *að + as-1* (10×100).

У турок '10 000' звучит *tıman*, слово скрещенное, которое могло означать первично и 'много', а с уточнением самым ранним — хотя бы '10', хотя бы '5', и, действительно, —

1) По составу элементов (AB) т. *tu-man* в точности соответствует числу '10' у финнов, так *suomi kú-men* и т. п.

2) В таком случае каждый элемент скрещенного термина *tu-man* самостоятельно мог бы означать '10 000', и мы это видим, поскольку второй элемент скрещения *-man*, элемент В, по шипящей группе должен был иметь эквивалентом *muġ* (↗*buġ*), что и сохранили нам греки в основе *muġ* их слова *μυρ-ιάς*, *μύριοι* '10 000', да халды в их слове *buġ-a* '10 000'.¹

3) Было, однако, время, когда та же именно форма означала только 'десять', почему его разновидности чв. *mæl* (↙**mol*, resp. **mor*) и т. *muġ* ↘*muġ* соответственно используются в десятках.

С другой стороны, в выделении 10 000, как единицы множества, нет ничего ни расово, ни территориально отличительного. Когда речь заходит о нормах счета древнейших систем, не надо упускать из виду, что китайцы свыше десятка тысяч считают, когда число то позволяет, не тысячами, а десятками тысяч (*waġ*), как то находим у грузин, армян, халдинов (ванских халдов), греков и т. п., и в то же время этот кит. *waġ*, не что иное, как эквивалентная разновидность ($v \leftrightarrow m$) элемента *maġ*, что в составе т. *tu-man*, турецкое же *tu-man* в целом в свою очередь имеет двойника не более и не менее, как в Египте: копт. *t-ba*² и др.

Мы не остаиваемся сейчас специально и на кажущихся случайными совпадениях, на деле же идеологических связях ряда нарицательных слов с тем или иным числом, иногда, правда, не непосредственно, а по увязке через другое слово. Так —

1) С числом '1', равно '10' связывается 'человек' идеологически, потому что 'человек' и 'племя', находящиеся во взаимоотношениях 'единицы' и 'десяти', собственно, первично также 'многого', носят одинаково одно и то же название (если не дифференцированы впоследствии), именно в одном случае племенное название (и все 'племя', и 'каждый человек племени'), в другом — 'рука' (и 'один', и, исходя из пятерни, 'десять'). Потому в клинописи 'единица' — детерминатив и племени.

2) 'Один' выражается 'рукой', но 'рука' это долго отличительная особенность человека, его символ, как впоследствии 'душа' ('дыхание'), 'нос', 'тело' ('мясо', 'кость'), равно 'голова'. 'Рука', это личность человеческая, как впоследствии

¹ Об армянском, грузинском да и иранских дериватных терминах, разновидностях этого слова, т. *bewġ* 'много', арм. *bewġ* ↔ *biwġ*, авест. *baevage*, см. Н. Марр и И. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, стр. 33.

² Н. Марр, Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы), ВС, т. I, стр. 138.

‘душа’, равно ‘тело’, ‘голова’. Потому еще более понятно, что ‘единица’, гесп. ‘рука’, служит детерминативом всякой личности и собрания личностей, тем более, что в яфетических языках, где ‘лицо’ и ‘рот’ выражаются одним словом (перезжиточно и в латинском), они, ‘лицо’ вслед за ‘ртом’, получили свое название, в развитие микрокосмической терминологии, по семантической формуле «часть по целому», от ‘головы’, так у грузин რიგ ‘лицо’ ← ‘рот’ || *რიგ → ხიგ: бск. ხიგ-ი ‘голова’ || чув. რიგ ‘голова’. При таких связях ‘руки’ с ‘головой’ и другими соприкосновенными частями человеческого тела, еще больше было основания ‘единице’ быть детерминативом личности или собрания личностей.

3) При учете руки как пятерни, выделяется и ‘палец’, так в связи с этим находится у грузин производство глагола ‘показывать’ не только от ‘руки’, но и от ‘пальца’ — ზიჳ ‘палец’, ი-ზიჳ-ებ-ს ‘он (-s) указывает ему (и-)’.

Счет мог вестись и по пальцам, но где он и сейчас улавливается, там свидетельство позднее уже совершившейся эволюции, когда могли считать до пяти по пятерне и затем насчитывать далее пальцами, да и отсчитывать пальцами от пяти ниже, как о том свидетельствует римская цифра IV, т. е. ‘5 без одного’, тогда, конечно, могли начать исчисление ‘пальцем’ и с ‘единицы’. Однако у грузин, где ზიჳ-ო ‘по одному’ легко бы отождествить с ზიჳ ‘палец’, дело сложнее, ибо ზიჳ с утратой *v* перед гласным или с перебойным из *u* гласным *i* восходит к ზიჳ, со сванским раздвоением ზვიჳ-, и, судя по его использованию в г. ზვიჳ-ოპ ‘сам’, равно ზვიჳ-ო ‘каждый’, ‘по одному’, мы вскрываем как основное или более раннее значение не ‘палец’, а ‘рука’ (г. tot) || ‘голова’ (ср. м., ч. dub-1 ‘голова’). С ზვიჳ-ოპ (←*ზიჳ-ოპ) теперь иная еще проблема: не сокращенное ли это образование из элементов АС (ср. т. op ‘десять’ ~ in в арм. in-զըп ‘сам’)?

Но независимо от этих семантических увязок с различными нарицательными именами и частями речи, притом и более сложного характера, исследование числительных в звуковой речи осложняется непосредственно ее техническим материалом. Построенные идеологически на тождественных с ливейной речью основаниях, числительные звуковой речи технически оборудованы иначе, и это создает не только особенности ее, сравнительно с ливейной речью, но и трудности для палеонтологической, так особенно сравнительной работы. Дело в том, что в ливейной речи использовывалась для всех образов всего состава числительных ‘рука’ или ‘пятерня’ одна, а в звуковой речи ‘рука’ и в зависимости от нее ‘пятерня’, ‘кулак’ имели для своего обозначения четыре элемента А, В, С, D, и каждый из этих элементов мог быть использован для выражения основных числительных слов.

Раньше чем приступить к анализу конкретных числовых терминов, надо предупредить о существовании нумеративных слов. И в русском мы говорим ‘двадцать *дымов* жителей’, ‘шесть *душ* детей’, ‘пять *штук* яблок’, ‘четыре *куски* сахару’ и т. п. В этих выражениях ‘дым’, ‘душа’, ‘штука’, ‘кусок’ можно бы усмотреть нумеративные слова, но там, где налицо подлинные нумеративные слова или формы, признаки выступают более выдержанные и общие.

У абхазов, когда речь идет об активном предмете («разумном» по принятой в абхазской грамматике терминологии), числительное снабжается придатком -უა,

означающим 'человек'; если же речь о пассивном предмете («неразумном» по принятой в абхазской грамматике терминологии), такой же придаток звучит -*ba*, что, будучи эквивалентом придающей местоимениям неопределенность частицы *g*. -*me*, *m*., *č*. -*shi* и пр., в абхазском коякредно значит в этом случае 'нечто', 'вещь'.

Нумеративные частицы или слова мы находим и в китайском, но здесь они так многочисленны, различаясь по тому, к какой категории предметов по расценке уже поздней исторических эпох они относятся, к людям ли и государствам, а также месяцам и т. д., лошадям ли или скоту, к предметам ли с открытой поверхностью, столам, картинам, бумаге и т. д.,¹ что в этих нумеративных словах или, как называет их П. П. Шмидт, числительных частицах впору признать термины, играющие роль детерминативов в клинописных текстах. В китайском такое толкование нумеративных терминов тем более уместно, что в детерминативе нуждались китайские слова, как полисемантические, не только для уточнения их смысла, но и для элементарно правильного их понимания.

Более цельная абхазская система, впрочем, материально также не выдержана полностью, о чем ниже.

Нумеративное число, обратившееся в паразитический придаток, воспринимавшийся некогда при палеонтологическом анализе и как классовый признак, иногда за суффикс мн. числа, прослеживается и в других языках яфетической и пояфетической системы; так из яфетических языков в лезгинском ответвлении: также -*ba* в ахвахском при '2', -*da* в ботл., годоб., карат., чамал., тиндал. (в багул. при '3', '100', '1000'), -*d* в рутул., равно собственно лезгинском, так наз. кюринском, -*ga* в багулальском (в нем же -*da*, см. выше), гесп. -*na* (|| по ~ *ni*) в хварш., дидойск. до '3'. К ряду с частицей -*da* примыкает и комплекс *qe-da* \searrow *q-da*, сохраненный сванским в его отрицании *de-qe + da* \searrow *de-q + da* 'ни один из двух' (см. ниже, стр. 303). В кругу перечисленных языков нумеративное некогда слово иногда используется и как число (см. в части о 'четырех', стр. 290 сл.).

В абхазском 'единица' также различает предметы активные и пассивные, но придатками к числу 'один' служат при активных предметах -*ǰə*, а при пассивных -*kə*, следовательно, налицо расхождение с нумеративными словами других чисел, неизменяемая же его часть -*a*: *a-ǰə* и *a-kə*. Однако возникает вопрос: не вытеснены ли -*wə* и -*ba* из нумеративных частиц 'единицы' наличными теперь -*ǰə* и -*kə*? В отношении -*kə* такой вопрос возникает в силу следующих обстоятельств: у скифов 'один' звучал *ag̃ta*, термин составной, в котором *ag + 1* это *ag*- 'один', разновидность шипящей группы с именным окончанием -*i*, а *ta* также 'один', гесп. 'нечто', но, будучи разновидностью *ba*, эта часть, может быть, является нумеративным словом при пассивном («неразумном») предмете, поскольку скифское числительное *ag̃ta* нам известно лишь из сочетания со *spu*, гесп. *spou* 'глаз': *ag̃ta-spu* ('*Αριμασπί*') 'одноглазые'.²

Неизменяемая часть *a*-, усеченный вид основы *ag*, в абхазском служит своеобразным определительным членом в именах, ибо пережиточное мышление абхаз-

¹ П. П. Шмидт, Опыт мандаринской грамматики, Владивосток, 1915, стр. 159.

² Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 380; Введение к Абхазско-русскому словарю, стр. XXXII.

ского языка таково, что у создавших эту речь не было представления об абсолюте, об абсолютном существовании предмета, как вообще в яфетических языках, по их изначальному построению, нет представления ни об абсолютном или безотносительном действии, ни об абсолютном состоянии; более того, ни действие, ни состояние само по себе не мыслилось, т. е. глаголов, как мы то понимаем, в них собственно не было. Каждый предмет раньше мыслился космически как часть коллектива, целого мира, впоследствии одного из трех дифференцировавшихся в представлении человечества миров — верхнего (неба), нижнего (земли), преисподнего (моря), социально с известных эпох, естественно, как вообще одного известного мира, своего племени, или другого неизвестного мира, чужого племени. Потому 'другой' в смысле 'чужого', а не 'второго', как в яфетических языках (пережиточно, разумеется, и в не-яфетических) представляет установившееся к тому времени племенное название, название того именно племени, которое уже противопоставалось своему: в этом смысле 'другой' и 'чужой' были синонимами. Так, в значении 'другого' у грузин др. -лит. *sq̄owa*, народн. г. *sq̄va* (← *sq̄owa*, гесп. **sqo-va*), скрещенный термин из 1) *sqo- ↔ sqi-*, элемента А, лишь первой части скифского племенного названия, также скрещенного термина (*skw-ḍa* ← **sku-ḍan* || *skolo-t* ← **skol'o¹-ton*), и 2) *v¹al*, элемента В, берского племенного слова (ср. г. *sq̄u+m-is* 'иной раз', 'иногда', где *sq̄u+m* — усеченная основа архетипа **sq̄u-mer*, гесп. **sq̄u-mar*). Словом, в общем *sq̄owa* не скифское, а кимерское племенное название (*ki-mer* ← **hku-mer* ~ **skumer*, гесп. ши-мер), на Кавказе отложившееся в длинном ряде топонимических терминов¹ с сохранением сибилантного элемента в группе *sk*, гесп. *sk* → *sq̄* ↗ *ḥq̄*, по шипящей группе *ḥq̄* и т. п. без его спирантизации (*Ḑq̄m̄r̄g*, *Ḑq̄m̄*, *Le-ḥq̄m̄* и т. д.). И вот, когда в значении 'другого' = 'чужого' у грузин мы находим это кимерское племенное название *sq̄o-wa*, а у армян *ayl* (← **al-1*), спирантизованный вид элемента А, впоследствии салского племенного слова свистящей группы (с аканием), то мы переносимся в протоисторические, или, вернее, лефоисторические эпохи, когда грузины, будучи сами сарматского племени (напомним об их сарматском тотемном боге — *tarmaḍ*), себе противопоставляли кимеров-иберов, а армяне, разумеется, допротетейские («доиндоевропейские») армяне, тогда еще не сомехи,² не шумеры или кимеры-иберы, да и не сарматы (следовательно, без их тотемного еще бога: речь уже о *sa+baḍ-1* или *kaḡa+ret*, но

¹ Н. Марр, Чуваша-яфетиды на Волге, стр. 49 сл.

² Этот скрещенный термин *so-me+q̄*, во второй части бесспорно восходящий к архетипу *mes-q̄* известному племенному названию, разновидности *masq̄* (ср. арм. *Maḡ+e/i-q̄/s* 'Арапат' *ḡoḡa*) *bask* || *moḥk* ↔ *moḥk* (*m̄ soq̄*), хорошо известному по царству мушквов в XI в. до н. э. в Армении и по многочисленным отложениям в ее исторической топонимике, в первой части (*so-*) вами отождествлялся с ионским племенным названием, т. е. в целом в нем усматривался «*son-l esx*» или «*swano-mesx*». Но другие данные нас вынудили признать (Скифский язык, стр. 358—359), что в первой части *so-* валидо пережиток салского племенного названия с аканием, именно *sol-*, гесп. в шипящей группе при непочатой нормальности *moḡ-* (← *skoḡ-*), и тогда мы в самом *so+me-q̄*е получили пережиток терминов *shi-mer* ~ *ki-mer* (*ḡi-ber*) с функциональным прилагком *-q̄*, палеонтологически пережитком элемента С, с известных эпох также племенного названия (YON). Особовно склоняемся к этому разъяснению потому, что он поддерживается типичически, следовательно, увязывается социально и с грузинской общественностью, поскольку при таком толковании его лишь разновидностью явится г. слово *ḡ-mer-ḡal* 'бог'.

не об as-pat), а лишь или беры (ср. курдское название армян fi) или ионы (ср. национальное название haу), себе противопоставляли еще салов. Когда же в значении специально 'чужого' грузинский и даже армянский язык имеют, первый — u-đqo (диалект. vu-đqo ↖ *vu-sqo), второй — o-tar (в др.-лит. транскрипции aw-tar ← ∞ *va-tar), то это уже оба скрещенные термины, одинаково из элементов ВА (от элемента В налицо 'v' u || va → aw), оба первичного порядка не только по материалу, но и по значению.

Архетип *va-tar армянского слова o-tar 'чужой', как бы, да и действительно 'гость', имеет один недостаток, зубной t есть упрощение из аффриката t̥, так что подлинный архетип va-ṭar, существующий налицо и обозначающий по-грузински 'купец', а по-армянски уже в дериватном значении по функциональной связи и предмет занятия 'товар', и само занятие или дело 'иностранца' или 'чужого', 'гостя', 'кунца', т. е. 'купля-продажа'. Сюда же, с учетом v ↔ m ↗ r → b, и место занятия, торговли — хлд. patar-1 'город', bāzār 'торжище', 'рынок', 'ворота',¹ из них 'город' и 'ворота' хотя бы по полигенизму значений.

Да и грузинское sq̄ua (← *sq̄o-val) 'другой' первоначально значило и 'чужой', и потому-то его фонетическая разновидность stu-mag у грузин сохранилась со значением 'гостя'. Конечно, по формальной палеонтологии г. va-ṭar 'купец' (арм. см. выше) и г. stu-mag 'гость' — двойники, представляющие скрещение одних и тех же элементов (ṭar || stu[r] и va[r] || mag), расположенных лишь в обратном порядке. Мы уже не имеем надобности проследивать здесь далее семантическое развитие на реальной почве общественных отношений, межплеменных либо межклассовых, например, то, как 'чужой' да 'враг' в иных условиях взаимоотношений племени к племени или класса к классу, resp. сословия к сословию, хотя бы в порядке уже договорного начала, становился 'гостем', а далее и 'другом', и вся эта общественная реальность отлагалась и отложилась в соответственных терминах. И коллектив другой, первоначально коллективно 'чужой', становился коллективным 'кунаком' и коллективным 'другом' своего коллектива, своего племени или своего племенного слоя, класса, когда 'друг' и 'чужой' могли оказаться в одном племенном образовании классово слагавшегося народа.

Однако первичное представление о двух мирах, своего и чужого коллектива, позднее своего племени и чужого племени, развилось в представление об известном и неизвестном, причем неизвестное стало общим, отвлеченным, потеряло конкретность живого видимого предмета, племени, хотя бы чужого племени, а известное, свое, у человечества осложнилось не только в собственном племенном образовании, объединившись или расщепившись в классовых по производству взаимоотношениях, но вышедшее за пределы племенного мира и ставшее космическим, разбило мир, смотря по числу скристаллизовавшихся в данном племенном образовании классов, на две, а затем и три разновидности, мир нашей плоскости, нижний, мир верхний — звездный и мир преисподний — водный, в связи с чем находится в яфетических языках такое семантическое явление, как название и 'неба', и 'земли', и 'преисподней' одним и тем же словом 'небо',

¹ Н. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, т. XXV, стр. 8, 12—18.

в порядке: 'верхнее небо' ('небо¹' = наше 'небо'), нижнее 'небо' ('небо²' = 'земля') и 'преисподнее небо' ('небо³' = 'море'). Вот узел, где сходится 'небо' с материальным окружением людей, общественностью и ее производственно-хозяйственными группировками, впоследствии племенными образованиями и их расслоениями также производственными, динамически классовыми и статически сословными. Здесь же конкретно-материальные данные для созидания космических представлений и, следовательно, в свою очередь для увязки терминов космических и микрокосмических. На соответственной ступени развития космических представлений человечество мыслило существование предмета как определенной части одного из этих трех миров или общественного, племенного, геср. классового, т. е. материально творимого человеком, или космического, в те эпохи надстроечного магического, и ничего более, никакой неизвестности в смысле «надкосмического», хотя бы вообще внекосмического или отвлеченного, разве по незнанию того, кому из этих трех миров принадлежал тот или иной предмет, и тогда такой предмет снабжался признаком неопределенности, в абхазском тем же словом а-, которое как числительное значит 'один', но в роли неопределенного члена не 'один', а 'кто-то', так что а-пар значит не 'одна рука', а 'рука кого-то', 'рука одного неизвестного', 'чья-то рука'. Но известный мир с расслоением на три разновидности, у яфетидов вообще прослеживаемые лишь пережиточно в наречиях ('вверх', 'низ' и 'низ в глубину'), у абхазов в наличном состоянии речи сведен к мирам общественного значения, миру активных или творческих сил (человека и его подобий, что у лингвистов принято называть «разумными») и пассивных («неразумных»), используемых активными в их творчестве, причем классовые показатели двух из трех космических миров (верхнего, нижнего и преисподнего) или социальных группировок, использованы как родовые характеристики, раньше обозначавшие не пол, женский или мужской, а руководящие общественные силы, женскую (матриархальную) и мужскую (патриархальную): принадлежность к миру пассивных выражается одним признаком, в именах тем же «а-», означающим и 'один' и неопределенность принадлежности ('кого-то', 'одного'), а принадлежность к миру активных — другим признаком, в именах и глаголах действия с учетом рода женского (1-) или мужского (1-) активных существ. И вот нет ни одного предмета, который мог бы быть назван без указания его отношения к составу космоса в представлении абхаза. Предмет называется или, по восприятию бездейственности, с отнесением его в мир пассивных при помощи префикса а-, не определяющего точно, но все-таки указующего на относимость данного предмета к составу одного из миров, какого-либо из них, или с определенным обозначением его принадлежности миру активных в единственном числе с учетом женского (1-) и мужского (1-) рода. От такой необходимости в языковом мышлении абхаза не свободен и 'бог': нет 'бога вообще', а есть бог активного мира, женского — 'ее бог' (1ə-pʰə)¹ или мужского — 'его бог' (1-pʰə), или неактивного — 'чей-то бог' (a-pʰə), т. е. бог одного из известных миров.

¹ Основа ап- (•pʰə, призн. мн. числа) после гласного утрачивает свою огласовку «а».

Мы сейчас не останавливаемся и на том, какое значение первично при полном и материальном и семантическом тождестве слова «а» 'один' со словом «а» 'кто-то', 'какой-либо', 'один': числительное 'один' или местоименное 'кто-либо', гесп. 'какой-либо'? Оговоримся разве, что ни одно из них, притязующих на первенство, не является первичным, оба они, и 'один', и 'кто-то', слишком отвлеченные понятия, и когда речь заходит о действительно более древнем конкретном значении этого слова, возникает; мы уже видели, спор между двумя понятиями — понятием общественного порядка 'человек' (гесп. 'племя', ср. г. ег || абх. аг 'народ', 'войско') и понятием производственного порядка 'рука' в дериватных словах — г. -ег ← арм. Դիւր в послелогое г. mi-ег 'через него' (← 'его рукой') → 'через', арм. անդ (← *ənd-her) 'о бок', 'рядом' (см. др.-л. аг- в глаголе 'делать' аг-п-ел || бск., арм. аг- в глаголе аг-ту, аг-п-ул 'брать', все эти глаголы от 'руки', ср. также предлог др.-л. арм. аг 'около', 'к' [← 'рука', 'бок', 'сторона']).

Нам достаточно пока знать, что слово «а», действительно, значит и 'один'. И когда в применении к активному предмету оно получает придаток $\check{\text{d}}\text{ə}$ — а- $\check{\text{d}}\text{ə}$, а в применении к пассивному предмету придаток $\text{k}\text{ə}$ — а- $\text{k}\text{ə}$, то идеологически поддерживаемая система, указывание класса активных и пассивных, материально, казалось бы, не выдерживает последовательности, так как придаваемые в этих целях к слову «а» 'один' - $\check{\text{d}}\text{ə}$ и - $\text{k}\text{ə}$ по сравнительному материалу значат, первое не 'человек', как - $\text{w}\text{ə}$ в остальных числах, и второе не 'нечто', как - ba в остальных числах, а и то и другое слово одинаково — число 'один'.

Из них $\text{k}\text{ə}$ (→ k) в самом абхазском самостоятельно появляется в значении 'одного' в формах единичности — пар $\check{\text{d}}$ - k 'одна рука', шар $\check{\text{d}}$ - k 'одна нога'. Его история с роднею в яфетических языках Кавказа и с восхождением к архетипу kig [~ kig] давно выяснена.¹

Теперь мы можем прибавить еще то, что —

1) kig ↔ * kog , гесп. kol , означая 'один', могло означать и, действительно, означало 'два',² поскольку основное нарицательное его значение было 'рука', и вот с этим основным его значением связано и значение 'сторона', 'бок', с которым значением у армян сохранилась его закономерная разновидность др.-л. $\text{ko}\check{\text{t}}$ (народн. $\text{ko}\check{\text{g}}$ ← * kog) как самостоятельно в значении 'бока', pl. t. $\text{ko}\check{\text{g}}\text{-q}$, так в составе др.-л. $\text{ko}\check{\text{t}}\text{-m}\text{ə}\text{p}$ (народн. $\text{ko}\check{\text{g}}\text{-m}$) 'сторона', согласно же пучковому значению 'рука + женщина + вода' другая его разновидность по звуковому закону $\text{l} || \text{r} \sim \text{s} || \text{ш}$ — koys (из $\text{kos}\text{-i}$ вм. $\text{ko}\text{sh}\text{-i}$) 'девица', гесп. '*женщина'. Это отождествление 'женщины' с 'рукой' (→ 'бок', 'ребро') в одном слове, вскрытое палеонтологией речи, наследие ли эпохи дологического мышления или смена по трудовой функции творящей руки производительницей-женщиной, и послужило, как и раньше не раз указывалось, основой библейского мифа о создании женщины из 'ребра мужчины'.

2) Подлинная разновидность шипящей группы данного термина kog , именно * $\text{ko}\check{\text{sh}}$ / $\text{ko}\check{\text{d}}$, в языках названной группы, мегрельском и чанском (лазском), звучащая $\text{ko}\check{\text{d}}\text{-i}$, не поддерживает в том, чтобы палеонтологически не означал

¹ Н. Марр, Определение яз. гка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, § 24;

² См. ниже, стр. 301.

‘человека’ и суффикс -кә, сбытовавшийся у абхазов как нумеративное число для счета пассивных предметов.

Такие же подвижные придатки, то полностью, то усеченно, того же элемента (А), так в соответствие к ← кә / kur (~kir) с аканием каг и т. п., т. е. по спиратной ветви, то того или иного элемента сибилантной ветви, о чем в целом ниже, усеченно мы наблюдаем в баскском у числительного ‘один’: *ba-kaḡ ~ ba-t* и т. п.

Некоторая неопределенность здесь лишь в том, что у ядом с каг, элементом А, появляется в том же месте с тем же чередованием огласовки элемент С — *kaп || kип* (*ba-kaп* ‘редкий’ ← ‘единственный’ || *ba kип* ‘простой’ ← ‘один’), и пока все не устранено еще сомнение касательно разновидностей с утраченным исходным согласным, как то -к ← -ко ↔ -ку, равно -к₁ (*ba-k₁-*), остается под сомнением вопрос: к которому из двух архетипов, с г (элементу А) или п (элементу С), отнести их? Однако, и здесь —

1) как указывают и разновидность *kaп*, в грузинском *gaп*, со значением ‘бока’, ‘стороны’, и разновидности *keп ↔ kип*, означающие первая у грузин ‘сторону’ — *mis-keп* ‘в его сторону’, вторая у древних армян ‘раз’, ‘-жды’, в числительных *eḡeḡ-kип* ‘трижды’, имели, следовательно, основным значением ‘руку’, а с ним по пучковости и ‘женщину’ у тех же армян — *kип*, равно *kaп-*, последнее в основе множественного числа им. *kaп-ау-ḡ*, р. *kaп-ḡ*;

2) элемент С служит также для обозначения ‘человека’.

Что касается *ḡә*, то наличная абхазская форма есть с разложением *и* в *wә*, редукция архетипа **ḡи*, пережитка элемента С, с определенных эпох ионского племенного слова **ḡип ↔ *ḡоп*. Это **ḡи ↔ ḡо* у басков появляется в виде *ḡи* в том же слове ‘один’ — *ba-ḡи-k* или *ba-ḡи-e+k*, обычно об одушевленных предметах, точно об активных. В мегрельском форму ионского племенного слова с утратой исходного *п* имеем в *аг-ḡо*, но и с аканием *аг-ḡа*, оба со значением: 1) ‘всякий’, ‘каждый’ (← ‘человек’), 2) ‘всѣ’ (← ‘воедино’ ‘вместе’ ← ‘один’), но с функцией иной, как и г. др.-л. *keḡ-ḡо* ‘половина’ (← ‘два’). В грузинском тот же ионский элемент сохранился без фрикативности зубного с огласовкой «е» или закономерно в соответствии мегрельского «а» в -*ḡа* слова *аг-ḡа* (← **ḡап*) или с перебойным представителем (*е ↔ и*) того же губного гласного, что и в абхазском (*о ↔ и*). И все в том же изолированно наличном в мегрельской речи *аг ḡо* и находим его, это ионское племенное слово *деп*, у грузин, в их др.-лит. языке, в сочетании с тем «а» ‘один’, что у абхазов, но в окающей форме — *о-деп* ‘один только’.

И тем не менее, как «а» в одном случае значит ‘один’, а в другом ‘кто-либо’, ‘некто’ и т. п., так *ḡә* и *кә* в одном случае значат ‘один’ (в др.-л. груз. *о-деп*, в абх. формах единичности -*ке → -к*, элаиск. *kig* ‘один’), а в другом — ‘человек’ (*а-ḡә*) и ‘кто-то’, ‘некто’, ‘нечто’, собственно неопределенность (*а-кә*), как видим мы это и в его деривате у армян *ḡ* (← *k*) в словах из круга неопределенных местоимений — *о-ḡ* ‘кто-либо’, ‘кто-нибудь’, но и ‘что-либо’, ‘что-нибудь’, *1-ḡ* ‘что-либо’, ‘что-нибудь’.

Объясняется же все это тем, что палеонтологически как ‘единица’, так ‘кто-либо’, ‘кто-нибудь’, по-видимому без отличия от ‘что-либо’, ‘что-нибудь’, представляют одно и то же соотношение, означающее в разрезе социальных понятий, как было

указано, 'человек'. Если же прибавить к этому, что само слово 'человек', как общее понятие, — позднейшее явление, первоначально обозначавшее лишь 'племенного человека', 'единицу данного племени', потому, как уже разъяснено, эта 'единица-человек' всегда данного племени и само 'племя' носили одно и то же название, еще более будет понятно, почему в клинописи, как также было указано, один и тот же знак Υ означает и 'один' и, уже в роли детерминатива, 'личность', гесп. 'единицу-человека', причем тот же знак ставится и перед племенными названиями, коллективами единиц, носящими одно общее название с 'единицею-человеком', но в то же время, как собрание, совокупность, означающими 'все'. 'всякий'. Для знакомого с языковым мышлением древнего грузина вполне естественно такое использование слова 'человек' в значении 'всякий', 'каждый': достаточно вспомнить выражение $ka\check{s}-ad\ ka\check{s}+ad-1$ 'каждый' от $ka\check{s}$ 'человек'. С этим именным происхождением числительного 'один', хотя не первичным, но с эпохи этнических образований наличным, органически связано то, что для него, т. е. для числа 'один', всегда имеются различные слова в каждом языке, так как язык представляет скрещение языков ряда хозяйственно-производственных коллективов, более того — ряда уже выделившихся «племенных» языков, вносивших в новые более сложные «племенные» образования, многократно скрещенные, каждый свое название человека и, следовательно, соответственно особое слово для выражения 'единицы'.

И вот во всех случаях, какой бы общий с грузинским яфетический термин ни взять со значением 'один', абхазский оказывается на более древней ступени развития, так $a-$ 'один', используемый в значении 'друг друга', букв. 'один одного' в форме $eu-ba \leftarrow au-ba$, усеченно au , восходит, как не раз разъяснялось, к архетипу $ag-$, что в сибилантной ветви языков предлежит в скрещении с элементом S , в поэтикоэпические эпохи ионским племенным словом $den \leftrightarrow d\dot{n}$, ныне в виде его пережитка \check{d} — г. $eg+\check{d} \parallel м., ч. ag+\check{d}$. Самостоятельно $eg \parallel ag$ появляется лишь в говорах — г. $eg-1$ 'один' $\parallel ч. ag$ 'один', да в пережившем у армян в их народной речи $ig+e-ag \leftarrow *eg+e-ag$ 'друг друга', букв. 'один одного'. Но в общем все-таки факт, что, тогда как в абхазском это числительное используется самостоятельно в роли и неопределенного местоимения $a-$ в именах, и взаимного в сочетании с ba , также означавшим 'один', — $au-ba \rightarrow eu-ba$, да и в числительных оно не теряет своего самостоятельного значения от восприятия придатков, будст ли это $\check{d}\check{e} — a-\check{d}\check{e}$ 'один' при активных предметах, или $k\check{e} — a-k\check{e}$ 'один' при пассивных предметах, в грузинском и мегрельском, равно чанском. скрещенное слово $eg\check{d} \parallel ag\check{d}$ представляется первичной простой основой. В грузинском нет даже той подвижности придаточного $-\check{d}$ ($\leftarrow -d \leftarrow -t$), эквивалента абх. $\check{d}\check{e}$, хотя бы и без функции определять класс исчисляемого предмета, какую мы замечаем в баскском с двумя формально эквивалентными придатками — $-t \parallel абх. -\check{d}\check{e}$ и $-kar$ (resp. $-kun$) $\rightarrow -ku$ ($ba-ku$ 'собрание'), $-k1$ ($ba+k1-tu$ 'объединять', $ba+ke-ak$ 'собрание') в словах $ba-t$ 'один' и $ba-kar$ 'одинокий', 'один только' (если не $ba-kan$ 'редкий' $\leftarrow *единственный$) и т. п.

Можно бы думать, что архетип абхазского числительного «а», именно ag , есть вклад мегрельского или чанского языка, где он полностью и безукоризненно

сохранен в составном термине аг-Ә. Мы могли бы к этому прибавить, что и аг-Ә отложился в абхазском, именно в слове а-џә ($\leftarrow *ag-\dot{d}u \leftrightarrow$ м. аг-џо) 'один', но этих именно сопоставлений достаточно, чтобы отнести а limine, т. е. с порога, всякую возможность абхазские числительные, даже тогда, когда бесспорно наиболее тесные связи абхазского с мегрельским — вне всякого сомнения, толковать данными из мегрельского языка, ибо за исключением изолированного агдо || арда 'всѣ', 'каждый',¹ данные эти, наоборот, и материально (агӘ при абх. а \leftarrow аг), и идеологически (агӘ при а-џә) более поздние по состоянию, чем их абхазские соответствия, а связи абхазского с мегрельским — более древней даты, чем время установления исторически развитого типологического единства числительных у яфетических народов Кавказа. Более того, территориально абхазский вид 'единицы', да и не одной 'единицы' связывается больше с севером, именно со скифским севером, чем с югом. На юге мы, конечно, находим элементы нужного нам материала для построения абхазских числительных, пожалуй, в Армении больше, чем в наличном состоянии мегрельского и чанского языков, ибо рядом с -аг в г + е-аг 'друг друга', архетипа абхазского а- \rightarrow ау-, др.-л. язык армян выявляет в значении 'одного' то слово те (\leftarrow теу) \leftrightarrow тп, которое в грузинском сохранилось в роли неопределенной частицы -те — vi-n-те 'кто-либо', гау¹-те 'что-либо', полная форма тел (диал. тен) — г. го-тел 'который', буквально 'что-либо', а в мегрельском в виде ти (г. др.-л. га-те-џи 'так что', 'ибо' || м. па-ти-да), тогда как в абхазском мы его имеем с аканием -ва (\surd -та) как придаток всех числительных, кроме единицы, когда исчисляется неактивный предмет. Но элемент В, именно в формах та || то || те со значением 'одного', палеонтологически вскрыт теперь и на далеком севере у финнов в составе мкш. kol-та || эрз. kol-та || см. kol-те 'три' ('2+1').² Если бы абхазский держался своей системы и в слове 'один', то вместо а-кә мы имели бы *а-ва, герс. *а-та, в архетипе *аг-та, но этот архетип *аг-та в значении 'одного' нам также не надо, пожалуй, снабжать звездочкой, так как в этой со щепетильностью точно восстановленной разновидности трудно не узнать разобранное уже нами выше скифское числительное агта 'один', по анализу аг+1-та из составного слова 'Αριμαστοί 'одноглазые'.

С другой стороны, исключительная истертость или изношенность абхазского а- ('один' \rightarrow) 'некто', 'ничего', сравнительно с его архетипом аг (в полном виде һаг \surd каг), не представляет чего-либо, отгораживающего абхазский язык от других языков яфетической или неяфетической системы, хотя бы более древней — уранической. Абхазский, язык синтетического еще уклона, имеет в этом отношении, правда, общую черту и с китайским, утрату плавных звуков в исходе, особенно г, притом именно в абхазском не всегда бесследно. Но то же самое спорадически наблюдаем на Кавказе, не говоря об языках Армении,³ притом

¹ Кроме того, свистящая порода зубного \dot{d} в арда || ардо в пользу принадлежности всего слова более абхазскому, чем мегрельскому.

² Н. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрза мордовского языка, Д¹ П, 1927, стр. 144.

³ Сюда же относятся, конечно, вопросительные местоимения о- 'кто' и е- 'что' по связи этой местоименной категории и, мы видели, 'каждого' с 'человеком' (см. выше, стр. 282).

обоих, даже в грузинском, мегрельском и чанском. Так, м. $\text{t}\delta\text{a}$ 'красный', как того требует его грузинский эквивалент $\text{t}\delta\text{el}$, восходит к архетипу $*\text{t}\delta\text{ag}$. В самом грузинском основа сущ. глагола ag (др.-лат. ag-s 'есть', народн. $\text{ag}+1\text{-s} \rightarrow \text{ag}+1$) сплошь и рядом с давних пор появляется энклитически в виде «а» 'есть'. Да и в значении самого числительного 'один' элемент А все свои усеченные разновидности, с оканием и эканием, выявляет именно в грузинском. Вот таблица форм элемента А с утратой исходного плавного, как он представлен в составе самих числительных или нумеративных слов:

акание	окание (о \leftrightarrow u)	эkanie (е \leftrightarrow i)
a- 'один' ('кто-то', 'что-то') <i>абх.</i>	o-den 'только' \leftarrow 'одян' <i>груз.</i>	e-qus 'шесть' ('1+5') <i>груз.</i>
$\text{a} + \text{m-шvi}$ 'шесть' (('1+5'))	o-q 'один' \rightarrow 'некто' <i>арм. др.-л.</i> , но и 'ничто'	i-q ('один' \rightarrow) 'что-либо' <i>арм. др.-л.</i>
<i>м., ч.</i> (ср. особо al-шvi)	$\text{p. u} + \text{gu-q}$ 'кого-либо', u-sgwa '6' ('1+5') <i>св.</i> hir-u 'три' ('2+1') <i>бск.</i> (но и с сохранением плавного: ig-ag).	$\text{eg} + \text{e-q}$ (им. мн. -q) $\text{eg} + 1\text{-s}$ (вин. мн. -s) 'три' ('2+1') <i>арм. др.-л.</i>

Исчезновение исходного плавного, г ли это или l, если не особенно, то не менее присуще сибилантным представителям того же элемента А. Надо, однако, не забывать, что плавные звуки не бывают нормально тождественны в языках свистящей и шипящей группы, т. е. г. eg ($\text{eg-}\delta$) и м. ag ($\text{ag-}\delta$) не находятся в безукоризненно закономерных взаимоотношениях. Кроме того, самое закономерное звукосоответствие $\text{e} \parallel \text{a}$ в языках сибилантной ветви между свистящей и шипящей группами есть позднейшее благоприобретение, первично эти две группы довольствовались звукосоответствием $\text{ss} \text{ a} \parallel \text{шп o}$ ($\leftrightarrow \text{u}$), так что формовка гласным «е», как она ни древня и для грузинского, есть результат скрещения со спирантной ветвью сванского или иного типа.¹ Мы сейчас не будем углубляться в историю, ограничившись указанием, что экание появилось в грузинском, языке свистящей группы, в результате скрещения с языком соответственной огласовки. Это одна стадия в истории слова, для него чисто формальная, а использование именно экающей формы в значении 'одного', это другая стадия истории, результат отбора в процессе уточнения значений между 'единицей' и 'двумя', о чем речь ниже. Влияние спирантного типа в данном числительном 'один' сказывается помимо огласовки и в спирантности начального согласного элемента А, который в идеальном оформлении языка свистящей группы должен бы звучать sal , с утратой исходного плавного — sa : существование этой именно формы, как одного из соответственных числительных, когда-то в самом грузинском не подлежит никакому сомнению, как сейчас будет показано на своем месте;² кроме того,

¹ Н. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка, ДАН, 1911, стр. 144—145.

² См. стр. 286.

общее техническое построение всей системы числительных в кругу сибилантной ветви заставило и в родном грузинском дать свистящей разновидности особое назначение, однако в обсуждаемом сейчас смысле 'одного' эта форма *sa* и сейчас на месте у ряда народов с яфетическими языками прономинального типа, именно в удинском (*sa*), равно табасаранском, хюркилинском ($\nearrow \dot{\text{š}}a$), в рутульском с придатком *d* (*sa-d*) и собственном лезгинском, так называемом по одному его наречию кюринском с тем же придатком (*sa-d*), пережитком нумеративного слова.

И все-таки надо считаться с фактом: вне системы самих числительных грузинский язык сохранил, как в одиночестве застрявшую, ту же форму полностью **sal*, да еще в подъеме $s \nearrow \dot{\text{š}}$, сохранил со значением 'единицы' в термине $\dot{\text{š}}al$ 'единица', 'экземпляр' и т. п., напр., в выражении: *gamdeni šal-i gaqvs* 'сколько у тебя экземпляров || штук' (← 'единиц'), $\dot{\text{š}}al \text{ feqze dgas}$ 'стоит на одной ноге', собственно: 'на одной из двух ног'.

Если исключить осложнение вопроса разъяснением нумеративных слов $\dot{\text{š}}\dot{\text{e}}$, *kə*, *uə*, *ba*, то по существу в значении 'одного' мы занимались лишь элементом *A*, но занимались им частично.

Ведь, слово, собственно, означало 'руку', и в грузинском именно и сохранилась требуемая для его общественной огласовки форма (*sal* → *zal* \nearrow) $\dot{\text{d}}al$ со значением 'сила', указывающим на семантический архетип 'рука', а это его значение выявляется еще более ясно, даже для непосвященных в палеонтологию речи, производным от него глаголом *a-đl-e-v-s* 'дает ему' (← 'вручает ему'). Раз, однако, 'рука', то это слово имело быть использовано в значении не только 'одного', но и 'двух', не говоря о дальнейшей значимости его и как 'пять', по восприятию 'руки' как 'пятерни', 'кулака' и т. п., о чем особо. Итак, раз 'рука', по традиции от линейной речи, слово могло означать и 'один', и 'два'.

Мы видели, как $\dot{\text{š}}al$ ($\searrow sal$) означает в самом грузинском 'единицу', но оно же означает 'двойник', 'пару', в выражении *es tviđ-i mišl šal-i-a* 'этот вьюк его двойник', и в связи с этой амплитудой семантического колебания между 'единицей' и 'двумя' $\dot{\text{š}}al-i$ в грузинском получило значение 'одного из двух'.

Мы видели, как *sa* в ряде яфетических языков каспийского ответвления означает 'единицу', и вот тот же *sa*, по оформлению детище именно языков свистящей группы, следовательно, и грузинского языка, в нем-то, грузинском, значило 'два', да и до наших дней сохранило это палеонтологически вскрываемое значение в составе *sa-m* 'три', буквально '2 (*sa-*) + 1 (*-m*)'; с удержанием *m* без изменения мы его имеем в закономерной разновидности шипящей группы *ш-м*.¹ Уже вопрос о влиянии грузин на вовлеченные в общее с ними культурное строительство племена и народы, так на мегрелов, чанов и даже сванов, что вм. шипящего звука (*ш*) у чанов и, особенно, у мегрелов, совершенно его утративших в данном термине, появляется свистящий (*s*) — м., ч. *su-m* и тот же свистящий внедрился в числе 'три' и у сванов вм. спиранта (*h* $\nearrow \dot{\text{q}}$), закономерно обязатель-

¹ Н. Марр, Новый сре азиатский язык, ДАН, 1927, стр. 133 сл.

ного при существующих взаимоотношениях в их речи,¹ но и здесь с сохранением присущей ее системе экающей огласовки — se-m.²

Что часть, означающая 'два', имела еще плавный звук (в сс l, в шп г), это явствует из спирантизованного эквивалента шипящей группы, как он представлен в финских языках, обычно с заменой г плавным l, гесп. l: суоми kol-me (вм. *kol-me) → эст. kol-m 'три' и т. п.

Потому-то в шипящей группе самостоятельно 'два' проявляет присущее ему г — ч. jug ~ м. jig (← шиг ↔ *шог), в баскском *Iпог 'два' в составе sor-đi («zor-tzi» вм. *Iпог-đi или *шог-đi) 'восемь', буквально 'без (-đi) двух [десять]'.³

В составных словах *шог ↔ *шиг также теряют исходный плавный, как sal, не только подобно ему в сложном 'три' ← '2 + 1' (sa-m || ши-m), но и в трехкратно скрещенном из двух элементов Вав (с двумя разновидностями элемента В — maг, гесп. mг и bl → b) термине 'два', 'двойной', причем с подъемом ш в џ в элементе А. Его сохранил грузинский язык, лишней раз свидетельствуя о сильном влиянии на него языка шипящей группы, в таких словах, как г. mг-џо-bl 'двойной', а с ним и г. maг-џ+biv (← *+bv1 ← +bu) 'близнецы', 'близнец', где maг- || [mer ↔ mиг ↘] mэг- выделяю особо, как позднейший придаток, при наличии в слове bl или biv (← bu) → b, вторично опять-таки элемента В, берского племенного слова, и потому еще, что часть џо+bl отождествима и отождествляется с џо¹-val 'глаз', как также парным предметом.³

Но с sal в грузинском не покончено, так как это слово имелось и с диффузным произношением начального, именно в виде сибиланта řal, и от этого архетипа и происходит, с раздвоенным подъемом диффузного сибиланта (ř → sh ↗ řk → řq) řkal, с утратой огласовки и плавного исхода первый элемент (А) скрещенного слова řk-vil 'пара', от его шипящей закономерной разновидности *řkur, с утратой лишь плавного исхода и дессибилациею řku, что в составе также скрещенного с берским элементом, его пережитком b (↘m), в значении 'двух' слова řku-b 'близнецы', 'пара', наличного и в языках шипящей группы, мегрельском и чанском, как в этом виде řku+b ← řku+p, так с дезаспирациею řku-b (диалектич. архетип 'двух'). Губная огласовка (o ↔ u) и тут, понятно, вклад шипящей группы, но не надо забывать такого факта, как семантическое использование дифференциации, напр., в řkal 'вода' и m-řkur-ia 'жажду', где вм. řkal взят корень с окающей огласовкой, да еще с г шипящей группы, тогда как в нашем слове не только řk, но и l от свистящей группы. Но все-таки в řku-p → řku-b имеем бесспорный вклад шипящей группы, прежде всего губную огласовку: это настолько характерно, что при исчезновении заднеязычного аффриката, как появляется этот же термин в чанском (лазском) tu+b, точно с подъемом не от диффузного ř в шипящей группе, а одинаково закономерным от простого и s, и ш, трудно так резко отгораживать его от шипящей группы

¹ В смысле 'двух', что собственно и значит первая часть 'трех' (← '2 + 1'), сванский сохранил свой собственный ře в de-ře+da 'ни один из двух'.

² Н. Марр, Из поездок в Сванию, XI т. II, вып. I, стр. 17 сл.

³ Н. Марр, Абхазско-русский словарь: Введение, стр. XXXII.

с его неотъемлемым $\text{шo} \leftrightarrow \text{ши}$, *gesp.* в подъеме $\text{ʒo} (\leftrightarrow \text{ʒu})$ в составе ч., м. шu-m , *gesp.* su-m 'три' и сохраненного грузинским штг-ʒo+bl 'двойной'. Вместе с тем не надо забывать, что отложение заднеязычного k , в виде ʃ , имеем в семитическом уже в трехсложном ko не tʃm , образующем термин 'близнецы': арб. $\text{ʒuʃam} \parallel \text{ʒawʃam}$, евр. $\text{ʒuʃ}^{\text{a}}\text{m-im}$ и др.¹

Наконец, пережиток $\text{tk} \leftarrow \text{dǰ} \leftarrow \text{ʒq} (\leftarrow \text{tk} \leftarrow \text{ʒq})$ первичного вида элемента А, в эпохи по этногонии — салского племенного слова * ʃal с раздвоением * shal , в подъеме ʒqal , нам сохранен у грузин числительным o-ʒq (вульг. произношение vo-ʒq), где налицо не только десцибилованный ʒ , (был ли он раньше ʒ или ʒ , но и первый элемент, уже не А (SAL), а В (BER), с утраченным губным v перед губным гласным (o). Об этом в части о 'четырёх' (стр. 291 сл.).

И, несмотря на все это, sal 'два' ни в какой степени не сохранил у грузин основного своего места в самой системе числительных. Его отсюда совершенно вытеснило слово $\text{og} (\leftarrow *ʃog \rightarrow *uog)$, вклад шипящей группы, однако не непосредственный, а при соучастии или посредничестве, во всяком случае — под явным влиянием языка спирантной ветви, типа сванского, где мы, как в гибриде спирантно-шипящем, также имеем разновидность шипящей группы * $\text{ʃog} \leftrightarrow \text{ʃur}$, с озвончением начального согласного * $\text{ʃog} \rightarrow \text{jog}$, но со спирантизацией — $\text{uog} \leftrightarrow \text{uug}$: из них первая разновидность с закономерным разложением o в we , с перемещением губного при плавном r за ним, именно $\text{uegw} (\leftarrow *uweg \leftarrow \text{uog})$ $\nearrow \text{uegb}$ у сванов значит 'два', вторая же разновидность uug , у сванов используемая в разделительном числительном (uug-m), появляется и у чанов, особенно сильно подвергшихся влиянию спирантной ветви, так в говоре села Ламго — uug .²

Переходя на спирантные разновидности и числительного 'два', во-первых, не можем на первое место не выдвинуть спирантизованную разновидность идеальной формы по свистящей группе сибилантной ветви, именно $\text{hal} (\sim \text{sal})$, наличную из яфетических языков в вершикомском скрещенном hal-to в значении 'двух', а в значении 'одного', если миновать достаточно обсужденные в этом именно отношении языки Кавказа,³ в языках вплотную подходящей к ним системы, алданской, так называемой урало-алтайской, именно турецких, где палеонтологически вскрыт именно al со значением 'один' в составе сложного термина al-ti 'шесть', буквально '1 + 5'.

Вторая часть ti с озвонченным начальным согласным di в 'семи' (ye-di), как пережиток элемента С (YON) - dip , означает 'пять', поскольку с восприятием 'руки' как 'пятерни' ионский элемент именно в турецких языках использовывался с амплитудой семантического колебания между двумя значениями 'пять' и 'десять', как в архетипном значении он же использован в других языках с амплитудой семантического колебания между 'единицей' и 'двумя'.

¹ Семитологи до сих пор верят в это схематическое производство имени, в данном случае 'близнецов', от глагола, да еще производят от III-й породы арб. глагола waʃama , означающей 'согласился'!

² Н. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка, словарь, с. в.

³ См. в значении 'одной' — стр. 259, 285—286, также в виде $\text{ag} \searrow \text{au} \rightarrow \text{a}$ — стр. 280—281, 282—285, в значении 'двух' — стр. 259, 285, 286 (ср. стр. 286—287).

Спирантизованную разновидность идеально-безукоризненной формы по шипящей группе сибилантной ветви языков $og \leftrightarrow ug$ ($\leftarrow *ʃog \leftrightarrow *ʃug \sim *ʃog \leftrightarrow *ʃug$) нам сохранил грузинский в усвоенном от шипящей группы в указанных выше путях самостоятельном числительном og 'два', а в значении 'одного' — баскский в составе своего сложного слова $hir-ug \rightarrow ir-u$ 'три' (\leftarrow буквально '2 + 1').

Разновидность по спирантной ветви в значении 'руки' в виде her сохранили нам древнелитературные языки у грузин и армян с утратой спиранта в роли послелого орудивного падежа ('рукой') или исходного падежа ('из', 'от') в сочетании с личным местоимением $mi-er$, $magi-er$,¹ арм. ar $er-i$ 'с боку', у армян по существу и полностью в сочетании с предлогом and в сложном имени $andheraka$ 'ассистент' ($\leftarrow and-her+a-ka$), буквально 'стоящий (ka) у (and) руки (her)'.

И у этой формы амплитуда семантического колебания между 'единицей' и 'двумя', причем надо иметь в виду весь круг его разновидностей с учетом закономерного и фонетического колебания $e \leftrightarrow i$. Использование данного слова в значении 'одного' было уже продемонстрировано и в грузинском (er , особенно в составе $er-ʃ$; e в составе $e-qus$ '1 + 5' = '6'), и в армянском, особенно в вульгарном, за средневековье ($ir+e-ar$ 'друг друга', букв. 'один одного'; $e \leftrightarrow i$ в $er-e-q$ '3', букв. '2 + 1', вин. $er-i-s^2$ и др.). Вот совершенно последовательно те же формы то с сохранением спиранта (y), то с его потерей, использованы и в значении 'двух', именно yer ($\leftrightarrow hir$) $\rightarrow er$ ($\leftrightarrow ir$) у армян в скрещенном термине со значением 'два', народн. $yer-ku$ 'два' (букв. '2, 2', если $-ku$ не нумеративное слово, как $-ka$ в абхазском), в сложном числительном — др.-л. $er+e-q$ '3', букв. '2 + 1', народн. $ir+e-q$ *id.*, у басков $hir-ug \rightarrow ir-u$ 'три' (букв. '2 + 1').

Те же разновидности элемента А спирантного типа с подъемом спиранта в аффрикат $k \rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$ или в простые их представители $k \rightarrow g \rightarrow q$ отчасти нами были обсуждены, поскольку они привлекались в разъяснение абхазских соответственных чисел, kar и др. || $kor \leftrightarrow kur$.²

Это разновидности оформления по ss и sh группам огласовкой для первой группы — а, для второй — о \leftrightarrow и.

Дополнительно сейчас достаточно указать, что пережиток $kor \leftrightarrow kur$ в значении уже не 'единицы', а 'двойки', совершенно закономерном для слова, восходящего к семантическому архетипу 'рука', можно усматривать с утратой исходного согласного в яфетических языках с удержанием аффрикатности — $k\check{o}$ (табас.), ko (капуч.), $-ku$ (табас.), $ku-$ (хварш.), в других без ее удержания, т. е. с простым k — $ko \leftrightarrow ku$, сохраненным армянским скрещенным термином $er-ko-$ (см. мн. число $erko-qin$ 'они оба') $\leftrightarrow er-ku$ 'два'. Мы говорим лишь о возможности усматривать в $ko \leftrightarrow ku$ усеченный вид элемента А $kor \leftrightarrow kur$ только потому, что утраченный исходный согласный может быть не плавный r , а n , т. е., отстраняя для первичных эпох независимые от смены всего элемента

¹ Н. Марр, Грамматика древнелитературного грузинского языка, § 79, см. также Древнегрузинско-русский словарь к 1—2 гл. ам евангелия Марка, под *лб.*

² См. выше, стр. 285.

³ См. выше, стр. 281 сл.

звуковые переходы, можно признать в $ko \leftrightarrow ku$ пережитки не элемента А, а элемента С — $kop \leftrightarrow kup$, и палеонтологически и по другим основаниям (напр., как нумеративное слово), да и сравнительно (наличие этого звукового комплекса в местах, по связи с роднящимися языками напрашивающихся на отождествление с ним, как с элементом С). Но признание в $ko \leftrightarrow ku$, в указанном числительном, пережитка элемента А, следовательно, факт существования некогда в армянском или праармянском слова kaq со значением 'два', подсказывается его ослабленным в неударном слоге наличием $kəq$ (✓ kup) в производном кратном числительном $kəq-kup$ 'двукратный' 'двойной', получающем, таким образом, совершенно натуральное объяснение. Объяснение $kəq$ - по связи прямо-таки с erk слишком сложно,¹ чтобы далее держаться за него, поскольку оно представляет исключительный случай технически чрезвычайной натяжки. Того же губного огласовочного оформления разновидности с позднейшей заменой g плавным представлены богато и с сохранением фрикативности начального согласного $kol \leftrightarrow kul$ ($\rightarrow kol \leftrightarrow kul$) $\rightarrow *gʷul$ ($\rightarrow gul$) $\rightarrow qol \leftrightarrow qul$ ($\rightarrow qul$), но в значении семантического архетипа 'руки' в языках удинском ($qol \leftrightarrow qul$), чувашском ($qol \leftrightarrow qul$), турецких ($kol \leftrightarrow kul$, азерб. gul), куда с первичным g относится из яфетических эламское kur 'рука'.² И вот эту именно форму в чувашской ныне разновидности qol - в числительном значении не 'двух', а именно 'одного' сохранил, как известно, г. др.-лит. $m-qol-o$ 'единый', откуда и союз $qol-o$ 'однако', 'но' и т. п.

Из ряда с огласовкой e — $ker \rightarrow g̃er \rightarrow q̃er$ с удержанием плавного или его ослаблением тот же элемент в виде —

а) $ker \searrow keu$ сохранился у грузин и армян в двухэлементном АС термине со значением 'половина' — др.-л. г. $ker-d̃o \searrow$ арм. др.-л. $keu-s^{r}o$, причем семантический архетип 'половины' ('второй части' или 'из двух одного') — 'два'.

б) С утратой исходного плавного —

1) $qe \rightarrow q̇$ сохранили сваны в своем отрицательном числительном $de-q̇e+da \rightarrow de-q̇+da$ 'ни один из двух' (лат. *neuter*), в которых de - отрицание 'не', 'ни', а da - — оформление 'двух' ($qe \rightarrow q̇$) суффиксом, казалось, мн. числа, на самом деле пережитком нумеративного слова.

2) Тот же усеченный ke да qe сохранились в составных терминах, сложном $ke-var$ у грузин со значением 'две пары быков', букв., 'две (ke) двойки' или 'пары' (var) и в означавшем явно 'два' скрещенном $qe-var$ (буквально '2,2'), от которого произведено грузинское дробное число $pa-qe+var$ 'половина', букв. 'вторая часть'. Самостоятельно в разновидности ke и в годаберинском, каратинском, ахвахском и тиндальском языках Дагестана.

Отнесение конечной группы $-ar$ в окончании и разъяснение остающейся части $q̇ev$, в сванском $q̇ew$, как фонетической разновидности $ss\ sal$ || $шп\ шог \leftrightarrow шиг$, имеет полное оправдание в сравнительной грамматике яфетических языков, но тем не менее в данном случае дело имеем со скрещенным $qe-var$ 'два', и, если говорить о какой-либо неправильности в обсуждаемой полной форме, разве то, что вместо g мы ожидали бы l — $*qe-val$, что существует у грузин с префиксом

¹ Н. Марр, Грамматик ревнеармянского языка, § 155.

² Н. Марр, Определен языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей.

m- в имени m-ǰe + val со значением 'служанки' (← 'женщины') в связи с пучковым значением 'рука + женщина' (см. стр. 303), а от 'руки' и 'два'.

Расставаясь со сванской разновидностью элемента А, в числительном использовании 'двух', надо указать более углубленную палеонтологию самого так называемого коренного сванского слова ǰe (← ǰe ← ke), в части начального согласного k → ġ → ǰ, его соответствия в целом грузинской разновидности sa 'два' (в составе sa-m 'три' = '2 + 1'), собственно, начальному ее согласному s, но первичное диффузное произношение этого звука — ð̃, в подъеме не только ik и т. п., как то только что было разъяснено, между прочим, при анализе г. ik-vl 'пара' и т. п., но и sk → sǰ (sg) → sǰ, т. е. в архетипе коренное сванское слово 'два' могло звучать *ske → sǰe (→ sge) → *sǰe (→ sqe), и оно, как увидим, действительно звучало так, именно sge.

От 'двух' так элементарно легко перейти к 'четырем'. Действительно, к числу 'четыре' наиболее простой подход, казалось бы, наиболее действительный. Это '2 + 2' или, восходя к семантическому архетипу, 'руки + руки'. Но именно в определении нарицательного значения входящих в состав 'четырех' слов мы встречаемся с осложнением. Как бы ни отнестись к этому осложняющему моменту хотя бы как к миражу, или, будем более осторожны, анахронистическому полигенизму значения, учет возникающих сомнений необходим с выявлением самих фактов и напрашивающихся возможных их толкований.

Что первый элемент в г. o-ǰǰ 'четыре' — В (BER), а не А (SAL), это доказывает совершенно независимо от вульгарного его в грузинском произношения ʋo-, производным от 'четырех' глаголом i-pog-tka (→ i-bor-ta) → i-bor-dǰa → i-ʋog-ǰǰa 'ходил на четвереньках', 'ползал на четвереньках' и т. п. В термине, очевидно, скрещенное из двух элементов ВА (BER + SAL) слово, буквально означающее 'два' (pog → bor → ʋog) + 'два' (ik¹al¹ → ǰǰ¹al¹ ↙ ð̃al), если устанавливать его значение с точки зрения сложившейся уже системы числительных, как отвлеченной категории понятий.¹

Губная огласовка в данном случае вскрывает принадлежность составного слова к шипящей группе, т. е. зубной, при сохранении аффрикатности, напр., в разновидности ʋog-ǰǰ должен бы звучать ʋ, а все слово — ʋog-ǰǰ, что налично в грузинском 1) в значении 'граблей' в этой именно форме, диалектически в имерском² и в позднейшей, с переводом аффриката применительно к звуковым нормам той же грузинской речи в свистящий ряд, да с утратой плавного берским элементом — ʋo-ǰǰ (там же, равно Орбелиан, Чубинов), и 2) в значении 'шеста' или 'ветви с рогатками', 'тычинки' в гурийском говоре.³ Оба значения связаны с числом 'два': 'шест' или 'ветвь с рогатками', это буквально 'предмет с раздвоением', а 'грабли' в связи с функцией 'сгребать' могли быть возведены прямо к 'руке', если бы в словарном толковании мы не получали непосредственного указания

¹ Разъяснение этого материала по существу с точки зрения голы сравнительной грамматики и взаимоотношений с яфетическими см. в Древнегрузинско-русском словаре к 1—2 главам евангелия Марка, Пб., 1913, под корнем ʋʋʋʋ ʋʋʋʋ.

² В. Беридзе, Грузинский глоссарий с. v.

³ Чкония, Грузинский глоссарий, v.

на связь с 'двумя', 'парой', так у Чубинова под фođq-1 читаем: *or-điđ-ze mikrul̄i patara kabdo* «маленькая борона, прикрепленная к *or-điđ* у [буквально 'двухпалечному предмету']», усаженная палочками для сгребания осыпавшихся листьев или для перепаживания || бороздения 'гряды', 'грабли', а *or-điđ* реально объясняется *merul-1* 'двухрогатная палка с ручкой для поднимания сена', 'вилы', а *merul-1* — 'вилы'. В этих толкованиях разъясняющие словечки, не исключая, как в свое время будет показано, *mer-ɬi-1*, все связаны с числом 'два', а число 'два' не приходится разлучать с 'рукой', парным подобно ей предметом. Мы видим 'глаза' также в роли выразителей 'двух', равно можем видеть в той же роли и 'уши', и 'рога'.

'Двухрогатная палка' по-грузински выражается словом *orotika*, где *rot-ik* значит в основе своей *rot* 'рука', почему с одной стороны оно в глаголе *e-rot-ɬ-eba* 'хватается', 'облапывает его' выявляет это именно значение 'руки', 'лапы', а его двойник с аканием *rat-ik* в армянском означает 'крат', 'раз' — *kərkəp + a rat-ik* 'двух разный', формально же *ro-t* || *ra-t* составные слова, из них грузинское *ro-t* пережиток нашего составного *por-tk*, resp. *po'r¹-t* (→ *bor-t*), что, однако, в глаголе *1-bor + ta* (← *bor-tka*) значит 'ходить на четвереньках'. 'Ходить же на четвереньках' палеонтологически восходит к образу не с 'руками', а с 'ногами', исключительно с 'ногами'.

Да и вообще не так просто со значением 'четыре' в смысле его подлинного генезиса. Во-первых, наличие в одном термине, составном, двух различных племенных слов, каждого со значением 'два', может означать 'четыре', поскольку это соединение воспринимается как составное слово для удвоения значения, но оно же может обозначать и лишь 'два', поскольку это соединение воспринимается как скрещение для сохранения значения каждого из двух слагающихся элементов за целым скрещенным двухэлементным термином. Но вопрос: составилось ли слово как числительное, тогда обязательно по сложению — 'два+два'? Или в значении 'четырёх' использован предмет, натурально дающий материально-наглядное представление о 'четверке'? Нам исканий на этом пути не может загородить то обстоятельство, что впоследствии и 'четыре' было вовлечено в систему построения числительных на представлении о 'руке', как основном образе для счета. Однако для числа 'четыре', если наше составное слово возникло бы даже специально с таким назначением, слагаемые могли означать или 'руки+ноги', исходя из представления о 'человеке', или лишь одни 'ноги' = 'четыре ноги', исходя из представления о 'животном'.

В грузинском 'рука' сальское племенное слово, resp. элемент А, даже если брать наличную теперь спирантную разновидность *qel* || *q̄el*, не говоря о вытесненном родном *sal*, пережившем в виде *đal* с рядом дериватных значений — 'сила', 'вручать', 'давать'¹ и т. п., а в значении 'ноги' в общераспространенном термине берское племенное слово (элемент В) *ber-k* 'подножие' (← 'нога') → *q̄er-q̄* 'нога' → *qe-ḡ* 'нога' и т. п., м. *bor-k* 'нога' и т. д. Происхождение заднеязычного придатка (*k*, *q̄*, resp. *ḡ*) от А элемента вскрывается акающей его

¹Н. Марр, Яфетическ Кавказ и третий этнический элемент, стр. 25 [ИР, I, стр. 99—100];
О происхождении языка, ЯТ, стр. 63 сл.

формой: г. *bag-kal* 'бедро' (← *нога), от какой формы и сем. у арабов *bag + k*^{ca} 'бедро'. И можно бы настаивать, что в бер-салском, resp. сал-берском составном термине со значением 'четыре' мы имеем соединение двух слов, что это 'руки (2)+ноги (2)', если бремя соиздания числительных для всего человечества можно было бы возложить на грузинский язык. Это, конечно, не имеет почвы под собой. Не говоря о том, что ч. *kuḡq-e* (исключительно) || м. *kuḡq-i* (рядом с *bag-k-i*) в значении 'ноги' заслоняют берский элемент в роли выразителя 'ноги', нет надобности сходить с территории Кавказа, чтобы в значении 'ноги' выступил салский элемент или в скрещении с берским, так в абхазском *a-ṣa + p*, или самостоятельно — *á-ṣá-ḡ + ga* 'скидывать с ног' (обувь), или один салский элемент спирантного типа *qal* в *qaul* (← **qal-i*) 'шаг', г. *qal-aman* (↗-*aban*) 'лапти', букв. 'сосуд ног'.

Да и в самом грузинском слово *fer-q* (→ *fe-ḡ*) ← др.-л. *ber-k* (шипящей группы: *bog-k*) скрещенное бер-салское образование, как числительное 'четыре', г. *ṽ¹o-ḡḡ* (← *bog-tk*), и по составу элементов, и по их расположению. И потому приходится все больше и больше склоняться к использованию общераспространенного представления о животном, как о 'четвероногом' в противоположность человеку, не как 'двуногому' существу, ибо двуногие существуют и помимо человеческого рода (так 'птицы'), а как к существу, отличающемуся обладанием 'рук', т. е. животное противопоставляется человеку, как *ножное* существо *ручному*: 'рука' символ 'человека', его сущность, потому впоследствии слово 'рука' используется в значении 'души', 'нога' — 'животного'. Когда при идеографическом изображении 'человека' в письме как характерный признак выдвигаются 'ноги', то это не говорит о древности мышления, хотя бы то было засвидетельствовано такой архаической письменностью, как китайская. Неучет разложимости 'четырех' на два элемента, скрещенное ли это или составное слово, индоевропейцев, при виде разновидностей бэот. *πέτταρες*, лесб. *πέσσυρες* и т. п. рядом с *τέσσαρες* в греческом, привел к необходимости утверждать отождествимость губного с зубным, когда налицо различный состав элементов, ВА и СА, или различный порядок расположения, так АВ рядом с ВА, СА рядом с АС.

В то же время за нашим термином значение 'четыре' устанавливается не в близкой территориально, да и хронологически среде; на Кавказе, а где-то далеко, далеко в бесконечной дали, да еще в первичные эпохи. Достаточно указать на семитические эквиваленты, при сложении которых место берского и салского элементов определялось еще факультативно, т. е. и так, и сяк. В семитической системе, помимо постановки берского элемента на втором месте, четырехсогласный композит идеально хорошо представлен в значении именно числа 'четыре' — арб. *ṣar-bak*, resp. *ṣar-baḡ* (евр. *שָׁרְבַק*; библич. арам. *id.*, сир. *ܫܪܒܩ*, южноараб. *ܫܪܒܩ*, эфиоп. *ሥርባ*, асс. *arba'u*), но существовала и сибилантная разновидность корня с *t*, resp. *ḡ* ← *ḡ* (см. глагол евр. *gabat*, араб. *gabaḡ*, со значениями, о которых речь ниже). Однако сибиланты эти — вторичные заместители плавного *l* || *g* по шипящей группе, а это с еще большим уточнением подтверждает принадлежность племенной речи классовой организации, создательницы терминов товарообмена, со включением числительных, к шипящей группе со спирантизацией.

Тем же салским элементом (А) пользуется баскский, притом с сохранением плавного г, но в скрещении не с берским элементом (В), а ионским (С) — *ar-dɪ* (← **ar-din*) эквивалентом **ar-gin*, разновидности с ионским элементом спирантной ветви, пережившей в латинском в виде *a+gn-us* ‘ягненок’, в армянском с лучшей сохранностью элемента А, именно с удержанием начального согласного без падения и плавного исхода — *gaɾ-ɾə¹-n* (↘ *gaɾ-in* || *gaɾ-an*), куда примыкает греч. ἄρ-ήν ‘ягненок’ и греч. ἄρ+ν-ός и др. Но с этими словами, ведущими нас опять к ‘оленям’, мы отходим от системы числительных исторических эпох, даже системы яфетической, особенно же систем семитической, да и прометеидской («индоевропейской»), систем, выявляющих в числе ‘четыре’ органическую связь с преобладанием ‘овцы’ в хозяйстве, да и с пастушеской общественностью.

Что касается армянского, ‘овца’ здесь *oɬqag*, в вульгарном чтении *vo-ɬqag*, несомненно, находится в родстве с г. *ḡqo-var*, с его конструируемым для шипящей группы двойником **ḡqo-var*, но их расхождение не в перестановке одного гласного: *o-ɬqag* не представляет двойника **ḡqo-var* (г. *ḡqo-var*) с продвижением плавного «о» на первое место, что, кстати, должно бы дать **oḡq-var*, никак не *oɬqag*, а тот же по элементам состав, но с обратным их расположением, сначала берского (В), затем салского (А) — *ɾv¹o-ḡqag* с архетипом **voɾ-ḡqag* ↗ **poɾ-ḡqag*, т. е. в той именно разновидности, которая является прообразом грузинского числительного — *ɾv¹o-ḡq* ‘четыре’ и т. п.¹

Попутно необходимо отметить, что спирантная природа звука взяла верх по всей линии, в южносемитических языках, в том числе арабском, наравне с северносемитическими, в числе их и сирийском. Факт, великолепно характеризующий племенную речь классовой организации, откуда пошла терминология товарообмена, с числительными отнюдь не на последнем месте, в семитическом мире.

В этом же семитическом мире, однако, нормы языков семитической системы свели его к трехгласию в двух разновидностях спир. *ɾbk*, resp. *ɾbɛ* ~ *ɾbɪ* ввиду отсутствия в семитических языках аффрикатов шипящего ряда, иначе должны бы иметь *ɾbt* → **ɾbd*, resp. *ɾbd*, отсюда — арб. *gabaḡa* ‘лег на четвереньки’, *subavit complicatis pedibus*, т. е. ‘лег, сложив ноги’ (о собаке, лошади, овце), сюда же евр. *gabat* ‘лег’, расположился (особенно в покое) о животных (затем переносно и о людях), по спирантной ветви — сир. *ɾbak* ‘лег’, ‘опустился вниз (на четыре ноги)’.

Формально семитический глагол является вторичным, сравнительно с числительным *ɾag-bak* ‘четыре’, но не семантически, ибо не от отвлеченной ‘четверни’ или отвлеченного числа ‘четыре’ образован глагол ‘ложиться на четвереньки’, ‘ложиться как животное на четыре ноги’, ‘располагаться спокойно как животное’, а в известной мере — обратно. ‘Четыре’ пошло от представления о животном, как четвероногом, т. е. в основе числительного, означающего ‘четыре’, находится слово, означающее ‘животное’, притом не ‘животное’ вообще (такого общего понятия в те поры и не было), а определенное, в данную эпоху имевшееся в первобытном хозяйстве животное. Таковыми в порядке животных передвижения

¹ См. выше, стр. 288.

имеем 'олений', 'собак', 'коней', в порядке животных питания — 'овцу' (resp. 'козу'), 'коров' и т. п. Нет сомнения, что спорадически могут всплывать и всплывают каждое из названных животных в роли выразителя 'четырёх'. Кроме того, в различные эпохи, смотря по образу жизни и преобладанию в хозяйстве того или иного рода животных, мы можем встретить в роли термина, означающего 'четыре', название любого из упомянутых животных, но в языках трех хронологически различающихся мировых систем, яфетической, семитической и протейдской («индоевропейской»), в такой роли выступает, как то разъясняется данными яфетических языков, название 'овцы', одного из древнейших в мире культовых животных. И, действительно, грузинское название животного $\dot{\text{q}}\text{qo-vel}$, сал-берское скрещение, долженствовавшее дать по шипящей группе $^*\dot{\text{q}}\text{qo-vaq}$, в грузинском же отложилось в виде $\dot{\text{q}}\text{q}^{\text{r}}\text{o}^{\text{r}}\text{-vaq}$ в значении 'овцы'. Таково построение термина 'четыре' в семитических языках и по составу элементов (AB), так называемых племенных слов, и по их расположению.

Расхождение семитического числительного с яфетическими словами, означающими 'овцу', получает яркость от утраты плавного звука первым элементом (A), салским, занимающим в слове второе место, и особенно от представления начального коренного «очленоразделенным» подъемом диффузного $\text{h} \parallel \text{ш}$ в виде $\dot{\text{q}}\text{q} \parallel \dot{\text{q}}\text{q}$. В самих семитических языках в значении 'овцы' то же слово в большинстве также утрачивает плавный звук того же элемента (A), салского, но оно проявляет начальный его коренной в виде простого спиранта $\text{f} \nearrow \text{k}$, resp. z : арб. $\text{f}\text{-m}\text{ar-}\text{m}$, асс. $\text{t-mer-}\text{c}$, араб. — библ.-ар. $\text{f}\text{-mr-}\bar{\text{a}}$, манд. $\text{k-mbr-}\bar{\text{a}}$ ($\leftarrow ^*\text{k-mr-}$), сир. $\text{f}\text{-mr-}\bar{\text{a}}$.

И вот здесь, как бы в подтверждение анахронистического закрепления за 'овцой' абсолютно первичного места при толковании генезиса числа 'четыре', то же слово в том же грузинском появляется со спирантизацией начального коренного (с обращением в исчезающий слабый спирант) и с сохранением его плавного исхода $\text{m} + \text{e-m}$ ($\leftarrow ^*\text{f}\text{m} + \text{em-}$) в значении 'олень'. Это эквивалент семитического асс. $\text{t-mer-}\text{c}$, сохранившего плавный исход берского элемента, но утратившего его в салском, да имеющего уже значение 'овцы', как в других семитических языках.

Исчезающий спирантный элемент выявляет и абхазский язык в данном слове при значении 'овца' с удержанием плавного, resp. его свистящего эквивалента элементом B — $\text{a-vas-}\dot{\text{a}} \leftarrow \text{a-os-}\dot{\text{a}} \leftarrow \text{a-o+vs-}\text{a}$, где основа +o+vs , архетип русск. «овца», resp. «о-вец» (ср. «о-вен») 'баран', формально лишь разновидность другого архетипа $^*\text{o-ven}\dot{\text{d}}$.

В сирийском с сохранением плавного элементом A — $\text{ker-b-}\bar{\text{a}}$ также 'овца'. Грузинское примыкает сюда же своим kra-v 'агнец', в полной форме — kra-vel ($\leftarrow ^*\text{kar-vel}$) id. Исключительно сохранением аффрикатности в начальном согласном имеет преимущество большей древности, сравнительно с только что приведенным сирийским словом, да и грузинским, даже при его полном составе согласных, арабская их разновидность $\text{qar-}\bar{\text{u}}\text{-f}$ 'ягненок', к тому же восстанавливающая полноту согласных обоих элементов в форме своего ломаного мн. числа — $\text{q}\bar{\text{r}}\text{-f}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}}$ (ср. такж. арб. fa-mal 'ягненок').

Формально спирантностью элемента А в данном термине к семитическим языкам из части яфетических примыкают баск. *a-bege*, однако с общим значением 'животного', и арм. основа *a-rəg* (\searrow *a-rig*), последняя лишь в составе глагола *a+rg-el* 'жить', но общее их именное значение 'животное' также восходит к 'овце', в каком смысле тот же термин свелся у прометеидов к $o-v^{\circ}/_1 \rightarrow o-i$: л. *o+vi-s* 'овца', греч. *oi-ς* ← *ō+f-i-ς* и т. д.¹ Во всяком случае у баскского от *a-bege* производится глагол 'закалывать', 'жертвовать'.²

В связи же с глаголом 'жертвовать', по палеонтологии речи производимым не от 'резания', а от 'жертвенного животного', безразлично 'овца' ли это, или иное четвероногое, через жертвенное же четвероногое в свою очередь восходящим к 'тотему', 'богу', надо учесть, что г. *šō-vel* животное (\parallel *šō-var* 'овца') имеет двойник *sqwer-pl* 'жертва', с прототипом **squr-rep*, архаичной разновидностью сохраненного семитами культового термина — арб. *qur-bān* 'жертва', евр. *qār-bān id*. При отсутствии реальной палеонтологической перспективы семитологи производят от глагола 'приближать', 'подносить' (!) этот доисторический культовый термин, имеющий свой особый двойник у арабов, да вообще семитов, о чем в другом месте.

Словом, для числительного 'четыре', если не держаться устоявшейся системы, построенной на счете от 'руки', мы имеем нарицательное имя 'ногу', гесп. 'четвероногое', 'животное', в частности 'олень', 'овцу'.

Заключая обсуужденную выше часть об 'единице' и 'двойке' в закономерных и сибилантного, и спирантного порядка оформлениях элемента А, в эпохи по этногонии племенного слова SAL, не можем не указать на поддержку, которую оказывает изложенному построению мертвый яфетический язык, этрусский, с его числительным *zal* 'два'. Мы целиком приводим из отчета о второй яфетидологической моей заграничной командировке³ наш подход к вопросу об этом этрусском числительном, в общем не требующий существенных поправок:

«... В данный момент по этрусскому для нас более интересно отметить из отчетной заграничной работы новые лучи по генезису числительных, поводом к пересмотру вопроса о котором послужил опять-таки труд Эллиса (Ellis). Как известно, сохранилась драгоценнейшая этрусская игральная кость с написанными на ее шести сторонах названиями шести первых единиц, а это единственная материальная база для установления значения каждого из этих числительных, не вполне дающегося в руки, так как этрусская система размещения чисел на игральных костях иная, чем римская. Отсюда разногласия самих этрускологов в определении этрусских чисел. И ему кладет конец яфетическое языкознание, определяя сразу 'два'. Число 'два', стоящее у яфетидов в связи с представлением о 'паре рук', т. е. о 'руке', по-этрусски звучит *zal*; это звонкий представитель (как в грузинском с подъемом — *dal*) слова

¹ Ср. выше абхазский эквивалент.

² В связи с таким широко раскинутым, пустившим глубокие корни в речи человечества значением 'овцы', выявляющим себя как двухэлементное скрещение АВ, подлежит пересмотру этимология и таких слов, как л. орех 'богатство', совпадающее по созвучию с л. *opus* 'дело' и отождествляемое с ним, л. *ō+pi-l-ю* ↔ *ū+pi-l* 'пастух овец', арм. *hov-iw* 'пастух' и т. п.

³ Н. Марр, Из поездки к зрпейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 24—25 = ПЭРТ, стр. 148—149.

sal, означающего у яфетидов свистящей по речи группы 'рука + женщина + вода' и в семантическом разрезе от 'руки' также 'два'. Именно вид zal в значении 'два' это идеальный постулат конкретно для грузинского, в котором мы застаем спирантизованную разновидность шипящей группы от этого же слова (ог ← *yog ~ *jog → jug). Весь яфетический мир, от Пиренеев до Памира, полон той или иной разновидности, видов и подвидов этого именно слова в значении 'два', идущем от представления о 'руках', т. е. слова с трехсоставным пучковым значением 'рука + женщина + вода', находящим свое утверждение в мифологических представлениях яфетидов. Спирантная разновидность hal, с потерей спиранта al, представляет основу числительного 'два' у памирских вершиков в применении к «разумным» и м. и ж. рода, к неразумным существам в трех образованиях — al + t-ai, al + to, al + t-ađ, а у басков сохраняет значения 'рука' → 'сила' и 'рука' → 'сторона' || 'страна', так в чистом виде [h]al (ср. id. a-hal) 'сила', в формах мн. числа [читай: скрещенных образованиях] al-de 'сторона', al-bo 'сторона' и т. п. Но спирантный вид al, эквивалент свистящего zal (← sal) в значении 'второго', 'другого' сохранился тут же на Апеннинском полуострове в латинском. Яфетидолог иначе как бесполезным упражнением, в отношении объекта исследования зверски насильственным, не может не признать операции, которую индоевропейцы производят над лат. «ali-us» 'другой', al-ter и т. п., в которых не только чистая основа, но и окончание — совершенно определенная яфетическая величина. Даже в слове «ali-us» основа al + i сохранила яфетическое именно окончание l, в армянском наличное в качестве эпентезиса в том же слове — aul 'другой' вм. al-l).

Что теперь требует оговорки, так только то, что, если бы элементы расценивать как племенные слова, в этрусском нет именно рошского племенного слова, и 'два' в нем во всяком случае без примеси салское «племенное» слово (элемент А), на Апеннинском полуострове, можно бы думать, по наследию от не менее архаичной части в племенном составе его населения — италов.

В остальном колебание, основательное, допустимо лишь в отношении «alius» при значении 'чужой', когда al-l (→ aul) основой al, resp. hal семантически восходит не к 'руке' (→ 'два'), а к племенному названию, наличному в составе таких топонимических терминов, как Al+re-s 'Альпы' и A+ren-nin-us 'Апеннины', в последнем с усечением плавного l, как в A+pul-la и т. п.

Предложенный суммарно анализ числительных, произведенный на частичном лишь использовании материалов из яфетических языков, думаю, с достаточной ясностью свидетельствует о реальности того, что приходилось нам говорить об исключительной податливости языков яфетической системы палеонтологическим изысканиям, о том, какой благодарный материал дают они и в этом отношении. То, что достигнуто было по этой части после второй поездки к баскам в отчетной работе «Из поездки к европейским яфетикам», требует, конечно, пересмотра и поправок в отношении формулировки и освещения детальных вопросов, но следующие общие положения сохраняют силу по сей день, разве уточнить еще их и углубить: «То, чего, однако, ни в семитических, ни в индоевропейских языках нельзя наблюдать с ясностью, представляемой яфетическими материалами», писал я тогда, «это постепенность развития числительных в целом, а не одна палеонто-

логия названий отдельных единиц. В яфетических языках устанавливаются этапы числительных имен сначала до пяти, потом до семи и, наконец, до десяти, при параллельном одновременно пути развития с этапом до шести. . . На развитие и укрепление в общественном быту числовых представлений небо влияло в аспекте не одного пространственного значения, но и времени, года. Яфетическая палеонтология речи выявила, что само слово 'небо' служило первоначально для выражения не только 'круга-пространства', но и 'круга-времени', 'года'. И вот, в развитии чисел с покоем на числе 'шесть', как на одном из этапов развития числительных, 'небо-год' сыграло, несомненно, существенное значение, поскольку наш год у яфетидов распадался на два шестилетних года, 'год зимний', или 'нижнее небо', 'преисподняя', и 'год летний', или 'верхнее небо,' 'фирмамент'. Наконец, технически полный комплект десяти единиц в яфетических языках оказывается по племенной принадлежности отдельных его единиц пестрым: ни одно племя не располагало в примитивном своем состоянии числительными; числительные, как человеческая речь, есть результат скрещения племен и их речи»,¹ прежде всего, добавим мы теперь, результат скрещения и еще раньше общения различных социальных группировок изначально вовсе не по признаку общности крови.

По установлении системы числительных от единого предмета исчисления, именно 'руки' в ее разновидных восприятиях 'пятерни-кулака', равно и 'пальца', мы получаем по сводке сказанного следующую картину аналитического по семантике состава чисел до десяти, именно простых и в том числе первичных (1, 2, 5, 10) и сложных и в этом смысле вторичных (3, 4, 6, 7, 8, 9):

- I. 1 (← 'рука', позднее 'палец').²
- II. 2 (← 'две руки', в кинетической речи одновременно обе руки или последовательно правая рука два раза; в звуковой речи слово 'рука', дифференцированное в отличие от слова, использованного также в значении 'руки', но для 'единицы').
- III. $3 = 2 + 1$ (в кинетической речи обе руки да еще рука; в звуковой речи 'два + один' или 'один + два').
- IV. $4 = 2 + 2$ (в кинетической речи повторно два раза обе руки; в звуковой речи, исходя от 'руки', единицы исчисления, 'два + два' или 'один + пять', т. е. 'пять без одного', или 'ноги': четыре ноги, герп. животное — 'олень', 'овца' и т. п., само название, скрещенное или простое образование).
- V. 5 (в кинетической речи — рука-пятерня с растопыренными пальцами; в звуковой речи — 'пятерня', 'кулак', слово часто не простое, а скрещенное образование, двух- и даже трехэлементное).

¹ ЯС, т. III, стр. 29—30 ПЭРЯТ, стр. 153—154.

² В дальнейшем анализ 'пальцем' не производится.

- VI. $6 = 5 + 1$ (в кинетической речи 'пять', выражаемое пятерней правой руки, и тогда 'единица' — левой или наоборот; в звуковой речи $1 + 5$ или $5 + 1$).
- VII. $7 = 5 + 2$ (в кинетической речи пятерня правой руки = 'пять' и затем обе руки-длани = 'два'; в звуковой речи $2 + 5$ или $5 + 2$).
- VIII. 8 или а) $5 + 3$ или б) $10 - 2$:
 а) $5 + 3$ (в кинетической речи пятерня правой руки = 'пять' и 'три', как указано выше, а в звуковой речи $3 + 5$ или $5 + 3$).
 б) $10 - 2$ (в кинетической речи обе руки-пятерни = 'десять' и левая рука-длань, последовательно вскидываемая два раза = 'два'; в звуковой речи $10 - 2$ или -2.10).
- IX. $9 = 10 - 1$ (в кинетической речи пятернями: обе руки-пятерни = 'десять', левая рука-длань = '—один'; в звуковой речи $10 - 1$ или -1.10).
- X. $10 = 5 + 5$ (в кинетической речи обе руки-пятерни = 'десять'; в звуковой речи $5 + 5$, слово, сложенное из двух элементов, означающих каждый 'пять', но и простое одноэлементное слово, то же, что 'пять' в смысле 'множества', лишь достаточно дифференцированное, чтобы не быть принятым за 'пять').

Нам бы оставалось теперь проверить все построение на числительных каждой системы языков, а во многих случаях на числительных каждого отдельного языка, учтя, разумеется, те или иные пережиточные особенности, как, напр., или нумеративные слова, или новообразования и т. п. в языках позднейших систем, равно такие относящиеся к числительным термины, как 'раз', '-крат', '-жды', тем более 'пара', 'близнецы' и т. п. и на том и кончить. Но от этой исчерпывающей детальной трактовки приходится отказаться именно в настоящий поворотный в самой конкретной работе момент. Приходится отказаться по многим обстоятельствам, в числе их в первую голову, вовсе не по недостатку времени, заставившему нас задержать выпуск настоящего тома, а потому, что при окончательно выяснившемся для нас положении, что числительные не могут быть исключены из элементов, роднящих все народы, более глубокое и тонкое освещение этого сюжета в целом не может иметь места до вовлечения в орбиту исследователя языков, ныне совершенно изолированных в научной разработке от тех европейских, да и азиатских и африканских языков, которые образуют в письменных памятниках свидетельствуемый культурный афревразийский мир, особенно не может иметь места указанная удовлетворяющая наши нынешние требования трактовка сюжета в момент, когда поставлен вопрос о конкретной работе над вовлечением глубинных африканских и иных языков в круг яфетидологических языков. Ведь, в этих африканских языках добывае-

мые нами ценой сложных раскопок материалы лежат наглядно готовыми, но, увы, при отсутствии глубоких палеонтологических перспектив специалисты удовлетворяются простотой дающихся ими объяснений генетического порядка.¹ К тому же, сами яфетические языки не проработаны специально по этой части. Пора также и языки доселе облюбованных господствовавшей лингвистикой систем проработать не для выявления лишь недоуменных вопросов, подлежащих разрешению яфетидологами как цельные переживания из языков яфетической системы, а для раскрытия картины нарастания числительных в целом в каждой из языковых систем. Причем в самой поздней системе, именно прометеидской («индоевропейской»), мы имеем самые древние переживания, иногда в них в большей окаменелой сохранности, чем в том или ином отдельном языке любой архаической системы, не исключая и яфетической.

Так, в конечном звуке *m* таких латинских чисел, как *septe-m*, *nove-m*, *dese-m* и т. п., мы имеем пережиток нумеративного слова, о котором речь уже была выше.²

Остающаяся, напр., от того же *septem* чистая основа представляет сложное слово *se-pte* (\sim **he-pte* \rightarrow γe -*bde*: фок. $\xi\beta\delta\epsilon\mu\text{-}\sigma\zeta$ 'седьмой', $\xi\beta\delta\epsilon\mu\eta\text{-}\chi\omicron\nu\tau\alpha$ '70'³) из двух элементов (AB), двойник сванского *sge-φs* (ср. г. др.-л. *m-zgeφs* 'седьмица', 'неделя'), и, следовательно, подобно ему в целом буквально означает '2 + 5': *se-* (\sim *he-* \rightarrow γe -), resp. *sge-*, 'два' и *-pte* (\rightarrow *-bde*), resp. *φs*, 'пять'.

Неучет такой составности, а иногда просто скрещенности числительных ведет к катастрофе исследовательского дела. Неучет сложного состава 'восьми', в частности в латинском, незнание того, что в *octo* 'восемь' при *octāv-us* 'восьмой' (ср. оск. *Uhtavvis* 'Octavius') и т. п. мы имеем составное числительное '5 + 3', заставляет индоевропейцев с их формальным методом договориться до таких утверждений и сближений путем звуковых переходов, о каких лучше не говорить. Параллели они имеют в анализе, также индоевропейстическом, термина *semel* 'один раз', 'раз', разясняемого по созвучию сопоставлением с «*similis*» 'подобный', когда оно сложное слово из 'одного' (*se*) и 'раза' (*mel* ← 'рука'). Не лучше обстоит дело у индоевропейцев в толковании скрещенного из двух элементов SA слова *sin+gul-us*, означающего 'единственный' ← 'один (*sin-*), один (*-gul*)'.

Сколько бы ни ломали копыя из-за истолкования числительного «сорок» в русской речи, ни до чего, кроме доселе актуального *non liquet*, индоевропейцам не договориться, поскольку они отворачиваются от увязки русского языка с языками предшествующей по стадии развития системы, в частности яфетической, переживанием откуда, очевидно, из языка шипящей группы, является *soɣok*, resp. **soɣ-ok* 'два двадцать', причем **soɣ*(\rightarrow **joɣ* \leftrightarrow *juɣ*) 'два' налично в шипящей группе яфетических языков Кавказа и увязывает русскую речь с речью чувашей, сохранивших *soɣ* \leftrightarrow *suɣ* [первоначально числит. 'два'] в значении 'половины' (← 'второй части'), равно с речью басков, у которых *soɣ* 'два'

¹ Так, напр., см. выбор разяснения 'четырёх' как '4 рук' при роскошно богатом материале для иного освещения у August Klingenneben, Zu den Zahlmethoden in den Berbersprachen, Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen, Берлин — Гамбург, 1926, т. XVII, стр. 43.

² См. стр. 277, 284.

³ Fr. Bechtel, Die griechi-schen Dialekte, т. II, стр. 124.

консервировано 'восемью' — sor+ñi, как разъяснено выше,¹ что же касается -o-k 'двадцать' это пережиток слова, наличного у басков и самостоятельно в более полном виде o+gey (← ho+gey) → o+ge, а у чувашей, также как в русском, с утратой гласного исхода в виде -ë+q̄, resp. -ë+χ в составе kër-ë+χ 'сорок'.

Языки такой позднейшей системы, как прометеидская («индоевропейская»), хотя бы и древнейшие языки, из средиземноморских греческий и латинский, разумеется, сохраняют одни и те же слова с языками более ранних систем порою в расходящихся значениях, как будто ничего общего не имеющих друг с другом, но, поскольку мы сближаем в диахронической перспективе, такое расхождение в смысле свидетельствует лишь о большей некогда амплитуде колебания значений, об обширном полисемантизме в те отдаленные эпохи, откуда теперь налицо с одним лишь закрепленным значением, притом в одиночестве, то или другое числительное в упомянутых языках.

Так, лат. un-us 'один' это в основе un, элемент C, означавший 'один' от 'руки' (отсюда и глагол у армян 'иметь' 'владеть', буквально 'быть в руках у кого' — др.-л. un-el), но от 'руки' же, 'пятерни' — 'десять', в каком значении on ↔ *un слово налично в турецких языках (on), оно же с акающей огласовкой an также в значении 'десяти' в составных числительных монгольской письменной речи — ðig-an '60' и др., а в чувашском, казалось бы, как в турецком, но с паразитическим v: von ↔ vun, на самом деле von → vun — совсем другой элемент, элемент B.²

То же самое еще в большей степени наблюдается с греч. μόνος 'один только', μόνος-ἑξῆς 'одноголовый', т. е. man || mop, поскольку эти две разновидности элемента B с третьей, meп, прослеживаются на Кавказе в словах, как теперь установлено палеонтологически, из круга числительных, это man, равно mep (✓ *mup || man) у армян и meп (|| mel) → me у грузин, у всех частица неопределенности в местоимениях, причем man (✓ ban), судя по армянскому глаголу ban-el 'делать', 'работать', означало некогда 'руку', на Кавказе же в значении 'одного' представлены с сохранением плавного исхода с аканием у грузин в man-to 'один только' (man и 'рука' в man-ðiene 'рука правая', man-ðien-e 'рука левая'), с губной огласовкой (o ↔ u) из шипящей группы с утратой плавного исхода у армян me ↔ mi и др.-л. также mi 'один' и т. п.

Такая же близость в числительном 'один' только у латинского sol-us с др.-л. грузинским qol-o (m-qol-o 'один только', qol-o 'однако', 'но'), которые представляют разновидности сибилантного sol- и спирантного qol- типа, как имя оба означающие в архетипе 'руку', причем в них l одинаково позднейшая замена m. r.

В монгольском 'рука' ðag → gar, но в значении 'двух' используется разновидность с губной огласовкой gug в составе 'трех' — письменного gug-ban, буквально означающего палеонтологически 'два + один', в соответствие финскому kol-me (kol-ma и др.) ~ χ, м. ши-т, здесь в языках ши группы с утратой

¹ Стр. 287.

² Отказ от паразитического v в чв. von ↔ vun ставит чувашский в более ясные взаимоотношения с финским, монгольским и турецким, ср. Н. Марр, Пережиточные отношения, стр. 146.

плавного г: *шиг-м. Кстати, монг. *gug-* (← *ǰig), собственно, спирантный двойник сибилантного *ɟug*.

Когда в тунгусском в значении 'двух' мы имеем *ɟug*, термин, общий с другими языками и этого далекого Востока, то это отнюдь не случайное совпадение с тем, что по норме принадлежит шипящей группе яфетических языков Кавказа — ч. *jug* (← м. *jiŋ*), по аспирации св. *uog* ↔ (и ч.) *uig* → ч. *uɟ*, но только анализ всего состава числительных может открыть, насколько наличие указанного вида в самом тунгусском отнюдь не ограничивается числительным 'два'; в тиг. *ды-ган* 'четыре', при палеонтологическом анализе 'два+два', вскрываем в значении 'двух' тот же *ɟug* (↔ *ɟog*) с редукцией и ↘ и утратой как исходного плавного полностью, так аффрикатности начального зубного — *ды-*, тогда как другой 'два', в тунгусском представленный элементом С — спирантной ветви: - *gn*. Об этом элементе С в значении 'единицы', арм. *kin* 'раз' и т. п., уже была речь.¹

Однако таких мелочей десятки и сотни, их будет легче воспринять при исчерпывающем анализе числительных каждой системы, да каждого языка в целом. А пока ограничимся следующими заключительными положениями.

1) Числительные одни и те же в яфетических языках различны по звуковому составу, но разность наблюдается двоякая:

а) или это разность фонетических корреспонденций, так, напр., 'три' — г. *sa-m* || ч. *ши-м* (|| св. *se-m*) ~ ав. *ho-bi* / суом. *kol-me* (|| из св.: уд. *qe-v* ↔ *qi-b*) ~ ∞ (т. е. ВА вм. АВ) чув. *vi-şë*.

б) или это разность входящих в состав числительного элементов,² напр., опять 'три'.

АВ	АС или АА.
г. <i>sa-m</i> ч. <i>ши-м</i> (св. <i>se-m</i>) ~ ↗ суом.	* <i>ser-i</i> ↗ ∞ * <i>tre-i</i> → <i>treu</i> : грч. <i>τρει-ς</i> ,
<i>kol-me</i> ↘ ав. <i>ho-bi</i> и т. д.	л. <i>tre-s</i> (<i>tri-um</i>).
чув. <i>vi-şë</i>	~ баск. <i>h¹ir-ur</i> (АА) → <i>ir-u</i> ; ³ ег-е
	(↔ <i>ir-e</i> ↔ <i>er-i</i>) → арм. др.-л.
	<i>er+e-q</i> , вин. <i>er+i-s</i> , народ. диал.
	<i>ir+e-q</i> .

2) Конкретно по числительным особенно сильное скрещение, порой представляющееся простым заимствованием в порядке явления, навязанного господством определенной социальной группы или уже племени, успешшего выработать наиболее ходкий вид этого своего рода товара: в грузинском, языке свистящей группы, числа 'два', 'четыре', 'пять', 'шесть' усвоены полностью или в основной части из языка шипящей группы.

Общие у прометеидов («индоевропейцев») числительные восходят как будто к одному источнику, к числительным одного яфетического племени, причем 'три' в этой племенной среде было образовано сложением 'двух' и 'одного', не из элементов АВ, а из элементов АС или АА, как в баскском *ir-u* (← *hir-ur*) и армянском *er-e* ↔ *er-i*.

¹ Стр. 282.

² См. стр. 276.

³ См. стр. 285.

3) Полисемантизм числительных слов бросается в глаза прежде всего и резко всего. Одно и то же слово используется как числительное в различных значениях в одном и том же языке, тем более в языках различных систем, сложившихся в различные эпохи и в различных районах, словом в различных условиях бытования. Как мы видели с элементом В, при племенном его восприятии, как берского слова, использованного и в значении 'двух', равно 'одного', а в восприятии 'руки', как 'кулака-пятерни' или 'горсти', и в значении 'пяти', в естественном же представлении о 'руках-пятернях', как о 'паре', и в значении 'десяти', мы застаем слово это в полном ходу со всеми указанными значениями, а при аспекте множественности — прежде всего в значении 'множества', лишь затем при уточнении за 'пятью' и 'десятью' в значении 'сотни' и далее, так, напр., абх. а-пѣ 'сто' (← шwэ ← шм. ши 'рука'). И во избежание смешения используется дифференцированный вид при отличном значении.

4) В сванском 'два' также усвоено из шипящей группы $uew \leftarrow \infty *uwer \leftarrow uor$ и др. (стр. 288), а не основное родное $\dot{q}ew$, однако — 1) в самом сванском $\dot{q}ew$ ($\dot{q}ev$) сохранилось с утратой исходного коренного w, эквивалента сс 1 || ши r, если w в нем не считать пережитком элемента В (vel || var), в последнем случае в виде одного элемента А — $\dot{q}e$ в составе $de-\dot{q}e-da$ 'neuter', буквально 'не оба' ($\dot{q}e$ 'два', -da нумеративное слово);¹ 2) то же сванское $\dot{q}ew$, resp. $\dot{q}ev$ 'два' сохранилось непочто у грузин в качестве полной основы $\dot{q}evag$ слова $pa\dot{q}evag$ 'половина', букв. 'вторая часть' и т. п. Кстати, действительность скрещенного образования $\dot{q}e+var \rightarrow \dot{q}e+v$, resp. $\dot{q}e+w$ в смысле 'двух' (← '*рука') поддерживается палеонтологически использованием его в значении 'женщины', равно 'воды', согласно семантическому пучку 'рука+женщина+вода', отсюда г. m- $\dot{q}eval$ || m- $\dot{q}eval$ 'служанка' (← 'женщина'), с внесением грузинского l в м. г, св. $ye-\dot{q}w$ || $\dot{q}e-\dot{q}w$ 'женщина' с префиксом $ye-$ / $\dot{q}e-$, представляющим повторение первого элемента (← архет. $*\dot{q}e-\dot{q}ew \searrow *ye-\dot{q}ew$), если это не элемент С (о связи $\dot{q}ew$ с «Евой» в еврейском оформлении массоретской библейской традиции $\dot{Q}awāh$ особо), г. $\dot{q}ev$ || $\dot{q}ev$ 'речка', 'ущелье'.

5) Усвоение тем или иным яфетическим языком числительных в разновидности не собственной среды, а другой, родственной, но все-таки отличной, не значит еще, что родное наследие данного яфетического народа совершенно утрачено: изыскания в соответственных лексемах обнаруживают наличие изжитых или выжитых видов или у родственных народов, получивших их в путях общения, или в речи подлинного их собственника с тем или иным специальным применением, как мы то видели на примере sal и его разновидностей.

В роли числительного слово al , с утратой плавного а- (← ā), имело эквивалент $og \leftrightarrow ur$ по шипящей группе, сохранившийся также с утратой плавного в виде u в составе $u-ter$ 'другой', 'один из двух', $ne-u-ter$ 'ни один из двух', последнее — построение, идеологически тождественное с св. $de-\dot{q}e-da \searrow de-\dot{q}+da$ 'ни один из двух'.

6) Поскольку таковы обстоятельства в яфетических, а протоеидские («индоевропейские»), равно турецкие — лишь дальнейшее их перерождение или пере-

воплощение, последние языки нам, естественно, сохраняют утраченные яфетическими языками виды те или иные, иногда более древние по окаменелости формы наличных в яфетических языках числительных.

7) В яфетических языках также сохранились разновидности числительных, стоящие одиноко, но типологически закономерно сложенные и имеющие свою палеонтологию не на почве языка, в котором они сохранились, или принадлежащие по норме языкам, до нас не дошедшим, так — разъяснявшиеся,¹ в группе со сродными, термины *mg-fo-bl* 'двойной', 'сугубый', *mag-fo-biv* 'близнец' и пр.

Слово, сложенное из *mg* [← *mæg* / *mog*] || *mag* 'рука' → 'два' и *fo+b¹* ↔ ↔ *fu+b* в связи с ч. *tu-b* 'близнецы' и г. *tku-b id.* уже разъяснены,² но *fo-b* отсюда, с одной стороны, восходит к *fo-φ* и увязывается и с г. *og-foφ* 'нерешительный', букв. 'раздваивающийся' в составе г. *og* 'два' и из шипящей группы *fo-φ* '*два' (|| сс *ta-φ*, у арм. 'ладоши', 'рукоплекание', последнее от *fo-φ* '*рука', откуда и ч. *o-fo+φ-u* || м. *toφ+и-a* 'держать', 'ловить', 'хватать', 'брать' и т. п.); увязывается и с л. *du+bi-us* 'сомнительный' по формуле — *fo+φ* ↔ *tu+φ* → *du-bi* (ср. г. *tu-b-1* 'близнецы').

8) В общем, шипящее оформление слов и числительных врывается не только в соседние яфетические языки Кавказа, но и в языки иных систем, от угрофинской вплоть до протоевропейской («индоевропейской»), далеко за пределами территории кавказского Междуморья.

9) Вопрос иной, однако, когда оформление шипящей группы находим в чувашском языке, по своему основному составу относимом к этой именно группе. Чувашский в таких случаях остается, следовательно, верен своей «природе», т. е. своей пережиточной системе. В чувашском обращает на себя внимание другое явление: это борьба свистящей группы с шипящей. В числе 'пять' мы видели удержанным плавное: *pił-ek* → *pił-ek*.³

То же самое наблюдаем в двух числах, объединяющихся в одну группу способом их образования, это — 'восемь' и 'девять'.

В числе 'девять' чувашский также остается верен своей шипящей норме, сохранив безукоризненно с редукцией широкой губной огласовки архетип названного числительного в мегрельском и чанском с перестановкой гласных: ч., м. *đđogo* ← **đođog* ↘ **đəđəg* (← **đəđəg*), гспр. чв. *təxəg* → *təxəg*).

'Восемь' в чувашском в первой части его сложного состава сдается свистящей группе, беря целиком 'два' из языка свистящей группы, именно ту разновидность *sał*, которую мы ожидали бы в грузинском, но с утратой плавного исхода, как, впрочем, находим мы ее и в грузинском, здесь в составе 'трех' — *sa+m* букв. 'два+один',⁴ ибо по-чувашски 'восемь' звучит *sa-kəg*, букв. 'два, десять' в смысле 'без двух десять', причем если *sa-* 'два' чувашский язык объединяет, как только что видели, до тождества с грузинским, изменой разновидности шипящего порядка *şog* ↔ *şur*, наличной в числе 'восемь' у басков (*şog-đi*),⁵ *kəg*, редукцией губного

¹ Стр. 287.

² Стр. 287.

³ Стр. 261.

⁴ См. стр. 286

⁵ Стр. 287.

гласного низведенный с архетипа $*k\acute{o}g \leftrightarrow *k\acute{u}g$, сближается с первым элементом скрещенного финского термина $k\ddot{u}-\acute{m}\acute{e}n$,¹ обозначавшим, как и впоследствии скрещенное целое, 'десять', выявляет его, это $k\ddot{u}$, еще самостоятельно и без утраты плавного исхода. Многократные отдельные закономерные по звуковым нормам социальной группировки яфетических языков встречи числительных чем глубже, тем ярче выявляют сложный «доисторический», собственно дефо-исторический переплет звукосоответствий, роднящий, на тех далеких стадиях развития речи, языки ныне различных систем («семей»).

Для примера следующая сводка. Двойное в составе 'девяти' и 'восьми' звучание 'десяти' и у чувашей $f\acute{e}g$ ($\swarrow \acute{q}\acute{o}g$, здесь без утраты аффрикатности) и $k\acute{e}g$, восходящие оба к архетипу $*k\acute{o}g \leftrightarrow *k\acute{u}g$ ($\rightarrow \acute{q}\acute{o}g \leftrightarrow *q\acute{u}g$), и у турок — $k\acute{u}z \sim k\acute{u}z$, все разновидности шипящей группы с губной ($o \leftrightarrow u$) огласовкой или ее перебойным эквивалентом (1), увязывает и чувашский, и турецкие языки не только с кавказскими яфетическими языками шипящей группы (ч., м. $-\acute{q}\acute{o}g$), но и с пережиточными шипящими слоями классических языков Средиземноморья, а) греческого — $k\acute{o}s-i$ (вм. кош- \swarrow ч., м. $k\acute{o}\phi-i$ 'человек') 'десять' в составе $\epsilon\acute{\iota}-\chi\acute{o}\sigma\iota$ 'двадцать' (\leftarrow 'два десятка') и по формуле $g \sim nt$ (\rightarrow лат., греч. nt) $\rightarrow n\acute{d}$ ($\rightarrow n\acute{d}$: м., ч., арм.) диал. $k\acute{o}nt-a$ в десятках с 'тридцати' — $\tau\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}-\chi\acute{o}\nu\tau\alpha$ '30' и т. д., и б) латинского — $g\acute{u}nt-i$, resp. $g\acute{u}nt-a$ ($\leftarrow \sim -k\acute{o}nt-a$) в $vi-g\acute{u}nt-i$ '20', $tri-g\acute{u}nt-a$ '30' и т. д. На почве же шипящей группы 'один' в составе 'девяти' $do \rightarrow *d\acute{o}o \searrow \acute{d}\acute{o}$ — восходят к $\acute{d}o-$ ($\leftarrow \acute{d}\acute{o}-$) кавказских яфетических языков соответственной группы — ч. и м. ($\acute{d}\acute{q}\acute{o}g \leftarrow *d\acute{o}-\acute{q}\acute{o}g$), чему в свистящей группе находим закономерные эквиваленты, для 'одного', в соответствие $\acute{d}o-$, — $\acute{d}a-$ ($\searrow sa-$), с утратой огласовки — \acute{d} (г. $\acute{d}\acute{q}\acute{a}$ 'девять' $\leftarrow *d[a]-\acute{q}\acute{a}g$), для 'десяти', в соответствии $\acute{q}\acute{o}g$ ($\leftarrow *k\acute{o}g \leftrightarrow *k\acute{u}g$) — $\acute{q}\acute{a}g$ ($\leftarrow *ka\acute{g} \rightarrow ka\acute{g}$ 'рука': г. $e-ka\acute{g}-eb-a$ 'прикасается', арм. $ka\acute{g}$ 'сила'), а самостоятельно по тому же закону $g \sim s$ ($\swarrow \acute{d}$) — г. $ka\acute{d}$ ($\searrow -a\acute{d}$) 'человек' $\rightarrow ka\acute{d}$ (= $\chi\acute{\alpha}\tau-i$ в дельф. греч. $\acute{\iota}-\chi\acute{\alpha}\tau\iota$ '20') \searrow г. $a\acute{d}$ 'десять'. Учтя восхождение основы каждого числительного, 'десяти' несколько не менее, палеонтологически к 'руке-человеку' и отметив, что в монгольском 'рука' звучит с огласовкой свистящей группы $ga\acute{g}$, как и то, что то же слово с падением заднеязычного g ($\leftarrow k$), подобно k в грузинском $a\acute{d}$ 'десять', при г. $ka\acute{d}$ ($\searrow -a\acute{d}$) 'человек', в исчезающий спирант ($\gamma \leftarrow h$) в виде ag в составе сложного $ag-ba\acute{n} \leftarrow ha\acute{g}-ba\acute{n}$ 'десять', мы видим, что этот же $ag \leftarrow ha$ ($\swarrow ga\acute{g} \leftarrow ka\acute{g}$) то же самое место занимает с утратой плавного, как в суоми, в виде $ha \rightarrow a$ у басков, в числительном 'десять' — $ha-ma\acute{g} \rightarrow a-ma\acute{g}$. В результате при формальном сравнительном подходе получаем, что налицо все разновидности спирантной ветви (индоевропейистически: языки *kentum*), группирующие опрошенные языки, независимо от принадлежности их к одной или к различным системам («семьям»), одни как свистящие языки с аканьем (баскский, грузинский, монгольский, один слой греческого), другие как шипящие с губной $o \leftrightarrow u$ ($\sim i$) огласовкой (чанский, мегрельский, западно-финские, чувашский, турецкие, латинский, другой слой греческого).

¹ Н. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка, стр. 14 147.

При сравнительном подходе материальном, с определением элементов, монгольский с армянским, начиная с двадцати, т. е. двух десятков, становятся в одну группу с турецким, используя элемент С вм. элемента А — арм. -san || -sun (q-san '20', 'ere-sun' 30 и т. д.) ~ *han → an (монг. dɨr-an '60' и др.) || *şon (← шон 'десять') ↔ sun ~ *sin ~ in (монг. qog-in '20', uʃ-in '30', duʃ-in '40', täb-in 50).

9) При таком фактическом положении, выяснившемся более чем достаточно ярко, более выдержанные закономерные соответствия числительных могут быть явлениями лишь вторичного порядка, результатом позднейшего схождения языков в более тесную группу и бытования новых норм.

10) Числительные, как и все имена, первоначально как вся звуковая речь, магические слова, культовые термины, затем тотемы-боги, все одинаково происходят из одного и того же глоттогонического процесса, базирующегося на рощем и растущем единении мирового хозяйства и общественности, но в зависимости от степени развития того или иного коллектива, социальной группы, класса, племени, нации, и в зависимости от самостоятельного прогресса или замирания в эпохи отрыва от общего роста, одни и те же числовые слова стали использоваться различно, как одни и те же термины культа получили различное семантическое содержание.

Иштарь

(От богини матриархальной Афревозии до героини любви феодальной Европы)¹

ВВЕДЕНИЕ

Прекрасная грузинская поговорка — ‘Горшечник сказал: «к этому моему горшку ушко приделаю с той стороны, откуда я хочу»’ (am ŋem qodans kurs iqidan gamovabam, sidapaŋ mindao). Творя и лепя свою речь, человечество давало ее элементам, независимо от их формовки, ту постановку и то назначение, которое оно хотело, но в его хотении им руководила согласованность коллективной воли, закономерность. Когда из массы слов в языке выделяют особый круг совпадений, часто столь же поразительных по созвучию их, сколь по неприемлимости расхождений в значениях, то одно недомыслие пренебрегать ими с легким сердцем, не вникая в существо дела, в технику речевого творчества, относить подобные спорные факты в случайные явления, без всякой попытки учета их причинности. В действительности на такие факты принято обыкновенно вовсе не обращать научного внимания. Разве в кругу поэтов в беседе на правах шалости воображения подслушиваете такое утверждение: «А вот тоже хорош образ в корню: *рука—ручей—река—речь*». ² Между тем ‘рука’, еще ‘русалка’, ‘ручей’, ‘река’, да и ‘речь’ имеют основания быть созвучными, формальные основания всегда, а для большинства их, именно для всех, кроме ‘речи’, есть и реальное идеологическое основание. Отнюдь не случайно также, что в грузинском *qel-1* (др.-л. *qel-1*) значит и ‘рука’, и ‘сумасшедший’; это так же не представляет ничего случайного, как то, что слово ‘рука’ используется для выражения понятия ‘сила’, в других случаях — для выражения понятия ‘право’. Так то же самое слово *qel-1* (др.-л. *qel-1*) ‘рука’ не только служит для выражения ‘права’, но другого по первичному смыслу слова для понятия ‘право’ и не существует ни в одном языке, таков генезис и лат. «*jus*» (р. «*jug-is*») ‘право’ и самого русского слова «право», так что тут жестокая необходимость, неумолимая закономерность, но, ничего, ровно ничего случайного. Точно также мы увидим, как научно мы ни старались бы закрывать глаза на то, что не случайно созвучие грузинского слова *qel-1* с *χελι-* в составе греческого слова *χελι-δών* ‘ласточка’, в той же степени не случайно, как абсолютно не случайно созвучие того же г. слова *qel-1* в значении ‘руки’ с греч. *χείρ* ‘рука’. Не случайно также то, что для чувашского *al* ‘рука’, утратившего начальный спирант *h*, ослабление *k*, мы находим без этого фонетического ослабления архетип *kal* у далеких армян со значением ‘державший’, восходящим к тому же семантическому прототипу ‘рука’; в равной мере не случайно и то, что, наоборот, у соседящих с чувашами мариев или черемисов полный спирантный вид того же слова *al*, именно *ual*, значит ‘нога’, и на Кавказе то же слово также имело свой двойник в форме *qal* с тем же значением ‘нога’, откуда

¹ [Напечатано в ЯС, т. V, Ленинг 1, 1927, стр. 109—178.]

² Анатолий Мариенгоф, Роман без альянса, Ленинград, «Прибой», 1927, стр. 70.

в арм. *qaul* 'шаг' (← 'нога'), *qa1-el* 'ходить', в грузинском *qa1-aman* 'лапти', буквально — 'сосуд ноги'. Для нас здесь нет ничего кроме явного свидетельства о времени, когда для 'руки' и 'ноги' в распоряжении человечества было одно и то же слово. Сейчас нам это кажется если и не удивительным, то экзотическим, в корне чуждым протомеидскому («индоевропейскому»), в частности русскому языковому мышлению, и кажется так только потому, что никто и не подозревает, что соответственные термины русского языка *ru-ka* и *po-ga*, при тождестве второй части *-ka* → *-ga*, лишь две разновидности одного и того же слова, некогда также означавшего одновременно и 'руку' и 'ногу'. Как в жизни человечества, так в жизни языка нет ничего случайного, нет ничего, я хотел сказать, чудесного, но можем ли мы отрицать чудо, когда мы теперь видим, как человек из ничего, из ничтожества создал свой язык? Ведь, это чудо, но и в этом чуде нет ничего случайного.

Накопившийся материал для характеристики Иштари может смутить, если не считаться с представлениями первобытного человечества о воплощениях для него конкретного существа, которое теперь понимается всегда отвлеченно как божество, божественное начало, даже когда говорят 'бог', если не считаться с представлениями об этом живом для первобытного человечества существе, оборотне или выделяющем из себя ряд, как будто бесконечный ряд, долевого богов. Если не считаться не только с представлениями первобытного человечества, но и сменой их, то и порядок, введенный в сказания о богах, мифологию, уже по возникновении племен и сложении родового быта, может также показаться хаосом: «В «Хождении в ад» Иштарь выводится как дочь бога месяца, тогда как в эпосе Нимврода она появляется в качестве дочери неба-бога Ану».¹ Родство богов и богинь, установленное уже за этнический период жизни человечества в эпоху родового строя, часто оказывается одним недоразумением, когда мы подходим также от времен доисторических, но за натурально космический период жизни человечества. Шала («Šal-a»), а то Иштарь («Ištar») — жена Адада, осведомляют нас по традиционным письменным источникам, а на самом деле они, эти три названия, — разновидности одного названия.

Нельзя смущаться, если божества, восходящие к Иштари, в различных странах оказываются не женскими. В самой Месопотамии давно признан мужино-женский характер богини Иштари.² В памятниках отмечается и наличие бородатой Иштари, напр., у Craig, *Relig. Texts*, I, 7, где читаем: «Как Ассур она снабжена бородой (ср. Венеру с бородой у римлян)».³

Во всяком случае, по тем доисторическим эпохам, когда не только в речи человека нет особой категории глаголов, нет строгой скристаллизовавшейся общности в речи, т. е. синтаксиса, как нет тогда ее и в жизни, нет, понятно, связанной с этой общностью морфологии, единственной путеводной нитью может служить семантика. Сама же возможность разобраться в бесконечных ускользающих от нас теоретически идеоизлучениях архетипных слов нам обеспе-

¹ Jeremias, *гип.* I, стр. :

² Jeremias, *Das Alte Test* ent im Lichte des Alten Orients, 2-te Aufl., Лейпциг, 1906, стр. 112.

³ Там же.

чивается не современными нам и вообще историческому человечеству натуралистически-реальными понятиями и соответственной логикой, а палеонтологией мышления, сменой мировоззрений действительно первобытного человечества, нарастанием взглядов на казавшихся ему реальными богов, скатыванием в клубок слагавшихся постепенно, в длительном процессе многих десятков тысячелетий, в его мышлении представлений о человеке, впоследствии о себе, и окружающем его мире, общественно неразлучном с ним, как о микрокосме, отражающем более ранние далекие космические восприятия в образах, тогда уже готовых для обозначения живых богов-оборотней, а не натуралистически воспринимаемых стихий или сил природы. Первые, общественно слабо организованные люди — гениальные творцы в образах, великие поэты, но совсем неважные эрудиты-ученые. С плодами их творчества человечество не расстается в своем новом творчестве: на них, как на сокрытой базе, воздвигает, или из них, как готового материала, лепит новые формы. В различных разрезах семантического клубка выплывают Иштарь-небо и сродные понятия — его долевыя выявления, 'облако', 'гора', 'столп' или 'башня' и т. п., Иштарь-вода и 'дождь', 'плодородие', Иштарь-небо — 'покров', 'дом', 'строительство', 'палатка', или 'год', 'сезон холодный', 'жаркий', в линии образов — 'круг', 'арка', 'свод', 'пояс', а в увязке с другими семантическими разрезами — то опять 'шатер', 'палатка', то 'ограда', 'город' или круги в иных смыслах, Иштарь-небо и мир светил, 'солнце', 'луна' и др., равно 'день' и 'светлый', 'белый' цвет, 'зрение', 'глаз', Иштарь-небо, 'небо-огонь', 'небо-вода' и 'засуха' и 'гроза', 'погода' и 'непогода', 'снег' и 'дождь' (это уже 'небо-вода'), 'молния', 'пика', 'стрела' и т. д., и т. д.

С богиней Ištār или по-русски Иштарью мы скоро докатились бы до Франции и Англии со включением Баскии, которые полны архаических этнографических переживаний, а работа без учета этих территориально далеких переживаний по общим вопросам о началах и древнейших культур для нас, яфетидологов, методологически сомнительное, гиблое предприятие. Начав с Тристана и Исольты, в частности я незаметно для себя докопался до Иштари, оказавшейся ее прародительницей, ее тезкой. Но работа наша вызвана не богиней любви Иштарью, а небом Иштарью, со множеством предметов, вытекавших из представления человечества, за многие десятки тысячелетий, о небе или об увязывавшихся с ним образах и понятиях, и лишь с одной «ипостасью» для любви.

«Все женские проявления вавилонского Пантеона воплощены, в последнем счете, в ней», Иштари, замечает Иеремияс (Jeremias) в *Das Alte Testament im Lichte des alten Orients* (стр. 107). Это естественно, раз она носит название 'женщина'.

Деймель (Deimel) в *Pantheon Babylonicum*, после предметно классифицированного перечня источников, где упоминается божество Иштарь, дает следующее определение: ¹ «*Ištar est dea amoris, voluptatis et partus; haec est I. muliebris; simul est dea belli et pugnae et ut talis virilis (non est androgyna!). Illi respondet propter rationes evidentes stella Veneris vespertinae, huic matutinae. Ištar volup-*

¹ Nomina deorum e textibus ciformibus excerpta et ordine alphabetico distributa adiuvantibus Romeo Panara †, Jos. Patsch C. SS., Nic. Schneider, Romæ, 1914, стр. 152, ed. A. Deimel.

tatis potissimum in Erech colebatur (cf. Epos Gilg.), Ištar virilis sub nomine Geš-dar (= ^u Anunitum) in Agade urbe sedem cultus sui habebat; illa fortasse erat Ištar Šumeriorum, hæc Semitarum... Tandem ^uIštar repræsentat vegetationem, quæ quotannis tempore veris abundanter ex terra pluviis irrigata pululat, postea tamen in pugna cum ardoribus æstivis perit».¹

Насколько состоятельны разъяснения самого Деймеля, внесенные в это определение предположительно, между прочим, усвоенные богини страсти «Ištar» шумерам, а мужества «Geš-dar» семитам, выявится из дальнейшего, но отпадает само собою наивное объяснение того, как в одном лице могли уместиться богини любви и бойни или войны. «Иштарь», поясняет он, «по женской своей природе была богиней любви; любовь же часто порождает распри (rixas), особенно, если старым любовникам наследуют новые (cf. Ep. Gilg., Tab. 6). Кроме того, богиня, почитаемая воинственным народом, сама становится легко воинствующей».

В недавно вышедшей суммарно изложенной *La civilisation assyro-babylonienne* (Париж, 1922, стр. 51) Контено (Contenau), перечислив ассиро-вавилонских богов, пишет: «Замечательно, что из этих богов много астральных: одни — солярные... другие олицетворяют бога-месяца и звезду-Иштарь. В отношении первых двух светил это вполне естественно, значение их таково, что известный культ их фатально должен был существовать; что касается планеты Венеры, обыкновенно зывают к тем же основаниям; звезда, называемая пастушеской, появляется первой и покидает небо последней, сверкая неподобным блеском, и она, разумеется, была замечена с ранних пор. Но это уподобление указывает уже о работе по унификации Пантеона. Солнце и луна были приписаны богам первого порядка, а по необходимости богиня плодородия *rag excellence*, начало плодородия, должна была быть представлена звездой, должны были довольствоваться ею, как планетой».

Попутно замечу, что при таком продолжительном внимании к Иштары с мотивировкой ее происхождения, очевидно, не разъясненного вполне, какое анахронистическое представление о происхождении астральных богов и отношении к ним первобытного человека! Сначала у него появляется представление о «богине, начале плодородия», и затем только он начинает представлять ее себе в виде звезды. Тогда понятно, что Контено удивляется появлению астральных богов в большом количестве.

Какое сложное дело! Какое ошеломляющее сплетение разнообразных норм и особенно разнообразных «яфетических племенных» языков, собственно языков разнообразных социальных группировок яфетической системы, в «единой», напр., русской речи, если всерьез допустить реальность сделанных нами и уже

¹ [Иштарь богиня любви, сладострастия, рождения. Это Иштарь женская, но одновременно она богиня войны, сражения, и, как таковая, мужская (но не андрогина!). Первой соответствует по очевидным основаниям звезда вечерней Венеры, второй — утренней. Иштарь сладострастная главным образом почиталась в Ерехе. Мужская Иштарь под именем Гешдарь имела место своего культа в городе Агаде, та, может быть, была Иштарью сумерийцев, эта — семитов. Наконец, Иштарь представляет растительность, которая ежегодно весной в изобилии произрастает из орошенной дождями земли, затем гибнет в борьбе с летними жарами!]

опубликованных сопоставлений. Однако прежде всего ничего опеломляющего нельзя видеть в явлении, привычном яфетидологу, как фактическое положение в языках яфетической системы. Затем, не останавливаясь на том, что для нас, яфетидологов, сопоставления по существу в общем вполне реальны, сомнения могут быть лишь в отдельных частностях.

Я позволю себе маленький экскурс для выяснения общего нашего культурно-исторического подхода.

Историк Ключевский, установив, что в южной степи России господствовали некогда «киммеряне, потом, при Геродоте, скифы, позднее, во времена римского владычества, сарматы»,¹ не переносит ли исторически оправдываемые даты в область этнографии, где им в указанном порядке вовсе нет места? Когда, по его словам, около нашей эры «номенклатура варваров в древней Скифии становится сложнее, запутаннее, сарматов сменили или из них выделились геты, языги, роксоланы, аланы, бастарны, даки», можно ли с точки зрения этнолога говорить, что здесь происходит механический процесс переселения, «смена пришельцев»? Ведь, «пришельцев» во всяком случае нельзя никак усмотреть в номенклатуре по отношению к скифам в гетах и даках, да и аланах, по отношению к сарматам в бастарнах; эти племенные названия — первые — разновидности Σκῆθαι, вторые — сарматов, «алан» же входит и в состав термина «роксолан», в котором еще «роск» или «росы», у которых, также как у языгов, есть на Кавказе и во многих других странах, не исключая и северных сопредельных стран, глубокой древности этнологическая история. Ведь, когда Ключевский говорит о возможности выделения, напр., алан из сарматов, то с точки зрения этнологии это абсолютно невозможное явление даже терминологически, а реально, наоборот, новые образования сводят к меньшим единицам и первоначальное племенное многообразие, а никак не наоборот. И если факт возникновения местами эллино-скифского населения, «вещи высоко-художественной работы» из скифских погребений или из обстановки скифских жилищ, по утверждению историка, имея «большую общеисторическую цену», не имеют прямого отношения к русскому народу (по выражению Ключевского, «они относятся больше к истории нашей страны, чем к истории нашего народа»), то это я могу постичь лишь субъективно, приняв к сведению непосредственно следующую оговорку: «наука пока не в состоянии уловить прямой связи» этих обитателей Руси, называемых им «азиатскими посетителями», с славянским населением, и «самп эти народы остаются этнографическими загадками». Во всяком случае лингвистически эта связь намечается, без нее обойтись нельзя. Совершенно прав Ключевский, когда всю страничку о «значении» «дославянского населения южной России» заключает утверждением (стр. 120): «Если эти племена и имели общую генетическую связь с позднейшим населением Европы, то отдельным европейским народам трудно найти среди них своих прямых специальных предков и с них начинать свою историю». Однако, если, например, для русских, да вообще славян, нельзя выделить ни одного из перечисленных в начале народов, в доисторических архе-

¹ Курс русской истории, т. I. 18, стр. 118.

типах яфетических, ни одного специального племени для связи с ними, то лишь потому, что на такую связь имеют право этнографически одновременно все перечисленные племена, и по языку это будет выражаться в отложении результатов процесса их скрещения не в «яфетическом слое» русской речи, как мы говорили раньше (именно тогда, когда еще не предполагали происхождения так называемых индоевропейских языков, т. е. языков прометеидских, целиком из яфетических), а во всей русской речи, в которой мы имеем отложения и перевоплощения языков яфетической системы, т. е. во всей русской речи налицо отложения не только шипящей и свистящей группы сибилантной ветви, но и спирантной, конкретно это русское, уже прометеидско-русское, «индоевропейское» использование накоплений речевой культуры не только скифской и сарматской, но и номенклатурно тождественной с сарматской — кимерской (шумерской, иберской, баскской, мосохской), равно этрусской, или, говоря более ранними одноэлементными терминами, рошской или русской (допрометеидской), ионской, берской и салской. В этнографическом перечне Ключевского эти так называемые племенные названия не захвачены, потому что от исторических источников они ускользают. Перед нами раньше становился финский вопрос, и в прежней постановке мы входили в рассмотрение вопроса, какую роль технически сыграли в лингвистически выясняющейся связи финские племена, в частности чудь, и было ли чудское племя ab origine финским, и что собою представляет по генезису само финское племя. Но в настоящее время, когда, наконец, удается работу печатать, мы такую постановку финского вопроса признаем уже устаревшей: финны, как и прометеиды («индоевропейцы»), в языковом отношении представляют новую, хотя и более древнюю сравнительно с прометеидами («индоевропейцами») трансформацию тех же яфетидов, и в настоящей работе, во избежание задержки и осложнения, финскую часть вовсе опускаем.

Отбрасывая пока литературные связи, по чисто лингвистическим вопросам, получившим иногда лишь яфетидологическое прикосновение, намечали мы ряд специальных заданий, проблем по подробностям. В числе их мне представилось особенно важным и срочным установление факта яфетидологически вскрываемых формативов, суффикса -be в германских языках, суффикса -ba, префиксов la-, le- в русском и si- и a- в дошумерской речи Междуречья.

В самом деле, в яфетических переживаниях русской речи, казалось, сохранились с несомненным суффиксом -ba различные префиксы и, помимо принятых за таковые, формально тождественные со сванскими, — la-, le- и т. п. Также воспринимался и k- → g-, первый в словах «к-расный», «к-раса» и т. п., второй в именах «г-лаз», «г-роза». Касательно губного суффикса в германских языках В. А. Брим начал было вести исследование вопроса. По дошумерским месопотамским элементам в идеограммах клинописных знаков и наследованных переживаниях месопотамских языков веду работу пока сам. По другим «культурным» языкам Европы наметились было специалисты по общей фонетике доисторического слоя, отраженной вообще в прометеидских («индоевропейских») языках, но выбыл из строя первый работавший, находясь еще в Азербайджанской университетской среде, первый лингвист-индоевропеист в самой кропотливой

исследовательской работе без шор и без страха подошедший к новому учению об языке, это В. Б. Томашевский.¹

Тем временем выяснилось, что интересовавшие нас, казалось бы, префиксы и суффиксы — не морфологические функциональные части слова, а пережитки некогда самостоятельных слов, элементов, вошедших в состав тех или иных терминов, представляющих случаи скрещенного словообразования. Подоспел и новый формальный прием анализа слов путем определения элементов. Несомненно, что и «красный», и «глаз», и «гроза» скрещенные двухэлементные слова. Вопрос о перерождении того или иного элемента, о перевоплощении переживших от него начальных и конечных согласных, где на то есть особые данные, в морфологически функциональные частицы, префиксы и суффиксы, не отпал, но весьма сильно осложнился. Это нас по существу не беспокоит. Нас более беспокоит, что у нас в свое время произошла заминка, уже длительная в расширении кавказской базы, а теперь начинается торможение из-за необходимости вовлечь в круг яфетидологических изысканий языки так называемых примитивов, в первую голову африканских племен. Но если пока продолжим закрывать глаза на этот обширный мир нового лингвистического осведомления, пододвигаемый к Средиземноморью и независимо от яфетической теории, как быть с расширением кавказской базы, когда усилившаяся по ней работа все еще не увязывается с актуальными очередными работами по разработке и уточнению нового учения об языке, как его ставит яфетическая теория. В частности, кто возьмет на себя труд и кто должен взять его на себя — труд расширения кавказской базы и Азербайджаном? Повторяя призыв мой по другому случаю, скажу: кто призван всколыхнуть и вспахать глубоко азербайджанские недра как почвы, так населения, чтобы изловить и спасти занесенные в них забывчивостью неблагоприятных новейших поколений жемчужные ряды «доисторических», да и исторических культурных ценностей, пережитки металлической, может быть, дометаллической культуры, пережитки эпоса, откуда выхвачена любовная повесть Виса и Рамина, а может быть и культа богини Иштари с эмблемой звездой, этого тотемного божества? Ведь, пока в наших руках только два факта этого доисторического значения для нашей темы, это отложение имени нашей богини в основе названия Азербайджана² и нахождение в низовых слоях его турецкого населения термина *Заг-ы* 'бог', неразрывно связанного с именем той же богини.

«Известно», читаем у давнишнего исследователя,³ «что у богини Иштари имеется двойкий характер: с одной стороны она представительница сладострастной (*ürriĝen*) чувственной любви, при более серьезном восприятии богиня плодородия и как таковая гиперболически мать рода божьего и человеческого и просто богиня, с другой стороны «сильнейшая (*karıdtu*) между богинями» богиня, «без воли которой никто не живет в покое и благосостоянии» (WR 4, 13 сл. b), «богиня борьбы, владычица сражения, судья (*Entscheiderin*) великих богов»

¹ [См. В. Б. Томашевский, как работник новой лингвистики, в сборнике «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. XV—XXVIII, Ленинград, 1927, изд. ИЛЯЗВ.]

² Н. Мара, Краеведение, стр. —10.

³ Jeremiás, *Izdubar-Nimrod*, с 57—58.

(Asurb. Smith 121, 35), восточный Валькириев образ, она вызывает к бою, предшествует царю, воодушевляет солдат видениями во сне, а в мирное время приглашает к охотничьей отваге как богиня лука, стрелы и колчана... особенно интересна вооруженная Иштарь, сидящая на троне, наступающая на пантеру и получающая жертвенные приношения».¹

I. ИМЯ ИШТАР И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ЗВУКОВОЙ РЕЧИ И В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

«По этимологии имени *Ištar* уже много писано (cf. v. gr. H. Zimmern, *Die Keilinschriften und das alte Testament*, III Aufl., II. Religion und Sprache)», замечает Деймель,² но кажется маловероятным, чтобы она, сначала богиня страсти и затем также войны, так названа была как «*recensens*», «*inspiciens stellas*», 'производящая смотр звездам', т. е. 'ее воинству'.

Другие этимологии, прибавим от себя, не более удачны.

Для названия божества Иштарь, по лучше сохранившейся части основы восстанавливаются две социальные разновидности элемента **A**, одна с огласовкой «а» — свистящей породы: *-star*, другая с огласовкой «о» — шипящей породы: *-štor*, но семитическими языками обе усвоены или унаследованы, казалось бы, с префиксами то *1-* (←→ *e-*), так акающая форма — *-štar* (см. ниже), то *ša-*, так и акающая, и окающая формы, при акающей огласовке так называемого префикса обе формы с окончанием, казалось бы, ж. рода, первая форма, т. е. с аканием — *A-star-tē* (Αστάρτη), вторая, т. е. окающая, как с тем же окончанием в перемещении — *ša-štor-eš*, так без всякого дополнительного еще окончания, когда термин в составном слове *ša+štor-k^h/mos*, засвидетельствованном моабитской стелой (ск 17).³ С сохранением начального спиранта в подъеме (*k* → *k*), культовый термин должен был звучать *Kaštor* (←**kaštor*, resp. *ša-štor*), и дело не столь далекого будущего выяснить, случайно ли созвучно с названием Иштари имя одного из близнецов архаической Греции, богов света. Наконец, при том же префиксовидном придатке основа появляется и с огласовкой *e*, resp. *ē*: *ša-šēg-ā^h* (𐤱𐤲𐤂 || 𐤱𐤲𐤂).

Касательно придатков мы могли бы раз навсегда предупредить, что эти части, если они даже, действительно, морфологически функциональные, не только суффиксы, но и префиксы нашего термина, также восходят к определенным элементам, одному из четырех, лишь впоследствии в той или иной разновидности к племенным названиям, далее и племенным словам. Окончание ж. рода на самом деле

¹ См. Münter, *Religion der Babylonier* (Taf. I, fig. 5). Далее Иеремияс продолжает: «Diese Doppelgestalt entspricht dem Venusstern, der als Abendstern die Nacht heraufführt und als Morgenstern den Tag verkündigt mit seiner Arbeit und seinen Kämpfen. Deshalb wird dieser Stern der Göttin als Emblem beigegeben, oder gar mit ihr identifiziert... In *Izdubar-Epos* ist *Ištar* als Stadtgöttin von Erech Göttin des Krieges und *Venus foecunda* zugleich... Hingegen tritt in den Inschriften der kriegerischen assyrischen Könige *Ištar* lediglich als Kriegsgöttin auf mit starker Hervorhebung ihres sidschen Charakters».

² Ук. с., стр. 150.

³ Eb. Schrader, *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, Giessen, 1873, стр. 83, изд. 1902, стр. 436; M. Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, I, Weimar, 1898, стр. 415, 17, см. стр. 116.

-te ($\infty \rightarrow$ -eð) легко опознать как пережиток элемента С ($\text{ʒen} \leftarrow \text{den} \leftarrow \text{ten}$) при возможности возводить его и к элементу А — ter, resp. tel, но эта подробность представляет явление общего значения, тут вопрос вообще о происхождении формы ж. рода в семитических языках, а по неразрывной связи с ними и в языках других систем, ничего специфически связанного с нашей богиней или ее названием в этом окончании нет, и пока мы можем оставить обсуждаемую часть, пусть это окончание, в покое. Разве оговориться, что если окончание -te ($\|$ -ta) $\infty \rightarrow$ -eð восходит к элементу С, то оно может быть функционально и пережитком мн. числа.

Префикс 1- нашего слова, если он таков, также не изолирован. Если не вторгаться пока в круг имен божеств с этим начальным придатком, достаточно сослаться на переживания доисторической топонимии I-ber-1-a, resp. I-span-1a, I-tal-1a и др., или племенных названий 1-ber, 1-span и 1-tal, а названия племен в соответственные эпохи те же названия 'божеств', resp. 'тотемов', так из их числа 1-tal, собственно, — ближайшая разновидность названия месопотамской богини I-štar, но тем более приходится внимательнее останавливаться на учете интригующей образовательной частицы, ее палеонтологии. И раз отпадает возможность в ней признавать пережиток элемента А, ибо это значило бы наличие повторения одного и того же слова в двух крайне дифференцированных разновидностях, а об элементе В не может быть речи, то остается ее возвести или к элементу С, или к элементу D. Исходя же из культового значения I-štar $\|$ ʒa-štor, богини любви, и из существования ее эквивалента в Италии у этрусков в виде Tur-an, т. е. термина, скрещенного из двух элементов АС, то равнозначный I-štar $\|$ ʒa-štor-, надо думать, того же состава, но элементы расположены в обратном порядке — СА.

Когда Лагранж (Lagrange) решительно утверждает,¹ что «la grande déesse des Cananéens figure, d'après la vocalisation du texte massorétique, sous le nom d'Achtoresh», то тут предвосхищение недоследуемой для семитолога почвы, уходящей в доисторическую даль. Если в традиционном библейском чтении имени богини вина массоретов, то оно восходит к правильной яфетической разгласовке.

По термину I-štar интересно отметить прежде всего еще две его разновидности с префиксом e- (\leftarrow *ʒe-), в подъеме ge-, обе с озвонченным зубным: E-šdar и Ge-šdar.² Иштарь — богиня любви и страсти, а впоследствии также — войны и боя. Как богиня любви и страсти, это Афродита Урания, она потому и носит название, по значению тождественное с этрусским Tur-an, также означающим Афродиту. По основе этрусская, собственно, сохраненная этрусками салская или талская разновидность tur (\leftrightarrow tor) лучше представлена в еврейском ʒa-štor-eð.

Основной элемент šdar (\leftarrow *ʒar), по полной утрате аффрикатности dar, с диалектическим эквивалентом конечного плавного в виде d по норме шипящей группы ($r \sim \text{ʔn}^1 d \rightarrow d$), наличен, очевидно, и в названии бога A-dad.

¹ Etudes sur les religions sémitiques стр. 124.

² Ant. Deimel, PB, стр. 152.

Когда в изысканиях ученого, напр., Винклера (Winckler),¹ дается освещение Adad, определяющее независимое от Иштари существование, то это может «указывать на небольшую глубину анализа. По Винклеру, обсуждающему вопрос в книге Есфири, Adad (Ramman) второстепенный бог, он появляется только как бог непогоды, которого дуновенне и ветры еще господствуют в начале года . . . Адад вообще не принадлежит древнему вавилонскому пантеону, внесен же он впервые ханаанским слоем населения.² Собственно, он тождественен с Мардук, которого выдвигание (Betonung) относится, впрочем, также лишь ко второму (ханаанскому) слою населения Вавилонии».

О Turan'e, равно Sātūrnus и Οὐρανός приходилось уже говорить. Нет здесь надобности перебирать весь материал, вынуждающий в Иштаг видеть слово со значением 'Небо-Вода', собственно 'вода' и т. д. и т. д. Достаточно обратить внимание на то, что оба скрещенные (АС) слова, Tur-an и Ur-an, лишь разновидности по первой части, одна спирантной ветви (ur- ← hur-), другая сибилантной, именно шипящей группы (tur- ← ṭur- \(\searrow\) шur-), и даже сами элементы сохранились в значении где 'воды', а где — 'неба' (бск. hur → ur 'вода', да и tur у басков же в составе i-tur 'источник', ṭur → арм. ḡur 'вода' \(\searrow\) вол.-камск. языки шur \(\searrow\) кит. шуу → чув. ши 'вода', шм. ан 'небо' и т. п.).

И Tur-an и Ur-an своей разнобойной огласовкой свидетельствуют о среде возникновения с двумя социальными огласовками (a || o ↔ u). В значении именно ['неба'-] 'бога' то же слово Tur-an сохранилось как пережиток одинаково в обоих элементах окающего оформления *Tog-on с редукцией гласного o \(\searrow\) ə в конечном слоге и утратой исходного n, это у чувашей — tor-ə ↔ tur-ə 'бог' (← '*луна' ← '*небо').

Из положения дела в Италии мы знаем, что Сатурн и Венера могут носить разновидности одного и того же имени: лат. Sātūrn (← *Saytur-n) и этр. Tur-an 'Афродита Урания' представляют две формы, первая, казалось бы, с префиксом sa-, одной и той же основы tur ← *штur ~ *ṭur → ytur, означающей 'небо-вода', но, ведь, так называемый префикс sa- палеонтология доводит до элемента С, как в других случаях данного скрещения, в его целости san (*San-tur-n), и что элемент С, именно в этом виде san в средиземноморских языках забыто-исторических эпох означал 'воду', это ясно по одному тому, что san пережил в значении 'крови' у египтян самостоятельно, у латинян в скрещении «san-gui-s».³

Основа star || mtor не совсем непочата в своем идеальном состоянии. В обеих разновидностях группа st || шт, они могут и заменять друг друга, представляет разложение аффрикатов \dot{t} и \dot{t} , в свою очередь появляющихся и на низшей ступени, \dot{t} в виде s и \dot{t} в виде ш. Кроме того в star, resp. следовательно, \dot{t} ar, исходный звук r позднейший, вклад скрещения, в свистящей группе здесь плавный должен быть l: stal или tal \(\searrow\) sal.

¹ Altorientalische Forschungen, 3-я серия, т. I, вып. 1, стр. 63—64.

² Geschichte Israels, II, стр. 78 (ср. также Helmolt, Weltgeschichte, т. III, стр. 38).

³ Если бы начальный приалок sa- пришлось возводить по каким-либо неучтенным сейчас данным к элементу A, в виде sal, ге с диффузным произношением «сибилянта» \dot{s} al, то мы имели бы дело семантически с тем же кри м понятий — г. tkal → ḡqal (см. г. kur-ḡqal) 'вода' \(\searrow\) sqal, с утратой огласовки sqal в составе г. s l 'кровь' и т. д., как и 'небо', герр. 'нижнее небо' — евр. \dot{s} ol.

Следовательно, *star* || *штор* абсолютно не трехсогласный по происхождению корень, два согласных в начале результат раздвоения аффриката *t̥* || *t̥*, но корень этот в яфетических языках имеет и трехсогласный вид, это *tkl* || *tkr* → *dḡr* и т. п., восходящий к архетипу с диффузным начальным согласным, звучавшим на лизшей ступени *h*: **hal*.

Как тот, так и этот вид корня, имея значение 'воды', палеонтологически вне всякого сомнения восходят к условной семантической тройке 'рука || женщина || вода', а через 'воду' и к 'водному небу' или 'океану хаосу', как это уже выяснено. А из того, что то божество, которому преисподняя богиня *Al-latu*, загнанная заклинанием великих богов, должна уступить, по требованию посланницы богов, в том, что богиню Иштарь она окропляет 'водой жизни', следует, что тот «*suḥal ziki*», на который божья посланница направляет свое внимание, представляет место источника, это источник 'воды жизни'.¹ Затем по поводу «*zi-i-ki*», определения двери (*bāb*), совсем в другом контексте,² Иеремиас за нашим составным термином «*suḥal ziki*», будто параллелью *bāb ziki*, отстаивает то же или сродное значение 'родниковый грот', 'место источника'. Гораздо важнее для укрепления базы нашего анализа указание того же Иеремиаса, что «*saḥalu*» = *saḡal-u* значит и 'прободать', и 'окроплять'. Дело в том, что от комплекса *hal* (→ *sal*, resp. *ḥal*) ↗ *tkal* ↘ *sqal* || *шqur* и т. д. имеем имена с различными значениями, в том числе не только со значением 'воды' (г. *tkal* 'вода') и производных от 'воды' глаголов 'окроплять' (г. *шqura*, resp. *squra*), но и 'камня' г. *sal*, resp. **ḥal* ↗ *tkal* → ('каменное орудие' для пронзания), отсюда и глагол 'прободать' — г. *tkla* 'ранил'.³ И «*suḥal-a*», эквивалент грузинского *tkal*, значит не 'щель', как переводил Иеремиас, а 'вода', а *ziki* в данном месте как определение может означать лишь 'живой', ибо речь о 'живой воде'. И, действительно, *ziki* с утратой в паузе плавного г, прекрасно отождествляется с халдским прилагательным ванской клинописи «*sekhiri*» = *seḡiri* 'живой': халдск. *seḡir-1* → *ziki* г¹. Фраза будет гласить: 'направь мысль на живую воду'.

Кстати, напрасно смущались семитологи наличием в ассирийском «*ištaritu*» (арам. אִשְׁתָּרִיתוּ) в значении 'супруги', 'жены', причем одни, так Галеви (*Halévy*) и Опперт (*Actes du VII Congr. Intern. des Orient.*, т. I, стр. 87—89; т. II, стр. 497, прим. 1) объясняли имя «Иштар» как просто нарицательное имя в смысле 'женщины' или 'богини' и как сокращение «*ištaritu*» (|| «*qadištu*» и «*xarimtu*»), между тем как Тиль (*Tiele*) (ук. соч., стр. 90; т. II, ч. 1, стр. 497, прим. 1 и 543) объяснял «*ištaritum*» как производное от *Ištar* в значении «жен-

¹ 18-й стих *Revers'a* в *Хождении Иштари в ад* (вып. I) дает чтение 'на *su-ḥal zi-ki* мысль направь' — а-на *su-ḥal zi-ki uz-na šu-kun*. Что это за *su-ḥal zi-ki*? Ленорман (*Lenormant*) переводил 'текущий источник'; Опперт (Oppert) — 'мех воскресения' [по созвучию с сем. *ziḥ meḥ*]. Один из переводчиков его, Иеремиас, пишет (стр. 36 = изд. 1887, стр. 38): «Прежде всего надо отметить, что смысл выражения стоит вне сомнения; судя по второй половине строки, *suḥal ziki* должно быть место, где находится источник воды».

² Ук. с., стр. 37.

³ Семантическая цепь идет по линии названия 'орудия': 'каменное орудие' ← 'рука', т. е. со словом при двух значениях 'вода' и 'рука' — а опять попадаем в пучковый круг понятия 'рука + женщина + вода', ибо о 'женщине' сейчас же бегит речь, и без того женского образа об Иштари не приходится и говорить в подлинно древние времена ее культа.

щины, посвященной службе ištār».¹ Окончание -itu, тем более itum, сейчас можно оставить в стороне, а 1-штар 'жена', по яфетической семантике собственно 'женщина' из тройкого значения слова 'рука || женщина || вода', но 'вода' дает 'водное небо' или 'небо³-воду', слово же I-штар и без начального придатка, элемента позднейшего скрещения, есть разновидность слова sal, означающего 'женщина'.

Как уже выяснено, слово sal (и шал), вычитываемое из идеограммы-детерминатива, означает яфетически действительно 'женщину'; по свистящей группе сибилантной ветви яфетических языков в идеальной чистоте двухслогового состава не только sal, но г. ḏal в составе s-ḏal 'невестка', 'невеста', буквально 'женщина дома' (|| племени, крови).² Встречается и трехсложный состав. Слово sal есть лишь разновидность низшей ступени второго элемента в скрещенном термине I-штар. Как последнее слово, sal значит в трехзначном семантическом пучке 'рука' || 'женщина' || 'вода', в семантическом круге с 'небом-водой', 'океаном-небом', — всех животных, и небесных, и водных. Надо учесть еще как то, что Iштар в абхазском преображении Iḡar есть божество скотоводства, так и то, что Iштар сама по себе 'богиня охоты', т. е. ей подвластны все звери, и так как она же — 'женщина' и по слову, которым она называется, то естественно, что ее идеограмма-детерминатив, читаемый sal 'женщина', служит в асс.-вав. клинописи детерминативным знаком не только перед 'женщиной', но и перед названиями животных: 𐎎𐎗𐎗𐎗

Название Иштари или Itar'a в первичном значении 'небес' дает прежде всего арабский в разновидности с так наз. префиксом, resp. первой частью скрещения (a-), как в термине финикийского и эгейского мира Ἀστῆρία, это в слове اثير ašīr, resp. ašīr, которое — указанием этого и ряда других материалов по арабскому и персидскому языкам обязан я Ю. Н. Марру — в فرهنگ شعوری по константинопольскому изданию (1314, s. v.), толкуется двойко: 1) «элемент огонь, что высший из четырех элементов, как то сказано в Шереф-нāмэ» — کره آتش که 2) اما کتاب محمودیده (2) اعلی عناصر اربعه در کذا فی شرفنامه, читается далее, так «названо небо мира (sego) и названо небо небес и в значении слезы глаз и солнца также говорят, написано — قيل فلك الدنيا و قيل فلك. Тут для нас самое важное то, что еще сохраняется реминисценция о 'небе-воде' — Iштар'e, 'божестве, еще нераздельном или не потерявшем в представлении человечества одинаковой относимости и к верхнему и нижнему небесам, еще сохраняющем за собою значение жидкости или воды ('слеза глаз', собственно, 'вода глаз') и еще не кристаллизовавшемся в кругу светил в образе Венеры (здесь 'солнце'). Что же

¹ Muss-Arnolt, s. v. (стр. 125).

² Не мешало бы отметить разновидности sal хотя бы по двум группам, sc sal (resp. sag) || шп шпг, откуда ч. o-sur-e (вм. *o-шпг-е) и o-sur-i 'девушка', м. o-sur-i 'женщина', 2) г. a-sul-i 'дочка', св. a-sun 'дочка', спирантизовано один второй элемент (А) скрещения — *šur ↔ *sor (арм. oḡ+1-ord 'девушка', как м. ovsu+1-squa 'чушка') и др. В окружающих формах (с архетипом *o-штур (при разнотонной огласовке, как в грузинском и сванском, *a-штур) мы имеем, очевидно, основу евр. עַשְׂרֵת-עַשְׂרֵת и т. п.

касается значения 'огня', это 'пламя', 'свет', что, однако, имеет весьма существенное значение для восприятия того же термина в библейском представлении евреев.

II. ИШТАРЬ — БОГИНЯ НЕБА И ЕЕ ЕПИФАНИИ

По одному тексту Иштарь «домогаются стать царицей неба»,¹ но ей, собственно, нечего было домогаться, если бы не было в ассиро-вавилонской среде забыто, что она сама — 'небо', если бы эта среда понимала, что имя *Ištar* само собою означает 'небо', в частности 'водное небо', 'небо³'-'воду'.

В сводной работе, не раз цитовавшейся, делается ссылка на King, L. Ham. 3, 184: «¹*Istar esse filiam quoque* ¹*Anum, texti arch. non directe dicunt*».²

Факт, свидетельствуемый древними текстами, сомнению не подлежит, но в освещении палеонтологии это по существу то же самое, такое же недоразумение, как когда *Κρόνος* или *Sāturnus* в классической мифологии рекомендуется сыном *Οὐρανός*'а, только здесь это все разновидности одного термина, а *Ištar* и *An-um* лишь синонимы в архетипе, и то и другое 'небо'. Впрочем, можно отчасти указывать на то, что *Ištar* 'небо³-вода', а *An-um* 'небо-твердь', будет ли это 'небо²-земля' или 'небо¹-фирмамент', хотя это позднейшее явление, когда она появляется и как 'небо-железо'.

'Небо' → 'покров', затем в культовых предметах и 'саван', далее в быту 'покрывало' и даже 'простыня': в грузинском именно бытовой предмет 'простыня' сохранил нам *I-štar* в его основной (второй) части (*-štar, resp. -star ← -tar*) с сибилантным префиксом *se- → ze-* 'верх' в слове *ze-tar* 'верхнее небо' (ср. *ze-ša* 'небо' [→ 'культовое покрывало' →], 'подир', 'долгая риза ветхозаветных патриархов', в быту 'чадра', 'простыня'.

Исключительный интерес представляют для вещественных и изобразительных древностей различные символы и эмблемы богини Иштари.

Одна основная эмблема, равно символ богини Иштари — 'звезда', это собственно одно из воплощений ее, т. е. богини 'неба', и ее название и носит звезда у всех прометеидских «индоевропейских» народов, у части из них в двух основных по огласовке формах, нормальной для свистящей группы с *a* — *star, stāre, stār-eh*, чрезвычайно интересные своими сопутствующими значениями ('палатка' и др.) и с заменой ее огласовкой экающей группы «е», одни с так называемым «префиксом» *a-* — арм. *a-stel* ↘ *a-stəl*, греч. *ἀ-στῆρ* (отсюда и *ἄστρον*) и без такого «префикса» — л. «*stell-a*», герм. «*Stern*».

Этимологии, предлагаемые индоевропейцами, помимо того, что не удовлетворяют их самих, по самой норме палеоглоттики неприемлемы. Впрочем, они предполагают, что это заимствование из семитического.³

В связи с германской разновидностью, сохранившей и «суффикс» *-n*, термин нами проработан с другими яфетическими словами в др.-верхнегерманской песне, так называемой *Wessobrunner-Gebet*, и там мы останавливаемся и на русских,

¹ IV R 5 по Alfr. Jeremias, 2-е изд., стр. 108, 102.

² Deimel, RB, стр. 150.

³ Следую за разъяснением *Z. megn'a, KAT³*, стр. 425.

двух русских разновидностях, чрезвычайно важных и для языческого культа русских, это «зря» и «звезда».

Если перейти теперь к трактовке той же основы в значении 'глаза', исходя из связи термина 'глаз' по семантической палеонтологии яфетических языков и со светилами 'солнце', 'луна', 'звезда' и т. п. или потому, что заодно с ними слову 'глаз' присуще и значение 'кружок' и т. п., то в районе кавказских яфетидов господствующее значение выявляется за видом шпипящей грушпы, несмотря на то, что длительный процесс бытования наложил на него в среде народов с речью не шпипящей группы известную печать, видимость нормальных для данной нешпипящей среды черт фонетической корреспонденции. Факт же тот, что в грузинском, в этом наилучшем представителе свистящей группы, нет в значении 'глаза' именно свистящей разновидности даже с дессилабиацией первого коренного *ʒal. Кстати, во всех кавказских языках сибилантной группы, не исключая и гибридного сванского, в значении 'глаз' первым коренным слово проявляет именно зубной согласный, так называемый средней озвонченности. Потому от коренных согласных, присущих этнически бесспорно шпипящей группе, именно ʒr, есть три формы слова, с огласовкой свистящей — ʒar, шпипящей — *ʒor (~*ʒr), герс. ʒol, и третьей (сванской) — ʒer, но и слово ʒar, форма по огласовке все же свистящей нормы, опять-таки сохранилась не в грузинском, а в сванском, в нем рядом с нормальной для него по огласовке формой ʒer.¹

Когда символом Иштари появляется грозный 'лев' или разъяренный 'бык',² то это 'богиня-бушующее море', 'богиня войны и боя', космически — 'небо', 'третье небо-море'.

Когда с быком появляется на вавилонских цилиндрах Иштарин символ 'колос' или соединение бычьих рог и колосьев в руках девы Иштари, то этому находили объяснение в тесной связи между 'волом', 'месяцем' и 'лунной богиней Ištar'.³ Между тем 'вол', как и 'лев', символ, раньше воплощение Иштари-моря, морской бури, Иштари-богини боя и войны, 'колос' — Иштари-плодородия, а 'месяц', как светила вообще, символ Иштари-любви, богини любви.

Как богиня плодородия, Иштарь, богиня рождений, имеет символом корову.⁴ Абхазское переживание Иштари, именно iʒar (с членом а-уʒar) имеет долево божество или свое перевоплощение в богине коров, по-абхазски — ʒarɣan [букв. 'мать коров']. Молитва, обращенная к ней, начинается так: «Ты ʒarɣan, великая доля (великого божества) Итара (Иштари)». Символами Иштари служат 'лук', 'копье', 'меч' и пр., и, казалось бы, разъяснять нет надобности их отношение к ней, как к богине войны и боя, а отчасти и к богине любви ('лук'). Однако первичные названия орудия все наречены по 'руке', и связь с Иштарью, именем

¹ N. Marr, Origine japhétique de la langue basque, стр. 248.

² P. Dhorme, Choix de textes religieux Assyro-Babyloniens, 361, 51 сл.

³ R. Brown, Junr, The Celestial Equator of Aratos, IX Int. Congr., т. II, стр. 455, со ссылкой на его же Remarks on the Zodiacal Virgo (Yorkshire Archaeol. Journal, XXXVI, 1886): Istar reappears in the Homeric lunar goddess Kirké (vide R. B. Jr., The Myth of Kirké, 1883).

⁴ O.L.Z., 1898, стр. 157: Ištar sous le symbole de la vache (nach einem Siegelabdruck auf einer Tafel aus der Zeit der ersten Dynastie, aus Sippar, unter Verweis auf Craig, Religious Texts 5—6, und II Rawl 62 b 45) в Anzeiger für die Kunde der orient. Alterthümer, 1898, XX, № 1, стр. 428, прим. 2.

богини неба, в языковом порядке может быть усмотрена и обоснована лишь постольку, поскольку 'рука' с 'небом' сближаются и даже отождествляются. В то же время именно 'лук' мог получиться в подборе ее символов, как образ небесного изгиба. Грузинское *i-sar-i* 'стрела' оказывается также носящей ее, Иштари-звезды, название, это — ее '*луч'. И опять-таки *i-sar* 'стрела' произведено не от корня *svt* глагола *srola* (← **svt+o-la*) 'бросать'; наоборот, глаголы происходят от имен. Вопрос иной, что без надстроечного мировоззрения это имя, разумеется, 'рука' *sar*, герр. *sal* (|| шог ↔ шиг ↘ шм. ши 'рука') → этр. *zal* 'два' ↗ г. *dal* 'сила' и др., но спор 'руки' с 'небом' в семантике ныне уже разрешен в узле схождения и расхождения космических и микрокосмических терминов.

У Иштари отцом появляется и *Sin*; Иштарь и богиня города.¹ Это, конечно, семантическое нарастание позднейших исторических эпох, уже по развитию торгово-городской общественности, но без всякой ли связи с 'небом-божеством' или по линии увязки 'города' с 'небом-покровом' и через 'ограду', обычное везде деривальное значение 'неба-круга' и т. п. в порядке семантической увязки образов? Факт тот, что основная часть названия Иштари, элемент А, в сибилантной разновидности *ter* (∞ → г. *tre*) ↔ арм. *itg* значит 'круг', а спирантные его эквиваленты, с сохранением аффрикатности (к) или с утратой (к), — обычные основы для обозначения самостоятельно или в скрещении 'города', как то *kir* (евр. *šir* 'город') ↔ *ket-t* 'город', в составных словах (элементы АС), названиях городов Армении, Ирана и т. п., как 'город' по всему Средиземному морю, да на севере среди финнов, а скрещенно в составе элементов АС у сирийцев *ka-kā* 'город', 'круг', у армян — *qa!+a-q* 'ограда', 'город', у грузин *qa!+a-q* 'город'. Что же касается вхождения *Sin* в круг родни Иштари в роли отца, то это элемент, означавший и 'небо', судя по ряду дериватных от него значений, в числе их бск. *sin* 'верить' (← '*иметь небо', герр. 'бога') и русск. «син-ий».

Такого же происхождения ее эквивалент по свистящей группе, следовательно, акающей, восходящий к *tar* → *star* (штар). Мы уже говорили о ней, о ваблюденных на кавказской почве двух социальных ее разновидностях, *tar* (вм. *tal*) и *tor*, восходящих к паре *tar* (*tal*) || *tor*. Это основная ныне часть названия богини *I-štar*, первоначально 'небо³-вода', 'бог', как та же основа дессибиллованно в термине *i-šar*, без первой части скрещевия, герр. так называемого префикса, *šar*- сохранили, об этом уже сказано, азербайджанские турки, собственно низовые народные слои в своей турецкой речи в форме *šar-ə*, скрещенном из двух элементов термине, с общим значением 'бог'. Здесь термин утратил за время господства целой смены так называемых мировых, собственно, господствующе-классовых религий, весь внутренний социальный свой смысл. Об его наличии в абхазском и его эквивалентах в этрусском и чувашском также сказано. Это, по определению преждевременно погибшего абхаза-этнографа Н. Джанашии, у абхазов *a-u+šar* «великий бог обновления природы, размножения и особенно скотоводства. Он является главок .. целой плеяды богов, которые находятся

¹ Jeremias, *Izdubar-Nimrod*, стр. 45, прил. 1.

как бы в соподчинении с ним, составляя каждый из них часть, долю его». Переводя на язык нашей языковой палеонтологии, это — части или долевые боги, воплощения божества Итара, герр. богини Иштари, т. е. 'Неба-Воды'. Из бытового культа этого великого абхазского бога отмечу, что при изготовлении жертвенного печения долевному божеству Итара, именно *ḡabrān'yu*, т. е. 'богу коз', пекарка, «чистая женщина», «когда кладет тесто на очаг, разбрасывает частички теста сначала в сторону моря, а потом в сторону гор», с молением,¹ а при обряде моления Итару (*a-yuḡar*) между прочим готовится «по одному хлебу на подобие луны и солнца...»²

Еще далее. Раз со светилами палеонтологически связаны, как это независимо установлено, представления не только о 'небе', но и о 'глазе', 'зрении', 'зрячем', равно 'свете', 'светлых' и 'прозрачных' предметах, также о 'тепле' и т. п., то неизбежно слова, выражающие эти понятия, должны быть в родстве также, более того — тождественны с 'небесами'. Потому-то *sin* 'небо' → 'светило' ('бог месяц'), в разновидности *ṭin* означало 'глаз' (~ *kin*: сем. араб. *ʕīn*, араб. *ʕayn* и т. п.), и потому то же слово *ṭin* в грузинском обычный предлог в значении 'перед' (ср. также разновидность с аффрикатом шипящего ряда *ḡin* 'свет' в выражении 'свет очей'), а на низшей ступени *ḡin* 'дом', последнее семантическое использование уже по связи с 'небом' в линии 'небо' → 'покров' → 'кров', 'дом'.³ В частности, по общности названия трех небес (с 'небом³-водой'), долевым воплощением или эманацией которых являются светила ('небо¹-огонь'), а в связи с этим 'небом' (нашим 'небом'), как установлено яфетической семантикой, в различных разрезах или, как было уже разъяснено, 'судьба', 'доля', или по связи со светилами 'белый' цвет, как мы видели на примерах из кавказских яфетических языков, и что мы наблюдаем и в таком европейском яфетическом языке, как баскский.

Рядом с *i-sar* 'звезда' в баскском имеется форма с огласовкой шипящей группы «o», но без так наз. префикса и с так наз. именным окончанием -i — *sor-i* («*zogi*») в значении 'судьбы', 'доли'. Было бы правильное *ḡog-i* или *ḡig-i*, в баскском имеется, однако, и эта безукоризненная шипящая разновидность *ḡig-i*, рядом с *ḡog-i* («*zig-i*»), в значении прилагательного 'белый', которого эквивалент по свистящей группе при удержании плавного *g* — *sar-i*, без его, однако, придатка *sar*, разновидность, представляющая интерес по связи с вопросом о хазарах и по народному толкованию названия их столичного города, предполагается, 'Белой вежи' или 'Белграда'.⁴

От знакомой темы *sar*, наличной в основе *I-sar* ↗ *I-ṡtar* (←**ī-tar*), в грузинском имеем в скрещенном из двух элементов (AC) или удвоенном (AA) использовании, в двух разновидностях — сибилантной и спирантной, элемента *A* — *sarke* (←**sar-kel*) в значении 'стекло', 'зеркало', и в качестве его эквивалента в шипящей группе мы должны бы ожидать **ṡog-ka*, что с закономерным перебоем о в 1 — *ṡig-qa* (←**ṡig-ka*) налицо в мегрельском в значении лишь 'стекла',

¹ ХВ, т. IV, стр. 77.

² Ук. с., стр. 79.

³ Н. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка, § 136.

⁴ Н. Марр, Чуваши и иды на Волге, стр. 66—67.

‘стакана’, но не ‘зеркала’. Грузинский воспринял слово в этом позднейшем виде шипящей группы, с потерей плавного г — $\{d-qa$ в значении ‘стекла’, ‘стакана’.

Вторая часть -ke || -ka в сванском, где заимствовано грузинское слово *saq-ke* ‘зеркало’, сводится к одному согласному показателю, казавшемуся раньше простым окончанием k: *sár-k*. Но это мнимое окончание, с огласовкой -ke || -ka, усеченный вид функционального с точки зрения статической грамматики слова -kel || -kal, на самом деле палеонтологически означало тоже ‘небо’ → ‘судьба’ || ‘зеркало’, в наличной грузинской форме архетипно — **saq-kel*, у сванов при мегрельской форме окончания, архетипно же — **sár-kal*, с чем трудно не отождествить русск. «зеркал-о» || «зер-цал-о» (последнее на яфетической почве вм. **zer-šal-o*).

Следовательно, когда в многочисленных сказках на Кавказе, в частности, и в мегрельских сказках, героиня-красавица, в поисках места укрывательства своего суженого или претендента на ее сердце, смотрит в ‘зеркало’, то палеонтологически это значит смотрение в ‘зеркало-небо’, она, следовательно, гадает по небу, по его светилам.¹

В таком случае нам может быть поставлен вопрос: «раз ‘город’ увязывается через ‘круг-ограду’ с ‘небом’, откуда, как известно, и созвучие *og + bi-s* ‘круг’ (←‘небо’) ↔ *ug-bi-s* ‘город’, то не имеем ли просто нарицательное имя ‘город’ в составном названии хазарского города *saq-kel* (→г. *saq-ke* [‘небо-] зеркало’), вопреки всем толкованиям, и чужим, в том числе традиционному (‘Белая вежа’), и моим, также различным, со включением последнего: ‘хаз[ар]ский город’?»² И мы сами готовы поставить вопрос.

С русским «зеркало» в неразрывной связи стоит на почве яфетической сравнительной грамматики русское *steklo*, восходящее к яфетическому прототипу, именно разновидности шипящей группы, с потерей, как в грузинском, плавного г — * $\{te + kol-e$ (←* $\{ter + kol-e$), причем, если даже отказаться от признания передвижения гласного о (* $\{tekol \rightarrow steklo$), отсутствие гласного во второй части (-kl) свидетельствует, что гласный был представлен редукцией (ə) губной огласовки $o \leftrightarrow u$, что, быть может, сказывается в производном от него прилагательном — «стеколь-ный». Яфетические прототипы русских слов **ser-kal* || * $\{te^r^1-kol$ вместе с закономерной корреспонденцией восстанавливают во второй части обычные для свистящей и шипящей групп огласовки в данном хорошо известном слове, огласовка же $e \leftrightarrow i$, как в **saq-kel*, прототипа грузинского *saq-ke*, была бы более у места в сванском или его переживаниях в армянском. Но на яфетической почве это слово могло означать в различных семантических разрезах и ‘глаз’, и в связи с ‘небом’ не только ‘кружок’, гесп. ‘отверстие’, ‘цель’, но и ‘палатка’, ‘дом’, ‘ковчег’ и т. п. В самом грузинском его мы находим без всякого оконча-

¹ См. также Уа-мурицхама мегрельских сказок, читателя судеб по светилам. и то, что с одной стороны «образ *книги судьбы* отнюдь не представляется лишь литературным» (ср. А. Веселовский, Разыскания, вып. 5, стр. 240—241), с другой — «связь южнославянского мира с Кавказом едва ли можно ограничивать одними книжными путями, да еще христианской поры и с христианством связанных религиозных движеч[ий]», Н. Марр, *Ossetica-Japhetica*, I, 1918. стр. 2091, пр. 3 и стр. 2088, пр. 8. Кстати, эта наша работа подлежит коренной переработке в части толкований слов одним формальным сравнительным методом.

² Чуваши-яфетиды на Волге, с[фр.] 71.

ния в первой части составного слова *sar+k-mel* 'окно', 'отверстие', причем вторая часть *k-mel* эквивалент сир. ܩܡܠ *qaw-ṣā* (мн. ܩܡܠܝܢ *qawē*) 'окно', само по себе составное слово, представляет случай образования нового слова из сложения двух синонимов, в роде г. *kaḡa-bak* 'дверь' и т. п., т. е. налицо скрепление.¹ Но и самостоятельно *sarke* могло бы означать 'отверстие', 'окно', как это явствует из дериватов его спирантизованного вида **haḡ-kʕe*¹ у евреев в виде ܩܪܩܝܢ *qarak-īm* 'оконные жалюзи'² (в армянской версии 'углубление в стене', 'окно', ср. арб. *ħarḡ*), в библ. арам. в виде ܩܪܩܝܢ *qarkā*, в самаританском в виде ܩܪܩܝܢ *arke* (←**harke*) 'окно'. Спирантизованный вид его полной формы **sarkel* наличен с потерей спиранта в арм. *ar-kəl* (род. *ar-kel*) в значении 'ковчега', 'ящика', 'гроба'. Однако, идя по этой почве фонетической связанности слов, могущих быть и семантически сближенными в представлении наших логических ассоциаций, мы порываем не только с темой работы, богиней Иштарью, но и с доисторической семантикой. Отрыв от 'неба' начинается уже с наличием представлений о частях 'дома', всегда носящих, по положению 'часть по целому', название в порядке особого жилищного словотворчества. Оставаясь твердо при прежнем возведении к 'небу' не только 'палатки' или 'шатра' по ассоциации образов, но вообще 'дома', уже по функции ('небо', 'покров' → 'палатка', *ḡesr* 'кров-дом'), когда последнее — уже понятие (а не лишь образ), генетически не можем не связывать того же понятия 'дом' (←'небо') с социальной группировкой, впоследствии племенным образованием, соответственной территории, да с самой 'страной' и т. п. Также особые семантические нормы словотворчества в кругу названий членов тела, т. е. в микрокосме. Здесь с богиней *Ištar*, казалось бы, лишь формальная общность звуковых комплексов, не идеологическая связанность, хотя встреча 'руки' с 'небом' в значениях одного и того же слова представляет проблему, разрешающуюся теперь не на восприятии человека как микрокосма, что, конечно, не доисторично, а на функциональной роли 'руки', как сущности человека, его символа, до нарастания представления о 'душе', в то же время символа магической силы, 'знамения', 'знака', что присуще и 'небу+богу'.

Исходя из формального сродства, даже тождества корней, да и основ, мы невольно наталкиваемся в первую очередь на два слова, как будто одинаково-сродные с названием богини *Ištar* в его разновидности *I-ster*, resp. **I-ter*. Речь о второй части этого культового термина *ster* ← *ter*. С этой основой *ter* мы имеем два слова, представляющих фонетически разновидности двух ветвей яфетической системы, ветви сибилантной (свистящей группы) и ветви спирантной. У обоих в конце еще придалок *-t*, казалось бы, морфологически-функциональный, как в разъясненных уже *Ἀστάρτη* и евр. *ṣa-štor-eš*. Однако в одном случае звуковой комплекс имеет значение 'колоть', т. е. значение без какой-либо материальной увязки с 'небом-кругом-градом', но и тогда, когда налично сродное

¹ А. Г. Шанидзе, профессор грузинского языка в Гос. университете Грузии, не знаю, как теперь, но лет десять, если не более, тому назад, когда он был в орбите яфетидологических работ, предполагал *sarkmel* проистекает от *brkml* 'дымить', 'воскурять' и толковал в смысле 'дымового выхода'. Это — просто и было бы хорошо для словотворчества человечества с современным нам мышлением.

² III, 2, 9.

с Иштарью-небом значение 'города' (← 'ограда', 'круг' ← 'небо'), сама формовка или образование слова совершенно иное. Так формально это слово представлено в формуле — г. *ter-t* (← *ter-til* ← **ter-tin*) ~ **ker-t-in* → арм., перс. *ker-t* \ арм. *key-t*. Грузинское окончание *-til* ← *-tin* (↔ *-ten*) || *-tan* — пережиток «племенного» слова *-ten* || *-tan*; это элемент С, он же праформа суффикса *-t'e'* (↔ *-t'ɪ'*) → *-t* с различными функциями. Но в данном случае это не суффикс, а вторая часть скрещенного из двух элементов (АС) комплекса **ter-tin*, имевшего два друг с другом абсолютно не связанных идеологически значения, т. е. это два различных термина, два различных слова-имени, от одного из которых произведен глагол *ter-ta* 'колоть', 'протыкать', от другого — 'круг', 'город'. И, конечно, различны генезис и история значений этих двух терминов, именно 1) 'колоть', 'точка' и 2) 'круг', 'город'.

1) В значении 'укола', 'точка' мы дело имеем с «двуплеменным», resp. двух-элементным (АС) словом, сал-ионским, **ter-tin* → г. *ter-t'ɪl'* ~ **ker-t* → арм. *key-t* 'точка', 'укол', глагол г. *terta* 'колоть' (ср. л. *pungere*, *punctum*), это при первоначальном значении основы — 'камень', как 'орудие протыкания'.

2) В значении 'города' и 'круга' — арм. *ker-t* 'город' (ср. также арм. *kar-kin* 'циркуль'), без нароста *-t*, собственно, пережитка второй части скрещенния, элемента С — финск. коми *ka* и др.; сюда же относится как усеченное в элементе С также скрещенное образование, лат. *ſir + k-us* («circus») ~ *kir-k* (греч. *κίρκος*) ← **kir-ken*, так одноэлементное г. *ire* (← **ter* ↔ арм. *tir* 'круг' ~ спир. *kir* \ *hir*: евр. *šir* 'город', бск. *hir-1* → *ir* 'город'). Мы встретимся еще (стр. 326) с переживаниями этих разновидностей в западной Европе, здесь и в значении 'неба'.

Изложенная реально-историческая картина семантической филиации этой группы слов, в разновидностях сибилантиной группы (*ter* → *ster*- и т. п.), формально тождественной или созвучной с основой названий нашей богини — *A-ster-ia*, *I-štar* и т. п., не могла помешать первобытному человечеству работать мифологически на основании формальных созвучий, так много бед причинивших и лингвистам формального метода, индоевропейцам, в XX в., да к тому же сам семантический источник, представление первобытного человечества о 'небесах', проявляется в двух его различных ипсифаниях, или воплощениях, в знамении 'неба', именно 'молнии' (но 'знамение' или 'знак', оно же 'рука' — следовательно, 'рука' → 'оружие', в частности 'копье', в общем результате) — 'пронзающей молнии-копья', и в 'небе-покрове', оно же 'кров-дом', 'город', и так как само слово фонетически представляет название 'небес' *Ištar*, т. е. богини Иштари, то это вполне согласуется с тем, что с одной стороны символ ее, в аспекте, следовательно, 'молнии', — 'копье', а с другой стороны строительство ее, как божества 'неба-покрова' распространялось именно на 'города', она, известно, богиня городов, городская богиня.¹

Мы здесь не останавливаемся на связи с месопотамским женским божеством европейского Запада по семантической линии диахронического разреза и 'города', 'страны-государства', и 'жары', 'лета', одинаково от 'неба'.

¹ Alfr. Jeremias, *Izdubar-Nimrod*, стр. 7: «In *Izdubar-Epos* ist *Ištar* als-Stadtgöttin von *Erech* Göttin des Krieges und *Venus foecunda* zu ch».

В. В. Струве обратил мое внимание на отождествление, сделанное еще покойным Б. А. Тураевым, с Ištār, у него собственно с Adag египетского «ḥḏwṛ», в греческой транскрипции Αἰϋρ. Тут важно отметить, что по огласовке казавшегося раньше основной частью элемента ḥa-ḏḅr, это форма шипящей группы, куда относится своим названием и бог Тот. Последний термин, однако, требует специального яфетидологического анализа, и тогда будет использован ряд характерных фактов и наблюдений, любезно сообщенных мне В. В. Струве из египетского мира, в частности о NOVN (ḏḥwssw) в связи с данным мною анализом месопотамского Annapaki и т. п.

Из спирантных разновидностей звукового комплекса основы I-štar (← -tar \ -sar, resp. -sal) исключительный интерес представляет окающийся вид *šur, наличный у армян в значении 'женщины' (→ 'девушки') в словах og+1-ord и -ur-h^o/i несомненно, скрещении ur и h^o/i, resp. qe || q̄i,¹ у басков в значении 'воды' — hūr → ur, даже u-, последний вид в составных словах.² Однако такая утрата и спиранта, и плавного свойственна шумерским словам, так, напр., ā, resp. a, 'вода'.³ Потому-то мы не можем считать случайностью, что для обозначения Adad (т. е. той же Иштари) используется знак <, т. е. звук u, как это видно из следующих справок: «¹¹Adad, U, бог Адад»,⁴ да и для обозначения самой Иштари — «¹¹Ištar, U, богиня Иштарь»,⁵ и т. д., как не случайно и то, что тот же звук, собственно слово, значит вообще 'бог': «ilu, U, 'бог'» [← *небо].⁶ Впрочем, достаточно налеонтологу речи бросить взгляд на тщательно подобранный Barton'ом семантический материал по этому слову,⁷ собственно пережитку полного вида, hūr, resp. šur ~ шур \ ши, чтобы убедиться и в полисемантизме речи, легшей в основе месопотамской клинописи, и в связанности большинства его значений согласно положениям яфетической теории.⁸

При сохранении идеальной теоретической нормы огласовка e ↔ i по норме уместна в спирантных разновидностях, и ее мы имеем в qel- || hūr-, основах слов в классических языках, греческом и латинском, в них с тройным скрещением, по-гречески — χελ-ι-δών, по-латыни — hūr-un-do (← *hūr-un-don | род. -dun-), но неуместна в сибилантной разновидности, как то мы находим в баскском слове, скрещенном лишь из двух элементов AC — ser-u в основном значении 'небо', да в основе ter (см. рум. Ńer = «сег» 'небо') из состава соответственного армянского термива ṭi-ter-n-ak.⁹ Это ter с так называемым префиксом si-, пережитком

¹ См. Н. Марр, Нарядительное значение термина qera в «митанских» женских именах, ИАН, 1920, стр. 121—127.

² Н. Марр, Le terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 1 сл.

³ Н. Марр, Об яфетической теории [здесь, стр. 9].

⁴ Barton, The Origin and Development of Babylonian Writing, Leipzig, 1913, Baltimore, II, стр. 193, № 365,4.

⁵ Ук. с., № 365,19.

⁶ Ук. с., № 365,17.

⁷ Ук. с., № 365, стр. 193—196.

⁸ Опыт кустарной классификации самого Barton'a (стр. 196—197) значения, ковчево, не имеет.

⁹ Исходя из предположения, что «Возга течет из Каспийского моря», в учебном мире до сих пор в румынском и баскском при лат. I (coel-um) считают позднейшей порчею (отчего бы и не в арм., груз. и т. д.), и это повторяется, точно «господи, помилуй» в эктениях, даже в новейших по датам работах, напр. Fonética y gramática, conferencias de D. Resur. Maria de Azkue (Bilbao, 1919), стр. 15: «La degeneración de I eu ... comprueban zero originado de coelum» и т. п.

целого слова,¹ в целом, следовательно, *si-*ī*er лишь по скрещенности со спирантным имеет огласовку «е», иначе по норме свистящей группы требовалась бы огласовка а — *si-*ī*ar, откуда со спирантизацией начального согласного (s ~ h) — *hi-*ī*ar, и вот 1) эта спирантизованная в так называемом префиксе основа и 2) закономерный эквивалент по шипящей группе **ṭ*og с ее префиксом (опять с так называемым по статической грамматике префиксом) ka-, путем учета раздвоения аффриката *t* в st || št, нас приводят к тому же яфетическому наследию у семитов — асс.-вав. I-*š*tar, евр. *š*a-*š*ṭog-*ē*ḏ и евр. *š*a-*š*ṭōg, а по десибилляции — к араб. *ṭ*u *š*-*ṭ*-g в *ṭ*uṭu A + *š*er-gat-*is*, все названиям богинь и богов. Основное значение, вскрываемое яфетическим языкознанием, 'небо', в частности 'водное небо', т. е. 'небо'³, вполне разъясняет употребление арабских слов того же корня, по связи с присущим ему значением 'воды' в смысле 'орошенного места' — *š*aṭg *š*ar-y^{un}, собственно *š*aṭg-*y*^{un}, 'промокшего от дождя' — *š*aṭg *š*ar-y^{un} или *š*aṭg, а в связи с семантическим развитием его значения 'небо' в смысле 'судьбы', 'рока', 'смерти' — *š*aṭg *š*ar-y^{un}.

Арабский нам сохранил аффрикатность, что мы не всегда наблюдаем в коренных яфетических языках, так в языке клинописи Месопотамии.²

III. 'НЕБО' И ЕГО СТИХИЙНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ: 'ГРОЗА', 'ЗНОЙ', 'СНЕГ', 'ДОЖДЬ'

Исходя из разновидности основы с дезаспирацией, как она налицо в шумерском названии 'голубя', одного из птичьих воплощений Иштари-неба, именно в слове *dar*, мы в месопотамской же клинописи нападаем, руководимые яфетической фонетикой и морфологиею, еще на два исключительно для нас интересные термина той же основы, один из которых название воплощения Иштари-неба в 'грозе-непогоде', другой — название божества, также деривата от того же неба-Иштари, 'неба-воды'. Как не раз указывалось, в основе *dar*, вышедшей из вида *tar* с глухим зубным, данный в нем вид плавного звука позднейший вклад скрещения с шипящей группой, где этот звук подвержен диалектически перебою в зубной аффрикат *ḏ*, при обычно последующей десибилляции — *d*. В месопотамской клинописи мы не имеем, впрочем, начертания для звука *ḏ*, и он поневоле обрекался на изображение знаком *d*, и в том или другом случае **daḏ* мы уполномочены искать у шумеров в виде *dad*, что мы находим, во-первых, в основе названия 'бога грозы' с так называемым префиксом а- — A-*dad* 'бог дождя и непогоды', иногда 'бог обилия'; во-вторых, бог *Dad*-а и др.

Любопытно, что уже разъясненный нами³ A-*dad* иногда появляется с плавным г вм. *d* — в виде Na-*dar* → A-*dar* (∞ → -*dra*), так *Nadar-ēzer*, *Adramelek*.

¹ См. ниже стр. 335, причем такому же, как на указанной странице, уточнению подлежит, повидному, и анализ греческих и латинских слов, т. е. не как просто скрещенных, а сложных.

² См. ниже.

³ См. стр. 315—316.

Это, значит, сохраняется плавный без перебоя в d (← d), а не то, что здесь г из d — по ротатизму или чисто графическое недоразумение, результат смешения двух действительно схожих в еврейском и арамейском букв \daleth и γ г.¹

То же божество с названным г и в первой диалектической форме шипящей разновидности — Daḏ, именно божество-ипостась Иштари или I-ḏar (абх. а-уḏar), существовало в Абхазии. Это мы знаем из этнографических данных современной Абхазии. У абхазов поныне существует богиня плодородия Daḏ-а (← *Daḏ-an),² которую они представляют себе низкорослою плечистою жейщиной. Джанашия уточняет роль этой богини как покровительницы специально садоводства и огородничества, но К. Д. Мачавариани «Джаджы» называет покровительницей вообще посевов.³ Н. С. Джанашия, сообщавший об этой богине свои наблюдения, оговаривается, что «отношение Джаджи к Айтару», т. е. к Иштари [Iḥtar], «неизвестно».⁴ Яфетической палеонтологией устанавливается, что это долево божество великого абхазского божества Iḏar (а-уḏar), что это один из аспектов богини Иштари. Но это обстоятельство не мешает тому, чтобы та же основа daḏ, resp. ḏanḏ, в Месопотамии давшая имя божеству грозы-дождя (A-dad), а в Абхазии — богине плодородия (абх. Daḏ-а), служила для обозначения еще какой-либо ипостаси богини Иштари. Когда Adad вместе с «Šamaš» именуется «господами видений и решений»,⁵ то едва ли надо отнести к случайности, что эквивалент его основы daḏ в сюсюкающем произношении грузин saḏ служит основой для глагола saḏ-а «он судил», буквально «он был daḏ'ом» или Adad'ом. В этой семантической линии у термина большая родня.

В мегрельском и чанском перебойный из г зубной аффрикат ḏ появляется с носовым наростом в виде nḏ, как, напр., г. ter 'муха' || шп taḏḏ: м., ч. taḏḏ, в лучшей сохранности у армян — taḏḏ → taḏḏ (→ taḏḏ) 'муха'. Формальное совпадение названия 'муха' с основой названия божества представляет свой интерес. Еще Лагранж отметил реальное значение того факта, что идеограмма NIN (знак «по существу женский, раз она состоит из показателя женского пола и еще другой идеограммы») читается перед ассирийским *bēltu* 'госпожой' и даже *bēlu* 'господином', а это именно тот термин, какой финикийцы употребляют для обозначения богинь.⁶

Следовательно, когда Бэтген (Baethgen) в палестинском божестве Беел-Зебубе или 'Владыке, resp. Владычице, мух' усматривал, на наш взгляд, совершенно правильно, Ваала или Бела, коему посвящены были мухи,⁷ то это Бел-владычица, это наша Иштари.

¹ Deimel, PB, стр. 471: «Formæ \aleph et \aleph aut transmutatione γ in γ , aut per errorem ex \aleph sunt ortæ; deus \aleph non videtur existere».

² ХВ, т. IV, стр. 88.

³ Описательный путеводитель по гор. Сухуму и Сух. округу с ист.-этно. очерком Абхазии, Сухум, 1913, стр. 325.

⁴ Ук. м., пр. 4.

⁵ Deimel, PB, стр. 456,9

⁶ Lagrange, Études sur les religions sémitiques, стр. 120 и 119.

⁷ Beitrage, стр. 25 и пр. «упоминает», замечает Лагранж (ук. с., стр. 85), «без ссылки о гадании вавилонян по мухам».

Точно так же Иштарь могла быть названа Владычицей перепелок и т. п. Ироническое возражение Лагранжа не нуждается в особом разъяснении, это лишь остроумие, но по делу рискованное, когда он замечает: ¹ «Mais les mouches ne sont guère un objet susceptible d'honorer un dieu».

Но мы от соблазнительного своим созвучием ṭand ($\rightarrow \text{ḍand}$) 'муха', хотя бы и в культовом восприятии, отходим, когда речь заходит о пережившем у христиан языческом святилище в Абхазии Dandra, resp. Drandra. Вне спора — безукоризненная закономерность сближения полностью названия бога A-dad, воплощения Иштари в Ассирии в божество грозы-непогоды, в Абхазии в божество плодородия Daḍ-a, с названием также полностью культового места Dandra в пределах несомненного некогда господства народа с языком шипящей группы. Речь о грузинском монастыре в пределах Абхазии, о котором говорят описатели христианского строительства в стране, как о памятнике глубокой древности.

А когда имеем дело с Dandra, то, как указывает греческий эквивалент, при его толковании никак нельзя исходить из восприятия термина, как продукта флективно-морфологической эпохи, основы dand- и окончания, напр., мн. числа -га. Dandra \leftarrow Dandar сохранено у географа Вахуштия опять-таки с искажением от перемещенного г в форме Drandara вм. Dandar-a. Фонетически Dranda из ряда тех искажений, что abqaz вм. abasq и т. п. Реально же Dan-dra, resp. Dan + dar-a, помимо связи с племенем Dandar'ы, это место, некогда резиденция христианских иерархов-митрополитов, несомненно, с связями глубокой древности, через местное языческое божество, не только с Востоком, но с Западом, здесь в линии интересов, группирующихся вокруг Тиндара (Τυνδαρέως) и Тиндаридов Кастора и Πολυδέουχης или Полукса: напомним рождение этих близнецов из яйца, плода посещения Юпитером в образе лебедя супруги царя Тиндара, т. е. рассказ, представляющий лишь особую версию сказания о рождении Иштари. Формально же мы имеем в обоих случаях, т. е. в названиях и месопотамской богини (Ištar) и греческого мифического героя (Τυν-δάρ), тождественное образование от скрещения двух элементов, в обоих терминах одних и тех же C ($\text{t} \leftarrow *h_{1n} \sim *h_{2n} \nearrow \sim \text{tun} \searrow \text{twn}$) и A ($\text{-štar} \rightarrow \text{-dar}$).

Однако, с точки зрения идеальных норм сбытовавшихся звукосоотношений в языках тех различных социальных групп, которые по формальной классификации именуется свистящей и шипящей, мы в языках шипящей группы должны бы ожидать форму с губной огласовкой, т. е. $\text{ḍor} \leftrightarrow \text{ḍur}$ ($\leftarrow \text{tor} \leftrightarrow \text{tur}$), если не выявлять еще ее первично необходимой аффрикатности. И мы эту форму и имеем в вполне достаточной для определения сохранности с утратой исходного плавного у сванов ḍb ($\leftarrow *ḍou \searrow \text{ḍor}$) 'месяц', у месопотамских яфетидов в скрещенном, как I-штар, двухэлементном (CA) термине t-tu . В скрещении, но с другим элементом, именно B, да на втором месте, ḍo- можно наблюдать у грузин в ḍo-var-e ($\rightarrow \text{ḍ-var-e}$) 'луна', да ḍo-wal ($\rightarrow \text{ḍ-val}$) 'глаз',² также у армян, но с усечением элемента B — $\text{ḍiw} \sim \text{ḍo-w}$ 'число' ($\leftarrow *ḍuна$, ср. г. ḍ-val-a

¹ Études sur les religions sémitiques, стр. 65.

² Н. Марр, Китайский язык и физиология речи. I. Глаза космические, ДАН, 1926, стр. 93—96.

‘считал’ от ḡ-val , означавшего еще ‘луна’, ‘месяц’, а не лишь ‘глаз’, как теперь), равно г. ḡo-we ($\rightarrow \text{ḡ-ve}$) ‘месяц’ (особо др.-л. $\text{ḡue} \leftarrow \infty \text{ḡuḡ}$, см. ниже). Что касается полной формы ḡog , то его сохранили нам мегрельский с чанским самостоятельно в значении ‘глаза’— ḡoḡ (вм. ḡog , ср., однако, дат. второй ḡog-ḡ), да в скрещении двух элементов АС с диалектическим в шп группе перебоем плавного г в ḡ ($\leftarrow \text{ḡ} \leftarrow \text{ḡ}$), именно в термине ḡuḡ-a ‘луна’ (м.), ‘месяц’.

Мегрельское и чанское ḡuḡ-a , восходящее к $^*\text{ḡuḡ-an}$, resp. $^*\text{ḡur-an}$, ценно потому, что этот архетип можно бы и не снабжать звездочкой: он представлен в этрусском Tur-an , имени Афродиты Ураньи или Иштары, и его лишь разновидность по выдержанной губной огласовке — чв. $\text{tor-ə} \leftrightarrow \text{tur-ə}$ ‘бог’ (\checkmark $^*\text{Tur-on}$, см. стр. 316).

Напрасно искали бы мы в самих яфетических языках в наличном их состоянии самостоятельно архетипа не только tor- , но хотя бы $\text{toḡ} \rightarrow \text{toḡ}$, разве оглянуться на соседних и близких по яфетическому субстрату родной речи армян, где имеется toḡ (др.-л. $\text{tawḡ} \leftarrow ^*\text{toḡ}$) ‘зной’, дериват ‘неба¹-огня’.¹ Идя по следам диалектической судьбы плавного г, именно его перебора в $\text{ḡ} \rightarrow \text{ḡ}$, десцибилованно $\text{d} \rightarrow \text{ḡ}$, мы попадаем на отложения вереницы его разновидностей со значениями, присущими слову в различных плоскостях семантических разрезов, то ‘глаз’, то ‘месяц’ или ‘луна’, тот или иной вид ‘погоды’ (‘зной’, ‘гроза’), все с восхождением к представлению о ‘небе’.

Иштарь представляет, правда, пышно урождающуюся при весенних дождях растительность, но она представляет ее и гибнущую от летнего недостатка дождя, от засухи, она значит, следовательно, отвлеченно ‘зной’, почему богиня Иштарь равнознача иногда со звездой *Canis Major*, словом, как армянский дериват $\text{tawḡ} \leftarrow \text{toḡ} \leftarrow \text{toḡ}$), означает ‘зной’, настоящие ‘каникулы’.

Однако сванский нам помогает в наглядном и теперь утверждении факта, что конечный ḡ в toḡ , resp. $\text{toḡ} \rightarrow \text{doḡ}$ ($\rightarrow ^*\text{ḡoḡ} \leftrightarrow ^*\text{ḡuḡ}$) восходит к аффрикату ḡ , что, более того, этот конечный ḡ десцибилован из ḡ , перерождения ḡ . Дело в том, что шипящий слой сванского и в случаях, когда сохраняет аффрикат ḡ , сохраняет иногда собственно его составные части в разложении ḡd (мы ожидали бы jd), и в значении ‘месяца=луны’ сваны имеют с суффиксом ласкательным $-\text{ul} - \text{doḡd-ul}$, основа которого doḡd- , собственно $^*\text{doḡd-}$, есть более первичный архетип основы мегрело-чанского слова ḡuḡ-a ‘луна’, ‘месяц’, собственно, первого его элемента ḡuḡ- .

Если сванское нарицательное имя нас вынуждает выставить праформу его основы в виде $^*\text{doḡd-}$, то рядом приходится ставить праформу, как разложение $^*\text{dajḡ}$, к которой восходит, по всей видимости, сванское личное имя в списке грузинских царей *Даḡ*. Для такого толкования имени *Даḡ* имеется ряд опор в топонимике владений *Дача*. Как некоторые цари Идумеи именовались *Ададом*,² так грузинский царь величался *Даḡ’ем*, весьма естественно, раз это слово означало ‘божество’, да еще ‘бога грозы’.

¹ В армянском здесь звук ḡ в паузе вм. ḡ (ср. глагол арм. toḡ-og-el ‘сжигать’ в т. п.), как в ḡanawḡ ‘знакомый’ при ḡanawḡel ‘знаи (connaître)’.

² См. ссылки Deimel, PI тр. 47.

То же слово нас манит в далекий путь благодаря значениям 'дождь', 'непогода', 'гроза', как это было установлено в отношении месопотамского бога Adad, равно семантическими в речи отложениями представлений о воплощениях неба-Иштари в светила — 'луну', 'солнце', 'звезду', а с ними и в 'глаз' и т. п. Мы не можем не идти далее по этому пути, раз на него вступили, в полном сознании, что обрекаем себя на недоверие, чтобы не сказать более, специалистов. Шила в мешке все равно не утайшь. Кроме того, наша специальность на нас также возлагает ответственность перед наукой, и в ее именно интересах мы не можем не обратить внимания на недостающую нам настоящую архетипную форму этого вида $to\check{d} \rightarrow to\check{d}$, которая может (и по яфетической семантике должна) означать не только 'глаз', следовательно, палеонтологически 'солнце', 'луну' и т. п., и в связи с этим 'небо', 'виденное', 'очевидное', 'истинное', 'точное', но и 'точку' (punctum), как было разъяснено в части о термине г. $\check{t}er-t\check{t}||*ker-t\check{t}key-t \rightarrow k\check{e}t$ в разрезе значения *terta* 'пронзать' (pungere) в связи с 'орудием' (← 'камень' ← 'рука'). Сюда же, конечно, и 'точить', 'острить', если бы не было перед глазами связи точения не только просто с 'камнем', но с 'круглым камнем', 'оселком', именуемым *ṣarq* 'круг' ← 'небо'.¹ Вопрос уточнения оставляем, оговорившись, что в связи со значением 'глаз' || 'светило' (→ 'точный') мы бесспорно в слове имеем палеонтологически значение и 'неба', значит, можем иметь и его дериваты, в числе их 'птиц'. Следовательно, если в русск. *la-stoḡ-ka*, с разновидностью *la-stov-iḡ*'ы, и ряда их семантических дериватов, всегда скрещениях из элементов то двух — DA, то трех — DAB, мы имеем основу *stoḡ* (→ *sto*), то в русском *toḡ-ka* мы имеем основу *toḡ*, и обе основы и *stoḡ* и *toḡ* — лишь разновидности одна с разложением аффриката \check{t} в *st*, как в сванском аффрикат \check{d} раздвоился в *pid*, другая с воспроизведением дессибиллизованного зубного \check{t} ; и обе восходят к архетипу шипящей группы $*to\check{d}$, а без перебоя плавного — $*\check{t}or$.

Не можем не обратить внимания и на то, что в сванском термине *doḡd-ul* 'месяц', 'луна', основа *doḡd*, представляющая ближайше дериват разновидности шипящей группы $*do\check{d}$, означает по архетипу 'небо-воду', по его же проявлениям или воплощениям — 'грозу-непогоду', и для полного установления фонетической связи с этим архетипом нам нехватает промежуточной формы *dojd-e*, как недостает и *dajd-e* при архетипе со свистящей огласовкой *daḡ*, и когда эти недостающие нам *dojd-e* и *dajd-e* со значением 'непогоды-грозы' находим в языке страны, унаследованной от яфетидов, скифов и сарматов, т. е. племен, первых со строим речи шипящей группы, а вторых — свистящей, то тогда мало нам претендовать на русское слово «дождь» и славянское божество грозы «Даж-бог». Мы прежде всего, однако, отметим, что в толковании этого термина, как и вообще названий богов из Летописи, кроме Перуна, у славистов полная растерянность, доходящая до признания их не-славянскими. Проф. Мансикка (Man-sikka) в *Die Religion der Ostslaven* пишет (стр. 40): «Was aber das Verzeichniss der übrigen Götzen betrifft, so ist es kaum möglich, Quellen für dieses Verzeichniss in den zur Zeit der Abfassung des „Начальный Свод“ bestehenden lokalen

¹ Ср. Н. Мэпп, Две новые работы . С. Uhlenbeck'a по баскскому языку, стр. 273.

Traditionen zu finden. Es ist eher anzunehmen, dass es heidnische Namen enthält, die dem Chronikenschreiber irgend wie auf eine zufällige Weise bekannt geworden sind und die teilweise sogar von literarischem Ursprung sein könnten und jedenfalls dem Volke unpopulär und fremd erschienen». Откуда все это, даже отношение народа, так обстоятельно известно проф. Мансикка, когда сами-то термины не поняты? Впрочем, про «Дажь-бог» или «Дажь-бог» узнаем, что «бог» иранское слово, заимствованное от южных иранских соседей, а «дажь» или «даждь» это повелительное наклонение,¹ как то толковали еще Нидерле (Niederle)² и Ягич,³ и делается в пользу того ссылка даже на выражение «дай бог» и т. п. Это, ведь, и называется народной этимологией, и яфетидологам, повидимому, придется впервые устанавливать действительную палеонтологию названий славянских богов, как это уже произошло с термином «бог».⁴ О них есть что сказать особо, а касательно Дажь-бога отметим его распространение и у западных славян, если с ним отождествить польские личные имена Dadzibog, Dadzbog, Daczbog, Dasbogowicz.⁵ С точки зрения яфетических норм такая задача не представляет затруднения. Что же касается Dabog, этого темного прозвища дьявола в одной сербской сказке, то основа его возводима, по яфетической норме, к архетипу Dag, т. е. имени нашего же бога до перебора г в j, resp. d → jd.

Ввиду выясняющихся фактов естественно озираться с недоумением, почему влияние сарматского строя речи, именно свистящего, сказалось так слабо — лишь в перегласовке а вм. о, но не в характере согласных. То же самое даже в яфетических языках Кавказа, где от основной, казалось бы, части культового термина, собственно элемента А этого скрещенного нашего образования I-штар, в разновидностях и свистящей и шипящей группы плавный элемент в обоих случаях, т. е. и в представителе свистящей группы, не есть даже г, а его диалектический перебойный эквивалент ḍ. Значения связанного с нашим культовым термином глагола колеблются смотря по социальной группе; но все одинаково восходят к нему, названному культовому термину, 'тотему', 'богу', 'священному' или 'властному предмету', отсюда уже известный нам увязывающийся с Adad'ом, как божеством правосудия, глагол г. saḡa 'судил || м. zoḡ-а 'приказать', 'велеть', 'изволить' ← *sgoḡ → св. sgwed: li-sgwed 'стоять' (об иконе, о высшем), д. зал. 'поставить' (икону), 'приносить' (покойника), но и 'приказывать', да и без раздвоения о в we — sgoḡi-ḡ 'изволят быть' и т. п. Появление z ← s в начале в словах шипящей группы это по диссимилиации с последующим ḍ (zoḡ-), иначе бы — *joḡ, в подъеме *doḡ, а группа sg → sk в шипящем слое сванского — архаическое переживание первично-диффузного звука (ш, resp. h̄), но у сванов же в слое их речи из другой социальной группы, именно с примыканием к мегрельскому (s, resp. ш ↗ ḍ → d), та же основа звучит doḡd- (в разъясненном уже нами слове doḡd-ul 'луна'), и вот откапываются его дифференцированные чере-

¹ Ук. с., стр. 394.

² Život starých slovanů, т. III, ч. I, стр. 111.

³ Archiv für Slav. Phil., т. V, стр. 3.

⁴ Термин разъяснился благодаря чувашскому.

⁵ О Стрибоге см. Н. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории, стр. 79 [здесь, стр. 227].

дованием свистящего с шипящим разновидности на различных ступенях, на верхней — *d-ɔɟd*, первично **dɔɟ*, на низшей — **zɔzd*,¹ равно эквивалент их по свистящей группе *zar* (← *sar*). Откапываются они в речи русских, оба без изъяна, но в составе скрещенного двухэлементного слова с использованием в обоих пережитка элемента, как характера женского рода, первая разновидность непочато в виде «зар-я» — *zar-ya* (← **zar-ya*), вторая — со сванским раздвоением открытого губного гласного (o → we) в виде *zwezd-a* (← **zɔzd-an*) 'звезда'.

Основа *zar* ← *sar*, с так называемым префиксом *1-*, собственно, с первой частью скрещения *1-sar*, означающего на пиренейском яфетическом языке 'звезда',² очерчивает нам зигзагами линию распространения яфетического оформления скрещенного из двух элементов АС термина, по составу тождественного с племенным названием скифов-сколотов, везде в том или ином скрещенном виде, не только в России и на Пиренеях, но и во Франции и Германии, и все-таки отнюдь не говорит это ничего о специальном каком-либо родстве вообще баскского и русского, хотя бы в его доисторическом яфетическом облике.³ Яфетические племена, русы и баски, на Пиренеях себя именующие *ewskal* (← **goš-kal*), т. е. также русами, не могут притязать ни на основу *zar-*, ни на *zar-ya[n]* в целом, как на «природно», т. е. нормально по социальному генезису им принадлежащее добро; это-то наследие у русских от скифов-сколотов есть «природное», собственно социальное достояние в пределах России сарматов, если называть их одной из привычных форм элемента *sal*, что в составе этнического термина *sar-mat*, тогда как *zwezd-a* собственно, **zɔzd-a* ← **ɔɟda*, безукоризненный шипящий эквивалент основы *zar-e*, есть нормальное по своему фонетическому облику достояние скифов или сколотов.

Хочу предупредить, что корень вида *ɟr*, даже в перечисленных выше формах *ɟar* || *ɟor* (*ɟol*) и др. с тем же начальным зубным отнюдь не приурочен только к значению 'глаз', как восходящее к 'светилу', 'кругу', первоначально 'небу'. В различных семантических разрезах, связанных с 'небом', эти основы означают и 'год', 'сезон', в частности 'холодный' или 'снег' — г. *ɟol-1* (др.-л. *ɟovl-1*), м. *ɟr-1* из *ɟur-1*, как оно сохранилось в лазском, равно от свистящей группы *ɟar*, откуда и 'холодный', в термине г. *zam-ɟar* 'зима', буквально 'год снега', 'холодный год' (первоначально наш год делился на два года, зимний и летний).⁴ Шипящий тип *ɟur*, но на более древней ступени, именно со звонким *d* вм. среднего *ɟ*, сохранил нам баскский в скрещении разновидностей элемента А, то е — *e-dur* 'снег',⁵ то *a-* — *A-dur*, название река Баскии или Аквитании, на которой расположена и Байонна. *A-dur*, как и все перечисленные кавказские эквиваленты,

¹ И здесь появление *z* вм. *j* в начале — результат ассимиляции с последующим *z* группы *zd*, а группа *zd* вм. ожидавшегося *jd* (← *ɟd*) идет из той диалектической среды, откуда происходит *d-rozd* вм. **d-rojd*. Относительно начального *z* ср., впрочем, св. *sgod* (→ *sgweɟ*) при м. *zoɟ*, равно русск. «золото» вм. *skolot[on]*, о чем см. Н. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 345.

² Ср. выше, стр. 321: г. *1-sar* 'стрела' ← '*луч'.

³ Н. Марр, *Origine japhétique de la langue basque*, стр. 255.

⁴ Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям. Из халдских названий времен года, ИРАИМК, т. III, стр. 302; 'Зима' || 'смерть' (из па. еонтологич. речи), ИАН, 1927, стр. 325 сл.

⁵ Н. Марр, *Origine japhétique de la langue basque*, стр. 237 сл.

значит, собственно, как мы знаем по палеонтологии, подобно арм. *dur*, 'воду'. Казалось бы, чего легче? Признать в названии аквитанской реки нарицательное имя 'вода', 'река'! Но где находится Байонна, там в Адур впадает речка «Nive», что, как и «Nivette», восходя к лат. «nix», «nivis», означает 'снег', 'снежок', и в термине латинского происхождения усматриваю перевод баскского *a-dur*, как называлась вся река с притоками, и, следовательно, тогда это слово понималось в народе совершенно правильно как 'снег'. В связи со значением 'снег', казалось бы, и 'белый цвет', как *nix eboris* 'белизна слоновой кости' и т. п., но 'белый цвет' так же нельзя в смысле генезиса возводить к 'снегу', как какой-либо цвет, хоть 'голубой'. Упоминаю о 'голубом', народной этимологиею увязываемом с 'голубем', так как 'белый цвет' связан был также с 'голубем'.¹

Что касается связи с 'водой', то, думаю, нельзя ее отвергать совершенно и у 'снега', но эта связь войдет, пожалуй, в категорию явлений, связанных с полигенизмом семантики. Связь же с 'водой' 'дождя' подвергать сомнению никак нельзя, и баск. *eur-1* 'дождь' одним из элементов его состава, именно *ur*, представляет слово 'воду' — бск. *ur* ← *hur* (вм. **sur*, resp. *шur*).

Правда, ни *e-dur* ← *el-dur* 'снег', ни *e-ur-1* 'дождь' не увязывается полностью с именем богини Иштари, поскольку оно разъясняется скрещением из элементов СА, да элемент А в нем свистящей группы — *star*, resp. *шtar* ~ *šar* в абхазском, как то наблюдаем в скрещенном из двух элементов ВА семитическом эквиваленте арб. *ma-šar* 'дождь', евр. *mā-šār* и др., тогда как в баскском элемент А — шипящей группы спирантизовано *hur* → *ur*, но и имя Афродиты Урании или Небесной Венеры не везде месопотамское, т. е. свистящей группы, и на Востоке и на Западе имеем разновидности его элемента А по шипящей группе, именно *шəog* (евр. *šə-šəog-eš*) и *tur* (этр. *Tur-an*). И в этой линии есть что еще доследовать и восполнить.

IV. ИШТАРЬ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЕЙ ПТИЦЫ И МИФЫ

Особо Иштарь-небо и птицы, точно одна из частных позднейших исторических эпох, но Иштарь в образе птицы обязательно столкнется с Иштары-рыбой, да рядом натолкнулись бы мы и на образ Иштари-дерева, но раз возникает речь о такой полноте всего ряда, конкретной птице, конкретной рыбе и конкретном дереве, то это уже доистория богини Иштари, еще не антропоморфизованной. Мы ее, этой доистории, не трогаем с большим углублением, чем это дает увязка Иштари с птицами, определенными птицами, и языковедно и мифологически.

Иштарь-'небо' — богатый источник развития словаря и по миру птиц, но в настоящей работе мы не исчерпываем всех лексических перевоплощений Иштари. Трудно бы исчерпать и ее птичьих перевоплощения. Остановлюсь на двух-трех случаях, имеющих органическую связь с известными в мировом масштабе мифами. Интерес наш к птицам, увязанным семантически с небом, именно с небом *Ištar*, усилен был работой о потопе, но эту часть вообще о птицах мы исключили из настоящего исследования.

¹ О чем см. ниже, стр. 34.

Для выражения 'перепелки' грузинский язык использовал разновидность трехсогласного корня с заменой своего плавного *l* опять-таки его эквивалентом *g* из шипящей группы, да еще с огласовкой из сванского языка, правильное — из экающей группы (*e*), что представляет ту форму трехсогласного корня *tkeg*, которая налична от двухсогласного его вида *teg* в основе армянских названий птиц 'ласточки' и 'соловья', а с разложением *t* в *st* в составе греч. *περ-ι+στερᾱ* 'голубь'. Но сейчас у нас возникают другие сомнения касательно закрепления птичьего значения за составным словом *per-ι+ster-ā*. Что слово означает ту, а не иную птицу, это находится в связи с палеонтологией речи, именно с тем семантическим ее положением, что как общее, так видовые названия птиц представляют слово, означающее 'небо', и от бытования зависит то или иное конкретное использование такого птичьего названия. Ведь, по своему составу из двух элементов *BA* — *per-ι+ster* (если к *ι*- отнести как к позднему приращку, все равно, третий ли он элемент или морфологическая часть) — это греческое слово тождественно с *g. mer-ḡqal* 'ласточка'. Но здесь более существенен формальный вопрос, имеем ли в этих терминах, и греческом, и грузинском, скрещенные слова, т. е. сугубое повторение одного и того же понятия, или сложные слова, где одно слово, так именно *ster* || *ḡqal*, определяется другим *per* \ *mer*. Дело в том, что последнее толкование подсказывается также палеонтологией речи, тем ее семантическим положением, что если по 'небу' наречены птицы, ведь 'небо' используется и как 'море', *gerp.* 'небо-вода', и по 'небу' же, следовательно, наречены и 'рыбы'. В самом деле *ḡqal* ← *tkal* значит и 'вода', следовательно, могло и должно было означать 'рыбу', *ster, resp. ņer* и т. п. действительно означали 'рыбу',¹ и в таком случае в процессе уточнения звуковой речи слово должно было получить какую-либо отличительную черту, вплоть до целого слова-определения — слова, чтобы отделять птицу от рыбы, и разновидности *per* \ *mer* могут быть такими словами со значением 'небо', т. е. *per-ι+ster-* и *mer-ḡqal* первично в речи яфетидов были, значит, сложные слова, означавшие буквально 'небесный *ḡqal*', 'небесный *ster*', т. е. не 'рыба', а 'птица', тот или иной вид птицы. При таком восприятии этих составных слов не иначе можем отнести и к арм. *tī-ter-n-ak* 'ласточка', в основе *tī-ter, resp. tī-tar* (есть и такая разновидность: *tī-tar-n*): *tī* приходится толковать в смысле 'неба' (кстати, ср. арм. *tī-aṭan* 'радуга' ← 'пояс' и т. п. 'неба').

При сохранении нормальной огласовки свистящей группы, вместо *ster*, что в *περ-ι+στερ-ᾱ*, мы имели бы *tar* → *star*, и вот обе эти формы, т. е. и *star* и *ster*, находятся в основе названия богини Иштари: вторую, именно *ster*, встречаем в имени того же божества — *Asteria* — ΘΕΑ ΑΣΤΕΡΙΑ, на одной монете из моабитской столицы, именовавшейся *Rabbat Ammana* (древнебиблейское название), затем — Астарте, наконец — Филадельфия.² И перепелка, следовательно, должна быть внесена в круг птиц, происходящих от неба Иштари

¹ Н. Марр, Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба', ИАН, 1926, стр. 385—392.

² Clermont-Ganneau, L'Heracleion de Rabbat-Ammon-Philadelphie et la déesse Asteria, Recueil d'archéologie orientale, т. VII, стр. 150 сл.

или Астерии, но ценны и другие подробности: «по одному раздвоению мифа, нимфа Астерия, сестра Латоны, была обращена в перепелку (ἄστρυξ), потом окончательно — в один остров, остров Делос, который обязан был этому обстоятельству своими двумя названиями Asteria и Ortygia». «Отсюда происходит», заключает Клермон-Ганно (Clermont-Ganneau), «что Asteria, мать Геркулеса, отождествляется с перепелкой».¹

Нужно ли тратить время на уточненный анализ мифа, чтобы выявить тождество того, что и без того связывается с перевоплощением богини Иштари в перепелку, выясняемым палеонтологиею речи.

Шипящая же разновидность яфетического слова 'перепелка', представляя в трехсложном развитии корня звуковой комплекс ʃkor , в двухсложном составе должна бы звучать ʃor , при разложении аффриката — ʃtor ,² по десцибиляции — tor ,³ и, так как еще в архаическую пору в паузе отпадает плавный г (как, впрочем, и л), отражаясь порой лишь в долготе предыдущего гласного при наличии в языке долготы, мы получаем от основы tor — tō , в скрещении с элементом D в разновидности $\text{lē} \parallel \text{lā}$ пережившей у греков в $\Lambda\eta\text{-}\tau\acute{\omega} \parallel \Lambda\alpha\text{-}\tau\acute{\omega}$, с чем мы находимся, утя элемент этнологически, в кругу пережиточных образований рошского по языку племени, в те поры еще лишь социальной не на крови группы, наблюдаем ли это в эгейском мире, или в России со словами «Ле-да», «Ла-да», «Ле-бедь», «Ла-сточ-ка» и т. п.⁴ Но сейчас я напомним лишь о том, как сестра Латоны Астерия была обращена в перепелку. Лишний, сотый случай раздвоения одного лица в два родственных, здесь в Астерию и Латону.

Итак, яфетическое слово, в разновидности с огласовкой «е» — ster , в грузинском представлено трехсложным корнем в слове ʃker 'перепелка'⁵ (\parallel г. ʃqal в составе mer-ʃqal 'ласточка'), в армянском двухсложной основой ter в названиях

¹ См. Б. А. Тураев, Остатки финикийской литературы, стр. 21: «По свидетельству Евдокса (Ath., 392, d. Cic. Nat. Deor., III, 16, 42), финикийский Иракл — сын Зевса и Астерии. В последней обыкновенно и с большим вероятием видят Астарту».

² Разновидность необходимая для палеонтологического анализа перс. u-ʃtur murg или ʃtur-murg 'страус', struthiosamelus , о чем особо, пока материал см. Ossetica-Japhetica. I, стр. 206б, пр. 3.

³ См. этот вид основы акающей формы в значении 'голубя' и пр. выше, стр. 327.

⁴ Трудно воздержаться и не привести следующие строки, на которые любезно обратил мое внимание С. А. Жебелев, — строки из 3-го издания (1923) Sprache, Einleitung in die Altertumswissenschaft (I, стр. 70 сл.) такого мастера дела, а не общих теоретических воздушных замков, как Кречмер (P. Kretschmer): «остается главный вопрос, в какой мере надлежит принять доиндогерманский подпочвенный слой не только в Передней Азии, но также в Европе, именно в южной Европе. Большое сходство в строе баскского и кавказскими языками говорит в пользу принятия того, что эта семья языков (Sprachstamm) первоначально была распространена много далее, чем в наши дни. Яркий свет (Schlaglicht) бросает на эти отношения замечательное совпадение (Uebereinstimmung) между лик. lada 'жена', 'супруга', халд. lutu , кавк. авар. tʃlad 'супруга', русс. lada 'богиня', 'возлюбленная', lado 'супруга', « ladj » 'согласие', 'помолвка', сербо-кroat. lada 'супруга', древнечеш. lada 'девушка', lad 'согласие'. Раньше хотели вывести индогерманский характер ликийского языка из славянских слов. Однако слово не нашло никакой поддержки еще где-либо в кругу индоевропейских, напротив представлено в других переднеазиатских языках, с другой же стороны оно так широко распространено в своеобразных значениях в славянском, что никак не может быть заимствованным из новых (?) кавказских языков. Мы должны, следовательно, считать за возможность неиндогерманского населения, распространенного по Передней Азии и части Европы. Дальнейшее разъяснение всех этих вопросов можно ждать лишь от будущего». И то хорошо, что здесь есть хоть небольшая надежда на будущее, поскольку наше настоящее находится в окружении и изоляции.

⁵ Трех- или двухсложное зависит от судьбы диффузного звука, в данном случае ʃ , представлен ли он расчлененным подъемом группой $\text{ʃk} \rightarrow \text{dʒ} \rightarrow \text{ʃq}$, или простым одиночным звуком с бесследной утратой диффузности, если он: не сказалась в долготе примыкающего гласного, см. ниже dēl , dāl .

‘ласточки’, ‘соловья’ (tî-ter-n-ak, tî-ter-n-uk и пр.), что также налично в грузинском, с перестановкой, в значении ‘круга’ (← ‘неба’) — tîre, но если бы грузинский сохранил нормальный для него плавный l, при озвочении t̄ в ð̄ с той же чуждой огласовкой мы должны бы получить ðel в значении и ‘перепелки’, и богини Иштари, и не только «древние названия» Делоса, Asteria и Ortygia, носят имя богини Иштари-Астерии или ее перевоплощения ‘перепелки’, но само наименование Δῆλος есть, по всей видимости, то же слово.

Однако это ðel, с долгим именно ē, на Кавказе живое культовое слово: у чеченцев оно значит в форме Dēl-e ‘бог’.

Если бы удержалась огласовка, нормальная для грузинского языка, как представителя свистящей группы, слово должно бы звучать ðal, и эту форму нам сохранил грузинский термин s-ðal ‘невеста’, ‘невестка’, собств. ‘женщина дома’. По дессибилляции слово должно бы звучать dal, при учете исчезнувшего спиранта от диффузного согласного (ð̄ ↗ tk и т. д.) с долгим ā — dāl, и эту форму нам сохранили сваны в Dāl со значением ‘богини охоты’, ‘богини страсти’, существа с длинными распущенными волосами, следовательно, образа нашей ‘богини-Иштари’, ‘неба-воды’; у бацбиев или цова-тушин, одного из чеченских племен, это название вообще ‘бога’; однако не только Δῆλος, основу греческого названия острова, но и Ἀστῆρία нет никакой причины по существу толковать в смысле ‘перепелки’, это лишь одно из воплощений на месте богини Δῆλος или Asteria, Афродиты, а первоначально ‘неба’, и ‘неба²-воды’, преисподнего, ‘неба¹-верхнего’, и ‘неба²-земли’ или ‘леса’, нижнего неба, и там, где народное представление рисовало себе пункт смыкания всех небес, где оно представляло точно середину мира, пуп земной, там мы, естественно, должны ожидать, случись это в том же Эгейском мире или его районе, то же название del- или ðel- в основе названия соответственного населенного пункта. Известно, где такой земной пуп помещали греки.

Но прежде всего Dēl-e, resp. Del-e, в значении Афродиты или Иштари интересно констатировать в месопотамской клинописи.

Силлабарий дает идеографическую группу $\rightarrow \text{𐎠}$ или $\text{𐎠} \rightarrow \text{𐎠}$ с чтением Dilbat и с толкованием «Венера».¹ Если прочитая полный или более длинный идеографический ряд клинописных знаков, то получим: ar (→ ab) + an + del (←→ dīl) + bad. Здесь ar, по силлабарии означающий ‘дом’, синоним слова an ‘небо’, — остаток спирантной разновидности двухэлементного слова sar ‘небо’ с одинаковым в обоих элементах усечением плавного исхода, с полным видом элемента B — sarar, с усечением одного плавного — saba, что сохранилось у басков в значении ‘неба’,² значит и ‘неба’, resp. его эманации-силы, т. е. ‘звезды’, и т. п. Потому предполагаю, что лишь его и имеем, с подъемом сибиланта s в аффрикат t̄ → ð̄, в t̄aba-, в основе еврейского t̄aba-ōð, спор о происхождении которого совершает, по видимому, путь повторяющегося круга, как недавно нас публично осведомлял специалист-эбраист в Ленинграде.

¹ Delitzsch, Assyrische Lesestücke⁵, 1912, I, 1.

² Н. Мapp, О ‘небе’ как гнезде назначений, ДАН, 1924, стр. 26; Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 144 [перевод здесь, стр. 203]; Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «тризна», Л., 1924, стр. 39.

Следовательно, слова идеографической группы, если перевести их подлинное чтение, означают:

$\left. \begin{array}{l} \text{'Небо'} \\ \text{'Рука'} \end{array} \right\} \rightarrow \text{'силы небесные' (небо)} + \text{женщина} + \text{Дел} (\leftrightarrow \text{Дил}) + \text{bad, т. е. 'небо-богиня Иштарь'}$.

Однако здесь Del \leftrightarrow Dil сохранилось не в простом виде, т. е. одноэлементно, как в названии острова Делоса, равно богини Иштари-Dēl, а в скрещении с bad — Dil-bad, по одной греческой транскрипции Δελήφατ-, т. е. то двухэлементное название богини Иштари-Дилбад (|| -Дельфат), которое с усеченным видом второй части, элемента В, у греков пережило в названии такого культового места, как город Δελ+φ-οί 'Дельфы'.

В этом месте, месте подземных или хтонических прорицаний, греки и помещали 'пуп земной'.

Второй его элемент, первоначально fat \leftarrow bad \leftarrow rat, полностью сохраняется топонимически на Востоке в более древних формах названия Азербайджана: А+tro+rat-ep-e или А+tər+rat-a-kan и т. п., где основы a-tro-rat \leftrightarrow a-tər-rat трехэлементны, признать ли первую часть скрещения пережитком элемента С, как мы то допускаем в анализе А-ster-ia, или элемента D, как намечается в толковании названия Азербайджана. Это колебание пока остается. Здесь задача отнюдь не с тремя неизвестными, т. е. не гадание, ибо, независимо от соображений, связанных с анализом Азербайджана, начальный придаток 1- (\leftrightarrow e- || u- \leftrightarrow o- || a-) и для возведения к элементу D имеет поддержку в таком факте, как наличие имени, восходящего к тому же божеству, в виде г. pe-tar 'блаженство'.

Мы не будем разъяснять, на что и насколько годны, по полной всесторонней проверке, предложенные палеонтологические изыскания кроме как для доистории, кроме как на освещение мрака, в котором пребывают все вопросы о началах разумной части мира. Но наша яфетическая семантика, думаю, не бесполезна для толкования текстов на исторических языках, может пойти в прок и филологу и историку культуры. Она дает полное оправдание толкованию Циммерна (Zimmern) по которому Anunitum в астрологических текстах вавилонян надо воспринять как «die zu Anu gehörige» 'принадлежащее Ану',¹ т. е. 'богу небу'. Это существо шло у вавилонян как одна из форм явления «Ištar», а в какую сторону, станет ясно ниже, прибавляет Вейднер (E. Weidner) в работе Zum Alter der Babylonischen Astronomie.² Для нас сомнение лишь в техническом представлении названных ученых об этом явлении, именно едва ли Anunitum это 'принадлежащее небу Ану', т. е. небесному божеству, буквально 'небу'. Тут совпадение созвучий и значений производит невероятную путаницу в среде, не учитывающей палеонтологической речи. Конечно, Ану, Anum и Anunitum созвучны и одинаково связаны с представлением о 'небе', но 1) Ану 'небо' — двухэлементное скрещение ОА, восходящее к архетипу an-ur '*небо', пережившему у армян, путем семантического развигия в линии ассоциации образов, в значении 'кольца-ярма', по арочному ли его изгибу или по сходству первичных его форм с 'кругом'. Если

¹ Zimmern, KAT³, стр. 424, прим. 1 по Weidner'у в цит. статье Der Schwalbenfisch, Babyloniasa, 1912, т. VI, стр. 148.

² Ук. м.

относится сюда сир. *nīr-a* 'яρμο', объяснять его необходимо утратой начального слога. Раз это скрещенное слово, то его части, естественно, также означают 'небо': шм. ап 'небо' (→ 'бог'), и ← иг также 'небо', как это видно из иг- в составе также скрещенного АС термина, бск. *ig-te* 'год', поскольку палеонтологически установлено, что 'небо' и 'год' выражались одним и тем же словом.

2) Ап-и+т — трехэлементное скрещение, распределяемое между двумя сошедшимися в этом термине словами — известным уже нам 'небо' (от этого одноэлементного слова ж. р. ап-ту) и двухэлементным АВ скрещением того же значения и-т, о чем речь ниже. Едва ли есть надобность упоминать о попытках семитологов производить это космическое культовое слово от семитического глагола 'быть насупротив' и т. п.!

3) *Anunītum* более, чем скрещенное слово: в нем, помимо одного скрещенного термина *anun-*, имеем другой двухэлементный скрещенный термин *tu-m*, а не морфологическую часть.

а) Первый термин значит 'небо', как ап-и^Г, ап-и+т, но формальный анализ его труднее, и мы сейчас его не решаем. Он может быть двухэлементным, как ап-и^Г, но в составе элементов не СА, а СС, т. е. может представлять повторение элемента С перегласовкой (а || и) — ап-и^и (ср. арм. *qāgn-qiḡn* 'мешаный'). Но он может быть и трехэлементным, как ап-и + т, в таком случае в составе элементов не САВ, а АДС — а-и^и + н (← *а+и^и-^Ги^и). Последний анализ привлекает тем, что с 'небом' из элементов такого состава, следовательно, и с 'небом³+водой', дающим в дериватах 'рыбу', может и должен быть сближен также скрещенный из тех же трех элементов бск. термин *a-ḡa-ūp* → *a-ḡa-ñ*, герср. *a-ḡa-u* 'рыба'. Привлекает этот анализ и тем, что на основании того же семантического положения с а-и^и-н (← *а-и^и-^Ги^и) 'небо' могло бы быть сближено до отождествления евр. *nīn* 'рыба', причем в отсутствии начального а- могла быть усмотрена или ее утрата, как в сир. *nīr-a* 'яρμο' при арм. *anur*,¹ или последовательность скрещения: позднее трехэлементное АДС месопотамское а-и^и-н || пирен. *a-ḡa-ūp*, раньше двухэлементное ДС евр. *nīn* (→ *и^и-^Ги^и). Ясное дело, что у сем. *nīn* 'рыба' более глубокая история, чем о том можно бы судить по следующему оброненному в примечании разъяснению авторитетнейшего семитолога:² «*ן* 'рыба' евр. и араб. В арабском это, конечно, заимствование из арамейского, хотя оно и появляется у древних поэтов «*Mufaḏḏalijāt*» 16, 39; Якут. 3, 439, 7», и на этом основании, сообщая о замене этого названия в эфиопском еврейском *ሽገ* 'змея', замененное название евр. же *ן* называет «*das unbekannte*». Это неразъяснимое семитическими средствами слово *nīn*, также 'небо³-вода', находится в составе усвоенных ассирийским яфетическими образованиями, скрещенных, да добавочно сложных слов в составе его и предшествующего ему элемента *si-*, равно *sa-*, в спирантной же разновидности а- (← *ha-*) при, казалось бы, суффиксе *-tu* (→ *-du*) ~ *-ti*, также *-tum*, если бы последнее окончание не давало основания для его такого толкования на яфетической почве, которое вполне отвечает закрепившемуся за *si-nun-tu + m*, также *si-nun-tu* (→ *si-nun-du*) ~ *si-*

¹ См выше, стр. 338.

² Noldeke, *Beitrage zur semitischen Sprachwissenschaft*, 1904, стр. 133, прим. 3.

pu-p-ti в ассириологической литературе значению 'ласточки', но которое в спирантной разновидности а+pu-p-aki могло бы означать и действительно означало 'чудовище-бездну' и т. п. При нашем палеонтологическом анализе не представляет предмета недоумения, когда а-pu-p означает 'небо³-рыбу', т. е., следовательно, 'небо преисподнее', 'море' и т. п., термин же с ним в основе Anu-p-aki значит 'боги *глубоких вод*' (собственно 'чудовище-бездна', 'нижнее чудовище-море'), в частности, по разрыве небес в представлении человечества, — 'злые духи', 'противоборцы небесных духов'.

б) Во второй же части термина Anu-p-i-tum мы имеем также самостоятельное слово, представляющее, по отвлечении служебного i-, resp. i-, двухэлементное АВ скрещение tu-m ↔ to-m, почему оно появляется и без элемента В (tu-), но в своей двухэлементной цельности, с утратой лишь диффузности начальным согласным и аффрикатности, оно — эквивалент мегрельского ʒʒo-m 'рыба', и поскольку согласно палеонтологии речи 'рыба' восходит к 'воде-моря', откуда в линии семантического развития 'моря' рождение таких значений, как 'волнение', 'буря', 'хаос' и 'война', постольку сюда примыкает г. ʒʒu-b (↖ ʒʒu-m) 'война', рано с простой спирантизацией начального согласного ho-m → o-m также 'война'. Из этого же круга, разумеется, евр. ʔhōm 'хаос' и без элемента В ʔohū.

Поскольку 'рыба' через 'воду', resp. космически 'небо³-море', восходит к 'небу', все перечисленные разновидности могли означать и 'небо', из них o-m ↔ u-m с таким значением налицо в составе месопотамского термина an-u + m 'небо', но в составе Anu-p-i-tum tu-m (resp. tu) значило уже не 'небо', а его эманацию в круге соответственного животного мира, и так как таковой могла быть и 'рыба' (← 'небо³-морё'), и 'птица' (← 'небо¹-огонь'), то, так как потребность была в выражении с точностью 'птицы', то к tum присоединялось определение — слово anu 'небо' ('верхнее небо', наше 'небо'), следовательно, как и греч. περ-ιστερ-ᾶ 'голубь', г. meг-ʒʒal 'ласточка', и используемый также в значении 'ласточка' термин Anu-p-i-tum буквально означал 'небесная', resp. 'верхняя рыба', т. е. 'птица', лишь по бытованию 'ласточка'.

При знакомстве с этой палеонтологически устанавливаемой «доисторией» Anu-p-i-tum, Вейднера не могло бы смутить ни то, что, судя по текстам, слово это значит и 'ласточку', и 'рыбу', ни то, что оно же в линии семантического развития в сторону 'рыбы' могло означать и 'червяк', откуда 'червяная звезда'. Вейднер мог удостовериться без колебания даже то, что «во всяком случае Anu-p-i-tu [resp. Anu-p-i-tu-m] надо воспринять как водяное божество»,¹ т. е. то же по существу, что Anu-p-aki, но все это лишь в другой общественной среде, не в той, где Anu-p-i-tum значило 'ласточку' и только.

При такой сложности возможностей надо быть чрезвычайно осторожным в толковании встречных значений, кажущихся противоречивыми при отсутствии палеонтологического кругозора по семантике, и не увлекаться простотой решения, с опорой в знаниях природы называемых птиц и рыб, но без учета того или иного мировоззрения человечества в эпохи созидания этих терминов. Каких.

¹ Ук. с., стр. 162.

животных, палеонтологически какие виды воплощения неба представляли вавилоняне в кругу занимающих нас терминов, это мы сейчас увидим из текстуальных разъяснений Вейднера который приводит места, по его же характеристике 'непреоборимые' (unbesieglische). Но раз Anunitum связано не формально, а реально, по смыслу с Небом Anu, более того в Agade это божество почиталось как богиня Ištār, как то склоняется предположить Вейднер в виде вопроса,¹ раз, как бы то ни было, оба эти неба-божества дают сродные в данном случае эманации, мы должны помнить, что Ištār есть и 'небо^в-вода', буквально, 'вода', таково же 'небо-Sam', и до разрыва двух небес в представлении человечества все эти небеса воплощались не только в птиц, но и в рыб, т. е. птицы и рыбы назывались одинаково по небу. Отложения той эпохи у нас сохранились в словарных материалах, в числе их термин с pūr в основе, больше всего именно в значении 'рыбы'. Но для периода после диссоциации неба верхнего и нижнего небо воплощалось в птиц т. е. по небу назывались птицы, не только ласточка, но и голубь, ворона, соловей, орел и пр. Лишь быт позднейшей эпохи или определенных территориальных культур давал то или иное, иногда и то и другое, специальное видовое уточнение значения общего родового термина. В этом смысле для пары небесных светил, называемых в астрологических текстах систематически вместе, всегда идеограммами «звезда SIM-MAH» и «звезда ANUNITUM» Брюннов (Brünnow) давал возможность уточнения указанием, что в первом, составном термине, SIM есть идеограмма (№ 2101) ласточки. Гоммель (Hommel), приняв одно время это отождествление, отказался в пользу другого толкования всего составного термина, в пользу понимания всего комплекса из двух идеограмм SIM-MAH как 'высоты'. Вейднер далее выясняет, что Гоммель был прав, когда держался взгляда, что SIM значит 'ласточка', так что все выражение с переводом детерминатива в понимании Вейднера должно бы гласить: «звезда возвышенной ласточки». Действительно, идеограмма SIM — яфетическое слово с особой огласовкой, означающее 'небо'; это разновидность термина sam, разновидность, оставившая след и в грузинском в основах šim- и tim-; последняя налицо в удвоении с сохранением элемента В во второй части без усечения — tim-timel (а не в форме мн. числа на -el — tim+tim-el, как мы разъясняли при формальном методе, без палеонтологии) и значит она 'небеса', 'небо'; следовательно, sim не только мог, но должен был быть названием птицы, в частности 'ласточки', да и 'голубя' и др. Но это же слово sim пережиточно могло бы означать, а в известный период должно бы означать и 'рыбу' (← *небо^в-вода'), в частности тот или иной вид рыбы. Это именно слово в форме опять-таки не мн. числа на -og, а скращения двух элементов АВ (или СВ), с губной огласовкой элемента В, также в полном виде (mog), сохранилось у грузин в виде šim-mog-a (↘ šim-mog-a) со значением 'рыба' особого вида, именно 'рыба кандым', 'снеток'. Мы теперь уже знаем, что общее название 'рыбы', наличное у грузин, именно še-vz ↔ *še-mz ↗ še-bz, представляет скращенный термин из тех же элементов АВ, равно арб. ša-mak, resp. se-meq, причем имеется полный учет перерождения

¹ Ук. с., стр. 156.

плавного г \leftarrow l элемента В в данном слове у грузин, по усвоению этой нормы от социальной группировки сванского типа в z, у арабов в k \rightarrow q, resp. k \rightarrow ġ \rightarrow q̇ по усвоению от социальной группы, отложившейся в армянской речи с той же историей плавного г: [k \rightarrow] ġ \rightarrow q̇.

Следовательно, SIM-МАН можно бы было понять в смысле и 'рыбы', даже 'верхней (\leftarrow небесной) рыбы'.

В то же время собранные в значительном количестве показания клинописных текстов выявляют, что звезды SIM-МАН и ANUNITUM чередуются с планетой-рыбой (Nun), и созвездия SIM-МАН и ANUNITUM приходится принять за 'рыб',¹ причем Anunitu за южную Рыбу-созвездие, SIM-МАН за северную Рыбу-созвездие,² и так как SIM Вейднером понимается, по силлабарии идеограмм, исключительно как 'ласточка', то он предполагает необходимым определить 'рыбу' как 'рыбу-ласточку' (Schwalbenfisch).³

У нас есть возможность подтвердить лингвистически за SIM специально значение 'ласточки', и возможность это двоякая, одна палеонтологическая — путем анализа его по элементам как составного слова, а не скращения,⁴ другая сравнительная с ссылкой на то, что г. šim-šim, удвоение с подъемом нашего SIM, означая подобно г. каш-каш 'мерцание звезды',⁵ восходит к имени 'звезда' и 'ласточка', точно это синонимы.⁶ Но сейчас нам достаточно факта, что и 'ласточка', и 'рыба' независимо друг от друга увязаны семантически с 'небом', 'ласточка' с 'небом',⁷ 'рыба' с 'небом'.⁸

Вейднера все-таки беспокоит, однако, что рыбу приходится сочетать с ласточкой: «Я сказал выше», говорит он, «что Sim есть идеограмма для [асс. слова] Sinuntu 'ласточка', следовательно SIM-МАН надо понять [раз это есть рыба] как 'рыбу-ласточку' (Schwalbenfisch)». Однако, что удостоверяет нам, что вавилоняне в SIM-МАН'е составную часть SIM читали, действительно, sinuntu, т. е. 'ласточка'? И вот Вейднер приводит ассирийские тексты, где составную идеограмму SIM-МАН, созвездие рыбы, заменяет ассир. sinuntum 'ласточка', но Вейднер точно упускает из виду, что в таком случае и асс. sinuntum надо понять в значении просто 'рыбы', не 'рыбы-ласточки', а 'рыбы', носившей название, общее с названием 'ласточки', некогда и 'голубя', да всякой другой 'птицы'. И эта вскрываемая яфетической палеонтологией общность названия у птицы, ласточка ли это или голубь, с небесами, воплощением которых или эманацией и являлись и рыба, и птица, разъясняет, думаю, совершенно понятно сказание о звезде у Нигидия (Nigidius). Его приводит Вейднер для толкования следующих двух клинописных строк (II R 51, Nr 2, 58—59, a-b):

58. Kakkab nār Diqlat ¹A-nu-ni-tum
59. Kakkab nār Purattu Si-nun-tum

¹ Ук. с., стр. 150, 158.

² Ук. с., стр. 153, 155, 159.

³ Ук. с., стр. 159.

⁴ См. выше, стр. 334, 340.

⁵ Н. Марр, Яфетическое происхождение армянского слова marqarey 'пророк', ИАН, 1909, стр. 1156, пр. 4.

⁶ Ук. с., стр. 1157, пр. 1.

Это значит: 'Звезда реки Тигра бог A-nun-1-tum
Звезда реки Puratu Si-nun-tum'.

Вейднер вслед за этим прибавляет: «Из этих двух мест мы узнаем, что там, где находится созвездие северной рыбы, искали Евфрат, а где южная рыба находится, Тигр».¹

«Что северная рыба, рыба-ласточка, и Евфрат сопоставлены, это представляет новую поддержку в привлечении из Нигидия сказания о звезде для разъяснения рыбы-ласточки»... И Вейднер берет тут цитату из Нигидия² у Болля (Boll): «Рыбы находят в *Евфрате* большое яйцо, подкатывают его к суше, высжиживает его голубь, и выскакивает оттуда dea Syria, великая сирийская богиня, Венера. По ее просьбе Юпитер вознаграждает рыб бессмертием: *citaque Jupiter in XII signis siderum splendore decoravit, unde hodieque Syri neque hos pisces edunt et columbas deorum potestate decorant*».³

«Сирийцы, как это можно видеть», замечает по этому поводу Болль, «благодарны обоим, и рыбам, и голубям: почему же Юпитер вознаграждает только рыб? Все сказание о звезде *целиком* было бы понятно, когда бы оно должно было разъяснять рыбу-птицу (Vogelfisch), тогда рыба и птица выступали бы (wären... verstimt) в *одном* образе». И вот по этому поводу высказывается уже Вейднер, опираясь на свои разъяснения:⁴ «Я не сомневаюсь в том, что Болль с полным правом привлек для разъяснения рыбы-ласточки эту сказку. Точки сравнения следующие: в Вавилонии сближаются *рыба-ласточка* и *Евфрат*, там находят рыбы большое яйцо в *Евфрате*. Из яйца происходит (entspringt) dea Syria, Venus. Около рыбы-ласточки на небе находится как южная рыба Anunitu, один из образов Иштари. Расхождение в голубе и ласточке ничего не говорит. Обе птицы были священными птицами Иштари и заменяют друг друга».⁵

Однако дело не в священных двух птицах и не в физическом определении 'рыбы' по сходству с ласточкой, а в доисторическом восприятии божества, собственно, неба или большого яйца, 'неба-воды Иштари', откуда вылупилась богиня Иштарь и ее различные воплощения, лишь между прочим 'голубь' и 'ласточка', связанные к тому же с известным территориально-культурным бытованием речи. Корень дела в переживании доисторического восприятия образа Иштари, вначале и Неба-воды, и в связи с этим в культе рыбы, пережившем в стране deae Syriae, вероятно, и до нашего времени. Во всяком случае Мольтке в своих «Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei» за годы 1835 до 1839 пишет⁶ про бытность свою в Урфе, т. е. в Едессе: «Моя любимая прогулка в городе это к большому бассейну, полному прозрачной воды с бесчисленными рыбами; эти звери суть Зиарет или посвященные. Нимврод поместил их в пруд, и кто их покушает, ослепнет»...

¹ Ук. с., стр. 161.

² Fr. Boll in Sphaerae, стр. 197, прим. 1, с оговоркой в Neuen Jahrbücher, XXI, 1908, стр. 122, прим. 1.

³ [Тахим образом Юпитер в XII знаках зодиакальных блеском звезд угрasila, почему даже по сей день сирийцы не едят этих рыб, а голубей украшают властью богов']

⁴ Ук. с., стр. 161.

⁵ Ссылка на Zimmer, KAT³, стр. 431, прим. 5.

⁶ Изд. 4-е, 1882, стр. 341.

Чисто физическое сходство рыбы с ласточкой (тогда я спросил бы: одновременно с 'ласточкой' и с 'голубем', 'соловьем' или еще иной птицей?) не имеет никакого реального значения, когда речь идет о доисторическом переживании, с совершенно иной общественностью, космической, и иной психологию, иной, чем она у нас или самых древних, древнейших народов исторических эпох.

Свидетельство из схолии Arat'a (v. 242) касательно созвездий рыб, конечно, любопытно — τοῦτον τοῖνον τὸν βορείωτερον ἰχθύν χελιδόνος ἔχειν τὴν κεφαλὴν φασιν, ὃν Χαλδαῖοι καλοῦσι χελιδονίαν ἰχθύν 'О северной рыбе (созвездии) говорят, что у нее голова ласточки, потому ее называют халдеи 'рыбой-ласточкой'. Однако напрасно в понимании доисторических явлений мы будем строить по существу что-либо на таком показании, от которого приходится отсечь еще кое-что не подходящее даже для исследователя астрономических знаний, для доисторика еще меньше нужное, для характеристики же мировоззрения самого комментатора очень существенное; надо отсечь именно вслед за последним словом 'рыбой' фразу: 'конечно, туловищем кроме головы' τὸ μὲντοι σῶμα πλὴν τῆς κεφαλῆς.¹ Эта схолия в целом, однако, дала повод, как в самом начале своей работы по вопросу пишет Вейднер, к высказыванию многочисленных догадок, особенно когда в одном египетском папирусе всплыло параллельное показание. В гороскопе Titos Pitenios (Greek Papyri in the British Museum, I, стр. 136) есть пометка (строки 103—105), что Сатурн у 5° 59' рыбы стоял, ἐπὶ τοῦ χελιδονιαίου ἰχθύος καταβιβάζων 'в нисходящих к рыбе-ласточке узлах'. По первому показанию халдеи должны были, следовательно, воспринимать в зодиакальных знаках (Tierkreise) северную рыбу (южная называется всегда только ἰχθὺς νότιος), именно северную рыбу как мешаный образ: рыбе туловище с ласточкиной головой, еще с крыльями, ибо зодиакальный знак рыбы в эллинистической астрологии называется πτερωτόν. Этим показаниям касательно халдейского, т. е. вавилонского, происхождения до сих пор, т. е. до статьи Вейднера в 1912 г., оказывали мало доверия. Так, Буше-Леклерк (Bouché-Leclercq) (L'astrologie grecque, стр. 148, прим. 2) писал: «ces «Chaldéens» étaient probablement des «Égyptiens» familiers avec les têtes d'ibis et d'épervier qu'ils donnaient à leurs décaus». Болль, с другой стороны, хотел бы возвести «рыбу-ласточку» к критскому влиянию, ибо «в Междуречьи нет летающей рыбы, которая водится только на море, особенно на юге Эгейского моря». Но Вейднер нашел, как мы видим, «рыбу-ласточку», как он именуется созвездие, на вавилонском небе неподвижных звезд. Из этого вытекает только одно, что вавилоняне называли словом, обыкновенно означавшим у них ласточку, звезду-рыбу, северную рыбу, но источник названия столь же не связан с физикой и видом строения рыбы, сколь и с зоогеографией. Только яфетическая палеонтология вскрывает то особое космическо-общественное мировоззрение, которое, не понятное в позднейших поколениях человечества, вызывало или недоумение, или созидание чудовищных гибридов, — мировоззрение, относящееся к таким начальным эпохам жизни человечества, что никакой социально-обособленной грани национальной или этнической в его распространении

¹ Ук. с., стр. 147, пр. 1.

не могло существовать и действительно не было. Потому, если вавилоняне отложение его дают нам наблюдать в номенклатуре звезд своего фирмента, а также, напомним, в эпических произведениях, то на Западе его же переживания, переживания доисторического космического мировоззрения с образами, связанными именно с Иштарью, до нас дошли, совершенно независимо от ассирово-вавилонских или палестинских литературных творений, в средневековом европейском романе, фрагментарном перевоплощении доисторического эпоса — Тристане и Исольде.¹

Однако ближайший интерес сейчас сосредоточивается на птицах-иштарях. Наша этимология вскрывает основу природы ассирово-вавилонского божества Istar (Ištar), как она выяснена в литературе, но здесь нам интересно отметить лишь то, что в Вавилоне в числе символов этого божества-неба называются и 'голубь', и 'ласточка',² т. е. Иштарь не только 'небо³-вода', но и 'небо¹-огонь', 'небо¹-солнце', т. е. 'верхнее небо', наше 'небо'.

«Азиатский» Афродите посвященный голубь называется систематически 'белым', λευκή, *alba, candida*, читаем в новом издании Hehn'a «Kulturpflanzen und Haustiere»,³ причем дается опять-таки натуралистическое объяснение: «вследствие его нежного белого, яркими красками отливающего оперения (Gefeders)». Для нас более интересны приводимые там же показания из писателей Катулла, Тибулла и Овидия.

Особенно любопытно, ввиду тождества у нас названия вороны и голубя, двустипшие Овидия, у которого так много сродного с финикийскими мифами-превращениями, о вороне (*Metam.*, 2, 536):

«Nam fuit haec quondam niveis argentea pennis
Ales, ut aequaret totas sine labe columbas.»

Касательно вороны и голубя вопрос, однако, в другой плоскости. Обе — птицы, следовательно, обе — 'небесята', в числе птиц есть, однако, и другие, как лебедь, названия которых также будут совпадать с белым цветом, но, думаю, не по связи с 'птицами', ниже со 'снегом', а с 'небом', его долевым проявлением или воплощением в светилах, звездах, луне, солнце, дне, да и лете; здесь источник последовательного развития понятий 'светлый', потом 'белый', 'чистый' как и обратно 'священный', 'святой', 'чистый'. Факт же тот, что в яфетических языках основы, означающие 'небо', не 'небо³-воду', а 'небо¹-солнце', в частности сибил. *sal* (ср. г. *ikal* 'блеск' || спир. *hal* → груз. *al* 'пламя') и их разновидности, не только *saq*, но и в подъяеме с дессибилляцией *šaq* и т. п. и производные означают 'белый', 'светлый' и т. д.

Не только коренные согласные, но самую основу *šaq*, собств. *šaq* (← яф. *tar*) с суффиксом *-way*, на деле палеонтологически пережитком не окончания, а элемента *B var* (↔ *mar* || *man*), имеем в арб. *šaq-way*, как арабская уменьшительная форма от которого рассматривается *šiqayā*, арабское название Плеяды.

¹ См. виже, стр. 350.

² Ant. Deimel. *Pantheon Babylonicum*, стр. 152, однако с вопросом: «eius animal columba (?), [M.] Jastrow [Jun.], *Die Religion Babyloniens und Assyriens*, 2, 810, 3».

³ Стр. 347 — комик Алексий (Athen., 9, стр. 395): λευκός 'Афродίτης εἰμί γὰρ περιττερός.

Оно должно было обозначать, следовательно, не 'как бы много', а 'голубят'¹ или 'иных птиц', вообще 'птиц', первоначально 'небесят'. Теперь не может подлежать никакому сомнению правильность предположения Гоммеля,² что обращение Πληιάδες, т. е. Плейад, в πελειάδες 'дикие голуби', не плод случайной народной этимологии, а находит раннее археологическое оправдание в 12—10 голубях (рядом с четырьмя шарами и двумя львами) на Fibula Corsini, которые Милани (L. A. Milani) основательно толковал астрально.³

У. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С пересмотром настоящей работы, уже несколько лет ждавшей очереди печатания и задержанной также невозможностью для меня удосужиться для ее переработки, совпал тяжкий для нас момент. Это момент, когда открываются новые перспективы по увязке, методом нового учения об языке, населения Африки, даже глубинной и дальней, как и глубинной и дальней Азии⁴ со Средиземноморьем, с его культурным районом от Пиренеев до Месопотамии и далее. Еще раньше выяснилась палеонтологическая связь термина I-štar из эпох до скрещенного его оформления с одним из элементов, входящих в состав также скрещенного культурного термина ʕeleb,⁵ и одновременно стал ясен пробел, сказавшийся в чрезвычайно слабом учете архаической связи обоих слов с культом дерева, особенно теребинта в Малой Азии и в Сиро-Палестине, в частности у хеттов и доисторического населения Иудеи. В связи с этим я вынужден поставить здесь точку, откинув самостоятельную разработку нескольких глав, как то «Иштарь-небо и дериваты по ассоциации образов», «Иштарь, богиня любви», «Иштарь, богиня ненависти, вражды и войны». Вместе с этим откладывается вопрос о смене Иштари Кибелой, о взаимоотношениях социальных групп, выдвигавших ту или иную из этих богинь. И в заключение ограничиваюсь изложением лишь нескольких подробностей из опущенных глав, нескольких штрихов из намеченной к лепке фигуры Иштари, как фактора или, вернее, орудия семантического творчества в руках человечества, как средства опознания для нас распорядка определенных доисторических эпох в созидавшейся им звуковой речи.

Разновидности, используемые в значении названий птиц hiḡ-, gesp. hiḡ- и т. п., действительно, представлены на Западе в средиземноморских языках (hiḡ-un + do, ʕel-1-don), но с ними мы встречались в значении семантических дериватов того же 'неба' и в Междуречии; здесь эти именно спирантные разновидности основы в виде kiḡ (→ giḡ), gesp. kiḡ, означают 'круг', и это мы находим не в шумерском языке, а в звуковых значениях месопотамского клинописного знака, который толкуется по-ассирийски глаголом 'окружать'. Не только ассирийцы-семиты, но

¹ Не отосится ли сюда и русское народное название 'голубя' tur-man с основой в таком случае от шипящей группы яфетических языков, т. е. с огласовкой u (←→ o)?

² Zum Namen der Plejaden, OLZ, 1913, № 13, стр. 13—14.

³ La fibula Corsini e il templum coeleste degli Etrusci, Rendiconti della R. Accad. dei Lincei, т. XXI, стр. 315—330 с табл.

⁴ Н. Марр, Расселение народов и языков и вопрос о прародине турецких языков, Под знаменем марксизма, 1927, № 6, стр. 18—60.

⁵ Н. Марр, Еще о слове «челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности, в истории Передней Азии, ЗИО, т. XX, стр. 99—151.

и шумеры-яфетиды сами учились таким звуковым значениям клинописного знака 𒀭 , представляющего в их графике 'круг'. Хотя эти звуковые их значения 𒀭 ($\rightarrow \text{gil}$), resp. 𒀭 сами по себе означали 'круг', более того — они означали и 'небо', но пользовавшиеся ими прославленные творцы месопотамской культуры этого не знали. Потому-то не яфетидолог, а кунеолог обратил внимание на то, что тот же знак 'круг' 𒀭 со вписанным знаком \rightarrow $\text{gal} \rightarrow \text{qal}$, именно 𒀭 , да с дополнительным детерминативом \rightarrow 𒀭 , т. е. в целом \rightarrow 𒀭 означает 'богиню небо': «eine ausgesprochene Himmelseeansgöttin, welche in den bilinguen Texten als «Mutter des Gottes Ea»..... bezeichnet wird», писал давно Гоммель,¹ и именно богиню, так как если 𒀭 означает 'круг' \leftarrow 'небо', на одних из спирантных яфетических языков Месопотамии называвшееся 𒀭 ($\rightarrow \text{gil}$), resp. 𒀭 , то вписывание в него знака \rightarrow означало, что это женское божество, женщина-небо, ибо его звуковое значение $\text{gal} \rightarrow \text{qal}$ (\rightarrow шм. $\text{gal} \rightarrow$ г. qal) представляет яфетическое слово, означающее 'женщина'. Но пока нам нужно запомнить, что 𒀭 ($\rightarrow \text{gil}$), resp. 𒀭 , значило в дописьменных яфетических языках Месопотамии 'круг' \leftarrow 'небо', одним из перевоплощений которого была, в представлении человечества той эпохи, та или иная птица.

Богиня An-и реально то же самое, но основа, как теперь мы уже знаем, иная, именно скрещенная из двух элементов SA , и, означая 'небо', как I-штар , имеет дериваты в порядке семантического развития по образам ($\text{tre} \leftarrow * \text{ter} \leftrightarrow \text{tir}$ 'круг' и др.²), так, помимо уже указанного арм. an-ur 'круга-ярма' и т. п., в полном ли виде или в части an , и она, эта основа An-и , имеет дериваты в виде лат. ann-us 'год' (с подъемом неутраченного спиранта г. qan 'время'), лат. an-us 'круг', rodex , an+ul-us 'кольцо' и др. Таким образом, Бугге (Bugge) был прав, когда лат. an-us он сопоставлял с арм. anur 'ожерелье', 'ярмо' и пр., но, конечно, не на прометеидской («индоевропейской») почве, куда вместе с армянским он тянул и этрусский, можно было искать обоснования неслучайности указанных связей. Следовательно, все это и многое другое, восходящее к тому же термину на Западе, есть вклад ассирио-вавилонской или месопотамской культуры? Ничего подобного. An-и 'небо', как и I-штар , в разновидности I-tal тотемно отложившееся в племенном названии архаического населения Италии и названии самой полуостровной страны и т. п., не только не ассирийское или иное семитическое достояние, но не имеет своей палеонтологии и в шумерском языке; это пережитки одного или двух из дописьменных, до известных нам месопотамских письменных яфетических языков, оставивших след не только в языке, но и в письменности Месопотамии. Они нас относят за много веков, за многие десятки тысячелетий до ассирио-вавилонской культуры, когда не было ни семитов, ни прометеидов («индоевропейцев»); они заставляют хорошо подумать, откуда пришли этнографические,

¹ Die Identität der ältesten babylonischen und aegyptischen Göttergenealogie und der babylonische Ursprung der aegyptischen Kultur, Transactions of the ninth Intern. Congr. of Orientalists, London, 1893, II, стр. 220.

² См. выше, стр. 321.

собственно социальные основы ассиро-вавилонской культуры. Значит, с палеонтологическим восприятием речи, неразрывно увязанной, подобно материальной культуре, с социальными слоями и группами, неизбежно потребно подходить не к одним романским языкам Европы. И не одним лингвистам это важно знать, не одним археологам-вещеводам и историкам культуры, важно знать вообще историкам, без отношения к тому, какой территориальный отрезок, Восток или Запад, составляет предмет их специальных интересов.

Более архаичная разновидность известного уже нам *dar* 'небо', в шумерском 'голубь', именно *tar*, сохранилась с начальным придатком *dī* — *Dī-tar*; если бы слово дошло до нас в традиции мегрело-чанской диалектической среды, то мы имели бы дело с *Dī-ndar*, с нарастанием носового *n* на зубной. Это все при формальном подходе. На деле *Dī-tar* двухэлементное из СА скрещение, т. е. полный его вид **Dīn-tar* → *Dīn-dar*, и когда в грузинском имеем *dī-dar* 'богатый', при м. *dīn-dar* с тем же значением, то помимо отказа от фонетически-формального объяснения излишка *n* в мегрельской разновидности, необходим учет семантического положения о восхождении прилагательного 'богатый' к 'небу + богу'.

Dī-tar, однако, действительно было именем бога, в частности бога 'воды', но не 'дождя-непогоды', а 'дождя-благодетельницы', источника плодородия и строительства, т. е. нашей Иштари в одном ее неразлучном с представлением о ней воплощении, в одной ипостаси на всем протяжении ее владычества в умах доисторического человечества от Британских островов и Франции, где она преобразована в средневековую любовницу-Исольду, до пункта, который отсечет себе, пользуясь выражением армянского историка Хоренского, клинок яфетического языкознания. Он палеонтологический, этот клинок, касается ли дело фонетического, морфологического или семантического явления, и мы не можем забыть, что кажущийся префиксальным образованием термин *Dī-tar*, на самом деле — скрещенное образование из двух элементов СА (← **Dīn-tar*), и в начальных коренных согласных звуках обеих частей мы имеем простые звуки, т. е. и элемент *S* и элемент *A* в начальных своих коренных представляют десибилонные звуки *vm*. аффрикатов свистящей группы *š* и *t̪*, следовательно, архетип — **Dī[n]-tar* или, еще точнее, *Tī[n]-tar*, та именно форма, которая нам известна в виде *tī-tar* из птичьего воплощения Иштари на армянской почве, все равно считать ли его простым скрещением или сложным словом. Для получения же более основной ее ипостаси достаточно *tī-tar* представить в не-яфетической среде или в такой «племенной» среде, которая десибилациею и разложением спасается от столь трудно произносимых аффрикатов, как *t̪*, чтобы **Tī-tar* неизбежно переродилась в богиню *Tīštar*, звезду, первую звезду, водительницу звезд, думаю, забытую Венеру, и подательницу благодетельного дождя, и мы будем перед лицом пары *Tī-štar* ~ *I-štar*, и семантически, и морфологически, и фонетически представляющей раздвоение одной и той же величины.

В персидском, и новом, по крайней мере литературном, слово оказывается гражданственным с кажущейся изменой первоначальной огласовке первого элемента *tī* или восхождением к архетипу с огласовкой *a* — *ta-* в виде *ta-štar* или

te-štar (تشتار, ср. I-štar-ag и A-ster-ia), Вуллерс первым называет значение «имя ангела Михаила», что совершенно ничего не говорит палеонтологически.

Важны следующие два значения: одво — ‘ангел (فرشته) дождя и растительности’, это Иштарь плодородия; другое — ‘облако’, это воплощение Иштари-неба, ‘неба³-воды’. При этом Вуллерс замечает: «Eandem significationem lexicographi persici vocis بشتار [beštar или bištar] tribuunt, quam tamen falsam lectionem esse probat ipsius vocis etymologia, quum respondeat 𐎠𐎼𐎷𐎡𐎴 Tistrya, qui est Ised s. genius divinus doctrinae Zoroastricae, plerumque stella fulgens Tistrya dicta et signum pluviae habetur, aquam in terram effundens» и т. д.¹

Индоевропейстическая этимология нас теперь мало трогает, независимо от того, что она теперь отброшена, и сам Бартоломе (Bartholomae) ставит вопрос над этимологиею этого термина (Altiranisches Wörterbuch, s. v.: «Et. ?»), ограничившись указанием его разновидностей среднеперс. «tištr» и новоперс. «tištar». Но не лишне указать на то, что засвидетельствованная персидскими лексикографами разновидность beštar или bištar провозглашается порождением лишь ошибочного чтения. Я пока ставлю вопрос: так ли это, когда индоевропейстическая этимология отпадает? Дело в том, что подобно казавшейся раньше префиксом начальной частице te- ↔ ti-, на самом деле пережитку первого элемента (С) в Ti-štar, Өe-šal (→ *Te-tal) и т. п., и начальный слог be- ↔ bi- (← re- ↔ ri-) является не префиксом, а пережитком элемента В в Re + las-g, и таковым может быть и в be-štar ↔ bi-štar. И едва ли здесь дело имеем с простой опиской арабского письма, ۛ вм. ۛ, ибо разновидность основы štar, resp. šar, именно представитель ее на низшей ступени — sar (resp. sal), сохранилась в персидском точно-нарочно с тем же пережиточным от элемента В слогом ri- → bi-, даже с удержанием возмещающей утрату плавного долготы ri- → bi- в словах ri-sa^h → bi-sa^h, названиях птиц [← ‘небо’] — ‘ворон’, ‘сорока’ (ср. арм. sar-ek ‘скворец’, но и ‘сорока’) и др. Потому надо быть осторожным с бракованием традиционных показаний и персидских лексикографов.

Однако Ti-štar в Армении отразилась не одной ‘ласточкой’ или ‘соловьем’, хотя хотелось бы оговориться, что яфетическая ‘ласточка’, больше чем ‘лошадь’, одна не бывает, ее появление в стране страшно грозное (грозит увеличением подлежащего нашему учету материала, и без того колоссального), для нас, яфетидологов, в этом смысле очень невыгодное предзнаменование везде, а тем более в Армении, где мы знаем, что армянские языки (их, ведь, вопреки западноевропейским смелым сравнительно с ориентированностью в действительном положении вещей утверждениям два, а не один) возникли на субстрате, скрещенном и из языков не только сибилантной ветви, и шипящей, и свистящей группы, но и спирантной ветви. Следовательно, в pendant к основе šar → šar по свистящей группе и šar (↔ šar) → šar (↔ šar) по шипящей мы в правееждать в спирантизированной разновидности gar || gor → gur, что в той же форме

¹ [‘Тот же смысл лексикографы персидские уделяют слову beštar, однако этимология самого слова доказывает, что это ложное чтение, чему соответствует Tistrya, что есть божественный гений Зороастрова учения; у многих эта сверкающая звезда называется Tistrya и является знаком дождя, проливающего воду на землю’].

Ti-gug (↔ Ti-gor) с позднейшим наростом элемента -an — Ti + gэг-an нам дает, точнее будет сказать, разъясняет хорошо известное по армянским преданиям имя мифического существа. Вопрос иной, что под пером «отца армянской истории» Хоренского или его источника этот Тигран обращен в царя Армении, про которого, теперь понятно почему, Хоренский пишет известные излияния, свидетельствующие о народном значении этого лика, о существовании народных эпических сказаний о нем, собственно, первично о ней, так как Тигран, впоследствии излюбленное имя и исторических деятелей Армении, это перерождение Иштари, связанное в народных творениях, быть может, с переходом матриархальной общности при прометеидах («индоевропейцах») в патриархат.¹ Не забудем отметить важность вскрывшейся разновидности имени богини И-штары — Ti-gug ↔ Ti-gug для выяснения дохристианского культового значения одной из древнейших христианских построек Армении — монументального храма в Тикоре или Дигоре.

Однако образ женского божества, богини любви, Иштари в Армении также пережил в лице эпической героини любви. Это армянское имя с армянским ласкательным окончанием -ik, с основой в составе двухэлементного скращения АС — Sar-žen в наличной полной форме Sar + žen-ik (→ Sa + žen-ik), если не учитывать особенности армянского языка терять второй предупредный слог, т. е. возможность архетипа *I-sar-žen- 'ik'.

Элемент žen основы общераспространен от Кавказа до Пиренеев; его разновидность с аканием мы имеем, как не раз указывалось, в названии армянской области Goł-žan (по-гречески Kol-žen-é), где было гнездо сказителей армянского эпоса, и в имени Tris-tan, в западной Европе героя, предмета любви Исольты (I-seul-t), кельтского перевоплощения Иштари, дружки армянской Сартеники, героини армянского эпоса.²

Итак, Иштарь, богиня любви, вышедшая из 'неба³-воды', успела переродиться в образ героини и страдальцы любви — Исольту (Iseult), имеющую также независимую параллель на Востоке иранском и армянском, в Сартенике у армян, если не *I + sar + žen-ik'e, и у персов в Висе (Wi-sa, → *wī-sar, ср. bī-štar, bī-sar,³ собственно *Wī-sal). Всех их первоисточник доисторическое население вообще Средиземноморья, быть может, вернее — Афревозии, в частности и Азербайджана. Не забудем, что в Азербайджане одна часть населения сохраняла в наиболее чистом виде плавный звук названия богини, племенного тотема, лучше чем месопотамцы своим I-štar или абхазы своим I-šar, сохранила она в основе своего племенного названия, это tal-əš'i. Не забудем, что талыши и теперь еще врезаются на юг в Персию, а в древности шли еще более на юг Каспия, в область Гургана, автор же персидской средневековой версии доисторического сказания «Виса и Рамин» происходил из Гургана, это Фахр-эддин Гургāнй.

¹ Ср. Н. Марр Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, стр. 59—61.

² Н. Марр, *Qarğvel eris kulturuhı tıblı enađ-međmegebis mıqedviđ* ['Культурный фронт грузинского народа с точки зрения науки о языке'], Младоб-и, Тифлис, 1925, отд. отт., стр. 36—52, особенно 46—48 и сл., специально о Тристане-Солнце см. Термины из абхазо-русских этнических связей, «Лошадь» и «тризна» (к вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения), Л., 1925, стр. 46, причем при анализе этих имен теперь требуется учет скращения и элементов вм. отпадающего для тех эпох префиксового да и суффиксового образования.

³ Выше, стр. 349.

Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (К датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах)¹

До сих пор существует фикция, что христианство есть или хотя бы было учение, созданное для страждущих и угнетенных. При этом предлог «для» в словах «для страждущих и угнетенных» имеется в виду понять в смысле 'на пользу названной массы', как известно, наиболее многочисленной в населении всех народов за все время господства всех религий, не исключая и христианства, а не в смысле эксплуатации «страждущих и угнетенных», в первую очередь трудящихся классов. До сих пор не в одном зарубежном буржуазном мире христианство считается наиболее к массам, низовым массам обращенным учением и, при переводе на терминологию современной социологии, для одних близ-пролетарским, даже прямо-таки пролетарским по происхождению (К. Каутский, Происхождение христианства, изд. 3-е, дополненное, с предисловием Д. Б. Рязанова, стр. 274 сл.), для других — внеклассовым. Естественно, при господстве подобного уже predetermined бытием и мышлением исследователей-филологов взгляда на земное значение с неба полученного учения постановка вопроса о классовости в таком документе христианского культа, как евангельский текст, может показаться дикой мыслью. Однако остается одно утешение для тех, кто доселе думает, что европейцы созданы из другого теста, чем азиаты, для тех, кто доселе верит, независимо от выставляемых ими лозунгов того или иного метода, в существование особых норм восточной культуры и соответственно выделяет на основе восточного *по территории происхождения* и памятники материальной культуры, как творения тоже особой кости (не белой, захваченной уже европейцами, а желтой или иной); для тех, кто, следовательно, всерьез признает способы производства на Востоке иными, чем то были или *по происхождению* суть на Западе, для всей их группы, весьма разношерстной, казалось бы, по общественным убеждениям и одинаково пропитанной доселе индоевропейстическим научным мышлением, остается утешение, что я мотивирую классовость евангельских текстов на грузинском и лишь по связи с ним армянском материале. О жестокой классовости армянского христианского учения не раз приходилось говорить еще задолго до Октябрьской революции на примере такого популярного проповедника XIII в., как Вардан Айгекский, и такого тонкого по изысканной книжной культуре ума, как Григорий Магистр.² Однако наше утверждение «классовости в грузинских версиях евангельского текста» вовсе не предполагает отсутствия борьбы классов или сословий в самой культовой книге, наоборот, на участке, занимаемом евангельскими текстами, части высокого культурного фронта

¹ Доложено в заседании Редакционно-издательского совета 19 июля 1930 г. [Напечатано в Докладах Академии наук за 1930 г., стр. 168—176.]

² Подробнее в печатающихся лишь теперь без изменения публичных лекциях 1906 г., повторившихся в 1916 г., об Ани, книжной истории и раскопках, стр. 29.

грузинской нации за средние века, отраженная классовая, госр. сословная борьба находит свое полное и очевидное выражение даже в разночтениях текста. Следовательно, к разночтениям и вообще к различным версиям грузинского евангельского текста нельзя относиться лишь с точки зрения их значимости для восстановления чтений предполагаемых подлинников на греческом или еврейском, госр. арамейском, языке. Иногда эти подлинники имеют разделить судьбу такой же фикции, как индоевропейский праязык. Оставаясь же в пределах интересов самой грузинской национальной истории, ни на различные версии, ни даже на, казалось бы, невинные чисто языковые, стилистические разночтения евангельского текста нельзя смотреть как на отрешенные от жизни явления, имеющие смысл и значимость лишь для языка или схоластически повторяемой истории культурных взаимоотношений народов, поскольку эти взаимоотношения исчерпываются тем, что могут дать миграции, заимствования и влияния. В разночтениях, да и в целых версиях, налицо, вне всякого спора, результат жестокой борьбы различных социальных групп, с одной стороны феодалов, с другой — торгового военно-служилого люда, построенного также по подобию соответственной общей социальной структуры эпохи феодализма, но черпающего творческую мощь и кадры своего состава из источника за пределами стабилизировавшегося тесного круга феодального сословия, окруженного традиционным ореолом изначальной родовитости. Этот источник кадров новой общественности за пределами высокой знати, в противоположении ей, обычно именуется народным, хотя по существу представляет лицо отнюдь не бедноты и не страждущих от бремени физического производительного труда социальных слоев, а тех же феодалов. Впрочем, и остающееся родовитое феодальное сословие нуждается в том, чтобы его не принимали за одну абсолютно недифференцированную массу. Дело — чрезвычайно сложное для анализа, особенно в эпохи, когда в Грузии не было еще отдельной письменной светской литературы (в Армении период с такими эпохами еще более длителен), и вся интеллигенция была или из христианского духовенства, монашеской ученой братии, или из светских феодалов, но все-таки того же монастырского образования. И соответственно в памятниках культовой литературы находили свой выход различные общественные течения, отнюдь не определяемые общностью «племенного» или «национального» происхождения, а разностью производственных организаций. Мировоззрения враждующих сторон классовой борьбы отлагались даже в переводных текстах, казалось бы, неприкосновенного «священного», и более того «святого (у грузин, как и у армян, 'священный' и 'святой' не различались терминологически) писания». Это происходило не только внесением часто родных языческих терминов и даже верований, взамен христианских, вообще библейских, но прямо-таки использованием, да и созданием, особой речи своей социальной группировки, своего феодального сословия, или речи своего класса, противоположного родовитому феодальному сословию, т. е. речи, обычно именуемой также «народной», что мы и продолжаем пока сохранять, хотя, несомненно, вожаками в проведении этого «народного» языка были только и представленные обычно в дошедших до нас рукописях «торговый люд» и «всадники-воины», организованным коллективом или дружинно странствовавшие.

по своей профессии социальные типы, равно цехово объединенные мастера, особенно каменщики, а творцами и рукоделами, хлеборобы. Дело текстуальной критики, следовательно (не мешает повторить), «чрезвычайно трудное», и когда речь об «Адышском евангелии», собственно о той требующей социологического определения версии, которая предлежит в этой грузинской рукописи, сохранившейся у сванов в селе Адыше (Адәш), то смешно весь напор своей исследовательской работы, весь интерес сосредоточивать на установлении даты написания, а не на существовании дела, именно на том, что в Адышском евангелии имеем версию на так наз. народной речи (= P), местами она кажется парафразом (см. М 23,5: нар. ფაგო ჯკუპან ვმ. დრ.-ლ. გასურჯიან) или своего рода таргумом древней феодальной версии (= F). Обычные ее виды в дальнейшем цитуются, поскольку речь будет идти о первых двух книгах евангелия, по академическому изданию (A), в основном тексте, представляющем чтение ркп. В (у нас A^b), т. е. Урбнисского евангелия, а в вариантах чтения или опизского списка (A^o), хранящегося на Афоне и в академическом издании обозначаемого буквой A, равно без всякого сигнала, или московского издания (A^m).

Остановлюсь для примера на стихе М 23,4, именно на сочетании весьма нестрогого состава *twrḡ-eb-1 mḏime* (A^b, A^o) 'вьюки тяжелые', где синтаксис — феодальный, также феодально, пожалуй, слово *twrḡ* в м. народного обычно *ṭwrḡ*, но не менее неблагоприятно это чтение с точки зрения «народной» (дружинной) речи, как можно видеть из сопоставления двух чтений (а, б), если бы они были верны каждое речи своего сословия:

а) если бы все народное	б) если бы все феодальное
<i>mḏime ṭwrḡ-eb-1</i>	<i>twrḡ-n-1 mḏime-n-1.</i>

В версии F — *twrḡ-1 mḏime-y* (A^b, A^m, т. е. P в последних двух списках с утратой окончания именительного падежа: *mḏime*).

Mḏime — народное слово, обычное поныне с тем же произношением, и на этом мы могли бы поставить точку, но неблагоприятно со всем стихом, поражающим своим многословием в списках грузинских (A^b, A^o, A^m) версии P, как в версиях армянской (V) и греческой (LXX), в которых тавтологическая мысль — LXX *καὶ δεσβάσταхта*, арм. V *ew djowarakirs*, груз. *da ḏni-ad satwrḡavḥ* (F: A^b, A^o, A^m), причем версия P, как и список A^o, повторяет грузинскую вульгату (F) полностью, представляя лишь формально диалектическую параллель *sa-twrḡ-vel* к *sa-twḡ-a+v*. Но в сирийской версии (S) только *āsr-īn mawble yaḡirāḏā* 'связывают вьюки тяжелые'.

Добавочная же часть армянской (V) и грузинских (F, P) версий, очевидно, вклад общественности греческой ориентации, хронологически, разумеется, более поздней, в Армении, однако еще тогда, когда речь идет об армянской родовитой феодальной знати, возглавляемой «иранской» династией Аршакидов. Сейчас не место заниматься отнюдь не праздной темой о происхождении Аршакидов, по-армянски *Aršakuni*,¹ но сомнения касательно персидского их происхождения

¹ Для индоевропейца Гюбшмана (Hubschmann) достаточно было указать, например, при толковании армянского топонимического термина «Аршакашен» (*Die altarmenischen Ortsnamen*, Strassburg,

делают термин «иранизм» в применении к ним столь же условным, если не сказать — мистическим, сколь в отношении тех вожakov «загадочного» и постольку вездесущего народа, которых мир знает на Западе под наименованием *skiša* 'скифы', на Востоке *sak*, resp. *šak*,¹ а сами себя называют *skol+o-t*. Потому позволительно поставить вопрос, не имеем ли в них, Аршакидах, если не скифскую социально-экономическую формацию, вернувшуюся после господства Ахеменидов из яфетических низов, куда они были загнаны ими, сместившими тех, что говорили на новоэламском (он же андзанский, мидийский и т. д., но называли также скифским) языке, не чуждом скифскому хотя бы потому, что слово 'сын' у них бесспорно из скифской тотемической среды: *šak*. Так-то работа последнего момента, после июльской поездки к удмуртам, возвращает нас к мидам-марам, как хозяевам языка 2-й категории Ахеменидских надписей. И в данном случае нам важно было бы и то, что они, Аршакиды, являлись исполнителями исторической роли социальной группировки с скифскими традициями, проверку чего мы могли бы искать в их наименовании, как пережитке тотемного термина. Дело в том, что на особую связь этой «династии» с армянской землей и с населением Армении указывает не одно исключительно длительное, притом первыми же днями появления Аршакидов датируемое архаичное господство их именно у армян. Архаична и армянская национальная форма их названия на *-un* — *Aršak-un*, известная как местная со времен клинописных летописей халдов (ср. хлд. *Eti-un*, *Raz-un* и др.) среди армянских княжеских родовых фамилий древнейших (*Amat-un*, *Aršar-un*, *Vaz¹ə¹-un*, *Rəšt-un*,² *Sahar-un*, *Tarber-un* и др.), среди позднее верховодивших князей, в частности *Bagrat-un*, имевших, однако, исключительную близость и к Аршакидам Армении как венцевозлагатели (*šag+a-dir*). Суффикс *un-^o/_i*, resp. *un-u*, может указывать не только на 'род', но и на 'строительство', как видно из чередования *Vaz-un+^o/_i-q* и *Vaz-kert³* 'Базаград' в области Ташир. И это дает смелость подойти к яфетидологическому

1904, стр. 405—406), что основа «Аршак» др.-п. «Ašāka», чтобы признать, раз она имеется в персидском, да еще в древнеперсидском, что «арийско-иранское» происхождение слова уже обеспечено и остается только восстановить по индоевропейстике его праязычный вид. Бартоломе (Bartholomae) его разъяснил, признав в *-ka* локательный суффикс. А все таки в данном случае сила материала взяла верх в поведении хотя бы армяниста Гюбшмана, по крайней мере формально, ибо он пишет: «Ašākašēn на вид от Аршака .. арм. šēn [шеvн] 'село', на самом деле переделано из šakašēn [Ш'кашеvн] по народной этимологии». Однако здесь никакой переделки нет, да еще по народной этимологии, когда на *Aršak* смотрите палеонтологически, как наследие тех, кто предшествовал индоевропейцам-персам, а не создание самих индоевропейцев (прометеидов). Др.-инд. ṛkṣaka- ровно ничего не привносит, кроме материала, требующего генетического разъяснения, а что то же слово появляется в роли названия горы (Barth.: «Name in-s Gebirgs»), то это только лишнее предупреждение против того, чтобы исходить из нашего термина, как ab ovo личного имени поздн йшего происхождения, или ставить его в непосредственную связь с нарицательным «ašān» 'муж', 'герой'.

¹ Материалы по этно-топонимике Армении с этим словом в основе см. Н. Марр. Термин 'скиф', ЯС, т. I, стр. 96—93 et pass., но тогда еще не было четырех лингвистических элементов, и формальный анализ с расклинкиванием *sk || shk*, разумеется, элиминируется теперь.

² Дела в смысле присутствия элемента *S* не изменит, налицо ли здесь спирантная разновидность {-h¹un} / {-šun} и т. д., не исключая и *kuše*, или сибилантия (-un и т. д.).

³ Слово *vaz* ↔ *maz* / (*raz* → *faz*) *vaz*, появляющаяся и самостоятельно в роли имени База, сына Мни-ваз у М. Хоренского (I, 12), значит 'отрок' (ср. груз., св *vaz*), т. е. это синоним арм. *Malik*, груз. *Viča*, следовательно, космически 'солнце', гер 'небо', отсюда и 'птица' (*vaz-eu* 'сокол', перс. *bāz* и др.), микрокосмически 'рука' (*vaz-ik* 'рука' и др.), тотемно в растительном мире и 'виноградная лоза' (груз *vaz*), играющая роль в легенде об обращении Грузии в христианство (см. печатающуюся работу «Языковедческая политика яфетической теории и удмуртский язык»).

анализу и самой основы Агшак в первую очередь с армянскими же материалами. Если это, действительно, тотем, то его разъяснение надо искать на почве яфетической стадии, где бы то ни была родина Аршакидов. Но зачем искать такую почву вне пределов Армении, где мы имеем ряд этно-топонимических пережитков с начальным аг, как то: Агшawir, Argam, Аршагuni, Artanud, Агберам?¹

В этом перечне, далеко не полном, мы не приводим случаев с утратой плавного, как в А-шawir ← Аг-шawir, куда, между прочим, относится и А-tra+pa-t-ākan || А-dar+ba-y-dan и др.

В наличных терминах перечня особого внимания заслуживает тотем, resp. 'божество пах' (Аг-šaq) с его двойником без нарицательного детерминатива (аг) — šaq-ur, племенное название социально-экономической формации еще архаичной яфетической системы: šaq (↘ sak) значит 'дрова' [← 'дерево'], но социально оно означало и 'дитя' (ср. мид. sak, resp. шак и шакгi). Идеологически 'дерево' в роли тотема, далее культового предмета, не только не встречается никакого препятствия в бытовых представлениях даже современной Грузии, вообще Кавказа, но, наоборот, его также надлежит последовательнее и ярче выявить в соответственных терминах. Так, например, в армянском названии области Тифлиса, самого Тифлиса фаут+а-каган наличие слова фаут 'дерево' не случайность, а свидетельство о тотеме 'дерево'. С другой стороны, в груз. sa-mošqe, уже разъясненном нами, как имя места sa- ('место') мо+šqe ('лес', 'деревья') = 'парк', 'сад', т. е. в чисто технологическом восприятии,² при тотемическом же подходе sa- (↙ sal, resp. sag) 'солнце' ~ 'рука', при полисемантизме и 'небо' ~ пространство ('место' ~ 'время') на соответственной стадии служил нарицательным именем 'тотем', а мо+šqe был специфический предмет культа, в данном случае 'деревья', resp. 'лес', но на иной стадии совсем иной предмет. Потому понятно, что слово используется в значении 'рай'.

Материально же заслуживает этот факт особого внимания потому, что šaq, являясь разновидностью sak (← *sak), дает сгруппировать вокруг тотема, как его дериваты, такие производственно-культовые термины, первейшие слова звуковой речи, основные слова примитивной хозяйственной жизни, как 'дерево' (→ арм. ša-č 'дрова'), 'собака' (перс. sa-g).³

Не приходится здесь напоминать о том, как клинописное халдск. Ar-din-i 'солнце' (божество) [+ 'день'] пережило в арм. ag-d (← *ag-t → г. a-t 'ныне', в говорах

¹ По принятому шаблону, общее у армянского с персидским считается вкладом персидского языка в армянский, общее с греческим — вкладом греческого, общее с турецким — вкладом турецкого в армянский, и потому Гюшман для толкования Агберам готов призвать на помощь арм. нарицательное агберам 'вырезки одежды у шеи', скроевое, мол, по образу и подобно греч. περιτόμιον, а Баз, конечно, персидским по происхождению.

² Н. Марр, К палеонтологич. речи по грузинской лексике. ДАН-В, 1927, стр. 79—81.

³ С этим становится совершенно ясным, какая материальная база подводится под наличием двух названий для 'собаки', одно из которых врака, по Геродоту (I, 100) — мидийское слово, другое, именно sa-g — тотемно-скифское. Мидийское слово также тотемно-субарское. Разумеется, в таких социально-экономических организациях, мировых для эпохи государств, как мидийское царство, вавское царство халдов, равно следовавшие за мидийским и халдским так наз. иранские царства, ахменидское и аршакидское, могли выявлять уровень общечеловечности не каких-либо примитивных тотемных обществ с зачатками речи. Речь обсуждаемой нами эпохи, аршакидской, в Иране вмещала в себе пережитки и парфян (субаров) и аршакидов (скифов).

a-te ↔ a-ti id., м. an-ti id., фонет. вм. ar-ti) 'ныне', 'сегодня' и т. п., или как в арқау (← *ar-qan) в усечении ar-q 'царь' (← 'тотем'), что налицо в основе производного нарицательного имени ar+q-un 'дворец' и т. п., но едва ли в топонимическом термине Арқуша-шеун, названия села в области Дзорапора; здесь составное слово не с 'дворцом', что дало бы бессмыслицу — 'построение дворца', а с самостоятельным тотемным термином, названием культового предмета или коллектива, впоследствии личного имени, и в таком случае анализ по элементам даст Ar-qun-^о/₁, что, вопреки вых, нас приводят к a-kən ↙ a-kun || в акт.-косв. падеже a-kan 'глаз' микрокосмически, космически — 'солнце', и это оставило след в разбираемых ниже словах сугубо-скрещенного образования со значением 'солнца'; самостоятельно пережиток того же значения сохраняет нарицательное имя a-kən, когда оно используется в смысле 'света' или 'предмета почета' или 'благоговения' в глагольном построении akən at-em 'верю', 'реверю'; того же происхождения восходящий к полному виду a-kən в архетипе *har-kən (→ *har-gən) своей усеченной основой 'y'ar-g глагол yar+g-em 'почитаю', 'уважаю'. С переходом со стадии космического мышления на технологическую стадию то же слово, уже в значении 'руки', служит основой глаголов har-k 'бей' и ar k 'брось', и такие же двойники выявляются у слова a-kən (↙ *ar-kun) при огласовке первого члена гласным «е» у грузин er-qwaц (← erqan ↔ *er-qun) 'плуг' (в связи с культовым значением этого орудия земледельческого производства и со скифской легендой об его небесном происхождении), усеченно у самих армян потому же с двояким восприятием, технологическим ('рука') — er+k-q 'труд', 'работа' (ср. er-kən 'роды', 'муки') и космически культовым — her-k 'пахание', 'пахота', er-g 'игра', 'песня' (← магическое действие в честь тотема erg'a — yer+g'a), не говоря уже прямо-таки о значении 'неба' er-kin (в свою очередь в связи с металлом 'железо') и т. п.

В значении 'солнца' армянский язык выявляет вклад социальной группировки с элементом D (ROШ) в спирантном оформлении ге (← *geh). И с этим элементом двоякое осмысление: технологическое (*'рука' — 'способ', 'образ') — у грузин ге 'образ', между прочим в местоимении es-ge-yə 'таким (буквально 'этим') образом' и у армян в союзе 1+b-ge-w 'как' (буквально 'каким образом', 'когда' и т. п.), космическое в составе скрещенных слов a-ge+v 'солнце' (с эканием первого члена, усечения er-, в глаголе e-ge+v-ц 'являться' и вовсе без первого члена Re+v — имя одного из царей начальной легендарной эпохи истории Грузии) и a-ge+g 'солнце'.

Если имя Re+v из одного же династического списка с Ro-k ~ R1-k¹ с целым рядом нарицательных имен древнейшего словарного фонда приводит к объединению соответственной социальной группировки, u-гаш-t'ской или u-гар-t'ской, Ванского района Армении, E-гуш'ской (обл. E+гуш-eš) и Ra-ť'ской в Грузии и русской в восточной Европе, чтобы не растекаться далее на запад, то ar || er, элемент A, обращает наше внимание на мир финский, да древнерусский, хотя бы тем, что yar → er ~ sar (↗tar → tar) 'солнце' → 'день' и т. п. находит своего

¹ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 59, 61.

двойника у финнов в удмуртском или вятском аг 'год' и у русских в нарицательном имени «яръ» и личных именах «Яро-полк», «Яро-слав» и т. д.

Но еще сложнее дело, когда тоекратно скрещенные термины а-ге-у || а-ге-г скрещиваются уже вторично с двухэлементным а-кәп 'глаз' (← 'солнце' / а-кәп-), в русском представленным дериватом 'солнца' — «о-гон-ь» (← о+кәп-е):¹ это а-кәп из *аг-кәп 'глаз' (← аг+е-у-а+кәп или аг+е-г а+кәп 'солнце'), грузинами-феодалами в древности понимавшееся с обычным у армян народным употреблением второго слова скрещенного образования в микрокосмическом лишь осмыслении и так переводившееся mzis-ḡo+wal 'глаз солнца'.²

Само слово аг, гесп. аг, служащее основой армянских глаголов аг-^г-^ә-^п-^ә 'делать' (др.-л.), 'братъ' (нар.), аг-^ә-^п-^ш 'братъ', восходя к слову аг ['рука'], самостоятельно в разновидности аг используется у армян-феодалов в значении предлога 'около', 'близ', 'к', уже в роли термина микрокосмического, как у грузин-феодалов то же слово с эканием ег (← уег, гесп. һег → е) служил последогом 'через' (ш-ег, буквально 'через него'), 'от-' (ш-ег 'оттуда'), восходя семантически к 'руке' (см. арм. әндәг ← әнд-һег 'около', буквально 'у руки', әндәгакау 'ассистент', аг ег-^г 'около'). Оба слова богато представлены и в этнонимике, и топонимике, равно в древнейшем фонде грузинского и армянского словарей.

И это поныне общеупотребительное аг является не просто членом скрещенного образования в перечисленных выше этно-топонимических терминах, а своего рода детерминативом, звучанием клинописного знака >—| или >—⁺, нами вслед за кунеологами, специалистами по месопотамским текстам, передаваемого в звуковой речи его синонимом, элементом С — ал. Ведь, так наз. теофорными именами, т. е. с тем же детерминативом, в клинописи являются не только названия богов, собственно тотемов на ранних стадиях, но и такие нарицательные для нас имена, как 'год' >—⁺—|, мегаллы 'свинец' >—⁺—⁺—| и др.

И в таком случае название аг-шак в функции тотема расшифровывается как детерминатив аг (тотем, гесп. впоследствии божество) шак, гесп. sak, т. е. 'скиф'.

Оставляя для специальной трактовки иные материалы, льющие воду на нашу мельницу, мы возвращаемся к варианту с добавочным чтением, вкладом позднейшей феодальной группы греческой не только ориентации, но и общности, внесившей грецизмы и в бытовую речь, чем, между прочим, объясняется появление греч. ἐκκλησία и в литературе совершенно неочевидное иваче, именно при письменном пути прохождения, ибо оно у армян звучит ekeleḡi.

Трудно при полном пренебрежении к яфетидологической проработке и живой и письменной речи, решить, каковы соотношения между чтениями М 23,5 — სპილექლად || სპიქებულად А^м. Тут на простом сопоставлении феодального или древнелитературного и «народного» ничего не построить. Таково же положение

¹ Н. Марр, Семантическая палеонтология в языках не-яфетических систем, предназначено к изданию в ГАИМК [напечатано в И вестях ГАИМК, т. VII, вып. 7—8].

² Случай такого толкования грузинами армянского слова давно наблюден (Ипполит, Толкование Песни Песней, ТР, т. XVI, стр. VI; Физи-лог, ТР, т. VI стр. 51, 70), но тогда (более чем четверть века назад) термин разъяснялся формальным методом, представления о широком применении скрещенного в образовании слов не было и в -акәп → -ак усматривался суффикс, и только.

с разночтениями (М 23,4) *h-nebavp* и *u-neb-p* (A^m), к народному, resp. модернизму тяготеет ед. ч. *ჟოჯოჯებს სჯჱებს* A^m при мн. ч. *ჟოჯოჯობს სჯჱობს* остальных версий (М 23, 5) и то же можно сказать, как о позднейшем привносе, об отсутствии др.-л. мн. ч. в чтении *twrḡebi mḡimeu* или *twrḡi mḡimeu*. Архаизм же образования мн. ч. на -d в 3-м л. — *iqme-d* (М 23,5) также может быть не преданием древнеписьменной речи родовитых феодалов, а вкладом живой речи дружинников.

В том же стихе в значении 'плеча' вм. народного *mḡar* (ныне *mḡar*) в чтении *mḡarḡa zeda* 'на плечах' Р дает его синоним *bet* (*betḡa zeda*), обычно означающий и в живой речи 'лопатку', но оно, несомненно, под пером писца-редактора адышской версии означало 'плечо', так как, являясь дериватом *beḡt* (✓ *berḡ), разновидности народного армянского *meḡ-q* (← *meḡd-q*) 'спина', 'хребет', поддерживается двойником по шипящей группе *barḡg*, сохранившемся у сванов в виде *barḡ* со значением именно 'плеча' (о *barḡg*, наличном как в мегрельском, так и в грузинском в значении 'столба', речь будет особо). И в этом случае кажущийся сванизм, оказывающийся мегрелизмом или чанизмом, достоянием шипящей группы, может оказаться у грузин вкладом бер-ионской или бер-зенской производственно-социальной группировки. И здесь вопрос не может быть решен, если число борющихся сословий будет ограничено двумя, феодальным и народным. Потребность резче выдвинуть дружинную группу.

И когда, наконец, по сравнению с основной и первичной частью грузинского чтения стиха М 23,5 в значении 'тяжелого' вместо народного *mḡime* добавочный вклад содержит архаическое слово *ḡm-ad*, то приходится признать, что обмен прилагательными произведен интерполяторами опять-таки из феодальной греческой общестственности, более близкой к народным массам. Они-то имели основание прикрыть свою позднейшую вставку словом *ḡm-* (← *ḡne* ← *ḡen*, resp. *ḡen-e*) 'тяжелый', в народном наличным со значением лишь 'трудный', во, несомненно, означавшим 'тяжелый', 'увесистый' не только по связи с г. *ḡop-a* 'вес', но и по его шипящему эквиваленту **ḡan-ur*, в армянском наличному в виде *ḡan eḡ* (✓ *ḡan-ur*) 'тяжелый', именно в первичной части стиха, где стоит по-грузински *mḡime* и где надлежало быть **ḡen-al*, но об этой морфологической разновидности особо. Пока достаточно знать, что ориентировочные результаты по общественной классификации евангельских разночтений вынуждают присвоить «народную версию» (Р), представленную в Адышском списке с его «народными» особенностями речи, дружинно-торговому классу нового грузинского царства с его производственным языком и потребностями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

- Адышское евангелие 353—358
 Aratis.—*Φαιγόμενα καὶ διοσόμενα*, Rec. Maas, Berolini, 1893. 344
 Aristoteles.—*Historia animalium*. 129
 Athenaei.—*Diphosophistae*, ed. Kaibel, 1887—90. 208. 210. 336. 345
 Azkue, Res. Maria, de.—*Fonética vasca*. Bilbao, 1919. 326
 Baetgen, Fr.—*Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. Der Gott Israels und die Götter der Heiden*. Berlin, 1888. 328
 Bartholomae, Ch.—*Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1902. 349
 Barton, G. A.—*The origin and development of Babylonian writing*, Baltimore. 1913, 326
 Bechtel, Fr.—*Die griechischen Dialekte*, II. Berlin, 1923. 300
 Беридзе, В. Г.—*Грузинский глоссарий*. МЯЯ, VI. Спб., 1912. 291
 Библия 136. 147. 166. 201. 215. 241. 316
 Богданов, А. А.—*Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления*. ВКА, 1925, X, 67—96. 78—82. 84
 Богданов, А. А.—*Падение великого фетишизма*. М., 1910. 82
 Богданов, А. А.—*Наука об общественном сознании*. 3-е изд., М., 1923. 82. 83
 Богданов, В. В.—*Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей*. ЗО, 1916. 225
 Boll, Fr.—*Spraea. Neue griechische Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Steinbilder*. Leipzig, 1903. 343. 344
 Braun, Fr.—*Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen*. JS, I Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1921. 343. 344
 Брим, В. А.—*Термин «Скоморох»*. ЯС, II, 94—97. II., 1923. 30
 Brown, R.—*The myth of Kirke*. 1883. 320
 Brown, R.—*Remarks on the Zodiacal Virgo*. Yorkshire Archaeological Journal, 1886, XX XVI. 320
 Brown, R.—*The Celestial Equator of Aratos*. Transactions of the IX Int. Congr. of Orientalists, II Lond n 1893. 320
 Boisacq — *Dictionnaire étymologique de la langue grecque* 11. 129. 132. 143. 201. 209
 Bouché-Leclercq—*L'astrologie grecque*. Paris, 1872. 344
 Walde, A. — *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. 2-te Aufl., Heidelberg, 1910. 11. 23.
 Varronis—*De lingua latina*. 208
 Веды 50
 Weidner E. F. — *Zum Alter der Babylonischen Astronomie* Berlin. 19 5. 338
 Weidner, E. F.—*Der Schwalbenfisch*. *Babyloniaca*, VI 1912. 338. 340—342. 344
 Веселовский, А. Н. — *Разыскания в области русских ухловных стихов*, вып. 5. 323
 Wessobrunner-Gebet—*средневековая верхнегерманская ие ца*. 319
 Wilamowitz-Müllerdorff. U. von.—*Staat und Gesellschaft der Griechen*. Leipzig, 1910. 26
 Winckler, H.—*Altorientalische Forschungen*. 3 Serie, Bd. I, Heft I. 316
 Winckler, H.—*Geschichte Israels in Einzeldarstellungen*, 2 B-de. Leipzig., 1895—1900. 316
 Winckler, H. в *Helmolt's Weltgeschichte*, III, 38. 316
 Виса и Рамин—*персидский роман*. 39. 102. 205. 313. 350
 Heisenberg, A.—*Grabeskirche und Apostelkirche*, I. Leipzig, 1908. 207. 210. 214
 Helmolt—*Weltgeschichte*, B. III. 316
 Hehn, V.—*Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa*. Berlin, 1870. 345
 Germani, patr. Constantinop.—*Mystagogia*. 207
 Геродот.—*История*. 52. 129. 256. 355
 Гесиод.—*Теогония* 50
 Ги ыгамеш—*древнеавилонский эпос*. 310.
 Hommel, Fr.—*Zum Namen der Pleijaden*, OLZ, 1913, № 13, 13—14. 346
 Hommel, Fr.—*Die Identität der ältesten babylonischen und ägyptischen Göttergenealogie und der babylonische Ursprung der ägyptischen Kultur*. Transactions of the IX Internat. Congress of Orientalists, II. London, 1893. 347
 Гомер—*Одиссея*. 20
 Horati.—*Carmna* 210
 Horn.—*Grundriss der neuersischen Etymologie*. Strassburg, 18 13. 185
 Greek Papyri in the British Museum, I. L., 1891, 136. 344
 Grundemann, K.—*Neuer Missions-Atlas aller evangelischen Missionsgebiete mit besonderer Berücksichtigung der deutschen Missionen*. 2-te Aufl., Stuttgart, 1903. 95
 Даль, В.—*Толковый словарь живого великорусского языка*. 3-е изд., Спб., 1903—1909. 185. 193. 232
 Deimel, A.—*Pantheon Babylonicum Nomina deorum et textibus cuneiformibus excerpta et ordine alphabetico distributa*. Romae, 1914. 309. 314. 315. 319. 328 330
 Delitzsch, Fr.—*Wo lag das Paradies?* Berlin, 1881. 241
 Delitzsch, Fr.—*Assyrische Lesestücke*. 5-te Aufl., Berlin, 1912. 337
 Delitzsch, Fr.—*Summerisches Glossar*. Leipzig, 1914. 126
 Джанашия, Н. С.—*Религиозные верования абхазов*.—ХВ. 1915, IV, 72—112. 328
 Дигесты 76
 Dhorme, P.—*Choix de textes religieux Assyro-Babyloniens*. Paris, 1907. 320
 Dottin, G.—*La langue gauloise. Grammaire, textes et glossaire*. Paris. 1920. 133
 Dräseke.—*Marcus Diaconus. Gesammelte Patristische Untersuchungen*. Altona und Leipzig, 1839. 209. 211. 212. 213
 Du Cange, Ch.—*Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vratislaviae, 1891. 206. 208

Евангелие 42. См. также Адышское евангелие. Урбнисское евангелие.

Ingoikva, P.—Rusthaveliana. Тифлис, 1926. 355

Jeremias, A.—Das alte Testament im Lichte des alten Orients. 2-te Aufl., Leipzig, 1906. 308. 309. 319

Jeremias, A.—Izdubar-Nimrod. Leipzig, 1891. 313. 321. 325

Joanni Chrostostomi.—Homilia III in Epistol. ad Ephes. 205

Карев, Н. А.—Теория познания. Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП, 1930, № 3. 113

Кауцкий, К.—Происхождение христианства. Изд. 3-е. 351

King, W.—Letters and inscriptions of Ham-murabi. London, 1900. 319

Кипшидзе, И. А.—Мингрелизмы и грузинских надписях из Мингрелии. XV, 1916, IV, 315—317. 204

Кипшидзе, И. А.—Грамматика мингрельского (ивсурского) языка с хрестоматией и словарем МЯЯ, VII. Спб., 1914. 87

Clédat — Dictionnaire étymologique de la langue française. 2-^e édit., Paris. 191

Clement-Gauthier, Ch.—L'Hieracleon de Rabbat-Ammon-Philadelphie et la déesse Asteria. Reueil d'archéologie orientale, vol. VII. 335

Klingenhöfer, A.—Zu den Zählmethoden in den Berbersprachen. Zeitschrift für Eingeborene Sprachen, 1926, XVII. 300

Ключевский, В. О.—Курс русской истории, т. I, М., 1918. 311

Contenau, G.—La civilisation assyro-babylonienne. Paris, 1922. 310

Corpus juris Justiniani.—134

Craig, James A.—Assyrian and Babylonian religious texts, I.—Assyriologische Bibliothek, XIII. Leipzig, 1895. 308. 330

Kraus, Fr.—Realencyklopädie der christlichen Altertümer, 2 B-de. Freiburg, 1882—1886. 210

Kretschmer, P.—Sprache Einleitung in die Altertumswissenschaft, I. Leipzig, 1912. 336

Cunow, H.—Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, Berlin. 1923. 43

Lagrange, Marie-Joseph.—Etudes sur les religions sémitiques. Paris, 1908. 315. 328. 329

Lubbock, John.—Die vorgeschichtliche Welt, 2 B-de. Deutsch von Passow. Jena, 1875. 126

Leist, V. W.—Arisches jus civile, Jena, 1892. 45

Ленин, В. И.—Конспект книги Лассала «Философия Гераклита Темного из Эфеса». Ленинский сборник XII, 293—320. М., 1930. 120

Lidzbarski, M.—Handbuch der nordsemischen Epigraphik, I. Wein, 1908. 314.

Lucretius.—De rerum natura. 208

Luchaire, D.-J.-A.—Les origines linguistiques de l'Aquitaine. Paris, 1877. 27

Macalister, R. A. Stewart.—The Philistines, their history and civilisation. London, 1914. 210—212. 217

Malcovati, E.—Le idee degli antichi sulla humanita primitiva. Reale Istituto Lombardo di

scienze e lettere. Rendiconti, serie II, vol. L, 465—476. Milano, 1917. 48—51. 55.

Марченко, А.—Роман без нравя. Л., 1927, «Приб йн». 307

Маркс, К.—Нищета философии. 75. 77

Март, Н. Я.—Этимология армянского «сепу» и грузинского «сепе». ЗВО, 1891, V, 307—3. 9. 190.

Март, Н. Я.—Этимология двух терминов армянского феодального строя *seruh* =* *seruh* и *pačarar* =* *pačarar*, ЗВО, 1899, XI, 165—174. 190

Март, Н. Я.—Ипполит. Толкование Песни Песней. Грузинский текст по рукописи X в., перевод с армянского. Исследование, перевод, издание. ТР, III. Спб., 1901, 6 + XIV + 32 + 67 [докторская диссертация] 357

Март, Н. Я.—Грамматика древнеармянского языка. Этимология. Спб., 1903, XXXVII + 303. 290

Март, Н. Я.—Физиолог. Армяно-грузинский язык. Грузинский и армянский тексты, исследование, издание и перевод. ТР, VI. XXI + 130. 357

Март, Н. Я.—Крещение армян, грузин, абхазов и алабов св. Григорием (арабская версия) ЗВО, 1905, XVI, (3)—211. 20

Март, Н. Я.—О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. Предварительный отчет. ТР, X. Спб., 1907. IV + 64. 200 212

Март, Н. Я.—Яфетическое происхождение армянского слова *magareu* 'пророк'. ИАН, 1909, 11: 3—1158. 342

Март, Н. Я.—Яфетическое происхождение *hai* [] кого *betan* 'рот'. ИАН, 1910, 1491—1494. 192

Март, Н. Я.—Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем МЯЯ, II. Спб., 1910, VIII + XXVI + 240. 288

Март, Н. Я.—Еще о слове «челеби» (к вопросу о культурном значении курдской народности). ЗВО, 1911, XX, 99—151. 346

Март, Н. Я.—Дневник поездки в Шавшетию и Кларджетию ТР, VII. 216

Март, Н. Я.—Бог Sabadios у армян. ИАН, 1911, 759—774. 262

Март, Н. Я.—К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, V. Спб., 1912. 242

Март, Н. Я.—Фрако-армянский Sabadios-aswat и сванское божество охоты. ИАН, 1912, 827—830. 262

Март, Н. Я.—Яфетические элементы в языках Армении, V. ИАН, 1913, 175—181. 180

Март, Н. Я.—Древне-грузинско-русский словарь к 1—2 главам евангелия Марка. Спб., 1913. 289. 291

Март, Н. Я.—Из поэток в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.) XV, 1913, I, 1—30. 287

Март, Н. Я.—Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (предварительное сообщение) ЗВО, 1913, XXII, 31—106. 14 15 265 281 290

Март, Н. Я.—Яфетические элементы в языках Армении, VII. ИАН, 1914, 357—364. 185

Март, Н. Я. — Яфетические названия деревьев и растений (*Pluralia tantum*) ИАН, 1915, 769—781, 821—852, 937—950. 204

Март, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении IX. ИАН, 1916, 233—238. 271

Март, Н. Я. — Описание Дворцовой церкви в Ани. Анийские древности, I. СПб., 1916. 200.

Март, Н. Я. — Ossetica-Japhetica, I. Oa-
fond-i ossetinских сказок и яфетический тер-
мин faskpnd 'мат', 'вестник', 'вещающая птица'.
ИАН, 1918, 2069—2100. 256. 323. 336.

Март, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении, XI. ИАН, 1919, 395—414. 268

Март, Н. Я. — Армянский термин aḡaḡu 'мат' || 'жрец' → 'жрец-вождь', 'жрец-царь' → 'вождь' || 'царь'. ИАН, 1920, 10—111. 87

Март, Н. Я. — Нарциссительно-значение термина ǰera в «митанских» женских именах (по яфетическим данным). ИАН, 1920, 121—127. 326

Март, Н. Я. — Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. МЯЯ, XI. Левшицы, 1920, 2. 4. 36. 86. 292

Март, Н. Я. — Надпись Русы II из Маку. ЗВО, 1921, XXV, 1—54. 279

Март, Н. Я. — Астрономические и этнические значения двух племенных названий армяв. ЗВО, 1921, XXV, 229—256. 167. 217

Март, Н. Я. — Кавказские племенные названия и их местные параллели. ТКИПС, V, II, 1922. 216

Mart, N. — Du terme basque «udagara» 'lout'e'. ЯС, I, 1—30. II, 1922. 9. 236

Март, Н. Я. — К вопросу об яфетидизмах и германских языках. ЯС, I, 43—56. II, 1922. 20. 201

Март, Н. Я. — Термин «скиф». ЯС, I, 67—132. II, 1922. 16. 202. 209. 216. 354

Март, Н. Я. — 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрuscoго племена и еще два этапа его миграции ЯС, I, 133—136. II, 1922. 20. 201

Март, Н. Я. — Яфетиды. «Восток», 1922, I, Si—92. 5. 156. 272

Mart, N. — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges. Petr., 1922. 24. 156. 164. 217

Mart, N. — Die Japhetiten. Der Neue Orient, 1923, № 8, 262—268. 5

Март, Н. Я. и Орбели, И. А. — Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Изд. Руск. Археологического общества, II, 1922. 275. 350

Март, Н. Я. — К изучению современного грузинского языка. Изд. ПИЖВЯ, II, 1922. 250

Март, Н. Я. — Чем живет яфетическое языкованье (на грузинском языке и яфетидологическом письме). Изд. ПИЖВЯ, II, 1922. 246

Mart, N. — Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc'. ЯС, II, 137—167, II, 1923. 337

Март, Н. Я. — К толкованию имени Гомер. ДАН, 1924, 2—5. 268

Март, Н. Я. — 'Смерть' || 'преисподняя в мегополамско-эгейском мире. ДАН, 1924. 12—14. 156

Март, Н. Я. — О 'небе' как гнезде праздничей. ДАН, 1924, 23—26. 337

Март, Н. Я. — Яфетические герезифания в классических языках и 'в'ра' в семантическом кругу 'неба' ДАН, 1921, 29—31. 156

Март, Н. Я. — Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИРАИМК. III, 257—287. 169

Март, Н. Я. — Заметки по яфетическим клинописям ИРАИМК, III, 288—298. 37. 333

Март, Н. Я. — Об яфетической теории. НВ, 1924, V, 303—339. 156. 164. 271. 326

Март, Н. Я. — Термины из абхазско-русских этнических связей Термины «Лошадь» и «Тризна» (к вопросу о племенном происхождении средне-морского населения) Изд. Наркомпроса Абхазии. Л., 1924. 267. 337. 350

Март, Н. Я. — Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков *πρωτόν*. у римлян *атлнш* ИАН, 1924, 225—236. 156

Март, Н. Я. — Название этрусского бога смерти *Kaln* и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт-слепец' ИАН, 1921, 183—194. 268

Март, Н. Я. — Из яфетических пережитков в русском языке I. «Мяч». II. «Шлемя». III. «Красный». ДАН, 1924, 65—67. 156

Март, Н. Я. — По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской транскрипции VII в. (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). ТРФ, I, 66—125. Л., 1925. 265

Март, Н. Я. — Иберо-этрusco-италийская скрещивающая племенная среда образования индоевропейских языков. ДАН, 1925, 9—10. 156

Март, Н. Я. — Краеведение. Изд. Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа. Лея-Махач-Кала. 1925. 156. 313

Март, Н. Я. — Культурный фронт грузинского народа с точки зрения науки о языке. Младовц, 1925, № 4 (12), 192—211 в № 5/6 (13/14), 289—328, Тифлис (на грузинском языке) 123. 224. 350

Март, Н. Я. — Из поездки к европейским яфетидам. ЯС, III, 1—64. Л., 1925. 164. 259. 296. 297

Март, Н. Я. — Грамматика древнелитературного грузинского языка. МЯЯ, XII. Л., 1925. 255. 289. 322

Март, Н. Я. — Ольгия и Альба-Донга. ИАН, 1923, 663—672. 87. 164

Март, Н. Я. — Приюльские и соседские с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. ИАН, 1925, 673—698. 124. 167. 168. 267

Март, Н. Я. — Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этнографии восточной Европы). ВС, I, 123—166. Л., 1926. 267. 275

Март, Н. Я. — Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или

- классовых, в русской речи и топонимике. Чув. Госиздат, Чебоксары, 1926. 164
- Март, Н. Я. — К вопросу о названиях рек Сибири и о свете на яфетической теории. ИАН, 1926. 349—354. 124
- Март, Н. Я. — Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'. ИАН, 1926, 385—397. 124 335
- Mart, N. — Ueber die Entstehung der Sprache. «Unter dem Banner des Marxismus», Heft 3. 1926. Januar. 222. 292
- Март, Н. Я. — Нама 'брат' || 'кровь'. Сборник в честь С. А. Жебелева (рукописный), 456—462 Л., 1926 244
- Март, Н. Я. — Яфетическая теория и семантика китайского языка. ДАН, 1926, 39. 36
- Март, Н. Я. — Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры). Изд. КИАИ, Л., 1926. 47
- Март, Н. Я. — Русско-«человек», абх. аоуџ. ДАН, 1926, 81—81. 156
- Mart, N. — De l'origine japhétique de la langue basque. «Язык и литература», I, 261—278. Изд. ИЛЯЗВ, Л., 1926. 262. 263. 333
- Март, Н. Я. — Две новые работы Ф. С. Ухленбек'а по бабкскому языку «Язык и литература», I, 193—260. Изд. ИЛЯЗВ, Л., 1926. 258 331
- Март, Н. Я. — О полигении семантики ('брат' и 'кровь'). ИАН, 1926 781—786. 124 244
- Март, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические — 'солнце' и 'луна'. ДАН, 1926, 93—95. 329
- Март, Н. Я. — Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево'. ДАН, 1926, 109—111. 166
- Март, Н. Я. — Скифский язык. ПЭРАТ, 336—337. М.-Л. 1926. 156. 162. 165—167. 183. 251. 277. 273. 338
- Март, Н. Я. — Чуваши-яфетиды на Волге. Чув. Госиздат. Чебоксары, 1926. 147. 156. 164—166. 169. 232. 268. 272 278. 322. 333
- Март, Н. Я. — Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры СГАИМК, I, 37—70. Л., 1926 156—158. 161. 272
- Март, Н. Я. — Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории). ДАН, 1923, 133—134. 286
- Март Н. Я. — Абхазско-русский словарь. Посobie к лекциям и в исследовательской работе. Изд. Акад. абх. языка и литературы. Л., 1926. 186. 255. 256. 277. 287
- Март, Н. Я. — Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. «Книга о книге». 45—82. Изд. Института книговедения. Л., 1927. 156 163. 184. 332
- Март, Н. Я. — Значение и роль изучения наименьшества в краеведении. «Краеведение», IV, 1927, № 1, 1—20. 87. 163—165
- Март, Н. Я. — К палеонтологии речи, по-грузинской лексике. ДАН, 1927, 79 82 355
- Март, Н. Я. — Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огла-
- совке мокша и эрзя мордовского языка. ДАН, 1927. 143—147. 284. 285. 301. 305
- Март, Н. Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине тюркских языков. «Под знаменем марксизма», 1927, № 6, 18—60. 346
- Март, Н. Я. — Иштарь (от богини матриархальной Афревразии д. героини любви Феодальной Европы). ЯС, V, 1, 9 178 Л., 1927. 164
- Март, Н. Я. — О числительных (к постановке генетического вопроса). (Сборник «Языковедные проблемы по числительным», I. Л., 1927, 1—96. 161 165. 166
- Март, Н. Я. — 'Зима' || 'смерть' (из палеонтологии речи). ИАН, 1927. 325—332. 333
- Март, Н. Я. — О слоях различных типологических эпох в языках протетической системы. ИАН, 1927, 333—344. 183
- Март, Н. Я. — К Rurhaveliana. ИАН, 1927, 361—368. 267
- Март, Н. Я. — Готтентоты-средиземноморцы. ИАН, 1927, 405—416. 152. 162
- Март, Н. Я. — Яфетическая теория. Изд. Восточного факультета Азербайджанского Гос. университета им. В. И. Ленина. Баку, 1928. 155. 266
- Март, Н. Я. — Из Пиренейской Гурин (к вопросу о методе). Известия КИАИ, т. V, 1—62. 165
- Март, Н. Я. — Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском. ДАН, 1928, 219—226. 151. 161
- Март, Н. Я. — Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. Сборник «Языковедение и материалы. м». Изд. ИЛЯЗВ. «Прибой», Л., 1929, 1—56. 98
- Март, Н. Я. — Карфаген и Рим, fas и jus. СГАИМК, II, 372—415. 156. 160—164. 182
- Март, Н. Я. — Суоми-карельские и сомехкарские языки (предварительный отчет). ДАН, 1929, 29—33 169
- Март, Н. Я. — Напутствие к Сборнику аспирантов ГАИМК. Л., 1929. 1—10. 193
- Март, Н. Я. — Яфетические зори на украинском хуторе (Бабужкины сказки о Свинье-Красном Солнышке). Ученые записки Института народов Востока СССР, I, 1—86. 87. 182. 185. 356
- Март, Н. Я. — Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. Сборник «На боевом посту». Гиз, 1930. 361—384. 87
- Март, Н. Я. — Какая доля у грузинского языка в мировой истории звуковой речи. Изд. Академии наук ССР Грузии. Тифлис, 1930 (на грузинском языке). 193
- Март, Н. Я. — К семантической палеонтологии в языках не-яфетических систем. ИГАИМК, VII, вып. 7—8. 357
- Март, Н. Я. — Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Изд. Научно-исследовательского Института народов (восточного Востока). Цитриздат, М., 1931. 120. 355
- Март, Н. Я. — Новый поворот в работе по яфетической теории (из результатов научной командировки в Германию). ИАН, 1931, 637—682. 100

- Marr, N. et Brière, M. — La langue géorgienne Paris, 1931, édit Firmin-Didot 188
- Март, Н. Я. — Книжная история города Ани (печатается). 351
- Мачавариани, К. Д. — Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абха и Сухум, 1913. 328
- Meyer, A. u. — Jesu Mutter-sprache. Das galiläische Aramäisch in seiner Bedeutung für die Erklärung der Reden Jesu und der Evangelien überhaupt. Freiburg i. B. u. Leipzig. 1896. 210
- Meyer, E. — Nimrod. Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1888, Bd. XII. 54
- Meyer, E. — Geschichte des Altertums. Berlin, 1909. 209
- Meissner, Bruno. — Assyriologische Forschungen, I. Leiden, 1916. 206
- Milani, L. A. La fibula Corsini e il templum coeleste degli Etrusci. Rendiconti della R. Accademia dei Lincei, XXI, 315—330. 346
- Миллер, В. Ф. — Осетинские этюды, М., 1882—87. 260
- Moltke, H.-K. — Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei. 4-te Aufl., 1882. 343
- Müller, Fr. — Ghazar Pharpetsi und Koriun. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, V, 1891, 31 сл. 186
- Münter, Fr K — Religion der Babylonier. Copenhagen, 1827. 314
- Muss-Arnolt. — Assyrisch-Englisch-Deutsches Handwörterbuch. 125, s. v. istar. 318
- Начальный летописный свод. 331
- Neue Jahrbücher für klassische Philologie, XXI, 1908. 122
- Niederle, L. — Život starych slovanů, III. Praga, 1913—1914. 332
- Нижерадзе, Б. — Русско-сванский словарь. 202
- Nicetae Paphlagonis. — Vita Ignatii patriarchi Constantinopolitani. 207
- Nissen, H. — Das Templum. Berlin, 1869. 208
- Noiré, L. — Ursprung der Sprache. Mainz, 1877. 82
- Nöldke, Th. — Persische Studien. Wien, 1892. 201
- Nöldke, Th. — Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg. 1904. 339
- Ovidii — Metamorphoses. 345
- О войнах греков в Море (рукопись анонима) 207
- Орбелиани, С. С. — Лексикон грузинского языка. 291
- Orientalistische Literaturzeitung, 1898, I, 156 и сл., 364 и сл. Рецензия на Recueil de travaux relatifs à l'archéologie égyptienne et assyrienne. 320
- Oribasii — Συνοψωσις ἰατρικῆς. Rec. Bussemaker. Daresberg et Molinier, Parisi, 1852—1876. 201
- Osthoff, H. — Etymologische Parerga. Leipzig, 1901. 129
- Autran, Ch. — Les Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire de la Méditerranée. Paris, 1920. 18
- Павзаний. — Описание Эллады. 134
- Платон. — Законы. 143
- Plinii Secundi. Historia naturalis. 133
- Покровский, М. Н. — Очерк истории русской культуры, М., 1923. 56
- Полианов, Е. Д. — Дальневосточные термныя орудия письма. (борник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923. 225
- Послavia апостола ов. 210
- Roscher, W.-H. — Ausführlicher Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884. 211
- Рязанов, Б. Д. — От «Рейнской газеты» до «Св-того семейства. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, III, М., 1927. 152
- Синклер, Бертрам В. — Опрокинутая пирамида. 246
- Salustii — Liber de Diis et mundo. 207
- Сталин, И. В. — Политический отчет ЦК ВКП(б) на XVI съезде партии. 120
- Smith, George. — History of Assurbanipal. London, 1871. 314
- Saussure, F. de. — Cours de linguistique générale. 2-e édit., Paris, 1922. 7
- Stephani Byzantini. — Thesaurus linguae graecae. 208
- Strzygowski, J. — Ursprung der christlichen Kirchenkonst. Leipzig, 1920. 214
- Suicri — Thesaurus ecclesiasticus, II. 206
- Такашвили Е. С. — Христианские памятники [Ахалцихского и Ахалалакского уу. и Ардаганского округа]. МАК, XII, М., 1909 200
- Тристан и Исольда — средневековый роман. 2. 39. 102. 345
- Тураев, Б. А. — Остатки финикийской литературы. (п. ч., 1913. 336
- Тувсенг, А. — L'esprit des bêtes. Vénérie française et zoologie passionnelle. Manières en France. 1844. 118
- Урбинское свингерле 353
- Festi. — De verborum significatione. Rec. К. О. Müller. Lipsiae, 18 9. 124
- Festschrift P. W. Schmidt, Wien, 1922. 94
- Fick, A. — Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für Geschichte Griechenlands. Göttingen, 1905. 16. 201
- Fragmenta philosophorum graecorum, rec. Diels. 51
- Франк-Каменецкий, И. Г. — Вода и огонь в библейской поэзии. ЯС. III, 127—164. 323
- H. H., G. F. — Some Palestinean cults. Proceedings of the British Academy, 1911—1912. 209
- Horn, P. — Grundriss der neupersischen Etymologie. Sammlung indogermanischer Wörterbücher. Strassburg, 1898. 185
- Hübshmann, H. — Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1897. 201. 202
- Hübshmann, H. — Die altarmenischen Ortsnamen Strassburg, 1904. 353
- Zimmermann, H. — Die Keilschriften und das alte Testament 3-te Aufl., Giessen, 1901—1902. 314. 319. 320. 338. 343
- Ciceroni — De natura Deorum. 336

Чкония, И. — Грузинский глоссарий. МЯЯ, I. Спб., 1910. 291

Чубинов, Д. — Грузинско-русский словарь, Спб., 1887. 185 231. 291. 292

Schie ner, A. — M. Alexander Castren's Versuch einer Jenisseiostjakischen und Kottischen Sprachlehre. 1858, S.-Petersburg. 251

Schmidt, A. — Der christliche Altar und sein Schmuck. Regensburg, 1871. 210

Швидт, П. П. — Опыт мандаринской грамматики. Владивосток, 1915. 277

Schrader, Eb. — Die Keilinschriften und das Alte Testament, Giessen, 1873. 314

Schrader, O. — Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 2-te Aufl. bearbeitet von Meriuger, 2 B-de. 1917—1927. 129

Schrader, O. — Sprachforschung u. d. Urgeschichte. 2-te Aufl., Berlin, 1894. 141

Schuchhardt, Carl. — Alteuropa. Berlin, 1919. 26. 27. 29

Штерверберг, Л. Я. — Культ орла у сибирских народов. Сб. Музея антропологии и этнографии АН ССР, 1926. 52

Ellis, R. — The Armenian origin of the Etruscans, London, 1861. 296

Энгельс, Ф. — Происхождение семьи, частной собственности и государства 180 181

Энгельс, Ф. — Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. 93

Encyclopedia Britannica. 221

Эхил — Прометей. 49

Юшков, С. В. — К вопросу о смердах. Ученые записки Саратовского университета, I, 4. Саратов, 1923. 20. 21

Якут, ибн-Абдулах. — Mu'dscham albuldan. 'Алфавитный и речевь стран'. Изд. F. Wüstenfeld. Leipz., 1866—1873, 6 томов 339

Jastrow, M. — Die Religion Babyloniens und Assyriens. Giessen, 1902—1912. 345

III. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Абхазский язык

а неопр. член 259. 281—284
 ауџаг мужское божество 252
 awardən телега, арба 143
 abarhal «олес» 142. 143
 abdak, tə куропатка, буквально лесная курица 186
 abzā душа 85
 aḏə вода 146. 147
 adʰə один (при активных пред-
 метях) человек, кто-то,
 некто, нечто 277. 281—284
 aḏək, tə дикая утка, буквально
 водная птица 186
 akə один (при пассивных пред-
 метях) 277. 281—284
 ak, otə курица 186
 aqʰə селение, поселение 186.
 190
 ala собака 127. 167
 alaɣint: г-судьба, рок, буквально
 описание 241
 əlasha о-шаь 162. 267
 amaḏʰə палец 237. 242
 amaḏʰəz перстень 237. 243
 anarə рука 37
 anə, aḡa молиться, благосло-
 влять 230
 anəqə тотем. божество 230
 anʰəə чей-то бог 280
 ar народ, войско, племя 281
 arba петух 58
 aḡsə (бзыбск.) живой 86
 aḡsə (бзыбск.) мертвый 86
 aḡsə душа, живой, мертвый
 85. 146. 183
 aḡsəḏ рыба 146. 147
 aḡḏə понукание (к лошади) 19.
 133
 aḡsə сто 303
 aḡsəḡa скидывать с ноги
 (обувь) 293
 awasə овца 295
 eyba друг друга, буквально
 один одного 283
 inḏʰə ego бог 280
 bzia хороший 13. 15
 qabrān бог коз 322
 jaabr:n богиня коров, бук-
 вально мать коров 320
 ləḏʰə ee бог 280
 narək одна рука 281
 qəḡm bzam без души, без
 жизни, ни жив, ни мертв
 85
 qa ночь 58. 101
 qarək одна нога 281

Аварский язык

beḡeḏ бог 50. 237. 243. 250
 Əlad супруга 336
 hobi три 302

Авестийский язык

ayāo по своей воле движу-
 щийся 186
 baevagə много 275
 kəbr: форма, образ, тело 201.
 233
 kə: fən форма, образ, тело 233
 qvaunhar сестра 33
 vizoruḡa 190

Агульский язык

zaw небо 187

Азербайджанский тюркский язык

gul рука 290
 Əarə бог 252. 313. 321
Албанский (балканский) язык
 rəḡəndi бог 249

Английский язык

gum десна 216
 craft хитрость 102
 reindeer олень 138
 time время, иной раз, иногда
 247
 waggon телега 143

Андийский язык

geḡm небо 263

Арамейский язык

hystr:ç супруга, жена 317
 marana наш господь 210
 mwi рыба 339
 ʕin глаз 322

Армиский язык

tuk слюна 251
 Əim железо 251

Арабский язык

al определенный член 129
 aḡr элемент огонь, небо мира,
 небо небес 318
 aḡr элемент огонь, небо мира,
 небо небес 318
 ʕayn глаз 322
 ʕamarad десять 274
 ʕasila был обиден 274
 ʕadag промокший от дождя
 327
 ʕadlayun орошенное место 327
 ʕadḡr судьба, рок, смерть, про-
 мокший от дождя 327
 ʕaḡḡad пламя 274

ʕabu отец 181
 ʕamal ягненок 285
 ʕarbaḡ четыре 293
 ʕarbak четыре 293. 294
 ʕilun бог 114

ʕiḡaḡm овца 295
 ʕum мать 181
 waḡama согласился 288
 bu отец 181
 diqān пар, дым 110
 ʕamli верблюд 132. 136
 ʕamli верблюд 132. 136
 harḡ окно 324

fiun слон 130
 ʕabrun гробница 210
 kalā обозначил, наименовал
 nəḡine шрḡorḡio, прозвал
 289
 kasir много 274
 kəḡ: b вышивавый, вырезать,
 выс кать 221
 kəḡ ba написал 234. 235
 kḡmaḡ череп, верх 206
 kḡḡab книга 235

ḡibatun купол, свод; здание,
 покрытое сводчатой кры-
 шей; палатка, паланкин,
 павильон, киоск, часовня,
 мавзолей 216. 216
 kḡḡaḡḡun прозвище, название
 себя не своим именем 239
 ʕurān коран 184. 240
 ʕurḡān жертва 296
 kḡḡr много 274
 ʕalifaḡun халиф 195
 ʕams пять 258
 ʕarūf ягненок 295
 ʕadḡam перстень с печатью 235
 ʕurḡān яныята 295
 laḡs лев 126
 maḡar дождь 334
 gabaḡa лег на четвереньки
 293. 294

safara путешествовал 220
 sarak ры а 341
 saḡara написал 231
 semeq рыба 341

ilun тень, кров, покров 114
 ʕawraḡ близнецы 288
 ʕurḡam близнецы 288
 ʕurḡayā Пледы 345
 ʕarḡway 345
 varḡun лядвея, бедро 172. 293

Армянский язык

ayl другой, чужой 278. 297
 al соль 31
 alḡ соляные копи, залежи сол
 31
 aniw колесо 143

аниг кольцо, ярмо 338. 339.
 347
 андәи тело, душа, дух 85. 110.
 197
 аргеі жить 296
 аг взял 102
 аг около, к 281
 агеуі лев 126
 агеги солнце 263
 агеги сбоку 289
 агуіт лев 126
 агуіт лев 126
 алдан скала, плита 149. 151
 агкәл ковчег, ящик, гроб 324
 агнеі делать 281
 агпуі брать 281
 асеі говорить 263
 асоғ говорить, певец 123
 аспіт бог 249. 262—264. 279
 астотат бог 249. 262—264. 266
 астиуаі бог 263
 астәі звезда 319
 авағ ох, увы 80
 еуш оседл 134
 еі восход солнца 102
 еғдунг верблюд 137
 ејәи олень 137
 ејвуғ брат 115
 ејдеги олень, буквально рога-
 тый 137
 ејдигр верблюд 137
 егеқ три 285. 289. 302
 егеқки трижды 282
 егеуш тридцать 306
 егиз три 285. 289. 302
 егивағ лошадь 135
 егкип небо 16
 егкоқи они оба 289
 егки два 289
 іқ что-либо, что-нибудь 282.
 285
 іпқәп сам 276
 ігеағ друг друга, буквально
 один одного 283. 284. 289
 ігеқ три 289. 302
 оғоғиел миловать, помиловать
 284
 оғотмиғишп милость 264
 оқ кто-либо, кто-нибудь, что-
 либо, что-нибудь, нечто 282.
 285
 оғиғрд девушка 318. 326
 отағ чужой 279
 оғдәа овца 294
 уіт верблюд 137
 ипел иметь, владеть, буквально
 быть в руках у кого 301
 ипқ кого-либо 285
 уаутиш ясный, явный 191
 уашдиел поручать, вручать 85.
 197
 уатик собственный 191
 уегки два 289
 әпкоуз орех 262
 әнт барс 126
 әндеғ о бок, рядом 281

әндегақау ассистент 289
 бәнеі дела ь, работать 301
 бағ слово 181
 бәге хороший 267
 бағи хороший 12. 14. 15. 23.
 267
 бағбар язык, наречие 181
 бардқ лядвја. бедро 172
 бевғ много 275
 биғг много 275
 богот прокаженный 268
 доғ молодой голубь, курочка
 114
 дәриг исец 238
 дәрош знамя, культовое знамя,
 наалие, идол 20
 дәрошп печать 230
 ді лошадь 133
 ді понукание (к лошади) 19
 дукәп рыба 146. 147
 дур вода 38. 147. 223. 316. 334
 галдәағ форма. образ, идея 233
 гәге ячмень 101
 гағи аггнок 294
 гағи гадкий, противный 20
 ги буква, письмо, книга 231.
 235
 гиі строка, линия 235
 гудан плуг 183
 гәроғ исец 241
 гәрағ письмо 225
 һандиел (народн.) поручать 85
 һағиғ сто 275
 һағиғ сто 275
 һеуғ набег 134
 һетәиел ездить 139
 һовиғ настух 296
 һур огонь 223
 кәбәд голубь 209
 кәғи дуб 101
 кәл держал 306
 камәа свод, арка 200. 201.
 204. 206. 216. 217
 қапауғ женщины 282
 кәғиғә поставил 105
 кәрет ковер 265. 268
 кароуғ голубой, голубь 202. 209
 карүтақ голубой 202
 кәғ сила 102. 305
 кәгағ лебедь 265
 кәгеі шить 221
 кәғдәл читать, кричать 240
 кәрет диал.) ковер 265. 268
 кәғәғд колдун 240
 кәғкәғ куча камней 149
 кәғг телега 142
 кәғи топор 150
 кеуғ половина 290
 кейт точка, укол 225
 керғ форма, образ 233. 251
 керғ город 87. 168. 325
 кибурғ погребальное сооруже-
 ние 208
 киғ раз 302
 коғс девица 281

коуғ собрание, куча 184
 коғ ребро 281
 коғқ бок 281
 коғи сторона 281
 кәі бок 281
 којтәи сторона 281
 кууғ собрание куча 184
 куғг идол 260
 кәиғ печать 220. 221. 239
 кәғкип циркуль 325
 кәкәпаратик вдвойне 292
 кәғки двукратный, двойной
 290
 қауі шағ 308
 қәудеу колдун 240
 қағақ город, ограда 87. 321
 қәлеі ходить 308
 қиғг небо, каприз 205. 217
 қуғг сестра 33
 қиғг жрец 260
 қсап авадать 306
 лакоғ ценнок 127
 лау лучший 12
 лау хороший 12
 мауғ мать 180
 мағиғ чистый, опрятный, свя-
 той, нос ящениый 256
 мағәгеу пророк 15
 мағ налец 243
 матәи перстень, кольцо 243
 матәи перстень, кольцо 243
 матәи книга 230
 матәи налец 243
 ме один 284. 301
 мејғ грех, зло, изъян 23
 ми один 284. 301
 пәғиғ рисунок, картина 230.
 231
 пәкәгеі рисовать 221
 ра-куғ гриф 256
 рәтик крат. раз 292
 рәкәғ образ, картина 233
 қағиқиғи мешаный 339
 қоғап палатка, абсида, небо
 215
 қоғаи вәқауиғәап ковчег со-
 юза, палатка завета 215
 қоғоғ крупный, большой 15
 қиғг покрывка 217
 қоғиғ яблоко 208
 қиғ слон 150
 сағор слива 208
 сәрек скв рец, сорока 349
 сағиғ ужас, дрозд 187
 серуғ 190
 серһақап собственный 190
 серғәп семья 187
 сурб чистый, искренний, прав-
 дивый 256
 тауғ зной 300
 тауғ группа 203
 тағ буква. письмо, книга 231.
 232. 236. 241
 тиғ образ, форма 238
 тиғ образ, форма 238
 тоғ зной 330

toforel сжигать 330
 tanaʁəʁ знакомый 330
 tatan ралуга 335
 tir круг 203. 321. 325. 347
 tit:ʁ ласточка 335
 titeʁnak ласточка 326. 335. 337.
 titeʁnak соловей 337
 tuq дым 110
 takatagur судьба, рок, лбописан-
 ние 241
 tanaʁel знать 330
 tanaʁ муха 328. 329
 ʁiw число 329
 ʁuq слюна 251
 vaʁar товар, купля-продажа
 279
 vɨʁar рыба, дракон, змий 146
 ɨor соленый 31
 ɨun собака 128. 182
 ɨelɔr слива 208
 voʁʁar овца 291
 vɔʁan палатка 215
 vɔʁan jami палатка времени
 215
 zagm род, порождение, насле-
 дие, потомок 187
 zagmanal приходить н ужас
 187
 zagɨunim прихожу н ужас 187
 zawaʁ потомок, дитя, наслед-
 ник, семья 188

Ассирийский язык

arbaʁ четыре 293
 ilu бог 36
 iʁeru овца 295
 iʁaritu супруга, жена 317
 iʁarituɨm женщина, посвя-
 щенная службе Иштари
 317
 bāb дверь 317
 belu roc один 328.
 bēltu госпожа 328
 kaʁaku печатать 220
 ʁaridu сильнейшая 313
 kɨmatu 206
 kunuku печать 220. 221. 239
 qadimtu 317
 ʁamilu пять 258
 ʁarimtu 317
 ʁaʁinn топор 150
 suʁala вода 317
 saʁalu пропобать, окроплять
 317
 saʁal ziʁi родниковый грот,
 место источника 317
 ɨunɨti ласточка 340
 ɨunɨtu ласточка 339. 342
 ɨunɨtuɨm ласточка 339. 342
 ɨurru письмо 238
 ziʁi живот 317

Ахвахский язык

ʁe два 290
 geɨen небо 263

Баскский язык

auskora топор 149. 150
 auʁ кам. нъ 149. 150
 abere жертва 296
 ahal сила 297
 ahaɨaʁau (лабур.) небо 203
 al сила 297
 albo сторона 297
 alde сторона 297
 amar десять 305
 audege женщина 172
 araʁu рыба 339
 arɨ, дуб, жолудь 172
 arkaʁu камень 149
 ardi овца 294
 arte дуб 172
 arto маис, кукуруза 172
 arɨu б, ал, в.ял 102. 281
 avsaraʁu (гипуск.) небо 203
 eɨri дождь 334
 ewskaʁa баскский язык 216
 ewskel баскский 216
 edur снег 333. 334
 egun день 263
 eguski солнце 263
 eɨi солнце 263
 ere три 302
 eskuara по-баскски 27
 iri город 325
 irar шесть 285
 iru три 289. 302
 itur- источник 316
 obi могила, яма, выгнуто-
 сть 215
 ogei двадцать 301
 og собака 127
 uawna господин, господь 18.
 216
 on хороший 12. 18
 pɨagaʁa выдра 9. 127
 uɔlde (гипуск.) поток, потоп 9
 uholde (лабур.) поток, потоп 9
 ur вода 9. 38. 127. 316. 326.
 334
 urte год 339
 bakar редкий 282. 283
 bakar один, единственный 282
 bakɨk собрание 283
 bakɨn объедиять 283
 baku собрание 283
 bakun простой 282
 bat один 282. 283
 baʁuek несколько 282
 baʁuk несколько 282
 bego теплый, горячий 58
 boʁ пять 258
 buru голова 276
 garagar ячмень 101
 gaʁi пшеница 101
 gaw ночь 58. 101
 hru три 285
 hobɨ десна 216
 hun хороший 12. 18
 hur вода 9. 38. 127. 223. 316.
 326. 334

burkarı водонос 9
 huralde (нижненаварск.) по-
 ток, потоц 9
 hurta подливать водой 9
 hurtatu орошать 9
 kora отточенный, заостренный
 149. 150. 151
 lehoyn лев 126
 nabus господин 53
 nagus господин 53
 namur бог 53
 nigar слеза 101
 ʁawna господин, господь 18.
 216
 saba небо 337
 sabaʁ крыша, чердак 203
 saldi лошадь 133. 167
 salduɨn всадник 133
 samalduɨn всадник 132
 samari лошадь 132. 136
 seru небо, небеса 203. 326
 silhar серебро 28
 sin клятва 321
 sorɨ судьба, доля 322
 sorɨɨi восемь 287. 300. 304
 tonɨor вершина, острие, опу-
 холь, шишка 209
 ɨabaʁu крыша, чердак 203
 ɨunɨi белый 322

Баббийский язык

dal бог 337
 daʁi aʁue хороший 12
 daʁi aʁze хороший 12. 14
 dɔb лошадь 19
 naq небо 263

Берберский язык

akun собака 182
 neʁel наводнить, выступить,
 проливать из берегов 161.
 163
 ʁamazigɨ (марокск.) страна 101
 ʁaɨurɨ (кабилск.) страна,
 край, пашня 101

Библейско-арамейский язык

ʁarbaʁz четыре 293
 ɨimɨa овца 295
 laʁda лев 126

Бомарский язык

harɨn — хороший, добрый 11.
 20
 harɨno — хорошо, добро 11

Ботлихский язык

hwarab хороший 12. 15
 geɨin небо 263

Бретонский язык

eb лошадь 133
 baʁa хлеб 172
 mark лошадь 134
 sei видеть 102

Ветерский язык

уи- писать 231

Верхнегерманский язык

leuo лев 128
louuo лев 128

Вершикский язык

altau два 297
altaš два 297
alto два 297
halto два 297

Волульский язык

alаша лошадь 267

Галльский язык

gogwīd скакун, конь 134
mark лошадь 134

Годоберинский язык

ke два 290
geшип небо 263

Готский язык

ulbandus верблюд 136
diudans 181
gairк царь 181
salt соль 30
silubr серебро 28. 30

Греческий язык

aetos орел 53
awтов сам 183
adelphē сестра 42. 156
adelphos брат 42. 156
agadос хороший, добрый 11. 19.
23. 25. 266
акракев обоюдоострый меч
персов и скифов 16. 19
аксеупос негостеприимный 16
аксиэ топор, боевой топор 16.
19
alelesōterou концентрические
213
als море 160
ameinōn лучший 25
apanke судьба 54
aner человек, муж 156. 172
anwdros безводный 158
andropос человек, муж 156
ареэ колесница, повозка на
четырёх колесах, телега
202
ageiōn лучший 24
agen ягненок 294
aristeros леаый, роковой 24
ariston завтрак 24
aristos лучший, наилучший 23.
25
argiron 28
arnos 294
artos хлеб 156. 172
argē 3

aster звезда 319
astron звезда 319
eukon двадцать 305
ewkseinos гостеприимный 16
elefas слон 125. 129—133. 135.
136
epistole послание 220
ednos народ 156
ikati (дельф.) двадцать 305
oiz овца 21. 296
oykos дом 156
opthalmos глаз 162
ōganos (лесб., беот.) небо 215
oros гора 156
ortwks перепелка 336
ovis овца 296
uranos небо 7. 156. 215
balanos желудь 162. 172
barbaros нарвар 181
beltion лучший 23. 25
beltistos 24
bois вол 41
gā (дор.) земля 109
gala (гомер.) земля 109
gē земля 109
γυνη женщина 156
gnōsis познание 112
grāta буква, линия 221. 235
grāmata грамота 229
grāfō пишу 221. 225. 235
haēr воздух 113
harma телега 142. 143
harmata trefeup держать ло-
шадей для бегов на колес-
ницах 143
hebdemekonta семьдесят 300
hebdemos (фок.) седьмой 300
hīnos мул, молодой мул 134
hīpos лошадь 41. 125. 134
hōnos осел 134
hudōr вода 156. 158
hwdaleos водянистый 158
hwdates водянистый 158
hwdagos водянистый 158
hwdra недра, кувшин, сосуд
для воды 158
da (дор.) земля 109
kalos хороший 25
kamara свод, сводчатое поме-
щение, балдахин, крытая
колесница 201. 204
kamare свод, сводчатое поме-
щение, балдахин, крытая
колесница 201. 217
kamēlos верблюд 47. 48. 132.
136. 144
karape (фесс.) колесница
202
kapetos впадина, яма, овраг,
углубление, могила 202
kasis 42
kibysis котомка 209
kibōtion балдахин над алтарем,
лотос, водяная линия, кув-

шинка, могила 205—211.
213—217
kibōtos 209
kibugion кубкообразный сосуд
210
kibugion погребальное соору-
жение, sepulcrale monu-
mentum 208
kirkos круг 325
koγue склад 201
kolokasia египетская кув-
шинка 209. 210
kome деревня, село 164
kōmos пир, вакхическое не-
селье 164
kwon собака 128
leōn лев 126. 128
lwkos волк 127
logos слово-разум 104
makra tribe длительное упраж-
нение 54
manwdas одноголовый 301
*manpa (критск.) дева 210. 211
monos один только 301
mwtias десять тысяч 275
paō теку 163
peō (гомер.) плаваю 163
pefele об'яко, туча 160. 161
pefos облако 160. 161
parthenos дева, молодая девица
211
relagos море 26
relagos журанья 26
relevides дикие голуби 346
peristerā голубь 335. 340
pešwtes (лесб.) четыре 293
petares (беот.) четыре 293
ripō пью 158
roukilos пестрый 240
ropen-opthalmos 18
ropenos злой, скверный, дурной,
с изьяном 18
ropos труд, страдание 19
rontos 18
rosis напиток 158
rotamos река 158
roteos пьющий 158
rotos напиток 158
rus нога 172
rwg огонь 156
Pleyades Плеяды 346
proboskis хобот 131. 132
prosorop лицо 191. 192
ptēgōton зодиакальный знак
рыбы 344
φρωγε душа 86
sitos хлеб 156. 172
swbaris чудовище 115
talaša море 156
turgis башня 31
teras чудо, чудовище, знаме-
ние, необычайный знак,
ужасающее предсказание
229. 231. 232

tesares четыре 293
treys три 302
trakonta тридцать 305
-Salasa море 51
Zeos бог 249
xaris хороший 20
xeir рука 156. 172. 307
xelidop ласточка 307. 326. 346
xersala суша 110
qrgwse золотая 51
xronos время 7. 215

Грузинский язык

abed трут 50
aduga кивятил 110
adievs дает ему 286
al пламя 345
ats есть 285
as сто 274. 275
avash дочка 318
ad десять 6. 274. 305
advasi тысяча 275
adu понукание (к лошади) 19
aznaig дворянин 167
egi этот, тот 189
ekageba прикасается 305
ekpduvms ему принадлежит 185.
186
eqvs шесть 259. 285. 289
erotieba хватается, облапли-
вает его 292
eg племя, народ, войско 281
eg-и (диал.) одно 283
egd один 259. 283. 285. 289
es tvigdi шиз d. на этот выюк
его двойник 286
eti телега, колесо 142. 144
zborata ходил на четвереньках
292
zgi он, тот 188. 189. 194
kizda читал, спросил, гадал,
колдовал, чародействовал
240
zofodza ходил на четвереньках,
ползал на четвереньках 291
zem олень 143. 295
zrag-и стрела 321. 333
oden один только 282. 285
om война 340
opagri седло 17
og два 288. 289. 297. 304
ogronka двухрогатная палка
292
ogtof нерешительный, бук-
вально раздваивающийся
304
ogtd двухрогатная палка 292
odq четыре 288. 291. 293. 294
oages-и худший 14
ushdobeys-и лучший 17
ushagri седло 17
ofal господь, господин 87. 166.
192. 198
ogem телега 142. 143

nstar письмо 231
udidebs он указывает ему 276
udqo чужой 279
barkal бедро 172. 293
bewt много 275
begel склад хлеба или провизии
216
beqo склад хлеба или провизии
216
berk подножие 292. 293
beted печатать, черстень 50. 236.
237. 243.
betla печатать 237
betna печатать 237
borot злой 15. 267. 23
borbal колесо 142. 143
borba тогребать 258
bru (голово)кружение 143
brunavs кружится, вертится
143
brkmeva дымить, воскурить
324
daimkwdra закрепил за собой,
сделал своим 190
daituna он не одобрил 18
datva сжег 33
dateda чеканить 237
deda мать 180
dedal наследка, самка 180
dedul наследие от матери 198
didar богатый 274. 348
didis gemo заносчивость 205
dila утро 24
dugs кишит 110
dogosh знамя, культовое знамя,
валяние, идол 230
dagl собака 127. 128
dal сила, вручать, давать 286.
292. 321
dind прозрачный 255
dob лучший, хороший 20
dobs превосходит, лучше 17.
193
galoba петь 123
gamaqdoba победа 17
gad bok, сторона 282
gad бог 14
gemo вкус 205
gemoebnl поднятая голова 205
gembriel (нар.) вкусный 205
gemriel вкусный 205
gvimta вереск 204
qlaqa дурной, плохой 13. 14
glaf uvy 80
glafak дурной, плохой 13
gled-и крестьянин, раб 14
gmrg герой, богатырь 166. 259.
260. 261
gudap плуг 183
grden кудесник 271
gudaeba божество 257
guda бог 184—186. 250. 257.
271. 272
game ночь 58. 101
germed бог 14
gone хитрость, сила 102

gmerd бог 165. 166. 250. 255.
259. 260. 261. 271. 278
gmrgaeba божество 259
gvedel (гуп.) пирог рождествен-
ский 185
gvedil опреснок, пирог 185
gvezel опреснок, пирог 185
hone лошадь 17. 147
hipe лошадь 17
kalarot форма, колодка 233
kalmaq форель 123
kamara свод (неба) 201. 204
kashkash мерцание звезды 342
kana поле 246
kag дверь, двор, постоянный
двор 168
kagabak дверь 324
katg-и хороший, 12. 14
kad человек 283. 305
kadad-и каждый 283
kadli igi люди те 188
kedil хороший, добрый 12. 14
kerdo половина 282
kerp идол, форма, образ 14.
233. 251. 266
kevar две пары божов, бу-
крально две двойки 290
kibo рак 132
kibor-djal rak 132
kimkmetl-и небеса 206. 260
kizda читать, гадать, спра-
шивать 247
kera шить 221
kolt скот 184
korala (хевс., рачинск.) бог
лесов 166. 192
korale (хевс., рачинск.) бог
лесов 165
kotop горшок, глиняный сосуд
234
kuar-dzil-berk подножье трона
172
kubel (шанш.) комната с купо-
лом 216
kuho паланкин, погребальный
памятник, могила, гроб
215. 216
kur-dzal слеза 316
kur-dzeva благословлять 184
kuta (гуп.) мальчик, фалл 184
kbil зуб 130. 132
krav агнец 295
kver печеный в золе хлебец
163
qada сдобное печенье 184. 185
qal женщина 347
qalag город 164. 168. 321
qalapan лапти, буквально со-
суд ног 293. 308
qedar феодалы-воины 168
qedna ездить верхом 168
qekana страна, земля 246
qigim жрец 260
qveda нижнее небо 246
land тень, образ 110

- leku шенок 127
 lekv шенок 127
 magi тот 189
 magier из, от 289
 maqis имею 86
 mama отец 180
 mamal петух, самец 180
 mashul вотчина, именье, усадьба, виноградник (в Гурии) 198
 mand там 189
 maqdie удача, удачное, хорошее 17
 maqdiene десница, рука 17. 193. 301
 maqfel левая рука 172
 maŕku земляника 123
 maŕku-1 земляника 123
 maŕdŕene рука левая 301
 maŕdŕiv близнецы, близнец 287. 304
 matiane летописи, писание 230
 me я 189
 meshaie пророк 15
 metkwdre наследник 190
 meran мерия 134. 139
 merul-1 вилы 292
 merŕŕal ласточка 335. 336. 340
 mekaŕa прикоснулся 102
 mer через него 281. 289
 miz ego 188
 miŕken в его сторону 282
 miŕa земля 110
 mo. me. to. na мне понравилось 18
 moŕeda деньги 237
 moŕnare река 37
 moŕera петь, играть 124
 moŕdel священник 185. 271.
 moŕdel священник 185. 257. 271
 mkwdr коренной житель, родной кому-либо 190
 moŕedar-1 всадник 139
 moŕdŕobl двойной 287. 288. 304
 moŕeval служанка 291. 303
 moŕolo единственный, один только 290. 301
 moŕeval служанка 303
 moŕkura жажду 287
 moŕobehsaŕda 204
 moŕobehsaŕa 204
 moŕdŕeŕs-1 седмица 247. 300
 moŕdŕeŕar половина, букв. вторая часть 290. 303
 metar блаженство 338
 moŕoz-1 орех 262
 moŕkari подборок 202
 moŕko белое пятно на лбу у коров, метка, знамение, животные, меченные богом 231
 moŕkora белое пятно на лбу у коров, метка, знамение, животные, меченные богом 231
 moŕpa меченый, меченое животное 230
 qalaraq город 87
 ŕan время, возраст, раз 247. 347
 ŕan ise ŕan ase то так, то этак 247
 ŕandis ŕan то так, то этак 247
 ŕat рисунок, образ, бог, святыня 235
 ŕedna выезжать лошадь, ездить верхом 139
 ŕel рука, сумасшедший 258. 292. 307
 ŕev речка, ущелье 303
 ŕolo однако, во 290. 301
 ŕomaldi корабль 145
 ŕorbal пшеница 166. 172
 ŕomog средней величины 15
 ŕuŕ пять 258
 ŕveŕa собирать 258
 ŕvur чистый 274
 ŕel-1 рука, сумасшедший 307
 ŕev речка, ущелье 303
 ŕvur чистый 274
 ŕisl туман 163
 rilo слон 130
 rig лицо, рот 102. 276
 rigvel первый 192
 rig хлеб 172
 riŕakar строка 234. 236
 raŕar грива 135
 raŕkurd вешая птица 256
 reŕ (нар.) нога 172. 92. 293
 reŕŕo нога 172. 292. 293
 roŕdŕŕ грабли, шест, ветвь с рогатками, тычинка 291
 roŕdŕŕ грабли, шест, ветвь с рогатками, тычинка 291
 roŕdŕŕo плевок 192
 rame что-либо 284
 rameŕu так что, ибо 284
 ramdeni ŕali gaŕvŕ сколько у тебя экземпляров, штук 286
 romel который, буквально что-либо 284
 roŕga roŕ 138
 roŕkna железо 16
 roŕa roŕ 137
 sadil-1 утренник, обед 24
 sada он судил 328. 332
 saŕkuŕar собственный 184—186. 190
 sam три 286. 291. 302. 304
 samkwdrebil владычество, владение 190
 saŕke стекло, зеркало 322. 323
 saŕkmeŕ окно, отверстие 324
 sasurŕevel небесное царство, рай 87
 satol-1 лежанка 33
 sazeruro собственный 190
 seŕpa тезка, воситель общего тотемного имени 239
 siaŕŕl кровь 316
 soŕel вселивный мир, вселенная, страна, деревня 87. 190. 191. 198
 suŕeŕs он царствует, существует, есть 87. 190. 198
 ŕdal невестка, невеста, буквально жепщина дома 318. 337
 srola бросать 321
 sŕowa другой 278
 sŕumis иной раз, иногда 278
 sŕua чужой, другой 190. 279
 sŕumis иной раз 190
 sŕva другой 278. 279
 sŕileŕd бронза 15
 sŕilo слон 130. 132
 sŕwewŕl жертва 296
 stumar гость 190. 279
 tm камень 150
 tot рука 276
 tub-1 близнецы 304
 tald (гур.) топор 150
 tad мансвовый хлеб 172
 taŕ ладоши, рукоплескание 304
 taŕmarŕ бог, языческий бог, идол, язычник 14. 195. 251. 254. 255. 262. 268
 tav-1 небо 33
 teneba гнать лошадь 167
 ter муха 328
 tera писать 221. 231. 236. 239. 241
 tert город 325
 terta колоть, протыкать 325. 331
 tign-1 книга 329
 tm перед 322
 tŕela бук 238
 tŕŕ-1 красный 285
 tkal блеск 345
 tkal вода, милость 253. 256. 257. 287. 316. 317. 335
 tkaloba миловать, помиловать 256. 257
 tker перепелка 336
 tkipart щелчок, буквально действие пальца, удар пальцем 244
 tkub близнецы, пара 297. 304
 tkla ранил 317
 tkvil пара 287. 291
 tmed святой, чистый, прозрачный 255. 259
 tmenŕ святой, чистый, прозрачный 255. 256
 tmiŕa святой, чистый, прозрачный 255. 259
 tmiŕida святой, чистый, прозрачный 255. 259
 tŕfel чистый, искренний, правдивый 256
 tŕeda ковать 237
 tŕapar праотец, предок 180
 tŕe круг 203. 321. 325. 337. 347
 tŕeh пестрый 240

tvaivta лежал 33
 ʔar рубить 83
 ʔer потолок 203
 ʔmʔmei небеса, небо 341
 ʔqa стекло, стакан 323
 ʔvir прозрачный 255
 ʔav себя, голова 187. 188. 195
 ʔavaʒebul высокомерный 205
 ʔebz рыба 341
 ʔevz рыба 146. 341
 ʔiqa глина 110
 ʔiʒ палец 276
 ʔiʒo по одному 276
 ʔoh sneг, холодный сезон, год 333
 ʔquen вы 189
 ʔval глаз 287. 329. 330
 ʔvala считал 329
 ʔvare луна 329
 ʔve месяц 330
 ʔvne месяц 330
 ʔviʒo каждый, по одному 176
 ʔviʒon сам 276
 ʔa небо, вёбо, 102. 187. 202—204. 246. 257
 ʔal единица, экземпляр 286
 ʔal feqze dgrs стоит на одной н-ге, буквально на одной из двух ног 286
 ʔali один из двух 286
 ʔedʒi огонь 83
 ʔiʒoga рыба кандыш, снеток 341
 ʔis kamaга небесный свод 201
 ʔnen мы 189
 ʔul (диал.) топор 150
 ʔuld топор 150
 ʔqal вода 335
 ʔqovag овца 294—296
 ʔqovel овца, животное 295. 296
 ʔqga девять 305
 ʔarq круг 331
 ʔas dudagaу арка верхнего свода 203
 ʔm свет
 ʔqal вода 132. 253. 316
 ʔqana варахсать, плохо писать 233—235
 ʔqub война 340
 ʔlaroʒ хлопоты 255
 vaqlaʒ увы 80
 var я есмь 89. 188
 vareb я лью воду на него 89
 vares-1 худший 14. 267
 varg годный, хороший 14. 267
 varga гонится 14
 varʒ мы есмы 188
 vaʔar купец 279
 veshar рыба, дракон, змий 146
 viareb1 хожу 89
 viʒte кто-либо 284
 vodʒ (вульг.) четыре 288
 vsh ox 79. 80
 viʒo чужой 279

shp дом 322
 shubstera судьба, рок, буквально збописание 241
 shvid семь 259
 zamʔar зима, буквально год снега 333
 zeʔa верхний, высший, наверху 203
 zeʔar верхнее небо 319
 zeʔa верхнее небо 246. 319
 zqca море 147
 zqvar предел, граница 147
 shen ты 189
 shqiga окроплять 317

Даргинский язык

ʔa один 286

Дидойский язык (кидеро)

ugu хороший 12
 rgr1 хороший 17. 24
 rgru хороший 17. 24

Древнеперсидский язык

ratikaga образ, картина 233

Древнеэламский язык

kir один 282
 nar бог 53
 narig бог 53
 ura господин 166

Древнееврейский язык

ʔagal^h колесница, телега 142
 ʔasar десять 274
 ʔe-er десять 274
 ʔasur десяток 274
 ʔashir богатый 274
 ʔir город 321. 325
 ʔat1 лев 126
 ʔarbaʔ четыре 293
 ʔeloh^h бог 114
 ʔelohim боги 114
 dag рыба 147
 gamal верблюд 47. 48. 132. 136. 144

haruah дух, покойник, тень мертвого 114
 karban жертва 296
 kaʔab написал 235
 kaʔab книга 235
 kever гробница 210
 kovaʔ каска 217
 qoʔam печать 235
 qoʔev писец 241
 qovaʔ каска 217
 laup лев 126
 labu лев 128
 leb1 лев 128
 matar дождь 334
 miʔal лиса 127
 piu рыба 339
 qamsh пять 258
 qarakm оконные жалюзи 324.

gabat лег, расположился 293
 294
 sefer письмо, книга 220. 238
 siqr письмо, книга 220. 238
 ʔpsar писец на таблице 241
 ʔabaʔ войнство 337
 tel тень 114
 ʔvi тень 114
 ʔohu хаос 340
 ʔuʔim близнецы 288
 ʔhbt хаос 340
 shaqal лев 127
 shen зуб, слоновая кость 130
 shoi присподбная 316

Египетский язык

ab слон, слоновая кость 129. 130
 abu слон, слоновая кость 129. 130
 ʔsh кричать, звать, читать 240
 labu лев 128
 mw вода 89
 piw красота 88 89
 wmt правый глаз, солнце 88
 wn правый 88
 wn открывать, показываться, обчажаться 88
 wn грех, ошибка 88
 wnu торопиться, проходить мимо, переходить 89
 wnhg 88
 wntu правая рука, правая сторона, справа 88
 wmt правый глаз 88
 wn быть, существовать, находиться 88
 wniq одежда, полотно, одеваться, покрываться 88
 wnt святилище 88
 wnw двигать 89
 wnwт час 88
 wnwт меняющееся жречество, служба 88
 qt печать 235
 znf кровь 316

Енисейско-остяцкий язык

as бог 263
 i солнце 263
 ymk вода 37
 kowbat хороший 267
 teger небо 256
 tiger небо 256

Ингушский язык

de лошадь 19
 ker болванка, колодка, фигура, туловище 233
 kertoʔer печатание, печатать 233

Ирландский язык

deriad телега о двух колесах 133

mare лошадь 134
 ríad колесо, бег 133
 ríg родовой старшина 181

Испанский язык

dios бог 249
 flor del maíz опухоль, шишка 209
 hermano брат 115
 kamara комната 201
 montar a kabaló садиться на лошадь 139
 ralafrenegro конюх, стремянной 134
 plata серебро 28
 siervo олень 137

Итальянский язык

diemon 19

Итальянский язык

ídio бог 249. 250
 buono хороший, добрый 11
 kavalkare ездить на лошади 139
 kavalkare un kabaló садиться на лошадь 139
 kavalo лошадь 139
 ralafrenegro конюх, стремянной 134
 ragafréno благородная лошадь, В-рховая лошадь 134
 Zergo олень 137

Капучинский язык

ko два 289

Каратинский язык

ke два 289
 geshи небо 263

Кельтский язык

erona лошадь 133
 erogedoriks король оруженосцев 133
 mark лошадь 133. 134. 139
 ragaferedus лошадь 133. 134
 reda четырехколесная повозка 133
 ríks король 133
 veredus лошадь упряжная 134. 139

Китайский язык

ba давать 37
 beп книга 239
 dip книга 239
 wan, десять тысяч 275
 шуу вода 316

Койбальский язык

tímг железо 251
 turuk слюна 251

Коймийский язык

epeг бог 246
 ueп небо 246
 uepeг бог 250
 bur правый 267
 гу черта, линия 235
 гуцны писать 235
 kar город 87. 325
 kыd, дыш читать 229
 тш земля 101. 123
 peг, ухо 102
 veжа святой 255

Коптский язык

ebu слон, слоновая кость 129—133
 ebu слон, слоновая кость 129—133
 labou лев 128
 tba десять тысяч 275

Коттский язык

ēga солнце 263
 ēga солнце 263
 ēш бог 263
 fal теплый, горячий 58
 hamā хороший 267

Куандийский язык

гешет небо 263

Лакский язык

vaw небо 187

Латинский язык

agnus ягненок 294
 aqua вода 156
 alius другой 297
 alter другой 297
 anulus кольцо 347
 alius год 347
 arbor дерево 236
 argentum серебро 28. 227. 236. 265
 eбу слоновая кость 129—133
 equites всадники, рыцари 167
 ignis огонь 156
 ipse сам 183
 octavus восьмой 300
 octo восемь 300
 opes изобилие 296
 ořidium город 112. 134. 164
 orilo пастух овец 296
 opus дело 296
 orbis круг 323
 unus один 301
 přil пастух овец 296
 pter другой, один из двух 303
 yus право 76. 163. 307
 urbs город 87. 112. 164. 323
 belum война 11
 bonus хороший, добрый 11. 18. 266

deus бог 249
 detem десять 300
 domus дом 156
 duellum война 11
 duonus хороший 11
 duonus хороший 19
 dubius сомнительный 304
 dura недеśitas жестокая необходимость 54
 fas закон религиозный 76. 163. 182
 femina женщина 156
 flama пламя 83
 frater брат 42. 156
 gratia милость, доброта 20
 hñire ржать 134
 hñus мул 134
 hirundo ласточка 326. 346
 homo человек, муж 156
 kabalus лошадь 47. 48. 132. 144
 kamara печь 201
 kamera 201. 217
 kamelus верблюд 47. 48. 132. 144
 kamius печь 201
 kamis собака 128. 182
 kařus телега 142
 kavus пустой 82
 kibogium балдахин, лотос, водая лилия, кувшинка 206. 207. 210
 leo лев 126. 128
 liber книга, лыко, береста, кора древесная, свободный 163. 220. 228. 229. 230. 234
 liberī дети 228
 lño мазать, полировать 220
 lñga буква 163. 220. 227. 230. 232. 241
 lñterē письмо, учение, письменность, литература 227
 litus морской берег 163. 228
 lupus волк 127
 magnitudo 133
 malum зло 23
 manus рука 156
 mare море 156
 mas человек, муж 156
 māter мать, родительница 42. 180
 matrimonium супружество 198
 melior лучший 23
 mons гора 156
 mors смерть 22
 mortuus мертвый 22
 mare плавать 163
 newter ни один из двух 290. 303
 nebula туман, облако 160. 161
 niks снег 334
 niks ebogis белизна слоновой кости 334

p̄ivis sn̄ega 334
 povem девять 300
 p̄im̄en воля (бога) 230
 p̄ac̄us деревня 164
 palatium дворец 134
 panis хлеб 156. 162. 172
 pater отец, родитель, глава
 семьи 41. 42. 180
 patrimonium наследие отцов-
 ское 198
 persona лицо 192
 pes нога 172
 p̄ikt̄i рисование, татуирование
 224
 p̄ikt̄ores татуировщики 224
 p̄ikt̄us зарисованный 224
 pingo расую 224. 225
 pingere колоть 325 331
 punktum укол 325. 331
 pl̄ebes плебей 13. 181
 plebs простонародье 164
 pons мост 76
 pontifexs верховный жрец 76.
 163
 populus народ 156. 164. 181.
 182
 proc̄ēla буря 53
 proprius собственный, принад-
 лежащий кому-либо 191.
 192
 q̄verkus дуб 163
 reks царь 181
 r̄iḡd̄io рычу как лев 126
 r̄iḡdit̄us рыкание льва 126
 rus деревня 164
 sal соль 160
 san̄c̄wis кровь 316
 semel один раз, раз 300
 septem семь 300
 signum знак, изваяние, резное
 или литое изображение,
 истукан, печать, книга 238.
 239
 similis подобный 300
 singularis единственный 300
 solus один только 301
 sudor пот 158
 skulpo долбить 82
 sk̄r̄ibo пишу 163. 235. 238. 243
 soror̄ сестра 33. 156
 stare стоять 105
 status состояние 105
 st̄ela звезда 319
 templum храм 215
 tempus время 215
 tēra земля 109. 110
 t̄ur̄is башня 31
 tres три 227. 302
 trium трех 302
 tribuna кафедра 227
 tribuo распределяю 226. 227
 tribus племя 226. 227
 triginta тридцать 305
 felum небо 156. 326

žervus олень 137
 žirkus круг 325
 viginti двадцать 305
 vikus деревня 164
 vir человек, муж 156

Лезгинский (Клоринский) язык
 balkan лошадь, ковь 48
 ğutar бог 257
 rağ небо 263
 sa один 259
 sad один 286
 se один 259

Лижийский язык
 lađa жена, супруга 336

Мандейский язык
 kimbrā овца 295

Марийский язык
 ala город 87
 ola город 87
 ual нога 307
 yumo бог 192
 gym (горн.) гром 260
 kaуэк (горн.) дичь, зверь 257
 keġemeġ дух зла, бог 251. 272
 k̄reġemeġ бог 266
 l̄ud̄ȳ пугало, страшилище 230
 l̄eġaш̄ читать 229
 pin собака 128
 riḡ волк 128
 r̄ylgom (горн.) небесный свод
 260
 tur чурбан 250

Мерельский язык
 aш̄ū шесть 285
 aġda всякий, каждый, все 282.
 284
 aġdo всякий, каждый, все 282.
 284

aġd̄ один 283. 284
 řona поле, пашня 246
 osur-г женщина 318
 osur̄isqua девушка 318
 ud̄ḡuш̄ лучший 16
 bork нога 172. 293
 dađur̄ огонь 83
 d̄indar богатый 348
 diđa земля 110. 114
 dořa курочка 114
 diřa курочка 114
 dud̄ голова 276
 dud̄- голова 204
 đḡir-г хороший 12. 16
 ġoġmoġ бог 251. 259. 264
 j̄r̄ два 287. 302
 kođ-г человек 305
 kuđđ-г нога 293
 namuda так что, ибо 284
 sum три 286
 tkub близнецы, пара 287
 tkub близнецы, пара 287
 řađa красный 285

kibir зуб 130. 132
 qobal, хлеб 172
 marikund печать, перстень 236.
 237
 masqur гороскоп, прорицатель
 15. 256
 mi он, тот (в косв. падежах)
 192
 skani твой 189
 řand муха 328
 řaġna писать 231. 236. 241
 řer потолок 203
 řerqa стекло, стакан 322
 řorqa держать, ловить, хва-
 тать, брать 304
 řkid маисовый хлеб 172
 řur̄ снег, холодный сезон, год
 333
 řoi месяц 330
 řur̄a месяц 330
 řur̄i мы 189
 řur̄om рыба 146
 řur̄oġo девять 304. 305
 řur̄um три 301
 w̄iř десять 6
 zořna приказывать, велеть,
 извольте быть 332

Монольский язык
 arb̄en десять 305
 uřur̄ тридцать 306
 ġur̄řen сорок 306
 řur̄an шестьдесят 301. 306
 řar̄ рука 301. 305
 ġur̄b̄en грех 301
 řab̄uи пятьдесят 306
 řorin двадцать 301

Мордовский язык
 ġom нёбо 260
 keġemeġ дух зла 251
 kolma три 284. 301
 maže хороший 267
 paġa (мокш.) хороший 267
 paž (мокш.) бог 250
 selme (эрзя) глаз 102
 ve ночь 58. 101
 řkaу (эрзя) бог 250. 256
 řkaуn̄a (мокш.) образ 256

Немецкий язык
 einritzen высекаль, вырезь-
 вать 221
 Elfenbein слоновая кость 130
 Erde земля 101. 109
 es regnet оно льет с неба 91. 92.
 Olbanta (древненем.) верблюд
 136
 Olbehta (древненем.) верблюд
 136
 biegen сгибать 220
 Buch книга 220
 Brod хлеб 179
 Bruder брат 42
 die определенный член 100
 Feuer огонь 79. 83

Gaumen десна, небо 216
 Gestalt видение, призрак,
 образ, фигура 106
 Gold золото 28. 29. 183
 Gott бог 249
 gut хороший, добрый 11
 haueu срубить 79. 83. 84
 heym у себя 115
 H imat родина 115
 Himmel небо 110
 Kraft сила 102
 Petschaft печать 238
 Pferd лошадь 134
 reiten ездить 139
 Renntier олень 138
 Ro-s лошадь 48
 tarper добрый, храбрый 11
 Tintenfisch каракатица 132
 Wagen телега 142. 143
 weh ох, увы 80
 Wolf волк 127
 S. hatz сокровище 105
 Stadt город 105
 stand стоял 105
 Staat государство 105
 stehen стоять 105
 Stern звезда 105
 Silber серебро 28. 29

Новоламский язык

ишага величайший, старший
 15
 kapri бог 14
 kugri бог 14

Осетинский язык

geb колодка, фигура, туловище
 233
 gumig бог тырь, великан, испо-
 лин 260
 gumigidag 260

Остяцкий язык

ā теплый, горячий 58
 af теплый, горячий 58
 vebar хороший 267

Пермяцкий язык

bur правый 267

Персидский язык

ab вода 74
 uwturmug страус 336
 behtar 349
 biva^h ворон, сорока 349
 vhtar 349
 bot идо. 233
 but идол 233
 dabir писец 238. 241
 dagosh знамя, культовое знамя,
 валяние, идол 230
 kabad голубой 202
 kabudar голубь 202
 kabudi голубой 202
 kabtar голубь 202
 kamag возвышенность, холм,

курган, скала 201
 kami а свод, конюшня 201
 kert город 325
 nekag рисунок 230
 neviz 230
 shvisten писать 230
 nigar картина 231
 nuve слово бога, коран 230
 nuvisten писать 230
 nuve слово бога, коран 230
 pekarel рисовать 221
 reyker образ, картина 233
 fil слон 130
 qud сам 185
 quda бога 185
 tashar облако, ангел дождя
 и растительности 348
 temtar облако, ангел дождя
 и растительности 349
 tshar облако, ангел дождя
 и растительности 349
 dag колесо 142. 144
 shor соленый 30
 shutar верблюды 137
 uwturmug страус 336
 kamag голова, череп 201
 kapr форма, образ, тело 233
 ratkar образ, картина 233

Польский язык

rok год 169

Румынский язык

fer небо 326

Русский язык

арка 202
 ах 79
 ахать 79
 его 194
 ёзда 139
 ёздить 139
 ему 194
 ёхать 138. 139
 бирка 225
 бог 166. 178. 179. 249. 332
 бронза 29
 верблюды 136
 весь 102
 воз 113
 воздух 113
 волк 127
 выть 79
 галдеть 81
 галка 81
 город 87. 164
 град 87
 глаз 312. 313
 грамота 229
 гроза 312. 313
 дай бог 332
 лед 181
 дерево 178
 дитя 100
 добр 193
 добрый 11. 19. 20. 22
 дождь 331
 дрозд 333
 дух 113
 женщина 100
 журчать 222. 223
 завтрак 24
 заря 320. 333
 звезда 320. 333
 земля 101. 110
 зеркало 323
 зеркало 323
 змей 21
 золото 28. 333
 книга 220. 221. 239
 ковер 265
 кодуи 184
 комонь 48
 конь 29. 48. 100. 147
 копать 82
 корабль 145
 краса 312
 красный 312. 313
 кудесник 184
 культура 152
 культурный 152
 кумир 165. 260
 кут 184
 кутейник 185
 куть 184
 кутья 184. 185
 лад 336
 ласовица 331
 ласточка 331. 336
 лаять 127
 лебедь 336
 лев 126
 лес 173
 лошак 222
 лошадь 29. 100. 222
 луч 25
 лучше 25
 меня лихорадит 91. 92
 мерин 134. 139
 мертвый 22
 мрак 22
 небеса 53
 небо 102
 небо 53. 102
 нога 308
 об 105. 193
 обходить 105. 193
 общий 105
 овен 295
 овца 295
 озеро 100
 ой 80
 олень 137
 он 91
 она 91
 оно 91
 особа 105. 193. 196
 ох 79
 охать 79
 перст 242
 перстень 242
 печать 238

писать 225
 плевать 102
 познание 112
 познание 112
 почерк 232
 право 307
 разум 104
 ржать 138. 222
 рисовать 229
 кристалл 148
 кристаллище 229
 рисунок 229
 рог 137
 рой 104
 ройность 104
 рок 169
 рубить 83
 рука 82. 100. 126. 308
 рыба 126
 рыкать 126
 сам 195. 196
 сани 143
 себе 194
 семя 187. 188
 серебро 19. 28. 30
 синий 321
 скитаться 105
 скоморох 30
 скот 105. 184
 слава богу 91
 слеза 102
 слон 131
 смерд 20. 21
 смерть 22
 смурый 22
 собака 128. 193
 собина 105. 192. 193
 собственность 192. 194
 собь 193
 соль 30
 сорок 300
 сотня 105
 спасибо 91
 спаси бог 91
 стадо 104. 105
 стайность 104
 сталь 104
 стекло 323
 стекольный 323
 стоять 105
 судьба 100
 судья 195
 сумерки 22
 теза 232
 тезвины 232
 тезин 232
 тезка 232
 тезя 232
 телега 142. 143
 то же 232
 точка 331
 тризна 30. 31
 турман 346
 убогий 166
 утренник 24
 ух 83

ухнуть 83
 хоробрый 11. 19. 22
 хвост 131
 хлопоты 255
 хобот 131. 136
 хороший 11. 19. 20. 266
 храбрый 11. 19. 22
 чекан 232
 чеканить 232
 черта 232
 черкнуть 232
 чертить 232
 царапать 234
 шакал 127
 шаман 268

Рутульский язык

sađ один 286

Самаританский язык

arke окно 324

Самоедский язык

ул вода 37

Санскритский язык

ibhañ слон 130
 karota голубь 202
 subhā блестящий, ясный,
 чистый 256
 gramañ служитель божества
 268
 svasār сестра 33

Сербско-хорватский язык

lāda супруга 336

Сванский язык

amig десять 274. 275
 asun дочка 318
 a tarmađ ради бога 254
 ugswa шесть 259. 285
 ueq̄w женщина 303
 ueyb два 288. 303
 uesh шесть 259. 285
 uor два 302
 uur два 302
 uurt по два 288
 deq̄ da ни один из двух 277.
 287. 290. 303
 dede kamrā (эперск., парск.,
 лахм.) небесный свод 201
 gim земля 260
 dohdul месяц 330. 331
 gwimara вереск 204
 gwimor вереск 204
 gentunkamrā (эперск., парск.,
 лахм.) края колыбели
 с полусферическим верхом
 201
 ġermeđ бог 115. 165. 264. 266.
 268
 ġerđā бог (родит. пад.) 184
 ġerđā rga милость бога 257
 kalmađ рыба (живая) форель
 146

katara (лашхск.) свод 201
 katara (чолурск., лентехск.)
 свод 201
 katara (лашхск., халд.) дере-
 вянные перекрещиваю-
 щиеся арки на столбе,
 украшенном в память
 умершего 201
 kamra свод, арка 201. 216
 kamrau (халд., ип., мул.) свод
 201
 kamrā (ушк.) полукруг, круг,
 круглый свод здания 201
 karra челюсть 202
 kub гроб 216
 qer рука 172
 lemesg оговь 83
 liri писать 231
 hiswed стоять (об иконе, о выс-
 шем), поставить, приносить
 покойников 332
 meškād печать, перстень 236—
 238
 nekra подборонок 202
 niñicñ вода 163
 qođā хороший 12. 15
 qoša большой, старший, вели-
 кий 15
 pil rot, губы 102
 fauskud вещая птица 256
 qew два 290
 qeq̄w женщина 303
 qev три 302
 qib три 302
 sark зеркало 323
 sem три 287. 302
 sgeys семь 300
 sgoñiq̄ изволят быть 332
 sker ряд 236
 t̄gra бук 238
 tkilyan святой 256. 257
 ŋar глаз 320
 ŋer глаз 320
 ŋō месяц 329
 ŋqum голова 187
 tarmađ бог 165. 195. 251. 268
 ter потолок 203
 ŋuz рыба (сушеная или соле-
 ная) 146
 vargar дворяне 15
 woñshñ пять 258
 zgefs семь 247

Сирийский язык
 shaṣtaf час 89
 farbaṣ четыре 293
 ṣaḏira богатый 274
 ṣsar десять 274
 farūḏ лев 126
 ṣema ягненок 295
 kani наименовал, назвал 239
 karkā город, круг 87. 164. 168.
 321
 kupaḏ наименование 239
 kurḡaḏ судьба, жребий, клеймо,
 знак 240

kəḏab написал 235
 kebōgā гробница 210
 kerba овца 295
 qawe окна 324
 qawḏa окно 324
 piḡa ярмо 339
 qatšā пять 258
 qadīnā воступ, топор 150
 qoḏmā печать 235
 qḏakga идол, языческое божество 233
 gushmā знак 230
 gvak лег, опустился вниз 294

Кирифский язык

*agmā один 277. 284
 *argm верхнее небо 260
 *spou глаз 277
 *spu глаз 277
 *ḏagm преисподнее небо, море 260

Старославянский язык

елень — олень 137. 143
 вельбжд — верблюд 136
 даждь 332
 даждь 332
 лада 336
 ладо 336
 харь 20

Суоми

ома собственный 192
 upmala бог 166
 hūvā хороший 267
 kala рыба 123
 кер колдовская палка 243
 kolme три 284. 287. 301. 302
 kulta золото 183
 kümēn десять 275. 305
 lukea читать, считать 229. 247
 mā земля 123
 гаамату писание, библия 230
 silmä глаз 102
 tauvas небо 255. 257. 264
 vies вода 102
 voпп телега 142. 143

Табассаранский язык

kō два 289
 sa один 286

Тиндийский язык

ke два 290
 gehēn небо 263

Тумузский язык

dygan четыре 302
 ḏur два 302

Турецкий язык

altı шесть 288
 arba телега 142
 arslan лев 128
 aslan лев 128

он десять 276. 301
 ual грива 135
 uedī семь 288
 yer земля 113
 bitmek писать 225
 bu этот 192
 gem лодка 145
 deve верблюд 137
 qebüder голубь 202
 kol рука 290
 kul рука 290
 qofak собака 128
 tāngri бог 256
 tışan десять тысяч 275
 ḏeb левая сторона 194

Удический язык

qol рука 290
 qul рука 258. 290
 ša один 286
 shel хороший 12

Удмуртский язык

in небо 246
 imar бог 246. 250. 260
 urobo телега 142
 bur правый 267
 goj черта, линия 235
 gojпы писать 235
 kar город 87
 kyon волк 128
 kort топор 149. 151
 hūdзымы читать 229
 mi земля 178
 muzem земля 178
 pei ухо 102
 pei,la дует, шепчет заговор 102
 pei,te дует 102
 rukogaz, дровосек 151
 val лошадь 48. 132. 139. 147

Украинский язык

гарный — хороший, добрый 11. 20 266
 рик — судьба 169
 рок — год 169
 харный — хороший, добрый 11. 20

Умбрийский язык

turskim nimen этрусское имя 31

Французский язык

état состояние 105
 il fait chaud меня жарит, мне жарко 91. 92
 il pleut идет дождь 91. 92
 inciser высекать, вырезать 221
 oliphant (старофр.) слон 129. 130
 blé хлеб 179
 bon хороший, добрый 11
 dieu бог 249. 250
 feu огонь 79. 83
 flamme пламя 79. 84

frein узда 134
 germain двоюродный 115
 hélas увы 80
 heunir ржать 134
 care (беарн.) голова 74
 cave погреб 82
 cerf олень 137
 chambre комната 200
 char колесница, телега 143
 chef голова, глава 74
 cheval лошадь 132. 139
 chevaucher ехать верхом 139
 chèvre коза 74
 crabe (беарн.) ягненок 74
 mont гора 139
 monter ездить верхом 139
 monter à cheval садиться на лошадь 139
 paladin рыцарь, богатырь 134
 palefrenier ковок, стремянный 134
 palefroi парадная лошадь, дамская лошадь 134
 père отец 180
 pleuvoir падать дождю 102
 propre собственный, чистый 191
 propriété собственность 191
 pucelle дева 53
 quatre-vingts восемьдесят 10
 renne олень 138
 rugir реветь (о льве) 126
 semelle подошва 110
 seiche каракатица 132
 soleil солнце 92
 soixante-dix семьдесят 10
 terre земля 101. 109

Халдский язык

euri вода 223
 bura десять тысяч 275
 lutu жена, супруга 336
 ratarı город 279
 qald бог 240
 ra лошадь 48
 seḏıgı живой 317

Хваршинский язык

ku два 289

Чанский язык

ашш шесть 285
 ar (диал.) один 283
 arḏ один 283
 ekināḏqa вторник, день неба, день воинствующей силы 16
 erkināḏqa вторник, день неба, день воинствующей силы 16
 onḏaru писать 231. 236
 osure девушка 318
 osuri девушка 318
 oḏofu ловить, хватать, брать 304
 uḏgısh-i лучший 12. 16

yig два 288. 302
 yп два 302
 wiš 6
 dud голова 276
 dud голова 204
 dudaga свод, арка 204
 Ŗqua вы 189
 gwimog вереск 204
 gal вода, речка 9
 gormoš бог 251. 259. 264. 266
 jиг два 287. 302
 kibyr зуб 130. 132
 kušqe нога 293
 lak собака 127
 maikind печать, перстень 237
 ми он, тот (в косв. падежах)
 192
 murğ земляника 123
 sum три 286
 skan твой 189
 tub близнецы, пара 287. 304
 ikub близнецы, пара 287
 řand муха 328
 řar грамотность 232. 241
 řuřa месяц 330
 řři мы 189
 řřogo девять 304. 305
 řřua вы 189
 řum три 301. 302
 řorę хороший 12. 17
 řrosи хороший 12. 17

Ученский язык

řele бог 337
 řiku хороший 12
 řiqiř (н) хороший 12
 řiqy (м) хороший 12
 řm лошадь 19

Чешский язык

řada согласие 336
 řada (др.) девушка 336

Чувашский язык

al рука 307
 alaja лошадь 267
 ařaslan лев 128
 uraba телега 142—144
 уомаз колдун, знахарь, кудес-
 ник 193. 227. 268
 ушмаз колдун, знахарь, ку-
 десник 193
 кауек птица 257. 265
 кар город 87. 168
 керемеš дух зла, бог 251. 272
 керемеš řuganě бог 227
 kėřex сорок 301
 křmě корабль, лодка 145
 křemeš бог 266. 272
 řel десять 275
 řagas давать 37
 řiřek пять 261. 304
 řlek пять 261. 304
 řigaп, стул 265
 řigaпe кукла, идол 227

řuř, голова 276
 řelap олень 143
 řol рука 290
 řni рука 258. 290
 řakęr восемь, букв. два десять
 304
 řelap слон 131
 řыг писать 221
 řer узор, пестрота 221
 řera узорчатый, пестрый 221
 řerotřышы вышивать 221
 řęředny пестрить 221
 řřtmel семьдесят 261
 řere вышивание, вышивка 221.
 232

řerętu вышивать 232
 řerle вышивать 232
 řevě верблюд 137
 torę бог 250. 252. 316. 330
 turę бог 250. 252. 316. 330
 řęřer девять 304
 řul, камень 150
 řи вода 253
 řиш великий 260
 řишkиn паша, букв. великий
 день 260
 řiřę три 302
 řon десять 301
 řиш десять 301
 řиш вода 9. 326

Шумерский язык

a вода 9. 326
 an бог, небо 246. 316. 337. 338
 anuш небо 340
 anuakı чудовище — бездва
 340
 anuřitum ласточка 340—342
 anu небо 339
 ar дом 337
 řtu месяц 329
 u бог 326
 ug лев 127
 řg день 127
 ur собака 126
 urmağ лев 126. 127
 řal женщина 347
 řar голубь 348
 řu лев 126. 127
 mağ великий, большой 126
 řи год 123
 řam небо, рок, предопределе-
 ние, назначение 53
 řar бог 53
 řiřig лев 127. 128
 řub печать, письмо 238
 řar писать 231
 řи рука 321

Эстонский язык

řea хороший 267
 kolm три 287
 řasmat писание, библия 230
 řaevas небо 257
 řanker колесница 142

Этрусский язык

řar отец 180
 řersu 192
 řal два 296
 řal два 296. 297

Эфиопский язык

řätřs пять 258
 řqř змея 339
 řarbař четыре 293

Южноарабский язык

řrbř четыре 293

Юкагирский язык

alma шаман 268
 an řadadřri его слезы 37
 řřи вода 37
 ři его 37

Японский язык

řon, книга 239
 kimi император, царь, суверен-
 монарх 260

ЭТНОНИМИКА

abask 215
 abasq 329
 abřaz 329
 alan 311
 ařswā 15
 ařay 19
 aru 24
 euskaldun 18. 26
 eskualdun 26
 eskwaldun 27
 etrusk 31. 217. 226
 iber 20. 28. 190. 226. 253. 278.
 315
 iberо-sarmat 29
 imer 15
 imerel 15
 ispan 315
 ital 129. 315
 yon 8. 17
 bask 225. 278
 berber 182
 berden 21. 237
 řamır 216
 řardman 14
 řerman 115
 řimřay 260
 řomer 166. 260
 řay 167. 217. 279
 řispan 129
 řen 130
 řil 279
 řiř 130
 řarduq 240
 řas 14
 řimer 20. 253. 260. 278
 kolq 20. 184. 186
 komı 195
 řarřvel 14. 184. 240

qorðu 184
 qurş 184
 lak 17
 las 226 229. 230
 laz 17
 lazg 17
 lek 17
 lezg 17
 libwes 226
 libws 53
 ligur 28
 mask 15
 merya 102
 mesq 278
 mosoq 278
 momk 278
 palastu 217
 patuag 237
 pelasg 20. 24. 26. 217. 226.
 230
 peşeneg 237
 pikt 224. 225
 pihtu 217
 purasati 217
 puu 8. 18
 plebe 26. 217
 plebey 20
 qoynik 8. 18
 qald 167
 qaldın 167. 184
 qazar 168. 216
 qazır 216
 qorvat 19
 rus 25. 226
 sarmat 19. 187. 195. 226. 251.
 253
 sarmato-iber 28. 29
 someq 169 195. 198. 272
 sou 18. 237
 sonmesq 278
 suomi 169. 195. 198
 subar 115. 190. 195
 suvar 169. 195
 skif 27. 184. 186
 skolot 27. 105. 184. 186. 253.
 278
 sknða 35. 105. 184. 186.
 190 253. 256. 257. 278. 311
 slavanın 27
 smardon 21
 smerd 20. 195. 271
 svan 18
 svano-mesq 278
 taləm 350
 torastı 263
 tursk 31
 twrsenoy 31
 ʃan 237
 ʃeynq 237
 ʃuvash 195
 ʃevam 169. 263
 vask 15
 vaskon 225
 ven 130
 vesy 102
 vumer 253. 278

ТОПОНИМИКА

Agade 310. 341
 Adarbaydan 355
 Adur 333
 Azerbaydan 252
 Aqwitania 27
 Alpes 297
 Apenninus 297
 Apulia 226 297
 Argam 355
 Arqumameyn 356
 Armawir 355
 Armaz 251
 Artanuq 191. 355
 Arshakamen 354
 Asteria 336. 337
 Atarpatakan 252. 262. 338. 355
 Aşēnae 112
 Atropatene 262. 338
 Bazkert 354
 Bazunıq 354
 Halys 9
 Georgia 20
 Golʃan 350
 Hippos 125
 Hispania 216
 Daudra 329
 Delos 337
 Delqoy 338
 Don 37
 Drandara 329
 Drandra 329
 Dunay 47
 Ewropa 16
 Erech 310. 325
 Etnuni 354
 Iberia 315
 Imereʃi 15
 Ispania 315
 Ispir 15
 Itala 117. 141. 315
 Karbi 265
 Kibura 209
 Kolşene 350
 Qutais 190
 Latum 112
 Leşqum 187. 278
 Lukos 59
 Masiq 278
 Masis 334
 Nive 2
 Numantia 87
 Olbia 87
 Orbel 87
 Ortygia 336. 337
 Pazuni 355
 Paytarakan 355
 Puratu 343
 Rabbat Ammana 335
 Rha 48. 125. 168. 229
 Roma 112
 Sibarıs 115
 Sidon 8
 Sinop 8
 Sippar 320

Sispır 15
 Sper 15
 Subar 169
 ʃeşaha 137. 141
 Utıq 216
 ʃoqa 87
 ʃopi 87
 ʃqumır 278
 ʃaisı 204
 ʃaşı 204
 ʃqum 187. 278
 Toroq 14
 Şubashkar 169

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

(мифические, культовые,
бытовые)

Abarskil 50
 Agni 50
 Adal 315. 316. 326—329. 331.
 332
 Adramelek 327
 Aydar 321. 328
 Aqwitan 27
 Alatu 317
 Amatuni 355
 Amiran 50
 Anu 310. 338. 341. 347
 Anum 319. 338. 339
 Apet 49. 50. 52
 Aram 266
 Arberani 355. 356
 Ardın 191. 355
 Armaz 251. 254. 268
 Armen 264. 266. 268
 Armenak 266
 Armakuni 353—355
 Armaruni 355. 356
 Astartē 314. 324
 Astēria 19. 318. 325. 335—338.
 349
 Aşar 326
 Aşēna 19
 Aşergatis 327
 Atropat 263
 Aprodita 131. 345
 şamerā 314
 şamitor 315. 327
 Şamşoreş 314. 315. 324. 327.
 334
 Bagratuni 354
 Baz 354
 Biña 354
 Böz'ə'nuni 354
 Veysa 102
 Venera 309
 Venus 314 343
 Visa 102. 350
 Hadar-Şerer 327
 Gargantua 250
 Haşor 326
 Hermes 165
 Heqest 51

- Gemdar 315
 Geštar 310
 Gumirtä 260
 Dabog 332
 Dada 327
 Dađa 328. 329
 Dadzibog 332
 Dadzibog 332
 Dasbogovicz 332
 Daczbog 332
 Daŷ 330
 Dēle 337
 Dilhat 337. 338
 Dietrich 181
 Ea 347
 Emdar 315
 Iapeš 49
 Iseult 102. 350
 Isolde 102
 Ister 324
 Iŷar 318. 320. 321. 328. 350
 Imtar 252. 308—310. 314—322.
 324—329. 332. 334. 341.
 345—350
 Karapet 115. 233. 251. 264. 266.
 268. 278
 Karment 266. 268
 Karmenta 265. 268
 Karmentis 265
 Karpi 265
 Kastor 314
 Keremet 15. 165. 251. 268. 272
 Kopala 166
 Kopale 166
 Kronos 319
 Lato 336
 Leto 336
 Manuk 357
 Melte 15. 22. 23
 Mercurius 164
 Namurtu 53
 Namumtu 53
 Neptun 53. 156—161. 163
 Netunsl 53. 157—161. 163
 Octavius 300
 Polidewks 329
 Poseidaon см. Poseidon
 Poseidon 8. 156. 158—160. 237.
 238
 Poseydaon см. Poseidon
 Poteidan см. Poseidon
 Poteydaon см. Poseidon
 Prometheus 49. 50. 191
 Ramman 316
 Rev 356
 Rok 169. 356
 Rəmtuni 354
 Sabadı 262. 268
 Sabadios 262. 264. 268. 278
 Saharuni 354
 Samaš 328
 Sarŷenik 102. 350
 Saturn 316
 Saturnus 319
 Sm 321
 Skule 256
 Smerd 22
 Stribog 227. 243
 Sturus 263
 Tarberuni 354
 Tiwr 241
 Tindareos 329
 Tistrya 349
 Tmtar 348. 349
 Treb 227. 243
 Trehendar 227
 Trebula 226. 243
 Tribula 227. 243
 Tristan 27. 350
 Tribu 227
 Turan 252. 315. 316. 330. 334
 Uhtavvis 300
 Uran 316
 Uranos 316. 319
 Fistrya 349
 Qawāh 303
 Qqar 233
 Šala 308
 Yumal 192
 Yumala 192
 Yupiter 343
 Yapeš 49. 50. 52

III—IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

- Анаксимандр (ок. 610 — ок. 547 до н. э.) 113
 Анаксимен (ок. 588 — ок. 524 до н. э.) 113
 Ариапиф 256
 Аристотель (384—322 до н. э.) 93. 107. 129.
 132
 Аршакиды (II в. до н. э. — V в. н. э.) 354. 355.
 358
 Атеней (Athenaios) (ок. 170—230) 208
 Ахемениды (VI—IV вв. до н. э.) 45. 165. 170.
 271
 Бартоломе, Христиан (Christiau Bartholomae)
 349. 354
 Бартон, Г. А. (G. A. Barton) 326
 Богданов, Александр Александрович 78—84
 Бонапарт, Наполеон 1
 Браун, Федор Александрович (Friedrich Braun)
 5. 201
 Брим, Вениамин Адамович 30. 312
 Брюннов, Р. (R. E. Brunnow) 341
 Буазак (Boisacq) 11. 201. 209
 Бугге, Софус (Sophus Bugge) 347
 Буше-Леклерк, Огюст (Auguste Bouché-Le-
 clercq) 344
 Быховская, Софья Львовна 208
 Бэттен (Baethgen) 328
 Вальде, Алоиз (Alois Walde) 11. 23
 Вардан Айгегский (XIII в.) 45. 351
 Варрон (Marcus Terentius Varro) (116—27
 до н. э.) 208
 Вахшт (XVIII в.) 329
 Вейднер, Эрнст Ф. (Ernst F. Weidner) 338.
 341—344
 Видамовиц-Меллендорф, Ульрих (Ulrich von
 Wilamowitz-Möllendorff) 26
 Винклер, Гуго (Hugo Winckler) 316
 Вуллерс (Vullers) 349
 Гагик 200
 Галеви, Иосиф (Joseph Halévy) 317
 Гейзенберг, А. (A. Heisenberg) 210
 Генко, Анатолий Несторович 20. 201. 205. 210
 Гераклит Эфесский Темный (ок. конца VI и на-
 чала V в. до н. э.) 113. 213
 Герман, патриарх константинопольский (715—
 722) 207
 Геродот (около 485—425 до н. э.) 20. 26. 53.
 54. 129. 311. 355
 Гесиод (ок. конца VIII в. — половины IX в. до
 н. э.) 48—50. 52. 129
 Гомер 16. 20. 42. 48. 52. 93. 129. 143. 229. 268.
 272
 Гоммель, Фриц (Fritz Hommel) 341.
 346. 347
 Гораций, Флакк (65—8 до н. э.) 210
 Григорий Магистр 351
 Грундеман, Рейнгольд-Карл (Rheinhold-Karl
 Grundemaun) 95
 Гюбшман, Генрих (Heinrich Hübschmaun)
 201. 221. 353—355
 Гумбольдт, Вильгельм (Wilhelm von Humboldt)
 27
 Деймель, Антон (Antonius Deimel) 309. 310.
 314.
 Делич, Фридрих (Friedrich Delitzsch) 126. 241.
 337
 Дерпфельд, Вильгельм (Wilhelm Dörpfeld) 29
 Джанашия, Николай Семенович 321. 328
 Домициан, Тит Флавий (Titus Flavius Domitia-
 nus) (81—96) 211
 Дондуа, Кариез Дарнспанович 20
 Дресеке (Gräseke) 209. 212. 213
 Дю Канж, дю Френ, Шарль (Charles du Fresne
 du Sange) 206
 Евдокья, императрица (422 — конец V в.) 212
 Евдокс Книжский (409—356 до н. э.) 336
 Еврипид (480—406 до н. э.) 50. 143
 Жебелев, Сергей Александрович 336
 Зенобий 214
 Зоммерфельт (Sommerfeld) 43
 Иеремияс, Альфред (Alfred Jeremias) 309. 314.
 317
 Иеремия 59
 Иеринг, Рудольф (Rudolph von Ihering) 76
 Иоани, патриарх Грузии 203
 Иоани Златоуст (347—407) 205. 207
 Камбиз (VI в. до н. э.) 165
 Кассирер, Эрнст (Ernst Cassirer) 55
 Катулл (л. Valerius Catullus) (87—54 до н. э.)
 345
 Кишшидзе, Иосиф Алексеевич 204
 Кир Старший (VI в. до н. э.) 22
 Кледа (Clédat) 191
 Клермон-Гаино, Шарль-Симон (Charles-Simon
 Clermont-Ganneau) 336
 Ключевский, Василий Осипович 311. 312
 Козлов, Петр Кузьмич 171
 Контено, Жорж (Georges Coutenau) 310
 Кречмер, Пауль (Paul Kretschmer) 336
 Критий (V в. до н. э.) 50
 Крымский, Агафангел Ефимович 109
 Кунов Георгий (Heinrich Cunow) 43
 Кушнер (Кнышев) Павел Иванович 176
 Кюни, Альберт (Albert Cuny) 224
 Лагард, Поль Антуан, де (Paul Antoine de La-
 garde) 201
 Лагранж (Lagrange) 315. 328. 329
 Леви, Сильвен (Sylvain Lévy) 45
 Леви-Брюль, Люсьен (Lucien Lévy-Bruhl)
 70. 106
 Лейст, Буркардт-Вильгельм (Burckard-Wilhelm
 Leist) 43
 Ленин, Владимир Ильич 120
 Ленорман, Франсуа (François Lenormant) 317
 Ловягин, Александр Михайлович 219
 Лукреций (Titus Lucretius Karus) (99—55
 до н. э.) 208
 Люшер, Дени-Жан-Ашиль (Denis-Jean-Achille
 Luchsair) 27
 Макалистер, Стюарт (Stewart Macalister) 210—
 213. 217
 Малев, Александр Иустинович 219
 Мальковати, Енрико (Enrico Malcovati) 48. 50
 Мансикка, В. Ж. (V. J. Mansikka) 331. 332
 Марк Диакон 209. 211. 213
 Маркс, Карл (Karl Marx) 75. 77. 182
 Марр, Юрий Николаевич 108. 318
 Мейе Антуан (Antoine Meillet) 41—43. 56.
 76. 94
 Мейер, Эдуард (Eduard Meyer) 24

- Милани, Л. А. (L. A. Milani) 165. 346
 Милле, Габриель (Gabriel Millet) 199
 Миллер, Александр Александрович 47
 Миллер, Всеволод Федорович 260
 Моисей Хоренский (около V в.) 343. 350. 354
 Мольтке, Гельмут-Карл-Бернгард (Hellmuth-Karl-Bernhard von Moltke) 343
 Моммсен, Теодор (Theodor Mommsen) 227
 Морган, Льюис-Генри (Lewis Henri Morgan) 43
 Мосхион 54
 Мухарджи 179
 Мюллер, Фридрих (Fridrich Müller) 186
 Нигидий Фигул (Publius Nigidius Figulus) (ум. 45 до н. э.) 342. 343
 Нидерле, Любер (Luber Niederle) 332
 Никита Пафлагонский (IX в.) 207
 Ниссен, Генрих (Heinrich Nissen) 208
 Нельдеке Теодор (Theodor Nöldeke) 186
 Нуаре, Людвиг (Ludwig Noiré) 80.
 155
 Овидий Публий Назон (Publius Ovidius Naso) (43 до н. э. — 11 н. э.) 345
 Опперт, Жюль (Jules Oppert) 317
 Орбели, Иосиф Абгарович 16
 Орбелиани, Сулхан-Саба (XVIII в.) 201
 Орбазий Пергамский (326—403) 201
 Отран, Шарль-Жорж Марсель (Charles-Georges-Marcel Autran; 16
 Пиндар (522—448 до н. э.) 42. 129
 Пифагор (VI в. до н. э.) 114
 Плиний младший (С. Plinius Caecilius Secundus) (52—114) 133
 Покровский, Михаил Николаевич 56. 177
 Порфирий, епископ газский 209—211
 Пресняков, Александр Евгеньевич 169
 Протагор (480—411 до н. э.) 54
 Прудон, Пьер-Жозеф (Pierre-Joseph Prondhon) 182
 Птолемей, Клавдий (II в.) 227
 Рейнак, Саломон (S lomon Reinach) 1. 52
 Родбертус, Иоганн-Карл (Johann-Karl Rodbertus-Jagetzow) 77
 Руставели, Шота (XII в.) 267
 Рязанов, Давид Борисович 182. 351
 Саллюстий 217
 Симеон Солунский (ум. 1429) 207. 207
 Скилес 256
 Смердис (VI в. до н. э.) 22
 Сольмсен (Solmsen) 201
 Соссюр, Фердинанд, де (Ferdinand de Saussure) 6. 7. 224
 Сталин, Иосиф Виссарионович 120
 Степан Асогик 124
 Стефан Византийский (VI в.) 208
 Страбон (Strabo) (I в.) 27
 Стржиговский, Иосиф (Josef Strzygowski) 213.
 214
 Струве, Василий Васильевич 326
 Такайшвили, Ефим Семенович 203. 204
 Тальгрен, Михаил Маркович (Arne Mikko Tailgren) 124
 Тард, Габриэль (Gabriel Tard) 75
 Тибулл (Albius Tibullus) (I в. до н. э.) 345
 Тиле, Корнелий (Cornelis Petrus Tiele) (1830—1902) 317
 Томашевский, Всеволод Брониславович 318
 Траян (M. Ulpus Trajanus) (53—117) 210
 Тромбетти, Альфред (Alfredo Trombetti) 74
 Турэв, Борис Александрович 326
 Уленбек, Христиан Корнелий (Christianus Cornelius Uhlenbeck) 10
 Фалес (VII в. до н. э.) 113
 Фармаковский, Борис Владимирович 86
 Фахрэддин Гургани (XI в.) 350
 Фейербах, Людвиг (Lüdwig Feuerbach) 182
 Фест (Sextus Pompeius Festus) (II—III вв.) 134
 Френкель, Герман (Hermann Fraenkel) 98
 Фик, Август (August Fick) 16
 Фотий (IX в.) 206. 207.
 Хилл, Г. Ф. (G. F. Hill) 209. 213
 Хорн, П. (Horn) 185. 230
 Цезарь, Кай Юлий (Cajus Julius Caesar) 100—44 до н. э.) 27
 Чемберлен, Гаустон Стюарт (Houston Stewart Chamberlain) 1
 Шанидзе, Акакий Гаврилович 324
 Шарле, Никола Тусэн (Nicolas Toussaint Charlet) 92
 Шлиман, Генрих (Heinrich Schliemann) 29
 Шмидт, Вильгельм (Wilhelm Schmidt) 94. 95
 Шмидт, П. II 277
 Шрадер, Отто (Otto Schrader) 125. 126. 128. 129. 141
 Штернберг, Лев Яковлевич 52
 Шульте, Адольф (Adolf Schultea) 2
 Шухардт, Гуго (Hugo Schuchhardt) 155
 Шухардт, Карл (Karl Schuchhardt) 26. 29. 31. 32
 Эванс, Артур (Sir Arthur Evans) 44
 Эмин, Мкртыч (Никита Осипович) 241
 Эмпедокл (V в. до н. э.) 51
 Энгельс, Фридрих (Friedrich Engels) 75. 93. 98. 180. 181. 182
 Эсхил (525—466 до н. э.) 42. 49. 50
 Ютков, Серафим Владимирович 20. 21
 Ягич, Игнатьи Викентьевич (Vatroslav Jagić) 332

- Авраам 200
 Ад 92
 Адад 308. 316. 326. 330
 Адам 49
 Айтар 328
 Амиран 92
 Ану 308. 338
 Аполлон 241
 Арес 51
 Ассур 308
 Астарта 335. 336
 Астерия 336. 337
 Афина 54. 112.
 Афродита 3. 51. 251. 252. 315.
 337. 345
 Афродита Урания 2. 260. 315.
 316. 330. 334
 Баз 357
 Беел-Зебуб 328
 Бел 328
 Баал 328
 Валькирии 314
 Венера 51. 92. 308. 310. 316.
 318. 334. 337. 343. 348
 Виса 350
 Георгий 20. 92
 Геркулес 336
 Гермес 114. 115. 241
 Гештар 51. 54
 Гештарь 310
 Даж-бог 331
 Дажь-бог 332
 Дач 330
 Деметра 52
 Джаджа 328
 Джешмид 205
 Ева 303
 Егор Змеоборец 20
 Зевс 49. 51. 52. 336
 Иоанн Креститель 233. 266
 Иона 147
 Иракл 336
 Исольда 2. 3. 39. 309. 348. 350.
 Итара 320. 323
 Иштарь 2. 3. 51. 52. 54. 252.
 308—310. 313—317. 319—
 322. 324—331. 334—338.
 343. 345. 346. 348—350
 Карапет 265. 266
 Кастор 329
 Кербер 92
 Кибела 51. 326
 Купала 166. 192
 Кый 15. 27
 Лада 336
 Латона 336
 Леда 336
 Манаваз 357
 Мардук 316
 Марс 51
 Меркурий 154. 241
 Минерва 92. 112
 Михаил 349
 Нептун 53. 54
 Нимврод 53. 54. 308. 343
 Озирис 88. 89
 Перун 331
 Петр 211
 Подукс 329
 Посейдон 8. 51—54. 157. 238.
 251. 260. 272
 Посидон см. По ейдон
 Прометей 45—52. 54
 Рем 112
 Ромул 112
 Сабазий 262. 264
 Саргения 39. 350
 Сатурн 316
 Сисиф 50
 Смерд 271
 Тивр 241
 Тигран 350
 Тиндар 329
 Тиндариды 329
 Тот 326
 Тристан 2. 31. 309
 Туран 2. 3
 Феб 241
 Хорив 15. 19. 27
 Хорс 20
 Христос 85. 207. 211. 214
 Шали 308
 Шек 15. 27
 Юпитер 41. 343.
 Ярослав 357
 Ярослав 357

V. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абхазия 267. 328. 329
 Австралия 44. 108
 Агда 310
 Адур 334
 Адыш 353
 Азербайджан 152. 258. 263.
 313. 338. 350
 Азиатский Север 58
 Азия 5. 58. 61. 115. 148. 171.
 180. 231. 268. 271. 346.
 См. также Северная Азия,
 Центральная Азия, Сред-
 няя Азия.
 Акритания 27. 333
 Албания Кавказская 152. 169.
 216
 Альпы 142. 297
 Америка 2. 44. 108. 113. 197
 Аму-Дарья 101
 Амур 59
 Англия 39. 309
 Ани 200
 Апеннинский полуостров 20.
 26. 268. 297
 Апеннины 141. 297
 Арарат 278
 Арль 200
 Армения 5. 21. 27. 45. 47. 59.
 73. 83. 92. 101. 102. 108. 135.
 136. 152. 169. 170. 175. 181.
 198. 202. 211. 212. 216. 223.
 240. 262—265. 278. 284.
 321. 349. 350. 353. 354.
 356
 Аршаканен 354
 Ассирия 329
 Астурия 142
 Афины 92. 112
 Афон 353
 Афреазия 158. 219. 273. 350
 Африка 5. 44. 64. 101. 108. 115.
 148. 182. 197. 226. 346
 Ахалцихский район 108
 Ахея 115
 Байонна 333. 334
 Балканы 63. 141
 Бан 200
 Баския 101. 309. 333
 Батум 167
 Белая Вежа 322. 323
 Биарриц 101
 Бери 17. 18
 Бриндизи 115
 Британия 59. 224
 Британские острова 14. 348
 Британский остров 224
 Брюссель 199
 Вавилон 345
 Вавилония 316. 343
 Вагаршапатская равнина 265
 Ван 215
 Ванский район 266. 358
 Ванское озеро 27
 Великобритания 224
 Венгрия 171
 Венеция 207
 Византия 214
 Владикавказ 93
 Волга 38. 48. 59. 63. 101. 115.
 125. 168. 169. 229—231.
 258. 261. 268. 272. 326
 Волжско-Печорский район 229
 Вол-Камский Север 268
 Восточная Европа 63. 115. 136.
 165. 170. 171. 174. 196. 227.
 231. 232. 353
 Газа 209. 211. 212. 214. 215.
 217
 Галлия 59. 139. 142. 200
 Геон 49
 Германия 333
 Гехамские горы 92. 211
 Гипсос 17
 Голгофа 214
 Греция 38. 45. 47. 49. 112. 135.
 160. 162—165. 172. 181.
 235. 262. 314. 352
 Грузия 21. 102. 108. 152. 165.
 168. 169. 175. 192. 198. 203.
 211. 212. 216. 228. 233. 251.
 254. 255. 272. 324. 355.
 Гурган 350
 Гурия 185. 198
 Дагестан 17. 187. 263. 290
 Дальний Восток 239. 260
 Дальняя Азия 231
 Дануб 125
 Делос 336—338
 Дворанор 356
 Дигор 350
 Диепр 19
 Дон 125
 Дунай 125
 Европа 1. 2. 4. 5. 14. 23. 28.
 29. 39. 49. 68. 64. 95. 100.
 101. 107. 109. 112. 113.
 127—129. 142. 148. 180.
 226—228. 231. 271. 311.
 336. 343
 Евфрат 43. 343
 Египет 59. 88. 115. 217
 Едесса 343
 Енисей 58
 Ерех 310. 314
 Ефес 211
 Закавказье 28
 Западная Европа 39. 47. 59.
 63. 74. 102. 110. 126. 127.
 174. 217. 221. 235. 271. 325.
 350
 Звартноц 200
 Иберийский полуостров 28
 Иберия 15. 132
 Иберия Испанская 20. 29
 Идумея 330
 Иерусалим 214
 Имеретия см. Имерия
 Имерия 15
 Индия 1. 45. 101. 112. 113. 179
 180. 231. 268
 Иран 1. 22. 39. 59. 180. 321. 358
 Испания 2. 4. 27. 29. 58. 59.
 115. 142
 Италия 26. 47. 115. 141. 160.
 163. 165. 217. 226. 235. 315.
 316. 347
 Иудея 346
 Кавказ 4. 5. 12. 14. 15. 17—20.
 22. 23. 28. 38—40. 46—48.
 50. 51. 53. 58. 59. 63. 74.
 87. 92—94. 100—102. 105.
 108. 115. 123. 145—147.
 150. 152. 163—167. 169.
 171. 172. 175. 180. 181. 183.
 184. 196. 199. 200. 215. 217.
 219. 222. 231. 235—238.
 246. 250. 251. 254. 257. 258.
 261—268. 266—268. 272
 281. 284. 288. 293. 300—
 302. 304. 307. 311. 323. 332.
 337. 350. 355
 Кавказский перешеек 40
 Кавказское междуморье 304
 Казах 108
 Казахский район 108
 Кама 125
 Капитолий 266
 Капшадокия 261
 Карментские ворота 266
 Каспий 350
 Каспийское море 326
 Кидеро 12. 17
 Киев 15. 19. 27. 28. 35
 Китай 36. 37. 58. 112. 113. 223.
 Кобяково городище 47
 Константинополь 207. 211
 Констанция 210
 Крит 217
 Куар 15. 27
 Куйлб 28. 35
 Кутаяс 190
 Ламго 288
 Ленинград 5. 124. 173. 337
 Лечхум 187
 Ливия 53. 54
 Лутеция 26
 Малая Азия 9. 59. 94. 105. 113.
 181. 217. 231. 346
 Мегрелия 204
 Междуречье см. Месопотамия
 Месопотамия 94. 101. 113. 114.
 127. 130. 150. 196. 231. 308.
 312. 327. 328. 344. 346. 347
 Мидия 28. 271
 Микены 29
 Нуманция 2
 Океания 197
 Олимп 48. 51
 Олтия 200
 Ольяия 87
 Орбел 87
 Осетия 260

- Палестина 212. 217. 218
 Памир 4. 5. 171. 219. 261. 297
 Пария 26. 123. 124. 171. 203
 Пархал 203
 Передняя Азия 2. 5. 59. 73.
 115. 231. 336
 Персидский Азербайджан 109
 Персия 63. 102. 109. 170. 202.
 350
 Пиренеи 5. 22. 38. 58. 59. 101.
 171. 219. 223. 297. 333. 346.
 350
 Пиренейский полуостров 2. 26.
 28. 140
 Померания 21
 Понт 8. 16
 Приволжье 58. 101. 135. 150.
 261
 Причерноморье Кавказское 125
 Пруссия 21
 Рейнский край 100
 Рим 92. 112. 124. 164. 165.
 198. 214. 266
 Рион 17
 Россия 19. 20. 22. 25. 174. 311.
 333. 336
 РСФСР 27
 Русь 20. 21. 25. 45. 165. 168.
 169—171. 311
 Рюген 21
 Сарматия 20
- Свания 87. 254. 262
 Северная Азия 59
 Северная Африка 140
 Северная Европа 136. 138
 Секвана 124
 Сена 124
 Сибирь 36. 43. 263
 Сидон 8
 Силезия 21
 Синоп 8
 Сиро-Палестина 346
 Скифия 38. 49. 50. 311
 Средиземное море 321
 Средиземноморье 2. 14. 27. 36.
 44. 51. 63. 68. 73. 131. 148.
 157. 161. 164. 165. 167. 171.
 211. 214. 217. 225. 226. 229.
 235. 261. 305. 313. 346. 350.
 Средняя Азия 101. 231. 268
 Средняя Европа 102. 231
 СССР 62. 90—94. 122. 123. 153.
 157. 198
 Суздальщина 169
 Таврический полуостров 20
 Танаис 125
 Ташир 354
 Тигр 49. 343
 Тикор 350
 Тиринт 29
 Тифлис 108. 128. 124. 355
 Трапезунд 167
- Троя 29. 31
 Туркестан 101
 Урал 59
 Урфа 313
 Фенек 200
 Фессалия 141
 Филадельфия 335
 Финикия 217. 218
 Финляндия 101. 196. 193
 Фракия 129. 262
 Франция 39. 58. 142. 222. 309.
 333. 348
 Хвалынское море 125
 Хопс 87
 Центральная Африка 101
 Центральная Европа 110
 Цхенис-цхали 17
 Черное море 16. 237
 Черноморский берег 167
 Черноморье 37. 38. 53. 59. 100.
 132. 164
 Чорух 14. 15. 191
 Чувашия 101. 125
 Чхара 233
 Шавшия 216
 Шорапань 233
 Эгейское море 344
 Эллада 112. 171
 Этрурия 142
 Эчмиадзин 200. 212
 Южная Европа 336

VI. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А-баски 176. См. также: Абхазы
 'Абсида' 215
 'Абсолютно существует' 190
 Абхазская грамматика 276. 277
 Абхазский язык 6. 12. 15. 19. 37. 39. 53. 58. 85. 86. 101. 127. 131. 133. 142. 143. 146. 147. 167. 183. 186. 190. 204. 215. 230. 236. 237. 241—243. 246. 250. 252. 255. 258. 259. 261. 267—276—278. 280—285. 289. 293. 295. 296. 303. 318. 320. 321. 328. 334. 350. См. также: Бзыбский диалект а. я.
 Абхазы 12. 15. 53. 101. 131. 133. 143. 146. 169. 252. 276. 280. 282. 321. 322. 328. 350
 Аварский язык 242. 250. 302. 336
 Аварг'ц'ы 237. 250
 Авестийский язык 33. 50. 186. 190. 233. 275
 Автохтоны 26
 Агглютинативность 6
 Агглютинативные языки 10
 Агглютинативный строй языка 6. 196
 Агглютинация 10
 'Агнец' 295
 Агульский язык 187
 Агульцы 187
 Адвербиальные выражения 189
 Адышское евангелие 353. 358
 Азербайджанские турки 321
 Азербайджано-турское население Армении 108
 Азербайджанские языки 290
 Азербайджанский университет в Баку 312
 Азиатские народы и племена 191. 346. 351
 Азиатские языки 64. 299
 Айсоры 108
 Академии 35. 36. 40. 59. 60. 76. 120. 122. 157
 Академия истории материальной культуры (ГАИМК) 35—36. 40. 59. 60
 Академия наук СССР 122. 124. 157
 Акание 101. 130. 145. 150. 185. 226. 255. 256. 265. 278. 282. 284. 285. 292. 301. 305. 314. 350
 Акающая группа 6. 8. 9. 14. 30. 135. 143. 251. 255. 321
 Акающий диалект греческого языка 7
 Акрагантская философская школа 51
 Активно-косвенный падеж 356
 Активный падеж 188. 356
 Аланы 311
 Албанский язык (на Балканах) 63. 249
 Албанг'ц'ы (на Балканах) 249
 Алданская система язык в 238
 'Алтарь' 17. 205. 206. 210
 Алфавит 46. 72. 95. 222. 241. 242
 Альпы (альпийское племя) см. Салы
 Американистика и американисты 36
 Аморфное состояние слова 7. 10. 68
 Аморфность 6
 Аморфный (синтетический) строй языка 6. 10. 40. 284
 Анатомические термины 88. 323
 'Ангел' 232. 241. 349
 Английский язык 100. 102. 138. 143. 144. 176. 216. 247
 Англичане 144
 Андзанский язык 354
 Андийский язык 263
 Анийская церковь 200
 Анимизм 85
 Аитирелигиозная борьба и аитирелигиозники 91
 Античная культура 38
 Античный мир 156. 159
 Антропология и антропологи 1. 107. 273
 Анты 22
 Аорист 98
 Апокопа 203
 Арабский язык 67. 114. 126. 129. 130. 132. 169. 172. 181. 184. 187. 195. 206. 210. 216. 220. 231. 235. 239. 240. 253. 274. 288. 293—296. 318. 322. 324. 327. 334. 339. 341. 342. 345. 349
 Арабы 67. 109. 110. 114. 168. 170. 187. 293. 296. 342
 Арамейский язык 217. 230. 293. 295. 322. 327. 328. 339. 352
 Арамейцы 230
 'Арба' 143
 Армянская культура 43
 Армянская система языков см. Индоевропейская система языков
 Армянские языки см. Индоевропейские языки
 Армяне 24. См. также: Индоевропейцы
 Армянский язык 251
 Ариоевропейская семья языков см. Индоевропейская система (семья) языков
 Ариоевропейцы см. Армяне
 Ариоевропейские языки см. Индоевропейские языки
 'Арка' 200—204. 206. 216. 302
 Арктические страны 142
 Арменоведение и арменисты 215. 221. 241. 354
 Армяне 12. 15. 16. 23. 27. 38. 101. 108. 110. 133. 134. 135. 137. 143. 144. 146. 150. 166. 167. 169. 170. 187. 191. 196—200. 204. 216. 221. 223. 233. 237. 240. 241. 249. 251. 260. 261. 264—268. 272. 274. 275. 278. 279. 281—284. 289. 290. 301. 304. 307. 321. 326. 328—330. 338. 348. 350—352. 354. 356. 357. См. также: hАйки. Древние армяне
 Армянская литература 215.
 Армянские диалекты 78. 262
 Армянские легенды 15. 27
 Армянские феодалы 353. 354. 357
 Армянские церкви 200. 212
 Армянский народный язык 353. 356. 357
 Армянский язык 5. 14—16. 18—20. 23. 24. 31. 33. 38. 39. 42. 51. 63—65. 74. 79. 80. 85. 87. 101. 102. 105. 110. 115. 123. 126—128. 130. 133—137. 139. 142—147. 149—151. 163. 170. 172. 175. 180—184. 187. 190. 191. 197. 198. 200—206. 208. 215. 216. 217. 220. 221. 223. 225. 230. 231—233. 235. 236. 238—243. 249. 251. 252. 255. 256. 276. 278. 279. 281—285. 289. 290. 292. 294. 296. 297. 301. 302. 304—308. 316. 318. 319. 321. 323—326. 328—330. 334—336. 338. 339. 342. 347. 349—352. 354—358. См. также: Армянские диалекты, Армянский феодальный язык, Ванский диа-

- лект. а. я., Древнеармянский язык, аАйский язык
- Армянский феодальный язык 191. 197
- Архаизмы 194. 358
- Археологические культуры 46
- Археологические раскопки 29. 32. 44—47. 243
- Археология и археология 1—3. 17. 26. 29. 32. 33. 43—46. 52. 56—58. 85. 94. 148. 165. 169. 170. 199. 269. 348
- Архитектура 32. 157. 158. 162. 169. 199—201. 206. 213—215. 217. См. также: Памятники архитектурные
- Архитектурно-технические термины 209
- Архитектурные термины 32. 200. 203. 205. 206. 208—210. 213. 215. 217
- Аршакидская эпоха 354
- Аршакидское царство 354
- Аршакиды 353—355
- Аспираты 217
- Аспирация 217. 302
- Ассимиляция 338
- Ассирийский язык 150. 202. 206. 217. 220. 221. 238. 239. 258. 260. 293. 295. 317. 328. 342. 346
- Ассирийцы 346
- Ассириология и ассириологи 340. 347. 357
- Ассиро-вавилонская клинопись 318
- Ассиро-вавилонская культура 347. 348
- Ассиро-вавилонский язык 327. 345
- 'Ассистент' 289
- Ассоциации (логические) 324
- Ассоциациям идей 32. 195. 242
- Ассоциации образов 324. 338
- Астральные божества 166. 185. 310
- Астральный культ 144
- Астральное мировоззрение 265
- Астрологические тексты 338. 341
- Астрологии 269. 344
- Астровомия 269. 344
- Аттический язык 158. 162
- Афреазийский мир 46. 299
- Африкано-австрало-американские колониальные районы 108
- Африканские языки 64. 101. 157. 182. 292. 313
- Африканцы 163. 162. 313
- Аффиксы 10
- Аффрикатность 165. 231. 233. 239. 257. 258. 289. 291. 295. 302. 305. 315. 321. 327. 329. 340
- Африкаты (диффузиды) 6. 19. 147. 227. 231—233. 255. 256. 258. 279. 287. 289. 291. 294. 316. 322. 327. 328. 330. 331. 336. 337. 348
- Ахвахский язык 263. 277. 290
- Ахейцы 115
- Ахеменидские надписи 73. 265. 354
- Ахеменидское царство 355
- Багудский язык 277
- Базилики 205
- Базис см. Материальная база
- 'Баддахин' 201
- Балканские народы и племена 249
- Балканские языки 249
- Банская церковь 200
- Банту языки 101
- 'Баран' 295
- 'Барс' 126
- 'Баск' 27
- Баски (эскуары, евскалдуны) 8. 12. 15. 18. 23. 26—28. 35. 38. 58. 101. 102. 133. 142. 150. 171. 172. 203. 216. 223. 224. 282. 289. 297. 300. 301. 304. 305. 316. 326. 333. 337
- Басковедение и басковеды 149
- Баскские элементы романских языков 27
- Баскский язык (евскарский) 2. 4. 5. 9. 10. 12. 18. 24. 26. 27. 29. 38. 39. 53. 58. 67. 74. 101. 102. 126. 127. 132. 133. 135. 149—151. 167. 172. 202. 203. 209. 216. 223. 258. 262. 263. 276. 281—283. 285. 287. 289. 294. 296. 297. 300—302. 304. 305. 312. 316. 321. 322. 325. 326. 333. 334. 336. 337. 339. См. также: Гипускуавское наречие б. я., Лабурдинское наречие, Нижнеаварское наречие.
- Бастарны 311
- Батраки 153
- Бадбий (цова-тушины) 12. 14. 19. 337
- Бадбийский (цова-тушинский) язык 12. 14. 19. 263. 337.
- 'Башня' 31. 309
- Беарне (béarnais) наречие французского языка 74
- 'Бег' 133
- 'Бега' 30
- 'Бедро' 172. 292
- 'Безводный' 158
- 'Бездна' 340
- Безличные глаголы 87. 91
- 'Бей' 356
- 'Белый' 309. 322. 334. 335
- Берберский язык 87. 101. 157. 161—163. 182. 192
- Берберы 101. 157. 182. 192. 225
- Бердзены см. Греки
- 'Берег' 228
- 'Береста' 228. 234
- Берские племенные слова 28. 37. 48. 58. 127. 129—137. 143. 145. 147. 148. 225. 226. 230. 233. 236. 239. 261. 262. 267. 278. 287. 292. 303
- Берское племя 130. 142. 148. 225. 226. 279.
- Бесноваты 178
- Бесписьменные народы 270
- Бесписьменные языки 7—10. 34. 76. 81. 153. 270. 374
- Бесклассовое общество 9. 112. 118. 120. 121
- Бзыбский диалект абхазского языка 86
- Библиейско-арамейский язык 293. 295. 324
- 'Библия' 230
- Биология 81. 107
- Бирки 72
- 'Благо' 267
- 'Благоговение' 356
- 'Благой' 266
- 'Благодородный' 24
- 'Благословлять' 184. 230
- 'Блаженство' 338
- 'Блеск' 223. 345
- 'Блестящий' 256
- 'Близ' 357
- 'Близкий' 193
- 'Близнецы' 287. 288. 299. 304
- Блюда из с. Бори 18.
- 'Бог' 12. 14. 16. 20. 50. 53. 54. 87. 91. 92. 114. 115. 127. 156. 158—161. 165. 166. 169. 179.

- 184—186. 192. 195. 196. 216. 225. 227. 229.
230. 235. 237. 239—241. 243. 246. 249—252.
254—257. 259—270. 272. 273. 278. 280. 296.
308. 313. 316. 321. 322. 326. 327. 330. 332.
337—339. 348
- ‘Бог войны и охоты’ 53. 54. 272
- ‘Бог грозы’ 327. 330
- ‘Бог дождя и непогоды’ 327
- ‘Бог коз’ 322
- ‘Бог лесов’ 166
- ‘Бог моря’ 156. 158. 251
- ‘Бог обилия’ 327
- ‘Бог светило’ 161
- ‘Богатство’ 193. 296
- ‘Богатый’ 274. 348
- ‘Богатырь’ 134. 166. 266
- Боги и божества 2. 3. 8. 16. 22. 23. 41. 48—55.
88. 91. 92. 97. 102. 104. 105. 112. 114. 119.
159. 160. 164—166. 178. 179. 185. 191. 192.
198. 210. 211. 214. 218. 225—227. 238. 241.
243. 250—252. 254. 260—267. 269. 271—
273. 278. 280. 308—310. 313—317. 319—
322. 324—332. 334—338. 341. 343. 345—348.
350. 355. 357
- Боги любви 2. 3. 309. 310. 315. 320. 350
- ‘Богиня’ 51. 251. 273. 317. 318. 320. 336. 337.
343
- ‘Богиня влаги’ 51
- ‘Богиня войны и боя’ 302
- ‘Богиня охоты’ 318. 337
- ‘Богиня страсти’ 337
- ‘Богословие’ 269
- ‘Боевой топор’ 16
- ‘Божество’ 159—161. 163. 230. 231. 240. 256.
257. 259. 267. 315. 318. 330. 355
- ‘Божество вод’ 159—161. 163
- ‘Бок’ 181. 182
- Болгарский вопрос 170
- Болгарский язык (на Балкавах) 11. 20
- Болгары (на Балканах) 166
- ‘Болтать’ 81
- ‘Большой’ 15. 126. 127
- ‘Борец’ 16. 166
- Ботлихский язык 12. 15. 263. 277
- Ботлихины 12
- ‘Брат’ 33. 42. 115. 156. 244
- ‘Братство’ 244
- ‘Братъ’ 102. 281. 304. 357
- Брачные отношения 43
- Бретонский язык 102. 133. 134. 172
- Британский музей 211
- Бронза 50
- ‘Бронза’ 15. 83. 115
- ‘Бросать’ 321. 356
- Брюссельский исторический конгресс 199
- ‘Бук’ 220. 238
- ‘Буква’ 221. 227. 229. 231. 235. 236
- Буквы 238. 328
- Бурешки см. Вершики
- Бурешский язык см. Вершицкий язык
- Буржуазия 107
- Буржуазная зналь 2
- Буржуазная идеология 120
- Буржуазная общественность 1
- Буржуазное мировоззрение 120
- Буржуазные республики 245
- Буржуазные страны 95. 101
- Буржуазный мир 351
- Буришаски см. Вершики
- ‘Буря’ 51. 53. 54. 272. 340
- ‘Бык’ 42. 230. 320
- Быт 12. 44. 54. 58. 66. 72. 83. 106. 153. 154.
165. 214. 264. 298. 309. 341. См. также: Со-
циалистический быт
- Бытовая речь см. Обиходная речь
- ‘Быть’ 67. 86—89
- ‘Быть насупротив’ 339
- Беотийский язык 293
- Вавилонские цилиндры 302
- Вавилонский пантеон 309. 310. 316
- Вавилония 338. 341. 342. 344. 345
- ‘Вакхическое веселие 164
- Ванские клинообразные надписи 73. 226. 317
- Ванские халды 275
- Ранский диалект армянского языка 262
- Ванский район Армении 356
- Ванское царство 355
- ‘Вараксать’ 233—235
- ‘Варвар’ 181
- Варварские племена 311
- ‘Ваяние’ 230
- ‘Вверх’ 230
- ‘Ведро’ 158
- ‘Велеть’ 332
- ‘Великан’ 260
- ‘Великий’ 15. 126. 260
- ‘Великий день’ 260
- Великобританский мир 39
- Великодержавные страны 95
- ‘Велчайший’ 15
- ‘Величественный’ 109
- Венгерский (мадьярский) язык 231
- ‘Венец’ 206
- ‘Верблюду’ 47. 48. 132. 136. 137. 143. 145
- ‘Вереск’ 204
- ‘Верить’ 321
- Веронания 3. 85. 91. 100. 165. 206. 214. 215.
352. См. также: Религия
- Версии евангельского текста 351—358
- ‘Вертится’ 143
- ‘Верх’ 96. 97. 105. 193. 202. 206. 207. 319
- ‘Верхний’ 203
- Верхний палеолит 56
- Вершики (бурешки, бурешаски) 4. 288. 297
- Вершицкий язык 297
- ‘Вершина’ 202. 209
- ‘Вес’ 358
- ‘Весталка’ 95
- Ветви языков 5. 6. 8. 14. 15. 22. 47. 73. 136.
138. 150. 180. 189. 202. 216. 235. 238. 254.
261. 264. 265. 268. 282. 283. 285. 286. 288.
289. 294. 302. 305. 312. 316. 318. 320. 324.
325. 347. 349
- ‘Ветвь с рогатками’ 291
- Вещеведение и вещеведы 348
- Вещи в науке см. Памятники вещественные
- ‘Вещь’ 277
- Взаимоотношения искусства и материальной
культуры 45
- Взаимоотношения яфетического мира с индо-
европейскими 35
- ‘Взять’ 102

- 'Вид' 251
 'Видение' 106
 'Видеть' 102
 Виды языков 8
 Византийская культура 12
 Византийская секция Брюссельского исторического конгресса 199
 Византийский мир 200
 Византийцы 199. 200
 Византиноведение и византинисты 199
 Викинги 29
 'Вилы' 292
 Винительный падеж 37. 100. 133. 134
 'Виноградная лоза' 354
 'Виноградник' 198
 Вишавы 88. 92. 211
 'Вкус' 205
 'Вкусный' 205
 'Владелец' 133
 'Владение' 190
 'Владеть' 67. 86. 301
 'Владычество' 190
 'Власть' 187
 'Влияние' 154. 171. 199. 204. 352
 'Вместе' 282
 'Вогнутый' 206
 Вогульский язык 167
 'Вогуды' 251
 Вогуды 125. 267
 'Вода' 8. 9. 22. 31. 37. 48. 51. 53. 74. 81. 88. 89. 96. 102. 109. 113. 114. 125. 127. 132. 138. 146. 147. 156. 158. 160. 161. 163. 168. 211. 223. 256. 257. 273. 287. 303. 309. 316—319. 321. 322. 326. 327. 331. 334. 335. 339—341. 343. 345. 348—350
 'Вола-жизнь' 317
 'Водонос' 9
 'Водяная лилия' 208
 'Водянистый' 158
 'Водяное существо' 132
 Возвратное местоимение 33. 182. 183. 185. 187. 188. 191. 194—198
 Возвратно-личное местоимение 183
 'Возвышенность' 201
 'Воздух' 102
 'Возлюбленная' 336
 Возникновение крестьянской крепости 21
 Возникновение речи см. Происхождение языка
 'Возница' 167
 'Возраст' 105. 246
 Возрастная дифференциация 116
 'Воедино' 282
 'Воинство' 16
 'Война' 51. 54. 272. 340
 'Войско' 281
 'Вокруг' 105
 'Вол' 320
 Волжско-камские языки 316
 'Волк' 20. 21. 59. 127. 128
 'Волнение' 340
 'Волосы' 226
 'Воля' 230
 Воображение 3. 307
 Вопросительные местоимения 284
 'Ворожей' 227. 240
 'Ворон' 349
 'Ворота' 279
 'Восемь' 287. 300. 304. 305
 'Восемьдесят' 10
 'Воскурять' 321
 'Восьмой' 300
 Восприятие 3. 7. 16. 25. 30. 32. 37. 41. 54. 67—69. 78. 80—83. 86. 88. 89. 104. 111. 113. 116. 117. 121. 128. 132. 144. 159. 160. 170. 171. 179. 186—188. 193. 196. 197. 214. 215. 220. 234. 240—243. 253. 258. 259. 265. 270. 272. 273. 286. 288. 292. 298. 302. 303. 309. 319. 324. 329. 335. 338. 340. 343. 348. 355. 356.
 Востоковедение и востоковеды 109. 150. 220. 221
 Восточная культура 351
 Восточноевропейские языки 63. 133—136
 Восточнофинские языки 230
 Восточные народы 1
 Восточные финны 230
 Восточные языки 153. 201. 203. 302. 338
 'Восход солнца' 102
 'Вотчина' 198
 Вотяки см. Удмурты
 Вотяцкий (вотский) язык см. Удмуртский язык
 'Впадина' 202
 'Вправо' 193
 'Враг' 279
 'Вражда' 51
 Время 52. 55. 97—99. 111. 119. 120
 Время (глаг.) 87. 99
 'Время' 7. 88. 101. 105. 113. 114. 169. 215. 246. 247. 298. 347. 355
 'Вручать' 197. 286. 292
 'Владник' 132. 133. 139. 167
 'Все' 105. 282—284
 'Вселенная' 87. 191
 Вспомогательные глаголы 87. 88
 'Всякий' 282. 283
 'Вторник' 16
 Второе лицо 67. 98. 177. 187—190. 198
 'Второй' 278. 297
 'Вы' 189
 'Выгнутость' 216
 'Выдра' 9. 127
 'Выезжать лошадь' 139
 'Выезжающий' 133
 Вымершие языки см. Мертвые языки
 'Вырезывать' 221
 'Высекать' 221
 'Высокомерный' 205
 'Высота' 202. 206. 341
 'Выступить из берегов' 261
 Высшее сословие 25
 'Высший' 203
 'Вышивавие' 221. 234
 'Вышивать' 221. 225. 232
 'Вышивка' 221. 232
 Вятский говор русского языка 193
 'Гадать' 240. 247
 'Гадкий' 20
 Газская церковь 209. 211
 Гайканский язык см. hАйский язык
 hАйки 16. 26. 167. 217. См. также Армяне
 hАйский язык 204. 215. 216. См. также: Армянский язык
 'Галдеть' 81

- Гадльский язык 133. 134. 139
 Гебраистика и гебраисты 337
 Генесиологический метод 45
 Генетическое родство 145
 Генетическое родство языков см. Родство языков
 География и географы 329
 Геоэтнические корреспонденции 7
 Германская средневековая колонизация славянских земель 21
 Германские языки 5. 11. 20. 29. 74. 109. 127. 142—144. 183. 201. 220. 249. 312. 319
 Германский мир 22. 100
 Германцы 29. 48. 105. 109. 127. 143. 144. 168. 183. 249
 Герои 15. 50. 59. 92. 102. 114. 259. 263. 264. 266. 329. 350
 'Герой' 166. 251. 354
 Геты 311
 Гибридизация см. Скрещение языков
 Гибридные языки см. Скрещенные языки
 Гипускуанское наречие баскского языка 9. 23
 'Глава семьи' 41
 Глагол 7. 10. 18. 33. 37. 67. 73. 81. 83. 85—89. 91. 92. 102. 105. 115. 116. 123. 127. 134. 138. 139. 151. 158. 161. 163. 167. 168. 184. 185. 187—190. 193. 197. 220—225. 227. 229—231. 233. 234. 236—243. 247. 256. 258. 264. 276. 278. 280. 281. 285. 286. 288. 291—294. 296. 301. 308. 317. 321. 325. 328. 330. 332. 339. 346. 356
 Глаголы действия 208
 Глагольные основы 238. 328. 356. 357
 'Глаз' 37. 68. 88. 102. 162. 277. 287. 292. 309. 318. 320. 321. 323. 329—331. 333. 356. 357.
 'Глаз неба' 144
 'Глаз солнца' 357
 Гласные звуки 6. 17—19. 24. 83. 100. 126. 130. 131. 135. 136. 138. 147. 150. 165. 185. 203—205. 227. 233. 236. 38. 239. 252. 257. 258. 262. 263. 276. 280. 282. 285. 288. 294. 301. 304. 305. 316. 323. 333. 336. 356
 'Глашатай' 227
 'Глина' 110. 234
 'Глиняный сосуд' 234
 Глозельские раскопки 46. 222. 239
 Глоттогония 74. 81. 90. 104. 106—108. 118. 119. 140. 178. 188. 254. 306. 307
 Глух е губные звуки 18. 134
 Глухие зубные звуки 327
 Глухие согласные звуки 18. 134. 327
 'Гнать лошадей' 167
 Гносеология 112. 113
 Говор с. Ламго (в Свани) 288
 'Говорить' 81. 123. 263
 Говоры 65. 70. 150. 166. 184. 185. 193. 201. 216. 275. 283. 288. 291.
 'Говорящий' 123
 'Год' 7. 101. 105. 123. 169. 215. 298. 309. 333. 339. 347. 357
 Голаберинский язык 263. 277. 290
 'Годиться' 14
 'Годный' 14. 267
 'Толгофа' 206. 207
 'Голова' 67. 74. 96. 182. 183. 187. 188. 195. 196. 201—206. 208. 209. 223. 275. 276
 '(Голово)кружение' 143
 'Голубой' 202. 334
 'Голубь' 202. 206. 209. 327. 334. 335. 336. 340—346. 348
 'Голубята' 346
 Гомеровский эпос 2
 Гомеры (гамыры) 261. См. также: Кимеры
 Гомилии 205
 Ношо *sosabilis* 56
 Гонимые племена и народы 1. 92. 249
 'Гора' 139. 156. 202—204. 206. 208. 209. 273. 309
 'Гордость' 205
 'Гордый' 205
 Город 8. 15. 21. 27. 115. 168. 169. 191. 211. 214. 215. 217. 221. 321. 322. 323. 333. 343
 'Город' 87. 112. 164. 168. 279. 309. 321. 323. 325
 Городище 2
 Горское население 20. 99
 Гороскоп 344
 'Гороскоп' 15. 256
 Горские племена и народности 93
 Горские языки Кавказа 93
 Горский педагогический институт в г. Орджоникидзе 93
 'Горсть' 258. 303
 Гортанные звуки см. Спирантные звуки
 'Горшок' 234
 'Горячий' 58
 'Господин' 3. 18. 53. 87. 166. 192. 216. 328
 Господствующее учение о языке см. Индо-европейское языкознание
 Господствующие группы населения 41. 109. 116. 195. 254. 270. 302
 Господствующие классы 2. 45. 118. 159. 170. 196. 254. 270. См. также: Буржуазия. Феодалы
 Господствующие племена и народы 2. 14. 23. 24. 254. 329
 Господствующие языки 19. 198. 254
 'Госполь' 8. 18. 87. 166. 192. 260
 'Госпожа' 328
 'Гость' 190. 279
 'Гостеприимный' 16
 Гос. университет Грузии 324
 Государство 214. 355.
 Готский язык 28. 30. 100. 136. 181
 Готы 100
 'Грабли' 291. 292
 Градостроительство 92. 105. 164. 165. 168
 Грамматика 23. 28. 30. 33. 76. 83. 87. 99. 115—117. 125. 146. 183. 201. 202. 234. 235. 238. 276. 277. 290. 291. 323. 327
 Грамматический род 62. 68
 Грамматический строй см. Типология языка
 Грамотность 72. 177
 'Граница' 147
 Графика 109. 111. 347
 Графический язык см. Линейный язык
 'Трек' 237
 Греки 13. 16. 18. 19. 21—26. 28. 29. 31. 37. 51—54. 84. 92. 98. 100. 108—115. 125. 127. 135. 142—144. 156—158. 162. 164. 168. 172. 210. 226. 249. 266. 275. 336—338
 'Трех' 23. 88

- Гречизмы 357
 Греческая культура 38. 45
 Греческая литература 48. 50
 Греческая общественность 357
 Греческая философия 212—214
 Греческий мир 22. 114. 159
 Греческий язык 3. 7. 11. 13. 16—20. 23—28. 31. 41. 42. 47. 49. 51—53. 63. 65. 73. 84. 86. 100. 109. 110. 112. 113. 115. 125. 126. 128—136. 142—144. 156. 158—165. 167. 171. 172. 174. 176. 181. 183. 184. 191. 192. 201. 202. 204. 208. 210. 213. 215—217. 220—222. 225. 229. 231. 232. 235. 237. 240. 260. 262. 266. 270. 275. 293. 294. 296. 301. 302. 305. 307. 319. 325—327. 329. 335—338. 340. 350. 352. 353. 357.
 Греческое искусство 111. 157
 Грива' 135. 138
 Гриф' 256
 Гроб' 216. 324
 Гробница' 210
 Гроза' 309. 327. 330. 331
 Гром' 260
 Грубый' 176
 Грудные звуки 83
 Груз' 134
 Грузин' 184
 Грузинизмы 358
 Грузинская грамматика 87
 Грузинская знать см. Грузинские феодалы
 Грузинская культура 12
 Грузинская литература 352
 Грузинская светская литература 352
 Грузинские рукописи 353
 Грузинские феодалы 168. 357. 358
 Грузинские церкви 200. 212.
 Грузинский народный язык 357. 358
 Грузинский феодальный язык 184. 190. 357
 Грузинский язык и диалекты 5. 6. 7. 12—18. 20. 24. 28. 33. 37. 39. 49. 58. 63—65. 67. 74. 79. 80. 83. 87. 89. 101. 102. 110. 123. 124. 127. 128. 130. 132. 135. 137—139. 142—147. 150. 163. 165—170. 172. 178. 180. 181. 183—185. 187—196. 198. 200—206. 215. 216. 221. 230. 231. 233. 234. 236—244. 246. 247. 250. 251. 253—262. 264. 266—267. 271. 272. 274—279. 281—297. 300—305. 307. 308. 316—326. 328—333. 335—338. 340—342. 345. 347. 348. 351—358. См. также: Гурийский говор, Грузинский народный язык, Грузинский феодальный язык, Имерский говор, Рачинский говор, Хевсурский говор, Шавшетский говор.
 Грузинское царство 358
 Грузины 12. 16. 18—21. 37. 47. 58. 67. 87. 102. 108. 110. 123. 124. 138. 142. 145. 147. 150. 166. 167. 169. 172. 180. 185. 187. 190. 192—196. 198—200. 203. 231. 233. 237—240. 246. 247. 250. 251. 253. 256. 257—261. 264. 267. 271. 272. 274. 276. 278. 279. 282. 283. 286. 288—290. 301. 303. 321. 328—330. 341. 342. 352, 356—358. См. также: Древние грузины
 Грузовая' 134
 Группы языков 5. 6. 11. 39. 47. 65. 73. 231. 235—238. 248. 251. 266. 281. 285. 304. 306. 335
 Груша' 208
 Гряда' 292
 Губная огласовка 187, 196. 290. 291. 301. 304. 305. 329. 330. 341
 Губная форма множественного числа 14. 15. 19
 Губной префикс 17. 189. 217
 Губные гласные 17. 18. 83. 138. 150. 185. 236. 282. 288. 333
 Губные звуки 5. 6. 17—19. 83. 133—135. 138. 150. 185. 188. 189. 194. 196. 202. 204. 215. 217. 229. 236. 256. 282. 287. 288. 290. 291. 293. 301. 304. 305. 312. 323. 329. 330. 333. 341
 Губы' 102
 Гуманизм 245. 247. См. также: Европейский гуманизм
 Гуманитарные науки и гуманитаристы 55. См. также: Обществоведение и обществоведы
 Гурийский говор грузинского языка 150. 184. 198. 291
 Гурийцы 150. 198
 Давать' 37. 292. 286
 Дагестанские языки 187. 290. См. также: Аварский, Агульский, Андийский, Ахвахский, Ботлихский, Багудальский, Годаберинский, Даргинский, Дидойский, Капучинский, Каратинский, Лакский, Лезгинский, Рутульский. Табасаранский, Тиндийский, Хваршинский, Чамалальский языки
 Даки 311
 Далекый' 193
 Даргинский (хюркилинский) язык 286
 Дательный падеж 37. 203. 262. 330
 Два' 247. 259. 277. 281. 282. 285—292. 296. 297. 299—304. 321
 Два десятка' 305
 Двадцать' 105. 301. 305. 306
 Дверь' 168. 324
 Двигаться' 89
 Движение' 88. 89
 Двойка' 279. 289. 296
 Двойник' 286
 Двойной' 287. 288. 290. 304
 Двор' 168
 Дворец' 134. 356
 Дворцовая церковь в Ани 200
 Дворянин' 15. 167
 Двауратный 290
 Дувоное' 293
 Двулеменные названия 29. 47. 48. 53. 83. 126. 128. 129—134. 136. 141—143. 145—147. 149. 150. 225. 227. 228. 230. 234. 235. 238. 263. 272. 325
 Двуприродные языки см. Скрещенные языки
 Двухгласные корни 335. 336
 Двужычные надписи 217
 Дена' 53. 211
 Девица' 281
 Деяственная' 92
 Денушка' 211. 318. 326
 Десять' 304. 305
 Дезаспирация 251. 287. 327
 Действие 67. 223. 241. 278. 280
 Действительный залог 332
 Декоративная скульптура 169
 Делать' 281. 301. 357

- Деление языков см. Классификация языков
 Дело' 296
 Дельфийский язык 305
 Демократизация языка 119
 Демотический язык см. Египетский язык
 День' 96. 98. 127. 263. 309. 355. 356.
 День ангела' 232
 День бога' 260
 День неба' 16. 260
 День тотема' 232
 Деньги' 237
 Деревья' 87. 164
 Дерево' 226. 228. 236. 238. 273. 355
 Держать' 37. 304
 Держащий' 307
 Дериваты 31. 89. 99. 114. 135. 145. 160. 161.
 184. 187. 188. 193. 198. 202. 206. 210. 254.
 256. 257. 260. 261. 263—265. 275. 279. 2-1.
 282. 292. 321. 324. 327. 330. 331. 339. 346.
 347. 355. 357. 358
 Десна' 216
 Десница' 17
 Дессибилация 14. 17. 20. 21. 287. 288. 320. 327.
 3-6. 337. 345. 348
 Десять' 165. 261. 273—275. 288. 299. 301. 303.
 305. 306
 Десяток' 274
 Десять тысяч' 274 275.
 Детерминатив 275—277. 283. 318. 341. 347. 355.
 357
 Дети' 7
 Дети всадников' 167
 Дети неба' 92. 167. 186. 251
 Дети солнца' 96
 Дефектный 18
 Дешировка египетского письма 1
 Диалектика 104. 120
 Диалектика языка 98
 Диалектно-материалистическое мышление
 111. 112. 118
 Диалектический материализм и диалектики-
 марксисты 85. 97. 104. 118. См. также:
 Марксизм
 Диалектическое развитие 39. 40. 61. 71. 100.
 106. 162. 170
 Диалекты (наречия, говоры) 7, 65. 70. 78. 85.
 86. 201. 216. 225. 263
 Диалекты греческого языка 7
 Диахроническая перспектива речи 6. 25
 Диахронические корреспонденции 7
 Дигорская церковь в Армении 350
 Дилдойский (цесский) язык 12. 17. 277
 Дидойцы 12. 17
 Дикая утка' 186
 Дикие голуби' 346
 «Дикие» народы и племена 78. 106. 107.
 269.
 Диктатура пролетариата 120
 Династия 22. 170. 240. 353. 353
 Диссимилация 332
 Диссоциация идей 32. 202
 Дитя' 89. 184. 188. 228. 355
 Дитя-женщина' 210. 211
 Дитя неба' 50. 185. 192. 195
 Дифференциация звуков 18. 287
 Диффузность 336. 340
 Диффузные звуки 47. 233. 235. 236. 259. 287.
 291. 295. 316. 317. 332. 336. 337
 Дичь' 257
 Доблестный' 24
 Доброе начало 14
 Добрый' 11. 12. 14. 15. 18—20. 266. 270
 Договор 225
 Дождь' 309. 331. 334. 348
 Доиндоевропейские языки Средиземноморья 27.
 131
 Доиндоевропейская этногоническая связь Руси
 с яфетидами 22
 Доисторико-лингвисты 26
 Доисторическая археология 46. 56—59
 Доисторическая общественность 13. 72
 Доисторическая подоснова латинского языка
 47. 235
 Доисторическая семантика 16. 324
 Доисторическая топонимика 20. 315
 Доисторические племена и народы Европы 39.
 58. 141. 2 4. 228. 262
 Доисторические эпохи 4. 5. 8. 13. 19. 22. 25. 32.
 46. 57. 64. 65. 124. 125. 142. 144. 170. 202.
 206. 222. 225. 242. 251. 252. 269. 308. 346
 Доисторические языки 2—4. 28. 33. 39. 49. 131.
 147. 219. 222. 225. 269
 Доисторические яфетические языки 28
 Доисторический человек 3. 7. 31. 52. 141. 241.
 348
 Доисторический эпос 345
 Доисторическое мышление 3. 14. 31. 46. 147
 Доисторическое население Британии 224
 Доисторическое население Греции 160. 226
 Доисторическое население Италии 160. 247
 Доисторическое население Иудеи 346
 Доисторическое население Руси 27. 83
 Доисторическое население Средиземноморья 350
 Доисторическое состояние речи 3. 5. 7. 8. 10.
 12. 30. 31. 33. 49. 51. 69. 228.
 Доисторическое яфетическое население 39
 Доисторическое состояние индоевропейских
 языков 25. 30
 Доистория и доисторика 1. 21. 24. 30—34. 46.
 50. 60. 125. 127. 144. 160. 165. 168—172.
 174. 214. 220. 224. 227. 242. 253. 334. 338.
 340. 344
 Доистория индоевропейских языков 30
 Доистория Руси 45
 Долгие гласные звуки 227. 336. 337
 Долгие согласные 349
 Долгота 227. 336. 337. 349. См. также: Долгие
 гласные
 Долготическое мышление 70. 71. 106. 187. 241.
 281
 Доля' 322
 Дом' 32. 156. 186. 309. 322—325. 337
 Дорийский язык 158
 Дорогой' 193
 Достояние' 193
 Дочка' 318
 Дравидические языки 1. 231
 Дракон' 146
 Драндский монастырь в Абхазии 329
 Дренесная кора 228. 234
 Дрэнне-армянский язык 5. 12. 85. 126. 135.
 187. 191. 194. 197. 205. 208. 230. 238. 243.

262. 265. 267. 279. 281. 282. 284. 285. 289.
290. 301. 302. 330. 357. См. также: Армян-
ский язык
- Древневерхнегерманская песня 319
- Древнелитературный арабский язык 114
- Древнегрузинский язык 12. 14. 17. 123. 172.
184. 188. 189. 194. 230. 236. 247. 255. 267.
274. 278. 282. 284. 285. 289. 290. 293. 300.
301. 307. 330. 331. 333. 353. 358. См. также:
Грузинский язык
- Древнелатинский язык 11. 19
- Древнелитературные памятники 188
- Древнеперсидский язык 137. 233. 354
- Древне немецкий язык 136
- Древнеишские языки 1. 8. 9. 43. 63. 94.
181. 198. 358
- Древнерусский язык 11. 19. 227. 243
- Древнерусский мир 356
- Древнерусское крестьянство 20
- Древнерусское произношение 19
- Древнечешский язык 336
- Древнеэламский язык 53
- Древние армяне 12. 27. 187. 260. 282. 289
- Древние греки 200
- Древние грузины 12. 14. 166. 260. 283. 289
- Древние народы 260. 344
- Древние языки 1. 5. 8—12. 14. 17. 19. 43. 53.
63. 74. 85. 94. 110. 114. 123. 126. 135—137.
146. 181. 183. 184. 187—189. 191. 194. 197.
198. 205. 208. 227. 230. 233. 236. 238. 243.
247. 249. 255. 262. 265. 267. 274. 278. 279.
281. 282. 284. 285. 289. 290. 293. 300—302.
307. 330. 331. 333. 336. 353. 357. 358
- Древности 3. 171. 269. 319
- Дробные числа 290
- 'Дрова' 355
- 'Дровосек' 151
- 'Дрожь' 187
- 'Друг' 279
- 'Друг друга' 283. 284. 289
- 'Другой' 278. 279. 297. 303
- Дружина 167
- Дружинники 358
- Дружинно-торговый класс 358
- 'Дуб' 52. 101. 163. 166. 172. 228. 273
- 'Дубовый' 163
- 'Дует' 102
- 'Дуновение' 102
- 'Дурной' 12—14. 18. 176. 193
- 'Дух' 110. 114. 165. 251. 267. 340
- 'Дух зла' 165. 251. 267
- Духовенство христианское 166. 352
- 'Душа' 67. 85. 86. 110. 146. 182. 183. 187. 191.
196. 197. 275. 276. 293. 324
- 'Душа воды' 146
- 'Дым' 110. 276
- 'Дымить' 324
- 'Дымовой выход' 324
- 'Дыхание' 85. 275
- 'Дьявол' 33
- Евангелисты 95
- Евреи 51. 114. 129. 187. 196. 210. 319. 324
- Еврейский мир 114
- Еврейский язык 47—49. 114. 126—130.
132. 187. 196. 210. 217—220. 222. 235. 238—
241. 258. 274. 288. 293. 296. 303. 315. 316.
318. 321. 324. 325. 327. 328. 334. 337. 339.
340. 352
- Европейская культура 38. 45. 47. 227. 266
- Европейские индоевропейцы 126. 128
- Европейские языки 1. 2. 4. 28. 62—64. 74. 94.
100. 102. 109. 110. 127. 133—136. 217. 222.
299. 312. 322. 325. 348. См. также: Восточно-
европейские языки. Западноевропейские
языки
- Европейские ясетиды 28
- Европейский гуманизм 245
- Европейский мир 28. 229
- Европейское письмо 222
- Европейское просвещение 227
- Европейцы 1. 27. 109. 126. 171. 210. 249. 311.
351
- Евскалдунский язык см. Баскский язык
- Евскалдуны см. Баски
- Евскарский язык см. Баскский язык
- Египетский мир 89. 326
- Египетский папирус 344
- Египетский язык 1. 73. 88. 89. 127—130. 132.
137. 209. 217. 240. 275. 316. 326
- Египтология и египтологи 88. 89. 240
- Египтяне 37. 89. 129. 137. 316
- 'Его' 188
- 'Его бог' 280
- 'Его рукой' 281
- 'Его собственность' 186
- 'Единица' 273. 275—277. 282—286. 288. 289.
296. 298. 299. 302
- Единица исчисления 178. 284. 296. 298
- 'Единица-человек' 283
- Единое письмо 62. 95. 122. 247
- Едиственное число 7. 31. 53. 69. 98. 100. 112.
178. 188. 189. 250. 280. 282. 358
- 'Единственный' 282. 283. 300
- 'Единый' 2: 0
- Единый язык 3. 4. 31. 34. 64. 95. 111. 118. 120.
248
- 'Езда' 138
- 'Ездить' 138. 139. 168
- 'Ему принадлежит' 185. 186
- Енисейские остяки 38
- Енисейско-остяцкая этническая культура 38
- Енисейско-остяцкий язык 37. 58. 256. 263. 267
- 'Есть' 67. 86. 87. 285
- Естествознание (естественные науки) и есте-
ственики (натуралисты) 117. 118. 120
- 'Жажду' 287
- 'Жара' 325
- 'Железное орудие' 16
- 'Железные орудия' 16
- 'Железвый клинок' 16
- 'Железный топор' 149. 150
- 'Железо' 16. 29. 83. 150. 237. 251. 319. 356
- Железо 16. 50
- 'Желудь' 101. 162. 166. 172
- 'Жена' 33. 317. 318. 336
- 'Женская конница' 168
- Женский род 51. 52. 68. 99—101. 112. 175. 258.
280. 314. 315. 333. 339
- Женский язык 107
- 'Женщина' 33. 51. 53. 109. 156. 168. 172. 211.
281. 282. 291. 303. 309. 317. 318. 326. 337
- 'Жертва' 296

- 'Жертвенное животное' 296
 Жертвенные животные 74. 296
 'Жертвовать' 296
 Жесты 3. 56. 80. 107. 177
 'Жечь' 33
 'Живой' 85. 86. 317
 Живопись 165
 'Животное' 230. 292. 293. 296
 Животные звуки 3
 Животные передвижения 132—137. См. также:
 Средства передвижения
 Животные питания 295
 Животный мир 340
 Живые народы 180
 Живые языки и наречия 5. 7—10. 27. 44. 74.
 94. 100. 101. 107. 121. 158. 197. 337. 357.
 358.
 'Жизнь' 85. 108
 'Жилище' 186
 'Жить' 296
 'Жреби́й' 240
 'Жрец' 87. 195. 227. 257. 260
 Жреческий класс (сословие) 166. 185. 270. 271
 Жречество 88
 Журавль 26
 Забыто-исторические эпохи см. Лето-историче-
 ские эпохи
 'Завет' 225
 'Завтрак' 24
 'Загребать' 258
 Заднеязычные согласные 287. 288. 292. 305.
 См. также: Спирантные согласные
 Заднеязычный показатель множественности
 14
 Заимствования и заимствованные слова 43.
 128. 154. 199. 201. 231. 302. 319.
 Заимствованные элементы в грузинском
 языке 5
 'Закалывать' 296
 'Заклад' 242
 'Заолдовано' 243
 Закон единства противоположностей 98. 100
 Закон религиозный 171. 182
 Законы двенадцати таблиц 174
 Залежи соли 31
 'Залог' 242
 Залог (глагол) 332
 'Заложник' 242
 'Заносчивость' 205
 'Заносчивый' 205
 'Заостренный' 149. 150
 Западноевропейские языки 28. 63. 74. 102. 110.
 127. 133. 134. 217. 325
 Западноевропейские языки 18. 262
 Западнофинские языки 305
 Западные славяне 332
 Западные финны 169. 259
 Западные языки 153. 171. 200
 'Заря' 24. 140
 'Засуха' 309
 'Заяц' 89
 Звартноцкая церковь 200
 'Звать' 240
 'Звезда' 195. 319. 320. 322. 331. 333. 337. 340.
 342
 'Звездословие' 269
 'Зверь' 287
 Звериные тотемы 15. 17. 19—23. 53. 105
 Звонкие звуки 18. 149. 232. 296
 Звуки речи 3. 5—7. 9. 11. 12. 16—20. 24. 28.
 78. 79. 81—84. 97. 99—101. 121. 129. 130—
 139. 145. 147—150. 166. 172. 177. 185. 186.
 188. 192. 194—196. 201—205. 215—217.
 226. 227. 229—233. 235—239. 243. 247. 252.
 255—265. 268. 273. 279. 282. 284—297. 300—
 305. 307. 312—317. 320. 322—324. 326—333.
 335—337. 340—342. 345. 347—350. 355.
 356
 Звуковая дифференциация см. Дифференциа-
 ция звуков
 Звуковая речь 3. 4. 10. 32. 40. 50. 56. 62—74.
 76—82. 84. 86—88. 90. 97—99. 102. 103.
 106—109. 111. 116. 118—121. 128. 140. 148.
 151—154. 162. 167. 169—172. 174. 177—179.
 182—184. 192. 193. 198. 219. 222. 241. 243.
 247. 252. 270. 273. 274. 276. 298. 299. 306.
 335. 346. 355. 357
 Звуковая система 232. 259
 Звуковой состав языка 10—12. 19. 22. 244
 Звуковые законы 28. 39. 101. 180. 202. 253.
 265. 281. 291. 305
 Звуковые комплексы 3. 4. 8. 11. 18. 37. 81. 96.
 109. 131. 160. 190. 22. 226. 229. 258. 290.
 324. 326. 336. См. также: Элементы лингви-
 стические
 Звуковые корреспонденции (закономерные со-
 ответствия звуков) 5—7. 11. 28. 31. 74. 81.
 225. 236. 253. 258. 259. 285. 302. 305. 306.
 320. 323. 329. 332
 Звуковые перерождения 16. 17. 233
 Звуковые переходы 290. 300
 Звуковые символы 67. 72. 73. 116. 174. 184. 243.
 252
 Звукоподражательность 79. 134. 139. 222. 223
 Звучание 15. 83. 88. 100. 102. 103. 110. 111.
 116. 118. 121. 128. 143. 149. 157. 175. 193.
 233. 234. 236. 237. 239. 255—259. 263. 275.
 277. 281. 285. 291. 296. 304. 305. 314. 317.
 332. 336. 337
 'Земля' 50. 97. 101. 105. 108—110. 113. 114.
 123. 246. 260. 273. 279. 280
 'Земляник' 123
 'Земной' 110
 'Земной бог' 159
 'Зеркало' 322. 323
 'Зима' 333
 'Зло' 15. 23. 267
 'Злой' 12. 15. 18. 176. 267
 'Злой дух' 165. 340
 'Змей' 20. 21. 23. 146
 'Змея' 15. 339
 'Знак' 50. 59. 221. 225. 229—232. 236. 238—
 240. 243—245. 283. 324. 325
 Знаки 89. 238. 243. 247. 312. 318. 326. 328.
 337. 346. 347
 Знаки зодиака 344
 'Знак обручения' 242
 'Знак солнца' 29
 'Знакомый' 330
 'Знамение' 50. 59. 225. 229—232. 239. 243. 245.
 324. 325
 'Знамя' 230

- 'Знать' 330
 'Знахарь' 185. 193. 256
 'Знахарство' 247
 Значения слов 8. 11—20. 22—26. 28—31. 33. 37. 39. 41—43. 47—50. 52. 53. 57—59. 65. 66. 77. 82. 83. 85—89. 92. 96. 99. 101—103. 105. 106. 109—111. 113—115. 123—139. 143—147. 149—151. 158. 160. 161. 163—169. 172. 175. 179. 181. 183—188. 190—198. 200—210. 215. 216. 221—225. 227—244. 246. 247. 250—270. 272—303. 307. 308. 315—323. 330—342. 344—349. 354—357
 Значимость слов см. Семантика
 'Звои' 105. 330
 'Зов' 232
 Зодиакальные знаки см. Знаки зодиака
 Зодчество см. Архитектура
 'Золото' 105. 168. 183
 Золото 50. 168
 'Золотая' 51
 'Золотой век' 49
 Зоогеография 344
 Зоология 107
 Зороастризм 349
 'Зрение' 309. 322
 'Зрячий' 322
 'Зуб' 130—132
 Зубная форма множественного числа 15. 16. 20. 21. 23. 30. 217
 Зубные звуки 6. 18. 19. 136. 137. 139. 217. 227. 231. 232. 238. 255. 258. 279. 282. 284. 291. 293. 302. 315. 320. 328. 331. 333. 348
 Зыряне см. Коми
 Зырянский язык см. Комийский язык
 Ибер 23
 Иберо-баскские отношения 15
 Иберо-ноны см. Греки
 Иберо-сармат 28. 29
 Иберская (берская) подоснова французской речи 37
 Иберская прослойка славян 21. 22
 Иберские племенные названия см. Берские племенные названия
 Иберские элементы романских языков 27. 37
 Иберские языки 28
 Иберский слой населения Европы 21. 22
 Иберский мир 58
 Иберский язык 27. 189. 194. 216. 237. 250. 272. 312
 Иберы 15. 20. 22. 23. 26. 27. 29. 38. 58. 114. 148. 189. 190. 225. 237. 250. 253. 254. 257. 272. 278
 'Ибо' 284
 Иверо-понский язык см. Греческий язык
 Иверо-ноны см. Греки
 Иверо-чан 15
 'Игра' 123. 356
 Игральные кости 296
 'Играть' 124
 'Игры' 117
 Идеализм и идеалисты 90. 104
 Идеограммы 29. 88. 312. 318. 328. 337. 338. 341. 342
 Идеографическое письмо 72. 293
 Идеологический фронт 90. 119
 Идеология 55. 61. 64. 66. 95. 103. 119. 120. 155. 161. 181. 252
 Идеология искусства 45. 97
 'Идол' 14. 165. 227. 230. 233. 238. 239. 251. 260. 265
 Иероглифы 235
 'Из' 289
 'Изваяние' 238
 'Изволить' 332
 'Изображение' 238
 Изображения 17. 238. 293. 319
 Изобразительное искусство 214. 242
 Изучение памятников материальной культуры 2. 44
 Изучение языков 2. 11. 26. 30. 41. 62. 94. 122. 133. 173. 175. 199
 'Изъять' 23
 'Икона' 332
 Имена 6. 7. 10. 11. 13—15. 17—19. 22—25. 27. 30. 31. 37. 41. 50. 53—55. 67. 73. 86. 88. 99. 102. 105. 110. 115. 116. 127. 134. 138. 151. 158. 161. 163. 164. 166. 169. 176. 181. 182. 185. 186. 188. 189. 191. 192. 194. 195. 202. 205. 210. 211. 218. 221—223. 227. 228. 237. 240. 242. 243. 251. 255. 256. 259. 260. 263. 264. 266—268. 276. 277. 280. 283. 285. 288. 289. 291. 296. 297. 301. 306. 313—318. 320. 321. 323. 325. 327. 330. 332. 334. 337. 338. 340. 342. 348. 354—357.
 Имена действующих лиц 67. 91. 98. 177. 188—190. 194. 198. 358
 Имена прилагательные 11. 14. 15. 17—19. 22—25. 110. 127. 158. 166. 176. 185. 186. 189. 191. 192. 205. 221. 228. 240. 255. 256. 259. 266. 267. 317. 322. 343. 348. 358.
 Имена существительные 67. 115. 116. 188. 194. 285
 'Именины' 232
 Именительный падеж 100. 137. 186. 204. 260. 353
 'Имение' 198
 Именные окончания 14. 129. 277. 322.
 'Имерец' 15
 Имерский говор грузинского языка 291
 'Иметь' 67. 86. 87. 301
 Иммиграция 26. 44
 'Император' 260
 Импералистическая война 93
 Импералистическое разделение Европы 1
 'Имя' 232. 239
 Ингуши 1. 9
 Ингушский музей краеведения 94
 Ингушский научно-исследовательский институт краеведения 94
 Ингушский язык 19. 233
 Ингушское литературное общество 94
 Индивилуум 7. 195. 226
 Индийские индоевропейцы 45
 Индийские языки 126. 179
 Индийский индоевропейский мир 45
 Индогерманская система языков см. Индоевропейская система языков
 Индогерманские языки см. Индоевропейские языки
 Индогерманцы см. Индоевропейцы
 Индоевропеизм 149. 251

- Индоевропейстическая этимология 349
 Индоевропейстический анализ 11. 300
 Индоевропейская аристократия 41
 Индоевропейская грамматика 30
 Индоевропейская раса 84. 248 249
 Индоевропейская (протемеидская) система (семья) языков 4. 11. 12. 63. 100. 163. 180. 181. 194. 294. 295. 300. 301. 304
 Индоевропейские (протемеидские) языки 1. 2. 4. 5 7. 10. 13. 15. 19. 22. 23. 25. 27. 30. 31. 33. 39. 40—42. 49. 51. 58. 63. 64. 73. 82. 87. 94. 100 172. 180. 181. 183. 192. 194. 202. 221. 230—232. 238. 256. 266. 294—297. 302. 303. 312. 336
 Индоевропейский мир 35. 45. 52. 157
 Индоевропейский праязык 4. 22. 31. 33. 49. 57. 156. 221. 266. 352. 354. См. также: Праязык
 Индоевропейский словарь 41. 42
 Индоевропейский тип флективного строя языка 6
 Индоевропейское языкознание и индоевропейцы 1. 6—8. 11. 16. 18. 23. 24. 29. 30—34. 36. 39—40. 52. 55—57. 61. 64. 73. 74. 76. 77. 81. 85. 94. 95. 103. 107. 127. 128. 131. 132. 142. 145. 154—157. 160. 161. 166. 170. 171. 173. 181. 182. 185. 191. 199. 201. 208. 220. 221. 224. 227. 228. 234. 238 249. 256. 266. 293. 297. 300. 312. 319. 325. 353. 354
 Индоевропейцы (племена и народы) 19. 21—23. 25. 30. 42. 45. 49. 54. 84. 126. 128. 129. 148. 160. 201. 210. 215. 222. 248. 249. 252. 266. 296. 302. 312. 319. 347. 350. 354
 Индусы 126
 'Иногда' 247. 278
 'Иной раз' 247. 278
 'Иностранец' 279
 Институт книговедения в Ленинграде 219
 Институт этнических и национальных культур народов Востока СССР (в Москве) 251
 Институты 41. 93. 94. 120. 124. 219. 251
 Интеллигенция 352
 Интернационализация культуры 62
 Ионийский меч 16
 Ионский слой населения Армении 21
 Ионийский язык 158
 Ионо-баски см. Армяне
 Ионские племенные слова 28. 37. 47. 48. 126—134. 136. 138. 139. 143. 147—149. 225. 226. 237. 239. 246. 255. 272. 278. 282. 283.
 Ионский язык 29. 48. 127. 201 216. 246
 Ионы 16—19. 21—23. 26. 130. 142. 217. 237. 279
 Ионяне 8. 16—18. 20. 22. 26. 27. 29. 216. 217. 226
 Ипарский говор сванского языка 201
 Ирано-индийский мир 196
 Иранцы 22. 109. 165. 168. 170. 196. 332. 350
 Иранские царства 354
 Иранские языки 16. 63. 87. 109. 157. 168. 196. 201. 238. 251. 275. 332
 Ирландский язык 133. 134. 181
 Ирокезы 180—182. 192. 198
 Ироны 166
 Иррадиация нервного возбуждения 79
 'Искренний' 256
 Искусство 45. 46. 54. 111. 140. 157. 171. 199. 200. 214. 242
 Ислам 240. 328. 329
 Испанцы 8. 28
 Испанский язык 10. 19. 28. 115. 134. 137. 139. 201. 249
 'Исполни' 166. 260
 Исследование (исследовательская работа, языкания) и исследователи 1. 2. 6. 11. 20. 22. 24. 26. 27. 29. 32—34. 38. 40. 43—47. 51. 53. 54. 58. 59, 61—64. 68 69. 75. 76. 79 80. 84. 95. 98. 103. 112. 118. 122. 126. 148. 152. 153—157. 169—171. 181. 199—201. 208. 210. 215. 219. 220. 223. 248. 267. 271. 276. 297. 299. 300. 303. 313. 316. 334. 344. 351. 353
 Исследовательские учреждения 35. 36. 40. 59. 60. 93. 94, 120. 122. 124. 219. 251
 'Истинное' 331
 Историки, права 20. 75. 76
 Историки религии 94
 Историки-экономисты 75
 Историко-материалистический метод 77
 Историкография 264
 Историческая культура 44. 45. 57. 145. 230
 Исторические источники 312
 Исторические народы 12. 20. 22. 23. 26. 158. 252
 Исторические языки 30. 269. 338
 Исторический материализм см. Марксизм
 История и историки 20. 26. 39. 45. 46. 51. 56. 63. 76. 124. 152—157. 159. 169—171. 173—176. 196. 199. 210. 226. 252. 264. 266. 272. 311. 348. 350. 352
 История Албании (Кавказской); 152
 История Армении 152. 170
 История архитектуры 200
 История Грузии 152, 352. 356
 История индоевропейского словаря 41
 История искусств 200. 269
 История Италии 164
 История Кавказа 152
 История культуры 36. 40. 56. 174. 264. 338. 348
 История материальной культуры 29—32. 36. 40. 42. 44. 46—48. 56. 58—61. 69. 118. 140. 141. 151. 169 171. 174. 199. 220—222. 242. 269
 История общественности 39
 История права 20. 75. 76
 История техники 61
 История хозяйства 61
 История языка 8. 10. 104. 120. 157. 183. 222. 285
 'Источник' 316
 'Истукан' 239
 Исходный падеж 289
 Исчисление 273. 274. 276. 298
 Итальяские варечия 26
 Итальяские языки 19
 Итало-ливийцы 226
 Италы см. Салы
 Итальянский язык 19. 134. 137. 139. 249
 Иудео-арамейский язык 126
 'Иомызы' 272

- Ионы 8. 226
 'Ж' 281. 357
 Кабилский язык 101
 Кабилы 101
 Кавказоведение и кавказоведы 93
 Кавказская культура 38. 146
 Кавказские этруски 24
 Кавказские языки и наречия 12 15. 18. 28.
 38—40. 46. 51. 53. 58. 63. 94 100—102. 146.
 147. 163. 171. 172. 185. 199. 210. 215. 219.
 222. 231. 235. 236. 246. 272. 281. 284. 288.
 300—302. 304. 305. 320 322. 332. 336. 337
 Кавказские яфетиды 15—18. 48. 166. 183. 192.
 231. 235. 250. 262. 266. 284. 320
 Кавказский извод библейского повествования
 200
 Кавказский историко-археологический инсти-
 тут в Тифлисе 124
 Кавказский мир. 238. 260 262
 Кавказский отдел КИПС 157
 Кавказцы 12. 14. 17. 24. 64. 93. 101. 166. 183.
 184 199 272. 284. 286.
 'Каждый' 276. 282—284
 Казикумукский язык (м. Лакский язык
 'Как' 356
 'Как бы много' 346
 'Каким образом' 356
 'Какой-либо' 281
 'Камень' 31. 48. 83. 149—151. 228. 273. 317.
 325. 331
 Каменная культура 149
 Каменная соль 31
 'Каменное орудие' 317
 Каменные орудия 278
 Каменный век 148
 'Каменный топор' 149. 150
 'Каникулы' 330
 Кантианство и кантианцы 56
 Капиталистическая культура 152
 Каппадокийцы 166
 'Каппадокийцы' 216
 'Каприз' 205
 Капучинский язык (бешитль) 289
 'Каракатица' 132
 Каратинский язык 263. 277. 290
 Кардухи 240
 Карельский язык 101
 Карелы 101
 Карийский вопрос 201
 Карийский язык 201
 Картвельский язык см. Грузинский язык
 Картвели см. Грузины
 'Картвели' 240
 'Картина' 231. 233
 Картская группа языков см. Свистящая группа
 яфетических языков
 'Каска' 217
 Каспии 19
 Каспы 14
 Касы 19. 25. 148
 Катакомбы 205
 Католики 95
 Каузальность см. Причинность
 Кафедры 2
 Кельтский вопрос 171
 Кельтские языки 17. 133. 134. 139. 181. 350
 Кельты 27. 124
 Керченская конференция археологов СССР
 251
 Кимерский тотем 115
 Кимерский язык 260. 272. 312
 Кимерийцы см. Кимеры
 'Кимеры' 20. 35. 114. 165. 173. 174. 253. 254.
 257. 258. 260. 261 272 278. 311
 Кинетическая речь см. Линейный язык
 Киники 49
 'Киоск' 216
 'Кипит' 110
 'Кипятиль' 110. 114
 Кистинский язык см. Чеченский язык
 Кисты см. Чеченцы
 Китаеведение и китаисты 239
 Китайский язык 36—38. 40. 65. 83. 239. 275
 277. 284. 293. 316
 Китайцы 42. 275
 Клан 65 67. 69. 180
 Класики 180
 Классификация языков 5. 62. 329
 Классификация яфетических языков 5
 Классические языки 63. 153. 305. 326
 Классический мир 156, 159
 Классическое образование 153
 Классовая борьба 90. 91. 119. 121. 181. 351.
 352
 Классовая дифференциация 74. 75. 159. 177.
 178. 280
 Классовое общество 71
 Классовые показатели 86. 277. 280
 Классовые языки 159. 163. 174. 352. См. также:
 Буржуазный язык, Феодалный язык, Язык
 трудящихся
 Классовый мир 280
 Классовый строй 250
 Классы (грамм.) 68. 281
 Классы общественные 2. 25. 72. 74. 75. 86.
 100. 106. 118. 140. 141. 154. 159. 163. 165.
 170. 173. 174. 176. 178. 180. 195. 245. 250.
 253. 270. 271. 279. 306. 351. См. также:
 Господствующие классы
 'Клеймо' 240
 'Клеши' 132
 Клинописные знаки 337. 346. 347. 357
 Клинообразные надписи 28. 223. 277. 317. 327.
 337. 342. 354
 Клинописные летописи 354. 355
 Клинописные языки 73. 123. 223. 281. 354. 355
 Клинопись 28. 29. 48. 72. 73. 101. 109. 275. 283
 312. 317. 318. 326. 327. 337. 342. 346. 347.
 354. 355. 357
 'Клички' 195
 'Клык' 131
 'Книга' 46. 59. 220—225. 227—236. 238—240.
 242. 245
 'Книга судеб' 241
 Книжные языки 221
 'Князь' 260
 'Ковать' 237
 'Ковер' 265
 'Ковчег' 323. 324
 'Ковчег союза' 215
 'Когда' 203. 356
 'Кого-либо' 285

- 'Коза' 138, 295
 Койбалский язык 251
 'Колдовал' 240
 Колдовская палка 243
 'Колдун' 185, 193, 240, 268
 'Колесница' 142—144, 201, 202
 'Колесо' 133, 134, 142—144, 244
 Коллектив 87
 Коллективная научная работа 175
 'Колодка' 233
 Колониальная политика 1
 Коловиальные народы 107
 Колониальные страны 2, 106, 108
 Колониальные языки 62
 Колониальный мир 95, 107
 Колонии 95
 Колонизация 2
 'Колос' 320
 'Колоть' 324, 325
 'Колх' 14, 20, 184
 Колхи 13, 14, 123, 168
 Колхозное строительство 90, 104
 'Кольцо' 236, 242, 243, 338, 347
 Коми (зыряне) 101, 123, 196, 250
 Комийский язык (зырянский) 87, 101, 102, 221, 229, 235, 246, 2 0, 267, 325
 Комиссия изучения племенного состава населения СССР (КИПС) 157, 255
 'Комната с куполом' 216
 Компаративизм 181
 Композиты 33
 'Ковь' 17, 22, 42, 47, 53, 59, 125, 134, 160, 167, 168, 295
 'Коневод' 133
 'Конеп' 96, 202
 'Конная дружина' 168
 'Конница' 167
 'Конские игры' 31
 'Конюх' 134
 'Комюшля' 201
 'Копье' 320, 325
 Коптский язык 89, 127—133, 137, 275
 Кошты 137
 'Корабль' 145
 'Коран' 184, 230
 Коренной житель 190
 Коренные звуки 6, 7, 9, 22, 23, 132, 203, 204, 235, 295, 303, 320, 345, 348
 Коренные слова 171, 184, 267, 291
 Корни 7, 13, 15, 81—84, 124, 126, 175, 176, 179, 231, 234, 238, 239, 243, 258, 287, 288, 293, 317 321, 324, 327, 333, 335, 336
 'Корова' 295
 'Король оруженосцев' 133
 'Король' 133
 Косвенные падежи 137, 185, 187, 192, 356
 Космическая общественность 344
 Космические герои 2, 114
 Космические представления 14, 33, 89, 123, 140, 243, 280
 Космические силы 32, 39
 Космические термины 162, 274, 280, 321, 339
 Космический мир 280
 Космическое мировоззрение 92, 108, 120, 166, 193, 257, 265, 269, 273
 Космическое мышление 3, 356
 Космическое словотворчество 32
 Костромской говор русского языка 193
 'Кость' 67, 132, 133, 187, 196, 275
 'Котомка' 209
 'Который' 284
 Коттежная культура 38
 Коттский язык 58, 263, 267
 Котты 38
 'Край' 101, 123
 'Красивый' 89
 'Красный' 241, 285
 'Красный, почетный угол избы' 184
 'Край' 292, 299
 'Крепкий' 149
 'Крепостные' 117
 Крестьянство и крестьяне 20
 'Крестьянин' 13, 14, 20, 21
 Крещение 185
 Крито-микенская культура 45
 Критский язык 210
 'Кричать' 240
 'Кров' 114, 322, 324, 325
 'Крость' 244, 316
 'Круг' 7, 105, 144, 164, 193, 201—203, 215, 243, 298, 309, 321, 323, 325, 331, 333, 337, 338, 346, 347
 Круги народов 251, 252
 Круги языков 6, 38, 148, 170, 172, 194, 222, 277, 336
 'Круглый' 205
 'Круглый камень' 331
 'Кружится' 143
 'Кружок' 320, 323
 'Крупный' 15
 'Крыша' 88, 202, 203
 'Кто' 284
 'Кто-либо' 281, 282, 284
 'Кто-нибудь' 282
 'Кто-то' 280—282, 285
 'Кувшин' 158
 'Кувшинка' 208
 'Кудесник' 193, 171
 'Кукла' 227
 'Кукуруза' 172
 'Кулак' 62, 259, 276, 286, 298, 303
 Культ 53, 99, 100, 105, 108, 110, 125, 123, 140, 144, 149, 152, 164, 165, 184, 205, 211, 214, 217, 251, 264, 265, 268, 269, 273, 295, 306, 310, 313, 317, 320, 322, 343, 346, 351, 355
 Культ хлебных злаков 165
 'Культовая еда' 185
 Культурная литература 352
 Культурное знамя 230
 Культурное значение 184, 185, 238, 251, 255, 264, 265, 273, 315, 350, 356
 Культурное покрывало 319
 Культурные животные 295
 Культурные места 338
 Культурные предметы 355, 356
 Культурные сидения 227
 Культурные термины (названия) 17, 22, 110, 166, 169, 179, 182, 184, 185, 211, 249, 250, 255—257, 259, 260, 262, 263, 270—274, 296, 306, 314, 324, 332, 337, 339, 355
 Культурный мир 161
 Культурный язык 109, 169

- Культура 3. 38. 43—46. 48. 50. 54—56. 58—62.
 64. 69. 70. 75. 81—84. 94. 95. 101. 111.
 117—119. 122. 124. 139—142. 145. 146.
 148—153. 157. 169—171. 174. 177. 179. 199.
 210—212. 217. 220—222. 225. 227. 230. 237.
 239. 241. 242. 245. 251. 252. 264. 266. 269.
 272. 273. 309. 347. 348. 351
- Культура индийских индоевропейцев 45
 Культурная революция 154
 Культурное строительство 286
 Культурные круги 95
 Культурные термины 346
 Культурные языки 1. 81. 153. 312
 Культурно-порабощенные народы (отсталые) 34
 Культурный мир 299
 Культурный фронт 91. 351
 'Кунак' 279
 Кунтологи см. Ассириология и ассириологи
 'Купец' 279
 'Купля-продажа' 279
 'Купол' 2. 2. 206. 216
 Курган 201
 'Курд' 184
 Курдский язык 180
 Курды 240
 'Курица' 186
 'Куропатка' 186
 'Курочка' 114
 'Кусок' 276
 Кухонная утварь 210
 'Куча' 149. 184
 Кюринский язык см. Лезгинский язык
 Кюрицы см. Лезгины
 Лабиальная огласовка см. Губная огласовка
 Лабурдинское наречие баскского языка 9. 203
 'Ладоши' 304
 Лазский язык см. Чанский язык
 Лазы см. Чаны
 Лаки 187
 Лакский (казикумукский) язык 187
 'Лапа' 292
 'Лапти' 293. 308
 Ласкательные слова 330. 350
 'Ласточка' 53. 307. 335—337. 340—345. 349
 Латинский мир 67. 163. 228
 Латинский язык (латынь) 9. 11. 13. 18. 20. 22.
 23. 25. 26. 28. 33. 41. 47. 53. 58. 63. 65.
 82—84. 100. 101. 105. 109. 110. 125. 127.
 128. 130. 132—134. 137. 142. 144. 156—164.
 167. 171. 172. 179. 181—183. 191. 192. 194.
 198. 201. 210. 213. 217. 220. 224—232. 234.
 235. 238. 239. 241. 243. 266. 276. 290. 294.
 296. 297. 300. 301. 304. 305. 307. 316. 319.
 325—327. 334. 337
 Латинские народы и племена (латиняне) 26.
 92. 105. 162. 210. 316
 Лахамульский говор сванского языка 201
 Лашхский говор сванского языка 201
 'Лебедь' 265
 'Лев' 126—128. 320
 'Левая рука' 172. 301
 'Левая сторона' 193. 194
 'Левый' 13. 24. 88. 193. 194
 'Левый вол' 193
 'Лег' 294
 Легендарная эпоха истории Грузии 356
 Легенды 15. 27. 28. 49. 147. 153. 168. 169.
 183. 354. 356
 'Лежанье' 33
 'Лежанка' 33
 'Лежать' 33
 Лезгинские языки 12. 15. 17. 257. 259. 263.
 277. 286
 Лезгинский (кюринский) язык 257. 263. 277.
 286
 Лезгины (кюрицы) 47
 Лезгины (лезгинские племена) 12
 Лексемы 303
 Лексика 9. 11. 66. 74. 184. 191. 210
 Лексикография и лексикографы 201. 208. 349
 Лексический (словарный) материал 191. 250.
 265. 341
 Лентехский говор сванского языка 201
 'Лес' 273. 337. 355
 Лесбийский язык 293
 'Лесная курица' 186
 'Лето' 105. 325
 Летописи и летописцы 27. 169. 354. 355
 Летописи 230
 Лефонсторическая культура 272
 Лефонсторические эпохи 270. 271. 278. 316
 'Лечь' 33
 'Лечь на землю' 33
 Лечхумцы 196
 Лигурийский язык 27
 Лидийский язык 317
 Ликийский язык 336
 Лингвистика см. Языкознание
 Лингвистические факты и материалы 4. 7. 8.
 10—12. 16. 22. 23. 25. 29. 37. 40—42. 46.
 47. 55. 61. 62. 65. 66. 69—71. 74. 79. 81. 83.
 87. 89. 90. 98. 102. 104. 107. 111. 113.
 118—120. 123. 127—129. 140. 148. 149.
 154—157. 159. 163. 170. 173—176. 181.
 183. 188. 192. 203. 210. 211. 219. 221. 226.
 235. 236. 239. 242. 254. 257. 266. 284. 291.
 295. 297. 300. 326. 332. 354. 355
 Лингвистический анализ 26. 27. 40. 102. 111.
 210. 211. 234. 262. 276. 284. 291. 297. 302.
 313. 315. 317. 326. 327. 336. 338. 339. 356
 Лингвисты-социологи 253
 Линейный (графический) язык 3. 28. 40. 56. 57.
 64. 72. 73. 80. 106—109. 111. 115. 116.
 118—120. 177. 197. 243. 247. 273. 276. 286.
 298. 299
 'Линия' 221. 235
 'Лиса' 127. 128
 Литература 50. 56. 98. 140. 146. 173. 173. 199.
 215. 220. 221. 238. 245. 262. 340. 345. 352
 'Литература' 227
 Литературные произведения 345
 Литературные сюжеты 30. 50. 140
 Литературные языки 5. 7. 12. 14. 17. 85. 114.
 122. 123. 126. 135. 146. 172. 184. 187—189.
 191. 194. 197. 200. 205. 208. 230. 236. 238.
 243. 247. 255. 262. 265. 267. 274. 278. 279.
 281. 282. 284. 285. 289. 290. 293. 300—302.
 307. 330. 331. 333. 348. 357. 358
 Литовцы 22
 Лица (грамм.) 67. 91. 98. 177. 188—190. 194
 198. 358. См. также: Первое лицо, Второе
 лицо, Третье лицо.

- 'Лицо' 102. 191. 192. 276
 Лицо (юридическое) 177. 178. 182. 187—189. 194
 'Личность' 191—198. 283
 Личные глаголы 87
 Личные имена 194. 330. 332. 354. 356. 357.
 Личные местоимения 67. 182. 183. 185. 186. 194. 198. 289.
 Личные местоимение первого лица 67. 194. 198
 Личные местоимения второго лица 67. 198
 Личные местоимения третьего лица 67. 188. 189. 194. 198.
 'Ловить' 304
 Логика 309
 Логические связи 32
 Логическое мышление 70. 71. 106. 116. 118. 120
 'Логогония' 104. 106. 107.
 'Лодка' 145
 'Лопатка' 358
 'Лотос' 208
 'Лошадь' 17. 19. 20. 24. 47. 48. 52. 53. 99. 105. 124. 125. 132—140. 143—146. 167. 168. 184. 222. 349.
 'Лук' 320. 321
 'Луна' 68. 69. 96. 108. 162. 193—195. 309. 316. 320. 329—332
 'Луч' 321. 333.
 'Лучше' 17. 25. 193
 'Лучший' 12. 16. 17. 20. 22. 25
 'Лыко' 228
 'Любовь' 51
 'Люди' 226
 'Лядвель' 172
 'Мавзолей' 216
 Магистерский диспут Н. Я. Марра 78.
 Магическая сила 57. 86. 324
 Магические термины 179. 182. 306
 Магический мир 280
 Магическое действие 356
 Магическое значения 164. 273
 Магия и маги 140. 156. 159. 222. 224. 229. 232. 238. 240. 244. 245. 247. 270. 272.
 'Магия' 241. 243
 'Мазать' 220.
 'Маис' 172
 Маисовый хлеб 172
 Малозайские языки 94. 217
 Малороссийский язык см. Украинский язык
 Малороссы см. Украинцы
 'Мальчик' 184
 'Малый' 127
 Мандейский язык 295
 Мари (черемисы) 83. 128. 165. 250—251. 260. 266. 272. 307
 Мари горные 260
 Марийский (черемисский) язык 85. 87. 128. 192. 229—230. 250—251. 257. 260. 266. 272. 307
 Марийский горный язык 257
 Марксизм и марксисты 75. 85. 97. 112. 154. 155. 173. 175. 177
 Марксистская социология и социологи-марксисты 75. 173. 177
 Марксистский метод 119
 Марокканский язык 101
 Марризм 173
 Марнейон 212. 213
 Масореты 303. 315
 'Мать' 98. 180. 181
 'Мать-земля' 273
 'Мать коров' 320
 Материализм и материалисты 85. 97. 120
 Материальная база 62. 66. 97. 99. 101. 103. 104. 110. 116. 117. 121. 141. 185. 355
 Материальная культура 2. 29—32. 36. 39. 40. 42. 44—48. 54. 56. 58—61. 69. 70. 75. 81. 94. 95. 101. 111. 117—119. 122. 140. 141. 149—152. 157. 169—171. 174. 177. 199. 220—222. 225. 241. 242. 245. 252. 269. 273. 348. 351.
 См. также: История материальной культуры, Памятники материальной культуры
 Материальная культура животных 117
 Материальное бытие 2
 Матриархат 49. 52. 54. 58. 107. 115. 176. 180. 195. 198. 280. 350
 Мегалитические памятники см. Памятники мегалитические
 Мегрелизмы 358
 Мегрело-чанская диалектическая среда 348
 Мегрело-чанский язык 17. 259. 330
 Мегрельский язык и диалекты 6. 12. 16. 18. 83. 100. 110. 114. 130. 132. 142. 146. 172. 184. 188. 189. 192. 194. 203. 204. 216. 231. 232. 236—238. 241. 246. 250. 253. 254. 256. 258. 259. 261—264. 276. 277. 281—288. 292. 293. 301. 302. 304. 305. 318. 322. 323. 328. 330. 332. 333. 340. 348. 356. 358
 Мегрелы 12. 16. 18. 110. 114. 132. 146. 192. 250. 253. 262. 264. 286
 'Медь' 15. 83
 Междометия 79. 80. 83
 Международные термины 30
 Международный обмен 145
 Мертвые языки 10. 28. 74. 94. 100. 153. 158. 181. 198. 296
 Мертвые яфетические языки 28. 296
 'Мертвый' 85. 86
 'Мерцание звезды' 342
 Месхи см. Месхи
 Месопотамская клинопись 326. 327. 337. 346
 Месопотамская культура 347
 Месопотамская письменность 347
 Месопотамские народы 169. 198. 329. 331. 350
 Месопотамские тексты 357
 Месопотамские языки 94. 127. 130. 198. 231. 312. 326. 327. 329. 334. 337. 339. 340. 347. 350.
 Месопотамские яфетиды 329
 Месопотамские яфетические языки 347.
 'Место' 355
 Местоимения 6. 33. 67. 69. 86. 87. 99. 102. 116. 182—189. 191. 192. 194—198. 232. 277. 281—284. 289. 301. 356
 Местоимения первого лица 67. 194. 198
 Местоимения второго лица 67. 198
 Местоимения третьего лица 67. 188. 189. 194. 198.
 Местоименное склонение 7. 10
 Местоименные аффиксы 10
 Местоименные префиксы 188
 Месхи 12. 15. 38. 267
 Месхский язык 12. 312

- 'Месяц' 320. 330. 331
 Металлургическая культура 149. 313
 Металлы 4. 15. 16. 29. 46. 48. 50. 68. 83. 141. 149. 356. 357
 Метафизика 79
 Метасация племен см. Скрещение племен
 'Метка' 59. 221. 231. 232
 Метод исследования 8. 34. 43. 45. 47. 57. 59. 62. 73. 77. 95. 103. 120. 153. 245. 323. 341. 346. 351. См. также: Метод сравнительный, Формальный метод, Генетиологический метод
 'Мех' 317
 'Меч' 320
 Меч 16
 'Меченый' 229. 230. 243
 Мешаные народы см. Скрещение племен
 'Мешаный' 339
 Миграции (переселения) народов 4. 140. 154. 203. 311. 352
 Миллийский язык 217. 354. 355
 Мидийское царство 355
 Мидийцы 354
 'Миловать' 256. 264
 'Милость' 256. 257. 264
 'Милость бога' 257
 'Милый' 18. 193
 Мимяка 3. 57. 73. 80
 Мингрельский язык см. Мегрельский язык
 Мингрелы см. Мегрелы
 Минойский Крит 217
 'Мир' 164. 186. 190. 191
 Мировая революция 154
 Мировое социальное строительство 62
 Мировое хозяйство 62. 95. 113. 252. 306
 Мировоззрение 2. 32. 37. 39. 48. 52. 55. 57. 59. 60. 63. 66. 68. 73. 85. 89. 91—93. 97. 98. 100. 105. 106. 108. 112. 116. 117. 119. 121. 128. 144. 151. 153. 166. 175. 185. 193. 195. 225. 226. 241. 245. 248. 249. 257. 264—266. 269. 273. 309. 321. 340. 344. 345. 352
 Мировые государства 355
 Мировые языки 5. 175
 Миссионерская работа 95
 Миссионеры 95
 Мистика 215
 Мистицизм 81
 Митрополиты 329
 Мифотворчество 3
 Мифы и мифология 3. 38. 39. 49. 50. 54. 97. 113—115. 121. 127. 140. 147. 160. 211. 248. 273. 281. 297. 308. 319. 334. 336. 345. 350
 Младописьменные народы 270
 'Много' 105. 274. 275
 Многоязычность 10. 12. 73
 Множественное число 7. 14—21. 23. 24. 27. 28. 30. 31. 33. 67. 69. 98. 103. 112. 133. 138. 188—190. 194. 198. 201—205. 208. 209. 215—218. 225. 226. 246. 260. 265. 277. 280. 282. 289. 290. 295. 297. 329. 341. 358
 'Множество' 299. 303
 Моабитская стела 314
 Могила' 202. 206. 210. 216
 Модернизмы 358
 'Мой' 190
 Мокша диалект мордовского языка 250. 256. 267. 284
 Мокшане см. Мордовцы-мокша
 'Моленный' 193
 'Моляться' 230
 'Молния' 309. 325
 'Молодая девица' 211
 'Молодой голубь' 114
 'Молодой муж' 134
 'Монарх' 260
 Монархия 245
 Монахи 352
 Монгольские языки 248. 301. 302. 305. 306
 Монографии 27
 Монолитные языки 74
 Моносемантизм 89
 Монументальное искусство 214
 Монументальные памятники см. Архитектурные памятники
 Мораль 249. 256. 266. 270
 Мордовский язык 39. 58. 101. 250. 251. 256. 267. 284. См. также: Мокша диалект мордовского языка, Эрзя диалект мордовского языка
 Мордовцы (мордвины) 58. 250. 251. 260
 Мордовцы-мокша 101. 250. 256
 Мордовцы-эрзя 250
 'Море' 16. 26. 31. 50—52. 81. 97. 109. 128. 145. 147. 156. 158. 160. 161. 163. 217. 260. 280. 320. 335. 340
 'Морская соль' 31
 'Морской берег' 163
 'Морской бог' 54. 156. 159—161
 Морфология 7. 9. 28. 31. 39. 66—68. 70. 71. 87. 99. 104. 111. 196. 203. 240. 243. 308. См. также: Яэтическая морфология
 Морфология глаголов 67. 87
 Мосохи см. Месхи
 Мосохский язык см. Месхский язык
 Мошохи см. Месхи
 'Мрак' 98. 223
 'Муж' 156. 354
 Мужской род 68. 99. 100. 175. 280
 'Мужчина' 167. 172
 Музеи 93. 94. 120. 170. 211
 'Муки' 356
 Мул' 134
 Мулахский говор сванского языка 201
 Мусульмане 12
 Мусульманская культура 230. 251
 Мусульманская религия см. Ислам
 'Муха' 328. 329
 Мушки 278
 'Мы' 67. 189
 'Мы есмь' 188
 Мыслители 43. 114
 Мышление 3. 30. 31. 37. 44. 64—66. 68—71. 73. 76—78. 80. 83. 86. 90. 91. 95—100. 103. 104. 106—109. 111—122. 132. 138. 144. 147. 149. 153. 155. 159—161. 167. 181. 187. 197. 206. 221. 224. 241. 252. 273. 274. 277. 280. 281. 283. 293. 308. 309. 324. 351. 356
 Мышление животных 117
 'Мясо' 275
 'Наверху' 203
 'Навоэнить' 161. 163
 'Над' 105. 193
 Надписи 28. 192. 203. 204. 211. 217. 223. 228—265. 277. 317. 327. 337. 342. 354

- Надстроечный мир 66. 103. 161
 'Назвал' 239
 Названия см. Термины
 Названия богов (божества) 8. 13—16. 18. 19. 53. 102. 158. 160. 198. 211. 218. 227. 238. 243. 251. 257. 259. 260. 262—266. 268. 269. 308. 313—315. 318. 321. 324—329. 331. 332. 334. 335. 337. 338. 350. 357
 Названия гор 8. 354
 Названия животных и птиц 17. 19. 29. 32. 41. 42. 47. 81. 99. 104. 105. 126—129. 135—143. 145. 147—149. 193. 196. 202. 267. 294. 295. 298. 318. 327. 335. 336. 341. 342. 344—346. 349. 355
 Название знаков 101
 Название металлов 4. 15. 16. 28. 29. 115. 149. 236. 265
 Название морей 8. 16. 51. 217
 Название племен см. Этнические названия
 Названия растений 208. 209
 Названия рек 8. 9. 14. 19. 22. 37. 48. 101. 115. 125. 138. 147. 158. 167. 168. 229. 230. 333. 334
 Названия рыб 146. 340—342. 344
 Названия светил 162. 345
 Названия семейных отношений см. Термины родства
 Названия сословий 13
 Названия сыпучих тел 30
 'Назачение' 53
 'Наилучший' 25
 'Наименовал' 239
 'Наименование' 239
 Наклонения 332.
 'Написал' 231. 235
 'Напиток' 158
 Направительный падеж 261
 'Направо' 193
 Наречие 181
 Наречия (грамм.) 70
 Наречия и говоры яфетических языков 30. 31. 280. 286. 288.
 Наридательные имена 9. 22. 67. 102. 115. 158. 164. 169. 181. 182. 196. 202. 211. 216. 263. 264. 275. 276. 281. 291. 296. 317. 323. 330. 334. 354—357
 'Народ' 156. 164. 182. 281
 Народные архитектурные термины 200
 Народные предания 28
 Народные языки 119. 131. 172. 184. 185. 189. 190. 205. 210. 231. 232. 234. 238. 251. 255. 262. 267. 278. 281. 283. 285. 289. 302. 334. 346. 352—354. См. также: Армянский народный язык, Грузинский народный язык
 Народоуправство 21
 Народы Кавказа см. Кавказцы
 Народы СССР 90. 92. 93
 Нарты 260
 'Наседка' 180
 'Население' 164
 Население Азрбайджана 313. 350
 Население Америки 197
 Население Апеннинского полуострова 26. 297
 Население Армении 21. 108. 136. 170
 Население Африки 197. 313. 346
 Население Британских островов 14. 224
 Население Вавилонии 316
 Население Греции 160 171. 172
 Население Грузии 108. 169
 Население Европы 14. 28. 39. 107. 142. 171. 174. 210. 228. 311. 336
 Население Индии 45. 179
 Население Италии 160. 163. 347
 Население Иудеи 346
 Население Кавказа см. Кавказцы
 Население Малой Азии 9
 Население Океании 197
 Населения Осетии 260
 Население Передней Азии 336
 Население Пиренейского полуострова 26
 Население Римской страны 172. 180
 Население России 21. 22. 27. 170. 171. 311
 Население Северной Африки 157
 Население Средиземноморья 14. 28. 54. 157. 265. 350
 Население Финикии 217
 'Населенный мир' 87
 'Населенный пункт' 191
 'Наследие' 187
 'Наследник' 188. 190
 'Наследование' 190
 Наследственность 55
 Настоящее время (глаг.) 99
 Натуральное состояние языка 7
 Наука 2. 43. 59—61. 70. 78. 106. 107. 111. 112. 140. 152—155. 173—175. 193—200. 219. 231. 245. 247. 253. 267. 269. 311. 331
 Наука о человеке см. Антропология
 Научная организация труда (НОТ) 298
 Научная техника 1. 33. 34. 45. 126
 Научное мировоззрение 37. 46
 Научные школы 2. 63. 73. 85. 96. 155. 185. 221
 Научные достижения 2. 40. 45. 61. 62. 65. 77. 98. 119. 122. 140. 158. 171. 219. 220
 Научные потребности 2
 Научные предприятия 2. 103. 309
 'Находиться' 88
 Нахча-чеченские племена см. Чеченцы
 Нахчайский язык см. Чеченский язык
 Национализм и националисты 90. 272
 Национальная культура 64
 Национальное самоопределение 251
 Национальное строительство 237
 Национальность (нации) 2. 69. 92. 120. 158. 198. 247. 273. 306. 352
 Национальные интересы 1. 2
 Национальные названия 14. 26. 92. 168. 196. 229. 240. 256. 279. См. также: Этнические названия
 Национальные образования 74. 92. 250
 Национальные различия 120
 Национальные языки 62. 64. 94. 120. 122
 'Начало' 96. 164
 'Наш Господь' 210
 'Не' 290
 'Небеса' 32. 200. 203. 205—207. 215. 216. 218. 322. 325. 341
 'Небесная рыба' 340. 342
 'Небесное царство' 87
 'Небесный' 205
 'Небесный бог' 159
 'Небесный свод' 201. 260

- Небесята' 32. 345. 346
 'Небо' 7. 16. 29. 31—33. 50. 53. 81. 87—89. 92.
 97. 101. 102. 105. 106. 104. 110. 113. 114.
 123. 125. 127. 138. 140. 144. 145. 147. 156.
 161. 166. 169. 183. 186. 187. 191. 193. 195.
 196. 198. 201—209. 215. 216. 230. 241. 243.
 246. 255—257. 260. 263—265. 267. 273. 280.
 293. 309. 316—327. 330. 331. 333—335.
 337—342. 345—350. 354—356.
 'Небо' 102. 202. 203. 205. 216. 260. 337
 Нёбные гласные 17
 'Невеста' 318. 337
 'Невестья' 318, 337
 'Неделя' 300
 Неидифференцированные звуки 6
 'Недобрый' 18
 Недотачочные глаголы 87
 'Нечто' 282. 284. 285
 Немецкий язык 24. 79. 80. 83. 84. 91. 92. 100—
 102. 105. 109. 110. 115. 130. 134. 138. 139.
 143. 179. 183. 201. 238
 Немцы 91. 92. 105. 110
 'Не обл.' 303
 'Неодобрительный' 18
 Неокантианство и неокантианцы 56
 Неолит 32. 46. 56. 128. 141. 148. 222. 239.
 241—243
 Неопределенные звуки 19
 Неопределенные местоимения 282. 283
 Неопределенный член 280
 Непереходные глаголы 67
 'Непогода' 309. 331
 'Нерешительный' 304
 'Несчастный' 13
 'Нехороший' 24
 'Нечто' 277. 281. 282. 284. 285
 'Нн' 290
 Нижнеаварское наречие баскского языка 9
 'Низ' 96. 97. 2-0
 'Низ в глубину' 280
 'Ни один из двух' 290. 303
 'Но' 290. 301
 Новонарабский язык 274
 Новогрузинский язык 127. 185
 Новогипетский язык 235. 240
 Новоперсидский язык 185. 201. 233. 348. 349
 Новозамский язык 15. 63. 73. 254. 354
 Новые языки 5. 10. 15. 63. 73. 100. 127. 185.
 201. 233. 235. 240. 274. 335. 348. 354
 'Новый год' 195
 'Ноги' 89. 110. 172. 223. 281. 292. 293. 296. 298.
 307. 308
 Номады 168
 Норманский вопрос 170
 Нормы языка 7. 294
 'Нос' 67. 177. 275
 Носовые звуки 16. 18. 133. 136. 348
 'Ночь' 53. 96. 98. 101
 Нумеративное число 277. 282
 Нумеративные слова (частицы, формы) 276. 277.
 285. 286. 289. 290. 299. 300. 303. 306
 'Ныне' 355. 356
 'Обед' 24
 'Объединять' 283
 Объективный падеж 37
 'Обителище душ усопших' 206
 Обиходная речь 117. 197. 214. 254. 357
 'Облако' 160. 161. 163. 309. 349
 'Область' 227
 Обмен (товарообмен) 145. 270. 293. 294
 'Обнажаться' 88
 'О бок' 281
 Обоюдоострый меч персов 16
 Обоюдоострый меч скифов 16
 'Образ' 106. 110. 230. 233. 235. 238. 243. 251.
 256. 356.
 Образное мышление 70
 Образование множественного числа 358
 Образование падежей 7
 Образование слов 6. 16. 55. 324. 325. 357
 'Обряды' 3. 30. 32. 67. 99. 108. 110. 133. 140.
 160. 202. 205. 206. 214. 221. 243. 273. 276.
 292. 307. 309. 314. 317. 318. 321. 323. 324.
 334. 337. 338. 343—345. 347. 350
 Обращение 18. 184
 'Обрыв' 228
 Обряды и обрядности 184. 322. См. также:
 Культ
 Общие языковедение см. Языковедение
 Общиневропейский словарь см. Индоевро-
 пейский словарь
 Общественная жизнь 161. 165. 271
 Общественная надстройка 99
 Общественное мышление 32
 Общественность 4. 13. 20. 31. 32. 38. 44. 48. 52.
 55—57. 59—62. 66. 72. 76. 78. 86. 91. 96. 97.
 99. 104. 106. 111. 115. 117. 118. 121. 123.
 135. 139—141. 151. 153. 154. 160. 162. 164.
 171. 172. 174. 177. 180. 196. 220. 225. 227.
 241. 242. 245. 247. 249. 250. 254. 257. 268—
 270. 273. 278. 280. 294. 306. 308. 321. 344.
 350. 352. 353. 355. См. также: Буржуазная
 общественность
 'Общественность' 198
 Общественность животных 3
 Общественный мир 280
 Общественный строй 13. 25. 31. 51. 66. 68. 70.
 71. 74. 75. 97. 110. 115. 157—159. 161. 163.
 166. 167. 185. 186. 195. 196. 198. 245. 248.
 268. 272. 3-2
 Общество 71. 76. 91. 100. 103. 104. 105. 115.
 159. 175. 186. См. также: Стадное общество
 Общенациональные языки 65
 Обществоведение и обществоведы 62. 71. 118.
 173
 Обычай 214
 Обычное право 21. 59
 'Овин' 179
 'Овраг' 202
 'Овца' 42. 69. 294—296. 298
 Огласовка 9. 13—15. 17. 23. 26. 53. 123. 127.
 129. 130. 132. 137. 138. 142. 143. 172. 181.
 184. 187—189. 194. 196. 204. 215. 217. 225.
 227. 229. 232. 235. 236. 237. 255. 255. 258.
 260. 263. 265. 268. 270. 282. 285—287. 289—
 291. 301. 304. 305. 314. 316. 318. 319. 322.
 323. 326. 327. 329—331. 335—337. 341. 346.
 348. 356
 'Оговь' 33. 50. 52. 66. 83. 84. 96. 110. 113. 114.
 156. 223. 273. 309. 319. 321. 330. 340. 345
 'Ограда' 164. 309. 321. 323. 325
 'Одеваться' 88

- *Одежда' 88
 *Один' 192. 247. 259. 275. 277. 279—286. 288.
 289. 299. 300—303. 305
 *Один из двух' 286. 303
 *Один одного' 283. 289
 *Одинокий' 283
 *Один раз' 300
 *Один чоек' 282. 283. 301
 *Онако' 290. 301
 *Одноязыче' 277. 284
 *Одноголовый' 301
 *Одомашнение (обаки 148
 *Ожерелье' 347
 *Озвещения 14—16. 19. 133. 193. 255—257. 288.
 315. 320. 337
 *Озе, о' 147
 *Озаные 20. 130. 133. 149. 150. 226. 229. 278. 285
 *Окающая группа 6. 8. 9. 19. 30. 135. 136. 143.
 145. 147. 241
 *Окающая огласовка 26. 123. 287
 *Окающие (диалект греческого языка 7
 *Океан' 317. 318
 *Окно' 324
 *Оконные жалюзи' 324
 *Около' 281. 357
 *Окончания слов 6. 13. 14. 17. 23. 24. 28. 31. 68.
 69. 103. 129. 133. 175. 186. 189. 201. 203—
 205. 203. 216. 217. 263. 277. 290. 297. 314.
 315. 318. 322. 325. 329. 339. 345. 350. 353
 *Окроплять' 317
 *Окру' 227
 *Окружагь' 346
 *Октябрьская революция 92—94. 351
 *Олень' 59. 99. 137. 138. 141—144. 294—296. 298
 *Ои' 188. 190. 192. 194
 *Оии' 188
 *Оии оба' 289
 *Описательное выражение превосходной сте-
 пени 25
 *Определенный член 129
 *Определительный член 100. 188. 194. 277
 *Опреснок' 1-5
 *Опрятный' 256
 *Опухоль' 209
 *Организация труда 248
 *Органическое склонение 10
 *Органическое спряжение 10
 *Органы произношения 248
 *Орд 73. 104
 *Орел' 52. 53. 273
 *Орех' 262
 *Ориньякская эпоха 148
 *Орошение место' 327
 *Орудивный падеж 289
 *Орудие' 103. 221. 317. 331
 *Орудие производства 173
 *Орудие протыкания' 325
 *Орудие труда 195
 *Орудия производства 57. 112. 115—118. 148.
 234. 242. 297. 356
 *Оруженоец' 133
 *Оружие' 325
 *Осел' 134
 *Оселок' 331
 *Осетиноведение и осетиноведы 260
 *Осетинский институт краеведения 94
 *Осетинский музей краеведения 94
 *Осетинский язык 94. 168. 233. 256. 260. 264
 *Осетинцы 166. 264. См. также: Ироны
 *Османлисы см. Турки
 *Османли-турецкий язык 128
 *Османская куштура 12
 *Осмосление 4. 111. 356. 357
 *Осн. вы слов 7. 11—25. 27. 30. 31. 37. 47. 51. 53.
 83. 87—89. 102. 105. 106. 123. 124. 126—134.
 137—139. 143. 145. 149. 151. 158. 162—164.
 166. 168. 181. 185—187. 190—194. 196. 202.
 204. 208. 214—218. 220. 222—231. 238. 240.
 243. 256—264. 266. 267. 275. 277. 278. 280.
 282. 283. 285. 292. 294—297. 300—303. 305.
 311—316. 318. 319. 321. 324—333. 335—338.
 340. 341. 345—347. 349. 350. 354—37
 *Осознание' 3. 61. 67. 69. 85. 102. 106. 111. 112.
 114. 116—119. 123. 241. 248
 *Острие' 209
 *Остричь' 151. 331
 *Ослепкий язык 58. 267
 *От' 289. 357
 *Отвертие' 323. 324
 *Отвлеченные понятия 3. 11. 42. 88. 165. 241.
 251. 273. 281. 283. 291. 294. 308
 *Отены см. Этиуны
 *Отец' 42. 180
 *Открывать' 88
 *Открытие металлов 4
 *Отметки' 230
 *Отрицательные числительные 290
 *Отрок' 354
 *Отр стки' 233
 *Отточ яный' 149. 150
 *Оттуда' 357
 *Отцы первы 214
 *Отыменные глаголы 33. 134. 158. 229. 239. 240.
 242
 *Оформление временных отношений в языке
 см. (спряжение
 *Оформление пространственных отношений
 в языке см. Склонение
 *Очевидное' 331
 *Очеловечение звуковой речи 3
 *О чем' 105
 *Ошибка' 88
 *Павильон' 216
 *Падение звуков 239. 265. 294
 *Падение 37. 69. 100. 137. 158. 185. 186. 188. 192.
 203. 204. 250. 257. 260—262. 289. 330. 353.
 356
 *Падение окончаний 69. 203. 204. 353
 *Палаккия' 215. 216
 *Палатка' 215. 216. 309. 323. 324
 *Палатка зав та' 215
 *Палеоазиатоведение и палеоазиатоведы 36
 *Палеоазиатские языки 44. 263. 268
 *Палеоазиаты 38. 48. 58. 268
 *Палеоглотти а 319
 *Палеолит 36. 46. 56. 58. 60. 177. 242
 *Палеонитический тип человека 58
 *Палеонтологические исследования 36. 130. 152.
 166. 167. 171. 197. 210. 215. 276. 297. 338
 *Палеонтологический анализ 13. 40. 65. 108. 115.
 117. 146. 149. 175. 252. 277. 302. 336. 340.
 342

- Палеонтология индоевропейской лингвистики 30, 31
 Палеонтология мышления 309
 Палеонтология речи и мышления 3, 4, 7, 11—13, 16, 23, 24, 28, 30—32, 35—37, 49, 50, 55, 63, 65, 66, 68, 69, 71, 87—89, 106, 112, 113, 115, 127—129, 131, 134, 138, 140—143, 146, 152, 161, 166—169, 178, 182, 184, 201, 203, 206, 208, 217, 225, 228, 232, 234, 235, 237, 238, 240—243, 246, 248, 253, 256, 259, 261, 262, 265, 267, 271, 271, 273, 274, 279, 281, 286, 291, 296—298, 304, 315, 316, 319, 320, 322, 326, 328, 332, 334—336, 338, 340—342, 344, 347
 Палеознология 64
 Палестинские культы 217
 Палестинские языки 345
 Палестинцы 212
 'Палец' 237, 242—244, 276, 298
 'Палка' 243
 Памирские яфетические языки 171, 219, 297
 Памирские яфетиды 297
 Памятники архитектуры 100, 200, 211, 213, 214, 269, 329
 Памятники вещественные 1, 36, 60, 148, 148, 199, 319
 Памятники древности 27, 171, 199, 222, 329
 Памятники египетской письменности 1
 Памятники искусства 46, 169, 242, 269, 319
 Памятники искусства яфетического Кавказа 169
 Памятники литературные 210, 352
 Памятники материальной культуры 1—3, 22, 30, 46, 101, 110, 122, 151, 170, 222, 269, 351
 Памятники мегалитические 211
 Памятники письменные 1, 2, 170, 218, 299, 308, 309
 Памятники письменности 1, 2, 44
 Памятники письменности древнего Ирана 2
 Памятники правовые 21
 Памятники средневековой письменности 2
 Памятники эпиграфические 210
 Памятники языка 1, 110
 'Пантеон' 213
 Папский престол 95
 'Пар' 110
 'Пара' 286, 287, 290—292, 299, 303
 'Парадная лошадь' 134
 'Пара рук' 296
 'Парк' 355
 Паровые сосуды 144
 Парский говор сванского языка 201
 Партия 112, 120
 Парусные суда 144, 145
 Парфияне 355
 Парфянский язык 355
 Пархальский монастырь 203
 'Пастух' 296
 'Пасха' 260
 Патриархальная культура 49
 Патриархат 51, 54, 180, 198, 272, 280, 350
 Патуа (patois) 74
 'Пахота' 356
 'Пашня' 10, 246
 'Певец' 123
 'Пеласг' 13, 20
 Пеласги 13, 17, 24—26, 38, 167, 217
 Пеласгский язык 27
 'Пение' 123
 Первичные корни 79, 82
 Первобытая культура 49, 54, 55
 Первобытая эпоха 240, 289, 293
 Первобытное мышление 46, 51, 52, 57, 66, 69, 78, 84, 86, 107, 108, 138, 160, 161, 186, 241, 252, 269, 273
 Первобытное общество 103, 151, 245
 Первобытное право 59
 Первобытное человечество 52, 138, 140, 202, 243, 308, 309, 310, 325
 Первобытность 68, 72, 78, 234
 Первобытность речи 244, 248
 Первобытный коммунизм 71, 172, 184, 186, 194, 196, 197
 Первобытные народы и племена 43, 85, 158, 197, 241, 244
 Первобытные языки 244, 246
 Первое лицо 67, 98, 177, 188—190, 198
 Первоначальное население восточной Европы 174
 Первоначальное население западной Европы 174
 Первоначальное население Руси 27, 170, 174
 'Первый' 192
 Перебой гласных 276, 322
 Перебой согласных 14, 17, 19, 129, 136, 227, 255, 258, 327, 328, 330—332
 Переводы и переводчики 29, 98, 123, 125, 143, 169, 200, 202, 212, 215, 241, 269, 334, 320, 322, 327, 331, 334, 336, 337, 341—343, 345, 347—350
 Перегласовка 6, 8, 9, 21, 23, 53, 105, 196, 264, 274, 332, 339
 'Перед' 322
 Переднеазиатские языки 73, 336
 Переднеазиатский Восток 2
 Переживания в языках 9, 10, 12, 21, 22, 300
 Переживания родства 8, 10
 'Перепелка' 335—337
 Перерождение звуков 16, 233
 'Переходить' 89
 Переходные глаголы 67
 Переходные языки 5, 180
 Пермский говор русского языка 193, 267
 Персидский язык и диалекты 30, 39, 74, 109, 130, 136, 137, 142, 144, 185, 202, 205, 221, 230, 231, 233, 241, 318, 325, 336, 348—350, 354, 355
 'Персона' 193
 'Перст' 242
 'Перстень' 235—237, 242, 243
 Персы 16, 45, 109, 144, 165, 168, 170, 230, 233, 241, 350, 354
 'Пес' 59
 'Песня' 356
 'Песок' 226, 228
 'Пестрить' 221
 'Пестрота' 221
 'Пестрый' 221, 240, 241
 'Песчинка' 226
 'Петь' 123, 124
 'Петух' 53, 180

- Пехлевийский язык 201, 233
 Печать' 220, 221, 229—230, 232, 235—239, 242—245
 Печатание 233
 Печатать' 220, 232, 233, 237, 242
 Печенег' 237
 Печеняги 237
 Пика' 309
 Пиктографический язык 120, 241
 Пикты 224
 Пир' 164
 Пирамида языков 31, 57
 Пиренейские иберо-баскские отношения 15
 Пиренейские языки 15, 171, 216, 219, 333, 339
 Пиренейские яфетиды 12, 216, 333
 Пиренейские яфетические языки 15, 171, 216, 219, 333
 Пирог' 1-4, 185
 Писал' 235
 Писание' 230, 232, 234, 241
 Писать' 47, 59, 221, 224, 225, 230, 231, 234—238,
 Писатели 264, 266, 345
 Писец' 238, 241
 Письмена' 224
 Письмена 122, 170, 220, 222
 Письменность' 227
 Письменность 2, 44, 72, 89, 93, 155, 163, 177, 221—223, 225, 240, 247, 266, 293, 347.
 Письменные языки 1, 8, 28, 36, 43, 81, 119, 153, 158, 181, 198, 301, 357
 Письмо' 46, 220—225, 227—232, 234—236, 238—242, 245
 Письмо 36, 46, 47, 62, 88, 95, 109, 121, 122, 220—222, 225, 238, 239, 241—243, 245, 247, 293, 349
 Пишу' 221
 Плавать' 163
 Плавные звуки 5, 9, 16, 18, 20, 129—132, 135—137, 145, 147, 148, 150, 166, 172, 186, 188, 192, 195, 196, 201, 204, 205, 215—217, 226, 227, 229, 230, 232, 233, 236, 237, 255—258, 260—262, 265, 268, 284, 285, 287—291, 293—295, 297, 301—303, 315—317, 322, 323, 326, 327—332, 335—337, 342, 349, 350, 355.
 Пламя' 82, 274, 319, 345
 Плебей 13, 20
 Плебейское сословие (плебс, плебей) 13, 174, 181
 Плевать' 102
 Плевок' 192
 Племена-примитивы 4, 25, 26, 44, 313
 Племенное право 43
 Племенное происхождение слов 13, 22, 23
 Племенной бог 240, 264, 266.
 Племенной мир 279, 280
 Племенные тотемы 13, 23, 25, 52, 115, 124, 350
 Племенной человек 283
 Племенные божества 14, 23
 Племенные группировки 176, 248
 Племенные названия см. Этнические названия
 Племенные слова см. Этнические названия
 Племенные языки 12, 29, 65, 283, 293, 294, 310
 Племя 7, 12—14, 17, 18, 23, 25, 26, 28, 42, 43, 52, 57, 58, 64, 67, 69, 72, 74, 78, 81, 93, 124, 125, 129, 130, 136, 140—143, 148, 158, 159, 166, 167, 173, 174, 176, 178, 183, 195, 196, 198, 199, 201, 208, 214, 217, 224—228, 237, 238, 241, 244, 245, 247, 249, 250, 253, 254, 257, 266, 275, 278—280, 282, 283, 286, 293, 298, 302, 306, 308, 311—313, 315, 324, 329, 331, 336, 337
 Племя' 7, 226, 275, 281, 282
 Плечо' 358
 Плечеды' 345, 346
 Плита' 149, 264
 Плодородие' 309
 Плот' 144
 Плоть' 110
 Плохо писать' 233—235
 Плохой' 13, 14
 Плуг' 179, 183, 356
 Победа' 17
 Побратимство 244
 Поведение 106
 Повелительное наклонение 332
 Повозка' 133, 134, 202. См. также: 'Телега'
 Повороты 307
 Погода' 309, 330
 Погребальный памятник 206, 215
 Погребения 32
 Под' 97
 Подбородок' 202
 Подъем согласных 14, 17, 18, 126, 193, 202, 203, 211, 233, 253, 259, 287, 295, 332, 336, 345, 347
 Подземный мир' 206
 Полир' 319
 Подлежащее 115, 116, 203
 Подлый' 176
 Подниматься' 139
 Полножие' 172, 292
 Подносить' 296
 Поднятая голова' 205
 Подобный' 300
 Подошва' 110
 Поездка Н. Я. Марра к удмуртам 354
 Поездки Н. Я. Марра к баскам 35
 Пожитки' 193
 Познание 112
 Познание' 112
 Показатели множественности 7, 14, 20, 21, 24, 28, 69, 188, 202
 Показывать' 276
 Поклонник бога' 254, 257, 260
 Покойник' 114
 Покров' 114, 309, 319, 321, 322, 324, 325
 Покрывало' 319
 Покрываться' 88
 Покрышка' 217
 Поле' 246
 Полигенизм значений 279, 291, 334
 Полировать' 220
 Полисемантизм 89, 167, 191, 192, 197, 277, 301, 303, 326, 355
 Политехнизм 121
 Политика 1, 112, 247
 Политическая экономия 182.
 Политическое благосостояние 2

- Польский язык 169, 332
 Полногласие 15, 130, 137, 251, 265, 266
 'Полнолуние' 108
 Половая дифференциация 116
 'Половина' 282, 290, 300, 303
 Положительная степень 24, 25, 176, 228
 'Полотно' 88
 Полугласные звуки 27, 256, 262
 Подзвук 35
 'Полукруг' 201
 'Помиловать' 264
 'Помолвка' 336
 Понятия 3, 11—13, 18, 22, 23, 29, 31—33, 42, 57, 58, 67, 75, 82, 85, 86, 88, 93, 96—99, 103, 109, 111, 114, 117, 158, 161, 162, 165, 166, 178, 184, 185, 187, 190, 197, 200, 205, 211, 214, 223, 234, 240—242, 249—251, 263, 266, 270, 273, 274, 281—283, 291, 294, 307—309, 322, 324, 333, 345. См. также: Отвлеченные понятия 316, 317
 'По одному' 276
 'Поражаться' 187
 'Породы глаголов' 288
 'Порождение' 187
 'Поручать' 85
 'Посвящено тотему' 243
 'Посвященный' 256
 'Поселение' 190
 'Послание' 220
 'Поселители' 281, 289
 'Поставить' 105, 332
 'По тель' 33
 'Постоялый двор' 163
 Построение двора 356
 Построение речи см. Типология языка
 'Посылать' 220
 'Пот' 158
 'Поток' 9
 'Потолок' 203
 'Потомок' 187, 188
 'Потоп' 334
 'Потоп' 9
 Похититель душ' 241
 'Почтаю' 36
 'Пошел домой' 177
 Поэзия 205, 268
 'Поэт' 268
 Поэты 307, 309, 339
 'Пояс' 203, 209, 335
 Праазербайджанцы 252
 Праармянский язык 290
 Прааски 172
 'Правая рука' 88, 172, 193, 301.
 'Правая сторона' 88, 193, 194
 Право 43, 56, 59, 75, 175, 180, 187, 195
 'Право' 183, 307
 Право собственности 103, 177, 178, 188—191, 195, 221, 215.
 'Правосторонний' 193
 Правовые отношения 21, 180
 'Правый' 13, 88, 193, 267
 'Правый вол' 193
 'Правый глаз' 88
 'Правда' 187
 'Превдивый' 256
 Прагреки 172
 Прагруины 253
 Празначения 87, 88, 89, 239
 Пракультура 56
 Прилогическое мышление см. Дологическое мышление
 Примеры 251, 253
 Праслова 244. См. также: Элементы лингвистические
 Прачные 251
 Праязык 4, 6, 10, 22, 31, 49, 57, 156, 178, 221, 266, 352, 354. См. также: Индоевропейский праязык
 Прафотинизмы 51
 'Превосходит' 17, 293
 Превосходная степень 12, 23, 24, 176, 228
 Предания 15, 27, 28, 49, 50, 52, 211, 260, 271, 350
 'Предель' 147
 Предикат 203
 Предлоги 105, 193, 230, 281, 289, 322
 Предложение (грамм.) 71, 115—117.
 'Предмет почета' 356
 'Предопределение' 53
 'Преисподняя' 59, 97, 161, 206, 246, 260, 279, 280, 298, 316, 340
 Представления 3, 4, 16, 22, 25, 29, 33, 43, 51, 52, 57, 67, 69, 77, 81, 83, 85, 86, 89, 96, 97, 103, 106, 109, 111, 113—117, 123, 127, 139—141, 152, 160, 161, 168, 173, 182—187, 192, 196, 197, 206, 213—215, 221, 222, 226, 228, 229, 235, 241—244, 247, 249, 250, 252, 253, 258, 259, 267, 272, 274, 278—280, 292—293, 303, 308—310, 312, 318, 319, 322, 324, 325, 330, 341, 337, 338, 340, 341, 347, 348, 355
 Префиксы 15—17, 19, 22, 24, 28, 31, 103, 129, 146, 166, 175, 186, 188, 189, 217, 226, 230, 243, 252, 263, 280, 290, 303, 312—316, 318, 319, 321, 322, 326, 327, 333, 349.
 'Приближать' 296
 Приволжские финны 169, 229, 272
 Приволжские языки 63, 101, 123, 222, 251, 255, 261, 272
 Приволжский финский мир 168
 Приволжское население 48, 58, 128, 165, 229, 251, 266, 272
 'Приглашение' 232
 'Пригоршня' 258
 'Приданое' 193
 Придыхательные звуки см. Спирантные звуки
 'Призрак' 106
 'Приказать' 332
 'Приказывать' 332
 'Прикасается' 305
 'Прикоснулся' 102
 Прилагательные см. Имена прилагательные
 Приморские западные финны 169
 'Принял лежащий кому-либо' 191
 'Приносить' 332
 Природные инстинкты 3
 'Присенок' 193
 Приставки см. Префиксы
 Приязательные местоимения 189
 'Приходить в ужас' 187
 Причинность 118, 215
 'Прободать' 317
 'Провидец' 49

- 'Продавание ниток' 239
 'Прозвал' 239
 Прю-вица 123. 332
 'Прозвище' 239
 'Прозрачный' 255. 322
 Проявительные силы 97. 115
 Производственно-социальные группировки 358
 Производственные отношения 75 96. 97. 105.
 106. 109 111. 112. 115—119. 182. 197. 198
 Производственный язык 358
 Производство 49. 66. 67. 70. 80. 83. 96. 97. 99.
 102. 104—107. 109. 111. 112. 115—119. 152.
 153. 159. 225. 247. 271. 273. 351
 Произношение 14. 15. 18. 19. 26. 67. 78. 85.
 105. 110. 137. 165. 196. 226. 231. 240. 248.
 254. 261. 268. 287. 288. 291. 316. 328. 353
 Происхождение права 43
 Происхождение семьи 42
 Происхождение человеческой культуры 36. 38.
 55. 59
 Происхождение языка 8. 31. 33. 41. 43. 55. 62.
 66. 78. 80. 103. 106. 111. 148. 177. 219. 233
 'Прокаженный' 268
 'Проказал' 267
 Пролетариат 111. 118. 121
 'Проливать' 161
 Прометейские языки см. Индоевропейские
 языки
 'Промо-ший от дождя' 327
 'Пронзать' 331
 'Пронзающая молния-копье' 325
 Пропаганда 2. 95. См. также: Церковные
 организации пропаганды
 Propaganda de fide 95
 'Проповедник' 227
 'Прорицатель' 15
 'Пророк' 15. 268
 'Простонародье' 164
 'Простой' 282
 Пространство 52. 55. 58. 96. 97. 99. 111. 119.
 120
 'Пространство' 246. 298. 355
 Простые соглашения 6. 289
 'Простыня' 319
 Протестантизм 100
 'Противный' 20
 Психическо-исторические эпохи 252. 254. 278
 Протоистория 253
 'Протыкать' 325
 Профессия 353
 'Проходить мимо' 99
 Процесс образования этнических видов 13
 Прямой падеж 188
 Психика народов 93
 Психология и психологи 93. 104. 344
 'Пицца' 53. 81. 88. 125. 140. 145. 147. 186. 257.
 205. 273. 293. 331. 335. 340. 312. 345. 346.
 354
 Публичная библиотека в Ленинграде 219
 'Пугало' 230
 Пуны 8. 18
 'Пун земли' 338
 'Путь' 220
 'Путешествовать' 220
 'Пшеница' 101. 166. 172
 'Шью' 158
 'Пыль' 226
 'Пылинка' 226
 'Пять' 103. 258. 259. 261. 173—275. 286. 288.
 299. 300. 302—304
 'Пятьдесят' 306
 'Пятёрна' 259. 273. 274. 276. 286. 288. 298. 301.
 303
 'Рао' 14
 'Работа' 356
 'Работать' 301
 'Ради бога' 254
 'Радость' 108
 'Радуга' 335
 'Раз' 247. 282. 292. 299. 300. 302
 Разговорная речь 98. 109. 119. 197
 'Раздваивающийся' 304
 Раздвоение звуков 136. 185. 232. 236. 331—333
 Раздвоение огласовки 26
 Раздвоение тотемного термина 14. 20
 Разделение труда 71. 186
 Разделительные числительные 288
 'Разноцветный' 241
 'Разрисованный' 224
 'Разум' 104
 'Разумотворчество' 104
 Рай 49
 'Рай' 87. 355
 Район расселения ионов 17. 18
 Район расселения кельтов 27
 Район расселения лезгин 17
 Район расселения расенов 18
 Район расселения этрусков 18
 Районные типологические образования 7
 'Рак' 132
 'Ранил' 317
 Раса 1. 32. 58. 84. 231. 247. 248. 249. 267
 Расенские племенные слова см. Этрусские
 племенные слова
 Расенский язык см. Этрусский язык
 Расены см. Этруски
 Раскопки см. Археологические раскопки
 Раскопки в Трос, Микенах и Тиринте 29
 Раскопки см. Археология и археологи
 Расовая классификация народов 1
 Расовое различие языков 1
 Расовые семьи языков 8. 198
 Расовые языки 141. 231. 247
 'Распределяю' 227
 Расселение ионов 17. 18
 Расселение расенов 18
 Расселение этрусков 18
 Расское племя см. Расы (роши)
 Растительный мир 354
 Расхождение языков 172. 270
 Расы (роши) 336
 Рачинский говор грузинского языка 166
 Рачинцы 166
 'Ржать' 134. 139
 'Ребло' 281
 'Ребро мужчины' 281
 Революционная общственность 61
 Революция 92—94. 154. 351
 'Редкий' 282. 283
 Редукция 282. 302. 304. 316. 323
 Редукция гласных 165
 'Резак' 151

- 'Резание' 296
 'Резать' 151
 'Река' 22. 37. 48. 53. 81. 125. 138. 147. 158.
 167. 168. 223. 307. 334
 Реальность арльской церкви 200
 Религиозные верования см. также: Верования,
 Религия
 Религиозные движения 323
 Религии (религиозные учения) 91. 140. 146.
 165. 214. 224. 240. 248. 250. 251. 269. 272.
 273. 321. 351
 Реликтовые языки 5. 7
 Реликты 158
 Ремесленники 214
 Репертуарий 36
 Республика 245
 Ресские племенные слова см. Этруссские пле-
 менные слова
 'Речь' 307
 'Речка' 9. 303
 Рефлексология 78
 Рефлексы 79. 82
 Рим 112
 Римляне 26. 28. 53. 54. 87. 127. 144. 156. 157.
 160. 162—166. 172. 180. 182. 191. 192. 210.
 213. 227. 239. 249. 265. 266. 268. 308
 Римская архитектура 157
 Римская речь 124. 163. 181. 182. См. также:
 Латинский язык
 Римская система размещения чисел на играль-
 ных костях 296
 Римский мир 164
 Римское искусство 157
 Римское право 43. 56. 76
 'Рисование' 234
 'Рисовать' 221. 224. 225
 'Рисунок' 221. 225. 230. 235. 240. 241
 'Рог' 129. 137. 138. 292
 Рогатое животное 138
 'Рогатый' 137
 Род 65. 180. 181. 195
 Род (грамм.) 51. 52. 68. 99—101. 112. 175. 189.
 195. 258. 280. 314. 315. 333
 'Род' 187. 216. 354
 'Родина' 115
 'Родитель' 41. 42
 'Родительница' 42
 Родительный падеж 100. 158. 204. 250. 257.
 260. 261
 Родная речь 70. 131. 153. 178. 330
 'Родник' 223
 'Родниковый грот' 317
 'Родной' 264
 'Родной кому-либо' 190
 'Роловой старшина' 181
 Родовой строй 49. 75. 110. 115. 180. 308
 Родственные отношения 43
 'Родство' 190
 Родство баскского языка с романскими 39
 Родство баскского языка с яфетическими
 языками Кавказа 33. 39
 Родство баскского языка с русским 333
 Родство египетского языка с индоевропейскими
 языками 73
 Родство народов 145. 169. 303
 Родство русского языка с абхазским 169
 Родство семитических языков с греческим:
 языком 73
 Родство семитических языков с индоевропей-
 скими языками 73
 Родство угро-финских языков с германскими
 74
 Родство чувашского языка с турецкой группой
 языков 39
 Родство чувашского языка с финской группой
 языков 39
 Родство языков 6. 8. 10. 11. 18. 27. 28. 38. 39.
 41. 43. 64. 69. 73. 74. 145. 149. 169. 204.
 305. 333
 'Роды' 356
 'Рождественский сочельник' 185
 'Рождество' 185
 'Рок' 53. 241. 327
 'Роковой' 13. 24
 Роксоланы 311
 Романская группа языков см. Романские
 языки
 Романская культура 124
 Романские народы и племена 8. 22. 105. 109. 249
 Романские страны 58. 249
 Романские языки 9. 11. 27. 37. 47. 53. 65. 74.
 105. 109. 124. 132. 137. 235. 307. 348.
 Романский мир 39. 47. 235
 Романское искусство 171
 Романское склонение 9
 Романы 2. 39. 102. 205. 345
 'Рот' 102. 192. 276
 Ротатизм 328
 Рошское племя см. Расы (роши)
 Рошские племенные слова 126. 127. 129. 138.
 148. 226—230. 239. 261. 263. 297
 'Рубить' 83. 151
 'Рубка' 84
 'Рука' 17. 37. 48. 51. 67. 68. 83. 85—89. 102.
 109. 156. 172. 183. 184. 187. 191. 193. 196—198.
 223. 242—244. 247. 258. 259. 273—276. 281.
 282. 286. 288—293. 296. 297. 280. 298. 300.
 301. 303—305. 307. 308. 317. 318. 321. 324.
 325. 331. 338. 354—357.
 Рукописи 352. 353
 'Рукописание' 304
 Румынский язык 326
 'Русалка' 307
 Русская культура 45. 152
 Русская общественность 20. 196
 Русские 22. 24. 25. 27. 29. 91. 101. 102. 109.
 110. 113. 124. 125. 127. 138. 142. 143. 147.
 165. 169. 171—173. 183. 184. 192. 193. 195.
 196. 198. 222. 266. 311. 320. 333. 357
 'Русские' 169
 Русские летописи 27
 Русские предания 15
 Русский мир 35
 Русский север 166. 170
 Русский словарь 25
 Русский язык 11. 15. 19. 20. 22. 24. 25. 28—31.
 48. 53. 58. 65. 81—84. 86. 87. 91. 92. 93.
 100—102. 104. 105. 109. 110. 112. 113. 122. 123.
 126—128. 131. 134. 136—139. 142. 143. 145.
 147. 148. 161. 164—166. 168. 169. 171. 174.
 176. 178—180. 183—185. 192—196. 198. 202.
 220—222. 225. 229. 232. 234. 238. 239. 242.

243. 255. 260. 266. 276. 295. 300. 301. 307—
310. 312. 319. 321. 323. 331. 333. 336. 346.
357. См. также: Вятский говор русского
языка, Костромской говор русского языка,
Пермский говор русского языка, Тобольский
говор русского языка
- Русские истории 45
- Русско-романские лексические встречи 22
- Русско-сванский словарь 202
- Русы 17. 20. 25. 170. 333
- Рутульский язык 277. 286
- 'Ручей' 223. 307
- Ручное мышление 106. 107
- Ручной язык см. Линейный язык
- Руши 29
- 'Рыба' 81. 123. 145—147. 335. 339—344
- 'Рынок' 279
- Рыцарское ополчение 167
- 'Рыцарь' 134. 167.
- 'Рядом' 281
- 'Сад' 355
- Салские племенные слова 37. 47. 58. 123. 124.
126. 128—131. 134—137. 142. 143. 145. 147.
148. 225—233. 235. 237—239. 241. 253. 257.
262. 278. 288. 292. 296. 297
- Салы (алы, альпы, италы) 37. 132. 141. 148
226. 279. 297
- 'Сам' 183. 185. 276
- Самаританский язык 324
- 'Самец' 180
- 'Самка' 180
- Сани 144
- 'Сани' 59. 142. 144
- Санскрит 1. 33. 49. 130. 157. 179. 202. 256.
354
- 'Сапог' 110
- Сармат 144. 251
- Сармато-ибер 28
- Сарматские племенные слова 19. 28. 29. 272
- Саматский язык 11. 19. 195. 196. 257. 272.
312. 332
- Сарматы 19. 23. 27—29. 165. 195. 196. 253.
254. 257. 261. 264. 265. 268. 272. 278. 311.
331. 333
- Сатурн (планета) 344
- 'С боку' 289
- Свайные постройки 128
- Связизмы 358
- Сванский язык 6. 12. 14. 15. 19. 24. 74. 83.
100. 115. 138. 143. 146. 163. 165. 172. 184.
187. 196. 201—204. 215. 216. 225. 231. 236—
238. 247. 251. 254—264. 266. 268. 274—277.
285—288. 290. 291. 300. 302. 303. 312. 318.
320. 323. 329—333. 335. 337. 342. 354. 358.
См. также: Ипарский говор сванского языка,
Лахамульский говор сванского языка, Эцер-
ский говор сванского языка, Лапхский
говор сванского языка, Лентехский говор
сванского языка, Мулахский говор сван-
ского языка, Парский говор сванского
языка, Ушкульский говор сванского языка,
Чолурский говор сванского языка.
- Сваны 12. 15. 24. 146. 196. 201. 204. 237. 238.
250. 251. 254. 257. 258. 260. 262. 264. 268.
274. 286. 290. 323. 329. 330. 332. 337. 353.
358
- 'Свет' 24. 25. 52. 66. 113. 127. 191. 223. 319—
322. 356
- 'Светило' 89. 114. 144. 322. 331. 333
- 'Светлый' 309. 322. 345
- 'Свет очей' 322
- 'Свинец' 357
- 'Свинья' 141. 184
- Свистящая группа яфетических языков 5. 6.
9. 13—15. 17. 47. 135. 150. 229. 231. 232.
235. 236. 238. 251. 253—256. 258. 259. 261.
262. 265. 268. 278. 285—289. 297. 302—305.
312. 318—324. 327. 329. 331—335. 337.
348. 249
- Свистящие звуки 130. 236. 286. 290. 297.
333.
- 'Свободный' 228
- 'Свод' 200—204. 216. 260. 309
- Сводчатое помещение' 201
- 'Свой' 185. 188. 190. 193
- Свойственный кому-либо' 191
- Связь берберского языка с латинским 162
- Связь греческого языка с латинским 162
- Связь латинского языка с иранскими 157
- Связь латинского языка с санскритом 157
- Связь яфетических языков с латинским 163
- 'Святой' 91. 255—257. 259. 345. 352
- 'Святкина' 88. 235
- 'Священник' 185. 257. 271
- Священное место' 165
- 'Священный' 345. 352
- 'Священный предмет' 332
- 'Сгибать' 220
- 'Сгребать' 258. 291
- 'Сдобное печенье' 184
- 'Себя' 183
- Северо-семитические языки 294
- Северный мир 123
- Северо-Кавказский район 63
- 'Сегодня' 356
- 'Седалище' 227
- 'Седло' 17
- 'Сельмица' 247. 300
- 'Сельмой' 300
- Сезон 241. 309. 333
- 'Селение' 186
- 'Село' 164. 186. 191. 354
- Сельское население 20. 21. 69
- Семантика 11. 13. 14. 16—18. 25. 31—33. 37.
39. 40. 42. 57. 65. 66. 81. 103. 127—129. 174.
175. 194. 197. 202. 206. 207. 209. 215. 223.
225. 228. 234. 237. 243. 308. 318. 321. 322.
324. 331. 334. 338. 340
- Семантическая дифференциация 17
- Семантическая палеонтология 24. 31. 128. 256.
320.
- Семантическая типология 56. 57
- Семантическая филиация 19. 73. 137. 242. 243.
325
- Семантическая фонетика 18
- Семантические гнезда и пучки 57. 187. 195.
234. 303
- Семантические законы 37. 225. 324
- Семантический анализ 40. 298
- Семантическое раздвоение 14. 18. 20
- Семейные отношения 43. См. также: Семья
- Семитизм 149

- Семитическая система (семья) языков 63. 180. 181. 293—295
- Семитические языки 5—7. 10. 44. 47. 63. 64. 75. 126—128. 130. 132. 142. 172. 181. 187. 202. 206. 210. 211. 216. 217. 220—222. 231. 234. 235. 258. 274. 288. 293—297. 314. 315. 317. 319. 322. 327. 334. 339
- Семигический мир 214. 230. 239
- Семитический тип флективного строя языка 6
- Семитический юг 165
- Семигология и семитология 127. 131. 150. 234. 241. 288. 296. 315. 339
- Семиты 8. 18. 43. 51. 67. 110. 126. 132. 163. 187. 210. 216. 248. 252. 296. 310. 327. 346. 347
- 'Семя' 89. 187. 188
- 'Семь' 247. 259. 288
- 'Семьдесят' 10. 261. 300
- Семьи языков 4. 8. 10. 39. 70. 78. 113. 157. 173. 182. 200. 216. 219. 248. 267. 284. 294. 295. 297. 305. 336
- Семья 174. 186. 228. 244
- Сербо-краток й язык 336
- Сербский язык 332
- Серебро 19. 28. 29. 236. 265
- 'Серебро' 29. 50
- Серебряные вазы из раскопок в Трое 29
- 'Сестра' 33. 42. 156. 244
- 'Сжигать' 330
- Сибариты 115
- Сибилантная ветвь яфетических языков 5. 6. 8. 14. 15. 22. 47. 136. 138. 150. 180. 189. 202. 216. 235. 238. 254. 261. 265. 282. 283. 285. 286. 288. 289. 312. 316. 318. 320. 324. 325. 329
- Сибилантная огласовка 331
- Сибилантные звуки 16. 131. 132. 232. 237. 239. 255. 257. 261. 287. 293. 337
- Сигнализация речи 182. 185. 189. 190. 196
- 'Сила' 102. 187. 286. 292. 297. 305. 307. 321
- Силлабарий 337. 342
- Силлабический алфавит 241
- 'Сильный' 23
- 'Силы небесные' 338
- Символика языков 252. 253
- Символы 67. 72. 73. 117. 127. 140. 184. 206. 238. 242—243. 252. 275. 293. 319—321. 324. 325. 345
- Симский диалект енисейско-остяцкого языка 38.
- Синонимы 146. 162. 167. 186. 205. 230. 232. 235—237. 239. 267. 278. 319. 324. 337. 342. 354
- Синтаксис 111. 116. 117. 203. 303. 353
- Синтетический строй языка см. Аморфный строй языка
- Сирийская бойня 343
- Сирийские арабы 109
- Сирийский язык 87. 150. 187. 200. 202. 210. 211. 215. 221—230. 233. 235. 239. 258. 274. 293—295. 321. 324. 339. 343. 353.
- Сирийцы 187. 210. 230. 321. 343
- Сиро-палестинский мир 268
- Система исчисления см. Система числительных
- Система числительных 247. 273. 275. 277. 284. 286. 288. 291. 292. 294. 296. 298. 302
- Системы орощения 169
- Системы языков 63. 64. 70. 71. 74. 118. 157. 177. 180. 181. 183. 184. 191. 194. 195. 250. 259. 265. 267. 273. 277. 284. 287. 2—8. 293—295. 297. 299—302. 304. 305. 310—312. 315. 324. 355
- Скалания 2. 3. 15. 50. 60. 167. 308. 329. 342. 343. 350
- Сказки 60. 124. 125. 146. 246. 323. 332. 343
- Сказуемое 115. 116
- 'Скакун' 133
- 'Скала' 149. 151. 201. 273
- 'Скверный' 18
- 'Скворец' 349
- Скиф 16. 184. 186. 209. 354
- Скифская культура 38. 45
- Скифские племенные вазавья 28. 48. 272
- Скифские предания 27. 356
- Скифский вопрос 170—172
- Скифский мир 171
- Скифский язык 168. 179. 190. 251. 256. 257. 259. 260. 272. 277. 284. 312. 354—356
- Скифы 16. 20. 23. 27—29. 35. 105. 114. 125. 168. 169. 171—173. 183. 184. 251. 253. 256. 257. 260. 261. 272. 277. 278. 284. 311. 331. 333. 354. 355
- 'Склад' 201
- Склонение 6. 7. 9. 10. 37. 69. 99. 100
- Склоняемая основа слов 37
- Сколоты см. Скифы
- 'Скорбь' 108
- 'Скот' 105. 168. 169. 184. 193. 221.
- 'Скотоводство' 105
- Скрепление коллективов 3. 48
- Скрепление в языке и языков 4. 5. 8. 19. 30. 39. 47. 57. 58. 69. 70. 72. 73. 76. 126. 131. 158. 162. 176. 178. 229. 235. 250. 253. 253. 253. 262. 263. 267. 268. 272. 274. 275. 283. 285. 292—296. 298. 302. 312. 316. 318. 324. 325. 329—331. 333. 334. 336. 338—341. 343—350. 357
- Скрепление племен 8. 13. 14. 21. 22. 25. 26. 57. 142. 153. 201. 226. 227. 272. 298
- Скрепленные племена 3. 14. 25. 26. 201. 226. 261. 272
- Скрепленные слова 37. 38. 48. 53. 58. 69. 83. 101. 126—128. 131. 134. 136—138. 143—147. 149—151. 157. 158. 160. 172. 178. 226—230. 232—236. 238. 239. 243. 255—262. 264. 265. 275. 278. 279. 283. 287—291. 293. 298. 300. 305. 313. 315. 316. 318. 321. 326. 327. 329. 333. 335. 339. 341. 346. 356. 357
- Скрепленные языки 5. 6. 9. 176. 215. 216. 231. 237. 288. 320
- Скульптура 158. 162. 169. 200
- Слабые звуки 249. 257. 295
- Слабые согласные 239. 295
- 'Славить' 230
- Слависты 22. 331
- Славянская группа языков см. Славянские языки
- Славянские земли 21. 22. 27
- Славяне 21. 22. 27. 29. 142. 166. 222. 249. 266. 311. 331. 332. См. также. Западные славяне. Русские
- Славянские языки 11. 20. 25. 29. 65. 128. 137. 142. 143. 194. 232. 249. 266. 336

- Славянский мир 196. 232
 Славянский словарь 25
 'Слеза' 37. 101. 102. 318
 'Славя' 208
 Словарь языка и словари 25. 41. 42. 88. 89. 110. 112. 141. 162. 202. 334. 356. 357
 Словарь индоевропейских языков см. Индоевропейский словарь
 Словесность и словесники 126
 Слово и слова 3. 6—9. 11—20. 22—25. 28. 30—33. 37. 39. 41. 42. 46—50. 53. 57—60. 65—67. 69. 71—74. 76. 79. 81—89. 92. 96—106. 109—114. 116. 123—139. 141—151. 157—159. 161—168. 171. 172. 174—176. 178—182. 184—197. 200—212. 215—217. 220—225. 227—244. 246. 247. 249. 250. 252—267. 270. 272—294. 296—298. 300. 301. 303. 304. 306—308. 312—320. 322—327. 330—342. 344. 347. 347—349. 351. 353—356
 'Слово' 104. 181. 230
 Словообразование (морфология) 7. 63. 313
 Словообразовательные частицы см. Аффиксы, Окончания, Префиксы, Суффиксы
 Словообразование см. Словообразование
 Словообразование 13. 37. 66. 98. 99. 140. 149. 176. 220. 237. 250. 324
 Слог 15. 83. 129. 136. 203. 252. 262. 263. 290. 316. 339. 349. 350
 Сложные согласные 6. 287
 Сложные термины и слова 288—290. 300. 327. 335. 339. 348
 Слой в языках 6. 13. 65. 74. 94. 135. 142. 143. 172. 174. 194. 204. 216. 236. 256. 258. 259. 305. 312. 330. 332. 336
 'Слон' 125. 126. 129—133. 135—138
 'Слоновая кость' 129—133.
 'Служанка' 291. 303
 'Служба' 88
 Служебные элементы, слова и частицы 106. См. также: Аффиксы, Префиксы, Окончания, Суффиксы
 'Служитель' 227
 'Служитель бога' 254
 'Слюна' 102. 192. 251
 Смерды 20, 22
 'Смерть' 85. 108. 327
 'Смех' 108
 Смешение языков 274
 'Снег' 309. 333. 334. 345
 'Снежок' 334
 'Снежок' 341
 'Собак' 9. 47. 59. 92. 99. 105. 127. 128. 148. 167. 182. 295. 335
 Собина 193
 'Собирать' 258
 'Собрание' 184. 283
 'Собственник' 198
 Собственность 86. 103. 177. 178. 181. 182. 184—186. 188—192. 194. 195. 197. 198. 221. См. также: Частная собственность
 'Собственность' 182. 186. 191. 193. 198
 Собственные имена 27. 194. 202. 211. 260
 'Собственный' 184. 186. 190—192
 'Совладение' 190
 'Современные языки 8—10. 27. 101. 198. 204. 249
 'Согласие' 336
 'Согласился' 289
 Согласные 6. 7. 9. 16. 100. 132. 137. 149. 150. 186. 1' 2. 202. 203. 205. 227. 233. 235. 236. 238. 239. 255. 257. 258. 261. 263. 264. 268. 282. 285. 288—291. 294. 295. 313. 317. 320. 323. 327. 332. 337. 340. 345. 348. 349. См. также: Простые согласные, Сложные согласные
 Согласование (синт.) 188
 'Содействие' 89
 Созвездие Рыбы 342—344
 Созвучия 11. 12. 24. 28. 66. 83. 123. 127. 134. 145. 148. 150. 157. 160. 185. 210. 211. 220. 221. 223. 234. 238. 242—244. 257. 265. 296. 300. 307. 314. 323. 325. 329. 338.
 Сознание 32. 55. 67
 Сойоты 44
 'Сокол' 354
 'Сокровище' 105
 'Соленая рыба' 146
 'Соленый' 30
 'Солнце' 20. 24. 29. 66. 68. 87—89. 92. 96. 102. 106. 108. 110. 114. 127. 140. 144. 161. 162. 167. 183. 185—187. 189. 191—196. 198. 263. 309. 318. 320. 331. 345. 354—357
 Соляные копи 31
 'Соловей' 335. 337. 344. 349
 'Соль' 31. 160
 Сомехи 278
 'Сомнительный' 304
 Сопорная ветвь яфетических языков 5
 Соревнования наций 2
 'Сорок' 300. 301. 306
 'Сорока' 349
 Сословия 13—15. 21. 25. 26. 72. 74. 180. 185. 228. 267. 279. 351. 358
 Сословная борьба 352
 Сословная общность 13
 Сословное общество 71
 Сословное распределение тотемных терминов 23. 25
 Сословное словообразование 13
 Сословные клички 20
 Сословные названия 167
 Сословные языки 353
 Составные племена 25
 Составные слова и термины 9. 15—24. 28. 33. 101. 102. 129. 130. 133. 146. 147. 149—151. 172. 187. 190—192. 203. 210. 225. 259. 260. 277. 284. 287. 290—293. 300. 301. 314. 317. 321. 323. 324. 326. 335. 341. 342. 356
 'Состояние' 105
 'Сосуд для воды' 158
 'Сосуд ног' 293. 308
 'Сотня' 105. 303
 'Соха' 179
 Социализация терминов 272
 Социализм 120
 Социалистический быт 154
 Социалистическое строительство 62. 90. 91. 93. 99. 106. 119. 122. 152—154. 169. 198.
 Социалистическое хозяйство 154
 Социальная биология 145
 Социальное положение племен 13
 Социально-экономические формации 87. 99. 161. 163. 354. 355

- Социальные группировки 152. 158. 159. 162—168. 172—174. 176. 180. 181. 186. 189. 190. 193—197. 224. 247. 248. 250. 253. 254. 266. 268. 271. 280. 298. 302. 305. 306. 310. 324. 329. 332. 336. 342. 346. 348. 352. 354. 356
- Социальные отношения 21. 159. 175. 242. 244. 271. 279
- Социальные слои 23. 158. 160. 163. 176. 178. 180. 194. 195. 197. 220. 224. 247. 249. 264. 279. 348. 352
- Социальные термины 13. 105. 163. 217. 244. 260
- Социальные условия 32. 173
- Социальные явления 175. 225. 257
- Социологическая терминология 75
- Социология и социологи 75. 78. 94. 107. 145. 173. 177. 182. 253. 268. 269. 351
- Сочельник 185
- Союз (грамм.) 203. 290. 356
- 'Спина' 358
- Спирантизация 16. 17. 22. 27. 143. 187. 190. 254. 257. 278. 288. 293. 295. 297. 340
- Спирантная ветвь яфетических языков 5. 136. 150. 216. 231. 235. 254. 264. 265. 268. 282. 285. 288. 289. 294. 302. 305. 312. 316. 324. 347. 349
- Спирантная огласовка 138
- Спирантно-сбилянтные языки 6
- Спирантно-шипящие языки 6. 288
- Спирантные звуки 5. 6. 9. 19. 24. 28. 83. 132—134. 137. 139. 149. 217. 236. 259. 265. 286. 289. 295. 297. 305. 307. 314. 324. 326. 337. 374.
- Спирантные языки 9. 14. 254
- 'Способ' 356.
- Способ производства 117. 351
- 'Справа' 88
- 'Спрашивать' 247
- Спряжение 10. 67. 98. 99
- Сравнительная грамматика 5. 6. 11. 28. 73. 125. 146. 201. 202. 234. 255. 258. 290. 291. 323
- Сравнительная грамматика семитических языков 202. 234
- Сравнительная грамматика яфетических языков 5. 6. 48. 201. 202. 234. 255. 258. 290. 291. 323
- Сравнительная морфология яфетических языков 28
- Сравнительная семантика яфетических языков 215
- Сравнительная фонетика яфетических языков 5. 28. 234. 235
- Сравнительная степень 12. 14—17. 23—25. 27. 176. 228. 267
- Сравнительное изучение индоевропейских языков 1. 41. 164
- Сравнительный метод 40. 45. 107. 128. 183. 234—243. 323
- Средиземноморская культура 38. 210—212
- Средиземноморская проблема 171
- Средиземноморская территория 4
- Средиземноморские народы см. Население Средиземноморья
- Средиземноморские языки см. Языки Средиземноморья
- Средиземноморские яфетиды 265
- Средиземноморский круг 238
- Средиземноморский культурный район 346
- Средиземноморский мир 48. 161. 222. 227. 229
- Средиземноморский тип домов 32
- Средневековая Армения 45. 289
- Средневековая культура 146
- Средневековая литература 238
- Средневеково-письменные языки 181
- Средневековые памятники 2
- Средневековые романы 102. 345
- Средневековый латинский роман 47. 48
- Среднеперсидский язык 349
- Средние века 2. 33. 100. 124. 153. 206. 209. 352
- Средний залог 67
- Средний род 68. 100. 112. 175
- Средства передвижения 47. 59. 99. 125. 128. 137—145. 147. 149. 193. 196. 294
- Стадии развития (стадийное развитие) 3. 4. 10. 32. 40. 52. 63—68. 70. 79. 83. 85. 86. 92. 97. 99. 105—107. 110. 113. 119—122. 130. 140. 159—162. 164—167. 170. 172. 174. 176. 177. 180. 181. 183. 184. 186. 187. 191. 193—197. 224. 234. 248. 249. 252. 259. 270. 273. 280. 283. 285. 288. 290. 300. 305. 306. 355
- Стадное звукоиспускание 3
- Стадные объединения людей 3
- Стадное общество 3. 7
- Стало 105. 168. 184
- 'Стакан' 323
- Старославянский язык 20. 136. 137. 143
- Старофранцузский язык 129. 130
- 'Старший' 15
- Статическая грамматика 323. 327
- Статическое изучение языков см. Индоевропейское языкознание
- 'Стая' 105
- 'Стекло' 322. 323
- Стела 314
- Степени сравнения 12. 14—17. 23—25. 27. 176. 228. 267
- Степень озвонченности звуков 6. 14. 15. 320
- Стиль 214
- Стихи 205. 208. 317. 353
- 'Сто' 105. 274. 275. 277. 303
- Стовки 49
- Стоимость 77
- 'Столб' 358
- 'Столп' 31. 309
- 'Сторона' 281. 282. 297
- 'Стояние' 105
- 'Стоять' 332
- 'Страдание' 19
- 'Страна' 87. 101. 123. 186. 246. 297. 324. 325
- 'Страус' 336
- 'Страшилище' 230. 245
- 'Стрела' 303. 321. 333
- 'Стремянной' 134
- Строительный материал 32
- 'Строительство' 309. 354
- 'Строка' 234—236
- 'Строчение' 234
- 'Строчка' 236
- Структура языков (строй) см. Типология языка
- 'Стуа' 227. 265
- Ступени развития см. Стадии развития
- Ступени развития флективного строя 66

- Ступени типологического развития 6
 Субарский язык 190. 198. 355
 Субары 114. 191. 196. 198. 355
 Субъект (синт.) 91. 115. 116. 118. 188
 'Суверен' 260
 'Сугубый' 304
 'Судья' 332
 'Судьба' 144. 169. 240. 241. 322. 323. 327
 Сужение гласных 17. 18
 'Сумасшедший' 307
 Сумерский язык см. Шумерский язык
 Сумеры см. Шумеры
 Суоми 101. 102. 123. 143. 144. 168. 183. 192.
 196. 229. 230. 247. 257. 263. 267. 275. 287.
 302. 305
 'Супруга' 317. 336
 'Супружество' 198
 Суффиксы 11. 15. 16. 18—22. 24. 27. 69. 103.
 129. 133. 138. 175. 189. 203. 204. 208. 209.
 216. 224. 225. 227. 255. 277. 282. 290. 312—
 314. 325. 330. 339. 345. 354. 357
 'Суша' 110
 'Сушеная рыба' 146
 'Существовать' 67. 87. 88
 Существительные см. Имена существительные
 Схоластическая грамматика 91
 Схолии 201. 344
 'Счастье' 193
 'Счастливыи' 88
 Счет 247. 275. 276. 282. 292. 296
 'Считать' 247. 330
 'Сын' 89. 228. 354
 'Сюсюканье' 150. 328
 Табасаранский язык 286. 289
 Табу 224
 'Табун' 268
 'Таким образом' 356
 'Так что' 284
 Талы см. Салы
 Талыши 350
 'Там' 189
 Тамга 72. 238
 Татуировать 224
 Татуировка 222. 224. 225. 238. 243
 'Татуировка' 224
 'Твердь' ('небо + земля') 33. 101. 110. 113. 319.
 337
 'Твой' 189
 Гворительный падеж 250. 261
 'Те' 188
 'Тезка' 239
 'Тезоименитство' 232
 'Тексты' 338. 340—342. 351—353
 'Теку' 163
 'Текущий источник' 317
 'Телега' 133. 143. 144. 202
 'Тело' 85. 110. 182. 183. 187. 196. 197. 223. 233.
 275
 'Темно-голубой' 202
 'Тень' 110. 114
 Теоретическое языковедение см. Языковедение
 Теория познания 100. 112. 120
 Теория человеческой культуры 44
 Теофорные имена 169. 191. 256. 263. 272. 357
 'Тепло' 108. 322
 'Теплый' 58
 Термины и терминология 8. 9. 11—14. 16. 17.
 19. 20—31. 33. 35. 37. 41—43. 46—49. 52.
 53. 55. 56. 59. 61. 64. 65. 69. 70. 74—76. 83.
 85—89. 91. 101—104. 106. 110. 112—114.
 123. 124. 126. 137. 139. 142—152. 157—160.
 162—168. 172. 173. 175. 176. 179. 180. 182—
 188. 190—193. 196. 198. 200—206. 208—211.
 213—218. 220—233. 235—245. 249—266.
 268. 270—281. 283. 284. 286—297. 299. 300.
 302. 304—306. 308. 311—315. 317—321.
 324—335. 337. 339—341. 346—349. 351—
 356
 Термины родства 42. 43. 89. 115. 175. 228. 244.
 Территориально-племенные объединения 7
 Техника 49. 69. 70. 72. 84. 99. 111. 117. 159.
 163. 197. 225. 228. 239. 268
 Техника мышления 91. 106. 109. 111. 112. 117.
 119—121
 Техника письма 36
 Техника словообразования 66. 176
 Техника языка 57. 78. 86. 91. 101. 108. 111.
 119. 244
 Технический язык 187
 'Течь' 37
 Тиндийский язык 263. 277. 290
 Типологическая трансформация языка 4. 5. 10.
 19. 31
 Типологические формации культуры 56
 Типологический метод см. Формальный метод
 Типологическое родство языков см. Родство
 языков
 Типология языка 4. 8. 10. 13. 31. 33. 37. 40. 63.
 64. 66. 71. 116. 177. 219. 251. 253. 331. 332.
 336.
 'То' 247
 Тобольский говор русского языка 185
 'Товар' 279
 'Только' 285
 'Толстая крупа' 185
 Топонимика 8. 9. 15—17. 19. 20. 25—27. 31. 53.
 53. 87. 105. 115. 142. 143. 153. 164. 168. 169.
 187. 190. 191. 202. 216. 217. 226. 233. 252.
 262. 263. 265. 278. 297. 313. 315. 321. 322.
 330. 337. 338. 347. 350. 353—357
 Топонимика Аквитании 27
 Топонимика Кавказа 15. 87. 187. 233
 Топонимика России 25
 Топонимика Черноморья 53
 'Топор' 16. 83. 103. 149—151
 Торговля 165. 168
 Торговые интересы 1
 Торговые пути 168
 Торговые связи 2
 'Торжище' 279
 'Торшиться' 89
 Тоскавская живопись 165
 'Тот' 188. 189. 192. 194
 Тотем 8. 12—18. 20—25. 69. 86—88. 92. 99.
 102. 103. 105. 110. 114—116. 124. 147. 164.
 176. 177. 183—188. 190. 191. 193—196. 198.
 216. 224. 230. 232. 238. 239. 241. 252. 263.
 272. 306. 350. 355—357.
 'Тотем' 87. 190. 192. 198. 223. 230. 231. 233.
 235. 238. 239. 240. 241. 243. 296. 315. 332.
 355. 356
 Тотемические общества 105.

- Тотемическое мышление 120
 Тотемное происхождение слов см. Племенное происхождение слов
 Тотемное словотворчество 13
 Тотемные термины 13. 14. 17. 20. 23—26. 30. 138. 181. 196. 272. 274. 332. 354. 356
 Тотемный бог 14. 19. 2. 23. 53. 147. 165. 227. 237. 252. 254. 256. 257. 261—264. 272. 278. 306. 313
 Тотемный коллектив 194
 'Точить' 151. 331
 'Точья' 325. 331
 'Точное' 331
 Транскрипция 95. 203. 217. 279. 326. 338
 Третье лицо 91. 98. 177. 188. 189. 194. 198. 358
 Третий конгресс баскских изысканий 10
 Трехгласные корни 7. 13. 126. 231. 239. 258. 288. 317. 335. 336
 'Три' 105. 277. 284—287. 289. 291. 299. 301. 302. 304
 'Трибун' 227
 'Тридцать' 305. 306
 'Трижды' 282
 'Трон' 227
 Труд 55. 57. 71. 77. 80. 81. 95. 115. 116. 121. 151. 186. 248. 251 см. также: Разделение труда
 'Труд' 19. 356
 Трудные крики 79
 Трудные междометия 79
 Трудные рефлексy 79
 'Трудный' 358
 Трудящиеся 118. 272. 351
 'Труп' 85. 110
 'Трут' 49. 52
 Турбал кайская группа языков см. Шипящая группа яфетических языков
 'Туловище' 233
 'Туман' 160. 163
 Тунгусский язык 302
 Туранизм 149
 Турецкая система (семья) языков 113. 222
 Турецкие племена 231
 Турецкая группа языков 39. 231. 248. 288. 290. 301. 303—305
 Турецкий язык 44. 113. 128. 135. 137. 142. 145. 168. 192. 194. 202. 252. 276. 304. 305. 321. 355
 Турецкое население Азербайджана 313
 Турки 43. 108. 113. 124. 128. 142. 192. 194. 237. 275. 305
 Туркизация 261
 Туркофинская типология 251
 Турцизм 222
 'Туча' 160. 161. 163
 'Ты' 189
 'Тысяча' 274. 275. 277
 'Тычинка' 291
 'Тяга' 134
 'Тяжелый' 358
 'Убежище' 201
 'Уважаю' 356
 'Увесистый' 358
 Увязка языкознания с историей материальной культуры 56. 61
 'Углубление' 202. 324.
 Угорские языки 248
 Угрофинизация 261
 Угрофинны 231
 Угрофинские языки 63. 74. 231. 248. 250. 267. 304
 'Ударил' 102
 'Удар пальцем' 244
 'Удача' 17. 193
 'Удачный' 13. 17. 24. 88
 'Удивление' 187
 'Удивляться' 187
 Удинский язык 12. 215. 216. 258. 286. 290. 302
 Удины 12. 216. 258
 Удмуртский (отский) язык 87. 102. 128. 132. 139. 142. 147. 150. 151. 178. 229. 235. 246. 250. 260. 357
 Удмурты (вояки) 48. 128. 147. 178. 250. 354
 'Ужас' 187. 229
 'Ужасаться' 187
 'Ула' 134
 'Уземиться' 33
 'Узор' 59. 221. 225. 232
 'Узорчатый' 221
 Указательные местоимения 187
 Уканье 256
 Уклады общественные 187
 'Укол' 325
 Украинский язык 11. 20. 169. 171. 193. 194. 266
 Украинцы 22. 93. 169. 171. 172. 193. 194. 266
 'Улыбка' 108
 Умбры 31
 Уменьшительные формы 32. 345
 Университеты 312. 354
 Унификация языков 71—73
 Урало алтаизм 149
 Урало-алтайская группа языков 248. 288
 Ураническая система языков 284
 Урартский язык см. Халдский язык
 Урарту (урартцы) 169. 170. (см. также: Халды)
 'Усадьба' 193
 'У себя' 115
 Устная литература 146
 'Утренник' 24
 'Утренняя заря' 20
 'Утро' 24
 'Ухо' 102
 'Учение' 227
 Учение о рефлексax см. Рефлексология
 Учение об яфетическом словообразовании см. Яфетическая морфология
 Ученые (специалисты) 2. 10. 26. 36. 40—43. 47. 48. 50. 52. 55. 57. 58. 61. 62. 66. 72—77. 86. 88—90. 94. 96—98. 101. 103. 106. 107. 109. 112. 113. 118. 120. 122. 124—126. 128. 129. 141. 143. 145. 153. 155—157. 170. 173. 179. 181. 182. 191. 193. 199. 201. 203. 203—210. 219—221. 227. 230. 234. 239. 241. 247. 251. 260. 269. 270. 277. 300. 309. 312. 316. 324. 325. 328. 329. 331. 332. 336—338. 341—344. 346—349. 354. 355
 'Ущелье' 303
 'Уши' 292
 Ушкульский говор сванского языка 201

- 'Фалл' 184
 Фамилии 26. 195. 263. 254
 Феодализм 168. 190. 352
 Феодальная греческая общественность 357.
 358
 Феодальная грузинская группа греческой ори-
 •нтации 357
 Феодальная среда 39
 Феодальное сословие 352. 358
 Феодальные республики 245
 Феодальный язык 184. 190. 191. 197. 353. См.
 также: Армянский феодальный язык. Гру-
 зинский феодальный язык.
 Феодалы 2. 102. 168. 272. 352. 353. См. также:
 Армянские феодалы. Грузинские феодалы
 Фессалийский язык 202
 Фессалы 202
 Фибула Корсини 346
 'Фигура' 106. 233
 Физиология 81. 107. 252
 Физиология звуков 252
 Филиация понятий 11. 31
 Филлистимляне 210. 212. 217
 Филлистимлянский язык 217
 Филология и филологи 155. 181. 215. 338. 356
 Философия и философы 49. 51. 55. 56. 90. 95.
 98. 100. 104. 107. 112—115. 119. 200. 249
 Философия лингвистики 69
 Финикийские боги 214
 Финикийские культы 217
 Финикийский мир 318
 Финикийское письмо 222
 Фивийцы 8. 13. 217. 328. 336. 345
 Финны 48. 101. 102. 123. 124. 143. 144. 166.
 169. 173. 183. 192. 196. 198. 229. 230. 247.
 257. 263. 267. 272. 275. 284. 312. 321. 357.
 См. также: Восточные финны, Мари, Запад-
 ные финны, Приволжские финны, Удмурты,
 Суоми.
 Финская группа языков 39. 222
 Финские языки 38. 39. 87. 101. 123. 142—144.
 147. 166. 192. 198. 229. 230. 243. 248. 255.
 258. 267. 275. 284. 287. 301. 305. 321. 325.
 См. также: Восточнофинские языки, За-
 паднофинские языки.
 Финский мир 47. 192. 356
 Финский район 229
 Финский север 165. 166. 170
 Флексия 9. 10
 Флективность 6. 10
 Флективные склонения 10
 Флективные языки 7. 10
 Флективный строй языка 6. 10. 329. См.
 также: Индоевропейский тип флективного
 строя языка, Семитический тип флектив-
 ного строя языка
 Фокейский язык 300
 Фольклор 42. 51. 140
 Фонемный язык 178
 Фонетика и фонетисты 16—18. 28. 103. 104.
 111. 127. 135. 202. 312
 Фонетические законы см. Звуковые законы
 Фонетические корреспонденции см. Звуковые
 корреспонденции
 'Форель' 123. 146
 Форма слова 6
- 'Форма' 233. 238
 Формальная логика 112. 118. 120
 Формальное языкознание см. Индоевропейское
 языкознание
 Формально-логическое мышление 109. 112
 Формально-сравнительный метод см. Сравни-
 тельный метод
 Формальный анализ 185. 190. 243. 339. 354
 Формальный метод 45. 46. 57. 59. 76. 103. 157.
 170. 171. 181. 182. 300. 325. 341. 357
 Формативы 19. 24. 133. 312
 Формации языков 44. 51. 59
 Формы показателей множественности 7. 14
 Формы хозяйственной жизни 3
 Фразеология 152
 Фразы 71. 98. 115. 241. 317. 344
 Фракийский язык 17
 Французская Академия наук 76
 Французская культура 124
 Французский Институт антропологии 41
 Французский язык 9. 37. 65. 74. 79. 80. 82. 83.
 91. 92. 100—102. 105. 109. 110. 115. 132.
 134. 137—139. 142—144. 179. 180. 184. 191.
 194. 201. 249 См. также: Беарне
 Французы 10. 91. 92. 110. 144. 191. 250
 Фрески 203
 Фрикатив 204
 Фрикативность 19. 136. 137. 150. 233. 238. 282.
 290
 Функции звуков речи 7. 62. 93
 Функциональные слова 7. 71. 131. См. также:
 Аффиксы, Окончания, Префиксы, Суф-
 фиксы
 Функциональные согласные 7. 15
 Функциональные частицы 69. 313. См. также:
 Аффиксы, Инфиксы, Префиксы, Суффиксы
 Хазарский вопрос 170
 Хазары 166. 216. 322
 Халды 344
 Халдины см. Халды
 Халдские клинописные летописи 354. 355
 Халдский язык 63. 73. 170. 191. 201. 223. 275.
 279. 317. 336. 354. 355
 Халды 169. 170. 275. 354. 355
 'Халды' 184
 'Халиф' 195
 Хамитические языки 44. 244
 Хамиты 126
 'Хаос' 317. 340
 Хваршинский язык 277. 289
 'Хватается' 232
 'Хватать' 304
 'Хвост' 96. 223
 Хевсурский говор грузинского языка 166. 192
 Хевсуры 166. 192
 Хеттский мир 113. 268
 Хеттский район 22
 Хеттский язык 63. 73
 Хетты 37. 115. 346
 Хизаны 21
 'Хитрость' 102
 'Хлеб' 162. 163. 172. 177. 179
 'Хобот' 131. 132. 138
 'Ходба' 89
 'Ходить' 308
 'Хожу' 89

- Хозяйственная жизнь 3. 4. 32. 48. 57. 68. 81.
 141. 159. 249. 271. 355
 Хозяйственный строй 250
 Хозяйство 48. 71. 72. 77. 82. 97. 112. 135. 153.
 154. 159. 162—164. 249. 253. 268—270. 272.
 273. 294. 295. См. Мировое хозяйство,
 Социалистическое хозяйство
 'Холм' 201. 202
 'Холод' 108
 'Холодный' 333
 'Холодный год' 333
 Хороший' 11—15. 17—20. 22—25. 193. 265.
 267. 270
 'Храм' 206. 207. 215
 'Хребет' 358
 Христиане 12. 14. 195. 210. 212. 271. 329
 Христианизация 266
 Христианская культура 251
 Христианская церковь 95. 166. 214. 256. 264.
 266. 271
 Христианство 14. 85. 92. 100. 146. 165. 166. 169.
 205. 206. 212—214. 232. 233. 251. 254. 264.
 265. 271. 323. 351. 354
 Хтонические проридания 338
 Художественные произведения 45. 269
 'Худой' 267
 'Худший' 14. 267
 Хюркилинский язык см. Даргинский язык
 'Царапать' 221. 234
 Цари 2. 22. 165. 169. 200. 215. 256. 314. 329.
 '330. 350. 356
 'Царство небесное' 87
 'Царствует' 190
 'Царь' 87. 181. 260. 356
 Церкви (храмы) 32. 169. 185. 200. 203. 205.
 206. 209—215. 338. 350
 Церковь Воскресения в Иерусалиме 214
 Церковь св. Марка в Венеции 207
 Церковные организации пропаганды 2
 Цивилизованные народы 2
 'Циркуль' 325
 Цифры 247. 259. 274. 276
 Цова-гушинский язык см. Бацбийский язык
 Цова-гушины см. Бацбии
 'Чадра' 319
 Чамалальский язык 277
 Чанский (лазский) язык 6. 9. 12. 16—18. 100.
 114. 123. 127. 130. 132. 142. 172. 188. 189.
 192. 203. 204. 215. 216. 231. 232. 236—238.
 241. 250. 254. 258. 259. 261. 262. 264. 266.
 276. 277. 281. 283—288. 293. 301. 302. 304.
 305. 319. 328. 330. 333
 Чаны (лазы) 9. 12. 16. 18. 114. 132. 192. 204.
 216. 237. 250. 262. 264. 266. 286. 288
 'Чародействовал' 240
 'Чары' 240
 'Час' 88. 89
 'Часовня' 216
 Части предложения 71. 116. 117
 Части речи 66. 68. 71. 115—117. 122. 241. 246.
 248. 273. 274. 276
 Частная собственность 182. 188. 197
 'Частый' 274
 'Чаша' 243
 'Чекан' 232
 'Чеканить' 232. 237
 'Человек' 156. 191. 226. 275. 276. 281—284.
 292. 293. 305
 Человечество 177. 178. 219. 222. 223. 226. 241.
 242. 245—250. 257. 269—271. 274. 278—
 280. 283. 286. 307—309. 318. 340. 344. 346—
 348
 'Челюсти' 202
 'Червяк' 340
 'Чердак' 203
 Чередование двух- и трехстепенности в при-
 лагательных 25
 Чередование согласных 332
 'Через' 281. 357
 'Через него' 281. 357
 Черемисский язык см. Марийский язык
 Черемисы см. Мари
 'Череп' 201. 206
 'Черный' 96. 241
 'Черта' 235
 'Четверка' 292
 'Четвероногое' 293. 296
 Четвертичный период 180
 'Четыре' 277. 288. 291—296. 300. 302
 Чеченский (нахчинский) язык 12. 19. 262. 337
 Чечены (нахчи) 12. 19. 262. 337
 'Чинар' 52
 Числа 7. 31. 53. 69. 98. 100. 105. 112. 178. 188.
 189. 247—250. 258. 259. 270. 273—275. 277.
 280—283. 286. 289—296. 298. 300. 302. 304.
 358
 Числительные 68. 227. 246—250. 252. 254. 255.
 258. 259. 261. 268—271. 273. 276. 277. 280—
 286. 288—306
 Числительные частицы см. Нумеративные
 слова
 'Число' 329
 Числовые представления 298
 Числовые термины см. Нумеративные слова
 'Чистый' 191. 255. 256. 345
 'Читать' 229. 240. 247
 Член (грамм.) 9. 99. 100. 129. 146. 183. 188. 194.
 277. 280. 320
 Членораздельная речь 80. 87. 97
 Чолурский говор сванского языка 201
 'Чорт' 250. 267
 'Чтение' 240
 'Что' 284
 'Что-нибудь' 282
 'Что-либо' 282. 284. 285
 'Что-то' 285
 'Чуваш' 263
 Чуваши 37. 142. 143. 169. 192. 196. 250. 251.
 258. 260. 261. 266. 268. 272. 300. 301. 305.
 307. 316
 Чувашский язык 37—39. 63. 87. 123. 128. 130.
 137. 142—145. 150. 169. 192. 221. 222. 225.
 227. 231. 232. 250—253. 257. 258. 260. 261.
 265—268. 272. 275. 276. 290. 300—302. 304.
 305. 307. 316. 321. 330. 332
 'Чудо' 229. 230
 'Чудовище' 23. 115. 229. 340
 'Чудь' 170. 312
 'Чужой' 190. 193. 278. 279. 287
 'Чурбан' 250
 'Чья-то' 280

Шавшетский говор грузинского языка 216

'Шаг' 293. 307

'Шамая' 240. 268

'Шатер' 309. 324

Шепелявость 150

Шестнадцатый съезд ВКП(б) 120

'Шест' 291

'Шесть' 259. 285. 288. 289. 302

'Шестьдесят' 301. 306

Шип'сый слой населения Армении 21

Шипящая группа яфетических языков 5. 6.
9. 14. 15. 23. 30. 33. 47. 129. 135. 136. 150.
172. 187. 188. 204. 215. 216. 227. 229. 231.
234—238. 253. 255—259. 261. 265. 263. 277.
278. 281. 285—289. 291. 293—295. 297.
300—305. 312. 315. 316. 318. 320. 322. 323.
326. 327. 329—332. 334. 335. 346. 349. 353.
375.

Шипящие звуки 236. 286. 290. 333

Шипящий слой сванского языка 236. 258. 259.
330. 332

'Шить' 59. 221. 225

'Шитье' 234

'Шиска' 209

'Штука' 276

Шумерский тотем 115

Шумерский язык 9. 53. 63. 74. 101. 109. 123.
126—128. 190. 194. 198. 231. 233. 246. 252.
272. 303. 312. 316. 321. 326. 327. 339. 346—
348

Шумеры 20. 37. 53. 101. 109. 114. 123. 126.
127. 141. 142. 170. 196. 198. 252—254. 257.
272. 278. 310. 327. 347

'Щель' 317. 323

'Щелчок' 244

'Щенок' 127

Эволюция человеческой речи 7. 9. 15. 31. 36.
40. 72. 106. 111. 140. 239

Эгейская предистория 172

Эгейский мир 318. 336. 337

Эгейский район 44. 337

Эгейское искусство 171

Эканье 53. 127. 133. 145. 187. 256. 257. 259.
265. 268. 285. 356. 357

Экающая группа 6. 319. 335

'Экземпляр' 286

Экзогамия 195

Экономика см. Хозяйство

Экспедиция по изучению ручной речи в Ка-
закском районе 108

Эксплуатация 119. 351

Эктения 256. 326

Эламский (сузский) язык 63. 73. 165. 166. 282.
290

Эламиты 170

Элементы лингвистические 39. 57. 58. 69. 89.
97. 101. 102. 131. 158—161. 163. 164. 166.
180. 181. 183. 185. 187—192. 195. 226. 241.
251. 252. 255—265. 267. 272. 274—276. 278.
279. 282. 285. 287—296. 300—303. 306. 315.
316. 318. 321. 322. 325. 326. 329—331. 333—
336. 338—342. 346—349. 354. 356. 357

Эллинистическая астрология 344

Эллинисты 115

Эллинская культура см. Греческая культура

Эллинские племена 201

Эмблемы 319

Эмпиризм 83

Эмоциональные междометия 79. 80

Эндогамия 195

Эпиохи 167

Эпентезис 297

Эпиграфика и эпиграфисты 203

Эпикурейцы 55

Эпитеты 51

Эпифания неба 29. 32. 202. 325

Эпические герои 259. 264. 266. 350

Эпонимы 15. 19. 23. 167

Эпос 2. 3. 39. 121. 140. 146. 261. 266. 268. 303.
313. 345. 350

Эпоха каменных орудий 273

Эпоха сословной общественности 13

Эрзя диалект мордовского языка 102. 250.
284

Эрзяне см. Мордовцы-эрзя

Эстонский язык 142. 192. 230. 257. 267. 287

Эсты (эстонцы) 142

Этапы развития яфетической теории 61

'Этим образом' 356

Этимология и этимологи 11. 24. 134. 146. 186.
191. 206. 208. 210. 211. 217. 296. 314. 319.
332. 334. 345. 346. 349. 354

Этиуви 215. 216

Этиунский язык 215. 216

Этнические группы и слои 13. 173. 210. 214.
217. 271

Этническая культура 37. 38. 44. 46. 145. 216

Этнические названия 8. 13—29. 31. 37. 47. 48.
53. 58. 67. 102. 114. 115. 123. 124. 126—139.
142—149. 164—169. 176. 177. 181. 182. 184.
186—188. 190. 191. 193. 195. 196. 202. 216.
217. 224—233. 235—241. 243. 246. 249.
251—257. 260—263. 265. 267. 271. 272. 274.
275. 278. 282. 283. 287. 288. 292. 295—297.
303. 311. 312. 314. 315. 325. 333. 347. 350.
355. 357

Этнические образования 14. 21. 24. 167. 168.
195. 196. 204. 253. 283. См. также: Племена

Этническое словотворчество 32

Этногонические связи 22

Этногонии 21. 22. 74. 160. 196. 288. 296

Этнография и этнографы 58. 85. 107. 180. 311.
321

Этнологическое отделение ГАИМК 40

Этнология и этнологи 3. 33. 43. 46. 52. 58. 59.
64. 78. 94. 107. 221. 251. 253. 311

Этнологическое общество в г. Орд-
жоникдзе 94

Этнос 180. См. также: Племя

Этно-топонимика 354. 355

'Этот' 189. 192

'Этруск' 13. 27

Этруски (расены) 12. 13. 17. 18. 20. 23—26. 29.
31. 38. 53. 58. 132. 142. 148. 157. 160. 167.
217. 252. 315

Этруская игральная кость 296

Этрусские племенные слова 30. 48. 126. 129.
136. 138. 139. 148. 227

Этрусский (расенский) язык 2. 12. 25. 27—29.
63. 72. 74. 126. 158—161. 163—165. 180.
192. 216. 217. 252. 296. 297. 312. 315. 321.
350. 334. 347

- Этрусское влияние на италийскую топонимику и ойномастику 26
- Этрусология и этрускологи 296
- Эфиопский язык 258. 293. 339
- Эцерский говор сванского языка 201
- Южноаравский язык 293
- Южносемитические языки 294
- Южнославянский мир 323
- Юкагирская этническая культура 37. 38
- Юкагирский язык 37. 38. 268. 271
- Юкагиры 37. 38. 52. 268. 271
- Юристы 76
- 'Яблоко' 208
- 'Являться' 356
- 'Явный' 191
- 'Ягневок' 69. 74. 284. 295
- 'Я есмь' 89. 188
- Языги 311
- 'Язык' 181
- Язык ахеменидских клинообразных надписей (второй категории) 73. 265. 354. См. также: Новоламский язык
- Язык ванских клинообразных надписей 73. 223 317. См. также: Халдский язык
- Язык жестов и мимики. См. Линейный язык
- Язык животных 80—83
- Язык как источник познания 93. 95. 155
- Язык как надстройка 3. 77. 91. 97. 101
- Язык как орудие классово-борьбы 91. 109. 119
- Язык, как орудие общения 119
- Язык, как орудие общности 13. 56
- Язык, как орудие производства 108. 109. 116. 118
- Язык клинописных надписей 28. 73. 223. 265. 317. 327. 364
- Язык месопотамских клинописных надписей 327
- Язык трудящихся 272
- Языки Азии см. Азиатские языки
- Языки Африки см. Африканские языки
- Языки восточной Европы см. Восточноевропейские языки
- Языки доэллинической культуры 44
- Языки Европы см. Европейские языки
- Языки западной Европы см. Западноевропейские языки
- Языки Keltum 305
- Языки мира 74. 94. 95
- Языки-примитивы 5. 6. 10. 12. 44
- Языки Средиземноморья 27. 68. 73. 131. 225. 301. 305. 316. 346
- Языки СССР 94. 153
- Языковая культура 72. 197. 312
- Языковедное мышление 49
- Языковое строительство 93
- Языковые нормы 7. 10. 30. См. нормы языка
- Языковые раскопки 25. 36. 248. 300. См. также: Палеонтология речи
- Языкознание и языковеды 1. 3. 6—8. 22. 26. 27. 29. 32—34. 40—44. 49. 52. 55—58. 60—63. 66. 68. 70. 73—76. 85. 94. 95. 98. 101. 103. 104. 107. 120. 121. 125. 127. 134. 139. 140. 142. 151—155. 173—175. 177. 181. 182. 185. 199. 200. 208. 215. 219. 220. 223—225. 227. 234. 238. 242. 243. 253. 267. 270. 280. 296. 312. 325. 348
- Языкотворческий процесс см. Глоттогония
- Языкотворчество 104
- Языческие божества 192. 210. 213. 264. 266. 329
- Языческие верования 165. 320. 352
- Языческий бог 14. 233 258
- Язычество 212. 260. 264. 265. 272
- 'Язычник' 14. 195. 196. 254
- Язычники 213
- 'Яма' 202. 206. 216
- Японский 239. 260
- Японцы 239
- 'Ярмо' 338. 339. 347
- 'Я сам' 12
- 'Ясный' 191. 256
- Яфетидизм 10. 51
- Яфетидологическая литература 183
- Яфетидологическая этимология 206
- Яфетидологические разыскания 324
- Яфетидологический анализ 182. 211. 225. 299. 313. 326. 354
- Яфетидология см. Яфетическая теория
- Яфетиды 4. 6—8. 10. 12. 15—18. 20. 22. 23. 25—29. 33. 39. 40. 47. 48. 53. 112. 128. 132. 138. 141. 145. 150. 166. 168. 170. 171. 183. 184. 187. 192. 201. 202. 211. 214—217. 231. 233. 235. 237. 250. 251. 253. 262. 265. 266. 268. 272. 280. 284. 286. 296—298. 302. 303. 312. 320. 329. 331. 333. 335. 347
- Яфетическая культура 272
- Яфетическая морфология 7. 28. 327
- Яфетическая палеонтология речи 16. 28. 30. 31. 89. 115. 127. 134. 140. 182. 201. 203. 206. 208. 217. 298. 328. 332. 342. 344
- Яфетическая подоснова греческого языка 26
- Яфетическая Русь 25. 29
- Яфетическая система (семья) языков 12. 74. 86. 100. 101. 113. 180. 183. 184. 191. 194. 195. 200. 216. 219. 248. 261. 277. 284. 294. 295. 297. 300. 310—312. 324. 355
- Яфетическая семантика 202. 206. 215. 243. 318. 322. 331. 338
- Яфетическая теория и яфетидологи 2—5. 8, 11—13. 16. 18. 20. 21. 24. 26. 27. 30—38. 40—42. 44. 51. 52. 55—58. 61—63. 65. 70. 73—76. 81. 85. 89—93. 98—101. 104. 106. 108. 109. 115. 118—120. 122. 123. 131. 140. 154. 155. 167. 171. 173—177. 181. 182. 195. 198—201. 208. 209. 219—228. 234. 242. 243. 248. 253. 296. 297. 299. 300. 309. 311. 313. 326. 327. 332. 346—349
- Яфетическая фонетика 202. 327
- Яфетические именные окончания 14. 297
- Яфетические термины 16. 20. 37. 126. 129. 165. 168. 283. 295. 319. 336. 341
- Яфетические элементы в германских языках 5
- Яфетические элементы (переживания) в индоевропейских языках 7. 13. 15. 19. 23. 210. 230
- Яфетические языки 4—7. 10. 12. 13. 15. 17. 19. 20. 23—25. 28—31. 33. 34. 36—40. 42. 46. 47. 51. 53. 58. 63. 74. 86. 100. 101. 103. 131. 132. 135. 138. 139. 147. 149. 150. 163. 171. 172. 178—180. 183. 184. 187. 188. 191. 192. 194. 195. 200—205. 208. 211. 215—217. 219. 222. 227. 231. 233—237. 239. 240. 244. 246. 248. 253. 255. 256. 261—263. 265. 266. 268.

272. 274. 276—281. 284. 286. 288—291.
294—298. 300. 302—305. 310—312. 317. 318.
320. 322. 330. 332. 333. 335. 345—347
- Яфетические языки Кавказа 12. 15. 28. 38—
40. 46. 51. 53. 58. 63. 74. 100. 101. 117. 163.
171. 172. 192. 215. 219. 222. 231. 235. 236.
246. 250. 258. 262. 266. 281. 284. 300. 302.
304. 305. 322. 327. 332.
- Яфетический мир 35. 145. 171. 261. 297
- Яфетический субстрат индоевропейского насе-
ления Европы 5
- Яфетическое произношение 14. 15. 18. 261
- Яфетическое происхождение языков Средизем-
номорья 27
- Яфетическое словотворчество 149
- Яфетическое (доисторическое) состояние индо-
европейских языков 25
- Яфетическое языкознание см. Яфетическая
теория
- Яфетическо-индоевропейские языки 201
- 'Ячмень' 101
- 'Яшик' 324

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия Наук
ВЗ — Восточные Записки
ВКА — Вестник Коммунистической Академии
ВС — Восточный Сборник
ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры
ГПБ — Государственная Публичная Библиотека
ДАН — Доклады Академии Наук
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ИАН — Известия Академии Наук
ИГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры
ИКП — Институт Красной Професуры
ИЛЯЗВ — Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока
ИР — Избранные работы Н. Я. Марра
ИРАИМК — Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры
КИАИ — Кавказский Историко Археологический Институт
КИПС — Комиссия (АН) по изучению племенного состава населения России
- МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию
НВ — Новый Восток
ОИФАН — Отделения исторических и филологических наук АН
ПБ — Публичная Библиотека
ПП — Песня песней
ПЭРЯТ — По этапам развития яфетической теории
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
ТР — Тексты и разыскания по кавказской филологии
ХВ — Христианский Восток
ЯС — Яфетический сборник
ЭО — Этнографическое обозрение
AG — Hubschmann, Armenische Grammatik
Ep. Gilg — Epos — Gilgames
JS — Japhetische Studien
KAT — H. Zimmern. Die Keilinschriften und das alte Testament
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
PB — Deimel, Pantheon Babylonicum

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	V—XVIII
Об яфетической теории	1—34
Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры	35—60
Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории	61—77
К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова	78—84
Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'	85—89
Язык и мышление	90—122
Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории	123—151
К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории	152—179
Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений	180—198
Некоторые архитектурные термины, означающие 'свод' или 'арка'	199—218
Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории	219—245
О числительных	246—306
Иштарь	307—350
Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста	351—358
Приложения:	
1) <i>Указатель литературных работ и источников</i>	361—366
2) <i>Указатель разбираемых или упоминаемых терминов</i>	367—381
3—4) <i>Указатель именной и мифологических имен</i>	382—384
5) <i>Указатель географических названий</i>	385—386
6) <i>Указатель предметный</i>	387—421
Список сокращений	422